

ВОЖДИ И ТИРАНЫ

ВЕК

XX
ВЕК

ВОЖДИ
И
ТИРАНЫ

МИНСК
СОВРЕМЕННЫЙ
литератор
1998

УДК 930.9
ББК 63.3(0)
В 63

Серия основана в 1998 году

Автор-составитель *Р. Н. Гришко*

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части, а также реализация тиража запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

В 63 **Вожди и тираны** / Авт.-сост. Р. Н. Гришко. — Мн.: Современ. литератор, 1998. — 608 с. — (XX век).

ISBN 985-6524-38-5.

В сборнике «Вожди и тираны» представлена целая галерея кратких жизнеописаний диктаторов, тиранов и национальных вождей XX века. Это своеобразный справочник-путеводитель по дорогам свершения и главное — ошибок, которые совершились не только отдельными людьми, но и целыми народами, которые вынуждены были расплатиться за них потоками крови и миллионами жертв.

УДК 930.9
ББК 63.3(0)

ISBN 985-6524-38-5

© Современный литератор, 1998

Оглавление

Введение	5
Амин Дада Иди (р. 1925)	7
Антонеску Ион (1882–1946)	39
Ататюрк (Кемаль) Мустафа (1881–1938)	61
Батиста Фульхенсио (1901–1973)	79
Бокасса Еддин Ахмед (Жан Бедель) (1921–1996)	96
Борис III (1894–1943)	107
Гарсия Меса Техада Луис (р. 1930)	118
Гитлер Адольф (1889–1945)	124
Греческая хунта полковников (1967–1974)	129
Доу Самуэль (1951–1990)	150
Дювалье Франсуа (Папа Док) (1907–1971)	156
Дювалье Жан Клод (Бэби Док) (р. 1951)	186
Живков Тодор (1911–1998)	202
Квислинг Видкун (1887–1945)	221
Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924)	232
Мао Цзедун (1893–1976)	235
Маркос Эдралин Фердинанд (1917–1989)	251
Мачадо-и-Моралес Херардо (1871–1939)	264
Мехия Виктор Оскар Умберто (р. 1930)	274
Мобуту Сесе Секо (р. 1930)	277
Муссолини Бенито (1883–1945)	304
Норьега Морена Мануэль Антонио (р. 1938)	330
Пак Чжон Хи (1917–1979)	345
Пилсудский Юзеф (1867–1935)	359
Пол Пот (Салот Сар) (1927? 1928 – 1998)	391
Сомоса Гарсия Анастасио (1896–1956)	408
Сомоса Дебайль Анастасио (1925–1980)	417
Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879 – 1953)	423
Стресснер Альфредо (р. 1912)	426
Трухильо Молина Рафаэль Леонидас (1891–1961)	444

Троцкий (Бронштейн) Лев (Лейба) Давидович (1879–1940)	453
Убико Хорхе (1878–1946)	473
Франко (Баамонде) Франсиско Паулино Арменегильдо Теодуло (1892–1975)	480
Хайле Селассие I (1892–1975)	501
Ходжа Энвер (1908–1985)	520
Хомейни Рухолла (Саид Рухолла Мусави) (1900–1989)	538
Хорти Миклош (1868–1957)	560
Чаушеску Николае (1918–1989)	578
Литература	602

ВВЕДЕНИЕ

Сборник «Вожди и тираны» представляет собой ряд кратких жизнеописаний диктаторов и тиранов 20 века. Это своеобразный справочник-путеводитель по дорогам ошибок, которые совершали не отдельные люди, а целые народы, расплачиваясь за неверные шаги кровью, насилием, ужасами террора.

Вслед за Цицероном десятки поколений заученно повторяют азбучную, казалось бы, истину: «История — наставница жизни». Рискнем не согласиться с философом. Нам кажется, что в данном случае великим оратором руководило не стремление к истине, а тяга к красоте слога. История учит? Да ничему она не учит! Из века в век, из страны в страну человечество упорно наступает на одни и те же грабли, невзирая на весь опыт прошлого. Когда государство вступает в полосу экономической нестабильности и политических передряг, когда прежняя спокойная и налаженная жизнь сменяется суетливым существованием в веренице бесконечных проблем, выход из кризиса видят в одном и том же. Не только простые люди, но и искушенные политики зачастую надеются на «сильную личность», которая твердой рукой «наведет порядок», «восстановит производство», «решит проблему преступности» и т.д. и т.п. Вот такой метод. Очень простой. По принципу: «Сила есть — ума не надо».

Уж сколько раз твердили миру: «Не сотвори себе кумира!». Никто не прислушивается. Поток вождей, дуче, фюреров, отцов народа не иссякает. Вождь, «сверхчеловек» ведет за собой массы? Неверно. Это народ сам дает себя вести. Такова психология толпы. «Не надо думать, с нами тот, кто все за нас решит». А кто сомневается во вселенской мудрости «великого отца», тому объяснят, что к чему просто и доходчиво.

В 20-м веке только отдельные нации сумели избежать диктатуры. Говорят, каждый народ имеет то правительство, которого заслуживает. Но ведь диктатор в одиночку беспомощен. Помните, у Маяковского: «Один, даже если очень важный...»? Тиран становится силой, довлеющей над обществом, когда у него есть поддержка многочисленных добровольных помощников. И поэтому, может быть, люди и в самом деле заслужили все это: геноцид, концлагеря, попрание человеческих прав и свобод.

Диктатуры похожи. Они характеризуются одинаковыми чертами: подавлением личности, террором, попытками контролировать мысли и чувства людей, держать массы в повиновении и страхе, коррупцией, моральным разложением носителей власти.

Но несмотря на типологическую схожесть, все диктатуры разнятся. Страдания каждого человека индивидуальны. Фашистские режимы в Европе середины века во главе с гитлеровским, патологически жестокие и бесчеловечные, с их планами геноцида в мировом масштабе, стоили человечеству многих миллионов жизней.

Бывают счастливые исключения, когда руководитель государства, опираясь на тоталитарные методы управления, действительно способствует процветанию страны. Классический пример — диктатура Ататюрка в Турции.

В данном издании только несколько десятков жизнеописаний. Диктаторов в наш беспокойный век было и есть больше, гораздо больше. Чтобы рассказать о всех — не хватит нескольких томов. В Латинской Америке, о которой стоило бы написать отдельную книгу, государственные перевороты случаются чуть реже, чем смена времен года. Здесь отобраны те, кто больше других на слуху, чьи «заслуги» особо отмечены судом истории. Составитель старался преподнести материал по возможности сухо, бесстрастно, излагая только факты, а читатель пусть составляет собственное мнение и делает выводы. Задуматься есть о чем. Ведь все повторяется, а история ничему не учит.

АМИН ДАДА ИДИ (Р. 1925)

Иди Амин — человек, с именем которого связаны представления о жесточайшем терроре, холодящих кровь убийствах, крикливом самолюбовании собственной всесильностью.

Истоки истории жизни этого человека следует искать на крайнем северо-западе Уганды, где сходятся границы Судана и Заира. Там живут несколько суданских народов, разводящих скот на засушливых местных пастбищах, и именно там в маленькой хижине с травяной крышей шлемовидной формы между 1925 и 1928 годами (большинство исследователей сходятся все же на дате 1925 г.) и родился будущий третий президент Уганды Иди Амин. Его отец принадлежал к народу каква, живущему в приграничных районах Судана, Заира и частично Уганды, мать — к другому центральносуданскому народу, лугбара. Ее считали колдуньей, и солдаты из казарм частенько обращались к ней за «львиной водой» — чудодейственным напитком, якобы придающим мужчине сил в бою и любви.

Ребенок родился тяжело, поскольку был необычайно большим — весил почти пять килограммов. И потом, уже взрослым, Иди Амин всегда отличался внушительными размерами — весил под 110 килограммов при росте более 1 метра 90 сантиметров.

Мать рано оставила отца и отправилась странствовать по свету, прихватив с собой сына. Сначала она работала на плантациях сахарного тростника, принадлежавших одной из богатых семей азиатского происхождения — Мехта. Затем связь матери мальчика с неким капралом Королевских африканских стрелков привела его в казармы Джинджи.

Уже тогда, по свидетельствам очевидцев, Иди Амин

отличался стремлением властвовать, применяя для этого физическую силу, поскольку был крупнее своих сверстников. К шестнадцати годам он принял ислам. Так Амин стал ассоциироваться с «нубийцами» — потомками тех самых «суданских стрелков», которые составляли костяк угандийской колониальной армии.

Шло время, Иди Амин жил при казармах. Его будущность считалась predetermined — военная карьера. Пока же 17-летний великан зарабатывал себе на жизнь продажей мандази — сладкого печенья — в районах казарм Джинджи. К этому времени он выучился недурно играть в регби. С английским языком дела обстояли значительно хуже, Амин освоил несколько английских фраз, в основном ругательного содержания, но умел четко произносить: «Йес, сэр». А вообще он немного говорил на языках каква и лугбара — языках своих родителей, немного на суахали и относительно неплохо на «нубийском» — испорченном арабском, на котором до сих пор говорят выходцы из дистрикта Западный Нил в Уганде.

С 1946 г. Амин служил в армии в качестве помощника повара. Это, впрочем, не помешало ему потом утверждать, что он участвовал в боях второй мировой войны — сражался в Бирме и даже якобы был награжден за храбрость. Благодаря своей недюжинной физической силе, он в 1948 г. выбился в капралы 4-го батальона Королевских африканских стрелков.

По свидетельствам очевидцев, Амин лез из кожи вон, чтобы выглядеть образцовым воякой: его ботинки были всегда начищенными до блеска, на нем безупречно сидела форма. Он был первым в спортивных состязаниях и первым в карательных экспедициях. Его военной карьере, правда, помешало то, что в 1950 г. у него было впервые зарегистрировано венерическое заболевание. Это считалось у «высокоморальных» британских офицеров серьезным минусом, но тем не менее лишь задержало продвижение Амина по службе, а не воспре-

пятствовало ему. Он служил в Кении во время восстания Мау-Мау, и сохранилось много свидетельств его жестокости по отношению к повстанцам. К тому же в 1951–1952 гг. он завоевал титул чемпиона по боксу в тяжелом весе среди королевских африканских стрелков. Вот как характеризует капрала Амина один из его непосредственных начальников И. Грэхем: «Он поступил на армейскую службу, не имея практически никакого образования; справедливо будет сказать, что до 1958 г. (когда ему исполнилось около тридцати) он был абсолютно неграмотным. В начальный период восстания Мау-Мау в Кении Амин оказался в числе нескольких капралов, проявивших выдающиеся способности — умение командовать, храбрость и находчивость. Поэтому немудрено, что его повысили в звании». В 1954 г., после прохождения Амином курса обучения в военной школе в Накуру, где ему преподавали и основы английского языка, он получил чин сержанта.

Чин эффенди (промежуточный между сержантским и офицерским) Амин получил лишь в 1959 г., закончив специальные курсы в Кении. Да и то лишь после нескольких попыток — камнем преткновения был все тот же английский язык, определенное знание которого требовалось от кандидатов на звание.

Следует упомянуть, что в те времена британские офицеры и их жены считали своим долгом учить будущих угандийских офицеров хорошим манерам. Тот же Грэхем, который накануне провозглашения Уганды командовал ротой, в которой жил эффенди Амин, вспоминает, в частности, такой эпизод. Среди прочих мер по повышению уровня образования кандидатов в офицерский корпус грядущей угандийской армии была и такая — чтобы научить их цивилизованному обращению с собственными финансами, им рекомендовали получать свое жалованье не на руки, как прежде, а со счета в банке. И вот Грэхем лично отвез Амина в тот самый банк в Джиндже, которым пользовался сам. В бан-

ке Амину с большим трудом втолковали премудрости, связанные с чековой книжкой и банковским счетом. Но самым трудным оказалось получить образец его подписи, поскольку Амин привык в армии расписываться отпечатком пальцев. Ему пришлось попотеть и испортить немало бумаги, прежде чем у него получилось что-то похожее на подпись. Получив наконец на руки чековую книжку, Амин тут же заявил Грэхему, что он «желает» кое-что приобрести. Это «кое-что» состояло из двух новых костюмов, заказанных у портного, нескольких пижам, транзистора, шести упаковок пива и нового автомобиля — голубоватого «форда-консула». Общая стоимость покупок значительно превысила сумму, имевшуюся на счету Амина, и с тех пор до самого отбытия Грэхема из Уганды ни один чек Амина не принимался к оплате без второй подписи — самого Грэхема. «Образованного» таким образом Амина действительно вскоре произвели в офицеры — в 1961 году он получил чин лейтенанта.

В 1962 году, накануне провозглашения независимости Уганды, его значительно повысили в звании — до майора. В этом же году он прославился жестокостями по отношению к карамоджонгам Уганды и Кении, участвуя в «ликвидации» конфликта между ними и народом покот (сук). Карамоджонги и покот, живущие по соседству, издревле враждуют из-за взаимных краж скота. Затем Амин «урегулировал конфликт» между карамоджонгами и другим скотоводческим народом Кении — туркана. К этому времени он изрядно поднаторел в излюбленных методах обращения с пленными воинами, выработавшихся у него еще в 50-е годы: избиваниях, пытках, запугиваниях. Например, он зачастую угрожал им лишением признаков мужского достоинства и иногда лично приводил эту угрозу в исполнение.

Что касается инцидента с туркана, то они жаловались на жестокость Амина еще колониальным властям. Амину грозил суд, и спасло его только личное вмеша-

тельство Оботе — будущего президента Уганды. Так или иначе, вплоть до ухода англичан из страны Амин служил в колониальных войсках в роте И. Грэхема, и сослуживцы не питали ни малейших сомнений в том, что после получения Угандой независимости он сменит последнего на его посту.

Так оно и случилось. 9 октября 1962 г. была провозглашена независимость Уганды. Амин, как один из немногих тогда кадровых офицеров-угандийцев тут же получил новое назначение. Его дальнейшей карьере в независимой Уганде немало поспособствовал и тот факт, что его дядя Феликс Онама стал министром внутренних дел в правительстве Оботе.

В стремительном продвижении Амина по служебной лестнице сыграли роль и другие не зависевшие от него обстоятельства. Наиболее вероятным кандидатом на пост руководителя вооруженных сил независимой Уганды считался майор Каругаба — единственный угандиец, который обучался в знаменитом военном училище Сандхерст в Англии. Но он был выходцем из народа баганда и к тому же католиком. Поэтому, когда в 1964 году в казармах Джинджи вспыхнули волнения, Оботе с радостью избавился от Каругабы. Главнокомандующим был назначен Ш. Ополот, как более образованный, а Амин, принимавший непосредственное участие в подавлении бунта в казармах Джинджи, стал его заместителем. В том же году Амин получил чин бригадира (полковника). К 1966 г. бригадир Амин уже имел в Кампале дом на холме Кололо с охраной, «кадиллаком» и двумя женами и собирался жениться на третьей.

Официально (вернее, номинально) армию Уганды возглавлял президент страны Мутеса II. Вот каким ему виделся Амин в те годы: «Амин был сравнительно простым, жестким человеком. Он бывал во дворце, и я видел, как он довольно успешно боксирует. Позднее премьер-министр Оботе велел ему не приближаться ко мне без его особого разрешения, что могло показаться есте-

ственным, поскольку я был верховным главнокомандующим. Его взгляд на финансы был по-солдатски прямолинеен: если у тебя есть деньги — трать их. Банковские счета на подставных лиц были выше его возможностей, и неудивительно, что среди всех обвиняемых только его банковский счет хоть и с трудом, но поддавался объяснениям».

Последнее в высказывании Мутесы связано с т.н. «делом о конголезском золоте», по которому Амин наряду с Оботе проходил в качестве обвиняемого. Это дело так и не дошло до судебного разбирательства, но такого рода «соучастие» еще более сблизило Оботе и Амина, и Амин помог Оботе избавиться от неугодных ему министров.

В мае 1966 г. именно Амин, сидя в открытом «джипе», возглавлял правительственные войска, штурмовавшие дворец Мутесы II. Ему же принадлежала идея пустить в ход артиллерию, но разрешение на ее использование дал Оботе. Важно, что ненависть баганда за эту акцию была направлена на Оботе, а не на Амина как исполнителя, что весьма помогло Амину впоследствии, когда он захватил власть. Со времени штурма дворца Амин стал любимцем Оботе и вскоре был назначен командующим армией.

К 1968 году Амин сумел таким образом организовать набор рекрутов в армию, что создал себе опору в лице своих соплеменников по отцу — каква. За эти годы отца своего он видел лишь мельком, то как-то неделю гостил у него в Кампале. Считается, что именно отец добавил к его имени Иди Амин суахилийское слово «дада», что значит «сестра». По другой версии Амин получил это прозвище раньше; дескать, когда у него заставляли нескольких девиц сразу, он объяснял, что они — его сестренки.

Некоторые ассоциируют слово «дада» со словом женщина, считая, что это прозвище закрепилось за Амином к 1969 г. Тогда, в декабре, Оботе был ранен в результате покушения и попросил немедленно сообщить об

этом только двум людям — своей жене и Иди Амину, тогда уже генерал-майору. Когда посланцы пришли за Амином, тот решил, что произошел переворот и его собираются арестовать. Сбежав через окно из дома, он остановил первую же попавшуюся навстречу машину и помчался в ней по направлению к одной из казарм за городом, где находились верные ему солдаты. Там он провел несколько часов и лишь тогда, когда узнал, что Оботе жив, вернулся в Кампалу и навестил раненого в госпитале. Заодно ему там оказали медицинскую помощь: при своем позорном бегстве, перелезая через колючую проволоку, которой был обнесен забор его особняка в Кампале, Амин сильно поранился. С тех пор недоброжелатели Амина и стали трактовать «дада» как «женщину», намекая, что в этой ситуации он поступил как трус — «по-бабьи».

Опираясь на северян, прежде всего «нубийцев», Амин старался не ссориться с баганда и всеми силами увеличивал число своих сторонников в армии. Одновременно ухудшались его отношения с Оботе. Бегство Амина после покушения на Оботе в декабре 1969 года навело президента на мысль о причастности Амина к заговору. Дальше — больше. Амин постепенно расправлялся со своими противниками и соперниками, что для него было одним и тем же, в армии. Так, убийство 15 января 1970 года, ровно за год до переворота Амина, в Гулу, на севере Уганды, в собственном доме бригадного генерала Окойи и его жены считалось делом рук Амина. Но не исключено, что это убийство было совершено по приказу Оботе.

Оботе понимал, что Амин захватил слишком большую власть в армии и стал для него опасен. Поэтому в сентябре 1970 года Оботе попытался арестовать Амина, но у того была своя разведка и он сумел избежать ареста. Тогда в октябре Оботе сместил людей Амина со всех командных должностей в армии и назначил вместо них своих ставленников — выходцев из народа ланги.

И все же Амин был в значительной степени творением рук самого Оботе. Опираясь на армию, Оботе нуждался в нем долгое время и возвысил его на свою беду.

Амину же помогла дружба с израильскими военными советниками, приглашенными Оботе в Уганду. (Позже он круто повернет свою политику, провозгласив себя сторонником арабского дела, и поссорится с Израилем.) Не исключено, что он совершил свой переворот не без помощи израильтян.

Повод к военному перевороту дал сам Оботе своим отъездом в Сингапур. Оботе все-таки недооценил Амина — президента предупредили, что ехать ему не следовало бы, но он не внял предупреждениям. Пишут и еще об одном непосредственном поводе к перевороту: перед самым отбытием Оботе потребовал от Амина отчета в израсходовании 40 миллионов угандийских шиллингов (в то время — около 2,5 миллиона фунтов стерлингов). Амин должен был представить отчет к его возвращению из Сингапура.

Как бы то ни было, переворот совершился очень быстро и почти бескровно. Для оправдания такого шага были подготовлены «18 пунктов», объяснявшие жителям Уганды и всему миру его причину. Новый глава государства, однако, был слаб в грамоте, и по национальному радио этот первый документ аминовского режима зачитал другой человек.

Переворот произошел 25 января 1971 года. После вторичного чтения по радио «18 пунктов» было объявлено: «Власть теперь передана такому же солдату, как и мы, генерал-майору Иди Амину Дада». Действительно, Амин захватил всю полноту власти. По декрету №1, опубликованному 2 февраля, Амин становился военным главой государства, верховным главнокомандующим вооруженными силами страны, а также начальником штаба обороны. Он возглавил совет обороны, созданный еще при Оботе, и формирование этого важного органа перешло в его руки.

Свой кабинет министров Амин также перестроил на военный лад. Генри Кьемба, занимавший на протяжении пяти лет министерский пост при Амине, вспоминает, что на первом же заседании кабинета Амин присвоил всем министрам офицерские звания. С тех пор каждый из них должен был носить офицерскую форму и подчиняться военной дисциплине. Всем министрам было предоставлено в пользование по черному «мерседесу» с надписями на дверцах: «Военное правительство». На заседавших Амин произвел впечатление демократа, давая каждому возможность высказаться.

Вообще, в стране в целом в первые после переворота дни царил эйфория — все были довольны свержением непопулярного правительства Оботе.

Амину нужно было привлечь на свою сторону как можно более широкие слои населения, в первую очередь представителей народа баганда. Ведь изгнание Мутесы связывали не только с Оботе, но и с Амином, командовавшим штурмом дворца. Для своей реабилитации в глазах баганда Амин, как только бразды правления страной оказались в его руках, распорядился перезахоронить прах Мутесы II в Буганде. Похороны были обставлены самым торжественным образом. Над гробом Амин трогательно напомнил слова «короля Фредди» о том, что он в конце концов вернется на землю предков и к своему народу. Более того, некий чиновник из Макерере по имени Ф. Калемера разразился по поводу этого события поэмой, названной «Отдадим почести уходящему королю». Брошюра, содержащая помимо виршей список кабаков (королей) Буганды, была издана моментально — и это не случайно.

В ней в один ряд с героями африканского прошлого, такими знаменитостями, как зулусский правитель Чака и омукама Буньоро Кабарега, среди героев настоящего назывался, естественно, «редких достоинств человек» Мутеса II, а также... Иди Амин.

Болезнь того, в поэме содержатся такие строки:

...потеряв сэра Эдварда Мутесу,

Наша страна не потеряет другого генерала.

Если кто-нибудь нанесет генералу Амину

Вред...

Вас предупредили!

Этот поэтический опус был, возможно, одним из самых первых образчиков лести тирану. Потом их стало не счесть. Известно ведь: чем больше крови тиран льет в своей стране, тем больше его славословят. Поэт, однако, не только сыпал славословия, но и предупреждал о возможной каре, вернее, запугивал соседние Сомали и Танзанию, а также некое не названное конкретно племя. Скорее всего, имелся в виду народ ланги, который впоследствии в значительной степени был истреблен Амином. И этот прием не нов для диктаторов — направление всеобщего гнева на какой-либо из народов, дающее выход самым разнузданным проявлениям человеческой жестокости и низости.

К слову сказать, угандийская пресса времен Амина пестрела самыми разнообразными его фотографиями и высказываниями — хлесткими, зачастую до непристойности грубыми. А ежедневная программа теленовостей, длившаяся два часа и вещавшая на семи языках, показывала также почти исключительно Амина во всех возможных видах.

На процедуру перезахоронения тела последнего кабаки Буганды прибыл из Лондона его сын Ронни Мутеби, обучавшийся там в частной школе. Во время продвижения похоронной процессии из Энтеббе в Кампалу «мерседес», на котором ехал молодой принц, был поднят на руки торжествующими баганда. Кругом царила эйфория, хотя эти церемонии происходили вскоре после того, как аристократическая верхушка «королевств» была принята Амином, и тот объявил, что Уганда останется республикой, и королевства восстановлены не будут.

Тем не менее в августе 1971 года Буганда сделала еще одну попытку восстановить правление кабаки: Амину была направлена соответствующая петиция, опубликованная в газетах. Одновременно газеты опубликовали петиции аристократии других частей Уганды, а также комментарии, в которых резко критиковалась идея восстановления «Королевств».

Первая половина 1971 года проходила под знаком все той же эйфории в стране. Амин выпустил из тюрем всех знатных пленников Оботе, в том числе Бенедикто Кивануку (которого сначала назначил верховным судьей, а затем убил). Он много ездил по стране и выступал перед народом. Вот он едет на земли ланги, и один ветеран жалуется ему на погром, учиненный солдатами в доме, — Амин тут же выписывает старику чек на сумму, на которую был причинен ущерб. Восемьдесят молодых ланги арестовывают при попытке перехода границы, и юноши признаются, что они хотели уйти в Танзанию и присоединиться к силам Оботе. «Вас остановили, не дали вам предать родину. Никто не причинит вам никакого вреда», — говорит им Амин.

Но террор уже разворачивается. Его первыми жертвами становятся офицеры, оказавшие сопротивление Амину во время переворота. В частности, начальника штаба армии бригадира Сулеймана Хусейна жестоко избивают в тюрьме, затем его голову доставляют на дом к Амину — резиденцию нового главы государства теперь величают «командным пунктом». От сбежавшего охранника «командного пункта» попадает в печать леденящая душу история о том, что Амин любит доставать голову Хусейна из холодильника, где она хранится, и вести с нею беседы. В течение трех недель после переворота было убито около семидесяти армейских офицеров и около двух тысяч штатских.

Через три месяца число жертв превысило десять тысяч. Неподалеку от водопада Каруме на реке Виктория-Нил расположен крокодилий садок. Там крокодилам

скармливали трупы жертв террора. На таком меню эти мерзкие твари разжирили до безобразия.

Амин проводил жестокий террор на основе своих собственных декретов №№5 и 8. Первый из них был издан в марте 1971 года. Он предоставлял военным право задерживать любого человека, обвиненного в «нарушении порядка». Когда же жертвы и родственники попытались обжаловать действия распоясавшейся солдатни, был издан декрет №8. Он запрещал привлекать к суду «любое лицо, действующее именем правительства (читайте — именем Амина) в интересах сохранения общественного порядка или общественной безопасности», а также ради «укрепления дисциплины, законности и порядка».

Террор осуществлялся армейскими подразделениями, где Амин опирался на унтер-офицеров — людей примерно равного с ним образования и кругозора, видевших в нем «своего парня», Биг Дэдди — Большого Папочку. Сам Амин любил повторять: «Я не политик, а профессиональный солдат. Поэтому я — человек немногословный, и в своей профессиональной карьере я всегда был очень краток».

Он быстро продвигал своих любимцев — унтеров — на офицерские должности, стремительно освобождавшиеся за счет уничтожения непокорных. Он никогда не фиксировал таких назначений письменно, а просто говорил: «Ты капитан» или: «Ты теперь майор». В результате бывшие сержанты стали командовать батальонами. Так же быстро продвигались по службе и водители танков и машин, которых Амин особенно любил. Этот порядок давал пищу для злоупотреблений: ни один интендант не рискнул бы проверить у Амина правильность заявления того или иного новоиспеченного командира о присвоении ему устно воинского звания. Так же быстро продвигались любимцы Амина и в специальных карательных органах, в состав которых входили: тайная полиция (официально именовавшаяся Государ-

ственным исследовательским бюро), Часть общественной безопасности (такое название получил другой карательный орган, застенки которого располагались неподалеку от центра Кампалы), а также военная полиция. Постепенно обозначились и места скопления трупов, которых становилось все больше и больше — их не захоранивали. Одним из таких мест был лес Кабира неподалеку от Кампалы, в направлении Джинджи. Другим из многих — знаменитый крокодилий садок; мост у водопада Каруме стал называться вскоре Кровавым мостом.

Первыми жертвами террора стали ачоли и ланги — военные и гражданские. По спискам вылавливали людей, имена которых начинались на «О» — это означало принадлежность к народу Оботе и к соседнему народу, составлявшим основу оботевской армии.

Целая серия убийств солдат и офицеров — ланги и ачоли — была совершена в казармах в разных частях страны. А вслед — первое убийство тех, кто попытался предать эти события гласности. Речь идет о двух американцах — Н. Струу и Р. Сидле. Один из них был «свободным» журналистом в Африке, другой — преподавателем социологии вMakerере. Прослышав в начале июля 1971 года об уничтожении ланги и ачоли в казармах Мбарары и Джинджи, они тут же отправились в Мбарару. Их встретил заместитель командира части майор Джума Айга, бывший таксист. Состоялся жесткий разговор, обоих американцев убили, а Джуму позже видели разъезжавшим на голубом «фольксвагене» Струу. Трупы закопали в первой попавшейся воронке от снаряда. Когда же американское посольство заинтересовалось судьбой соотечественников, трупы срочно выкопали и сожгли. Сожгли и голубой «фольксваген». Позже, почти через год, по настоянию американцев было назначено судебное расследование. Судья, нашедший следы убийства и признавший аминовских офицеров виновными, был уволен, а резуль-

таты расследования объявлены Амином недействительными.

Тем временем убийства продолжались. Людей арестовывали днем и ночью, срывая двери с петель. Жестоко избивали. Или зверски убивали на месте. У солдат, охранявших лес Кабира, затем была разработана такса, взимаемая с родственников, желавших разыскать и захоронить трупы своих близких: от 5 тысяч шиллингов (600 долларов) за мелкого чиновника, до 25 тысяч шиллингов (3 тысячи долларов) за важное лицо. Ко времени переворота Амина в угандийской армии насчитывалось примерно пять тысяч ачолы и ланги. Через год около четырех тысяч из них было убито. Об убийствах Амин всегда распоряжался устно и иносказательно. Например, он говорил: «Каласи», что означает «смерть» на нубийском, или: «Поступите с ними, как с Ви-Ай-Пи» (очень важной персоной — англ.). Это означало смерть после длительных мучений.

Второй год правления Амина был отмечен двумя событиями, получившими международный резонанс. Во-первых, разрывом отношений с Израилем и переориентацией на союз с арабскими странами. Еще незадолго до этого, в 1971 году, Амин нанес в Израиль один из своих первых зарубежных визитов в качестве правителя Уганды. Его встречали министр иностранных дел и почетный караул из 72 человек, у трапа самолета была разостлана красная ковровая дорожка, его принимало все высшее руководство Израиля. А в начале 1972 года последовали яростные нападки Амина на израильскую политику в арабском мире, и к концу марта израильтян в стране не осталось. Правда, они успели вывезти часть дорогостоящего оборудования через кенийскую границу.

Акция эта, покончившая с участием израильских военных специалистов в обучении угандийской армии и превратившая Амина в глазах мировой общественности в «борца против сионизма», ввела в заблуждение

правительства многих стран. Тогда в мире еще не знали, что за жестокий режим террора и убийств представляет собой его правление в Уганде. Вместо президента Израиля ближайшим другом Амина стал ливийский лидер Муамар Каддафи, которого угандийский диктатор посетил в феврале (на израильском самолете с израильским пилотом). Каддафи, заинтересованный в уменьшении влияния Израиля в Африке, пообещал Амину солидную помощь — материальную и военную.

Тогда же началась и насильственная исламизация Уганды. Эту страну, где мусульмане составляли не более 10 процентов населения, Амин объявил частью исламского мира. Мусульманам отдавалось предпочтение при назначении на государственные должности. Например, в кабинете министров Уганды в 1971 году было два мусульманина, включая самого Амина, а в 1977 году уже 14 из 21. То же самое творилось в армии и полиции — из 17 воинских частей, пятнадцатью командовали мусульмане. «Нефтяные деньги», которые Ливия, а затем и другие арабские страны отпускали «борцу с сионизмом» Амину, шли в значительной степени на его личные нужды — строительство нового дворца, покупку бесчисленных автомобилей, оборудованных мощными радиостанциями. И при этом Амин говорил: «Самый бедный человек в Уганде — Иди Амин. У меня ничего нет и я ничего не хочу. Потому что иначе я не смог бы справляться со своими обязанностями президента».

Второй крупной акцией Амина было изгнание из Уганды «азиатов». 4 августа 1972 года при посещении одной из казарм на западе Уганды Амин заявил солдатам, что накануне ночью во сне Аллах внушил ему мысль изгнать из страны всех лиц азиатского происхождения, которые «доят экономику Уганды».

Азиатская община Уганды ведет свою историю от первых кули, которых британские власти ввозили туда еще в начале века. Затем «азиаты» получили определенные льготы в скупке и переработке угандийского хлоп-

ка. Постепенно община разрасталась, «азиаты» развернули в стране целую сеть мелких лавочек и крупных магазинов, промышленных предприятий. К 1972 году в Уганде насчитывалось 50 тысяч «азиатов», причем только 20 тысяч из них имели угандийские паспорта, остальные имели двойное гражданство или считались подданными других стран, в основном Великобритании. Однако, как выяснилось, Амин не собирался делать различий между «азиатами» с разным гражданством. Было объявлено, что в течение 90 дней все они должны покинуть страну. Был установлен окончательный срок — 8 ноября. Банковские счета лиц азиатского происхождения арестовывались, а с собой им было разрешено взять только по сто долларов на человека. «Азиатов» охватила паника. Солдаты врывались к ним в дома и под предлогом «помощи в сборе вещей» учиняли грабеж. Разграблялся и багаж отъезжавших в аэропорту. Были случаи, когда «азиаты» для маскировки мазали лицо черной ваксой, но это им не помогало — Амин объявил, что за такие проделки будет строго спрошено. Как именно строго спрашивали люди Амина, в Уганде уже хорошо знали.

По радио передавали песню: «Прощайте, прощайте, азиаты, вы доили нашу экономику слишком долго. Вы доили корову, но не кормили ее». «Азиатов» запугивали, их девушек насиловали. Амин заявил, что те из азиатов, которые не уберутся к 8 ноября из Уганды, должны будут переселиться из городов в деревни, чтобы «смешаться с угандийцами и жить их жизнью». Неудивительно, что к 8 ноября 1972 года лишь очень немногие из лиц азиатского происхождения остались в Уганде. Беглецов принимали у себя несколько стран, и все же судьба многих из них, лишенных средств к существованию, была трагичной.

Зачем же Амину нужна была вся эта кутерьма? Откровенно-расистская кампания, развернутая им, имела целью добыть средства, чтобы как-то расплатиться за

поддержку с армией, главным образом с теми самыми унтер-офицерами, на которых он опирался. Ведь экономика страны была в плачевном состоянии, а расходы на армию росли, как на дрожжах.

Что же из всего этого получилось? Великобритания тут же приостановила выплату Уганде двухмиллионного займа, а США — десятимиллионного (соответственно в фунтах стерлингов и долларах). Это сразу же повлекло за собой новый этап «экономической войны» Амина — именно так он называл изгнание азиатов. Были национализированы и предприятия, принадлежавшие англичанам.

Как же распорядились изъятой у иностранцев собственностью? Сначала для этого были созданы министерские комитеты, затем Амин приказал людям, работающим в них, разойтись по своим министерствам, а право распределения захваченной собственности предоставил военным.

В результате львиная доля добычи досталась аминовским любимцам — унтерам и офицерам. Поговаривали, что одному из них, например, досталось около двадцати домов, другому — две дюжины тяжелых грузовиков или автомобилей. Не было никаких списков, никакого учета. Собственность «азиатов» распределялась явочным порядком. Самого Амина можно было видеть за рулем роскошного лимузина мультимиллионера Мадхвани. Ему же достался шикарный дворец Мадхвани в Джиндже. Глава государства стал главой грабителей.

Доходило до анекдотических ситуаций: новые хозяева магазинов не знали, сколько стоят товары, и спрашивали покупателей: «А сколько вы платили за это раньше?» Или, например, за цену мужской сорочки принимался проставленный на ней размер воротничка. Они старались как можно больше утащить домой, не думая о расширении производства. Неудивительно, что все отнятое у «азиатов» пришло в запустение — фабрики, аптеки, школы, магазины и пр. Исчезли товары

первой необходимости. Одно время в Кампале не было соли, спичек, сахара. Словом, по экономике Уганды был нанесен серьезный удар.

И тем не менее, как ни удивительным это может показаться, изгнание «азиатов» широко приветствовалось в Уганде. Их засилье в экономике страны еще с колониальных времен вызывало всеобщее недовольство. Теперь же, в независимой Уганде, всякие разговоры о «паразитах с Востока» и об «африканизации» находили самую широкую поддержку в массах. Когда Амин бросил такой клич, он знал, что его поддержат. Экономические последствия такой «африканизации» стали видны далеко не сразу. Многие аналитики и сами жители Уганды неоднократно подчеркивали, что если бы Амин как президент Уганды ограничился в своей деятельности изгнанием «азиатов», то он навсегда бы остался для масс национальным героем.

Международный резонанс изгнания «азиатов» был достаточно велик. Например, осложнились взаимоотношения с Великобританией. Этот эпизод — один из примеров блефа Амина на международной арене. Англия поначалу приветствовала его переворот — именно туда летом 1971 года он нанес один из первых своих зарубежных визитов. Тогда его принимали и премьер-министр, и министр иностранных дел, и сама королева. На этот раз Амину официально предложили возместить ущерб, нанесенный британским предприятиям в Уганде в результате «экономической войны». Ущерб оценивался в сумму около 20 миллионов фунтов стерлингов.

В ответ Амин заявил, что готов обсудить этот вопрос, если британская королева и британский премьер-министр Хит лично прибудут к нему в Кампалу. И добавил, что готов принять от королевы ее полномочия главы Британского содружества наций.

Через год, когда зашла речь и о компенсации ущерба британским подданным — азиатам, который оценивал-

ся в 159 миллионов фунтов стерлингов, Амин основал «фонд помощи Великобритании». В этот новый фонд Амин внес «из своего собственного кармана первоначальный взнос — 10 тысяч угандийских шиллингов, чтобы, как он заявил, помочь Британии пережить охвативший ее экономический кризис». «Я взываю ко всему народу Уганды, который всегда был традиционным другом британского народа, прийти на помощь своим бывшим колониальным хозяевам», — сказал он. Вслед за этим, Амин послал британскому премьер-министру телеграмму, в которой говорилось, что экономические сложности Британии досадны для всего Содружества и он предлагает свою помощь в их решении. Это Уганда-то, сама находившаяся в далеко не лучшем экономическом положении, собиралась спасти Англию!

Наглость Амина на международной арене не имела предела: он не явился на очередную конференцию стран Содружества, поскольку не были выполнены поставленные им условия: королева не прислала за ним самолет, экипированный караулом из шотландской гвардии, а Генеральный секретарь стран Содружества не предоставил ему пару обуви его (46-го) размера! А в ноябре 1974 года Амин предложил перевести штаб-квартиру ООН в Уганду, потому что это — «географическое сердце Африки и всего мира».

А в ответ на протест президента Танзании Джулиуса Ньерере, высказанный в связи с изгнанием «азиатов», Амин послал ему телеграмму, в которой говорилось, в частности: «Я очень люблю Вас, и если бы Вы были женщиной, то я бы женился на Вас, хотя Ваша голова уже седа».

В сентябре того же года остатки верных Оботе солдат, концентрировавшихся в Танзании, попытались свергнуть Амина. Это было скорее фарсом, чем серьезной акцией, так как нападавших было не более тысячи, и своего рода подарком Амину. Он без труда отразил нападение и использовал его как повод для ужесточения репрессий.

По приказу Амина через пять месяцев после этого в разных частях Уганды одновременно казнили двенадцать человек. Осужденных раздевали догола, кому-то из них выкололи глаза перед расстрелом. Смотреть на это зрелище сгонялись толпы народа. Всех казненных обвинили в том, что они — «партизаны Оботе». До этого в последний раз публичные казни в Уганде совершались в 20-х годах, когда британский колониальный режим чувствовал там себя совершенно уверенно.

Изощренный садизм был вообще характерным для режима Амина. Трупы убитых, которые предъявлялись изредка к опознанию или которые, скажем, до двадцати в день вылавливались лодочником у плотины на водопаде Оуэн неподалеку от Джинджи, носили следы самого невероятного насилия. Опубликовано множество фотографий жертв аминовского режима. Нормальный человек не выдерживает этого зрелища. Но садизм прививался подчиненным их Большим Папочкой, который намеренно его насаждал. Некоторые считают, что садизм Амина — результат его психической неполноценности, другие же утверждают, что психически он вполне нормален. Как бы то ни было, есть достоверные свидетельства тому, что Амин не только пил человеческую кровь, но даже ел человеческое мясо. Так, например, Г. Кьемба сам слышал от Амина такие слова: «На войне, когда нечего есть, и кто-то из твоих товарищей-солдат ранен, ты можешь его убить и съесть, чтобы выжить». Это говорилось спокойно, как о самом обыденном. Или даже так: «Я ел человеческое мясо. Оно очень соленое, даже более соленое, чем мясо леопарда». Садизм Амина обошелся его стране по меньшей мере в четверть миллиона человеческих жизней — такова минимальная цифра убитых во время его правления.

В 1973 году последовала целая серия отставок министров Амина, осознавших наконец губительную сущность его режима. Еще до этого наиболее строптивные из них, такие, например, как верховный судья Бенедик-

то Киванука, лидер Демократической партии, запрещенной, как впрочем, и все другие при Амине, были попросту убиты. (Убийство Кивануки, ознаменовавшее развязывание террора против политических лидеров, произошло в сентябре 1972 года). Поэтому новые отставки министров происходили в основном во время их поездок за рубеж, что давало им возможность сохранить себе жизнь и эмигрировать одновременно.

Так было, например, с министром иностранных дел Вануме Кибеди и с министром просвещения Эдвардом Ругумайо, сообщившими о своей отставке из соседней Кении. Ругумайо вслед за своей отставкой обратился к главам африканских государств и правительств. Он писал об Амине так: «Он неполноценен с медицинской точки зрения — у него гормональный дефект. Он расист и фашист, убийца и богохульник, трибалист и диктатор. У генерала Амина нет принципов, для него не существует моральных норм, и он не щепетилен в выборе средств. Если это отвечает его интересам — укреплению его власти или достижению желаемого, будь то женщина или деньги, — он без колебаний убивает или приказывает убить. Он неисправимый лжец как во внутренних, так и в международных делах, на его слово в делах международных никогда не следует полагаться. Для него не существует норм ни в морали, ни в политике. Он устанавливает свои собственные «нормы», пишет свои собственные правила и меняет их по ходу дела. Поэтому предсказать его действия очень трудно. Единственное, что можно предсказать, — это то, что он крайне непредсказуем.

Амин не может высидеть в офисе целый день. Он не может сосредоточиться на каком-нибудь серьезном деле даже на пол-утра. Он не читает, он не умеет писать. Все эти неумения, вместе взятые, не позволяют ему участвовать в заседаниях кабинета, или следить за дебатами в кабинете, или понимать письма, которые пишут ему министры. Короче, он живет вне связи с каждодневной

жизнью страны не потому, что ему так нравится, а из-за своей неграмотности. Он редко присутствует на заседаниях кабинета, только тогда, когда дает указания о делах, касающихся обороны или безопасности страны, или когда увольняет кого-либо из чиновников. Таким образом, единственным каналом получения информации о стране, которой он правит, остаются его собственные уши. Другими словами, он полагается только на слух и еще, возможно, на зрение».

Такая обширная цитата была нужна. Она очень ярко передает стиль правления Амина. Естественно, что Амин, как и все люди такого типа, патологически ненавидел интеллигенцию. Даже врачей, лечивших его. Так, например, он изгнал из страны трех врачей-европейцев, обвинив их в том, что они «распространяют политическую гонорею». Немудрено, что интеллигенция старалась убежать из страны. Эмигрировал профессор Семакула Киванука, крупнейший в Уганде авторитет в области истории, немало сделавший для становления национальных кадров историков в университете вMakerере. И многие другие — ученые, писатели, представители других интеллигентских профессий. К 1977 году из Уганды сбежали 15 министров, 6 послов и 8 заместителей министров. Фактически полностью опустел университет Makerере. В эмиграции оказались профессора, деканы факультетов и лекторы по основным дисциплинам. Остались лишь конформисты, перекраивавшие историю, географические карты и прочее по указке Амина.

Внутри страны важнейшими политическими акциями в этот период были декрет, разрешавший мужчинам брать себе любое количество жен (при этом брак в течение шести месяцев должен был быть зарегистрирован), и запрет на мини-юбки, которые Амин объявил неприличными. Заодно женщинам запрещалось носить парики — «волосы либо убитых империалистов, либо африканцев, убитых империалистами», а также

брюки. Этот поборник пристойности сменил за время своего президентства пять жен и около тридцати официальных любовниц, причем некоторые из них были зверски убиты. Тема «Амин и его жены» может составить сюжет для пухлого порнографического романа ужасов.

Тело одной из этих жен — Кей Адроа, — с которой Амин официально развелся несколькими месяцами раньше, было найдено в багажнике автомобиля расчлененным. Другая, мусульманская жена Амина — Малияму Путеси — была арестована и подвергнута тюремному заключению якобы за незаконную торговлю тканями с Кенией. После ареста и выплаты штрафа ее отпустили из тюрьмы, подстроив затем автомобильную катастрофу. Но сверх ожиданий она выжила и сумела потом бежать из страны.

В 1975 году настала очередь Уганды принимать у себя сессию глав государств и правительств Организации африканского единства (ОАЕ). По существовавшей тогда в ОАЕ традиции глава принимающего государства становился на очередной год председателем ОАЕ. Сессия была организована в Кампале с большой помпой. Правительство закупило двести «мерседесов», множество «пежо» и «дацунов». В Кампале впервые за долгое время появились мука, яйца, соль, мыло, куры, мясо, молоко — но только в отелях и на виллах, предназначенных для размещения гостей.

Жителям Кампалы на время сессии было вменено в обязанность носить особые одежды с изображениям Амина, эмблемы ОАЕ и карты Африки. Сам Амин по этому случаю возвел себя в фельдмаршалы.

Правда, независимые государства Африки проявили некоторую сдержанность в отношении сессии ОАЕ в Кампале. Некоторые страны вообще отказались в ней участвовать, другие вместо глав государств и правительств прислали заместителей. На банкете Амин устроил очередное представление: он появился там в крес-

ле, которое заставил нести четырех английских бизнесменов. Все это выдавалось за шутливую демонстрацию «бремени белого человека» (так в свое время британская пропаганда определяла место колоний в империи). При этом Амин цинично заявил: «Европейцы внесли меня на мой прием на своих спинах. Почему они это сделали? Потому, что они посчитали меня блестящим, твердым африканским лидером, способствовавшим лучшему взаимопониманию между европейцами и африканцами».

Во время сессии ОАЕ было еще несколько ярких зрелищ; например, авторалли, которое Амин возглавил в своем «ситроене мазерати»; рядом сидела его новая жена — 19-летняя красавица Сара Кьолаба в военной форме. Или воздушные маневры — они должны были имитировать воздушный налет на Кейптаун — цитадель расистов ЮАР. На одном из островов на озере Виктория неподалеку от угандийского берега был водружен флаг ЮАР, и МИГи, состоявшие на вооружении военно-воздушных сил Амина, довольно долго бомбами сбивали этот флаг, а затем сбросили на островок флаг ОАЕ.

В начале 1975 года произошел ряд покушений на Амина, неудавшихся, но закончившихся очередными массовыми расстрелами. После одного из покушений жена Амина — Медина — была доставлена в больницу со следами жестоких побоев, в том числе со сломанной челюстью, — говорили, что Амин подозревал ее в сговоре с покушавшимися. С тех пор он стал предпринимать самые невероятные меры предосторожности — сменял автомобили, менял свои планы в последнюю минуту, сажал в президентские кортежи подставных лиц из людей, хоть как-то близких ему по комплекции.

В тот год он совершил несколько зарубежных поездок и везде наделал шуму. В Аддис-Абебе продемонстрировал в бассейне свое умение плавать и нырять, заявив предварительно, что поведет арабские силы на Израиль и переплывет Суэцкий канал. В Ватикане опоздал

на 18 минут на прием у папы римского Павла IV — случай, подобного которому там не могли припомнить. В Нью-Йорке, на сессии Генеральной ассамблеи ООН его встречали посланные заранее 47 угандийских фольклорных танцоров. На заседание он опоздал на 40 минут, произнес приветствие на суахили, затем передал текст своей речи на английском языке представителю Уганды при ООН, затем добавил к ней окончание на дикой смеси суахили, его родного языка каква и английского еще на десять минут. Форма на нем была, естественно, фельдмаршальская со всевозможными регалиями.

В 1976 году разразился скандал в университетеMakerere. Весной людьми из «общественной безопасности» был убит один из студентов. Затем — главная свидетельница убийства — беременная женщина. Дело об убийстве студента было спущено на тормозах, что возмутило университетскую молодежь. К тому же вMakerere учился один из сыновей Амина — учился «понекому чему-нибудь и как-нибудь», но имел машину, личную охрану и занимал преподавательские апартаменты, что раздражало других студентов. 3 августа 1976 года студенческая молодежь устроила демонстрацию под лозунгом «Спасите нас от Амина». Демонстранты были жестоко избиты солдатами и полицейскими. Затем было проведено расследование, в результате которого несколько студентов исчезли из университета навсегда. А спустя несколько дней в том же университете на церемонии чествования выпускников Амин получил степень почетного доктора права «за восстановление в Уганде законности и порядка» и за то, что «дал угандийцам возможность жить без страха».

В том же году Амин заявил, что Уганда претендует на часть территорий Кении и юга Судана. Что касается Кении, то он требовал, чтобы она «вернула» Уганде полосу в двести миль от кенийско-угандийской границы почти до самой столицы Кении Найроби. Профессор

С. Киванука, кстати, был вынужден эмигрировать именно потому, что отказался исторически обосновать эти претензии.

Но, пожалуй, самым нашумевшим событием 1976 года в Уганде был знаменитый «рейд Энтеббе». Четверо палестинцев похитили аэробус, следовавший из Тель-Авива в Париж, через Афины и принадлежавший аэрокомпани «Эйр Франс». Они потребовали освобождения 53 палестинцев, задержанных в Израиле и нескольких европейских странах. Пилотов заставили приземлиться в Энтеббе.

Амин оказал террористам гостеприимство. Они выходили из самолета для принятия ванны и отдыха, а заложников (на борту было 258 пассажиров) охраняли аминовские солдаты. Террористы получили от людей Амина автоматы. Израилю был предъявлен двухнедельный ультиматум, срок которого истекал 4 июля. Амин улетел на Маврикий и, возвратившись 3 июля, вновь навестил террористов. Надо сказать, что заложников, не являвшихся израильскими гражданами, все же отпустили несколько раньше.

Оставшиеся заложники были похищены. Эта операция считается одной из самых блестящих военных операций за последние десятилетия. Дело в том, что аэропорт в Энтеббе в свое время строили израильцы. У соответствующей фирмы сохранились чертежи. Но аэродром был слегка модифицирован, и это пришлось учесть при разработке плана операции, для чего были использованы оперативные данные израильской разведки и фотографии со спутников, предоставленные Пентагоном.

В Найроби приземлились три транспортных израильских самолета и группа истребителей. А также два «Боинга-707» — один с 23 врачами и двумя операционными палатами на борту, второй — штабной. Из Найроби три транспортных самолета взяли курс на Энтеббе вместе со штабным «Боингом». В течение 50 минут

все закончилось — заложников увезли, всех террористов и двадцать угандийских солдат убили в перестрелке. Самой тяжелой потерей для Амина было сожжение одиннадцати МИГов — основы его ВВС. Все произошло так быстро, что Амин не успел опомниться.

Когда ему сообщили об этом, он тут же отправился в аэропорт. Первыми жертвами его гнева стали четыре оператора радарного слежения — они были расстреляны на месте. Потом поплатились жизнью и другие. Особенно международный резонанс получили два убийства. Дора Блох, 73-летняя женщина, имевшая двойное англо-израильское гражданство, вызвалась быть переводчицей на переговорах. Во время еды она поперхнулась мясом, и ее отправили в Кампалу в больницу, не разрешив сопровождать ее летевшему вместе с нею сыну. Назавтра сыну по телефону сообщили, что ее выпишут через день. Однако во время налета на Энтеббе израильтяне о ней забыли. Зато не забыл Амин. В ту же ночь к больнице подъехали две машины «Государственного исследовательского бюро» угандийской модификации «воронки». Дора Блох исчезла. Но не бесследно. Ее труп, обожженный, но узнаваемый, был обнаружен и запечатлен на пленке фотографом из угандийского Министерства информации Джимми Пармой. Парму схватили на улице, пленку засветили, а самого его отвезли и убили в том же лесу Наманве, где он обнаружил тело Доры Блох.

В том же году Амин спровоцировал инцидент на кенийской границе — операцию «Панга кали» («острый нож» в переводе с суахили). Операция провалилась и Амину пришлось выполнить некоторые условия Кении, в частности снять свои территориальные претензии.

В начале 1977 года новые убийства потрясли Уганду. Амин лично застрелил архиепископа Уганды, Руанды и Бурунди Янани Лувума. В ответ на самые невероятные обвинения, выдвинутые Амином против христианской церкви в Уганде, Лувум и другие высшие церковные са-

новники послали Амину петицию, в которой они критиковали его режим. Гнев Амина обратился на Лувума, принадлежавшего к народу ачоли. Согласно правительственному сообщению от 17 февраля, Лувум и двое министров Уганды погибли в результате автомобильной катастрофы. Их обвиняли в заговоре против Амина. На самом деле «пожизненный президент» заставил архиепископа помолиться за мир в Уганде, и затем собственноручно застрелил его в своем номере в отеле «Нил». Архиепископа и министров не разрешили даже отпеть в соборе Намирембе. Вместо этого их тела были сожжены солдатами. Об этих убийствах стало широко известно. Африка вновь была потрясена. А в следующем месяце, выступая на встрече на высшем уровне афро-арабских стран в Каире, Амин заявил: «В Уганде нет тюрем. Мы все живем в мире и безопасности. Уганда свободна и ее люди процветают».

Как же процветала Уганда и ее люди в результате авантюры Амина?

В том же 1977 году на армию расходовалось около 65 процентов валового национального продукта, на просвещение — 8, на здравоохранение — 5. Фермы разорялись. Стоимость жизни в результате хронического дефицита продуктов и товаров возросла за время правления Амина на 500 процентов. Превратились в дефицит удобрения для полей, лекарства для людей. Цены на продукты стали астрономическими: половина литра молока стоила почти доллар, тридцать яиц — от 7 до 10 фунтов стерлингов, килограмм сахара — 4 фунта стерлингов, буханка хлеба — один фунт, кусок мыла — почти 4 фунта.

Летом 1977 года юридически распалось Восточно-африканское экономическое сообщество. К краху его привела политика Амина, успевшего перессориться с двумя другими членами сообщества — Кенией и Танзанией, а также экономическая нестабильность самой Уганды. Для страны это было чревато новыми хозяй-

ственными трудностями, ибо Сообщество сложилось исторически, имело определенное разделение труда, общую валюту, даже единую авиакомпанию. В 1977 году Уганда была одной из 25 беднейших стран мира.

А Амин продолжал развлекаться. Его жена Сара как-то упростила охранника открыть холодильник в «ботаническом саду» на вилле президента. В холодильнике оказались отрезанные головы двух человек — бывшего возлюбленного самой Сары и одной из возлюбленных президента. Амин жестоко избил жену, а назавтра радио Уганды сообщило о ее срочном отлете в Ливию для лечения...

В том же 1977 году Амину было отказано в присутствии на конференции содружества в Лондоне. Было решено, что если он там объявится, то дальше аэропорта его не пустят. Сам он заявил: «Я поеду в Лондон, и никто меня не остановит... Я хочу посмотреть, насколько сильны британцы, и хочу, чтобы они увидели сильного человека с африканского континента». Заодно он заявил, что отметит 25-летие правления королевы Елизаветы II: британские граждане понесут его в кресле из Кампалы до аэропорта в Энтеббе — 22 мили! И радио Кампалы объявило об отлете Амина в Лондон, но это было «уткой». А в Лондоне осудили режим Амина, хотя резолюция конференции, по настоянию африканских стран, не назвала его персонально.

В конце года мировое сообщество чуть было не вздохнуло с облегчением: поступило сообщение, что Амин при смерти. Оказалось, что ему всего лишь вырезали небольшую опухоль на шее. Он быстро поправился и смог принять участие в казни участников очередной попытки переворота.

1975 год принес Уганде некоторое экономическое облегчение: из-за заморозков в Бразилии существенно поднялись мировые цены на кофе. В страну вновь потекли деньги, вырученные за его продажу. Но в октябре почувствовавший себя увереннее Амин двинул свои войска

на Танзанию. Это был шаг, оказавшийся для него роковым. Поначалу успех сопутствовал ему — внезапность нападения, использование самолетов и танков дали ему возможность захватить часть территории. Но танзанийская армия предпринимала героические усилия, сопротивляясь агрессии. 25 января 1979 года Амин, выступая по поводу восьмилетия своего переворота, вынужден был сказать: «Сейчас, когда я говорю, танзанийцы находятся в наших пределах». Но это не помешало ему угрожать: «Я — дедушка Дада всех угандийцев. Сегодня я самый известный в мире лидер. Танзания не должна обманываться в том, что сможет захватить Уганду. Танзанийские солдаты в Уганде сидят на пороховой бочке. У меня у самого есть военный опыт. Прежде, чем вступить в бой, я сначала изучу вас от ног, коленок, живота и до ногтей рук. Поэтому, начав сражение, я с точностью до минуты буду знать, когда вас захвачу. Вот почему я говорю, что люди, вступившие на землю Уганды, сидят на пороховой бочке. Их послали сюда на верную смерть».

Амин умолчал, что сражаются с ним не только танзанийцы. Сопротивление ему росло с каждым днем и внутри страны, участились попытки переворотов и покушений на него. Возникло множество антиаминовских организаций, объединившихся в 1978 году во Фронт национального освобождения Уганды.

11 апреля 1979 года пала Кампала, и это было концом режима Амина, хотя диктатор еще незадолго до этого заявил по угандийскому радио: «Для паники нет никаких оснований. Противник сдерживается в сорока милях от столицы». Кампала встречала победителей криками: «Мы свободны!», «Убийцы, тираны и каннибалы всегда погибают!».

А Амин из Джинджи, куда он бежал с эскортом из нескольких черных «мерседесов», успел обратиться по радио к народу: «Я, Иди Амин Дада, хотел бы опровергнуть сообщение о свержении моего правительства мятежниками». Но его уже никто не слушал.

Затем стало известно, что Амин бежал из страны. Люди гадали, как он это сделал. Через Кению? Через Заир?

В конце концов Амин объявился в Саудовской Аравии, где король Халед предоставил ему пенсию, «кадиллак» и «шевроле». Там же объявились двадцать три из пятидесяти его официально признанных детей. Остальные двадцать семь остались в Африке. По собственным подсчетам Амина, у него к 1980 г. было 36 сыновей и 14 дочерей. С ним находилась одна из его выживших жен — Сара. Судя по сообщениям печати, он занимался в изгнании в основном изучением арабского и чтением по-английски «Истории второй мировой войны». Тренировался в каратэ и боксе.

Но Амин не оставлял надежды вернуться в Уганду, хотя и пытался ввести в заблуждение общественное мнение.

Январский номер журнала «Нью Африкен» за 1989 год в материале, ставившем под сомнение факт собственноручного убийства Амином архиепископа Лувума, опубликовал заявление экс-диктатора: «Я больше не интересуюсь политикой, теперь я — бизнесмен». Журнал не успел дойти до читателей, а телетайпы принесли иную весть: 3 января 1989 года Амин вместе с сыном Али объявились с фальшивыми паспортами в столице Заира Киншасе. Их тут же задержали. Хотя в Заире живет одна из жен Амина с детьми, не вызвала сомнений истинная цель его вояжа — Уганда. Ведь он неоднократно заявлял, что хочет создать базу для вооруженного захвата власти в деревушке Кобоко близ заирской границы.

Угандийское правительство немедленно потребовало выдачи Амина для предания его суду. Но Заир отказался сделать это, сославшись на отсутствие соответствующего соглашения. Однако постарался избавиться от Амина и выслать его назад в Саудовскую Аравию, что удалось лишь со второй попытки. 12 января Амина с

сыном отправили на частном самолете через Дакар. Но, увы, в сенегальской столице стало известно, что король Халед отказывает Амину в убежище, и тем же самолетом Амин вернулся в Заир. Потребовались дипломатические усилия нескольких глав государств, чтобы уговорить короля принять Амина обратно. В конце января Амин вновь объявился в саудовском порту Джидда, тайно покинутом им в самый первый день 1989 года. Ему вторично было предоставлено политическое убежище с условием, что впредь он не будет вмешиваться в политику, предпринимать тайные вояжи, а главное — будет помалкивать!

До настоящего времени средства массовой информации не сообщают ничего о дальнейшей судьбе Амина. Судя по всему, он и сейчас проживает в Аравии в полном здравии.

АНТОНЕСКУ ИОН (1882–1946)

Ион Антонеску — фашистский диктатор Румынии. Родился 25 июня 1882 г. в Питешти, Румыния. Офицером участвовал в карательных экспедициях при подавлении крестьянских восстаний 1907 и 1918 гг. После службы в армии в период первой мировой войны и военной интервенции в Венгрии (1919 г.) был назначен на важный дипломатический пост военного атташе сначала в Париже, а затем в Лондоне. В 1933 г. Антонеску занял пост начальника Генерального штаба румынской армии.

В 30-е годы в Румынии постепенно росла активность группировок фашистского толка. Так, еще в 1929 г. фашистская организация «Легион Михаила Архангела», вобрав в себя группу «Братья по кресту», превратилась в «Железную гвардию», сыгравшую значительную и неприглядную роль в последующей истории Румынии. Новая организация, возглавленная М. Стелеску, была сформирована по-военному. Во главе ее ячеек, а также городских, уездных и областных отделений стояли командиры, чьи приказы подлежали беспрекословному исполнению. За неподчинение железногвардейцев подвергали суровой расправе, вплоть до физического уничтожения. В подражание германским и итальянским фашистам они носили униформу, но рубашки у них были не коричневые или черные, а зеленые.

Усиление фашизма, экономические трудности, политическая нестабильность в стране вызывали у румынских правящих кругов стремление к установлению диктатуры. Король Кароль II в преддверии выборов 1938 г. хотел создать военное правительство во главе с генералом Ионом Антонеску, занимавшим видное положение в армии. Но затем отказался от этой затеи, так как опа-

сался его связей с «Железной гвардией». В конце концов правительство поручили сформировать лидеру национал-христианской партии О. Гоге. В новом правительстве, созданном 29 декабря 1937 г., И. Антонеску занял пост военного министра.

Антонеску решительно поддержал курс национал-христианского правительства на отход от традиционного сотрудничества с Францией и странами Малой и Балканской Антант. Румынские правители не скрывали, что они не окажут помощи Чехословакии (союзнице Румынии), в случае нападения на нее Германии. Антонеску в одной из бесед с польским посланником Арцишевским прямо заявил об этом, сославшись на то, что румыно-чехословацкий договор о взаимной помощи в рамках Малой Антанты действителен только в случае агрессии со стороны Венгрии.

Допуская, что Франция выступит в защиту Чехословакии и что это повлечет за собой соответствующее выступление Советского Союза, он сказал: «Тогда Румыния окажется под угрозой со стороны СССР (в то время политики не исключали возможности прохода советских войск через румынскую территорию для оказания помощи Чехословакии). Поэтому я приложу все силы, чтобы укрепить армию и должным образом ее вооружить».

Этим заявлением, предназначенным для передачи не столько польскому правительству, сколько гитлеровцам, румынский военный министр фактически дал им обещание, что Румыния займет благоприятную Германии позицию, если та нападет на Чехословакию и в сущности выступит на ее стороне.

Сразу после формирования нового правительства лидеры железногвардейцев, не сумевшие добиться для себя никаких постов в нем, попытались укрепить свои связи с И. Антонеску. Надеясь обрести в его лице поддержку армейской верхушки, они даже предложили ему возглавить их партию «Все для страны», а в случае ее прихода к власти занять еще и пост главы правитель-

ства. Но он отклонил это предложение, так как в тот момент невысоко оценивал возможности железногвардейцев и не доверял им.

10 февраля 1938 г. был обнародован декрет Кароля II, в котором сообщалось, что кабинет Гоги отстраняется от управления страной, так как за время его пребывания у власти «анархия стала наводнять государство», а вместо него формируется «личное правительство» короля во главе с патриархом Мироном Кристей. Таким образом, в стране установился режим неприкрытой королевской диктатуры. Генерал Ион Антонеску сохранил свой пост в новом правительстве.

М. Кристя ввел по всей стране режим осадного положения, до этого существовавший лишь в крупных городах, и быстро организовал работу по подготовке новой конституции. Принятая 24 февраля путем «плебисцита», она узаконивала тоталитарный режим, ставила министров под контроль короля и фактически превращала парламент в совещательный орган.

В Европе тем временем ширилась германская агрессия. Генерал Антонеску после расчленения Чехословакии одним из первых в Румынии открыто потребовал переориентации на державы «оси». Если до этого военный министр не слишком афишировал свои взгляды, высказывая их лишь в узком кругу, а также в письмах Каролю II, то теперь он откровенно изложил их на страницах газеты «Тимпул». В статье под многозначительным заголовком «Мы научились» писал, что настала пора отказаться от «приверженности Женеве», окончательно избавиться от «духа коллективной безопасности» и рассчитывать только на силу, т.е. на гитлеровскую Германию.

Кароль II попытался сохранить лицо, не желая сразу уступать политическому и экономическому давлению Германии. «Железная гвардия», скрыто поддерживаемая Гитлером, была устранена с открытой политической арены, а ее лидеры во главе с Кодряну посажены в тюрь-

му. В ноябре 1938 г. румынский король предпринял поездку во Францию, Великобританию и Германию. Не обнаружив ни в Париже, ни в Лондоне желаний противодействовать Берлину, он поспешил заверить фюрера в своей искренней лояльности, чему тот, впрочем, мало поверил.

Еще до того, как Кароль II покинул Англию, железногвардейцы были готовы к вооруженному выступлению. В подготовке путча принимал участие и Антонеску. Он установил тайную связь с главарями «Железной гвардии», заключенными в тюрьму, снабжая их секретной правительственной информацией.

На пути из Германии в Румынию Кароль II получил сообщение о вспыхнувших беспорядках. Прибыв в Бухарест 28 ноября, он немедленно провел заседание Совета министров, на котором были выработаны меры по подавлению готовящегося мятежа. На следующий день И. Антонеску был смещен с должности. Затем последовал арест генерала князя Кантакузино, являвшегося номинальным главой «Железной гвардии» в период ее легальной деятельности. А 30 ноября газеты сообщили, что Кодряну и 13 его сообщников были убиты «при попытке к бегству» из тюрьмы. Ликвидация верхушки «Железной гвардии» буквально взбесила гитлеровцев. Это решение в конечном счете стоило Каролю II власти.

Король шаг за шагом сдавал свои позиции. После длительных переговоров, завершившихся к весне 1940 г., он согласился включить в состав правительства пятерых железногвардейцев в качестве заместителей министров. Занял свой пост и новый глава «Железной гвардии» Хориа Сима. Несмотря на все уступки Кароля II, Гитлер искал возможность заменить его более надежной политической фигурой.

В поле зрения фюрера попал генерал И. Антонеску, подвергшийся королевской опале, но тем не менее сохранивший значительное влияние на верхушку румын-

ской армии. По мнению Берлина, он был способен не только «сильной рукой» управлять страной, но и поставить вооруженные силы Румынии полностью на службу целям гитлеровцев. Последним импонировало и то, что его оппозиция Каролю II носила откровенно прогерманский характер. Сменив пост военного министра на должность командующего военным округом, И. Антонеску критиковал проводившуюся новым правительством внешнюю политику Румынии, заключающуюся в балансировании между англо-французским и германо-итальянским блоками, и требовал ориентации только на Германию.

Плюсом Антонеску в глазах гитлеровцев были также его связи с «Железной гвардией», что открывало перспективу создания правительства, опирающегося как на армию, так и на самую крупную в стране фашистскую организацию.

Поводом для переворота послужило принятие правительством Кароля II условий Первого венского арбитража, по которым от Румынии в пользу Венгрии отторгалась территория Северной Трансильвании.

Первыми, кого гитлеровцы проинформировали о готовящемся отторжении части Трансильвании и открывающейся в связи с этим возможности устранить Кароля II, были И. Антонеску и глава железногвардейцев Хория Сима. Они заранее установили между собой контакт и распределили роли. Х. Сима еще в июле 1940 г. вышел из состава правительства, а И. Антонеску тогда же послал Каролю II резкое письмо, в котором обвинял его по существу в неспособности управлять страной, за что был понижен в чине, подвергнут аресту и сослан в Быстрицкий монастырь. Тем самым и генерал, и Х. Сима обеспечили себе «непричастность» к решению трансильванского вопроса в пользу хортистов и возможность выступить в нужный момент в роли «спасителей» страны.

Уже 30–31 августа, когда Коронный совет, созванный Каролем II, обсуждал вопрос об уступке Венгрии

северной части Трансильвании, в стране начались массовые демонстрации протеста. Этим попыталась воспользоваться «Железная гвардия» с целью захвата власти. Выступление железногвардейцев быстро провалилось. Тогда гитлеровцы включили механизм, с помощью которого власть в Румынии все же перешла в руки «Железной гвардии», но уже на основе ее союза с И. Антонеску и его приверженцами в военных и политических кругах страны.

3 сентября 1940 г. подошли к концу переговоры между королем и И. Антонеску. Генерал намеревался включить Х. Сима и других железногвардейских руководителей в состав Совета министров. Кроме того, он требовал отречения Кароля II. Утром 4 сентября король и генерал обратились к германскому посланнику в Румынии Фабрициусу с просьбой дать консультацию по этому вопросу.

Кароль II прислал свое доверенное лицо, В. Попа, и Фабрициус передал через него краткий и недвусмысленный ответ: вручить власть генералу И. Антонеску. Вскоре Антонеску сам явился в германскую миссию. Беседа с ним была более продолжительной. Ее суть Фабрициус кратко изложил в своем донесении в Берлин: «Принимая во внимание, что Антонеску является человеком твердой руки, который может быстро спасти страну от хаоса, я посоветовал генералу взять себе диктаторские права, прогнать королевское окружение и до тех пор, пока будет решен вопрос об отречении короля, править единолично».

К вечеру 3 сентября лидеры двух влиятельнейших буржуазных партий — национал-царанистов и национал-либералов — Ю. Маниу и Д. Брэтиану поздравили генерала с назначением на пост премьер-министра. Однако только 5 сентября король назначил И. Антонеску главой правительства с диктаторскими полномочиями. И. Антонеску, принимая утром 5 сентября от короля назначение на пост главы государства, ни словом не

обмолвился о дальнейшей судьбе Кароля II. Но уже вечером, в половине десятого, новый премьер-министр предъявил королю требование не позднее 4 часов утра 6 сентября отречься от престола в пользу наследного принца Михая.

Хотя ультиматум явился неожиданностью для короля, о чем свидетельствует состоявшаяся в ту ночь его встреча с начальником Генштаба и другими сторонниками сопротивления венскому диктату, тем не менее он отверг их предложение об аресте Антонеску.

На рассвете 6 сентября, точно в установленный срок, он подписал акт об отречении от престола в пользу своего сына Михая и затем покинул Румынию, чтобы никогда уже в нее не вернуться.

И. Антонеску сформировал свое правительство. В его состав вошли генералы — сторонники Антонеску, представители «исторических» партий — национал-царанисты и национал-либералы, железногвардейцы. Последние заняли ведущие посты в кабинете — министров иностранных, внутренних дел, префекта полиции. Х. Сима стал заместителем премьер-министра.

Монархия была сохранена больше из тактических соображений. Новый король, 19-летний Михай, сразу после коронации поздравил И. Антонеску с приходом к власти и пожелал «полного успеха» ему, а также «Железной гвардии» в «перестройке страны».

И. Антонеску объявил Румынию «национал-легионерским» государством, а себя, по гитлеровскому образцу, — «кондукэторулом», т.е. румынским фюрером. Отменив конституцию 1938 г. и таким образом ликвидировав последние остатки парламентаризма, он присвоил себе право управлять страной путем издания собственных декретов, имеющих силу закона и подлежащих беспрекословному исполнению. Новоиспеченный румынский диктатор направил в Берлин послание, в котором благодарил Гитлера за поддержку и уверял в своей верности.

За словами не замедлили последовать дела. 7 сентября Антонеску встретился с германским военным аташе в Бухаресте полковником Герстенбергом. Заявив ему, что «хочет сотрудничать с Германией целиком и полностью», он сообщил о своем намерении «обнажить фронт против Венгрии и Болгарии, чтобы сосредоточить главные усилия обороны на восточной границе». Именно с этой целью Антонеску столь спешно искал встречи с Герстенбергом. Он передал ему официальную просьбу направить из Берлина специального представителя германского командования «для переговоров о будущем сотрудничестве между германскими и румынскими вооруженными силами, прислать советника для румынского Генштаба и инструкторов для военно-учебных заведений, а также значительно увеличить поставки оружия. И, наконец, самое важное, ввести на территорию Румынии германские механизированные и авиационные соединения.

Последнее было непосредственно связано с тем, что Антонеску видел шаткость установленной им диктатуры. В докладе, представленном Гитлеру адмиралом Канарисом, побывавшим в те дни в Румынии, подчеркивалось, что режим Антонеску может устоять лишь при поддержке Германии.

20 сентября германское верховное командование издало директиву о вводе войск на румынскую территорию с целью «оказания помощи Румынии, нашему другу, в организации и обучении ее вооруженных сил». В октябре гитлеровские войска расположились в стране. Их численность быстро возростала и к декабрю превысила 500 тыс. человек.

Спустя два месяца после своего прихода к власти И. Антонеску предпринял поездку в Берлин и Рим, чтобы обсудить вопросы сотрудничества Румынии с державами «оси», определить ее место в «новом порядке Европы» и заручиться поддержкой румынских захватнических планов.

В Риме Антонеску сказал Муссолини, что «понимает невозможность возвращения Северной Трансильвании сейчас и будет ждать окончания войны».

В Берлине «кондукэторулу» был оказан исключительно благожелательный прием. Гитлер лично встретил его на вокзале, а в ходе последовавших вслед за этим бесед пообещал все, чего пожелал румынский диктатор, в том числе и присоединения в будущем Бессарабии и других советских земель к Румынии, дав понять, таким образом, что война с СССР — дело решенное. Уже на следующий день, 23 ноября 1940 г., Антонеску подписал протокол о присоединении Румынии к Тройственному пакту.

Режим Антонеску внутри страны сразу же приобрел террористический характер, заткнув за пояс предшествовавшую ему королевскую диктатуру. Страна превратилась в огромную тюрьму. Уже в сентябре 1940 г. в Румынии было создано 35 концентрационных лагерей и тюрем. В отличие от королевской диктатуры военно-фашистский режим не считал нужным сохранять даже видимость парламентаризма. Он отменил действие конституции, ликвидировав все гражданские права. Многие промышленные предприятия были милитаризованы, от рабочих и служащих там требовали военной дисциплины, а нарушителей предавали суду военного трибунала.

С провозглашением Румынии национал-легионерским государством «Железная гвардия» стала руководящей силой нового режима. Специальным правительственным распоряжением от 23 сентября 1940 г. власти на местах обязывались сотрудничать с легионерским движением и предупреждались, что невыполнение указаний префектов-железногвардейцев повлечет за собой отстранение от должности и строгое наказание.

Дорвавшаяся до власти «Железная гвардия» развернула массовый террор, расправляясь бандитскими методами со своими политическими противниками. Став

правлящей и к тому же единственной партией, деятельность которой разрешалась режимом, она воспользовалась этим для увеличения своей численности и усиления влияния среди населения.

В результате кампаний по «румынизации» (т.е. конфискации предприятий, принадлежавших евреям и политическим противникам железногвардейцев) и созданию «руководимой экономики», принявших массовый характер, было дезорганизовано хозяйственное положение страны.

Усилившаяся нехватка продовольствия, сырья, товаров, кредитов, грозила полностью парализовать экономику. Антонеску вынужден был выступить с заявлением, в котором он потребовал устранить «все плохое в администрации государства и экономики», подразумевая под этим некомпетентное и вредное вмешательство «Железной гвардии».

Кризис разразился и в политической сфере. Легионеры открыто расправлялись с теми политическими деятелями, которые в свое время по разным причинам выступали против «Железной гвардии».

Орудием мести стала легионерская полиция. Она не подчинялась ни Антонеску, ни министерству внутренних дел. Обеспокоенный сложившейся ситуацией, И. Антонеску предпринял в начале октября 1940 г. попытку ввести хоть в какие-то рамки деятельность легионерской полиции. Был издан секретный приказ, разъяснявший, что она имеет право лишь сигнализировать об установленных ею нарушениях закона, и требовавший арестовывать тех железногвардейцев, которые не соблюдают этого правила.

Под нажимом главы правительства его заместитель и «капитан» железногвардейцев Х. Сима был вынужден сделать вид, что готов уступить, однако, несмотря на все публичные заявления, ситуация не менялась.

В начале ноября 1940 г. И. Антонеску в письме к Х. Симе резко потребовал, чтобы железногвардейские

вожаки перестали «оспаривать его единоличное право руководить страной». Далее он заявил: «Два дирижера не могут одновременно управлять оркестром. В первую очередь надо отделить правительство от партии». Согласно выдвинутой им схеме, «Железная гвардия» должна была заняться воспитанием молодежи, а все свои требования и пожелания по части государственного правления выдвигать через Х. Симу, как заместителя премьер-министра.

Такая роль не устраивала железногвардейцев, считавших свои позиции достаточно прочными, чтобы действовать по собственному усмотрению. Это объяснялось не столько ростом влияния «Железной гвардии», сколько открытой поддержкой ее со стороны гитлеровских представителей. Но и генерал Антонеску не хотел уступать. Постепенно противоречия между ним и Х. Симой приобрели характер открытой борьбы за власть.

Антонеску санкционировал принятие особого закона, который предусматривал смертную казнь или каторжные работы сроком от 5 до 10 лет за преступления против «общественного порядка». Затем 30 ноября 1940 г. было официально объявлено о роспуске легионерской полиции, а три дня спустя издано предписание о принятии строгих мер в связи с самоуправством железногвардейцев.

Декрет о роспуске легионерской полиции фактически не был выполнен. Более того, Х. Сима неоднократно брал на себя функции главы правительства, конфликт зашел так далеко, что в начале января 1941 г. легионер Гика, являвшийся начальником полиции, отдал распоряжение не выполнять указания генерала Антонеску, а подчиняться только его собственным приказам.

В конце концов И. Антонеску отправился в Берлин, чтобы там добиться согласия на предоставление ему «свободы рук» в отношении железногвардейцев. Гитлер, заинтересованный в прекращении распрей среди своих ставленников в Румынии, недолго колебался, кому

из них отдать предпочтение. Антонеску получил полную поддержку.

В ночь на 19 января железногвардейцы подняли вооруженный мятеж. За первые три дня мятежа были зверски убиты многие десятки жителей Бухареста, разграблено имущество более чем на сто миллионов лей. Антонеску выжидал до 22 января, не предпринимая активных ответных действий. Только когда волна путча стала распространяться по стране, он позвонил Гитлеру и предупредил, что положение может стать неуправляемым, так как армия, не дождавшись приказа, сама выступит против железногвардейцев. Гитлер ответил, что одобряет намерение генерала навести порядок в стране, и даже подчеркнул необходимость сделать это как можно быстрее.

Получив поддержку Гитлера, И. Антонеску в тот же день отдал армии приказ приступить к подавлению легионерского мятежа. Уже сутки спустя «Железная гвардия» была вынуждена прекратить сопротивление. Многие легионеры, в том числе и их «капитан», были схвачены, но Антонеску не решился расправиться с ними. Х. Симу он отправил в Германию, где тот и оставался до последних дней войны. «Железная гвардия» перестала существовать как организованная сила.

Антонеску сформировал правительство, состоявшее исключительно из его сторонников. Из 12 министерских постов 9 заняли генералы. В остальном положение страны практически не изменилось.

4 декабря 1940 г. состоялось подписание румынско-германского соглашения о претворении в жизнь 10-летнего плана «экономического сотрудничества», предусмотренного договором от 23 марта 1939 г. Это соглашение ставило Румынию в положение аграрно-сырьевого придатка гитлеровской Германии. Румыния взяла на себя следующие обязательства; сотрудничать с Германией в развитии сельского и лесного хозяйства, «перестроить» промышленность в рамках «нового европейского по-

рядка», реорганизовать пути сообщения в соответствии с «естественными направлениями сбыта продукции румынского хозяйства», т.е. максимально интенсифицировать перевозки продовольствия и сырья, особенно нефти, в Германию, принять немецких экономических советников, поставлять рейху продукцию по «твердым» ценам.

Это соглашение буквально закабалило Румынию. Германский капитал занял в экономике страны доминирующее положение. Собственность румынской национальной буржуазии напрямую захватывалась гитлеровцами. Под немецкий контроль официально перешли два из четырех крупнейших банков страны. Приглашенные Антонеску немецкие дивизии практически оккупировали Румынию. Ближайшим результатом ввода германской армии в Румынию стало резкое ухудшение финансово-экономического положения страны. Как признал позднее Антонеску, «прибытие и проход германских войск через румынскую территорию в 1940–1941 гг. ознаменовались серьезным расстройством экономического порядка».

С целью обеспечения глубокого тыла для южного фланга своих войск, развертывавшихся вдоль западных советских границ, гитлеровцы решили ускорить захват всей Юго-Восточной Европы. План предусматривал ввод немецких войск в Болгарию и Югославию, которые в марте 1941 г. присоединились к Тройственному пакту, а также вторжение в Грецию и Албанию с целью их оккупации. К участию в его осуществлении, наряду с германскими, привлекались итальянские и венгерские войска.

В связи с этим встал и вопрос о «вкладе» Румынии в намеченные операции. Антонеску не решился принять непосредственное участие в этом военном походе вермахта. Во-первых, он понимал, что участие румынских войск в нападении на Югославию, а затем и на Грецию было бы фактически равносильным вступлению Румы-

нии в войну против Англии со всеми вытекающими отсюда последствиями, а во-вторых, он берет боевые силы для действий против Советского Союза, надеясь на территориальные приобретения на востоке. 11 июня 1941 г. Гитлер пообещал Антонеску, что отдаст Румынии за ее участие в антисоветской войне «территорию до Днепра».

22 июня 1941 г. вслед за гитлеровской Германией правительство И. Антонеску ввергло Румынию в войну против СССР. После первого удачного наступления гитлеровцы оставили обещанную Румынии территорию от Южного Буга до Днепра под своим управлением. Антонеску пришлось довольствоваться днестровско-бугским междуречьем. Этот обширный район был переименован в «Транснистрию» с центром в Одессе и объявлен принадлежащим Румынии.

Но Одессу еще надо было захватить. Неся огромные потери, румынские войска взяли город только 16 октября 1941 г. После захвата Одессы И. Антонеску объявил, что «фактически война победоносно завершена» и приступил к частичной демобилизации. Но в январе 1942 г. обстановка на фронте резко изменилась, и Гитлер потребовал от Румынии новые дивизии.

Антонеску предоставил к весне 1942 г. в распоряжение германского командования 26 дивизий. Этот акт прислуживания удивил даже гитлеровскую верхушку. От Румынии, Венгрии и Италии вместе взятых тогда требовалась посылка 40 дивизий на советско-германский фронт. Предполагалось, что этот «вклад» три страны разделят между собой поровну. Иначе говоря, ожидалось, что румынское командование выделит для предстоящего наступления 13–14 дивизий. Антонеску дал почти вдвое больше того, на что рассчитывало германское командование.

Антонеску, являясь главнокомандующим румынскими вооруженными силами, еще 21 августа 1941 г. произвел себя в маршалы. По указке немцев он бросил свои

войска в 1942 г. под Керчь, Севастополь, Харьков, Донец и Оскол.

Румынская армия несла огромные потери. К тому же ее разъедало дезертирство, принявшее уже к 1941 г. массовый характер. Отношения между немецкими и румынскими военнослужащими были напряженными, часто возникали острые конфликты. Полное подчинение германскому командованию крайне озлобляло румынских офицеров и солдат, с которыми совершенно не считались и которых использовали в качестве пушечного мяса.

В целях укрепления морального духа румынской армии гитлеровское командование в июне 1942 г. решило, что после завершения операции за Доном немецкие и румынские войска, расположенные в районе Сталинграда и на Среднем Дону, будут объединены в группу армий под командованием И. Антонеску. Маршал Антонеску согласился занять предложенный пост, но в результате контрнаступления советских войск под Сталинградом две немецкие, одна итальянская и две румынские армии были полностью разгромлены.

Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом имел серьезнейшие последствия для Румынии, потерявшей на Восточном фронте всю свою армию. В стране усилились антивоенные и антифашистские выступления. «Государство шатается», — жаловался И. Антонеску на совещании высших военных чинов. В довершение всех бед фюрер фактически отстранил румынскую администрацию от хозяйничанья в Трансильвании. Все протесты Антонеску при этом не принимались во внимание.

К концу 1943 г. окончательно рухнули надежды румынских руководителей как на возвращение Северной Трансильвании (на нее положила глаз Германия), так и на территориальные захваты на Востоке.

Участие в войне привело правительство Антонеску к банкротству не только в военно-политической, но и в

экономической сфере. Хозяйственное положение Румынии катастрофически ухудшалось. Какое-то время положение спасали богатства, награбленные в Советском Союзе. Проводились дешевые распродажи и бесплатное распределение вывезенного из оккупированных территорий имущества. Бедствующему населению выдавались бесплатные или дешевые обеды, часть награбленных средств пошла на постройку жилых домов для рабочих, бесплатную медицинскую помощь для государственных служащих, увеличение государственных пособий на детей и др.

Свертывание ряда отраслей румынской промышленности привело к росту безработицы. На действующих предприятиях, большинство которых было военизировано, рабочий день длился 10–18 часов. Во главе их стояли военные коменданты, получившие право наказывать рабочих за малейшую провинность.

Не хватало продуктов питания. Население голодало. Цены постоянно росли, несмотря на попытки правительства установить их максимум.

Если после Сталинградской битвы еще находились отдельные энтузиасты, то после поражения на Курской дуге всему миру стало ясно, что поражение Германии неизбежно. «Германия, — говорил в узком кругу И. Антонеску, — проиграла свою войну. Нужно не допустить, чтобы и мы ее проиграли». Его заместитель М. Антонеску, являвшийся также министром иностранных дел, видел выход из создавшегося положения в том, чтобы как можно скорее заключить сепаратный мир с западными державами. При этом имелась в виду не только Румыния, но и Германия, которая, по его мнению, должна была пойти на соглашение с Англией и США, чтобы избежать полного поражения, ибо, как он говорил, «война вступила в политическую фазу».

Режим Антонеску, никогда не имевший опоры в народных массах, начал терять ее и среди господствующих классов.

Группировки предпринимателей и банкиров, не связанные с гитлеровцами, стали открыто выражать недовольство, те круги, которые в свое время поддерживали установление военно-фашистской диктатуры, теперь всеми способами стремились отмежеваться от Антонеску, чтобы не разделить с ним ответственность за совершенные преступления. Об этом свидетельствовало также обострение отношений между «кондукэторулом» и монархией. В период успехов немецко-фашистских войск король Михай безоговорочно поддерживал антисоветскую агрессию. В начале войны он направил главе правительства следующую телеграмму: «Господину генералу Иону Антонеску, руководителю государства. В момент, когда наши войска переходят Прут, мысли мои обращены к вам, господин генерал. Выражаю вам свою признательность, господин генерал, а нашим brave солдатам желаю здоровья и силы». Вскоре после этого король вместе с Антонеску предпринял ряд поездок на фронт, чтобы «вдохновить войска» на борьбу.

Однако прошло полтора года войны, и в послании к народу по случаю Нового 1943 года Михай предложил «всеобщий мир» на основе отказа враждующих сторон от войны и даже подчеркнул, что румынский народ ее не одобряет.

Расценив эту акцию как попытку Румынии выйти из фашистского блока, гитлеровцы выразили свое недовольство «кондукэторулу» в самой резкой форме. Германский посланник Киллингер с угрозой заявил: «Гитлер не такой человек, чтобы позволить выбросить себя после того, как его использовали для достижения цели».

Антонеску ответил новыми заверениями своей лояльности Гитлеру и потребовал, чтобы королевский двор прекратил всякую политическую деятельность. «Ваша роль чисто формальная, — сказал он Михаяу, и вы не должны вмешиваться в государственные дела». А в заключение добавил, как он это уже делал неодно-

кратно, что не видит пользы от монархии и сохранил ее лишь потому, что «крестьяне хотят иметь монарха».

Отношения между королем и Антонеску обострились настолько, что связь между ним и королевским дворцом осуществлялась через заместителя диктатора — М. Антонеску.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что обострение отношений произошло не непосредственно вслед за новогодним обращением короля, а лишь после того, как недовольство им выразили гитреровцы. Режим маневрировал, однако вскоре стало ясно, что найти союзников внутри страны уже невозможно. Вожди «исторических» партий и лидеры «демократической оппозиции» Ю. Маниу и Д. Брэтиану отказались войти в состав правительства, не желая компрометировать себя.

В Румынии назревал государственный переворот, подобный тому, что случился летом 1943 г. в Италии, когда представители военных кругов, придворные короля Виктора-Эммануила III и приближенные дуче объединились и устранили от власти Муссолини.

Возможными кандидатами в заговорщики И. Антонеску считал и дворцовые круги во главе с королем Михаем, и значительную часть армейской верхушки, и лидеров «исторических» партий, и даже своего заместителя М. Антонеску, т. е. практически всех, на кого он до тех пор опирался. «Кондукэторул» понимал, что они не колеблясь пожертвуют им, чтобы в решающий момент отвести от себя возмущение народа, как это сделали итальянские сановники Муссолини.

Вместе с тем румынский диктатор не мог применить силу для ликвидации зреющего заговора, поскольку этим он окончательно восстановил бы против себя последних своих сторонников.

Оставалось одно — действовать не наперекор потенциальным заговорщикам, а вместе с ними, и если удастся, либо возглавить их, обеспечив себе тем самым воз-

возможность удержаться у власти после поражения в войне, либо содействовать им в формировании другого кабинета и таким образом по крайней мере приобрести политический капитал, чтобы впоследствии избежать ответственности за совершенные преступления.

С ведома и одобрения И. Антонеску его заместитель искал пути к сепаратному сговору с западными державами. Вскоре оба они подключили к этому делу также руководство «исторических» партий, рассчитывая на то, что лидеры «демократической оппозиции», официально не сотрудничавшие с Антонеску, добьются от англичан и американцев большего, чем фашистское правительство. Диктатор уже тогда заявил, что не будет цепляться за власть и готов уступить ее Ю. Маниу — лидеру национал-царанистов, — если тот сумеет добиться от западных союзников приемлемых условий мира.

Чтобы облегчить руководству «оппозиции» поиски сепаратного мира, М. Антонеску по договоренности с И. Антонеску назначил доверенное лицо Маниу англофила А. Крецяну посланником в Турции, возложив на него ведение переговоров с английскими и американскими дипломатами в Анкаре. Согласно его полномочиям, он выступал как «представитель румынской нации», и, таким образом, мог действовать и от имени правительства Антонеску, и в качестве посланца «оппозиции».

Антонеску старательно подчеркивал, что он не воюет с Англией и США, а, напротив, в их интересах ведет «борьбу против большевизма» и, следовательно, вправе ожидать от них признательности. Говоря о том, что западные державы стремятся не допустить продвижения Советской Армии на юго-восток Европы, румынский диктатор заявлял, что именно он помогает им в этом, продолжая вносить вклад в сдерживание натиска советских войск.

Однако после поражения фашистских войск на Курской дуге стало совершенно очевидно, что заключить

мир только с западными державами не удастся даже в том случае, если Румынию оккупируют англо-американские войска. Авторитет и международное влияние СССР достигли таких масштабов, что никто даже не помышлял открыто пренебрегать его интересами.

Узнав о результатах Тегеранской конференции, на которой было решено открыть второй фронт не на Балканах, а в Западной Европе, И. Антонеску впал в растерянность и смятение. Отчаяние сквозило и в новогоднем заявлении диктатора от 1 января 1944 г. Обращаясь к западным державам, он умолял остановить советские войска, уверяя, что их вступление в Румынию явится «угрозой цивилизации Европы». Единственное спасение он видел в скорейшем заключении сепаратного мира с западными державами.

26 марта 1944 г. соединения Второго Украинского фронта вступили на территорию Румынии. В апреле наступление было приостановлено. 12 апреля советское правительство предъявило румынскому правительству ультиматум, в котором предлагало ему порвать с немцами и начать совместную борьбу против фашистской Германии «в целях восстановления независимости и суверенитета Румынии». Антонеску отказался заключить перемирие. Это, в принципе, уже не имело никакого значения. Всем было ясно, что режим доживает последние дни.

Король Михай решил на заговор. Дворцовые круги для свержения Антонеску вынуждены были пойти на сотрудничество с коммунистическим подпольем, чье влияние увеличивалось с каждым днем.

Первое совещание по вопросу о подготовке к свержению правительства Антонеску состоялось в королевском дворце в мае 1944 г. На нем кроме приближенных короля и генералов присутствовали два представителя компартии Румынии (КПР).

На втором совещании, состоявшемся в ночь на 14 июня и проходившем на явочной квартире компартии,

представитель коммунистов Эмиль Боднэраш добился принятия плана восстания, разработанного временным руководством компартии. План предусматривал арест правительства Антонеску, захват государственных учреждений в столице и на местах, поворот оружия против гитлеровской Германии. Тогда же был создан военный комитет, которому поручалось подготовить армию к участию в восстании. Военному комитету вменялось в обязанность действовать под непосредственным руководством коммунистов. Восстание решено было приурочить к новому советскому наступлению.

20 августа 1944 г. войска 2-го и 3-го Украинских фронтов начали одну из крупнейших наступательных операций второй мировой войны — Яско-Кишиневскую, имевшую целью разгром группы армий «Южная Украина». Потеря Румынии означала для Германии потерю нефтяных ресурсов Юго-Восточной Европы.

Советские войска нанесли удары в стык между немецкими и румынскими армиями, что привело к их отсечению друг от друга. Не желавшие воевать румынские солдаты и офицеры бросали свои позиции и разбегались.

По первоначальному плану переворот предполагалось осуществить в период между 24 и 26 августа. Однако события на фронте стали развиваться в таком стремительном темпе, что появилась возможность перенести намеченное выступление на 23 августа.

В этот день после заседания правительства, принявшего предложение И. Антонеску мобилизовать «все силы нации» на продолжение войны, «кондукэторул» получил приглашение посетить короля. Во второй половине дня Антонеску явился в королевский дворец.

Такое приглашение с целью ареста диктатора было предусмотрено планом вооруженного восстания. Но король не сразу решился на этот шаг. Михай до последнего момента стремился договориться с Антонеску.

Беседа короля с Антонеску затянулась, так как в от-

вет на вопрос о дальнейших намерениях правительства в связи с катастрофическим положением на фронте он начал пространно излагать свои планы дальнейшего ведения боевых действий. Михай заявил, что считает обстановку критической, и настойчиво предложил тотчас же заключить перемирие. И. Антонеску в резкой форме отказался. Тогда король заявил, что смещает его. Антонеску рассвирепел.

Король увидел, что уладить дело миром не получится. Немедленно вызванная дворцовая охрана взяла под стражу «кондукэторула» и сопровождавшего его М. Антонеску.

После того как во дворец были вызваны и арестованы другие министры, вооруженный отряд вывез диктатора и его министров на конспиративную квартиру ЦК РКП, где они содержались до передачи их советскому командованию, которое не стало держать пленников у себя, предоставив право решать судьбу бывших правителей новому режиму. Просидев два года в тюрьме, Ион Антонеску был осужден румынским коммунистическим судом и казнен 1 июня 1946 года.

АТАТЮРК (КЕМАЛЬ) МУСТАФА (1881–1938)

«Ататюрк» в переводе с турецкого означает «отец народа», и это в данном случае не преувеличение. Человека, носившего эту фамилию, по заслугам именуют отцом современной Турции.

Один из современных архитектурных памятников Анкары — мавзолей Ататюрка, сложенный из желтоватого известняка. Мавзолей стоит на холме в центре города. Обширный и «сурово простой» он производит впечатление величественного сооружения. Мустафа Кемаль в Турции повсюду. Его портреты висят в государственных учреждениях и кофейнях маленьких городов. Его статуи стоят на городских площадях и скверах. Его изречения встретишь на стадионах, в парках, в концертных залах, на бульварах, вдоль дорог и в лесах. Люди слушают восхваления ему по радио и телевидению. Регулярно демонстрируется уцелевшая кинохроника его времен. Речи Мустафы Кемалья цитируют политические деятели, военные, профессора, профсоюзные и студенческие лидеры.

Вряд ли в современной Турции можно найти что-либо подобное культу Ататюрка. Это официальный культ. Ататюрк один, и никого с ним нельзя соединять. Его биография читается как жития святых. Спустя более полувека после смерти президента его почитатели с затаенным дыханием говорят о проницательном взгляде его голубых глаз, о его неутомимой энергии, железной решимости и непреклонной воле.

Мустафа Кемаль родился в Салониках в Греции, на территории Македонии. В то время эта территория контролировалась Османской империей. Отец его был среднего ранга таможенным чиновником, мать — крестьянкой. После трудного детства, проведенного

из-за ранней смерти отца в нищете, мальчик поступил в государственную военную школу, затем в высшее военное училище и в 1889 году, наконец, в Османскую военную академию в Стамбуле. Там, помимо воинских дисциплин, Кемаль самостоятельно изучал произведения Руссо, Вольтера, Гоббса, других философов и мыслителей. В возрасте 20 лет он был направлен в Высшее военное училище Генерального штаба. Во время обучения Кемаль и его товарищи основали тайное общество «Ватан». «Ватан» — турецкое слово арабского происхождения, которое можно перевести как «родина», «место рождения» или «место жительства». Общество характеризовалось революционной направленностью.

Кемаль, не сумев добиться взаимопонимания с другими членами общества, покинул Ватан и примкнул к Комитету союза и прогресса, который сотрудничал с движением младотурок (турецкое буржуазное революционное движение, ставившее задачей замену султанского самодержавия конституционным строем). Кемаль был лично знаком со многими ключевыми фигурами в младотурецком движении, но не участвовал в перевороте 1908 года.

Когда разразилась первая мировая война, Кемаль, презиравший немцев, был потрясен тем, что султан сделал Османскую империю их союзником. Однако, вопреки личным взглядам, он искусно руководил введенными ему войсками на каждом из фронтов, где ему приходилось воевать. Так, у Галлиполи с начала апреля 1915 года он сдерживал британские силы более полумесяца, заслужив прозвище «Спаситель Стамбула», это была одна из редких побед турок в Первой мировой войне. Именно там он заявил своим подчиненным: «Я не приказываю вам атаковать, я вам приказываю умирать!» Важно, что этот приказ не только давался, но и исполнялся.

В 1916 году Кемаль командовал 2-й и 3-й армиями,

остановив наступление русских войск на юге Кавказа. В 1918 году, в конце войны, он командовал 7-й армией близ Алеппо, ведя последние бои с англичанами. Одержавшие победу союзники обрушились на Османскую империю как изголодавшиеся хищники. Казалось, что Османской империи, которая долго слыла «Большой державой Европы» — ибо годы автократии привели ее к внутреннему разложению, — война нанесла смертельный удар. Похоже было, что каждая из европейских стран желала урвать себе ее кусочек. Условия перемирия были очень суровыми, а союзники заключили тайное соглашение о разделе территории Османской империи. Великобритания к тому же не стала терять времени даром и развернула свой военный флот в гавани Стамбула.

В начале первой мировой войны Уинстон Черчилль спрашивал: «Что случится в этом землетрясении со скандальной, разрушающейся, дряхлой Турцией, у которой нет и гроша в кармане?» Однако турецкий народ смог возродить из пепла свою державу, когда во главе национально-освободительного движения стал Мустафа Кемаль. Кемалисты превратили военное поражение в победу, восстановив независимость деморализованной, расчлененной, разоренной страны.

Союзники рассчитывали сохранить султанат, и многие в Турции верили, что султанат выживет в условиях иностранного регентства. Кемаль же хотел создать независимое государство и покончить с имперскими пережитками. Посланный в 1919 году в Анатолию для подавления вспыхнувших там беспорядков, он, вместо этого, организовал оппозицию и начал движение, направленное против многочисленных «иностраных интересов». Он сформировал в Анатолии Временное правительство, президентом которого и был избран, и организовал единое сопротивление вторгшимся иностранцам. Султан объявил «священную войну» против националистов, особенно настаивая на казни Кемалья.

Когда султан подписал Севрский договор 1920 года и отдал Османскую империю на дележ союзникам в обмен на сохранение своей власти над тем, что останется, почти весь народ перешел на сторону Кемалья. Когда армия Кемалья двинулась к Стамбулу, союзники обратились за помощью к Греции. После 18 месяцев тяжелых боев греки были разбиты в августе 1922 года.

Мустафа Кемаль и его соратники хорошо понимали истинное место страны в мире и ее подлинный вес. Поэтому на вершине военного триумфа Мустафа Кемаль отказался продолжать войну и ограничился удержанием того, что, по его мнению, было турецкой национальной территорией.

1 ноября 1922 года Великое национальное собрание распустило султанат Мехмеда VI, а 29 октября 1923 года Мустафа Кемаль был избран президентом новой Турецкой Республики. Провозглашенный президентом, Кемаль на деле, без колебаний стал настоящим диктатором, объявив вне закона все соперничавшие политические партии и вплоть до своей смерти инсценировал свое переизбрание. Свою абсолютную власть Кемаль употребил на реформы, надеясь превратить страну в цивилизованное государство.

В отличие от многих других реформаторов президент Турции был убежден, что бессмысленно просто модернизировать фасад. Чтобы Турция могла устоять в послевоенном мире, необходимо было произвести фундаментальные изменения всей структуры общества и культуры. Можно спорить, насколько удалась кемалистам эта задача, но она была поставлена и проводилась при Ататюрке с решимостью и энергией.

Слово «цивилизация» бесконечно повторяется в его речах и звучит как заклинание: «Мы будем следовать по пути цивилизации и придем к ней... Те, которые задержатся, будут потоплены ревушим потоком цивилизации... Цивилизация — такой сильный огонь, что тот, кто его игнорирует, будет сожжен и разрушен... Мы будем

цивилизированными и будем гордиться этим...». Не вызывает сомнений, что у кемалистов «цивилизация» означала безусловное и бескомпромиссное внедрение буржуазного общественного строя, образа жизни и культуры Западной Европы.

Новое турецкое государство приняло в 1923 году новую форму правления с президентом, парламентом, конституцией. Однопартийная система диктатуры Кемалья продержалась более 20 лет, и лишь после смерти Ататюрка была заменена многопартийной.

Мустафа Кемаль видел в халифате связь с прошлым и исламом. Поэтому вслед за ликвидацией султаната он уничтожил и халифат. Кемалисты открыто выступили против исламской ортодоксии, расчищая путь для превращения страны в светское государство. Почва для преобразований кемалистов была подготовлена и распространением передовых для Турции философских и социальных идей Европы, и все более широким нарушением религиозных обрядов и запретов. Офицеры-младотурки считали делом чести пить коньяк и закусывать его ветчиной, что выглядело страшным грехом в глазах ревнителей мусульманства.

Еще первые османские реформы ограничились могуществом улемов и отняли у них часть влияния в области права и образования. Но богословы сохраняли огромную власть и авторитет. После уничтожения султаната и халифата они оставались единственным институтом старого режима, который сопротивлялся кемалистам.

Кемаль властью президента республики упразднил древнюю должность шейх-уль-ислама — первого улема в государстве, министерство шариата, закрыл отдельные религиозные школы и колледжи, а позже запретил шариатские суды. Новый порядок был закреплён республиканской конституцией.

Все религиозные учреждения стали частью государственного аппарата. Департамент религиозных учреждений занимался мечетями, монастырями, назначени-

ем и смещением имамов, муэдзинов, проповедников, наблюдением за муфтиями. Религию сделали как бы отделом бюрократической машины, а улемов — государственными служащими. Коран перевели на турецкий. Призыв на молитвы стал звучать на турецком языке, хотя попытка отказаться от арабского на молитвах так и не удалась — ведь в Коране в конце концов было важно не только содержание, но и мистическое звучание непонятных арабских слов. Выходным днем кемалисты объявили воскресенье, а не пятницу, мечеть Айя-София в Стамбуле превратилась в музей. В быстро росшей столице Анкаре практически не строили культовых сооружений. По всей стране власти косо смотрели на появление новых мечетей и приветствовали закрытие старых.

Турецкое министерство просвещения взяло под свой контроль все религиозные школы. Медресе, существовавшее при мечети Сулеймана в Стамбуле, которое готовило улемов высшего ранга, было передано богословскому факультету Стамбульского университета. В 1933 году на базе этого факультета был открыт Институт исламских исследований.

Однако сопротивление лаицизму — светским реформам — оказалось сильнее, чем ожидали. Когда в 1925 году началось курдское восстание, его возглавил один из дервишских шейхов, призывавших свергнуть «безбожную республику» и восстановить халифат.

В Турции Ислам существовал на двух уровнях — формальный, догматический — религия государства, школы и иерархии, и народный, приспособленный к быту, обрядам, верованиям, традициям масс, который находил свое выражение в дервишестве. Изнутри мусульманская мечеть проста и даже аскетична. В ней нет алтаря и святилища, так как ислам не признает таинства причастия и посвящения в духовный сан. Общие молитвы — это дисциплинирующий акт общины для выражения покорности единому, нематериальному и

отдаленному Аллаху. С древнейших времен ортодоксальная вера, суровая в своем поклонении, абстрактная в учении, конформистская в политике, не могла удовлетворять эмоциональные и социальные потребности значительной части населения. Оно обращалось к культу святых и к дервишам, которые оставались близки к народу, чтобы заменить формальный религиозный ритуал или что-то добавить к нему. В дервишеских монастырях проходили экстатические собрания с музыкой, песнями и танцами.

В средние века дервиши зачастую выступали в качестве руководителей и вдохновителей религиозно-социальных восстаний. В другие времена они проникали в аппарат правительства и оказывали огромное, хотя и скрытое, влияние на действия министров и султанов. Среди дервишей шло жестокое соревнование за влияние на массы и на государственный аппарат. Благодаря тесной связи с местными вариантами гильдий и цехов дервиши могли влиять на ремесленников и торговцев. Когда в Турции начались реформы, стало ясно, что не богословы-улемы, а именно дервиши оказывают наибольшее сопротивление лаицизму.

Борьба порой принимала жестокие формы. В 1930 году мусульманские фанатики убили молодого армейского офицера Кубилая. Его окружили, повалили на землю и медленно отпилили ему голову ржавой пилой, выкрикивая: «Аллах велик!», в то время как толпа одобрительными возгласами поддерживала их деяние. С тех пор Кубилай считается как бы «святым» кемализма.

Со своими противниками кемалисты расправлялись без жалости. Мустафа Кемаль обрушился на дервишей, закрыл их монастыри, распустил ордена, запретил собрания, церемонии и особую одежду. Уголовный кодекс запретил политические ассоциации на базе религии. Это был удар в самую глубину, хотя он и не достиг полностью цели: многие дервишеские ордена были в то время глубоко законспирированы.

Мустафа Кемаль поменял столицу государства. Ею стала Анкара. Еще во время борьбы за независимость Кемаль выбрал этот город для своей штаб-квартиры, так как он был связан железной дорогой со Стамбулом и в то же время лежал вне досягаемости врагов. В Анкаре состоялась первая сессия национального собрания, и Кемаль провозгласил ее столицей. Он не доверял Стамбулу, где все напоминало об унижениях прошлого и слишком много людей было связано со старым режимом.

В 1923 году Анкара представляла собой небольшой торговый центр с населением около 30 тысяч душ. Ее позиции как центра страны укрепились впоследствии благодаря строительству железных дорог в радиальных направлениях.

Газета «Таймс» в 1923 году в декабре писала с издевкой: «Даже самые шовинистически настроенные турки признают неудобства жизни в столице, где полдюжины мерцающих электрических лампочек представляют собой общественное освещение, где в домах почти нет воды, текущей из крана, где осел или лошадь привязаны к решетке маленького домика, который служит Министерством иностранных дел, где открытые сточные каналы бегут посреди улицы, где современные изящные искусства ограничены потреблением плохого раки — анисовой водки и игрой духового оркестра, где парламент заседает в доме, не большем, чем помещение для игры в крикет».

Тогда Анкара не могла предложить подходящего жилья для дипломатических представителей, их превосходительства предпочитали снимать спальные вагоны на станции, сокращая пребывание в столице, чтобы поскорее уехать в Стамбул.

Несмотря на бедность в стране, Кемаль упорно тянул Турцию за уши в цивилизацию. С этой целью кемалисты решили внедрить в обиход европейскую одежду. В одной из речей Мустафа Кемаль объяснял свои наме-

рения таким образом: «Было необходимо запретить феску, которая сидела на головах нашего народа как символ невежества, небрежности, фанатизма, ненависти к прогрессу и цивилизации, и заменить ее шляпой — головным убором, которым пользуется весь цивилизованный мир. Таким образом, мы демонстрируем, что турецкая нация в своем мышлении, как и в других аспектах, ни в коей мере не уклоняется от цивилизованной общественной жизни». Или в другой речи: «Друзья! Цивилизованная международная одежда достойна и подходяща для нашей нации, и мы все будем носить ее. Ботинки или башмаки, брюки, рубашки и галстуки, пиджаки. Конечно, все завершается тем, что мы носим на голове. Этот головной убор называется «шляпа».

Был издан декрет, который требовал от чиновников носить костюм, «общий для всех цивилизованных наций мира». Сначала обычным гражданам позволялось одеваться, как они хотят, но затем фески объявили вне закона.

Для современного европейца насильственная смена одного головного убора другим может показаться комичной и раздражающей. Для мусульманина это было делом большой важности. С помощью одежды турок-мусульманин отделял себя от гяуров. Феска в то время была распространенным головным убором мусульманина-горожанина. Вся остальная одежда могла быть европейской, но на голове оставался символ османского ислама — феска.

Реакция на действия кемалистов была любопытной. Ректор университета Аль-Азхар и главный муфтий Египта писал в то время: «Ясно, что мусульманин, который хочет походить на немусульманина, принимая его одежду, кончит тем, что воспримет его верования и действия. Поэтому тот, кто носит шляпу из склонности к религии другого и из презрения к своей собственной, является неверным... Разве не сумасшествие отказаться от своей национальной одежды, чтобы принимать

одежду других народов?» Заявления такого рода не публиковались в Турции, но многие их разделяли.

Смена национальной одежды показала в истории желание слабых походить на сильных, отсталых — на развитых. Средневековые египетские хроники рассказывают, что после великих монгольских завоеваний XII-го века даже мусульманские султаны и эмиры Египта, отбившие нашествие монголов, начали носить длинные волосы, как и азиатские кочевники.

Когда османские султаны в первой половине XIX века стали проводить преобразования, они прежде всего облачили солдат в европейские мундиры, то есть в костюмы победителей. Тогда и был введен вместо тюрбана головной убор, названный феской. Он настолько привился, что спустя столетие стал эмблемой мусульманской ортодоксии.

На юридическом факультете Анкарского университета однажды вышла юмористическая газета. На вопрос редакции «Кто такой турецкий гражданин?» студенты дали ответ: «Турецкий гражданин — это человек, который женится по швейцарскому гражданскому праву, осуждается по итальянскому уголовному кодексу, судится по германскому процессуальному кодексу, этим человеком управляют на основе французского административного права и хоронят его по канонам ислама».

Даже спустя много десятилетий после введения кемалистами новых правовых норм чувствуется определенная искусственность в их применении к турецкому обществу.

Швейцарское гражданское право, переработанное применительно к нуждам Турции, было принято в 1926 году. Кое-какие правовые реформы проводились и раньше, при танзимате (преобразованиях середины XIX века) и младотурках. Однако в 1926 году светские власти впервые осмелились вторгнуться в заповедник улемов — семейно-религиозную жизнь. Источником пра-

ва вместо «воли Аллаха» были провозглашены решения Национального собрания.

Принятие швейцарского гражданского кодекса многое изменило в семейных отношениях. Запретив полигамию, закон предоставил женщине право развода, внедрил бракоразводный процесс, уничтожил юридическое неравенство между мужчиной и женщиной. Конечно, новый кодекс носил вполне определенные специфические черты. Взять хотя бы то, что он предоставлял женщине право потребовать у мужа развода, если тот скрыл, что он безработный. Однако условия общества, установившиеся веками традиции сдерживали применение новых брачно-семейных норм на практике. Для девушки, которая хочет выйти замуж, непременным условием считалось (и считается) девственность. Если муж обнаруживал, что его жена — не девственница, он отсылал ее обратно родителям, и до конца жизни она несла позор, как и вся ее семья. Иногда ее убивали без жалости отец или брат.

Мустафа Кемаль всячески поддерживал эмансипацию женщин. Женщины были допущены на коммерческие факультеты еще во времена первой мировой войны, а в 20-е годы они появились и в аудиториях гуманитарного факультета Стамбульского университета. Им разрешили находиться на палубах пароменов, которые пересекали Босфор, хотя раньше их не выпускали из кают, разрешали ездить в тех же отделениях трамваев и железнодорожных вагонов, что и мужчинам.

В одной из своих речей Мустафа Кемаль обрушился на чадру. «Она причиняет женщине большие страдания во время жары, — говорил он. — Мужчины! Это происходит из-за нашего эгоизма. Не будем же забывать, что у женщин есть такие же моральные понятия, как и у нас». Президент требовал, чтобы «матери и сестры цивилизованного народа» вели себя подобающим образом. «Обычай закрывать лицо женщинам делает нашу нацию посмешищем», — считал он. Мустафа Кемаль ре-

шил внедрить эмансипацию женщин в тех же пределах, что и в Западной Европе. Женщины получили право голосовать и быть избранными в муниципалитеты и в парламент.

Кроме гражданского, страна получила новые кодексы для всех отраслей жизни. На уголовный кодекс оказали влияние законы фашистской Италии. Статьи 141—142 использовались для расправы с коммунистами и всеми левыми. Коммунистов Кемаль не любил. Великий Назым Хикмет за свою приверженность коммунистическим идеям провел в тюрьме много лет.

Не любил Кемаль и исламистов. Кемалисты убрали из конституции статью «Религия турецкого государства — ислам». Республика и по конституции и по законам стала светским государством.

Мустафа Кемаль, сшибая феску с головы турка и вводя европейские кодексы, пытался привить соотечественникам вкус к изысканным развлечениям. В первую же годовщину республики он устроил бал. Большинство собравшихся мужчин были офицерами. Но президент заметил, что они не решались приглашать дам на танец. Женщины отказывали им, стеснялись. Президент остановил оркестр и воскликнул: «Друзья! Я не могу себе представить, что в целом мире найдется хоть одна женщина, способная отказаться от танца с турецким офицером! А теперь — вперед, приглашайте дам!» И сам подал пример. В этом эпизоде Кемаль выступает в роли турецкого Петра I, тоже насильно вводившего европейские обычаи.

Преобразования затронули и арабский алфавит, действительно удобный для арабского языка, но не подходящий для турецкого. Временное введение латиницы для тюркских языков в Советском Союзе подтолкнуло к тому же деянию Мустафу Кемалья. Новый алфавит был подготовлен за несколько недель. Президент республики появился в новой роли — учителя. Во время одного из праздников он обратился к собравшимся: «Мои дру-

зья! Наш богатый гармоничный язык сможет выразить себя новыми турецкими буквами. Мы должны освободиться от непонятных значков, которые в течение веков держали наши умы в железных тисках. Мы должны быстро выучить новые турецкие буквы. Мы должны обучить им наших соотечественников, женщин и мужчин, носильщиков и лодочников. Это нужно считать патриотической обязанностью. Не забывайте, что для нации позорно на десять-двадцать процентов состоять из грамотных и на восемьдесят-девяносто из неграмотных».

Национальное собрание приняло закон, введивший новый турецкий алфавит и запретивший применение арабского с 1 января 1929 года.

Введение латиницы не только облегчало обучение населения. Оно знаменовало новый этап разрыва с прошлым, удар по мусульманским верованиям.

В соответствии с мистическим учением, принесенным в Турцию из Ирана в средние века и принятым дервишеским орденом бекташи, образ Аллаха — это лицо человека, знак человека — его язык, который выражается 28 буквами арабского алфавита. «В них содержатся все тайны Аллаха, человека и вечности». Для ортодоксального мусульманина текст Корана, включая язык, на котором он сложен и шрифт, которым он напечатан, считается вечным и нерушимым.

Турецкий язык в османские времена стал тяжелым и искусственным, заимствовав не только слова, но и целые выражения, даже грамматические правила из персидского и арабского. С годами он становился все более напыщенным и неэластичным. В период правления младотурок пресса начала использовать несколько упрощенный турецкий язык. Этого требовали политические, военные, пропагандистские цели.

После внедрения латиницы открылись возможности для более глубокой языковой реформы. Мустафа Кемаль основал лингвистическое общество. Оно поставило себе задачей уменьшить и постепенно уда-

лить арабские и грамматические заимствования, многие из которых закрепились в турецком культурном языке.

Затем последовало более смелое наступление на сами персидские и арабские слова, сопровождавшееся перехлестами. Арабские и персидские языки были классическими языками для турок и внесли в турецкий такие же элементы, как греческий и латинский в европейские языки. Радикалы из лингвистического общества были настроены против арабских и персидских слов как таковых, даже если они составляли значительную часть языка, на котором каждый день говорил турок. Общество готовило и публиковало список чужеродных слов, осужденных на выселение. А тем временем исследователи собирали «чисто турецкие» слова из диалектов, других тюркских языков, древних текстов, чтобы найти замену. Когда ничего подходящего не находили, изобретали новые слова. Термины европейского происхождения, столь же чуждые турецкому языку, не подвергались гонениям, и даже импортировались, чтобы заполнить пустоту, создавшуюся после отказа от арабских и персидских слов.

Реформа была нужна, но отнюдь не все соглашались с крайними мерами. Попытка отделиться от тысячелетнего культурного наследия вызывала скорее обеднение, чем очищение языка. В 1935 году новая директива остановила на некоторое время изгнание привычных слов, восстановила какую-то часть арабских и персидских заимствований.

Как бы то ни было, турецкий язык менее чем за два поколения существенно изменился. Для современного турка документы и книги шестидесятилетней давности с многочисленными персидскими и арабскими конструкциями несут на себе печать архаичности и средневековья. Турецкая молодежь отделена от сравнительно недалекого прошлого высокой стеной.

Результаты реформы благотворны. В новой Турции

язык газет, книг, правительственных документов примерно тот же, что и разговорный язык городов.

В 1934 году было решено отменить все титулы старого режима и заменить их обращениями «господин» и «госпожа». Одновременно с 1 января 1935 года вводились фамилии. Мустафа Кемаль получил от Великого национального собрания фамилию Ататюрк (отец турок), а его ближайший сподвижник, будущий президент и лидер народно-республиканской партии Исмет-паша — Иненю — по месту, где он одержал крупную победу над греческими интервентами:

Хотя фамилии в Турции — дело недавнее, и каждый мог выбрать себе что-нибудь достойное, но значение фамилий столь же разнообразно и неожиданно, как и в других языках. Большинство турок придумали себе вполне подходящие фамилии. Ахмет-бакалейщик стал Ахметом Бакалейщиком, Исмаил-почтальон остался Почтальоном, корзинщик — Корзинщиком. Некоторые выбрали такие фамилии, как Вежливый, Умный, Красивый, Честный, Добрый. Другие подобрали Глухой, Толстый, Сын человека без пяти пальцев. Есть, например, Тот, у кого сотня лошадей, или Адмирал, или Сын адмирала. Фамилии, вроде Сумасшедший или Обнаженный, могли пойти от ссоры с правительственным чиновником. Кто-то воспользовался официальным списком рекомендованных фамилий, и так появились Настоящий турок, Большой турок, Суровый турок.

Последние фамилии косвенно преследовали еще одну цель. Мустафа Кемаль искал исторические аргументы, чтобы восстановить у турок чувство национальной гордости, подорванное за предшествующие два века почти непрерывными поражениями и внутренним развалом. О национальном достоинстве заговорила прежде всего интеллигенция. Ее инстинктивный национализм носил по отношению к Европе оборонительный характер. Можно представить себе чувства турецкого патриота тех дней, который читал

европейскую литературу и почти всегда находил слово «турок», употребленным с оттенком пренебрежения. Правда, образованные турки забывали, как они сами или их предки презирали своих соседей с утешительной позиции «высшей» мусульманской цивилизации и имперского могущества.

Когда Мустафа Кемаль произнес, знаменитые слова: «Какое счастье быть турком!» — они упали на благодатную почву. Его изречения прозвучали как вызов остальному миру. Они же показывают, что любые высказывания должны сопрягаться с конкретными историческими условиями. Это изречение Ататюрка ныне повторяют бесконечное число раз на все лады и по поводу и без оно.

Во времена Ататюрка была выдвинута «солнечная языковая теория», в которой утверждалось, что все языки мира произошли от турецкого (тюркского). Шумеров, хеттов, этрусков, даже ирландцев и басков объявили турками. Одна из «исторических» книг времен Ататюрка сообщала следующее: «В Центральной Азии было когда-то море. Оно высохло и стало пустыней, вынудив турок начать кочевничество... Восточная группа турок основала китайскую цивилизацию...»

Другая группа турок якобы завоевала Индию. Третья группа откочевала на юг — в Сирию, Палестину, Египет, и вдоль североафриканского побережья в Испанию. Турки, которые поселились в районе Эгейского моря и Средиземноморья, согласно той же теории, основали знаменитую Критскую цивилизацию. Древнегреческая цивилизация пошла от хеттов, которые, конечно же были турками. Турки проникли также глубоко в Европу и, перебравшись через море, заселили британские острова. «Эти мигранты превосходили народы Европы в искусствах и знаниях, спасли европейцев от пещерной жизни и поставили их на путь умственного развития».

Вот такую сногсшибательную историю мира в 30-е годы изучали в турецких школах. Ее политический

смысл состоял в оборонительном национализме, но и шовинистический подтекст был виден невооруженным глазом.

В 20-е годы правительство Кемалья немало делало для того, чтобы поддержать частную инициативу. Но социально-экономическая действительность показала, что в Турции этот метод в чистом виде не работает. Буржуазия устремилась в торговлю, домостроительство, спекуляцию, занималась пенкоснимательством, в последнюю очередь думая о национальных интересах и развитии промышленности. Режим офицеров и чиновников, сохранивших определенное презрение к торговцам, все с большим неудовольствием наблюдал за тем, как частные предприниматели игнорировали призывы вкладывать деньги в индустрию.

Грянул мировой экономический кризис, больно ударивший по Турции. Мустафа Кемаль обратился к политике государственного регулирования экономики. Эта практика получила название этатизма. Правительство распространило государственную собственность на значительные секторы промышленности и транспорта, а с другой стороны открыло рынки для иностранных инвесторов. Эту политику в десятках вариантов повторяют потом многие страны Азии, Африки, Латинской Америки. В 30-е годы Турция занимала третье место в мире по темпам промышленного развития.

Однако реформы кемалистов распространялись в основном на города. Лишь самым краем они касались деревни, где до сих пор живет почти половина турок, а во время правления Ататюрка жило большинство.

Несколько тысяч «народных комнат» и несколько сот «народных домов», призванных пропагандировать идеи Ататюрка, так и не донесли их в гущу населения.

Кульг Ататюрка в Турции официальный и массовый, но вряд ли можно считать, что он безусловный. Даже кемалисты, которые клянутся в преданности его идеям, на самом деле идут своим путем. Утверждение кемали-

стов, будто всякий турок любит Ататюрка, — всего лишь миф. У реформ Мустафы Кемаля было много врагов, явных и тайных, и попытки отказаться от некоторых его преобразований не прекращаются и в наше время.

Левые политические деятели постоянно вспоминают о репрессиях, которым подвергались их предшественники при Ататюрке и считают Мустафу Кемаля просто сильным буржуазным лидером.

У сурового и блестящего солдата и крупного государственного деятеля Мустафы Кемаля были и достоинства и человеческие слабости. Он обладал чувством юмора, любил женщин и веселье, однако сохранял трезвый ум политика. Его уважали в обществе, хотя его личная жизнь отличалась скандальностью и распущенностью. Кемаля часто сравнивают с Петром I. Как и русский император, Ататюрк питал слабость к спиртному. Он умер 10 ноября 1938 года от цирроза печени в возрасте 57 лет. Его ранняя смерть стала трагедией для Турции.

БАТИСТА ФУЛЬХЕНСИО (1901–1973)

Батиста был диктатором Кубы дважды — в 1933–1944 и в 1952–1959 годах. В своих методах управления страной он отличался беспринципностью и продажностью. Всячески поддерживался американским капиталом.

Родился Фульхенсио Батиста 16 января 1901 года. Служил сержантом в кубинской армии. Вместе с Пабло Родригесом Батиста возглавлял конспиративную организацию «Военный союз Колумбии» (по названию военного городка в Гаване). Союз сыграл важную роль в отстранении от власти диктатора Мачадо в августе 1933 года. Возглавивший после этого правительство Мануэль де Сеспедес также мало устраивал сержантов. Военный союз, объединившийся с рядом других выступавших против Сеспедеса организаций, инициировал создание Революционной хунты, которая приняла решение добиться сформирования такого правительства, которое сумело бы противостоять американскому влиянию. К этому времени Кубу можно было де-факто называть полуколонией США.

В ночь на 5 сентября 1933 года хунта взяла власть в свои руки. Была образована Правительственная исполнительная комиссия из пяти человек во главе с профессором университета Р. Грау Сан-Мартинем. Сержанты, которым удалось повести за собой основную солдатскую массу, захватили власть в провинциях.

Во Временном правительстве с первых дней развернулась борьба между сторонниками и противниками контактов с Соединенными Штатами. Глава правительства — Грау Сан-Мартин — принадлежал к американистам.

Тем не менее США не спешили с признанием Временного правительства. Они пообещали признать его, если оно докажет, что «способно поддержать порядок».

Наряду с этим, несмотря на призывы сената проявлять осторожность, президент Рузвельт все же направил корабли в кубинские воды.

Такую реакцию Вашингтона определили показавшиеся ему слишком радикальными планы Временного правительства, выдвинувшего лозунг «Куба для кубинцев».

Однако могучий сосед напрасно волновался. Хунта вопреки своим декларациям сосредоточила все свои усилия на проблеме признания ее Вашингтоном. Она поспешила объявить, что у нее нет ничего общего с коммунистами, что она твердо намерена выполнять договоры, заключенные ранее с иностранными государствами, а также финансовые обязательства перед ними. Правительство всячески старалось подорвать влияние профсоюзов и направило войска на разгон рабочих демонстраций и митингов.

Против правительства тем не менее выступили все правые силы в стране, поддержанные посольством Соединенных Штатов. Один за другим вспыхивали офицерские мятежи. Силу армии, сумевшей подавить заговоры, использовал в своих интересах Батиста, ставший полковником и начальником Генерального штаба. Он поддерживал правительство Грау, пока оно укрепляло его собственные позиции, а позднее стал в ущерб ему укреплять свою собственную власть.

Батиста возглавил правое крыло Временного правительства. Во главе левого крыла последнего стоял 27-летний министр обороны и внутренних дел Антонио Гитерас, который осуждал распоряжения Батисты о нападении на помещения профсоюзов, о разгоне демонстраций и т.п.

Гитерас отказался принять неофициальный визит нового посла США в Гаване Д. Кэффери, дав понять дипломату, что рассматривает его попытку проникнуть в военное министерство, минуя официальные каналы, как провокацию.

Зато с американским послом охотно и часто встре-

чался полковник Батиста, против чего Гитерас открыто протестовал на заседании кабинета, требуя заменить Батисту известным своими патриотическими взглядами Родригесом. В ответ на это Батиста заключил Родригеса в тюрьму. Гитерас направился туда, освободил заключенного и вместе с ним выступил перед народом на площади в центре Гаваны.

Честолюбивый полковник отдал приказ стрелять в собравшихся. Грау Сан-Мартин вынужден был подать в отставку. С тех пор, используя свой невыборный пост начальника штаба и влияние в армии, Батиста правил страной с помощью марионеточных правительств, пока сам не был избран президентом в 1940 году.

Пришедшего к власти по рекомендации Батисты Мендиэту Соединенные Штаты, в отличие от Сан-Мартина, сразу признали. Вашингтон объявил о готовности начать с ним переговоры об изменении торгового договора, кабального по своей сути. Правительство США отступило под натиском революционных событий на Кубе. В Штатах понимали, что сохранение в силе одиозной «поправки Платта», дававшей им возможность военного вмешательства во внутренние кубинские дела, спланивало антиамериканское движение. Кроме того США должны были поддерживать репутацию провозглашенной Рузвельтом политики «доброе соседство».

29 мая 1934 года американо-кубинские переговоры завершились отменой «поправки» и подписанием нового договора между Кубой и Соединенными Штатами. Это было важнейшим достижением революции 1933–1934 годов.

В марте 1935 года обстановка в стране вновь накалилась. 12 марта началась всеобщая забастовка, в которой приняли участие около 700 тыс. человек, но она смогла продлиться лишь несколько дней. Поощряемый американским послом, Батиста принял крайние меры: правительство наводнило войсками железные дороги,

основные города страны, под предлогом самообороны штрейкбрехеры получили разрешение безнаказанно убивать забастовщиков. Забастовка была подавлена.

В мае убили Антонио Гитераса. Видя тщетность своих надежд на образование единого революционного фронта, Гитерас решил эмигрировать в Мексику. О его планах стало известно Батисте. Подчиненные Батисты окружили Гитераса, ожидавшего на побережье яхту, которая должна была взять его на борт. В результате завязавшейся перестрелки Гитерас погиб.

Расправившись в 1935 году с революцией и добившись диктаторской власти, Батиста стал заглядываться на президентское кресло. Но он понимал, что стать президентом ему удастся лишь заручившись доверием лидеров основных буржуазных партий, добившись популярности среди избирателей. Поэтому Батиста, идя к намеченной цели, укреплял свое положение в армии и заигрывал с массами.

К 1935 году Батиста создал мощный военный аппарат, оснастил армию новым вооружением, закупленным в США, в том числе гидропланами и бомбардировщиками, заново отстроил военный городок Колумбию, увеличил жалованье военнослужащим, в результате в его руках оказалась мощная сила — 30 тыс. штыков, способная по первому же приказу подавить «внутреннего врага».

Готовя почву для выдвижения своей кандидатуры на президентских выборах 1940 года, Батиста объявил о плане строительства школ для детей крестьян и сельскохозяйственных рабочих, о расширении системы пенсионного обеспечения, об осуществлении широких строительных программ в целях борьбы с безработицей. Для финансирования этого плана конгресс принял законопроект об обложении особым налогом каждого произведенного на Кубе мешка сахара-сырца.

Избранный в 1936 году президентом М. Гомес, попытавшийся ограничить засилье в стране военщины и на-

ложивший вето на закон о сахарном налоге, по требованию командующего армией генерала Батисты был устранен конгрессом с поста президента и отдан под суд.

Стремясь вырвать инициативу из рук левых организаций, выдвинувших в 1936 году лозунг созыва Учредительного собрания для выработки конституции, Батиста заявил, что созыв такого собрания является одной из первостепенных задач правительства. В июле 1937 года он объявил о принятии трехлетнего плана «экономической и социальной реконструкции» Кубы, включавшего установление контроля правительства над сахарной, табачной и горнодобывающей промышленностями, реформу налоговой системы, распределение государственных земель между бедными крестьянами и предоставление им кредита, социальное страхование для рабочих, введение оплачиваемых отпусков, расширение строительства больниц и др.

Сместив реакционно настроенного министра внутренних дел, Батиста стал вести широкую игру с политическими партиями, обещая им равное участие на президентских выборах. Применять такую тактику опытный политикан был вынужден не только в силу имевшихся у него планов, но и перед лицом роста демократического движения, наметившегося не только на Кубе, но и во всей Латинской Америке.

Батиста распустил существовавший на острове филиал испанской фаланги. Пойти на принятие этой и других подобных ей мер он был вынужден еще и потому, что, готовясь к VIII-й проамериканской конференции в Лиме (декабрь 1938 года), США стремились добиться принятия на ней решений, препятствующих проникновению в Латинскую Америку своих соперников — Германии и Италии. 1 мая 1938 года прошла грандиозная демонстрация под антифашистскими и демократическими лозунгами. Сдерживала Батисту и память о печальном конце диктатора Мачадо, к повороту в судьбе которого он сам приложил руку.

Батиста провел амнистию — освободил политзаключенных, дал согласие на возрождение под названием Конфедерация трудящихся Кубы, действовавшей с 1935 года в подполье Национальной конфедерации трудящихся Кубы. В апреле 1939 года был принят закон о проведении выборов в Учредительное собрание, а сами выборы были назначены на ноябрь. Стало складываться впечатление, что Батиста создает такую обстановку, которая позволит рассчитывать на проведение демократических выборов.

Последнее обстоятельство в немалой степени дезориентировало оппозиционные силы. Да и трудно было избежать ошибочных оценок, когда власти разрешили легальную деятельность коммунистов, свободный выпуск их печатного органа — газеты «Нотисиас де Ой», легализовали другие оппозиционные организации, в том числе созданную Гитерасом «Молодую Кубу», многим политическим лидерам разрешили вернуться из эмиграции. В конце 1939 года состоялся учредительный съезд Конфедерации трудящихся Кубы, объединившей более 800 профсоюзов и насчитывавшей свыше 300 тыс. членов. Летом того же года была создана Национальная крестьянская федерация.

В 1940 году была принята новая конституция. Она предусматривала ограничение латифундизма и засиления монополий и иностранного капитала в стране. За государством сохранялись все права на недра; право на конфискацию собственности, не приносящей пользы обществу; предусматривалось равное избирательное право для всех граждан республики — мужчин и женщин старше двадцати лет.

На президентских выборах в июле 1940 года победил Ф. Батиста. Политическая активность масс, вызванная началом второй мировой войны, вынудила Батисту продолжать политику, не свойственную его внутренним убеждениям. Он пошел на национализацию части железных дорог (октябрь 1942 года), установил диплома-

тические отношения с Советским Союзом. В декабре 1941 года, после вступления в войну США, Куба объявила войну Японии, а спустя несколько дней — Германии и Италии.

Трудности войны сказались на Кубе в основном в экономическом плане. Осложнилась транспортировка сахара, резко возросли цены на уголь, нефть, автопокрышки, ощущался дефицит этих товаров. Перебои в снабжении продовольствием привели к образованию в стране черного рынка. Усилилась коррупция среди государственных чиновников, росла инфляция.

Если при Батисте и произошла некоторая демократизация общественной жизни, то ни одна из острейших экономических проблем так и не была решена.

Сахарная промышленность, эта важнейшая отрасль кубинской экономики, продолжала оставаться в руках иностранных монополий, главным образом американских, две трети кубинского импорта и три четверти экспорта приходились на торговлю с США.

В 40-х годах под контролем американских компаний оказалась вся горнодобывающая промышленность Кубы, все предприятия по выработке электроэнергии, телефон, телеграф, 50% услуг в сфере обслуживания; почти 80% горючего, потреблявшегося в стране, поставлялось нефтяными монополиями США. Кубинская экономика пребывала в состоянии хронического кризиса.

Национальная буржуазия Кубы, стремившаяся улучшить свое положение, так и не добилась развития отраслей промышленности, не связанных с производством сахара, несмотря на некоторое увеличение прибылей, обусловленных войной. Это обстоятельство, наряду с недовольством, вызванным скоропалительным личным обогащением президента, в известной степени предопределило исход выборов 1944 года, на которых победу одержал не ставленник Батисты, а лидер оппозиции — Грау Сан-Мартин. Батиста после поражения уехал отдыхать во Флориду.

В 1948 году президентом стал Прио Соккарас — лидер республиканской партии. Соккарас подвергся резкой критике со стороны правой оппозиции за «недостаточно твердую власть». Батиста учел это и стал ориентироваться на правых.

«Сержант» учитывал и новые веяния на континенте, начавшуюся после второй мировой «холодную войну». В 1949 году кубинское правительство создало группу по борьбе с подрывной деятельностью. Вслед за Соединенными Штатами антикоммунизм стал государственной политикой Кубы. Соккарас попытался под давлением Вашингтона направить на войну в Корею 25 тысяч кубинских солдат. Эта затея, помимо жизней, должна была стоить Кубе 100 млн. долларов. Движение протеста против столь явной авантюры развернулось по всему острову, даже в армии.

Усиление позиций левых сил заставило искать «сильную личность». Генерал Батиста как раз вернулся из США. На его выбор повлияли два обстоятельства: генерал был безоговорочно предан Вашингтону, а также пользовался заметным авторитетом в армии, несмотря на то, что его ставленников при Сан-Мартине вынудили уйти в отставку.

Приступая к осуществлению государственного переворота, генерал довольно четко взвесил все «за» и «против». Момент оказался вполне подходящим: правительство Прио Соккараса окончательно дискредитировало себя, важнейшие военные и полицейские центры страны готовы были поддержать мятежников.

В ночь на 10 марта 1952 года Батиста появился в военном городке Колумбия. К вечеру того же дня он уже восседал в президентском дворце. Переворот прошел бескровно.

После второго прихода к власти генерал повел себя намного жестче и бесцеремоннее, чем в первый период своего правления. Он перечеркнул многие собственные начинания: отменил конституцию 1940 года, по-

рвал дипломатические отношения с Советским Союзом. Эти меры проводились в рамках политики «холодной войны». В западном полушарии в те годы панически боялись всего, что хоть отдаленно напоминало коммунизм в его советском варианте. Сам Батиста регулярно произносил речи, в которых показывал свою ненависть к коммунизму.

Экономическая политика правительства способствовала заметному укреплению позиций американского капитала в кубинской экономике. Целый ряд соглашений с США открывал широкие возможности для перевода прибылей с Кубы на континент. Американским компаниям были предоставлены выгоднейшие концессии в горном деле, в нефтеразведке, в продаже на острове бензина. В первый же год правления Батисты в стране начали деятельность около 100 новых американских компаний. В руках кубинских филиалов американских банков оказалась четвертая часть всех вкладов в стране.

За годы режима Батисты американские компании вывезли с Кубы не менее 800 миллионов долларов чистой прибыли. В результате «ножниц цен» на кубинские и американские товары Куба потеряла только за 50-е годы не менее 1 млрд. долларов. Будучи аграрной страной, она во все расширяющихся масштабах продолжала ввозить из США продовольствие.

Под нажимом Вашингтона Батиста проводил политику сокращения производства и экспорта сахара. Доля острова в мировом производстве сахара в 50-х годах снизилась с 20 до 11%.

Стремление американского капитала не допустить индустриального развития Кубы вело практически к развалу дел в таких отраслях промышленности, как табачная, обувная, деревообрабатывающая и др.

Параллельно с экономическим продолжалось интенсивное идеологическое проникновение США на остров. Ежегодно из Соединенных Штатов поступало

более 200 полнометражных кинофильмов, кубинского читателя пичкали литературой, восхвалявшей «американский образ жизни».

Фактически Куба превращалась не только в экономическую, но и идеологическую колонию США. При этом Батиста не забывал о личных интересах. За предоставление концессий кубинским промышленникам или разрешение на создание новых компаний генерал получал до 50 % от суммы заключенной сделки. Таким образом, он стал акционером 40 компаний. Батиста и его приближенные заметно обогатились в результате развернутого ими широкого строительства дорог, отелей, увеселительных заведений. Для финансирования этого строительства диктатор учредил специальный Банк экономического и социального развития Кубы.

Процветали коррупция и казнокрадство, спекуляция, общество все заметнее разделялось на очень богатых и очень бедных. Получило распространение профессиональное нищенство. Средний месячный заработок большинства рабочих равнялся недельной зарплате американского рабочего. Особенно тяжело приходилось цветной части кубинского населения. Несмотря на то, что на острове белые и цветные давно слились в одну нацию, режим всячески пытался выделить негритянское население в самостоятельную группу.

Наряду с демагогическими ходами, Батиста в качестве главного аргумента в пользу своей власти использовал репрессии.

В первую очередь диктатор, объявивший себя ярким противником коммунизма, обрушился на Народно-социалистическую партию. Власти задерживали многих видных коммунистов и отдавали их под суд чрезвычайного трибунала. Обыденным явлением стали налеты на помещения партии, аресты и избиения партийных активистов.

Под предлогом борьбы с «коммунистическим проникновением» правительство жестоко расправлялось

со всеми противниками диктатуры. Разгонялись любые манифестации, организованные оппозицией. Стало практиковаться увольнение с работы по политическим мотивам.

Несмотря на заявления Батисты, что совершенный им переворот вызван стремлением навести порядок, обеспечить деятельность политических и профессиональных организаций, в стране был установлен режим неприкрытого произвола. Диктатор распустил Национальный конгресс, лидеры и активисты политических партий на 30 лет лишились права участвовать в политической жизни Кубы. Президент окружил себя всевозможными гангстерскими элементами. Выборы, намечавшиеся на ноябрь 1953 года, были отложены на неопределенный срок.

В апреле того же года был опубликован конституционный статут, заменивший конституцию 1940 года. Изобиловавшие в нем оговорки практически сводили на нет права личности и политических партий. Изменения в статуте могли быть оформлены путем утверждения Советом министров, что открывало широкую возможность для произвола со стороны диктатора.

Государственный переворот вызвал кризис во всех партиях как правого, так и левого толка. Одни партии самораспустились, другие распались на фракции. Партия коммунистов оказалась в изоляции и практически бездействовала. Ее активность не выходила за рамки организации изолированных забастовок.

В начале 50-х годов, когда многие оппозиционные деятели начали говорить о бесперспективности борьбы с Батистой, развернул революционную деятельность Фидель Кастро, будущий руководитель кубинского социалистического государства. Два года он партизанил в труднодоступных районах Кубы, а в 1953 году молодые революционеры решились на вооруженное выступление. Штурм казармы Монкада в Сантьяго и казармы в городе Баямо был приурочен ко дню карнавала — 26 июля.

Восставшие потерпели поражение. После более чем двухчасового боя в Сантьяго большинство нападавших погибли, оставшиеся в живых отступили в горы, где вскоре были схвачены.

Батиста испугался не на шутку, затем его страх перешел в ярость. Вечером того же дня он направил на военном самолете своего эmissара в Сантьяго с инструкцией расстрелять 10 пленников за каждого убитого солдата. Началась зверская расправа с революционерами: их закапывали по грудь в землю и использовали в качестве мишеней, сбрасывали с крыш высоких зданий, раненых волокли по лестницам, пока они не умирали, вешали, у них вырывали глаза, вводили им в вены воздух, выпускали якобы на свободу, а затем стреляли в спину.

Правительство развернуло ничем не прикрытый террор. На 90 дней отменило конституционные гарантии, провело массовые аресты среди руководителей оппозиционных партий (доказать их причастность к событиям 25 июля батистовцам не удалось, и они были отпущены на свободу), издало один за другим репрессивные законы. Даже после восстановления конституционных гарантий продолжались аресты, обыски, облавы, из тюрем не выпускали политзаключенных.

Вместе с тем Батиста понимал, что необходимо срочно придать режиму хотя бы видимость законности. Поэтому было объявлено о проведении 1 ноября 1954 года выборов, на которых коалиция проправительственных партий выдвинула кандидатом в президенты Батисту. Единственным кандидатом от оппозиции являлся Грау Сан-Мартин, но его партия так и не сформулировала четкой предвыборной программы.

По мере приближения выборов на Кубе усиливался террор. Казалось, что страна находится в состоянии войны. По всем городам двигались войска, которые брали под свой контроль избирательные участки. Широко практиковался подкуп сотрудников радио, газет, мил-

лионы песо были выброшены на правительственную предвыборную рекламу. Верховный избирательный трибунал, состоявший из сторонников Батисты, не разрешил людям Грау наблюдать за подсчетом голосов после окончания голосования. 31 октября, когда этот шаг уже мало что менял, Грау снял свою кандидатуру «из-за отсутствия гарантий справедливых выборов».

В результате Батиста снова занял президентское кресло. Вновь избранный конгресс, состоявший в основном из его сторонников, 2 февраля 1955 года выразил готовность поддерживать президента.

Соединенные Штаты также поспешили оказать моральную поддержку Батисте. Его публично поздравил с победой на выборах посол Соединенных Штатов в Гаване А. Гарднер. В феврале 1955 года на Кубу нанес визит вице-президент США Р. Никсон, вручивший Батисте портрет Д. Эйзенхауэра с личной дарственной надписью американского президента. В июне того же года было расширено американо-кубинское соглашение о военной помощи, в результате чего боевая подготовка кубинской армии целиком перешла в руки американской военной миссии в Гаване.

Со своей стороны Батиста стремился убедить Вашингтон в том, что Куба, как говорилось в его послании кубинскому конгрессу, связала свою судьбу «со своим великим союзником» — США. Батиста даже намеревался проложить через Кубу международный морской канал, наподобие Панамского, который сократил бы США путь к северным берегам Южной Америки. На Кубе такие планы не встретили поддержки решительно ни у кого, и проект пришлось отложить.

Открытая поддержка Батисты Соединенными Штатами возымела действие: буржуазная оппозиция не только снизила тон в критике режима, но и начала проявлять стремление к урегулированию отношений с ним. Этому способствовали некоторые шаги самого правительства. В частности, власти заявили о намерении вос-

становить конституцию 1940 года и стали заигрывать с некоторыми представителями оппозиции.

Напуганный заметным ростом влияния Народно-социалистической партии на народные массы, Батиста почти всю репрессивную деятельность сосредоточил на борьбе с коммунизмом. Он издал закон — декрет №1975, который объявлял «несовместимой с государственной службой и с исполнением руководящих или совещательных функций в рабочих и предпринимательских организациях коммунистическую деятельность в любом ее проявлении». Батиста был неоригинален. Такие законы уже действовали в США. Холодная война была в самом разгаре. В обоих мировых лагерях усиленно велась «охота на ведьм». В мае 1955 года на Кубе начало функционировать так называемое Бюро по подавлению коммунистической деятельности. В его организации и работе приняло активное участие ЦРУ. Директор ЦРУ Аллен Даллес писал Батисте: «Создание кубинским правительством Бюро по подавлению коммунистической деятельности является важным шагом вперед в деле борьбы за свободу. Я считаю для себя честью, что Ваше правительство приняло решение разрешить нашему управлению оказать помощь в подготовке некоторых из офицеров этой важной организации».

В стране стали обычным делом политические убийства. Все чаще жители кубинских городов и поселков обнаруживали на улицах трупы со следами пыток. За воротами предприятий оказывались тысячи «неблагонадежных» рабочих и служащих.

В декабре 1955 года началась забастовка на сахарных заводах. В знак солидарности ее поддержали рабочие-табачники, железнодорожники, студенты, мелкие лавочники. Вооруженные столкновения с полицией произошли во многих населенных пунктах, имелись убитые и раненые.

Батиста на время перебрался в военный городок Колумбию под охрану войск, а посол США прервал свой

отпуск и срочно вернулся на Кубу. В борьбу с Батистой включались все новые и новые силы. Недовольство ощущалось даже в офицерском корпусе. В апреле 1955 года был раскрыт заговор офицеров во главе с полковником Р. Баркином. Заговор не был политическим, а носил чисто кастовый характер.

Спустя три недели группа молодежи попыталась захватить казармы Гойкурия в Матансасе. От полицейского агента власти заранее узнали о готовящемся нападении. Подъехавшие к казарме студенты сразу же попали под кинжальный пулеметный огонь и почти все погибли.

В ноябре 1956 года после еще одной неудачной попытки восстания, предпринятой Ф. Кастро совместно с другими оппозиционными организациями, в его отряде осталось только 12 человек. Весной 1957 года этот малочисленный отряд превратился в настоящую партизанскую армию. Бои между партизанами и правительственными войсками шли с переменным успехом.

Сопrotивление диктатуре в стране нарастало. Еще в январе 1957 года в Сантьяго прошла внушительная демонстрация женщин под лозунгом «Прекратите убивать наших сыновей!» С протестом против террора выступали рабочие сахарных заводов. 13 марта 1957 года повстанческая организация «Революционный директорат» совершила нападение на президентский дворец в Гаване. Ставилась цель расправиться с Батистой, а затем по радио обратиться к жителям столицы с призывом поднять восстание.

Отряд из 50 человек ворвался во дворец, но операция не увенчалась успехом: Батиста сумел укрыться на верхнем этаже, многочисленная охрана вместе с подоспевшими войсками расправилась с восставшими.

24 мая 1958 года правительство начало генеральное наступление на партизан Ф. Кастро в провинции Орьенто. Наступление провалилось. За три месяца повстанческая армия очистила район Сьерра-Маэстры (основное место расположения партизанских баз) от войск

Батисты. Взбешенный Батиста отдал распоряжение подвергнуть жестоким бомбардировкам с воздуха населенные пункты, расположенные на территории, контролируемой партизанами. В ответ на это командующий Вторым восточным фронтом Р. Кастро приказал задержать в качестве заложников несколько десятков американских граждан, которым были продемонстрированы результаты действий батистовской армии. То же было показано и консулу США в Сантьяго. Батиста отдал распоряжение о временном прекращении бомбардировок.

Предчувствуя незавидный финал, Батиста объявил о «демократических» выборах, назначенных на 3 ноября 1958 года. Он рассчитывал, что президентские выборы разрядят напряженную обстановку, сумеют спасти его режим. Правда, он выставил на них не свою кандидатуру, а кандидатуру Андреаса Риверо — своего личного секретаря, занимавшего в течение года пост премьер-министра. Последний недвусмысленно заявил: «После моей победы на выборах я хотел бы, чтобы Фульхенсио Батиста был рядом со мной».

Народ на выборы не пошел. В Гаване в них приняли участие только 25% избирателей, в Сантьяго-де-Куба — 2%. 20 ноября А. Ривера был провозглашен президентом.

Вскоре после выборов командование повстанческой армии приняло решение о начале генерального наступления на всех фронтах.

В ноябре 1958 года ЦРУ и госдепартамент пришли к выводу, что Батиста должен покинуть Кубу. На остров отправился специальный эмиссар, личный друг Батисты, наживший с его помощью огромное состояние — У. Поули. 9 декабря он встретился с Батистой и изложил ему следующий план: 1. Образовать временное правительство из наиболее умеренных противников режима. 2. Самому Батисте с семьей поселиться в Дейтоне (США) на собственной вилле. 3. Сделать так, чтобы новое правительство не преследовало сторонников режи-

ма. 4. Через 18 месяцев провести выборы; 5. Сделать так, чтобы временное правительство враждебно отнеслось к Ф. Кастро и его людям.

План был согласован с президентом Эйзенхауэром, но Батиста этого не знал. Предложения он отверг.

Ночью 17 декабря на загородной вилле «Кукине» состоялась встреча Батисты с послом США на Кубе Эрлом Смитом. Посол лишил диктатора последней надежды на то, что в данный момент США будут стремиться усилить его позиции.

Не менее безнадежное положение складывалось для Батисты и в собственном стане. В последние дни декабря между ним и его «правой рукой» генералом Табернильей состоялся откровенный разговор. «Многие полагают, — сказал Табернилья, — что вы отдаете себе отчет в происходящем, но хотите бороться за дело, которое проиграно, лишь из соображений чести или самолюбия. Все думают, что вы ждете последней минуты отречения, чтобы покончить с собой. Одним словом, я скажу со всей прямотой, шеф, офицеры, с которыми я беседовал, считают вас самоубийцей».

Батиста понял, что «капкан» вот-вот захлопнется. В ночь на 1 января 1959 года он прямо с новогоднего банкета в военном городке Колумбия направился на аэродром, где его ближайшее окружение ждали четыре самолета. Тиран в спешке покинул Кубу. 2 января части повстанческой армии вступили в Гавану.

Батиста после бегства с острова поселился в Испании, где его приютил диктатор Франсиско Франко. Награбленное у страны богатство позволило ему без забот провести остаток жизни. Умер он 6 августа 1973 года.

БОКАССА ЕДДИН АХМЕД (ЖАН БЕДЕЛЬ) (1921–1996)

Бокасса — «пожизненный президент», император Центральноафриканской республики (Империи), деспот, тиран и людоед.

Жан Бедель Бокасса родился 22 февраля 1921 г. в Бобангуи (Убангуи-Чарли) во французской экваториальной Африке, в большой семье, в которой насчитывалось 12 детей. Осиротел в возрасте 6 лет. Образование получил в миссионерских школах, потом вступил во французскую армию, где прослужил 23 года.

Во время второй мировой войны Бокасса сражался в рядах французских внутренних сил. После войны окончил офицерскую школу во Франции, а в 1950 г. принял участие в войне Франции в Индокитае. В 1959 г. вернулся на родину в чине капитана и занял пост начальника военного кабинета.

В 1960 г. Франция предоставила Центральноафриканской Республике (ЦАР) независимость в рамках Французского сообщества. Президентом страны был избран премьер-министр Д. Дако. Франция и ЦАР подписали соглашение о сотрудничестве в области обороны, внешних сношений и экономики, закрепившее контроль Франции над ее бывшей колонией.

В первое правительство ЦАР вошли представители традиционной знати и колониальной администрации, военные, прошедшие службу во французских колониальных войсках, служители культа. Бокасса в 1963 г. занял пост начальника Генерального штаба национальной армии ЦАР.

Для правления Дако были характерны тоталитарные тенденции. Он стремился ограничить компетенцию законодательной власти, в стране конституционно за-

креплялась власть единственной партии — Движения социальной эволюции Черной Африки (ДСЭЧА), кстати, первой политической африканской партии.

Президент Д. Дако не сумел вывести страну из состояния экономической отсталости. За годы его правления (1960–1966) валовой внутренний продукт увеличился лишь на 8 млн. долларов. Снизилось производство таких основных сельскохозяйственных культур, как хлопчатник, кофе, арахис. Проекты экономического развития были привязаны к внешним источникам финансирования. Жизненный уровень населения оставался одним из самых низких в Африке. В стране процветали коррупция, взяточничество, хищение государственного имущества. Правительство скомпрометировало себя проведением антидемократической внутренней политики. В стране нарастала политическая напряженность.

Единственной организованной силой в стране оказалась армия, руководство которой, воспользовавшись сложившейся обстановкой, 1 января 1966 г. совершило государственный переворот. Президентом страны, главой правительства и председателем ДСЭЧА стал полковник Бокасса.

В результате переворота в стране установилась военная диктатура. Считая вооруженные силы опорой режима, Бокасса после прихода к власти повысил жалованье военным более чем в 10 раз и за первые пять лет увеличил численность армии в четыре раза. Созданная в стране в 1966 г. военная академия за пять лет подготовила около 90 офицеров. Доля военных расходов в валовом внутреннем продукте за этот срок возросла вдвое. Бокасса попытался возложить на армию гражданские функции, в частности контроль за правительственными учреждениями.

Стремясь оградить армию от проникновения в нее антидиктаторских идей, Бокасса издал в 1970 г. декрет, по которому «национальная армия была и остается вне политики». В связи с этим гражданским лицам было за-

прещено появляться в лагерях и казармах, устанавливать какие-либо контакты с представителями вооруженных сил, вести с ними беседы политического характера. Этот акт был направлен на превращение армии в послушное орудие режима Бокассы.

Основной целью Бокассы было достижение абсолютной личной власти. После военного переворота была отменена конституция, распущено Национальное собрание, запрещены политическая оппозиция и любые формы общественно-политической деятельности, не контролируемые правительством. Роль существующих общественно-политических организаций была сведена на нет.

Хотя за ДСЭЧА признавалась руководящая роль, фактически партия стала послушным орудием в руках главы государства. Она была лишена всякой возможности влиять на ход событий в стране, не имела политической программы. На IV-м съезде ДСЭЧА, состоявшемся в 1972 г., основным вопросом повестки дня было присвоение Бокассе воинского звания маршала ЦАР. Всеобщий союз трудящихся ЦАР, подвергавшийся всевозможным ограничениям, в конце 1977 г. был распущен и вновь воссоздан только в начале 1979 г.

Ликвидировав конституционные институты и общественные организации, которые и до прихода к власти Бокассы не были особенно жизнеспособными, глава государства установил полный контроль над исполнительной властью путем постоянных перемещений в правительстве (4–5 раз в год), избавился от неудобных и потенциальных конкурентов в борьбе за власть. Так, в 1973 г. был арестован государственный министр О. М'Бонго, в 1974 г. — генеральный секретарь профсоюзной организации Р. Сандоса, в 1978 г. смещен с занимаемого поста и выслан из страны премьер-министр А. Патассе. Лишились жизни полковник Мандабы, министр здравоохранения А. Банзы, генерал жандармерии Лингунду и др.

К 1976 г. Бокасса сосредоточил в своих руках всю полноту власти, стал хранителем печати, министром обороны, министром государственных учреждений и социального обеспечения, министром торговли, министром промышленности и шахт, министром почт и телекоммуникаций, министром информации. Бокасса единолично принимал решения по важнейшим государственным вопросам. Военный режим все чаще прибегал к насилию для усиления своих позиций. Крайняя экспансивность, неуравновешенность, частая смена взглядов, неразборчивость в средствах при осуществлении намеченных целей — вот характерные черты бывшего главы ЦАР.

Чтобы хоть как-то смягчить возникший кризис, правительство ЦАР прибегло к традиционному для стран третьего мира маневру. В октябре 1970 г. Бокасса заявил, что страна входит в «прогрессивный социалистический лагерь». Немного ранее он (в июле 1970 г.) посетил Советский Союз с «официальным дружественным визитом». В 1995 г. бывший сотрудник Министерства иностранных дел СССР Николай Полянский опубликовал в «Аргументах и фактах» интересные воспоминания о встрече с президентом-людоедом.

Бокасса приехал с многочисленной свитой из министров и челяди, но без жены. Некоторые ее функции с успехом исполняла личная секретарша, симпатичная француженка лет двадцати. В советском МИД полагали, что она — французская шпионка. Насчет шпионской деятельности установить ничего не удалось, но весьма пикантные моменты послеобеденного отдыха президента с секретаршей советские дипломаты наблюдали собственными глазами.

Встречали Бокассу на высоком уровне: два члена Политбюро — Подгорный и Мазуров, министр иностранных дел Громыко, заместитель Подгорного Яснов. Первое, что Бокасса заявил на переговорах в Кремле, было примерно следующее: «Перед поездкой в СССР я

прочитал произведения великого Ленина и стал настоящим марксистом-ленинцем. Я восхищаюсь достижениями вашей страны и хочу строить социализм у себя на родине».

Было известно, что Бокасса готов присоединиться к советскому блоку (несмотря на декларировавшуюся им ранее политику неприсоединения), если ему будет оказана значительная материальная и финансовая помощь. В правительстве СССР не клюнули на приманку и предоставили только ограниченную помощь. Последующие события в ЦАР показали правильность решения советского руководства.

Во время перелета в Волгоград Бокассу сопровождал Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР Михаил Алексеевич Яснов. У него была четкая установка: спойть гостя во что бы то ни стало. Руководители старой советской закалки были уверены в том, что водка должна обязательно развязать ему язык.

Пять-шесть бутылок водки и коньяка сопровождали только несколько плиток шоколада. Яснов авторитетно заявил, что закуски больше не нужно. Личный врач Бокассы чуть ли не на коленях умолял Яснова пощадить президента, которому нельзя было пить из-за больной печени, Яснов парировал все доводы врача одним: водка — это лекарство от всех болезней. В конце полета Бокасса выглядел совершенно пьяным и больным, но так и не выдал никаких секретов или тайных намерений.

После посещения Киева Бокассу до самого отъезда из СССР сопровождал заместитель Председателя Президиума Верховного Совета Украины Стеценко. На прощальном вечере в Ялте опять пили. Руководство поднимало тосты за дружбу и сотрудничество. И тут Бокасса, расчувствовавшись и желая напоследок произвести хорошее впечатление, решил перецеловаться со всеми присутствующими. Бокасса, не в пример хилым советским руководителям, буквально душил всех засосом.

Каждый поцелуй длился не менее одной минуты. Советские сотрудники вынуждены были стоически переносить это испытание. Самым выносливым, как и положено руководителю, оказался Стеценко.

Во внешней политике Бокасса отличился таким же непостоянством, как и представительницы одной из древнейших профессий. Вскоре после установления контакта с СССР он призвал народ своей страны следовать по пути Франции и США, а 4 сентября 1976 г., во время официального визита главы ливийского государства Муамара Каддафи в ЦАР, Бокасса и ряд членов правительства приняли мусульманство и взяли себе соответствующие имена.

В конце 60-х годов центральноафриканские лидеры объявили о строительстве в стране «африканского», или «тропикализованного», социализма. Была предпринята попытка создать государственный сектор. В результате национализации, проведенной в конце 60-х — начале 70-х годов, его составили гидроэлектростанция Боали, речной порт Банги, французская компания по разработке леса «Сосьете д'эксплуатасьон форестьер индустриель». Был создан ряд государственных компаний, государство участвовало в смешанных обществах, где его доля составляла от 10 до 40% акционерного капитала. Все эти мероприятия проводились в рамках операции, носившей имя президента Бокассы и широко пропагандировались.

Вся политическая и идеологическая деятельность центральноафриканского военного режима строилась в соответствии с лозунгом «третьего пути развития», что позволяло ему длительное время удерживаться у власти.

Во второй половине 70-х годов в экономической политике ЦАР наметилась тенденция к свертыванию госсектора. Многие государственные общества были преобразованы в смешанные. Частный капитал был допущен в речной транспорт, в распределение нефтепродуктов, в

некоторые государственные сельскохозяйственные компании. Все чаще предпочтение отдавалось частному сектору, при этом поощрялось развитие национального частного предпринимательства.

4 декабря 1976 г. на чрезвычайном съезде ДСЭЧА было объявлено о переименовании Центральноафриканской Республики в Центральноафриканскую Империю (ЦАИ), Бокасса стал императором.

Съезд принял конституцию ЦАИ. Многие ее положения свидетельствовали о закреплении в стране личной диктатуры. Согласно конституции, император являлся главой исполнительной власти. Законодательным органом стал парламент, единственная палата которого называлась Национальным собранием. Император имел право досрочно его распускать. Премьер-министр назначался и снимался императором по волеизъявлению последнего вследствие вотума недоверия в Национальном собрании. Император мог по своему усмотрению вводить чрезвычайное положение, во время которого ему предоставлялись особые полномочия. Корона империи объявлялась наследственной, передаваемой по нисходящей мужской линии, если император сам не назначит в качестве преемника одного из своих сыновей.

Правосудие на территории Центральноафриканской Империи осуществлялось от имени императора. Конституция закрепила однопартийную систему. Единственной партией провозглашалась ДСЭЧА. На съезде было принято решение о создании в составе партии «комитета бдительности», своего рода внутрипартийной «полиции». В ноябре 1977 г. было учреждено Политическое бюро ДСЭЧА, состоявшее из 17 человек, которое возглавил сам император.

4 декабря 1977 г. состоялась коронация императора Бокассы I, церемония которой копировала торжества по случаю коронации Наполеона. Лучшие европейские фирмы изготовили императорскую корону, украшен-

ную двумя тысячами бриллиантов. Ее стоимость составила 5 млн. долларов. «Головной убор» дополнили золотой трон в форме сидящего орла весом в 2 тонны и леопардовые мантии. Было закуплено более 100 автомобилей лучших иностранных марок и 130 белых скакунов. Родственники Бокасса получили титулы принцев и принцесс. Малолетний сын императора был назначен наследником престола. Коронация обошлась стране в 50 млн. долларов, что составило около половины годового бюджета страны.

В империи царили жестокость и террор. За малейшую провинность следовало непомерное наказание. Например, вора за два правонарушения отрубали ухо, а за третье — руку, причем сам Бокасса часто лично присутствовал на подобного рода судебных расправах. Неудобные лица и потенциальные конкуренты смещались с постов, высылались из страны, подвергались арестам, средневековым истязаниям, казням. Своих политических противников Бокасса съедал в прямом смысле этого слова. Части тела казненных время от времени поступали в большой императорский холодильник.

В качестве основных принципов внешней политики Бокасса декларировал стремление к миру в соответствии с Уставом ООН и Хартией Организации африканского единства, невмешательство во внутренние дела других стран, сотрудничество со всеми странами в духе мира и справедливости независимо от их политической и идеологической системы. На деле как внешняя, так и внутренняя политика ЦАИ характеризовались крайней непоследовательностью. Так, в 1970 г. были прерваны дипломатические отношения с ГДР в надежде получить большую экономическую помощь от ФРГ. В 1973 г. были разорваны дипломатические отношения с Израилем, хотя экономическое сотрудничество с этой страной продолжалось. В 1975 г. Бокасса установил деловые контакты с ЮАР.

Абсолютизация личной власти в стране наряду с

усиливавшейся экономической и социальной напряженностью способствовала возникновению и формированию сил, противодействующих режиму. В стране и за ее пределами появился ряд оппозиционных движений.

К концу 70-х годов экономическое положение ЦАР еще более ухудшилось. Страна полностью зависела от иностранной помощи. Государственный долг вырос в десять раз. Французские компании продолжали занимать доминирующее положение в экономике.

С целью привлечения национальных и иностранных инвесторов в январе 1978 г. на заседании политбюро ДСЭЧА была принята резолюция о запрещении национализации частной собственности, которая объявлялась незыблемой.

Ухудшение экономического положения, отсутствие демократических свобод, террор способствовали резкому обострению внутривнутриполитической обстановки. В апреле 1979 г. состоялась демонстрация студентов и учащихся, поводом к которой послужил протест против обязательного ношения дорогостоящей формы, выпускавшейся предприятием, принадлежавшим императору Бокассе.

Эта демонстрация переросла в массовые выступления, охватившие все слои населения. Столкновения между полицией и населением имели место в городах Банги, Бангасу, Босангоа и др. Для подавления демонстрантов правительство было вынуждено привлечь заирские войска. Центральноафриканская же армия получила приказ не покидать казармы. Дело в том, что 5 тысяч центральноафриканских солдат, призванных поддерживать общественный порядок, не имели оружия. Только одна тысяча солдат из народности мбака, к которой принадлежал Бокасса, была хорошо вооружена, но эти солдаты охраняли императорский дворец в Беренго. Во время боев 400 человек было убито и ранено, многие студенты арестованы. События 1979 г. пока-

зали, что армия не может быть опорой существующего режима. Что касается оппозиции, то она обнаружила слабость и неорганизованность.

Рост стихийного сопротивления центральноафриканцев, измученных нищетой и бесправием, выразился в некотором оживлении деятельности тайных обществ. В Банги, например, было создано подпольное движение Фронт освобождения центральноафриканского народа (ФОЦН); во Франции возник Фронт освобождения Убанги, которым руководил бывший посол ЦАР во Франции генерал Сильвестр Банги. Во главе другой организации — Движения за освобождение центральноафриканского народа — стал бывший премьер-министр А. Патассе. Эти организации громко призывали к борьбе за восстановление республики и демократических свобод.

Напряженная обстановка в стране поставила под угрозу интересы Франции, что побудило ее вмешаться. 20 сентября 1979 г. французские парашютисты свергли диктаторский режим. Бокасса бежал из страны, получив убежище в Республике Кот-д'Ивуар, а затем во Франции.

Новое Правительство общественного спасения возглавил Д. Дако. Он сохранил существующие административные и экономические структуры, большинство членов старого правительства осталось при своих портфелях.

Антидемократические акции нового руководства вызвали кризис в стране. Чтобы ослабить внутривосточное напряжение, в 1980 г. был проведен заочный суд над императором и его приближенными. Суд вынес смертный приговор диктатору Бокассе и десяти его ближайшим сотрудникам. Но никто из них не был казнен, а министры обороны и внутренних дел, причастные к арестам студентов в 1969 г., были освобождены из заключения.

В 1986 г. Бокасса тайно вернулся в ЦАР с намерени-

ем совершить государственный переворот, но был арестован. Президент Андре Колингба отдал его под суд. Процесс длился шесть месяцев. Уголовный суд Банги приговорил Бокассу к смертной казни, впоследствии замененной пожизненной каторгой. Суд признал его виновным в совершении тягчайших преступлений. В ходе следствия было документально доказано, что Бокасса лично повинен в зверских расправах над людьми, убийствах, пытках, в каннибализме.

Вместо каторги Бокасса проводил время в тюрьме в одиночной камере. В 1991 г. истекли полномочия президента А. Колингбы. Но он, не желая терять власть, оттянул новые выборы до 1993 г. В результате второго тура президентских выборов окончательную победу одержал А. Патассе. А. Колингба успел перед уходом объявить амнистию заключенным, под которую попал и Бокасса, который под шумок поспешил скрыться. Сравнительно недавно в прессе промелькнули сообщения, согласно которым Бокасса умер вследствие инфаркта миокарда в ночь на 25 октября 1996 г.

БОРИС III (1894–1943)

Царь Борис III вступил на болгарский престол в 1918 году. К концу жизни он добился единоличной диктаторской власти в стране. Борис III втянул Болгарию во вторую мировую войну на стороне фашистских государств.

Борису исполнилось 24 года, когда его отец царь Фердинанд подписал отречение от престола в пользу сына. Фердинанд вынужден был уйти из большой политики после крупного поражения Болгарии на Салоникском фронте в середине сентября 1918 года. Эта катастрофа принесла болгарам национальное унижение и неисчислимы бедствия. Болгарское правительство вынуждено было подписать с Антантой соглашение о перемирии на условиях полной капитуляции.

Борис занял царский трон в сложное время. Он уже не мог позволить себе быть самодержцем, проявлять самодурство и грубость, окружать себя роскошью. Мир менялся. Революции уничтожали некогда могущественные монархии Романовых, Габсбургов, Гогенцоллернов. Борис вынужден был приспособливаться к новым историческим условиям. В отличие от отца он вел скромный образ жизни, считался примерным семьянином, не брезговал общением с низшими слоями общества. Проведя детство и юность в Болгарии, Борис лучше отца знал жизнь и обычаи народа.

Отношения Фердинанда и Бориса были неоднозначными. Фердинанд в семье вел себя как деспот. Борис с детства недолюбливал отца за это. Кроме того, Борис постоянно опасался, что Фердинанд вернется на болгарский трон. Отец сумел пережить сына на пять лет: Борис умер в 1943 г., а Фердинанд в 1948 г. Борис всячески противился стремлению Фердинанда приехать в

Болгарию хотя бы для того, чтобы просто погостить. Тому так и пришлось доживать свой век в Кобурге (Бавария).

Вместе с тем Борис соблюдал рамки приличия, посещал родителя в фамильном замке, аккуратно переводил туда просимые им денежные суммы и даже прислушивался к политическим советам отца. Фердинанд как бы незримо присутствовал рядом с Борисом. В рабочем кабинете царя над письменным столом постоянно висел портрет Фердинанда.

Царь Болгарии Борис был образованным человеком с разносторонними интересами. Особенно его занимали история, естествознание и ботаника. Борис позаботился о том, чтобы сад при загородном дворце во Вране, в шести милях от Софии, стал одним из самых прекрасных в Европе. Сад вызывал искреннее восхищение посетителей. Чтобы завоевать расположение царя, не было лучшего способа, как попросить его помочь в определении какого-либо редкого растения. В юношеские годы Борис увлекался железнодорожной техникой. Об этом увлечении свидетельствуют фотографии в прессе, на которых царь снят сидящим в будке локомотива. (Борис в свое время сдал экзамен на машиниста паровоза). С удивительной для особы царской крови дотошностью Борис вникал во многие другие вопросы. Он однажды изумил английского военно-морского атташе своей осведомленностью о развитии английского флота, вооружении кораблей и их командирах. Это не удивительно, если знать, что военное дело было знакомо царю Борису не понаслышке. Он окончил Софийскую военную академию, в годы первой мировой войны находился при штабе командующего армией. Умение вести беседы на разные темы, притом в доверительной манере, позволяло царю Борису быстро завоевывать расположение многих встречавшихся с ним политиков, дипломатов, представителей творческой интеллигенции, помога-

ло его приближенным создавать вокруг личности царя ореол «мудрого правителя».

В психическом плане царь Борис был человеком крайне неуравновешенным. Его настроение часто менялось, приступы апатии и страха перед будущим сменялись краткими периодами спокойствия, после которых приходили мысли об отречении от трона или самоубийстве.

Крепкое здоровье Бориса позволяло ему без вреда для организма принимать ежедневно множество лекарств. Человек чрезвычайно мнительный, он постоянно читал медицинскую литературу и обнаруживал у себя все новые и новые болезни, от которых тут же начинал лечиться.

В политических делах Борис следовал традициям своих предков болгарских царей из династии Кобургов. Царь всегда стремился к достижению своих целей сложным, а не простым путем, постоянно прибегал к политическим интригам, был скрытен и изворотлив.

Борис в совершенстве владел искусством оболванивания масс. Для этого в повседневной жизни он создавал для себя самую обычную, будничную обстановку, подчеркивал, что ему близки нужды и заботы простых людей. Для поддержания такой репутации болгарский монарх часто посещал массовые празднества, дома крестьян, беседовал с людьми из низов, мог с демонстративной терпеливостью разделять участь маршировавших на параде под проливным дождем солдат, с трогательным для окружающих вниманием оказывать срочную помощь солдату, которому в глаз залетела соринка, или людям, попавшим в аварию близ загородного президентского дворца. Во всех этих поступках легко заметить влияние знаменитого учителя многих монархов, правителей и диктаторов — Николо Маккиавелли: «Личина для государей необходима, так как большинство судит о них по тому, чем они кажутся, и только весьма немногие могут отличить кажущееся от

действительного», — это правило царь Борис применял регулярно.

Коварство и притворство было необходимо потому, что Борису не сразу и не легко удалось утвердить личную власть. В 1923 году правительство Болгарского землевладельческого народного союза, возглавлявшееся А. Стамболийским, которого саживал в тюрьму еще Фердинанд, поставило Бориса в такие условия, что он мог только царствовать, но не управлять. Монархия в Болгарии держалась лишь благодаря вмешательству держав-победительниц, навязавших этой стране жесткие условия мирного договора, подписанного в 1919 году. Борис стискивал в бессильной злобе зубы и играл роль «попугая монарха».

9 июня 1923 года в результате военного переворота правительство Стамболийского было свергнуто. Основную роль в перевороте сыграла болгарская военная верхушка. Самая консервативная, наиболее привилегированная, относительно самостоятельная в государственном аппарате, эта сила, формально стоявшая вне политики, активно вмешивалась в ход событий, когда, по ее мнению, «нарушалось народное единство», «попирались национальные идеалы», «подрывались устои государства».

Борис в период подготовки и проведения переворота постарался остаться в тени. Крестьянские массы поддерживали А. Стамболийского и царю никак не следовало вызывать их ненависть. За пару суток до свержения правительства Борис отправился на загородную виллу Стамболийского и гостил там почти целый день, всячески показывая свое дружеское расположение к популярному в народе руководителю. Стамболийского казнили, однако царь не спешил показываться «на людях», общаясь с заговорщиками через своих доверенных лиц. Только тщательно оценив обстановку, царь подписал указ о передаче власти профашистскому правительству во главе с профессором Софийского университета Александром Цанковым.

Однако и после переворота 9 июля 1923 года позиции царя Бориса оставались шаткими. В сентябре 1923 года ему пришлось пережить несколько неприятных дней, очень напомилавших события 1918 года. Болгарская коммунистическая партия подняла вооруженное восстание. В этих условиях Борис предоставил армии свободу действий. Армия подавила восстание, во второй раз выручив царя Бориса.

Новый премьер-министр Цанков в 1926 году начал проводить умеренные демократические реформы, которые провалились уже к 1930 году. В 1930 году Борис женился на итальянской принцессе Джованне. От брака с Джованной у Бориса было двое детей: дочь Мария Луиза (род. в 1933 г.) и сын Симеон (род. в 1937 г.)

Усиление роли армии в политической жизни страны вскоре привело к тому, что отдельные высшие офицеры, почувствовавшие вкус к политике, стали претендовать на установление своей диктатуры, замахиваясь при этом на власть царя. Во многом здесь была вина самого Бориса, который неоднократно выступал с заявлениями, умалявшими авторитет военных. Военные такого прощать не хотели и их недовольство росло.

В этом Борис убедился во время государственного переворота 19 мая 1934 года, организованного членами офицерского союза «Военная лига» и тесно с ней сотрудничавшей политической группой «Звено». Над Борисом вновь навис дамоклов меч. В кармане одного из деятелей военной оппозиции, приехавших к Борису утверждать состав нового правительства, лежал указ о его отречении на тот случай, если он не согласится на их требования. Но сравнительно малочисленную группу заговорщиков не поддержала промонархически настроенная основная масса офицерства. Репрессиями и лестью, угрозами и подкупами, закулисными интригами, ловкой игрой на возникших с самого начала противоречиях между участниками переворота, царь Борис сумел не только обезопасить трон от

покушения со стороны высшего офицерства, но и превратить армию в свою военную опору. Используя плоды переворота 19 мая 1934 года, он добился установления монархической диктатуры, схожей по характеру с укрепившимся в Германии режимом Гитлера.

В Болгарии были распущены политические партии, фактически отменена Тырновская конституция 1879 года. Но при этом Борис подчеркивал, что он против «абсурдных теорий» и «тоталитарных методов» гитлеровцев. Гитлер с презрением относился к аристократии и не особенно церемонился со своим союзником — царем Борисом. Если Фердинанда гитлеровцы не трогали, то сестра Бориса — Надежда, герцогиня Вюртембергская, неоднократно подвергалась преследованиям.

Льстя Гитлеру и его подручным в глаза, царь Борис тем не менее не раз в порыве откровенности высказывал доверенным лицам критические замечания по адресу германского фюрера и других главарей «третьего рейха».

Но многое в Гитлере привлекало Бориса, и он говорил об этом без какого-либо оттенка лести. Нараставшие политические и военные успехи гитлеровцев — вот что определяло отношение болгарского царя и его окружения к последним. Царю, сколько бы он ни говорил о своем неприятии тоталитаризма, несомненно, импонировал принцип авторитарной власти. Политическая действительность Болгарии, особенно конца 30 — начала 40-х гг., свидетельствовала о том, что помыслы Бориса направлялись на воплощение в жизнь именно этого принципа. Царь старательно вникал в самые малейшие политические дела, стремясь держать страну под жестоким контролем. В конце концов он добился абсолютной власти.

Правда, царь Борис устанавливал личную диктатуру иначе, чем это делали Гитлер и Муссолини. Болгарский монарх, например, не пошел по пути создания массовой партии. В отличие от итальянских и германских

фашистских главарей, ему не надо было захватывать власть с помощью такой партии. В ее существовании Борис видел даже потенциальную угрозу своей власти. Царя больше привлекал «беспартийный» режим. Он предпочитал управлять страной с помощью не принадлежавших ни к какой партии чиновников и советников из дворцовой камарильи.

Близко к царю в последние годы его жизни стоял Богдан Филов, премьер-министр, с именем которого связаны трагические страницы истории Болгарии периода второй мировой войны. Начав в 1906 году служебную карьеру скромным музейным работником Софии, он затем выдвинулся на научном поприще, стал действительным членом болгарской академии наук, профессором археологии Софийского университета, получил высокие ученые звания в научных учреждениях Германии, Чехословакии, Австрии. Болгарскому монарху не могло не импонировать, что Филов выступал как убежденный защитник концепции «беспартийного» режима. «Такого рода режим, — утверждал маститый ученый, — должен опираться на самых близких сотрудников власти — государственных и муниципальных служащих, на некоторые общественные организации, контролируемые властями и сотрудничающие с ними». Такие взгляды Филова вполне устраивали царя Бориса. В результате тот в ноябре 1938 года стал министром посвящения, а в феврале 1940 — премьер-министром.

На деятельность царя Бориса накладывал большой отпечаток страх перед коммунистами. Он считал революционеров на Западе слишком домашними и кроткими. Революционеры на Востоке представлялись ему неизмеримо более опасными. И тем более он стремился не допустить «красной революции» на Балканах, где после этого, как ему мыслилось, соперничество между множеством наций привело бы к «невообразимому ужасу».

Борис, в отличие от воинствующих шовинистов, предпочитал добиваться «национальных идеалов» мирным путем, с помощью дипломатии. Царь стремился достичь на Балканах эпохи «ненарушаемого мира и порядка».

Болгария, согласно Нейискому договору 1919 года со странами-победительницами в первой мировой войне, была ослаблена в военном отношении, финансовые затруднения тормозили также организацию болгарских вооруженных сил. Царь Борис вынужден был считаться с этим обстоятельством. Кроме того, болгарской монарх знал, что в стране живы воспоминания о катастрофе 1918 года, и это накладывало сильный отпечаток на его внешнеполитическую деятельность.

Для реализации своей ревизионистской программы царь Борис стремился заручиться поддержкой великих держав. Наиболее благоприятный отклик она нашла в гитлеровской Германии, поставившей целью ликвидировать версальскую систему договоров. Сближение Болгарии с Германией началось сразу же после прихода Гитлера к власти. Болгария нуждалась во внешних рынках. Она нашла их в Германии. Последовало заключение нескольких торговых и финансовых договоров между Болгарией и Германией.

Но от природы осторожный и склонный к лавированию царь Борис проводил прогерманский курс постепенно и со многими оговорками. Он не спешил с принятием «зафиксированных политических обязательств», пытался до поры до времени сохранять известную политическую самостоятельность и свободу рук во внешнеполитических делах, уверяя недовольных этим германских и итальянских дипломатов, что именно такая линия соответствует интересам держав «оси».

Причина выжидательной политики Бориса состояла в том, что он, все больше вовлекаясь во внешнеполитическую орбиту держав «оси», намеревался свести к минимуму связанный с этим риск ухудшения и даже

разрыва отношений с другими ведущими государствами. Болгарский монарх маневрировал, действуя сообразно с развитием международной обстановки, которая менялась очень быстро. В своем выборе царь Борис руководствовался в первую очередь проблемами сохранения личной власти. Он заявлял, что будет охранять трон от всех нападков всеми средствами.

Все свои дипломатические маневры в начальный период второй мировой войны царь Борис прикрывал флагом нейтралитета, полагая, что такой способ действий будет иметь благоприятный для него эффект и внутри страны, поскольку многие в Болгарии были настроены на сотрудничество с Советским Союзом.

Под воздействием ряда факторов царь Борис оттягивал присоединение Болгарии к Тройственному пакту. Но страх перед коммунизмом, уверенность в конечной победе германского оружия, возникшая под влиянием военных успехов вермахта в Западной Европе, соблазн получить обещанные Гитлером территориальные приращения в случае вступления Болгарии в Тройственный пакт взяли верх над колебаниями царя. Кроме того, Борис понимал, что промедление с присоединением к Тройственному пакту может привести к печальным последствиям — немецкие войска войдут в страну и без его согласия, и он окажется в роли царствующего пленника. 1 марта 1941 года был подписан протокол о присоединении Болгарии к Тройственному пакту.

1918 году, в начале своего правления, под впечатлением событий на Салоникском фронте, Борис поклялся, что ни один болгарский солдат больше не будет вовлечен в войну. Эта клятва представляла собой редкое исключение из высказываний царя Бориса — она была искренней. Однако обстоятельства оказались сильнее желаний монарха. Борису, правда, удалось, в отличие от всех других союзников Гитлера, не посылать болгарские войска на фронт, ограничить их участие в войне

оккупацией югославских и греческих территорий. Болгарская армия выполняла функции «по поддержанию порядка» в тылу гитлеровских армий. Но Гитлер сам считал целесообразным держать основную часть болгарской армии на турецкой границе для предотвращения вступления Турции в войну на стороне антигитлеровской коалиции. И все же под давлением Германии в ходе войны Борису пришлось увеличивать свои военные обязательства. Немцам были предоставлены военно-морские базы и другие военные субъекты на болгарской территории для военных действий против СССР. Неоднократно расширялась болгарская оккупационная зона в Югославии и Греции, туда направлялись дополнительные болгарские войска для усиления репрессий против югославских и греческих партизан, а также с целью высвобождения немецких дивизий для более «горячих» участков военных действий, прежде всего на Востоке. Борис III сделал роковой шаг, объявив в декабре 1941 года под давлением Германии, ссылавшейся на обязательства Болгарии по Тройственному пакту, войну США и Англии. Борис III надеялся, что эта война будет лишь «символической». Такой шаг привел к тому, что спустя два года англо-американская авиация подвергла разрушительным бомбардировкам Софию и другие болгарские города.

Делая ставку на Германию, Борис, как и его отец в 1915 году, совершил фатальную ошибку. После Сталинградской и Курской битв, высадки союзных войск в Северной Африке в ноябре 1942 года и в Сицилии в июне 1943 года, выхода Италии из войны стало ясно, что гитлеровскую Германию ожидает близкий военный крах. Болгария оказалась на грани очередной национальной катастрофы. В этот критический для страны момент царь Борис внезапно в конце августа 1943 г. скончался.

Обстоятельства его смерти долгое время оставались загадочными и породили немало разноречивых версий.

Некоторые авторы предполагают, что его застрелил личный телохранитель. Другие считают, что он был отравлен нацистами, которых не удовлетворяла та помощь, которую Болгария оказывала фашистской Германии. Третьи приписывают его смерть сердечному приступу.

Официальное медицинское заключение, опубликованное 30 августа, гласило: «Смерть наступила от закупорки левой сердечной артерии (тромбоз), двухсторонней пневмонии и кровоизлияния в легкие и мозг».

В последние годы исследователи склоняются к мнению, что официальное сообщение верно отражает причину смерти. Судя по всему, болгарский монарх умер естественной смертью.

Тело царя Бориса было похоронено в часто посещавшемся им при жизни Рильском монастыре, живописно расположенном в горах в нескольких десятках километров от Софии. Усилившееся паломничество к месту погребения царя заставило власти Отечественного фронта в 1946 г. перезахоронить гроб в малодоступном для посетителей парке Вранского дворца. После выезда царской семьи из Болгарии Вранский дворец был превращен в государственную резиденцию, могила царя и небольшая часовня вскоре исчезли. О том, что произошло с гробом и останками царя, достоверных сведений пока не имеется.

ГАРСИЯ МЕСА ТЕХАДА ЛУИС (Р. 1930)

Боливийцев не удивишь ужасами военной диктатуры. Здесь на каждый год приходится в среднем по два переворота. Гарсия Меса Техада правил Боливией только 14 месяцев, проявив за короткий срок жестокость и безжалостность, беспрецедентную даже для этой несчастной страны.

Луис Гарсия Меса учился в элитарной школе Ла-Саль в Ла-Пасе — столице Боливии. Потом отец, полковник, устроил его в военный колледж. Юношеские мечты Месы были такими же простыми и скромными, как и у большинства его сверстников. С 14 лет он говорил всем, что когда-нибудь станет президентом Боливии. Но это в планах, а в суровой реальности Гарсию выгнали из военной академии за крайне жестокое обращение с младшими курсантами.

Явление, называемое у русских «дедовщиной», в американских военных учебных заведениях узаконено, считается, что старшекурсники должны помогать преподавателям воспитывать своих младших коллег. Гарсия же немного переусердствовал в своих педагогических устремлениях.

Через два года, в 1952 г., Гарсия Меса Техада вновь вступил в ряды армии, которая была возрождена после роспуска во время одной из революций. Убежденный консерватор, Гарсия очень быстро стал продвигаться по службе. В ноябре 1979 г., во время очередного военного переворота, полковник Альберто Натуш-Буш назначил его командующим армией. Режим Натуш-Буша пал через 16 дней, просуществовав до смешного мало. Новый президент — Лидия Гуайлер Техада, двоюродный брат Гарсии Месы, очень хорошо знал своего родственника и поэтому приказал ему сложить с себя полномочия ко-

мандующего. Гарсия Меса не посчитался с родственными узами и в свою очередь сверг кузена. Переворот 17 июля 1980 г. стал 188-м за столетнюю историю независимой Боливии.

Первой выступила дивизия, дислоцированная в Тринидаде и состоявшая из преданных бывшему командующему головорезов. К ней тотчас же присоединились расположенные там гарнизоны военно-морских сил. Поддержал путчистов и гарнизон Санта-Круса.

В Ла-Пасе колонна из шести танков и десяти набитых солдатами грузовиков двинулась от военной казармы Мирафлорес в направлении площади Мурильо, где располагаются дворец правительства и здание парламента. Военные арестовали собравшихся там министров и президента Лидию Гуайлер Техаду. Подразделение полка «Колорадо» без сопротивления захватило легко уязвимый президентский дворец.

Телеграф, почтамт, все радиостанции, редакции влиятельных газет оказались в руках путчистов — казалось, что переворот обойдется без большой крови. Но вот на пути войск генерала Гарсия Меса встало трехэтажное здание Боливийского рабочего центра на авениде 16 июля. Это профсоюзное объединение располагало 200 000 членов. У стен профсоюзного штаба развернулось настоящее сражение.

Первыми двинулись на штурм отлично вооруженные сторонники Гарсия Меса из гражданских лиц. На их желтых нарукавных повязках темнели надписи: «Националистическое движение». Рабочие отбили первую атаку. Тогда в бой вступили переодетые в штатское солдаты. С помощью такого маскарада Гарсия Меса Техада потом представлял свое выступление как «военно-гражданское», якобы широко поддерживаемое населением.

Убедившись в бессмысленности сопротивления, защитники рабочего центра решили сдать. По требованию победителей они выходили из здания с руками за головой. Было такое ощущение, что у атакующих

имелся на руках тщательно составленный список. Появлявшихся в дверях здания выборочно отстреливали. Так, едва перешагнув порог, рухнули наземь раненый секретарь компартии Симон Рейерс, убитый профсоюзный лидер Гуальберто Бера, смертельно раненый лидер социалистической партии Марсело Кирога.

После переворота Гарсия Меса распорядился воздвигнуть на месте Боливийского рабочего центра современную автостоянку.

У здания университета тоже завязался бой, но он оказался скоротечным. Танкетки разнесли баррикады у входа, и солдаты ворвались в главный корпус, убивая безоружных студентов.

Гарсия Меса до мелочей продумал план переворота. Каждый налетчик знал свое место, у каждой штурмовой группы имелись точно составленные списки адресов и имен людей, подлежащих физическому уничтожению или аресту. Техники не хватало, и к вечеру по улицам столицы стали разъезжать машины скорой помощи, битком набитые арестованными. С ранеными не церемонились. Их как скот сваливали на городском стадионе, превратив его в концлагерь.

Гарсия Меса сразу же после прихода к власти казнил ряд влиятельных в стране лиц, противостоявших его режиму, в том числе и нескольких из своих старых товарищей по армии. Новый правитель разогнал парламент, запретил деятельность политических партий и профсоюзов, развязал кровавый террор. Сотни и тысячи людей убивали прямо на улицах, гноили в застенках и на каторге.

Против тирании организовано выступили шахтеры и рабочие крупных промышленных предприятий. Власти бросили на подавление «мятежа» 25000 солдат, авиацию, танки и артиллерию. Поселок Караколес штурмовал полк «Макс Толедо». Шахтеры встретили карателей камнями, которые, конечно, не могли нанести урона танкам и самолетам. Солдаты убивали мужчин,

насиловали женщин, жгли дома. У расстрелянных отрубали головы и складывали их в кузов грузовика. Одному из шахтеров насыпали в горло порох и подожгли его на глазах у всех. После расправы жители поселка не досчитались 900 человек.

Зверства правительственных войск вызвали протесты среди духовенства. По инициативе архиепископа Хорхе Монрике боливийский епископат обнародовал заявление, осуждавшее убийства, аресты, тюремные заключения, издевательства над политическими противниками. «Боливийцы живут в атмосфере постоянного страха», — подчеркивалось в нем.

Заявление вызвало гнев Гарсия Меса Техады и его окружения. Министр внутренних дел публично пригрозил Монрике расправой. Епископат выступил в защиту своего примаса. «Решительно протестуем и отвергаем нелепую и подозрительную кампанию против нашего уважаемого наставника, проводимую при помощи оскорбительных, противоречащих истине сообщений и несправедливых высказываний, полных угроз», — гласил текст нового заявления епископата.

Сразу же вслед за его опубликованием на строптиных падре и монахов обрушилась волна репрессий. Радиостанции и газета, принадлежавшие боливийской церкви, были разгромлены и закрыты, а редактор Марио Мальдонадо «пропал без вести».

Подавляя рабочее движение и уничтожая оппозицию в городах, режим генерала Гарсия стремился опереться на крестьянство. Представители правительства выступали на крестьянских сходках, заявляя: «Мы создали первое крестьянское правительство».

Военные распорядились передать крестьянам от своего имени 500 ручных плугов, заявив по этому поводу, что правительство, мол, будет уважать обычаи сельских жителей, в том числе и их «привычку к сохе». Такое завуалированное издевательство вызывало глухое недовольство крестьянства.

Через десять дней после переворота Гарсия Меса Техада дал интервью чилийской газете «Персера де ла Ора», в котором помимо прочего сказал: «Мы не ставим себе точных сроков пребывания у власти. В этом я подобен Пиночету. Чилийских и боливийских военных объединяют общие цели и задачи в борьбе против марксистской угрозы. Новые поколения получают страну, очищенную от марксизма».

Выполнить свои широкомасштабные планы Гарсия Меса Техада не успел. Его затянуло в бурный водоворот боливийской политической жизни. В июне 1981 г. Гарсия Меса Техада под давлением общественности вынужден был обнародовать заявление о своей скорой отставке, но предварительно диктатор намеревался выбрать себе преемника, который «будет хорошо относиться к военным». И этим планам не суждено было сбыться. После назначения даты отставки — 6 августа — последовали две попытки государственного переворота. В результате третьей попытки, удавшейся лишь наполовину, повстанцы 4 августа 1981 г. захватили Санта-Крус, а Гарсия Меса немедленно подал в отставку. Власть перешла в руки хунты из трех командующих вооруженными силами.

Гарсия Меса, опрометчиво оставленный на свободе, за четыре дня подготовил контрпереворот. Однако к тому времени он потерял контроль над войсками, армия его не поддержала, и диктатор вынужден был бежать из страны. Буквально через месяц хунта пала. Во главе страны стал генерал Сельсо Торрелио Вилья, продержавшийся чуть меньше года. В августе 1982 г., после очередного переворота к власти пришел генерал Гильдо Вильдосо.

Гильдо Вильдосо дал команду привлечь Гарсия Меса Техаду к суду. Его обвинили в торговле наркотиками и в том, что он использовал для подкупа и поддержания своего режима многомиллионное состояние, нажитое на преступном бизнесе. Вильдосо кривил душой, изобра-

жая праведный гнев. В Боливии все военные, как правило, связаны с мафией. Страна является одним из крупнейших поставщиков кокаина в США. В 1981 г. его было произведено 100 тонн и доход от продажи наркотика составил 1,6 миллиарда долларов.

В результате народных выступлений Вильдосо уступил президентское кресло гражданскому лицу — Эрнану Селесу Суасо, победившему на всеобщих выборах 1983 г. Новые власти арестовали Гарсиа Месу и 25 членов его правительства. Всем им было предъявлено обвинение в коррупции и присвоении 50 млн. долларов из федеральных фондов.

Спасаясь от наказания, Гарсиа Меса Техада бежал в Аргентину, но был выдворен обратно в Боливию в феврале 1984 г. Трибунал приговорил его к 30 годам тюремного заключения.

ГИТЛЕР АДЛЬФ (1889–1945)

Неограниченный диктатор Германии с 1933 по 1945 годы, Гитлер развязал вторую мировую войну, став главным виновником многих миллионов жертв.

Происхождения Гитлер был самого заурядного. Он родился 20 апреля 1889 г. в австрийском городке Браунау-на-Инне в семье таможенного чиновника. Отец Адольфа — Алоиз Гитлер — незаконнорожденный ребенок, носил поначалу девичью фамилию матери — Шикльгрубер, а затем взял фамилию своего отчима — Гитлер. Мать Клара, урожденная Пелцль, происходила из крестьянской семьи.

Молодой Гитлер учился плохо и так и не получил свидетельства об окончании школы. Он два раза поступал в Венскую академию искусств, и оба раза его не приняли из-за слабых способностей. После смерти матери (отец умер несколько раньше — в 1903 г.) Гитлер окончательно переехал в Вену, надеясь заработать себе на жизнь ремеслом художника. С 1909 по 1913 годы он существовал впроголодь, скитался, зарабатывая себе на жизнь оформлением рекламы, почтовых открыток и т.п.

В 1913 г. Гитлер сбежал в Мюнхен, спасаясь от призыва в армию. В следующем году он все-таки попал на медкомиссию, но был забракован и признан негодным к строевой службе. После начала первой мировой Гитлера необъяснимо потянуло в армию и он записался добровольцем в 16-й Баварский резервный пехотный полк.

Военная служба преобразила молодого человека с тусклым взором в убежденного милитариста и националиста. Гитлеру присвоили звание ефрейтора, он участвовал в военных действиях и был четырежды отмечен боевыми наградами. После поражения Германии

Гитлер не оставил полк, а оставался в нем до 1920 г., выступая в качестве политического осведомителя. В сентябре 1919 г. Гитлер вступил в Мюнхене в Немецкую рабочую партию (ДАП), а в 1920 г. ушел из армии, чтобы полностью посвятить себя работе в партийном отделе пропаганды.

Это было время глубокого кризиса в Германии. Война, платежи и контрибуции победителям привели к гиперинфляции, обнищанию населения. Власти, панически боясь «коммунистической заразы», сквозь пальцы смотрели на бесчинства многочисленных полувоенных реваншистских организаций. Сориентировавшись в ситуации, Гитлер преобразовал Немецкую рабочую партию в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию (НСДАП) Германии. При поддержке Эрнста Рема, штабного офицера, Гитлер был избран в июле 1921 г. председателем этой партии.

8–9 ноября 1923 г. Гитлер возглавил мюнхенский «пивной» путч, представлявший собой дерзкую попытку взять под контроль правительство Баварии. Путч был подавлен. Гитлера арестовали, обвинили в государственной измене и осудили на 5 лет тюрьмы. Отсидел Гитлер только 9 месяцев, успев написать в камере книгу «Моя борьба», в которой он изложил политическую философию нацизма. В своем «труде» Гитлер провозгласил войну евреям, коммунистам, жалким либералам и капиталистам-эксплуататорам во всем мире и торжественно приветствовал возрождение расово чистой Германии и несгибаемой воли нации. Он писал о Германии, которая воспрянет и станет господствовать над миром; Германии, которая заявит о своих правах на жизненное пространство и обретет его в центральной Европе и России.

Звездный час для нацистской партии пришел вместе с мировым экономическим кризисом 1929 г. и последовавшей за ним депрессией. Нацисты стали второй партией в Германии по числу занимаемых в

Рейхстаге мест. Гитлер не ограничивал деятельность партии рейхстагом; он превратил СА (штурмовые отряды) в эффективную полувоенную организацию, и они буквально избивали оппозиционеров на улицах.

Президент Гинденбург в январе 1933 г. назначил Гитлера рейхсканцлером и тот в течение года добился установления в Германии диктатуры нацистов.

Используя поджог здания Рейхстага как предлог для запрещения деятельности коммунистической партии, Гитлер приказал арестовать всех ее руководителей. В марте был принят закон о чрезвычайных полномочиях, дававший Гитлеру 4 года неограниченной диктаторской власти. Все политические партии, кроме нацистской (фашистской), были методично разогнаны. Деятели фашистской партии вытесняли из правительственных учреждений евреев, ставили государственные структуры под непосредственный контроль партии.

30 июня 1934 г. Гитлер провел чистку собственных рядов («Ночь длинных ножей»), физически устранив Эрнста Рема и истребив сотни других видных нацистов, радикализм которых представлял угрозу для абсолютной власти. 30 августа 1934 г. умер Гинденбург, и Гитлер взял на себя функции президента, присвоив себе титул фюрера — верховного вождя «третьего рейха».

Фюрер заменил штурмовые отряды (СА) «коричневорубашечников» охранными отрядами (СС) «чернорубашечников», поставив во главе их Гиммлера. Вместе с политической тайной полицией «гестапо» СС создали систему концентрационных лагерей, куда «депортировались» политические противники, евреи и другие «нежелательные» элементы. В 1935 г. Гитлер ввел т.н. Нюрнбергские расовые законы, лишавшие евреев германского гражданства.

Мировая общественность словно не замечала, что Германия демонстративно попирает Версальский договор. Гитлер беспрепятственно вооружал страну; были

созданы Люфтваффе (военно-воздушные силы), армия моторизировалась и оснащалась новейшим вооружением. В 1935 г. нацисты ремилитаризировали Рейнскую зону.

Англия и Франция подталкивали германскую военную машину к агрессии на восток, за что Франция впоследствии и поплатилась. В 1935 г. Англия подписала с Германией военно-морской пакт. В 1936 г. Гитлер заключил союз с Бенито Муссолини — фашистским главой в Италии. В марте 1938 г. Гитлер вторгся в Австрию и захватил ее. В сентябре 1938 г. Англия и Франция дали согласие на раздел Чехословакии, и Германия присоединила себе всю ее западную часть — сильно развитую в промышленном отношении.

В марте 1939 г. Гитлер потребовал от Литвы «Мемельский коридор». 23 августа 1939 г. СССР и Германия заключили договор о ненападении, содержащий в себе секретный протокол о разделе Польши. 1 сентября Германия напала на Польшу. Началась вторая мировая война.

Польша пала уже в сентябре 1939 г. Скандинавские страны были оккупированы к июню 1940 г. Франция продержалась две недели: с 25 мая по 5 июня 1940 г. Англия сумела отразить нападение.

В апреле 1941 г. немецкие войска захватили Югославию и Грецию.

22 июня 1941 г. Германия напала на Советский Союз. В декабре 1941 г. гитлеровские войска были остановлены под Москвой. В 1942 году из-за просчетов советского командования и лично Сталина немцы на юге продвинулись до Волги. 7 декабря 1941 г. США объявили войну Японии и Германии.

Годы второй мировой — это трагедия для многих народов, подвергшихся политике геноцида. Только в самой Германии в концентрационных лагерях погибло более 6 миллионов евреев. Славян Гитлер планировал превратить в нацию рабов.

В 1943 г. Советский Союз переломил ход войны в

свою пользу. Победы советских войск подтолкнули союзников по антигитлеровской коалиции открыть второй фронт.

В июне 1944 г. группа офицеров-заговорщиков, видя бесперспективность дальнейшей борьбы, предприняла покушение на Гитлера, подложив в комнату, где шло совещание, портфель с бомбой. Гитлер чудом остался жив, но получил серьезную контузию и моральную травму.

В последние месяцы войны Гитлер руководил остатками войск из ставки, которая находилась в укрепленном подземном убежище — «бункере фюрера». Когда советские войска захватили Берлин, Гитлер поспешно обвенчался со своей любовницей Евой Браун, и после этого новобрачные покончили жизнь самоубийством. Тело преступника № 1 так и не было достоверно опознано.

ГРЕЧЕСКАЯ ХУНТА ПОЛКОВНИКОВ (1967–1974)

В 1967 г. в результате военного переворота в Греции установился тоталитарный режим, просуществовавший семь лет. В данном случае диктатуру олицетворяет не какая-то одна «сильная» личность, а целый ряд офицеров, одинаково ответственных за террор и насилие в стране. Вот имена главных героев: К. Пападопулос, Кардамакис, Нацинас, Гогусис, Веллиос, Хаджипетрос, Макарезос, Мексис.

Чтобы понять, какие причины вызвали приход к власти новых греческих тиранов, необходимо коротко проанализировать развитие греческого государства после второй мировой войны. Движение греческого сопротивления в период фашистской оккупации возглавлял созданный в сентябре 1943 г. по инициативе Коммунистической партии Греции Национально-освободительный фронт (ЭАМ) и его вооруженные силы — Греческая народно-освободительная армия (ЭЛАС). Вдохновленные успехами советских войск на Балканах, КПГ и ЭАМ перешли в генеральное наступление против фашистских оккупантов и к концу октября 1944 г. освободили страну.

В освобождении Греции принимали участие и войска союзников. Англия и США не допустили прихода к власти коммунистов. В результате Греции пришлось пережить кровопролитную гражданскую войну. Несмотря на поддержку Советского Союза, который через территорию Албании поставлял силам КПГ оружие, крайне левые вынуждены были уступить.

В 1963 г. после убийства левого депутата парламента Г. Ламбракиса в стране разразился глубокий политический кризис. Правительство правой партии Нацио-

нальный радикальный союз (ЭРЭ) вынуждено было уйти в отставку.

На состоявшихся в ноябре 1963 г. досрочных парламентских выборах партия ЭРЭ потерпела серьезное поражение. К власти пришло правительство Союза центра во главе с его лидером Г. Папандреу. Г. Папандреу повел борьбу на два фронта: против крайне правых и против крайне левых. Для завоевания самостоятельного большинства в парламенте он провел в феврале 1964 г. новые выборы, которые ознаменовались дальнейшим поражением ЭРЭ и усилением позиций демократических сил.

Несмотря на демократическую направленность нового правительства, в стране расширилось движение социального протеста. Не прекращались забастовки рабочих, демонстрации студентов, выступления крестьян, средних городских слоев, интеллигенции.

Такая ситуация вызвала серьезную озабоченность в кругах греческой олигархии, королевского двора и в НАТО. 15 июля 1965 г. король грубо отстранил с поста премьер-министра Г. Папандреу и назначил на этот пост лидера правых сил Г. Афанасладиса-Новаса.

Дворцовый переворот натолкнулся на решительное сопротивление. 70 дней не прекращались бурные демонстрации протеста. Вершиной этих выступлений явилась политическая забастовка 27 июля, в которой приняли участие 350 тыс. человек. Основные требования бастующих заключались в следующем: восстановить конституционные и профсоюзные свободы.

17 сентября 1965 г. отколовшемуся от Союза центра правому крылу во главе со С. Стефанопулосом удалось сформировать правительство, получившее в парламенте вотум доверия большинством в один голос. В состав правительства вошли деятели, которые опирались исключительно на поддержку военных и королевского двора.

«Дворцовый переворот» 1965 г. в Греции вызвал по-

лосу политической нестабильности в стране, что отрицательно сказалось и на экономике. Власть сконцентрировалась в руках военных и королевского двора. Все больше стала проявляться тенденция к установлению открытой военной диктатуры. Правительство С. Стефанопулоса 21 декабря 1966 г. ушло в отставку. Новый кабинет во главе с председателем Национального банка И. Параскевопулосом должен был подготовить такие условия для проведения парламентских выборов, которые бы обеспечили Национальному радикальному союзу уверенную победу.

В начале 1967 г. развитие политического кризиса в Греции достигло крайней остроты. Правительство было не в состоянии справиться с растущим недовольством, а оппозиционные силы не могли решительно повернуть развитие событий в нужную сторону. На фоне такого шаткого равновесия королевский двор и лица, финансирующие его, готовились навязать военную диктатуру при помощи хунты генералов. Одновременно хунта греческих полковников готовила военный переворот на основе плана НАТО.

Надо заметить, что армия в Греции с начала XX века неизменно стремилась влиять на политику государства. Военные приняли участие примерно в 20 переворотах, создали около 30 нелегальных или полуполигальных военных организаций, которые стремились подавить демократию и установить тоталитарный режим.

В годы оккупации на Ближнем Востоке в противовес демократическим тенденциям в среде военнослужащих был создан Союз молодых офицеров (САН) открыто антикоммунистической и промонархической направленности. Организация эта впоследствии была расширена и переименована в Священный союз греческих офицеров (ИДЕА). Явные диктаторские устремления лидеров Союза скрывались под лозунгами борьбы с коммунистами, защиты «национальных идеалов». Членом Союза мог быть только крайний антикоммунист. Руко-

водители Союза культивировали среди младших членов представление о том, что вступление в эту организацию означало для них приобщение к кругу избранных и таким образом открывало путь для скорейшего зачисления в офицерский корпус.

Проходившие после освобождения Греции чистки не затронули эту организацию, а в период гражданской войны (1946–1949 гг.) ее деятельность вновь оживилась. По сути, Союз никогда не прекращал своего существования и признавался тайно или открыто руководителями всех буржуазных политических партий.

Союз постоянно продвигал на ключевые посты в государственный аппарат, в армию и в террористические организации своих людей. В критических ситуациях он старался повлиять своими действиями на политическое развитие страны.

Первое открытое выступление Союз совершил 30–31 мая 1951 г. под предлогом недовольства, которое среди части офицеров вызвал уход Папагоса (маршал, лидер консервативной партии Греческий собор, премьер-министр в 1951–1955 гг.) из армии. В этот период и позднее, во время правления партии ЭРЭ, политика Союза полностью отождествлялась с политикой правительства.

После 1956 г. в Союзе стали выдвигаться деятели, которым суждено было сыграть в недалеком будущем ведущую роль в правлении хунты. Милитаристская деятельность в армии усилилась после парламентских выборов 1958 г., на которых левые силы добились убедительного успеха. К этому периоду относится и начало активизации хунты. Как показали последовавшие события, во главе хунты были некоторые генералы Генерального штаба и командующие крупными соединениями. Одновременно под руководством американских секретных служб сформировалась группа полковников и младших офицеров — малая хунта. Именно эти силы вскоре пришли к власти.

Под напором демократического движения король и ЭРЭ были вынуждены пойти на досрочные парламентские выборы, но делали все для того, чтобы взять их под свой контроль. Стремясь отвлечь внимание общественности, правящие круги организовали ряд политических провокаций, в том числе «дело Аспида» — судебный процесс по обвинению 28 греческих офицеров — сторонников Союза в заговоре против существующего строя.

30 марта 1967 г. ЭРЭ спровоцировал правительственный кризис, в результате которого правительство И. Параскевопулоса ушло в отставку. 3 апреля король вручил лидеру ЭРЭ П. Канеллопулосу мандат на формирование правительства с правом роспуска парламента и проведения досрочных выборов, если оно не получит вотума доверия. Правительство Канеллопулоса не только не получило поддержки большинства членов парламента, но и натолкнулось на осуждение всех парламентских фракций. 14 апреля парламент был распущен и на 28 мая назначены парламентские выборы.

Вскоре стало ясно, что оппозиция наверняка выиграет выборы. В этой ситуации в кругах генералитета и королевского двора видели единственным выходом из политического кризиса установление диктатуры.

20 февраля 1967 г. король отдал приказ генералу Спандидакису, начальнику Генерального штаба, готовить переворот. Об этом приказе знали высшие офицеры: К. Колиас, командующий первым армейским корпусом, И. Манетас, командующий 2-м корпусом, Г. Зоитакис, командующий 3-м корпусом, Х. Пападопулос, командующий вооруженными силами на островах, О. Ангелис, заместитель начальника генерального штаба и некоторые другие.

На Высшем военном совете, возглавившем переворот, Спандидакис и другие генералы проявили нерешительность в отношении даты проведения переворота. Одни называли 2 апреля, другие — 23 апреля, а третьи —

даже 28 мая — дату проведения парламентских выборов. Видя эти колебания и нерешительность, представители малой хунты полковников и их сторонники назначили выступление на 21 апреля, и Спандидакис, который заигрывал с обеими хунтами генералов и полковников, полностью солидаризировался с ними.

В ночь с 20-го на 21-го апреля 1967г. хунта полковников пустила в действие натовский план «Прометей», который предусматривал немедленное вступление в действие вооруженных сил в случае возникновения угрозы войны с социалистическими странами или «коммунистического восстания». Танки, выведенные на улицы городов, помогли установить диктатуру.

Таким образом, более динамичные и инициативные полковники обставили генералов. Король Константин, не ожидавший такого развития событий, попробовал организовать контрпереворот, впрочем, скорее для проформы. Вскоре он привел к присяге первое правительство, сформированное хунтой, во главе с Колиясом. Оправдывая организаторов переворота, король заявил в речи, обращенной к новоиспеченным министрам, что «демократические институты были подорваны» и по сему полковники сослужили добрую службу стране.

Полковники, однако, столкнулись с серьезной оппозицией внутри армии. Генералы и часть офицеров не готовы были идти на такую крайность, как установление диктатуры; плюс к тому их опередили и устранили в решительный момент действий.

Офицерский корпус делился не только на сторонников полковников либо генералов. После переворота выяснилось, что ряд офицеров сухопутных сил, большая часть офицеров военно-морского флота, военно-воздушных сил противодействовала перевороту, а позднее предприняли две попытки контрпереворота (одну попытку предприняла группировка, сконцентрированная вокруг короля Константина в декабре 1967 г., вторую — экипаж миноносца «Велос» в декабре 1972 г.).

Хунта сразу же после захвата власти вынуждена была прибегнуть к систематическим чисткам, чтобы изгнать из армии дух сопротивления и обеспечить беспрекословное подчинение и полную поддержку силы, которая установила саму диктатуру.

Чистка началась с военно-морского флота и военно-воздушных сил, где наиболее сильно проявлялась враждебность к перевороту. В первые месяцы диктатуры было уволено и отправлено в отставку столько флотских офицеров, что от греческого военно-морского флота практически ничего не осталось. Антидиктаторские настроения у военных летчиков были настолько сильными, что один из деятелей хунты вынужденно признался американскому корреспонденту «Нью-Йорк таймс» в том, что они могли бы «выбросить режим в мусорную яму».

Положение в армии было настолько неустойчивым, что хунта безо всяких колебаний решительно приступила к массовому удалению из всех родов войск негодных ей офицеров. В течение трех-четырех лет, согласно официальным данным, приведенным комиссией по иностранным делам американского конгресса, хунта уволила в отставку 2577 офицеров. В действительности же были уволены в отставку или заключены в тюрьмы примерно 4 тыс. офицеров, или 40% офицерского корпуса. Среди них было 150 генералов различных рангов. Как писала английская газета «Санди таймс», «своих мест и постов лишились все военнослужащие, проявившие пусть даже в самой малейшей степени неповиновение режиму».

Хунта понимала недостаточность массовой чистки офицерского корпуса. Чтобы обеспечить преданность офицеров, оставшихся в армии, хунта предоставила им многочисленные льготы, увеличила зарплату, выделила займы на строительство жилья, открыла двери учебных заведений их детям. Офицерство после судовладельцев, банкиров и крупных предпринимателей стало

наиболее привилегированным слоем общества. Одновременно на ключевые посты в армии были назначены наиболее доверенные лица. Быстро продвигались по служебной лестнице в первую очередь те, кто проявил особую активность в первые дни переворота.

Военные стремились установить контроль над всей жизнью страны. Представители хунты были направлены во все государственные, общественные и культурные учреждения, в университеты, молодежные и спортивные организации. Шесть генералов в отставке были назначены в качестве «правительственных опекунов» в университет и другие высшие учебные заведения. Офицеры становились префектами и губернаторами провинций, на них возлагался контроль над печатью, кино и театром. Примерно 300 офицеров, облеченных полным доверием хунты, были наделены высшими полномочиями и контролировали не только политическую, но и всю экономическую, общественную и культурную жизнь страны.

В целях законодательного закрепления военизации экономической, политической и общественной жизни страны хунта издала в 1968 г. специальное постановление о руководстве вооруженными силами и компетенции главнокомандующего. Согласно этому постановлению, в ведение так называемого Совета национальной обороны, т.е. хунты, и командующего вооруженными силами входили не только вооруженные силы, но и министерства, организации, службы и учреждения, которые косвенным путем могли быть связаны с обороной. Совет законодательным путем получил право контроля за службой безопасности, портовой службой, руководителями гражданской обороны, пожарной службой, а также и гражданской авиацией. Руководителем этого Совета был провозглашен тогдашний лидер хунты Г. Пападопулос, а первым его заместителем — командующий вооруженными силами О. Ангелис.

В следующем, 1969 г., Ангелис получил право решать все экономические вопросы вооруженных сил, определять состав офицерского корпуса всех родов войск, контролировать организации резерва, решать все вопросы военного обучения, назначения продвижения по службе офицеров.

В апреле 1970 г. в рядах армии дополнительно была создана полувоенная организация — Национальная гвардия. Согласно официальным заявлениям, эта организация, руководимая преданными диктатуре офицерами, имела целью подавление совместно с армией и полицией волнений и выступлений, ликвидацию любой «коммунистической анархии», или иной подрывной деятельности. Когда и это оказывалось недостаточным, хунта прибегала к активным террористическим методам. Хунта не только изгнала из вооруженных сил негодных ей офицеров, но в целях запугивания остальных многие уволенные были осуждены военными трибуналами, подвергнуты нечеловеческим пыткам в военной полиции. Была создана особая каторга для военнослужащих на бывшем военном корабле «Элли» в Элевсине и других местах. Все это дало основание американскому сенатору Х. Грину заявить в Комиссии по иностранным делам конгресса США, что греческий офицерский корпус «политизирован до невиданной ранее степени, и роль армии в обеспечении национальной обороны отошла на задний план. На первое место выдвинулась ее роль как преторианской гвардии».

Антидиктаторские настроения хунта пыталась нейтрализовать предоставлением различных льгот офицерам, а также террором военной полиции ЭСА. Возглавил военную полицию Иоаннидис.

В 1968 г. Пападопулос по предложению Иоаннидиса утвердил Положение об ЭСА. На основе этого Положения сотрудники ЭСА — наемники и платные агенты, освобожденные от бремени повседневной военной службы, занятий, уборки и т.п., — имели право конт-

ролировать любого военнослужащего, право свободного доступа в любые части и учреждения, право создавать в каждом подразделении специальные отряды с откровенно шпионскими и террористическими задачами. В Положении давались также рекомендации по процедуре ареста, пыткам, а также указывались наиболее эффективные, с точки зрения властей методы борьбы с демократическими взглядами солдат и гражданских лиц.

К ЭСА тесно примыкала и в известной степени стояла над ней разведывательная служба КИП. Она являлась одной из главных опор режима. Только в Афинах насчитывалось 100 тысяч ее тайных агентов и шпионов.

После захвата власти хунта сразу же поспешила заявить, что ее целью является спасение страны от «хаоса», «защита демократии» и «восстановление обновленной, подлинной демократии». На деле в течение семилетнего правления различные группировки хунты, державшие в своих руках бразды правления, камня на камне не оставили от демократических политических устоев. Конституция страны была упразднена. Вместо нее было введено военное положение, открывшее путь для любых антидемократических акций, и приняты законы военного времени, которые явились дамкловым мечом террора, занесенным над головами греков.

279 профсоюзных и иных общественных организаций было распущено. Любая профсоюзная или любая другая общественная деятельность запрещалась, парламент, обладавший некоторыми контрольными функциями над исполнительной властью, был распущен. По образцу парламента Франко и корпоративного парламента Португалии был создан мини-парламент, состоявший из назначенных послушных представителей режима, наделенных к тому же только совещательными полномочиями. Была запрещена деятельность всех прежних политических партий, как опасных и

устаревших. Были схвачены и брошены в тюрьмы и концентрационные лагеря выборные руководители сохранившихся профсоюзных, кооперативных и других организаций. На эти посты были назначены верные режиму лица, миссия которых сводилась исключительно к тому, чтобы контролировать настроения рабочих в своих отраслях. Тысячи избранных населением мэров, председателей и членов общин, советников муниципалитетов были заменены военными или гражданскими лицами, не пользовавшимися доверием населения. Новые представители власти занимались взяточничеством, насаждали обстановку слежки и доносов, подменяли демагогией деятельность органов местного самоуправления.

Для процветания диктатуры в стране целенаправленно создавалась атмосфера неуверенности и страха. Места заключения превратились в места пыток. Все, кто проявил хоть малейшее неповиновение режиму, подвергались специальной обработке.

Для расправы над оппозицией использовались варварские средства: от прижигания тела горящими сигарами и вырывания щипцами ногтей и волос, до пытки электрическим током и имитации казни, которые приводили многих к сумасшествию или инвалидности. Деятели хунты дошли до того, что провозгласили пытки дозволенными на первой стадии расследования и назвали их «терапией» для греков, обеспечивающей восприятие «обновленной демократии» хунты.

Хунта изгнала из университетов десятки не согласных с режимом профессоров и преподавателей, бросила в тюрьмы сотни ученых, адвокатов, учителей, писателей и журналистов, распустила Общество греческих литераторов, Союз редакторов афинских газет, запретила распространение многих книг греческих и зарубежных писателей. Запрещенные книги были частью сожжены. Был наложен запрет на продажу пластинок с записями народной музыки. В результате они получи-

ли хождение только на черном рынке. Одновременно хунта закрыла все левые газеты и журналы. Применяя экономические санкции и другие ограничения, она вынудила многие органы печати, придерживавшиеся антидиктаторской линии, прекратить свою деятельность. Таким образом, примерно 250 журналистов были выброшены на улицу, а десятки из них заключены в тюрьмы и концентрационные лагеря.

Свою власть хунта стремилась закрепить целым рядом так называемых конституционных актов. В первую очередь под предлогом спасения Родины конституционными актами было приостановлено действие основных статей конституции, гарантировавших демократические свободы, введено осадное положение и определена процедура создания новой конституции.

Четвертый конституционный акт лишил каждого гражданина или юридическое лицо права обращения в Государственный совет с жалобами на незаконные решения и действия хунты. Седьмой конституционный акт дал юридическую основу для лишения гражданства и конфискации имущества тех греков, которые занимались пропагандой против хунты за рубежом. Для усиления эффекта всех недовольных режимом лишили права кассации соответствующих приговоров и решений диктатуры.

На основании 8-го конституционного акта хунта объявила о преследовании государственных служащих, «вдохновляемых антинациональными идеями, направленными против существующего режима».

При помощи законов 4, 6, 10 хунта санкционировала увольнение членов выборных органов самоуправления и замену руководителей организаций и союзов своими людьми; законом 99 хунта дала возможность предпринимателям увольнять без разбора всех тех из наемных работников, которые не проявили готовности к «сотрудничеству», и наделила министра труда неограниченными полномочиями утверждать эти увольнения.

Четырнадцатый конституционный акт 1968 г. отменил принцип пожизненного назначения судей и положил начало чистке судебных органов. Пятый конституционный акт узаконил увольнения демократически настроенных профессоров университетов и открыл путь преследованиям любого деятеля высшего образования, который своим поведением показывал, что «не вдохновляется соответствующим новому режиму духом», который, иными словами, обладал чувством собственного достоинства и не отдал свои знания на службу диктатуре.

Устав высших учебных заведений, в котором были переняты положения устава службы безопасности, предусматривал ведение досье на каждого студента, запрещал студентам коллективное решение своих проблем, не позволял без разрешения ректоров назначать в свои профессиональные организации студентов, которые в результате гонений «потеряли год учебы».

Среди многочисленных законов диктатуры особое место занимает закон о печати, который полностью ликвидировал понятие свободы печати, а также закон о корпорациях и особенно закон о партиях.

Закон о рабочих профсоюзных организациях, утвержденный так называемым «совещательным комитетом» хунты 18 мая 1971 г., запрещал профессиональным корпорациям поддерживать какие-либо связи с политическими партиями или преследовать в своей деятельности политические цели, запрещал забастовки и обращения в арбитраж при разногласиях с предпринимателями, лишал рабочих права выдвигать своих представителей в руководство корпораций, под предлогом обеспечения общественного порядка отменял любое решение рабочих организаций и запрещал любое их действие. Таким образом, хунта стремилась ослабить профсоюзные органы и разоружить их перед промышленниками.

Закон о партиях не только запрещал возобновление

деятельности прежних политических партий, но и всю новую политическую деятельность ставил под контроль диктатуры. По этому закону все осужденные за деятельность, направленную против существующего государственного строя и общественной системы, не только не имели права создания политической партии, но не могли быть даже рядовыми членами каких-либо партий. С помощью конституционного суда хунта добилась права контроля за целями, составом и финансовыми средствами партий, основанных под ее эгидой.

Апогеем законотворчества хунты стала конституция 1968 г., разработка и принятие которой сопровождалась насилием и различными фальсификациями.

Новая конституция предусматривала резкое усиление исполнительной власти и серьезное ограничение прав парламента. 29 сентября 1968 г. в обстановке открытого давления и запугивания в Греции был проведен референдум, который одобрил новую конституцию. Несмотря на то, что голосование было обязательным, 30,3% избирателей либо бойкотировали референдум, либо голосовали против конституции, которая, по существу, лишала граждан всех демократических прав, признанных мировым сообществом и закрепленных соответствующими международными конвенциями, поделив их на «свободных» и политически бесправных личностей. Она делала вооруженные силы ответственными за защиту не только национальной независимости и территориальной целостности страны, но и «государственного строя и общественной системы от внешних и внутренних врагов».

Новая конституция была настолько одиозной, что фактически не применялась. Сама хунта боялась вводить ее в действие, опасаясь массового недовольства в стране и за рубежом. В конце концов вторая группировка хунты отменила конституцию.

Военный переворот привел к некоторому сокращению деловой активности в экономике Греции. Стремясь

преодолеть экономические трудности, хунта предприняла ряд протекционистских мер по отношению к собственному и зарубежному крупному капиталу.

Хунта тесно сотрудничала с греческими судовладельцами, обладающими огромным торговым флотом и целыми промышленными корпорациями. Пападопулос как-то обмолвился, что именно финансовая и промышленная олигархия «является хозяином нашей страны».

Используя льготы, предоставленные хунтой, греческие судовладельцы подняли греческий флаг над той частью своих судов, которые ранее были приписаны к другим портам, перевели свои конторы в Афины и Пирей, а капиталы — из иностранных в греческие банки и тем самым помогли режиму предстать на какое-то время в глазах мировой общественности в качестве активной экономической силы, способной избежать кризиса.

Первым взялся за осуществление этой кампании Аристотель Онассис. Капитал его на то время составлял гигантскую сумму — свыше 500 млн. долларов, он владел крупнейшим торговым флотом, насчитывавшим более 100 танкеров, грузовых и пассажирских судов, воздушным флотом из 40 самолетов и 70 вертолетов, а также десятками предприятий.

Онассис в числе первых перенес в Пирей резиденцию фирмы «Спрингфилд шипинг оф Панама», распорядившейся принадлежащими ему 71 нефтеналивным и грузовым судами. Его примеру последовали и другие крупные судовладельцы, которые не могли не воспользоваться удобным случаем нарастить свой капитал, который предоставил им режим хунты. Иметь над судном греческий флаг стало при хунте весьма прибыльным. За пятилетие правления хунты число греческих торговых судов, плававших под национальным флагом, выросло в 3 раза.

Одновременно с этим иностранные предприниматели, воспользовавшись благоприятными условиями, созданными для них афинскими диктаторами, стали

активно осваивать греческий рынок. К маю 1972 г. 598 иностранных фирм (127 торгово-промышленных и 471 судовладельческая) получили разрешение властей на открытие своих контор в стране.

Через различные международные банковские организации греческим диктаторам были предоставлены займы, превысившие к 1973 г. сумму в 0,5 млрд. долларов. В июле 1973 г. международные банковские объединения, включавшие в себя американские, английские, французские, японские и канадские банки, предоставили хунте новый заем на сумму 200 млн. долларов.

Чтобы вознаградить судовладельцев за оказанную поддержку и «основать плодотворное сотрудничество государство — моряки — судовладельцы», хунта издала законы, которые, по существу, освобождали от налогов крупных судовладельцев и создавали им благоприятные условия для проникновения в другие отрасли экономики. Каждое судно, построенное менее десяти лет назад (закон был принят в 1968 г.) освобождалось от налога, а более старые суда облагались небольшим налогом в размере 20–40 центов с каждой тонны водоизмещения.

Свое покровительство судовладельцам хунта расширила до таких пределов, что освободила от судебного преследования тех из них, кто уклонялся от уплаты и этих льготных налогов. Возросшее с 1968 по 1972 г. на 81% количество судов, плававших под греческим флагом, не повлекло за собой увеличения поступлений от их налогообложения. Наоборот, они уменьшились. Недостающие средства пополнялись за счет других статей налогообложения.

Одновременно с этим диктаторский режим решил оплачивать за счет казны 80% стоимости строительства грузовых и пассажирских судов, заказы на изготовление которых поступали на греческие верфи. Государство давало также гарантии в размере 30% стоимости всего кораблестроения и выделяло неогра-

ниченные кредиты судовладельцам для расширения их деятельности.

Хунта создавала дополнительные благоприятные условия для промышленников путем введения ряда антирабочих мер. Она разрешила увольнять персонал и вербовать неквалифицированную рабочую силу среди выходцев африканских стран. Она запретила забастовки, «заморозила» заработную плату и увеличила продолжительность рабочей недели для докеров и моряков с 44 до 56 часов.

Еще более одиозно выглядела благосклонность хунты, проявляемая по отношению к иностранному монополистическому капиталу. Еще правительство правых приняло закон, согласно которому иностранный капитал был частично освобожден от обложения налогами и получил возможность беспрепятственного вывоза прибылей. Хунта не только реализовала положения этого закона, но и издала ряд постановлений, которые предоставляли новые преимущества иностранным фирмам. Она закрепила эти привилегии конституционно, усугубив тем самым зависимость страны от иностранного капитала. Статьей 23 конституции 1968 г. были оставлены в силе все предыдущие законы, покровительствовавшие иностранному капиталу и освобождавшие его от налогообложения. Статья разрешала изменение этих законов, но только в плане «предоставления еще больших привилегий».

Почти всеми мерами покровительства, которые оказывались иностранному капиталу, в определенной степени пользовались и местные предприниматели. Используя прибыли или субсидии для расширения своей деятельности, они обычно выдавали новые инвестиции за иностранные, и таким образом приобретали все льготы иностранных объединений.

Сталелитейным предприятиям в Элевсине специальным разрешением министерства было, например, дано разрешение на ввоз 10 млн. долларов для расширения

предприятия. Но нигде не говорилось, был ли это греческий или иностранный капитал. Таким путем предприятия не только освобождались от обложения налогами, но и в будущем их прибыли, полученные от новых инвестиций, могли быть беспрепятственно вывезены в валюту как иностранный капитал.

Финансовая политика хунты вызвала острые противоречия между местными и иностранными судовладельческими компаниями. Мерами хунты в поддержку судовладельцев поспешили воспользоваться не только греческие, но и иностранные компании. В течение короткого времени свыше 400 иностранных судов стали плавать под греческим, как наиболее «удобным» флагом. Этот факт вызвал беспокойство среди местных судовладельцев. Они заговорили «об опасности распространения иностранного капитала», о некоей «пятой колонне, которая под звуки свирели поставила под греческий флаг свыше 400 иностранных судов». Хунта уступила давлению и приняла частичные ограничительные меры, отклонив некоторые просьбы иностранных судовладельцев о разрешении плавать под греческим флагом.

В целом одиозная во всех сферах жизни государства политика хунты вызывала вполне понятную осторожность и сдержанность в финансовых и предпринимательских кругах Греции. Олигархи греческой экономики старались не афишировать своих тесных связей с правительством.

Обострение социально-экономических противоречий в Греции и нарастание антидиктаторского движения в народе привели в 1973 г. к углублению кризиса режима военной диктатуры в целом, который вызвал брожение даже в армии.

В этих условиях правая оппозиция усилила борьбу за власть в стране, опираясь на поддержку влиятельных западноевропейских и американских кругов. Серьезную опасность для правительства Пападопулоса

создала попытка этой оппозиции организовать в конце мая 1973 г. мятеж в греческих военно-морских силах. Хотя властям вовремя удалось раскрыть и ликвидировать заговор, прибегнув к широким репрессивным мерам, сам этот факт вынудил хунту решиться на политический маневр, направленный на укрепление положения режима.

1 июня 1973 г. правительство Г. Пападопулоса опубликовало закон об упразднении монархии и провозглашении Греции президентской парламентской республикой. Сыграв на республиканских чувствах населения, хунта добилась одобрения указа об изменении конституции 1968 г. на референдуме, проведенном по этому вопросу 29 июля 1973 г. Тем самым были одобрены принципы республиканской формы правления, основой которой явилась усиленная власть президента.

Стремясь разрядить напряженную обстановку в стране и смягчить неблагоприятное впечатление за рубежом, вызванное действиями хунты, Г. Пападопулос, теперь уже президент Греции, отменил закон о военном положении, объявил амнистию примерно 400 политическим заключенным, обещал решить вопрос о политических партиях и проведении парламентских выборов.

С середины 1973 г. в Греции особенно усилились и расширились волнения, охватив в той или иной форме почти все отрасли экономики. Важным фактором политической жизни страны стала борьба студенческой молодежи, требовавшей реформ в системе просвещения, предоставления профсоюзных, академических и политических свобод. Выступления молодежи носили массовый характер, отличались единством действий.

Для дальнейшего ослабления давления на режим военной диктатуры как извне, так и изнутри Г. Пападопулос пошел на удаление из правительства своих сорат-

ников по хунте и создание гражданского кабинета, основная задача которого состояла в том, чтобы в нужном духе подготовить и провести парламентские выборы.

Несмотря на все принятые меры, антиправительственные выступления усилились. Кульминационным моментом явилось восстание студентов афинского Политехнического института 17–18 ноября 1973 г, которое проходило под лозунгами: «Хлеб, образование, свобода», «Долой Пападопулоса!», «Американцы, убирайтесь вон!», «Выйти из НАТО!» и т.п. Студенты забаррикадировались в главном корпусе института. К ним на помощь пытались пробиться группы из рабочих кварталов, но весь район был оцеплен танками и бронетранспортерами.

Пападопулос в кратком выступлении по телевидению объявил о введении в стране чрезвычайного положения. На безоружных студентов была брошена военная техника. В кровавых столкновениях с полицией и войсками десятки людей были убиты, сотни — ранены и арестованы.

Широкий размах антиправительственных выступлений показал всю неустойчивость режима. Победа Пападопулоса над студентами оказалась пирровой. В ночь с 24 на 25 ноября 1973 г. в Греции произошел верхушечный военный переворот, осуществленный начальником военной полиции генералом Д. Иоаннидисом. Власть захватила та группировка хунты, которая после 21 апреля 1967 г. постоянно добивалась сохранения руководящей роли армии в жизни страны. В перевороте участвовали главным образом части первого армейского корпуса под командованием генерала Ф. Гизикиса. Именно он и стал президентом Греции. Премьер-министром назначили адвоката А. Андруцопулоса, активно сотрудничавшего с военным режимом.

Утром 25 ноября телевидение показало церемонию принесения присяги новым правительством. Министры дружно и боязливо (так показалось некоторым наблюдателям со стороны) тянули руки к Библии под сверлящим

взглядом генерала Гизикиса, прятавшего глаза за темными стеклами массивных очков в роговой оправе. Многих из них путчисты буквально подняли с постели в ночь переворота и под охраной доставили в штаб заговорщиков, где им «предложили» занять посты в новом правительстве.

Новые ставленники военной хунты обвинили Пападопулоса в том, что он отошел от так называемых «принципов 21 апреля», обратившись к «демократическому» стилю руководства. Однако сущность режима в Греции не изменилась, поскольку замена правительства была осуществлена теми же силами, которые и установили этот режим в своих собственных интересах.

Захватившее власть «жесткое» крыло хунты выступило противником какой бы то ни было «либерализации». Главное острие ее внутренней политики было направлено против демократических тенденций в стране. В Греции продолжал действовать закон о военном положении, проводились тайные аресты противников режима, были восстановлены концлагеря, существовала строжайшая цензура печати.

Новое правительство просуществовало не более одного года. Оно рухнуло вместе с военным режимом после неудачной авантюры на Кипре. 15 июля 1974 г. части национальной гвардии Кипра под командованием присланных из Афин греческих офицеров, специально подобранных диктаторским режимом, подняли мятеж против законно избранного президента республики архиепископа Макариоса. Операция готовилась при самом активном участии тайных служб НАТО. Греческая сторона добивалась раздела Кипра, соглашаясь уступить часть территории острова Турции. Мятеж завершился полным провалом. Во избежание развития неконтролируемой ситуации в стране 23 июля 1974 г. хунта передала власть коалиции правых партий. К руководству страной пришло гражданское правительство во главе с возвратившимся из Парижа консервативным деятелем К. Караманлисом.

ДОУ САМУЭЛЬ (1951-1990)

Самуэль Доу правил Либерией — небольшой страной в Западной Африке на побережье Атлантического океана — с 1980-го по 1990 годы.

Родился Самуэль Доу 6 мая 1951 г. в Тузоне — одном из немногочисленных городов Либерии. После окончания одиннадцатилетней школы он вступил в либерийскую армию. После курса обучения на базе сил быстрого реагирования США получил звание старшего сержанта. Это случилось в 1979 г., а уже через несколько месяцев Доу возглавил государственный переворот.

Во главе государства тогда стоял президент Уильям Р. Толберт, принадлежавший к Партии истинных вигов, которая правила страной в течение 110 лет. Политическая жизнь в стране отличалась консервативностью. До середины 70-х годов фактически действовала только одна правящая партия, в которой состояли почти все государственные служащие. Попытки создания других партий, несмотря на конституционные гарантии, подавлялись.

Однако начавшееся в 60-х годах развитие промышленности и плантационного хозяйства привело к увеличению экономически и политически активного населения. Быстрая урбанизация поставила перед правительством проблему снабжения города продовольствием. Хотя подавляющее большинство населения Либерии занято в сельском хозяйстве, своего продовольствия стране не хватало, впрочем, не хватает его и в настоящее время. Приходилось ввозить 200–300 тысяч тонн риса, основного продукта питания, ежегодно.

Рост мировых цен на продукты питания при более чем скромных валютных запасах Либерии ограничивал возможность закупок. В начале 1979 г. было объявлено о предстоящем повышении цен на рис. В столице

государства Монровии начались волнения. Правительство использовало полицию для разгона демонстрантов, многие из которых были убиты или ранены, и обрушило репрессии на оппозиционную Прогрессивную народную партию.

Но от повышения цен на рис пришлось отказаться. Более того, в декабре того же года правительство Толберта было вынуждено согласиться на легализацию оппозиционной партии, обещало некоторые демократические реформы и улучшение условий жизни военнослужащих.

Ни одно из этих обещаний не было выполнено. Поэтому 7 марта 1980 г. Прогрессивная народная партия призвала население провести всеобщую забастовку, чтобы заставить правительство Толберта уйти в отставку. Обвинив руководителей оппозиции в «дьявольских» намерениях и в государственной измене, правительство арестовало их и запретило ПНП. У. Толберт заявил, что членов этой партии ждет суд.

Однако 12 апреля 1980 г. Самуэль Доу и 17 верных своему сержанту солдат атаковали здание правительства в Монровии. В результате переворота президент страны Толберт и 30 членов правительства были убиты.

Под руководством созданного организаторами переворота Совета народного спасения представители военных, Прогрессивной народной партии, Движения за справедливость в Африке и независимые гражданские деятели сформировали коалиционное правительство. Самуэль Доу, возглавивший его, пообещал быстрое возвращение к гражданскому правлению. Обещание так и не было выполнено.

Правительство Доу сразу же столкнулось с многочисленными трудностями — экономического, а также внутри- и внешнеполитического характера. Доу отменил действие конституции 1847 года, распустил Партию истинных вигов. 13 министров бывшего правительства, обвиненные в государственной измене, были расстреляны, еще триста человек арестованы.

Правительству Самуэля Доу досталось тяжелое наследство. Государственный долг достиг почти 700 миллионов долларов, то есть превысил две трети валового внутреннего продукта, казна пустовала. Запасов риса оставалось всего на неделю, бензина — на две недели.

Очень трудно складывались отношения нового режима с рядом африканских государств. Делегация Либерии не была допущена на сессию Экономического сообщества западноафриканских стран (ЭКОВАС). Доу не пригласили и на очередную сессию Ассамблеи глав государств и правительств Объединенных африканских государств во Фритауне. Началось бегство из страны ливанцев, американо-либерийцев, иностранных специалистов, резко сократилась внешняя финансовая помощь и капиталовложения. Доу был вынужден заявить, что казней больше не будет.

Обострилось внутреннее положение: участились грабежи и акты насилия, трайбалистские выступления. В мае Доу отдал приказ об аресте группы высших офицеров (в том числе командующего ВВС), готовивших контрпереворот.

Но дипломатическая блокада была прорвана, хотя и не сразу. Среди африканских государств первыми правительство Доу признали Эфиопия и Ливия. Последняя предоставила военному правителю помощь в размере 20 миллионов долларов. К июлю-августу 1980 г. Доу удалось нормализовать отношения с большинством стран континента. Заметным внешнеполитическим успехом Либерии явилось ее вступление в Организацию стран бассейна реки Нигер. Возобновилось сотрудничество Либерии с ЭКОВАС. Был продлен договор о дружбе с Гамбией, заключены соглашения об экономическом сотрудничестве и финансовой помощи с Малайзией, Индией, некоторыми странами Западной Европы, США, Японией. Последние в течение 1981-1982 г. предоставили Либерии финансовую помощь в размере около 250 млн. долларов.

В ноябре 1980 г. правительство Доу договорилось с членами так называемого Парижского клуба об отсрочке на два года выплаты задолженности в сумме 50 миллионов долларов. С некоторыми иностранными компаниями были подписаны контракты на строительство в стране новых промышленных предприятий, причем инвесторы обязались также подготовить местных специалистов. Крупнейшее соглашение с американской компанией «Африка индастриз юнайтед инджиниринг энд контрактор» предусматривало строительство металлургического комбината стоимостью 800 миллионов долларов.

Внутри страны правительство Доу оставило в неприкосновенности старый трудовой кодекс, объявило забастовки вне закона, но вместе с тем попробовало провести некоторые демократические преобразования. Так, была создана комиссия по проведению аграрной реформы, намечалось введение бесплатного образования. В фонд этого мероприятия члены Совета народного спасения отчислили свое двухмесячное жалование. Впрочем, они быстро возместили «потери». СНС конфисковал в «пользу государства» имущество эмигрантов, а также «незаконно присвоенные у народа» средства, накопленные министрами правительства Толберта на личных счетах.

Ситуация напоминала в миниатюре ту, которая содалась в России после октября 1917 г. 8 ноября 1980 г. в Монровии прошел первый в истории страны субботник по благоустройству города. В нем приняли участие члены СНС, правительства и армейские подразделения.

Правительство установило твердые цены на товары первой необходимости, «заморозило» цены на хлеб и безалкогольные напитки. Удалось даже создать трехмесячный запас риса и топлива. Повысился минимум заработной платы: военнослужащим — до 250 долларов в месяц, государственным служащим — до 200 долла-

ров. Правда, рост заработной платы не успевал за ростом инфляции, начавшейся еще в 1979 году.

В целях увеличения бюджетных доходов была пересмотрена налоговая система: введены экспортные лицензии, повышены подоходный налог, налоги на продажу автомобилей и товаров не первой необходимости, цены на билеты в кино, аэродромные и почтовые сборы. Увеличились сборы за регистрацию судов, плавающих под либерийским флагом, — с 10 до 30 центов за тонну водоизмещения в 1981 г., до 40 центов в 1985 г.

В начале 1985 г. группа военных предприняла очередную попытку государственного переворота. С. Доу легко расправился с бунтовщиками. Он чувствовал себя настолько уверенно, что уже в октябре 1985 г. разрешил провести свободные выборы.

Перед выборами правительство развернуло широкую кампанию по запугиванию избирателей. Результаты голосования беззастенчиво подтасовывались. Специальная избирательная комиссия вынесла решение о том, что в выборах победил Самуэль Доу, набравший 51 процент голосов. 12 ноября была предпринята следующая попытка переворота во главе с бывшим командующим вооруженными силами генералом Томасом Кивонкпы. Доу подавил мятеж оригинальным способом — он отдал страну на разграбление солдатам.

Международная пресса уделяла совсем мало внимания Либерии в последующие годы, поэтому конкретных фактов о положении в стране в нашем распоряжении немного. Несомненно, что после первых попыток находить компромиссы и учитывать интересы различных слоев населения, Самуэль Доу обратился к неприкрыто тоталитарным методам управления. Все чаще нарушались права человека. Правительство Либерии присвоило себе миллионы долларов помощи США. Началась гражданская война. Лидеры двух повстанческих группировок — Чарльз Тейлор, бывший член правительства,

и принц Йорми Джонсон — привлекали в свои отряды все большее число сторонников.

В начале января 1990 г., надеясь остановить войну, Доу объявил, что вскоре проведет свободные выборы и не станет выдвигать свою кандидатуру на повторный срок. Чарльз Тейлор, однако, потребовал немедленной отставки Доу. Мирные переговоры под эгидой США и Либерийского Совета церквей, а позднее при посредничестве многонациональных сил по поддержанию мира, так ни к чему и не привели. В конце концов, пять стран из региона Западной Африки послали в Либерию свои войска.

9 сентября силы повстанцев во главе с принцем Джонсоном схватили Доу вблизи штаба миротворческих сил. Раненный в обе ноги во время перестрелки, Доу был взят под стражу повстанцами и замучен ими до смерти. Осталось неясным, когда это произошло — сразу же или на следующий день.

После ликвидации Самуэля Доу повстанцы объявили о прекращении огня. Но сторонники Доу имели свое мнение на этот счет. Бои продолжались до ноября, пока западноафриканские силы по поддержанию мира не сформировали переходное правительство.

ДЮВАЛЬЕ ФРАНСУА (ПАПА ДОК) (1907-1971)

Франсуа Дювалье родился в 1907 году. После окончания в 1932 г. медицинского факультета Гаитянского университета он устроился на работу к американцам — помощником начальника медицинской службы американских оккупационных сил. В 1934 году, когда морская пехота США была вынуждена покинуть Гаити, Дювалье остался не у дел и занялся врачебной практикой в деревне. Но с 1940 года он снова оказался под началом американцев — на сей раз в качестве сотрудника американской санитарной миссии, которая в 1944 году направила его в Мичиганский университет для изучения системы здравоохранения США. После возвращения на родину Дювалье получил пост помощника майора Джеймса В. Двинелла из медицинской службы морского флота США.

После окончания второй мировой войны на Гаити наблюдался мощный подъем национально-освободительного движения. Не желая допустить потери своего влияния в стране, США направили к берегам Гаити военные корабли. Власть перешла в руки военных. Под наблюдением национальной гвардии состоялись выборы нового парламента, принявшего конституцию. 16 августа 1940 года президентом был избран негр Дюмарсе Эстиме. До этого на протяжении 30 лет страной руководили только мулаты. Эстиме, в прошлом спикер палаты депутатов и министр просвещения, сформировал коалиционное правительство, в состав которого вошел и 26-летний учитель математики Даниэль Финьоле. В событиях 1946 года Финьоле играл заметную роль. Он был президентом «Рабоче-крестьянского движения» (МОП), пользовавшегося значительным влиянием в

стране. Именно тогда на политической арене появился Франсуа Дювалье, ставший вскоре ближайшим сотрудником Финьоле по МОП.

Популярный в народе Финьоле был приглашен на пост министра просвещения. Дювалье занял пост заместителя министра труда. Но когда Эстиме сделал резкий крен вправо, Финьоле в знак протеста вышел из правительства. Дювалье, однако же, остался в нем и отошел от оппозиционного МОП. Более того, его назначили министром здравоохранения.

Дювалье стал ярым приверженцем Эстиме и его доктрины, суть которой сводилась к требованию: решающую роль в жизни Гаити должны играть негры. Неграм следовало оказывать предпочтение перед мулатами независимо от места, занимаемого в обществе. Чтобы как-то затушевать откровенно расистские требования, Эстиме и Дювалье возвестили миру о существовании в Гаити двух классов... негров и мулатов.

10 мая 1950 года, после разгона парламента и последовавших вслед за этим беспорядков, руководители армии заявили, что Эстиме упустил бразды правления, и свергли его. Власть снова перешла в руки военных. И в 1946, и в 1950 году ведущую роль в военной хунте играл полковник Поль Маглуар. Как только положение в стране несколько стабилизировалось, Маглуар выдвинул свою кандидатуру на пост президента и был на него избран.

В начале 1954 года против Маглуара было организовано несколько заговоров и президент ответил на это жестоким террором. В декабре 1954 года он заинтересовался деятельностью Франсуа Дювалье. Между тем, взвесив все за и против, Дювалье решил, что ему выгоднее воздержаться от сотрудничества с Маглуаром, на некоторое время остаться в тени. Это было хорошо рассчитанным ходом. Дювалье снова стал сотрудником миссии США, формально занимавшейся вопросами здравоохранения, а фактически разведкой. В те годы

Дювалье встретился с Клеманом Барбо, потерявшим после свержения Эстиме место в министерстве сельского хозяйства. Дювалье пристроил его к американцам, и они вместе начали разрабатывать план завоевания власти. Президент Маглуар, видимо, почуввав опасность, попросил американцев уволить Дювалье. С тех пор Дювалье перешел на нелегальное положение, хотя Маглуар его не преследовал. Дювалье хотел из политических соображений создать вокруг своего имени ореол мужественного борца, но его подпольная деятельность походила скорее на детскую игру, чем на сколько-нибудь серьезное сопротивление режиму. Сначала он жил у соседей, потом у соседа-священника. Живя у священника, Дювалье занимался самообразованием. Люди, встречавшиеся с ним в те годы, рассказывают, что любимым чтением будущего диктатора в те годы была книга Макиавелли «Государь», которую он истолковывал как учение о коварстве и беспринципности, о завоевании и удержании власти любыми средствами. Соседи Дювалье, три брата Жюмель, из сострадания к «жертве произвола» помогали ему и его семье деньгами. Став президентом, он их «отблагодарил»: все три брата были расстреляны. «Пополнив образование», Дювалье не замедлил применить на практике почерпнутые в «Государе» наставления. Так, он вступил в контакт с бывшим президентом Кубы Прио Соккарасом: взял у него в долг 20 тыс. долларов, пообещав ему, что если его, Дювалье, изберут президентом, он предоставит Соккарасу базы для борьбы с диктатором Батистой. Став президентом, Дювалье не только забыл о своем обещании Соккарасу, но и разжился у Батисты займом в 4 млн. долларов.

Чтобы получить представление о «подпольной» деятельности Дювалье, достаточно вспомнить, что он на всем ее протяжении поддерживал тесную связь с начальником полиции Мариэросом Просперо. Не случайно многие агенты тайной полиции Маглуара впоследствии служили в личной охране Дювалье. Главной его забо-

той в то время было распространение слухов о том, что он вскоре займет с помощью США президентский пост.

Маглуар также всячески афишировал свою дружбу с США, надеясь, что это поможет ему остаться президентом на второй срок. Но подчеркнутое пристрастие Маглуара к Вашингтону возымело обратный эффект: в воздухе запахло переворотом. 15 мая 1956 года закончился «конституционный» срок пребывания Маглуара у власти. В предвидении трудностей, связанных с переизбранием, он усилил террор, приступил к массовым арестам. Испугавшись, как бы ищейки президента не загребли и его, Дювалье через посредников дал знать Маглуару, что он подрывной деятельностью не занимается, и попросил не верить наветам. Маглуар великодушно гарантировал Дювалье безопасность.

В августе 1956 года Дювалье вышел из «подполья». В стране шла борьба за президентское кресло, претенденты выдвигали свои кандидатуры. 7 сентября 1956 года выдвинул свою кандидатуру на пост президента и Дювалье. Показательно, что накануне этого он зашел в редакцию проамериканской газеты «Гаити сан», издававшейся в Порт-о-Пренсе на английском языке, и задал один-единственный вопрос: «Что обо мне думают американцы?»

В течение ноября 1956 года в Порт-о-Пренсе то и дело взрывались бомбы. Позднее стало известно, что этим занимались люди Дювалье, чтобы вызвать состояние тревоги, спровоцировать панику. В начале декабря 1956 года наступил кризис.

13 декабря Маглуар отбыл в изгнание на Ямайку, прихватив с собой 12 миллионов долларов из государственной казны. Между правящими группами началась борьба за власть.

Главных претендентов на пост президента было четверо: сенатор Луи Дежуа — представитель мулатской элиты, богатый промышленник, боровшийся против Маглуара и уверявший, что его поддерживают Соединенные Штаты. Сенатор знал силу этого аргумента: поддержка

США действительно могла обеспечить ему победу на выборах. Вторым кандидатом был опытный оратор адвокат Клеман Жюмель, занимавший пост министра финансов в правительстве Маглуара и представлявший круги, поддерживавшие Маглуара и негритянских латифундистов. Третьим кандидатом был Даниель Финьоле. Выходец из бедной семьи, он с большим трудом получил образование, стал учителем математики. Финьоле пользовался доверием рабочих и солдат, он дважды сидел в тюрьме и объективно имел большие шансы на успех. Что касается Франсуа Дювалье, то журналисты его не осаждали и не брали у него интервью, так как «этого противного лилипута никаких шансов на успех не было».

Между тем США сделали ставку именно на «противного лилипута». «Скромный сельский врач» казался также подходящей фигурой полиции и армейской верхушке Гаити. Они рассчитывали найти в нем послушного исполнителя своих планов. Сам же кандидат вел тонкую и сложную игру, плел интриги и не скупился на посулы. В числе лозунгов, которыми Дювалье украсил свою предвыборную платформу, был и такой: «Работа для всех!» Он обещал голодному и нищему народу ускорить строительство школ, покончить с коррупцией, восстановить социальную справедливость.

Предвыборная борьба проходила на фоне интриг, постоянных перестановок в правительстве и нараставших беспорядков. 25 мая три кандидата в президенты — Финьоле, Жюмель и Дювалье — собрались, чтобы обсудить создавшуюся ситуацию. Дювалье сделал хитрый ход: предложил Финьоле, как «единственному человеку, который может спасти страну от ужасов гражданской войны», стать временным президентом. Доверчивый Финьоле согласился. Между тем сторонники Дювалье во главе с генералом Антонио Кебро муштровали банды наемников-головорезов — будущих тонтонмакутов («тонтон-макут» в переводе с креольского означает «оборотень», «упырь». «Тонтон-макут» — «бука»,

которым в гаитянской глубинке пугали детей, вырос в зловещую и, увы, реальную фигуру, главную опору будущей тирании).

26 мая Финьоле стал временным президентом Гаити. Это было его первой ошибкой. Вторая состояла в том, что он назначил сторонника Дювалье генерала Кебро начальником Генерального штаба армии. Кебро был не только сторонником Дювалье, но и другом доминиканского диктатора Трухильо, ненавидевшего Финьоле.

Через 19 дней после прихода Финьоле к власти, 14 июня, генерал Кебро прямо на заседании правительства арестовал Финьоле и выслал его вместе с семьей из Гаити.

Возмущенные сторонники Финьоле вышли на улицы. Войско Кебро встретило демонстрантов свинцом. Было убито 1000 человек. Чтобы замести следы этого массового убийства, скрыть его от мировой общественности, раненых закапывали вместе с убитыми.

2 августа военная хунта, возглавлявшаяся генералом Кебро, объявила, что новые выборы состоятся 22 сентября и будут проведены без всякой регистрации избирателей.

Так, в обстановке террора, под взглядами полицейских, стоявших возле урн с автоматами наперевес, и состоялись президентские и парламентские выборы 1957 года. Результат их был предрешен заранее. Вновь избранный парламент почти полностью (а сенат целиком) состоял из сторонников Дювалье.

После обнародования результатов выборов начались беспорядки. Но хунта генерала Кебро, управлявшая страной до 22 октября, когда Дювалье вступил на пост президента, подавляла их железной рукой.

Гаитяне — народ остроумный. Они любят давать меткие прозвища, особенно своим правителям. Франсуа Дювалье упредил своих соотечественников; не желая, чтобы прозвище пришло снизу, он придумал его себе сам: «папа Док».

В своем интервью газете «Нью-Йорк таймс», первом

интервью, которое он дал, став президентом, Дювалье заявил, что гаитянская пресса будет пользоваться полной свободой, что его правление будет носить конституционный характер, строго следовать букве и духу конституции 1950 года.

22 октября 1957 года Франсуа Дювалье вступил на пост президента Республики Гаити. Он начал с того, что щедро наградил своего благодетеля генерала Кебро и назначил его главнокомандующим армией на двойной срок — не на полагавшиеся три года, а на шесть лет. Давнего приятеля Клемана Барбо Дювалье назначил начальником тайной полиции и тут же приступил к «перетряхиванию» государственного аппарата — вскоре на официальных постах сидели только доверенные лица нового президента. Первый год пребывания Дювалье у власти был ознаменован массовыми политическими процессами над действительными и мнимыми противниками режима. (Но в тот год еще бывали случаи, когда арестованных освобождали.) Многие политические деятели вынуждены были эмигрировать. По примеру своего доминиканского коллеги диктатора Трухильо, Дювалье создал правительственную Партию народного единства.

Дювалье установил слежку не только за потенциальными противниками, но и за своими сторонниками. Его соперники — кандидаты на президентский пост — спасались бегством. Охотясь за одним из них — Клеманом Жюмелем, ищейки Дювалье выследили его двух братьев и обоих расстреляли. Не ушел от их рук и сам Клеман.

Дорвавшись до власти, Дювалье начал осуществлять давно задуманную акцию — физическое истребление своих оппонентов и критиков. Клеман Барбо, как-то разоткровенничавшись, признался, что получил от Дювалье приказ «убивать ежегодно по 300 человек». Мстительный диктатор обрушился огнем и мечом и на независимые газеты. Директора и издатели семи ведущих органов печати Гаити были заключены в тюрь-

му и подвергнуты пыткам. Не понравился диктатору и журнал «Эскаль», издававшийся Ивонной Хакиль Римпель. И вот двенадцать «тонтон-макутов» ворвались к ней в дом, зверски ее избили, надругались над нею и едва живую выбросили на улицу. Она чудом выжила. О расправе над Ивонной Хакиль Римпер стало известно всему миру. Гаити оказалась в центре внимания как «республика кошмаров». В дома «подозрительных лиц» и в помещения оппозиционных организаций по ночам врываются молодчики в масках и в темных очках, в синих рубашках или в длинных балахонах с капюшонами, по повадкам своим весьма напоминаящие эсэсовцев. В «тонтон-макуты» шли деклассированные элементы, уголовники, промотавшие отцовское наследство сынки богатых родителей, сержанты, которым пообещали офицерское звание. Рядовые «тонтон-макуты» жалованья не получали: они добывали себе деньги вымогательством, насилием, грабежом. В их обязанности входило: собирать налоги, взимать всякого рода поборы, вылавливать лиц, подозреваемых в антипатии к Дювалье, и расправляться с ними. Эти гориллообразные детины в черных очках были вездесущими, а по бесчеловечности и жестокости они превзошли даже гитлеровских гестаповцев. В Гаити никто, даже иностранные послы, не могли чувствовать себя в безопасности.

«Тонтон-макут» — наемник, убийца, и сам при этом раб. Власть свою они получили от «папы Дока», чтобы его защищать и быть от него в полной зависимости. Точных сведений о численности «тонтон-макутов» нет. По данным американского энциклопедического ежегодника за 1969 год, их было 10 тысяч. В действительности же, по-видимому, намного больше. 10 тысяч — это только те, кто носили форму. Кроме корпуса «тонтон-макутов», Дювалье располагал пятитысячной регулярной армией и семью тысячами полицейских, составивших личную, «президентскую» охрану диктатора.

В Гаити был установлен режим произвола и архижестокое террора. Были запрещены политические партии, закрыты все издания, не выразившие желания сотрудничать с режимом. Дювалье распустил профсоюзы и студенческие организации, назначил в суды своих ставленников, выслал из страны священников, не желавших прославлять его режим. Ежедневно ответственные чины тайной полиции являлись к президенту с донесениями, и он лично решал, за кем нужно следить, кого арестовать, кого уничтожить. Дювалье всегда был не прочь пополнить наличными свой несгораемый шкаф. Его излюбленным занятием был сбор с помощью тайной полиции «добровольных пожертвований», якобы содействовавших процветанию Гаити. Вскоре после вступления в должность он посетил банки Порт-о-Пренса, где его вооруженная охрана очистила большую часть сейфов. В «президентский фонд», существовавший помимо государственной казны, ежегодно отчислялось около 3 миллионов долларов в форме косвенных налогов на табак, спички и иные статьи монопольной торговли. Вооруженные автоматами «привидения» взимали до 300 долларов ежемесячно с каждого предприятия в качестве «добровольных» пожертвований в фонд «экономического освобождения Гаити», созданный для личных нужд Дювалье.

12 марта 1958 года всемогущий главнокомандующий гаитянской армией генерал Кебро, направляясь в город Петсионвиль, услышал 13 залпов оружейного салюта. Это могло означать лишь одно: назначен новый главнокомандующий армией. Кебро так это и понял и изменил маршрут: вместо Петсионвилля направился в посольство Доминиканской Республики. Чтобы не портить отношений с соседом — доминиканским диктатором Трухильо, закадычным другом Кебро, Дювалье ограничился тем, что выслал Кебро из Гаити в качестве посла в Ватикане. Так Дювалье избавился от человека, который обеспечил ему президентский пост: «велико-

душно» назначенный командующим армией на шестилетний срок, Кебро продержался в этой должности всего шесть месяцев.

30 апреля 1958 года в пригороде столицы взорвалось несколько бомб. Это был первый заговор против диктатора. Дювалье принял крутые ответные меры: 2 мая созвал парламент, который объявил чрезвычайное положение в стране и наделил президента особыми полномочиями. Террор резко усилился, остатки оппозиции были разгромлены. Тюрмы не вмещали арестованных.

29 июля 1958 года небольшая группа гаитян, преимущественно бывших офицеров, высадилась в Гаити. Смелчаки прибыли в столицу, надеясь захватить власть. Президент Дювалье настолько перепугался, что упаковал чемоданы и приготовился укрыться вместе с семьей в посольстве Колумбии. Но уже на следующий день силы безопасности без труда ликвидировали группу мятежников. Переполох во дворце, однако, был столь велик, что, оправившись от испуга, Дювалье создал специальную дворцовую охрану под своим личным командованием, учредил «народную милицию» и легализовал банды «тонтон-макутов». Поступавшее из США оружие он сосредоточил в подвалах президентского дворца. Этот дворец, построенный еще в 1918 году, превратился в военный арсенал и камеру пыток, которую Дювалье называл «косметическим кабинетом». (Одна из деталей ее оборудования — так называемая «человековъжжималка»: ящик-гроб, утыканный изнутри лезвиями стилетов.)

Одновременно Дювалье произвел крупную чистку в офицерском составе армии, уволил в отставку 17 полковников и генерала Фламберта, а на освободившиеся места назначил молодых и преданных «тонтон-макутов». Главнокомандующим стал полковник Пьер Мерсерон, который тут же был произведен в генералы.

Имя Дювалье сопровождалось громкими и претенциозными титулами. Немногочисленные легально из-

дававшиеся газеты печатали только панегирики «немеркнущему гению президента» и «благородству его идей».

Безудержная демагогия была одним из основных средств, с помощью которых диктатор держал в узде народные массы. «Я — это новая Гаити. Уничтожить меня — значит уничтожить самое Гаити. Я живу ею, и она живет мною. Я — знамя Гаити, единое и неделимое. Я — это демократия», — таков был любимый набор его лозунгов-заклинаний. «Папа Док» не уставал твердить о том, что он совершил революцию и освободил гаитянский народ. Среди лозунгов дювальистской «революции» фигурировал и такой: «Власть — неграм!» Им возвещался призыв к перераспределению богатств, созданию негритянской олигархии за счет помещиков-мулатов и капиталистов-мулатов.

Дювалье для идеологического обоснования своего режима использовал идею негритюда. Апологеты негритюда подчеркивают уникальность и неповторимость африканской культуры, ее непостижимость для белого человека. Именно эту идею отстаивал Дювалье в книге, которую он опубликовал в 1958 году совместно с неким Лоримером Дени — «Борьба классов в истории Гаити». Пронизанная социальной демагогией насквозь, она проповедует «черный расизм».

Негритюд — философская и политическая доктрина, выработанная негритянской интеллигенцией и возникшая как форма протеста против расизма вообще. Папа Док, провозгласивший себя сторонником негритюда, изрядно дискредитировал идею, всячески разжигая в своих речах расовую ненависть. Цвет кожи при Дювалье стал идеологической проблемой номер один. Обращаясь к негритянскому населению, Дювалье вещал: «Меня ненавидят потому, что я, как и вы, черный. Они отказываются сотрудничать со мной, ибо я поклялся сделать вас счастливыми. Сегодня президентский дворец широко открыт для вас. Придите и воскликните: «Да здравствует папа Док!»

Дювалье ловко спекулировал на невежестве гаитянского народа. Он объявил себя «помазанником гаитянских богов», «гаитянским мессией», «духовным отцом гаитян».

Официальная государственная религия в Гаити — католицизм. Но большинство населения (до 80%) исповедуют культ вуду. Исповедовал его и Дювалье. Некоторые люди, близко знавшие диктатора, объясняют его приверженность к культу вуду еще и тем, что он сам был человеком психически неуравновешенным и даже параноиком. В его поведении наблюдалось немало странностей. Например, рассказывают, что Дювалье имел обыкновение молиться богам вуду, сидя в ванной со шляпой на голове. Раз в году он спал на могиле основателя нации Дессалина, чтобы «пообщаться с его душой».

Вашингтон с самого начала отнесся к Дювалье благосклонно. Собственно говоря, США пришлось выбирать из двух зол меньшее для себя. В 1957 году госдепартамент опасался, что президентом может стать Финьоле. В 1958 году Дювалье получил от США 400 тыс. долларов, а в 1959 году — 7 млн. долларов. Большую часть этой суммы Дювалье израсходовал на свои личные нужды. Но этого ему было мало, и он искал способа получить больше.

В мае 1959 года состоялся конгресс Национального союза гаитянских студентов. На открытии конгресса с приветственной речью выступил министр просвещения, а затем сам Дювалье, который без обиняков заявил, что если США не увеличат помощь Гаити, он будет вынужден обратиться за помощью к коммунистам.

Угроза подействовала: США увеличили на 25% квоту на покупку гаитянского сахара. Американский посол в ноте от 5 июля 1960 года сообщал Дювалье, что за 10 лет, с 1950 по 1960 годы, США подарили Гаити 40,6 млн. долларов, из которых 21,4 млн. были переданы непосредственно правительству Дювалье. Диктатор, не привыкший к нравоучениям, обиделся, и 16 июля 1960 года

посол Дрю был отозван. В ноябре в Порт-о-Пренс прибыл новый посол Ньюбегин.

7 апреля 1961 года Дювалье распустил парламент, избранный вместе с ним на шесть лет, и 22 апреля провел «выборы» в новый. Солдаты конвоировали избирателей к урнам. Бывали случаи, когда ретивые «тонтонмакуты» тащили к урнам и заставляли голосовать зазевавшихся иностранных туристов. В результате таких выборов можно было не сомневаться, если в старом парламенте фигурировали аж целых три представителя оппозиции, то все 58 новых депутатов были ставленниками Дювалье. На бюллетенях при выборах в парламент была сделана приписка: «Доктор Франсуа Дювалье — президент». После подсчета голосов власти объявили, что поскольку в бюллетенях фигурировало имя Дювалье, то гаитяне «добровольно» переизбрали его на новый шестилетний срок.

У Дювалье еще оставалось два года до конца срока своих полномочий, но он спешил: в соседней Доминиканской республике убили диктатора Трухильо, кубинская революция вызвала подъем национально-освободительной борьбы на всем континенте, активизировалась гаитянская оппозиция в эмиграции. Кроме того, Вашингтону не понравилось, что Дювалье пыгается шантажировать государственный департамент: Гаити буквально продавала свой голос США в Организации Американских государств за 12,5 млн. долларов ежегодной дотации.

Новый президент США Джон Кеннеди занял осторожно-выжидательную позицию в отношении к Дювалье. Накануне празднеств по случаю дня национального суверенитета Гаити Вашингтон отозвал своего посла из Порт-о-Пренса якобы для консультаций, не сочтя целесообразным его присутствие на официальной церемонии. Из тех же соображений отбыли на родину послы пяти других стран, аккредитованные в Гаити.

Внутри страны у Дювалье тоже было не все ладно. В армии множилось недовольные: командные должнос-

ти получили невежественные «тонтон-макуты»; непрерывные чистки, проводившиеся Дювалье, вызывали среди офицерства страх и неуверенность. Осложнились отношения Дювалье и с католической церковью. Уже в 1958 году некоторые священники осуждали действия президента. И тут новый демарш — Дювалье выслал из страны большую группу священников французского происхождения. Католическая газета «Ла Фаланж» прекратила свое существование. Практически в 1963 г. отношения между Дювалье и Ватиканом прервались.

В этой ситуации США неоднократно (в 1962, дважды в 1963 году) предпринимали попытки с помощью оппозиционного офицерства свергнуть Дювалье. Каждый раз Дювалье удавалось выкрутиться. Он громогласно заявлял об очередном вмешательстве США во внутренние дела Гаити, устраивал очередную чистку в армии, а через некоторое время снова просил у Штатов деньги. США нуждались в голосе Гаити в ОАГ. Политика президента Кеннеди в отношении Дювалье носила двойственный характер: поддержка, но не дружба, разговоры и интриги, но не свержение. Убийство президента Кеннеди 22 ноября 1963 года было отпраздновано с шампанским в президентском дворце в Порт-о-Пренсе. На радостях Дювалье послал секретного эмиссара на могилу Джона Кеннеди. Там посланец «папы Дока» наскреб горсть земли, подобрал увядший цветок, запечатал в бутылочку немного воздуха Арлингтонского кладбища и благополучно доставил трофеи президенту. Как выяснилось, эти «сувениры» понадобились Дювалье для магических заклинаний, с помощью которых он надеялся заключить душу Кеннеди в бутылку и подчинить ее своей воле, чтобы оказывать влияние на решения американского госдепартамента в выгодном для себя направлении. Как бы то ни было, но после смерти Кеннеди США снова стали оказывать Дювалье значительную помощь.

Отмечая двухлетие вторичного пребывания Дюва-

лье на посту президента, правительство Гаити 21 апреля 1963 г. объявило месячник «национальной благодарности». Открытие месячника было обставлено с максимальной торжественностью, но праздник испортили. 26 апреля 1963 г. неизвестные совершили нападение на президентский лимузин, в котором везли детей Дювалье: 12-летнего толстяка Жана Клода и его сестру 16-летнюю Симону. Нападавшие пытались похитить детей и таким путем заставить Дювалье подать в отставку. Попытка сорвалась. Волна террора захлестнула страну. К вечеру только в одной из столичных больниц врачи насчитали 65 трупов. Гаитянские газеты писали: «Гаитянин, который не любит президента Франсуа Дювалье — опасный враг Родины».

Под предлогом «расследования попытки похитить детей президента» тиран решил вырвать с корнем все ростки оппозиции. Нервы не выдерживали даже у самых преданных и толстокожих его приспешников. Чтобы выловить одного противника режима, агенты Дювалье хватили человек пятьдесят.

Режим Дювалье подвергся резкой критике в Западном полушарии. В печати систематически появлялись статьи о злодеяниях, творимых «тонтон-макутами» и самим «папой Доком».

Лидеры студенческого движения, перед которыми Дювалье незадолго до этого выступал с благосклонной речью, были арестованы и подвергнуты нечеловеческим пыткам. Один из них Луи Друн, по приказу Дювалье был расстрелян, всех его родственников прогнали нагими по улицам города, заперли в военную казарму, подвергли пыткам.

Бывший капитан Блашер Филохенес, задумавший вместе с группой эмигрантов свергнуть «папу Дока», оказался в руках диктатора. Дювалье приказал отрубить ему голову и, чтобы выяснить планы оппозиции, часами с нею беседовал. Головы казненных заговорщиков систематически выставлялись для устрашения гаитян

в президентском дворце. В момент, когда положение диктатора пошатнулось и возникла опасность государственного переворота, Дювалье заподозрил в измене одного из своих приближенных — шефа «тонтон-макутов» Клемана Барбо. 14 июня 1960 г. шеф жандармерии возвращался домой после приема во французском посольстве. Внезапно на Барбо и его охрану напали личные телохранители Дювалье, и всемогущий Барбо оказался за решеткой. В начале 1963 года его освободили. 15 апреля он по телефону заявил Дювалье, что убьет его. За голову живого или мертвого Барбо Дювалье назначил награду 10 тыс. долларов. 15 июля 1963 года охрана Дювалье расправилась с Барбо. Но на том дело не кончилось. По утверждению Дювалье, Клеман Барбо превратился в черную собаку. Начался отстрел всех черных собак.

Дювалье создал разветвленную систему тюрем и концентрационных лагерей. Особенно печальной славой пользовалась столичная тюрьма: там пытками и казнями руководил сам президент. Фотоснимки отрубленных голов и висящих на балконах изрешеченных пулями трупов мелькали в гаитянских газетах до тех пор, пока это не стало коробить некоторых слабонервных туристов.

За 14 лет пребывания у власти Дювалье пропало «без вести», иначе говоря, было уничтожено, более 50 тыс. патриотов; более чем 300 тыс. гаитянам пришлось эмигрировать.

Свое правление Дювалье решил увековечить строительством города, который он без ложной скромности назвал в свою честь Дювальевиллем. 21 июня 1961 года посреди живописной деревушки Кабаре, в 20 милях к северу от Порт-о-Пренса, состоялась закладка будущего города. Всех гаитян обязали вносить пожертвования на его строительство, однако город не построен до сих пор.

Без тени юмора гаитянская газета «Гаити джорнел» 4 марта 1964 г. писала: «Дювалье — сгусток энергии, как и

Наполеон, он укрепляет души, вселяет силы. Дювалье — один из величайших лидеров современности. Обновитель гаитянской нации, он воплощает в себе мужество, смелость, гениальность, дипломатический талант, патриотизм и такт, характерные для исполинов древности и современности».

В соответствии с «требованием народа», гаитянский парламент объявил себя Национальной конституционной ассамблеей и 25 мая 1954 г. утвердил новую конституцию, статья 196 которой закрепляла за Дювалье пост «пожизненного президента».

14 июня 1964 года был организован всенародный плебисцит. Когда Дювалье направился голосовать на избирательный участок в центре Порт-о-Пренса, улицы были пустыни. Он не мог скрыть гнева при виде усмешек сопровождавших его иностранных корреспондентов. Чтобы задобрить шефа, полицейские съездили в рабочие районы и, орудуя дубинками, загнали в грузовики всех, кого удалось схватить, в том числе и детей. На одной из машин заиграл духовой оркестр. Это было потрясающее зрелище, когда, размахивая дубинками, под аккомпанемент духового оркестра, полицейские тащили людей голосовать. За президента голосовали дети 12–13 лет и, как и в 1961 году, даже несколько застигнутых врасплох иностранных туристов. Процесс голосования был чрезвычайно прост. На бюллетенях напечатали декрет, провозглашавший Дювалье президентом до конца его дней. На вопрос: «Согласны ли вы?» — тут же крупными буквами был напечатан ответ: «Да». Тот, кто хотел сказать «нет», должен был писать это от руки, а это означало сразу же стать жертвой преследования.

22 июня 1964 года Дювалье был провозглашен Национальной ассамблеей «пожизненным президентом». Одновременно с этим ассамблея присвоила Дювалье следующие титулы: «непререкаемый лидер революции», «апостол национального единства», «достойный наследник основателей гаитянской нации», «рыцарь

без страха и упрека», «великий электровозбудитель (!) душ», «верховный вождь революции», «покровитель народа», «лидер третьего мира», «большой босс коммерции и промышленности», «благодетель бедных», «исправитель ошибок» и прочее, и прочее. Но чаще всего и в Гаити, и за границей Дювалье называли «папой Доком». Возник даже термин — «пападокизм», означивший режим фашистского типа, появившийся в слабо развитой полукOLONиальной стране. Подобные режимы характерны для самых отсталых стран Латинской Америки, но папа Док переплюнул всех.

После избрания Дювалье «пожизненным президентом», был введен новый гаитянский гимн, начинавшийся словами: «Папа Док навсегда...»

Дювалье назначал и смещал министров по своему усмотрению, точнее, по собственной прихоти. Горе тому, кто посмел бы отказаться от такой чести или воспротивиться приказу уйти в отставку. Во время заседания кабинета министров президент обычно держал под рукой свой револьвер; при этом «обновитель нации» нередко углублялся в чтение газеты, предоставляя секретарю право прочитывать тексты решений, подлежащих «выработке» и «единодушному одобрению». После чего, не проронив ни слова, Дювалье знаком руки указывал министрам на дверь. Он все время менял приближенных, предпочитая, как правило, тупых, но преданных ему людей. За несколько последних лет его правления сменилось пять начальников Генштаба.

Дювалье любил публично издеваться над своими подчиненными, унижать их. Бывали случаи, когда на заседаниях совета министров он бил по лицу своих министров. Министр Луи Бланше, доложивший Дювалье, что в 1962/63 учебном году школу посещало 19,3% детей школьного возраста, а в 1966/67 г. этот процент снизился до 16,6%, был немедленно уволен «за дезинформацию». Некоторых из государственных деятелей Дювалье принимал в пижаме.

Дювалье по своей опять же прихоти назначал и отзывал депутатов. Осмелившегося выставить свою кандидатуру без согласия Дювалье ждала тюрьма.

Дювалье одевался именно в черное, выступал, несмотря на галстук с бабочкой, с мрачным, похоронным видом. Его неподвижное, изрытое оспой лицо было словно замороженным. Сквозь очки в черепаховой оправе смотрели бесстрастные, лишённые всякого выражения глаза. Протягивая пухлую руку иностранным дипломатам, он зачастую не устаивал их ни единым словом. Дювалье немного заикался и прихрамывал. Он никогда и никуда не выезжал без вооруженного телохранителя и эскорта из четырех автомобилей. Ездил он в бронированном автомобиле и всегда держал наготове автомат, рядом на сиденье устанавливался ручной пулемет, под рукою лежало несколько ручных гранат. 500 солдат и танковый дивизион стерегли днем и ночью дворец президента, превращенный диктатором в крепость. Его рабочий стол предусмотрительно отодвигали подальше от окон.

Как уже говорилось, «доктор» Дювалье всю жизнь увлекался кульгом вуду, изучал соответствующие обряды и стал признанным авторитетом по части языческого колдовства, а по некоторым данным, также «великим жрецом». Обитатели гаитянской провинции были убеждены, что он обладал некоей сверхъестественной силой, и называли его «папа-Геде» (Геде — злое божество из пантеона вуду, якобы появляющееся в «День мертвых»). Эта репутация помогла Дювалье поддерживать суеверных гаитян в страхе и повинении. Вот текст «воскресной молитвы», которую гаитянам предлагалось твердить как «Отче наш»: «Наш Док, навечно пребывающий в своем дворце, да будет благословенно имя твое ныне живущими и будущими поколениями, да сбудется воля твоя в Порт-о-Пренсе и его окрестностях. Дай нам сегодня новую Гаити и никогда не прощай оскорблений врагам родины, кои в злобе своей брызжут ядовитой слюной. Да падут они под тяжестью своих злонамерений, не давай им пощады. Аминь».

Дювалье распространял в народе миф о том, что он вездесущ, что ему известны все замышляемые против него козни, что убитых им людей он сделал своими шпионами-зомби.

В 1964 году в одной из газет Порт-о-Пренса появилась фотография, на которой Дювалье в парадной форме президента держал руку на плече воскресшего Христа. «Мне никто диктовать не может, — заявил на митинге Дювалье. — Я — олицетворение гаитянской нации. Я останусь у власти. Только Господь Бог может заставить меня уйти».

В Соединенных Штатах между тем время от времени подумывали о смещении Дювалье. Руководители США были обеспокоены крайней непопулярностью своего ставленника. Скомпрометировавший себя диктатор стал неудобным союзником для демократической страны. Вашингтон постоянно вел двойную игру: с одной стороны, подкармливал оппозицию, даже предоставил ей радиостанцию для антиправительственных передач, с другой — поддерживал папу Дока, пресекая всякую серьезную попытку его свергнуть. Американцы боялись, что после свержения Дювалье ситуация в Гаити может выйти из-под контроля.

Антикоммунистический психоз, охвативший Америку в годы «холодной войны», заставлял везде видеть опасность прихода к власти «красных». С Соединенных Штатов было достаточно Кубы. Больше они ошибок делать не собирались.

Дювалье, достаточно хорошо информированный о планах Вашингтона, прекрасно понимал, как поступить, чтобы удержаться у власти. Прежде всего ему было необходимо устранить всех своих возможных преемников, а затем убедить гаитянскую экономическую верхушку и госдепартамент США, что в случае свержения Дювалье не миновать потопа, то есть народного восстания, социализма, альянса с Фиделем Кастро.

Американские газеты в открытую обсуждали вопрос

интервенции в Гаити: «Существуют опасения, что когда Дювалье умрет или будет заменен, потребуется американская интервенция».

Дювалье был изощренным мастером политической интриги, в своей повседневной практике он широко и умело применял испытанный прием «разделяй и властвуй», натравливая друг на друга подчиненных, приближенных и даже родственников: так, например, неустанно враждовали мужья двух его дочерей — Доминик и Фукар. Старшая, любимая дочь Мари Дениз избрала себе в мужья капитана дворцовой охраны — негра двухметрового роста Макса Доминика. Капитан был женат и имел двоих детей, но ему приказали развестись; жене выплатили компенсацию в 30 тыс. долларов и выслали ее на Ямайку. В 1966 г. Мари Дениз стала мадам Доминик. Толстушка Николь, вторая дочь диктатора, сделала своим мужем зеленоглазого мулата агронома Луи Альберта Фукара, брата личной секретарши и любовницы Дювалье мадемуазель Франс Фукар. Став родственником диктатора, Фукар был назначен министром туризма. Описание нравов семейки Дювалье не сходило со страниц мировой печати. Это не просто дворцовые сплетни, а отражение образа жизни невежественных нуворишей, дорвавшихся до власти.

Одна скандальная история следовала за другой. Так однажды газеты рассказали о том, как президент избил жену, после чего вмешался сын, толстяк Жан, и запер разбушевавшегося родителя на ключ; просидев три часа взаперти, президент нажал кнопку. По сигналу тревоги явилась охрана. Дювалье пожаловался офицерам на жену и жестокосердие сына — тем дело и кончилось.

Те же моральные устои характеризуют и представителей молодого поколения Дювалье. Нашумела скандальная история, разыгравшаяся между супругами Фукар. Заподозрив мужа в неверности, Николь установила за ним слежку, затем в сопровождении верных «тонтонмакутов» поехала его разыскивать. Фукар, находивший-

ся в то время во Флориде, испугавшись «тонтон-макутов», сначала обратился за помощью в американскую полицию, а затем счел более благоразумным скрыться. Лишь после долгих переговоров через третьих лиц и после того, как Фукару был обещан «иммунитет», супружеская чета воссоединилась.

14 апреля 1967 г. предполагалось пышно отпраздновать шестидесятилетие Дювалье, но в тот день в Порт-о-Пренсе взорвалось несколько бомб, и тщательно подготовленная церемония была сорвана. В последующие дни взорвались бомбы и в других районах. Волна террора захлестнула Гаити. Репрессии обрушились даже на самое близкое окружение диктатора. Перепуганный и взбешенный Дювалье действовал энергично и жестоко.

Прежде всего он приказал арестовать 19 офицеров, 10 из которых были высшими чинами президентской гвардии. Затем поздно ночью 8 июня Дювалье вызвал во дворец весь Генеральный штаб, включая зятя, полковника Доминика, которого он подозревал в заговорицкой деятельности. Встревоженные генштабисты просидели два часа в невыносимой духоте, наконец явился Дювалье в военной форме и в сопровождении охраны и приказал всем присутствовавшим отправиться в Форт-Диманш. Там 19 офицерам, преданным дювальистам, личным друзьям полковника Доминика, завязали глаза и поставили их к стенке. Дювалье приказал сопровождавшим его офицерам Генштаба взять автоматы и отдал команду: «Пли!». Одновременно с этим были брошены в тюрьму четыре министра, в том числе министр внутренних дел. Начальника дворцовой охраны подполковника Жана Тасси сместили и перевели с понижением в чине в Кап-Аитьен, но Тасси, зная повадки своего хозяина, не стал терять время и вместо Кап-Аитьена направился с семьей в посольство Бразилии.

22 июня 1967 года Дювалье устроил театральное представление: из ближайших деревень на площадь, где находится президентский дворец, были согнаны крес-

тьяне. Диктатор обратился к ним с речью. После обычных бессвязных восклицаний Дювалье начал выкрикивать имена расстрелянных офицеров. Назвав фамилию, Дювалье спрашивал: «Где он?» И сам отвечал: «Расстрелян». Затем он начал выкликать фамилии офицеров, укрывшихся в иностранных посольствах, и после каждой фамилии требовал: «Выходи!».

На следующий день диктатор хотел расстрелять своего зятя полковника Доминика. Мари Дениз с трудом умилоствовала отца, и Доминик был выслан послом в Испанию. Дювалье лично посадил Доминика с женой в самолет, после чего тут же, в аэропорту, приказал расстрелять шофера и охрану Доминика. Ходили слухи, что Дювалье невзлюбил Доминика в результате происков Фукара. Но к концу 1968 года клан Фукаров потерял силу. Мари Дениз была возвращена в Гаити и стала секретарем президента, а ее муж занял пост генерального инспектора посольств Гаити за границей.

В августе 1967 года было казнено около 200 военных и гражданских лиц. 108 приближенных Дювалье укрылись в различных иностранных посольствах. Опасаясь военного переворота, Дювалье провел чистку армии. По свидетельству Жана Тасси, человека весьма осведомленного, только в полиции Порт-о-Пренса за 10 лет диктатуры Дювалье было убито 2053 человека. Чувствуя, что почва уходит у него из-под ног, Дювалье перестал доверять даже членам своей семьи. Чтобы удержаться у власти, он все чаще и чаще прибегал к убийствам. В иностранных посольствах в Порт-о-Пренсе укрывалось несколько сотен гаитян. Как известно, страны Латинской Америки являются участниками межамериканских конвенций, подписанных в 1928 году в Гаване, в 1933 г. в Монтевидео и в 1954 г. в Каракасе, о праве на дипломатическое и политическое убежище. В 1967 году Дювалье денонсировал указанные конвенции и потребовал выдачи гаитян, скрывавшихся в латиноамериканских посольствах.

Иностранные дипломаты жили в Гаити в постоянном нервном напряжении. Один из американских журналов, описывая прием в президентском дворце, рассказывал, что Дювалье принимал послов в сопровождении своих телохранителей с револьверами в руках и что среди гостей разгуливали «тонтон-макуты».

Гаитянские дипломаты все чаще порывали с «папой Доком». Так поступил, например, посол Гаити в Мексике Хулио Джин Пьер Моден, прослуживший там 10 лет и ставший старшиной дипломатического корпуса. Он заявил на пресс-конференции, что Дювалье превратил страну в кладбище. Порвали с Дювалье посол Гаити в Париже, посол в Доминиканской Республике и многие другие дипломаты.

Дювалье, никогда не отличавшийся шепетильностью, все беззастенчивее запускал руку в государственную казну. В 1968 г. при официальном жалованье 20 тыс. долларов в год он купил два новых дома за 575 тыс. долларов; в феврале 1969 г. продал государству за 600 тыс. долларов одну из своих вилл, которая обошлась ему в 200 тыс. долларов. Семейство Дювалье стало обладателем огромного состояния: оно владело многими поместьями, присвоило себе в долине Арказ несколько сотен гектаров плодородных земель, которые крестьяне обязаны были возделывать безвозмездно. Вклады Дювалье в швейцарских банках составляли несколько сотен миллионов долларов.

Пришедший в 1966 г. к власти в Доминиканской Республике ставленник США Хоакин Балагер сразу же установил близкие отношения с Дювалье. В январе 1967 г. они заключили соглашение о контрактации 20 тыс. гаитян в год для работы на сахарных плантациях Доминиканской Республики. При этом гаитянское правительство получало от правительства Доминиканской Республики по 49 долларов за каждого законтрактованного рабочего плюс 10 долларов его зарплаты. Общий доход от этой прибыльной сделки, очень напоминав-

шей работоторговлю, шел Дювалье, часть оседала в карманах государственных чиновников.

Зарабатывал Дювалье и литературным трудом: его брошюра «Мысли Дювалье», образцом для которой послужил цитатник Мао Цзедуна, распространялась среди гаитян в принудительном порядке, по разверстке. Сборник же речей Дювалье стоимостью 15 долларов обязан был приобрести каждый работающий гаитянин. Вычеты из жалованья на покупку «трудов» президента производились автоматически. Кроме прочего, в Гаити было выпущено 2 млн. золотых монет с изображением Дювалье.

Политика Дювалье разрушила и без того не слишком крепкую экономику Гаити. Ее основа — сельское хозяйство, базирующееся на выращивании нескольких экспортных культур — кофе, сизалья, сахара и какао. В сельском хозяйстве Гаити как во времена Дювалье, так и теперь занято девять десятых всего населения; фактически оно живет в условиях феодализма. Батраки часто за свой труд получали лишь питание и жилье. О механизации не приходится говорить. В сельском хозяйстве Гаити в 1971 году насчитывалось 20 тракторов. Промышленная продукция составляла всего 12% национального производства.

Промышленность Гаити развивалась слабо. Кроме сахарного завода в Порт-о-Пренсе, в Гаити имелись лишь небольшие сахарные, цементный и фармацевтический заводы, несколько текстильных и обувных фабрик. Ткани, мыло, спички, обувь в основном ввозились из-за рубежа — преимущественно из США. Нельзя сказать, что в настоящее время многое поменялось в Гаити. Страна по-прежнему находится в сложных экономических условиях.

Гордость режима — плотина под названием «Дювалье-Пелигр-Люмьер», сооружение которой после многолетних проволочек наконец завершилось в 1971 г., должна была обеспечить орошение засушливых земель

и увеличить производство электроэнергии. Однако широкорекламные обещания не были выполнены: дело с ирригацией заглохло, гидрогенераторы часто выходят из строя. Страна изобилует реками, т.е. имеются все возможности для ирригации, но огромные пространства земли находятся в полном запустении. Немногочисленные оросительные каналы были построены еще в колониальную эпоху. В Гаити мало дорог, а по тем, что есть, не проехать во время дождей.

В столице Гаити — Порт-о-Пренсе, застроенной в основном старыми двух-четырёхэтажными домами, проживает около 500 тыс. человек. «Папа Док» не заботился о благоустройстве города. Мостовая главной улицы была вся в выбоинах, дальше к морю — район трущоб, где нет ни уличных фонарей, ни водопровода, ни канализации, только грязь и гниющие отбросы. В Порт-о-Пренсе стояло всего два больших здания: католический собор и президентский дворец, к которому примыкали казармы. В подвальных помещениях дворца хранилась большая часть боеприпасов.

В бедственном положении находились и другие города Гаити. Так, например, пришел в полный упадок город Жакмель. Прежде в этом городе жизнь была ключом. В его окрестностях, где самые плодородные на острове земли, выращивались кофе и хлопок, составляющие главное богатство республики. Жакмель был единственным в Гаити портом, куда регулярно заходили суда, следовавшие из Великобритании в Латинскую Америку. Здесь был открыт один из первых в республике лицеев, построена электростанция.

При Дювалье между Порт-о-Пренсом и Жакмелем не было даже дороги, достойной таковой называться. В дождь водителям и пассажирам приходилось вытаскивать автобусы из ям и колдобин. В хорошую погоду 80-километровый путь от Жакмеля до столицы занимал 3–4 часа, а в сезон дождей 15–20 часов.

Иностранные туристы описывали состояние горо-

да следующим образом: «Портовая гавань города занесена песком. Склады на замках. На улицах почти никого не встретишь. Лишь кое-где на обочине играют стайки оборванных ребятишек. В пустующих отелях изнывают от скуки горничные и портье, а на центральной площади красуется полуразрушенное здание ратуши, на фасаде которого с трудом можно разобрать слова: «Свобода, равенство, братство». В деревнях электричества нет вовсе, да и жители столицы нередко проводят вечера при свете керосиновых ламп. Электроэнергию в стране распределяет североамериканская компания, установившая на нее самые высокие тарифы в Латинской Америке. На внутренние районы страны электросеть не распространяется».

Среди многочисленных диктаторских режимов после второй мировой войны самым абсурдным несомненно являлся режим, установленный «пожизненным» президентом Дювалье в Гаити. Здесь диктатуру можно анализировать в ее наиболее чистом виде. Все составляющие элементы тирании проявляются тут сильнее, чем где бы то ни было: это — беспредельные нищета и невежество; насилие и репрессии, доведенные до степени геноцида, каждодневные мерзкие преступления и пытки, которым подвергаются не только отдельные лица, но и целые общественные слои, отсутствие прав и гарантий в политической и социальной жизни, ужас, смерть, жестокость.

Режим Дювалье довел положение трудящихся до состояния, не поддающегося описанию. Годовой доход на душу населения — самый низкий в Латинской Америке: по данным журнала «Ньюсуик» он составлял всего 45 долларов. Полуквалифицированный рабочий получал 35 центов в день. Специалисты считают, что 95% населения Гаити жили вообще вне сферы денежного обращения.

Средняя продолжительность жизни в Гаити на то время — 40 лет. Для 200 тыс. гаитян, живущих в северо-

западных районах страны, голод стал постоянным бедствием. Многие жители района, расположенного между Порт-о-Пренсом и Кап-Аитьеном, сплошь и рядом продавали своих детей в возрасте от 5 до 13 лет за несколько долларов в надежде, что детей их хотя бы будут кормить; сами они жили впроголодь на горстке риса в день. Об этом свидетельствовали сообщения экспертов ООН, доклады иностранных посольств, рассказы очевидцев.

На 15 тыс. гаитян в среднем приходился один врач. По неграмотности и нищете Гаити лидировала среди латиноамериканских стран. Дювалье при этом цинично разглагольствовал о «счастливой» доле неимущих и неграмотных, которые, по его мнению, и должны быть основой нации. Ведь это Дювалье требовал «оставить массы необразованными, не цивилизовать их, так как все это сделает их более несчастными».

Корреспондент аргентинской газеты «Кроника», прошедший в 1968 г. несколько недель в Гаити, писал: «Большинство жителей Порт-о-Пренса живут в жалких, убогих, глинобитных хижинах. Повсюду безысходная нищета. О тяжелом положении населения Гаити говорят такие данные: детская смертность здесь самая высокая в мире — 170 детей на тысячу новорожденных. 70% территории страны объявлено «малярийной зоной», малярия здесь бедствие, от нее страдают сотни тысяч гаитян. Свирепствует также туберкулез, очень распространены кожные заболевания. Обследования показывают, что 80% детей дошкольного возраста страдают от недоедания. Каждый пятый новорожденный умирает в возрасте до 3 месяцев. Число безработных составляет половину всего самостоятельного населения. В невыносимых условиях живут около 95% жителей. И лишь правящая верхушка, составляющая менее 5% населения, живет в роскоши, владеет прекрасными особняками и автомобилями последних моделей».

Дювалье хвастался: «Больше всего у меня успехов в

социальном законодательстве. Оно — самое передовое в Западном полушарии». Действительно, в 1966 году Дювалье ввел пенсионную систему для государственных служащих. Согласно этой системе служащий должен был отчислять государству ежемесячно в течение 20 лет 3% жалованья; по достижении 65-летнего возраста на основании справки о полной нетрудоспособности он, действительно, получал право на пенсию. Но средняя продолжительность жизни в Гаити равнялась 40 годам! Многие гаитяне, особенно интеллигенция, спасаясь от террора и преследований, покинули родину. Вот несколько цифр: за 10 лет, с 1957 по 1967 г., медицинский институт Гаити выпустил 264 врача; из них на родине осталось всего трое, остальные разбрелись по свету. В Канаду, например, уехали 250 врачей. В результате в Канаде оказалось больше гаитянских врачей, чем в самой Гаити.

Грэхем Грин писал в связи с выходом своего романа «Комедианты», что «несчастливая Гаити и режим доктора Дювалье им не выдуманы, даже краски не сгущены ради драматического эффекта». Когда по роману Грина стали снимать фильм, местом для съемок была избрана Дагомея. Взбешенный Дювалье немедленно разорвал дипломатические отношения с этой страной.

Характерная черта социальной истории Гаити — коррупция государственного аппарата, бесконтрольность администрации. Взятничество и подкуп стали в Гаити повседневным явлением.

В апреле 1970 года против диктатуры Дювалье восстала часть гаитянского флота. Три судна, команды которых насчитывали 119 человек, обстреляли дворец президента. Мятеж был подавлен с помощью авиации, при содействии США. Впоследствии выяснилось, что о готовившемся восстании узнали и вовремя сообщили Франсуа Дювалье агенты ЦРУ. Диктатор провел очередную кровавую чистку в армии и избавился от офицеров и солдат, не вызывавших у него доверия. С конца 1970 года Дювалье начал всерьез подумывать о преемнике.

Три инфаркта (последний в ноябре 1970 г.) и диабет убедили доктора Дювалье, что он хоть и пожизненный, но не вечный президент. Его выбор пал на сына — Жана-Клода.

14 апреля 1971 года Дювалье-младший с центрального балкона Национального дворца принимал военный парад по случаю дня рождения своего отца, которому исполнилось 64 года. Сам Дювалье присутствовать на торжественной церемонии уже не мог.

Неделю спустя, 21 апреля 1971 года, диктатор Гаити Франсуа Дювалье скончался. Точнее, появилось официальное сообщение о его кончине. Многие обозреватели считают, что его не стало за несколько дней до этого.

Похороны были обставлены с необычайной пышностью. Рядом с телом Дювалье в черном фраке, со сложенными на груди руками, в гробу лежало распятие и одна из его книг — «Мемуары руководителя».

Франсуа Дювалье с легкой руки гаитянского поэта Рене Депестра называли «карманным Гитлером». Кстати, Дювалье был поклонником Гитлера». «Гитлер, — говорил Дювалье, — был великим человеком, его не понимали так же, как не понимают и меня. В беседе с корреспондентом западногерманского журнала «Штерн» в 1968 г. он сказал: «К несчастью, во время второй мировой войны Гаити объявила войну Германии. Какой позор... Я хотел бы посетить Германию, особенно Берхтесгаден, замок на горе. Это превосходная личная крепость». Известно также, что, подобно Гиммлеру, «папа Док» любил повторять: «Залог успеха — никому не доверять».

Франсуа Дювалье оказался достойным своих кумиров. Он даже стал с ними в один ряд. Режим Дювалье в Гаити останется в истории примером одной из самых страшных и кровавых диктатур.

ДЮВАЛЬЕ ЖАН КЛОД (БЭБИ ДОК) (Р. 1951)

Этот гаитянский диктатор, сын и наследник Франсуа Дювалье пытался после смерти отца сохранить в стране режим, основанный на насилии, репрессиях и терроре.

Жан Клод Дювалье (Бэби Док) родился 3 июля 1951 г.

Когда Франсуа Дювалье стал задумываться о наследнике, он остановил свой выбор на сыне Жане Клоде. Официальный правительственный орган — газета «Нуво Монд» — начала широкую кампанию прославления наследника. Молодой Дювалье совершил несколько поездок по стране; его с помпой встречали местные власти. 18 ноября 1970 г., в День армии, 19-летний Жан Клод уже принимал парад войску президентского дворца в качестве главнокомандующего вооруженными силами. Затем Дювалье-старший разыграл очередной фарс: в традиционном новогоднем послании (2 января 1971 года) он неожиданно заговорил о «выдающейся роли гаитянской молодежи», о том, что будущее страны в руках молодых, что «когда наступит время, он уступит место молодым».

13 января 1971 г. послушный парламент одобрил поправку к конституции, снизившую возрастной ценз для кандидатов в президенты с 40 до 20 лет. Затем была проведена 30-тысячная демонстрация сторонников Дювалье, «потребовавших», чтобы он назначил своим «пожизненным преемником» сына — Жана Клода Дювалье. Эта «стихийная демонстрация» устраивалась следующим образом. Государственных служащих пригласили участвовать в манифестации в обязательном порядке под угрозой увольнения с работы. Отряды «тон-тон-макутов» отправились в окраинные кварталы, раз-

дали там немного денег и спиртных напитков и погоняли людей на улицы. Другие вооруженные агенты отправились в окрестности столицы, в провинциальные города и деревни. В их обязанности входило согнать на манифестацию крестьян. В лесах проводились настоящие облавы, шла открытая охота на людей; всех захваченных везли в столицу. Демонстрировать свою преданность «духовному вождю нации» заставляли даже душевнобольных, слепых, нищих и калек.

Казалось, все было готово, предусмотрено и «престолонаследие» обеспечено. Но законодатели допустили оплошность: выяснилось, что сыну диктатора должно исполниться 20 лет лишь 3 июля 1971 г. Тогда правительство приняло декрет, который определил, что Жану Клоду не 19, а 20 лет, после чего состоялся «всенародный» референдум. Текст избирательного бюллетеня гласил: «Гражданин доктор Франсуа Дювалье избрал гражданина Жана Клода Дювалье своим преемником на посту пожизненного президента Гаити. Отвечает ли этот выбор вашим надеждам и желаниям? Согласны ли вы с ним?» По статистике «папы Дока» против избрания Жана Клода «пожизненным преемником» не было подано ни одного голоса. Так, в атмосфере полной «конституционности», 22 января 1971 года Жан Клод Дювалье был официально назначен преемником отца.

Жан Клод, здоровенный детина весом 90 килограммов, в то время студент первого курса юридического факультета, проявлял повышенный интерес к женщинам и спортивным автомобилям. В нем сочетались черты американского плейбоя и гаитянского «тонтон-макута». Еще в 14 лет он прославился тем, что выстрелом в упор убил офицера президентской гвардии. Этот студент-юрист, получивший в народе за невероятную тучность прозвище «сундук», не раз принимал личное участие в истязаниях политических заключенных в подвалах президентского дворца.

Наследник не уделял много внимания делам управ-

ления, его поглощала страсть к быстроходным машинам. Нескольким людям это увлечение стоило жизни. Дело в том, что езда на «роллс-ройсе», «ягуаре» или итальянской гоночной машине по неровной, испещренной выбоинами узкой мостовой Порт-о-Пренса является занятием опасным как для водителя, так и для пешеходов.

14 апреля 1971 года Жан Клод принимал военный парад по случаю дня рождения отца. Через неделю, 21 апреля 1971 года, Франсуа Дювалье скончался.

На похоронах Жан Клод Дювалье принес клятву: «Я буду продолжать дело моего отца с той же самой неукротимой энергией и непоколебимостью». Осознавая свое шаткое положение, Жан Клод начал с заискивания перед самой влиятельной державой в регионе. Он заявил, что «отношения с США у Гаити и до сих пор были сердечными, а теперь я сделаю все возможное, чтобы их еще более улучшить».

Госдепартамент США решил, что управлять «бэби Доком» будет проще, чем его покойным папашей и оказал новому президенту моральную поддержку. Из военно-морской базы США в Норфолке к берегам Гаити вышли военные корабли якобы для участия в маневрах. Представитель американского руководства заявил вскоре после смерти Дювалье-старшего, что «ситуация изменилась и мы должны проявлять определенную гибкость».

Однако поддержка Соединенных Штатов — это еще не все. После смерти Франсуа Дювалье гаитянские правители прилагали лихорадочные усилия, чтобы как-то приукрасить режим, пользовавшийся во всем мире самой зловещей репутацией. Именно с этой целью спустя неделю после кончины «папы Дока» гаитянские власти объявили «политическую» амнистию. Это было очередным демагогическим маневром. Амнистия не распространялась ни на коммунистов, ни на любых других противников режима. Но ведь подавляющее

большинство из тех 300 тыс. гаитян, которые уехали из страны, принадлежали к врагам Дювалье и его кровавых методов управления. Они покинули страну именно потому, что не хотели мириться с диктатурой. Следовательно, путь на родину для них был по-прежнему закрыт.

После смерти «папы Дока» между соперничавшими группировками в верхах Гаити развернулась жестокая борьба за влияние. Дювалье-младший попытался прибрать к рукам правящую верхушку, внутри которой в последние годы жизни Дювалье-старшего все откровеннее шла грызня, но в конце концов сам попал под влияние окружения.

Большинство наблюдателей полагали, что фактическую власть возьмут в свои руки старшая сестра Жана Клода — Мари Дениз — женщина с твердым волевым характером и ее муж полковник Макс Доминик. Однако в кабинет, сформированный Жаном Клодом Дювалье, не вошли ни Мари Дениз, ни ее муж. Правда, видную роль стал играть их друг и союзник 60-летний Жерар де Каталонь, занявший пост министра туризма и внешних сношений. Последние 10 лет де Каталонь, выглядевший как мастодонт с бычьей шеей и имевший при этом очень тонкий голос, был шефом пропаганды диктаторского режима. Вместе с женой де Каталонь руководил крупнейшей радиостанцией Гаити и крупнейшей газетой. Ему принадлежала немалая заслуга в том, что династия Дювалье на какое-то время сохранила власть. Поначалу он неотступно находился при молодом президенте. Даже во время пресс-конференций с иностранными корреспондентами президент обычно молчал, за него отвечал в первом лице министр туризма и внешних сношений: «Я являюсь продолжением дювальеистской революции, я приглашаю вернуться в Гаити всех эмигрантов, кроме коммунистов, революционеров, представителей других группировок, намеренных прервать 14-летний процесс развития «нации». «Президент

предпочитает проводить пресс-конференции именно в такой форме», — уверял министр корреспондентов.

По всей видимости, де Каталонь является автором пассажа, выразившего горячую любовь Дювалье-младшего к отцу. Всюду по стране мелькала фотография, на которой молодой Дювалье сидит в президентском кресле, а позади стоит старый, хилый «папа Док», положив руки на плечи сына. Под снимком подпись: «Вот молодой, полный жизни и энергии преемник, которого я вам обещал».

Стараясь поднять несуществовавший авторитет Жана Клода Дювалье, тогдашний гаитянский министр информации Фриц Синеас сравнил его с древнеримским императором Августом. «Август стал императором тоже в 19 лет, — заявил Синеас. — И он правил Римом так, как это никому до него не удавалось. Жан Клод — это Август Гаити».

В первом кабинете Дювалье-младшего роль сильной личности исполнил военный министр и начальник полиции Клод Раймон — при Дювалье-отце начальник президентской охраны и главарь «тонтон-макутов». В декабре 1970 г. полковник Раймон был назначен начальником генерального штаба армии и произведен в генералы. Его стремительная карьера объяснялась тем, что он — приемный сын «папы Дока», а семья Раймона связана с семейством Дювалье.

Де Каталонь царствовал недолго. Мари Дениз проиграла в борьбе за власть и была вынуждена удалиться вместе с мужем в очередную ссылку. На этот раз в Париж. Выслали и де Каталоня: он получил пост посла в Гааге. На первый план выдвинулся 40-летний Люкнер Камброн, пользовавшийся поддержкой армии и вдовы «папы Дока» Симоны Дювалье. Мать Жана Клода, к слову сказать, оказывала большое влияние на политику страны. С ее помощью Камброн получил пост министра обороны и внутренних дел, тем самым заняв ключевые позиции в правительстве.

Личность Люкнера Камброна не лишена интереса. В прошлом банковский кассир, он разбогател на торговле фруктами, сушеной рыбой, и подержанной одеждой. Добравшись до поста министра общественных работ, он стал хозяином авиатранспортной компании «Эйр Гаити», владельцем бюро путешествий и автопарка. Его аферы приняли такой скандальный характер, что в 1967 г. «папа Док» вынужден был его сместить. Однако Камброн сумел реабилитироваться. Дювалье назначил его предводителем «тонтон-макутов». Именно Камброну принадлежит печально известный афоризм: «Примерный дювальист это тот, кто ради Дювалье готов прикончить родного сына или отца».

К концу первого года пребывания «бэби Дока» у власти на гаитянском верху наблюдался такой расклад: реально управляли государством мать президента Симона и бывший глава «тонтон-макутов» Камброн. Жан Клод предпочитал развлекаться на пляже с девицами и наблюдать за всем со стороны. Однако в жилах «бэби Дока» текла кровь его отца, и когда дело доходило до угрозы его личной власти, он проявлял энергию и решимость.

Не довольствуясь влиянием на «бэби Дока», Камброн решил, что настала пора самому занять президентское кресло. Готовясь к этому, он провел «чистку» в вооруженных силах, арестовав 106 офицеров — сторонников семейства Дювалье.

«Бэби Док» отреагировал мгновенно.

В ноябре 1972 г. министр внутренних дел и национальной обороны Люкнер Камброн был смещен со всех занимаемых постов. После этого он укрылся в колумбийском посольстве и попросил политического убежища.

В августе 1973 г. Жан Клод провел очередную реорганизацию правительства, дипломатического корпуса и вооруженных сил. Он поменял министра информации, начальника штаба вооруженных сил, посла в США, часть высших офицеров ушла в отставку.

Одной из первых мер нового правительства стало повышение жалования военнослужащим. (Солдатам, например, на 10 долларов.) Жан Клод решил завоевать расположение вооруженных сил, где всегда наблюдалось известное недовольство режимом. Многочисленный корпус «тонтон-макутов» — главных соперников армии — был подчинен армейскому командованию. Вскоре госдепартамент США потребовал устранения слишком одиозных фигур из среды «тонтон-макутов», поставив в зависимость от этого оказание американской помощи. Гаитянским властям пришлось согласиться. Взамен Дювалье-младший получил из Вашингтона опытных инструкторов, которые создали для президента более гибкий и лучше вооруженный «корпус безопасности», так зазываемых «леопардов», главное назначение которых формулировалось следующим образом: «бороться против партизан, десантов и коммунистической подрывной деятельности». В «леопардов» превратились многие «тонтон-макуты». Новый специализированный корпус стал костяком репрессивного аппарата. В середине ноября 1971 г. «леопарды» уже участвовали в военном параде в Порт-о-Пренсе.

Вскоре после прихода к власти Дювалье-младшего Пентагон возобновил поставки оружия Гаити. Государственный департамент США выдал лицензии на продажу Гаити 7 вертолетов и 6 патрульных судов.

В 1971/72 финансовом году США предоставили Гаити дотацию в 7 млн. долларов. Международный банк реконструкции и развития также возобновил помощь Гаити — дал беспроцентный займ сроком на 50 лет. Одновременно с этим Фонд ООН по исследованию проблем народонаселения выделил специальные средства для осуществления программ по контролю за рождаемостью.

Изыскивая способы привлечения иностранных туристов, гаитянские законодатели изменили порядок бракоразводного процесса с тем, чтобы даже одноднев-

ного пребывания на острове было достаточно для возбуждения дела о разводе. Американские бюро путешествий советовали уставшим от семейной жизни супругам слетать на Гаити, где можно свободно и быстро оформить развод. Легче всего развестись постояльцам отеля так называемого универсального туристского комплекса. Для развода вполне достаточно обвинения супруги (или супруга) в неуживчивости. Вся процедура длится пять минут. Развод в то время стоил в среднем 500 долларов, причем три четверти суммы отчислялись министерству обороны.

В результате этой выдумки приток туристов значительно увеличился. Один американский бизнесмен оформил развод сверхскоростным способом: в 9 часов утра ночным самолетом прибыл из Майами в Гаити, час спустя развелся и к обеду возвратился в США. Так появился новый вид индустрии — индустрия разводов. Новое правительство использовало и иные, не столь безобидные источники доходов.

Незадолго до своей смерти Франсуа Дювалье предоставил американскому бизнесмену Джозефу Горинстайну лицензию на приобретение крови у гаитянских граждан. При Дювалье-младшем «бизнес-на-крови» воистину расцвел. Донорство на Гаити приняло уродливые формы. Не имея никаких других способов заработать деньги, тысячи бедняков, безработных, нищих шли сдавать кровь. Донорскому пункту в Порт-о-Пренсе приходилось работать в две смены всю неделю без выходных. Для многих из 5 миллионов гаитян продажа собственной крови стала единственным способом добыть средства к существованию.

Интересно, что компаньоном Горинстайна являлся не кто иной, как бывший министр обороны и внутренних дел Гаити генерал Люкнер Камброн.

Под давлением мировой общественности «бэби Док» стремился немного подправить фасад диктатуры, чтобы замаскировать наиболее одиозные проявления

террора. В доказательство «либерализации» «бэби Док» разрешил 11 февраля 1973 г. провести парламентские выборы. «Порядок» на выборах поддерживали солдаты.

Выборы были «обречены» на успех. Роль вновь избранного Национального собрания не поменялась: выслушивание речей главы государства и механическое одобрение его действий. Молодой Дювалье сохранил за собой «наследственное» право распускать Национальное собрание по своему желанию, «отзывать» неугодных парламентариев, смещать и назначать министров без ведома конгресса, когда ему заблагорассудится.

Послушный парламент по предложению диктатора одобрил учреждение «комиссии по правам человека» и «национального совета жан-клюдистского действия», призванные «продолжить процесс либерализации и демократизации по всей стране». Если кто-то по наивности и поверил в добрые намерения милейшего «бэби Дока», то ненадолго. Жан Клод сразу же остудил горячие головы, заявив: «Ветер либерализации создаю я, и пусть никто не воображает, будто может дуть сильнее».

Каждый год в канун 22 сентября, когда династия Дювалье отмечала годовщину прихода к власти, Жан Клод Дювалье передавал в руки тайной полиции список с фамилиями неугодных и резолюцией: «От них я хотел бы избавиться». В 1979 г., например, список состоял из 400 фамилий.

В 1976 г. с торжественной помпой были освобождены 104 политических заключенных. Было заявлено, что больше таких в гаитянских тюрьмах нет. Но застенки режима по-прежнему оставались переполненными узниками, арестованными по политическим мотивам. Каждый десятый из брошенных в тюрьму умирал от пыток в первые пять дней заключения, а 80 процентов остальных — в течение двух лет. От недоедания и жестокости тюремщиков.

Гаити превратилась в страну-застенок. На каждую школу приходилось 38 тюрем, на каждого учителя — 200 солдат.

В июне 1979 г. «бэби Док» разрешил существование двух партий христианско-демократического направления в качестве легальной оппозиции. И уже в конце того же года пересажал или выслал из страны руководство обеих партий. С оппозиционной прессой в стране покончил еще «папа Док», закрыв газеты «Индепенденсе», «Гаити миррор», «Гаити сан» и ряд других, физически уничтожив или заставив эмигрировать неугодных ему журналистов. Уцелели лишь аполитичные издания: «Нувеллист», «Матэн», «Гаити журнал».

19 сентября 1979 г. «бэби Док» продолжил дело отца и принял новый закон о печати, гласивший: «Любой журналист или орган массовой информации, которые, по мнению правительства, поместили комментарии, оскорбительные для Жана Клода Дювалье, его матери, членов правительства или вооруженных сил, могут быть подвергнуты тюремному заключению (до трех лет) и крупным штрафам (от 600 до 1000 долларов)». Много это или мало, можно судить по тому, что среднегодовой доход гаитянцев составлял в то время около 75 долларов.

По обвинению в нарушении нового закона 13 октября 1980 г. посадили за решетку лидера христианско-демократической партии Сильвио Клода. А в конце ноября того же года по распоряжению «бэби Дока» произвели аресты еще 42 политических деятелей и журналистов. Часть из них потом выслали из страны.

Характеризуя состояние гаитянской прессы, французская газета «Монд» писала: «Информация и обзоры о положении в стране, сведенные до скудных размеров, в основном посвящены разглагольствованиям о плохой погоде».

«Бэби Док» надежно держал печать в узде. Газетчиков и радиокомментаторов, позволивших себе свободомыс-

лие, увольняли. Журналисты «исчезали», погибали под пулями и пытками. Обычная практика — вызов «проштрафившихся» репортеров в полицейский участок, где их подвергали жестоким побоям.

Накануне выборов 1979 г. Жан Клод Дювалье заявил: «Не понимаю, зачем нужны выборы. Воля отца — легальная основа моего правления. Ему власть дал Бог, Бог и волен отнять ее у меня». Английских журналистов он шокировал такими высказываниями: «Ведь ваш народ не избирает королеву Англии!.. Я очень хорошо натаскан в политике лучшим профессором в этом деле — моим отцом».

Как и учил «лучший профессор», еще до выборов все 58 кандидатов были подобраны президентом и лично им утверждены. Министр информации вызвал к себе журналистов, чтобы разъяснить им, в каком свете нужно освещать будущие выборы. Категорически запрещалось говорить о том, что все «народные избранники» уже готовы занять свои места.

Газета «Эбдо жен пресс» не вняла рекомендациям. За это ее редактора пастора Люка Нерре жестоко избили. Позднее он был убит. Радиостанции «Люмьер», передавшей сообщение о нападении на пастора, пригрозили немедленным закрытием за повторение подобных «ошибок».

Выборы 11 февраля 1979 г. в Национальное собрание превратились в военно-полицейскую акцию. Избирателей прикладами загоняли в грузовики, а по прибытии на избирательный участок прикладами же «убеждали» проголосовать за «истинных дювальеистов». Манипуляции фальшивыми бюллетенями достигла невиданных размеров. Когда еженедельник «Пти самди суар» выступил с критической оценкой «избирательной кампании», весь его тираж был конфискован и уничтожен по личному распоряжению диктатора. Ходили слухи, что главный редактор, чтобы спасти свою жизнь, лично жег газеты.

«Бэби Док» неоднократно заявлял: «Мой отец совершил политическую революцию, я же совершу революцию экономическую». Он взял курс на поощрение иностранных инвесторов. Транснациональные кампании, в первую очередь североамериканские, прибрали к рукам залежи бокситов и меди, торговлю и туризм, пляжи и перспективные для поисков нефти и газа районы.

Корпорация «Уэнделл филлипс ойл», например, получила концессию, охватывающую почти треть территории страны. Добычу бокситов монополизировал американский концерн «Рейнольдс металс». Месторождения меди, открытые на Гаити, признаны одними из богатейших в мире, немногим уступающими чилийским. Контракты на их эксплуатацию были подписаны с компаниями «Кеннекот» (США), «Пеньяройя» (Франция), рядом западногерманских фирм, с американо-канадским консорциумом «Седрен».

В Гаити транснациональные компании не платили таможенных пошлин, свободно вывозили прибыли, произвольно диктовали цены и устанавливали уровень заработной платы. В предприятиях со смешанным капиталом, как правило, полновластно распоряжались опять-таки зарубежные фирмы. Гаитянские компаньоны служили им лишь ширмой, позволяющей пользоваться дополнительными льготами под флагом «национальной промышленности».

За образец «экономической мудрости» Дювалье-младшего газеты выдавали некоторую активизацию в сфере мелкой промышленности, наблюдавшуюся в конце семидесятых годов. В окрестностях Порт-о-Пренса насчитывалось несколько сотен небольших предприятий, на каждом из которых работали в среднем 50–60 рабочих. Гаити даже вышла на первое в мире по производству бейсбольных мячей, которые все до единого шли на экспорт (на Гаити эта игра не пользуется популярностью). Ориентирована на экспорт и такая продукция, как женское белье, обувь, магнитофонные кассеты, микросхемы.

Экспортные поступления росли, но прогресса в экономике не наблюдалось. Хозяева мелких фабрик на самом деле лишь тормозили развитие национальной промышленности: в основном они работали на импортном сырье, не делали новых инвестиций, вывозили прибыли за рубеж.

Ничтожная оплата труда еще более усугубляла парадоксальную ситуацию: если в абсолютных цифрах валовой национальный продукт хоть и медленно, но рос, то реальные доходы на душу населения падали. Они не составляли и сотни американских долларов в год.

Держаться на плаву режиму позволяли денежные вливания Международного банка реконструкции и развития, а также ряда «симпатизировавших» государств: ФРГ, Канады, Израиля, Тайваня. Эти страны проводили экономические исследования, финансировали строительство гостиниц, ресторанов, кафе, дансингов, автодорог. Помощь обернулась стремительным ростом внешней задолженности страны: с 16 миллионов долларов в 1975 г. она подскочила до 90 миллионов в 1979 г. и постоянно увеличивалась.

Сельское хозяйство Гаити, в котором занято 80% трудоспособного населения, пришло в неслыханный упадок. От голода гибли сотни тысяч гаитянцев. Крестьяне ели в среднем три раза в неделю. Они бежали из деревень и провинциальных городов в столицу, где пополняли армию бродяг и нищих. Ведь безработица охватывала 60 процентов жителей. Но это только в столице. В провинциальных городах эта цифра составляла 83 процента, а в деревнях — 94 процента.

Неимущие ютились в трущобах — «касучас», состоящих из убогих, наспех сколоченных из старых досок и ящиков лачуг.

Бесконтрольное сведение лесов на некогда зеленом острове повлекло за собой необратимую эрозию почв, поэтому Гаити вынуждена и по сей день импортировать рис, сахар и другие необходимые продукты питания, что

ложится дополнительным бременем на платежный баланс страны. В 1980 г. правительство «бэби Дока» израсходовало на покупку продуктов питания 40 миллионов долларов, что составило треть расходов по импорту.

В то время, когда люди умирали от голода, семейство Дювалье переводило на свои счета около 40 % всех годовых поступлений, половину из 150 миллионов долларов, которые ежегодно «впрыскивались» в Гаити странами Запада, доходы от продажи в соседнюю Доминиканскую Республику рабочих на уборку сахарного тростника по 800 долларов за голову. Сформированные таким образом средства «президентского фонда» в массе своей переводились в зарубежные банки. Режим с каждым годом чувствовал себя все более и более неуверенно.

В июне 1980 г. «бэби Док» подписал с США соглашение о возможном вводе на Гаити иностранных войск. Текст договора гласил: «Гаитянское и американское правительства предлагают правительству и вооруженным силам Доминиканской Республики в случае возникновения на Гаити реального партизанского фронта осуществить прямое вмешательство на Гаити, чтобы стать главной боевой силой в борьбе против гаитянских партизан».

Командующий вооруженными силами Доминиканской Республики генерал-лейтенант Марио Имберт Мак-Грегор незамедлительно объявил о создании еще 12 военных лагерей на границе с Гаити и отдал приказ об увеличении гарнизонов в приграничных городах.

В последние годы своего правления «бэби Док» держался у власти только благодаря поддержке американского оружия. В феврале 1984 г. состоялся очередной фарс выборов в парламент — Национальное собрание, а с марта 1985 г. страна представляла сплошной водоворот — манифестации, стачки, всеобщая кампания неповиновения. Репрессии не помогали. Вашингтон пред-

ложил Жану Клоду подать в отставку и выдвинуть свою кандидатуру на президентских выборах. Но оппозиция диктаторскому режиму оказалась так велика, что даже при опоре на «леопардов» «бэби Док» не мог быть уверенным в том, что избирательный спектакль закончится для него успешно.

В конце концов Дювалье решил сохранить за собой место пожизненного президента, но ввести поправки к конституции, предусматривающие некоторые послабления в запрете на деятельность буржуазных партий. Наскоро сработанный по этому поводу референдум (22 июля 1985 г.) дал Дювалье 99 процентов голосов. Такие «перемены» не могли обмануть доведенных до предела гаитян.

Со второй половины 1985 г. сопротивление тирании стало быстро набирать силу. Ноябрьский расстрел молодежных демонстраций в городе Гонаиве дал толчок широким антидиктаторским выступлениям по всей стране. Восставших поддержало и духовенство, отказывающееся причислить «бэби Дока» к лику святых. Дювалье заперся в своем дворце и ввел осадное положение.

Американский посол в Порт-о-Пренсе сбился с ног, чтобы поскорее выпроводить ставшего политическим трупом диктатора из страны. Он не только терпеливо уламывал туповатого Жана Клода, подстрекаемого к неповиновению его тщеславной женой, но и добивался у правительства во Франции согласия приютить у себя гаитянского диктатора — хотя бы на время. Телекомпания Си-Би-Эс поспешила обнародовать сенсацию: гаитянский диктатор зондирует почву у дипломатов Франции, Греции, Испании и некоторых других стран на предмет возможного политического убежища.

В канун вывоза Жана Клода Дювалье из страны Пентагон начал у берегов Гаити военно-морские маневры, в которых приняли участие 30 кораблей и морская пехота. Одновременно с этим в американском посоль-

стве был подготовлен список членов «переходного правительства» с достаточно большим резервом на случай возможных перестановок.

В ночь на 7 февраля 1986 г. самолет без опознавательных знаков вывез диктатора и его семью из аэродрома Порт-о-Пренса во Францию. Оставив разоренную страну, тиран почил на лаврах, транжиря награбленные деньги. В Париже он заранее приобрел роскошные апартаменты и даже замок. Пресса достаточно быстро забыла о «бэби Доке», и в настоящий момент трудно сказать, жив он, или отправился в ад, миниатюрное подобие которого было воссоздано его отцом и затем поддерживалось им самим в Гаити.

ЖИВКОВ ТОДОР (1911-1998)

Тодор Живков стоял во главе Народной Республики Болгарии в течение 35 лет. Заняв в 1954 г. пост Первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Болгарии, он упрочил свою власть, совместив с ним в 1971 г. пост Председателя Государственного Совета НРБ. Только после всеобщего кризиса советской системы Живкова удалось отстранить от власти.

Тодор Живков родился 7 сентября 1911 г. в селе Правец бывшей Ботевградской околии Софийского округа в бедной крестьянской семье. Уйдя из деревни в совсем еще юном возрасте, Т. Живков работал в Государственной и других софийских типографиях. Закончил среднее графическое училище. Экзамен по программе гимназии он как частный ученик сдал экстерном.

В 1928 г. Тодор Живков вступил в Болгарский коммунистический союз молодежи. Там он быстро проявил хорошие организаторские способности и его избрали секретарем нелегальной комсомольской ячейки в Государственной типографии. В 1931 г. Живкова арестовали в первый раз. Он провел несколько часов в полицейском участке. Второй раз болгарский лидер был арестован только в 1990 г., в почтенном возрасте 79 лет.

В 1932 г. Т. Живков стал членом Болгарской коммунистической партии, работавшей в условиях глубокого подполья и подвергавшейся постоянным преследованиям со стороны властей. В том же году его избрали секретарем партийной организации Государственной типографии и членом Второго районного комитета БКП г. Софии. В 1934 г. Т. Живков стал секретарем Второго районного комитета БКП г. Софии и членом Софийского окружного комитета БКП. В это же время он вел большую и активную работу как профсоюзный деятель.

В 1938 г. Тодор Живков женился. Его избранницей стала Мара Малева, красивая и умная девушка из интеллигентной софийской семьи. В 1939–1940 гг. врач Малева работала в селе Лесичево лекарем. К ней дважды на долгие сроки приезжал Тодор Живков. Фактически «медовый месяц» молодоженов продолжался более двух лет. Живков позволил себе забросить на этот срок партийную работу. Впоследствии этот период его жизни тщательно замалчивался в официальных источниках, так как будущий Первый секретарь не совершил ничего выдающегося в тяжелое для болгарских коммунистов время. Единственное свершение — окончание краткосрочных режиссерских курсов — никак не могло украсить легендарную биографию.

В 1941 г. буквально через несколько часов после радиосообщения о гитлеровской агрессии против СССР в Софии тайно собрались оставшиеся в живых после фашистских судов и вернувшиеся из политической эмиграции члены Политбюро и выработали программу действий. При близком рассмотрении материалов о болгарском движении Сопротивления выясняется, что фамилия Живкова не фигурирует среди имен активных борцов с фашизмом вплоть до 1943 года.

В официальных биографических очерках сообщается, что с 1941 г. Т. Живков являлся секретарем Третьего (Ючбунарского) районного комитета БКП г. Софии, а с 1942 г. — членом Софийского окружного комитета партии. Эти сведения не выдерживают документальной проверки. Вообще в биографии Живкова периода войны с фашизмом много белых пятен. Сообщается, например, что Т. Живков в 1943 г. направлялся уполномоченным от Софийского ОК БКП в район Ботевграда для организации и руководства партизанским движением. Живков якобы принимал непосредственное участие в подготовке и проведении боевых операций прославленного партизанского отряда «Чавдар».

Заслуги чавдарцев бесспорны. Отрядом руководил

Добри Джуров — будущий министр обороны Болгарии. Действуя на подступах к Софии, отряд понес большие потери. Но из всех острых ситуаций тяжелого и опасного военного времени Т. Живков вышел целым и невредимым, не получив ни одной раны и даже царапины. После 1989 г. в Болгарии распространились слухи о том, что Т. Живков был в годы войны тайным агентом полиции. Истории еще предстоит опровергнуть или доказать эту версию. Бесспорно одно: Живков пресекал любые попытки исследователей углубить тему полицейских осведомителей в годы сопротивления фашистскому режиму.

Биографы Живкова утверждали, что он фактически руководил восстанием и утверждением народной власти в Софии 9 сентября 1944 г. На самом деле он только обеспечивал вооруженную поддержку и охрану бастовавших рабочих и демонстраций в городе. На тот момент Живков руководил Оперативным бюро, работавшим под руководством Политбюро. После победы революции он был назначен всего-навсего начальником штаба столичной народной милиции.

После установления социалистической власти в Болгарии Живков быстро продвигается вверх. С 1945 г. Т. Живков — депутат Национального собрания НРБ, а также член Национального совета Отечественного фронта. В этом же году на VIII-м пленуме ЦК БКП он избирается кандидатом в члены ЦК, а на V съезде партии в 1948 г. — членом ЦК и Оргбюро ЦК БКП. В 1948–1949 гг. Т. Живков занимает посты первого секретаря Софийского городского комитета партии, председателя Софийского городского комитета Отечественного фронта и председателя Софийского городского народного совета. В 1950 г. он избирается секретарем ЦК БКП, оставаясь одновременно с этим секретарем Софийского городского и окружного комитетов партии. В этом же году он становится кандидатом в члены Политбюро ЦК БКП, а в 1951 г. — членом Политбюро.

В первые годы после войны в высшем руководстве Болгарской коммунистической партии развернулась жестокая, незаметная постороннему глазу борьба за власть. Тодор Живков был не самой активной фигурой в схватке «под ковром», но и на нем лежит часть вины за послевоенные репрессии. Старая гвардия в конце концов проиграла молодым функционерам.

В 1949 г. прямо на улице арестовали Первого секретаря ЦК БКП Трайчо Костова. Трайчо Костов был обвинен в «грубых нарушениях националистического характера», в том, что он якобы был «выразителем позиции антисоветски настроенных элементов в партии и государственном аппарате», в «неприятном отношении к Георгию Димитрову», в «неискренности по отношению к партии». Живков испытывал большую личную неприязнь к Трайчо Костову. Поддержав линию Хрущева на разоблачение культа личности Сталина, он так и не пересмотрел обвинения, выдвинутые против Костова.

За редким исключением почти все заслуженные соратники Георгия Димитрова, Василя Коларова, Трайчо Костова один за другим или группами оказались отстраненными от активной политической деятельности, были лишены высоких постов, свободы и даже расстреляны.

Для борьбы с «заговорщиками» использовались методы, выработанные и неоднократно испытанные в Советском Союзе. От имени ЦК БКП писались и рассылались в парторганизации письма с «разоблачениями» крупных государственных и партийных деятелей, намечавшихся в кандидаты очередных жертв. После большого политического шума следовали исключения из ЦК, из состава Политбюро, нарочито показательные или тайные судебные процессы. Это создавало в партии и стране обстановку психоза, страха, способствовало развязыванию политического террора.

Репрессии проводились не без помощи «большого

брата». В борьбе с болгарскими «националистами» принимала участие специальная бригада КГБ, руководимая генералами Черновым (Шварцманом) и Филатовым. В Болгарии одна за другой «разоблачались» оппозиционные группы в Пловдиве и Плевене, группы партийных фракционеров, фракционеров военных и т.д.

Когда Хрущев на XX-м съезде КПСС в своем закрытом докладе осудил культ личности Сталина, Живков сразу и безоговорочно поддержал новую линию советского руководства. В атмосфере борьбы с последствиями культа личности и переоценки ценностей словоохотливый и речистый Живков нашел поддержку у себя в стране и, через посредство советского посольства, в Советском Союзе. Тогдашний Первый секретарь ЦК БКП Вылко Червенков и группа более известных, нежели Живков, партийцев, которые не пожелали перестраиваться и продолжали управлять с помощью методов, позаимствованных у сталинской команды, быстро теряли свою популярность. В этих условиях в 1954 г. Тодор Живков становится Первым секретарем Центрального Комитета Болгарской Коммунистической Партии.

Через два года, в апреле 1956 г., Живков провел пленум ЦК БКП, который «нацеливал коммунистов на ликвидацию в БКП чуждого марксизму-ленинизму культа личности, на восстановление ленинских норм и принципов в партийном и государственном руководстве, на повышение роли партии во всех сферах жизни общества».

Несмотря на провозглашенные принципы, Живков последовательно добивался единоличной власти. Он устранял со своего пути всех возможных претендентов на высшую роль в государстве. Из состава Политбюро 1961 г. к ноябрю 1989 г. остались в нем лишь двое — сам Живков и Кубадинский. Живков постоянно тасовал состав Политбюро и ЦК. Бесцветные, серые личности приходили, выполняли свою задачу и уходили, освобождая место новым марионеткам Первого секретаря.

В сентябре 1961 г. Президиум Народного Собрания НРБ присвоил Тодору Живкову звание Героя Социалистического Труда за «исключительные заслуги перед партией и народом и в связи с 50-летием». С 1962 по 1971 гг. наряду с партийным руководством Живков занимал пост Председателя Совета Министров НРБ.

В апреле 1971 г. состоялся X-й съезд БКП, который принял новую Программу партии. Подготовкой программы и съезда руководил Тодор Живков. Съезд провозгласил начало нового этапа в жизни Болгарии — «этапа строительства развитого социалистического общества», а на деле означал окончательное становление режима личной власти Тодора Живкова. Вскоре, в июле 1971 г., Народное Собрание избирает Живкова Председателем Государственного Совета НРБ.

Следуя сталинскому принципу «кадры решают все», Живков сосредоточил в своих руках все нити кадровой политики. Все наиболее важные вопросы, касавшиеся кадров, он и его ближайшее окружение решали в так называемом «Белом салоне». Заседания в этом полуклубе-полусалоне чем-то напоминали знаменитые посиделки на сталинских дачах. Присутствующие, расслабившись в спокойной домашней обстановке, сняв парадные пиджаки и галстуки, бесконтрольно распоряжались людскими судьбами, передвигая кадры как фигурки на шахматной доске.

Каждый допущенный в близкое окружение «хозяина» играл свою определенную роль: были информаторы, пересказывавшие сплетни и слухи, были «творцы» новых концепций и моделей, были так называемые увеселители — рассказчики свежих анекдотов и исполнители шутовских экспромтов. То, что решалось на очередном «дружески-конфиденциальном» вечере, не должно было дебатироваться и тем более оспариваться, даже в Политбюро. От внимания завсегдаев «Белого салона» не уходило буквально ничего. Если подвергалось «единодушной критике» произведение

искусства, то на нем ставился крест, а его творец оказывался в опале на долгие годы, если не навсегда.

Некомпетентные кадры, выдвигавшиеся по совершенно случайным поводам в высшее руководство страны, быстро компрометировали себя и, наворовав достаточно, чтобы обеспечить себя и семью, тихо-мирно уходили в почетную «ссылку» куда-нибудь в заграничное посольство. «Прощтрафившиеся» же послы обычно продолжали карьеру простыми литсотрудниками газет и издательств, рядовыми членами малопrestiжных общественных организаций.

Живков вообще имел привычку периодически хорошенько «перетряхивать» номенклатуру. Например, в середине 70-х годов в течение нескольких дней газеты публиковали хронику перемещений и удалений в «корпусе заместителей министров». Энергетики назначались консулами, дипломаты — партработниками, аграрники «бросались» на транспорт, транспортники — на культуру, пищевики должны были заняться издательскими делами. Кадровая чехарда будоражила буквально все подразделения номенклатуры: национальный агрокомплекс и комсомол, военных и гражданскую авиацию, загранучреждения и здравоохранение, правоохранительные органы и т.д. Этот широко известный метод диктаторов использовался только для одного — поддержания подчиненных в состоянии тревоги и неуверенности в завтрашнем дне, что упрочило положение верховной власти.

Стоило кому-нибудь из руководства показать свои способности, как сторонники Живкова делали все возможное, чтобы убрать потенциального соперника Первого секретаря куда подальше. Так было с Митко Григоровым, Борисом Велчевым, Чудомиром Александровым, которые в разное время были вторыми лицами в партии и государстве. Живков предпочитал иметь рядом с собою бесцветных функционеров. «Поставщиком» такого рода кадров выступал главным образом ближайший

помощник Живкова Милко Балев — второй человек режима, «серый кардинал» Болгарии.

Чтобы стать приближенным лицом Тодора Живкова, необходимо было кроме искусства угадывать мнения и желания «хозяина» увлекаться охотой. Охота была страстью Живкова. Считалось большой удачей участие в охоте вместе с Первым секретарем. Как и в «Белом салоне», все участники «мероприятия» имели свои роли и обязанности, строго придерживались установленных самим «главным ловцом» правил. Среди высокопоставленных лиц в охотничьем окружении Живкова были свои егеря, увеселители и т.п. Во время охоты также решались важные государственные и партийные дела, особенно кадровые. Удачливый охотник и приятный компаньон в правительственных охотничьих угодьях мог рассчитывать на продвижение по службе, привилегии, а главное — на благосклонность Первого. По примеру Живкова охотой увлекались многие, ибо опасались попасть в символический список «неловцов», то есть демонстративно игнорирующих это занятие.

Постепенно в стране стал складываться культ личности Тодора Живкова. Надо признать, что ни репрессии против инакомыслящих, ни фальшивая демагогия культа личности не достигли в Болгарии таких впечатляющих масштабов, как в Советском Союзе и даже в соседней Румынии. Слабость экономики не позволяла тратить огромные средства на содержание аппарата подавления, да и сам Живков чисто внешне не походил на классического тирана. Он имел веселый характер, любил посмеяться, потанцевать. Часто с первого взгляда производил очень приятное впечатление, умел вызывать к себе симпатию. Живков охотно демонстрировал свою близость к народу, часто появлялся на людях, за просто заходил в журналистские клубы, посещал многочисленные дружеские вечера, которые устраивались по разным поводам в Софии, Варне, Пловдиве и других

городах. «Хозяин» позволял себе танцевать с несколькими самыми красивыми женщинами на вечере поочередно.

За внешней спонтанностью таких встреч скрывалась долгая и тщательная подготовка. Помощники скрупулезно расписывали план вечера. Организаторы тратили немало времени и сил, чтобы во время встречи были юмор, шутки, смех, песни, декламации, хвалебные речи и обязательно танго, которое удавалось Живкову больше всего прочего.

Живков никогда не пил, но всегда охотно спаивал своих высокопоставленных гостей, особенно из Советского Союза. По сравнению с прочими официальными лицами Живков выглядел очень просто и непритязательно. Долгие годы ношения дорогих костюмов так и не смогли исправить его крестьянской, «непротокольной» манеры держаться. Приближенные за глаза называли Живкова «бай Тошко». Тем не менее он любил, когда его имя упоминалось в зарубежной прессе, даже в заметке-хронике в качестве почетного гостя, докладчика, открывающего разного рода выставки, здания и т.п. Особенно ему нравилось, когда о нем писали как об авторе и приверженце всевозможных волевых «исторических решений», «концепций», «моделей», «стратегий», «соображений», которые лавиной обрушивались с трибун пленумов, съездов, собраний, встреч, совещаний, слетов, со страниц газет и журналов, с телеэкранов на слушателей, читателей и зрителей.

Живков никогда не мог устоять перед лестью. Подхалимы всегда легко находили дорогу к сердцу «хозяина». Во всех населенных пунктах, «осчастливленных» хотя бы коротким пребыванием Тодора Живкова, как грибы вырастали памятники и музеи. В селе Лесичево был создан мемориальный музей-квартира. В тех местах, где прошел несколько затянувшийся «медовый месяц» будущего главы государства, молодым членам комсомола и партии в торжественной обстановке вручали

членские билеты, проводились различные встречи. В селе Говедарцы тоже открыли музей-квартиру Живкова. В городе Етрополе, где Живков провел свое детство, воздвигли ему памятник.

Село Правец, которому повезло стать местом рождения Живкова, превратилось в город с промышленными предприятиями (в том числе и производящим первые в Болгарии компьютеры), туристическими объектами, новыми улицами и многоэтажными домами. Многие улицы, предприятия и общественные заведения в Правеце носили имена представителей семейства Живковых. По инициативе местных властей дом семьи Живковых на окраине села был превращен вначале в скромный музейный уголок, затем рядом поднялось каменное здание мемориала, ставшее историко-культурным объектом национального значения. Для таких дел не жалелось ни денег, ни стройматериалов, ни людской энергии. Строительные батальоны Народной армии ежегодно осваивали в Правеце работ на 20 миллионов левов. Дешевый солдатский труд позволял «отцам города» класть в свой карман огромные суммы. На казнокрадство на фоне подхалимажа никто не обращал внимания, предпочитая за лучшее промолчать, ведь сам «бай Тошко» высоко ценил то, что делается в родном Правеце.

Одной из больших слабостей болгарского руководителя стало пристрастие к помпезности, показной роскоши и гигантомании. В начале 80-х годов на окраине города Шумена, которая считается местом рождения Болгарского государства, возвели монумент, увенчанный грандиозным львом. На подходах к монументу — вдоль длинной аллеи, пестрели самыми яркими красками огромные портреты и панно с изображениями двух лидеров — Живкова и Брежнева. Вся эта композиция обошлась городу в 26 миллионов левов, было затрачено огромное количество дефицитных стройматериалов, и это при том, что дефицит государственного

бюджета уже никто не скрывал. Вместо монумента можно было построить два десятка многоэтажных домов, тем более что в стране остро ощущалась нехватка жилья. Но помпезный монумент сооружался под наблюдением самого Живкова, поэтому средств никто не считал.

Во времена, когда народ испытывал дефицит многих товаров, включая и продовольственные, острую нехватку жилья, когда сотни тысяч людей жили на грани бедности, верхушка во главе с Тодором Живковым тратила на свои нужды огромные государственные средства, обременяя страну огромными долгами. Болгария к концу правления Живкова оказалась на краю экономической пропасти.

В тайне от народа по всей стране возводились дворцы для высшего руководства партии и государства. Трудно назвать место в стране, где не было бы резиденции Тодора Живкова. Особым блеском и роскошью отличались резиденции в курортном местечке Банкья, в городе Сандански, где исключительно благоприятный климат объясняется влиянием Эгейского моря, «Перла» на Черном море, в селе Арбанаси, расположенном неподалеку от древней болгарской столицы Велико-Тырново, в Правеце, не говоря уже о Варне и Софии.

Для парка в Сандански закупились в Италии особые голосистые лягушки. Парк в Банкья раскинулся на 20 гектаров, а дворец на курорте отличался восточной роскошью: семь комнат на первом этаже, просторное фойе с камином, лестницей, экзотическими растениями, кинозал, столовая с огромным обеденным столом. На втором этаже семь апартаментов (личный номер Тодора Живкова отличался от других одноместной кроватью), крупный медицинский блок, так никогда и не действовавший, бассейн, в котором никто не плавал... Все это великолепие только для одного человека, потому что Живков в личной жизни был очень одинок.

В начале семидесятых скончалась жена Тодора Жив-

кова — Мара Малева. Ее смерть стала драмой для руководителя страны, он переживал ее очень тяжело. Мара Малева слыла скромной женщиной и была неплохой советчицей, удерживавшей мужа от многих необдуманных, поспешных шагов. После кончины супруги у Живкова не осталось близких людей. Дочь и сын служили источником постоянных проблем и забот.

Карьера дочери Тодора Живкова, Людмилы, стремительно пошла вверх после смерти матери. Отец ввел ее в состав Политбюро, где она стала курировать культуру и искусство. В роли хозяйки «Белого салона» и председателя комитета по культуре Людмила Живкова попортила немало крови болгарской интеллигенции. Ее приближенные ездили на престижных и дорогих иностранных автомобилях, свободно пользовались крупными суммами из госказны, путешествовали по всему миру, разбазаривая народные деньги.

Людмила Живкова основала нашумевшее в свое время международное детское движение «Знамя мира». В фонд «Знамени мира» перечислялись деньги из многих социалистических стран и особенно из Советского Союза. Дочь Живкова использовала полученные средства для личного обогащения, переводила деньги на счета в зарубежные банки, «отмывала» значительные суммы денег, добытые ее клеветами путем различных махинаций.

Головокружительная карьера Людмилы Живковой, ее вмешательство в партийно-государственные дела, личные амбиции и враждебное отношение к честным людям культуры вызвали беспокойство даже у советских дипломатов. В Москву была послана служебная записка. В ней говорилось о той угрозе, которую представляет дальнейшее выдвигание Людмилы Живковой, причем упоминалось и о пресловутом «Белом салоне». Факты были настолько тревожными и серьезными, что даже осторожный и безразличный ко всему Брежнев на встрече с Живковым в Крыму «по-дружески» предупре-

дил его о необходимости считаться с мнением общественности и не способствовать так открыто политической карьере дочери. Окружению Брежнева, правда, стоило больших трудов убедить его поговорить с Живковым в открытую.

Сам Живков был весьма смущен и даже обескуражен услышанным. Было видно, что он удивлен тем, что многие факты из жизни «Белого салона» известны в Москве.

Однако Живков проигнорировал разговор с Брежневым, а его окружение во главе с Милко Балевым начало тайное расследование: какими каналами и путями Брежнев смог узнать о существовании «Белого салона».

Людмила Живкова прожила бурную и короткую жизнь. В 1981 г. она внезапно скончалась. Вокруг ее смерти возникло немало слухов. Говорили о самоубийстве, о покушении, о заговоре, но подлинные обстоятельства смерти ныне определить не представляется возможным.

Сын Живкова — Владимир — младше Людмилы на 10 лет. Он родился в 1952 г. Среднюю школу закончил в Софии, там же поступил на юридический факультет университета. С 1980 г. начинал работать в Институте проблем государства и права в качестве научного сотрудника.

К этому времени сестра подключила его к движению «Знамя мира». Владимир в начале 1982 г. стал генеральным директором центра «Знамя мира». Через год — заместителем председателя Госкомитета по культуре, потом членом ЦК БКП. После смерти матери, которая занималась его воспитанием, он практически остался беспризорником, но с огромными возможностями. Как результат — «неадекватное алкогольное поведение». Проще говоря, запои и пьяные дебоши. Отцу пришлось поручить шефу своей охраны генералу Кашеву надзор за сыном. Получилась анекдотичная ситуация: Владимира охраняли более усиленно, чем Тодора Живкова. После 1989 г. Владимир Живков ве-

дет скромную жизнь и старается как можно реже появляться на публике.

Тодор Живков не особенно старался упрятать свои злоупотребления от людских глаз, но народ безмолвствовал. Тех одиночек, которые все же осмеливались протестовать или высказать несогласие, ждала незавидная участь. Для содержания политических противников режима создавались специальные концлагеря. Особенно жестоким был режим в лагерях на окраинах городов Ловеч и Скравен. В разряд политзаключенных попадали, как правило, старые члены БКП, активные участники антифашистского Сопротивления, многие члены Болгарского земледельческого народного союза и других демократических партий.

В лагерях под Ловечем и Скравеном побывало 1222 политических заключенных, из которых погибли 147 мужчин и женщин. Сотни безвинных людей погибло в лагерях на окраинах городов Сандански, Станке Димитров, Лясковец, сел Богданов дол, Пернишко, Николаево, Казанлышко, Ножарево, Бошуля. Очевидцы сообщают, что надзиратели особенно бесчинствовали в специальных женских лагерях на окраине Петропавловского монастыря около города Лясковец и в селе Босна около Силистры.

В маленькой Болгарии в годы послевоенных репрессий было уничтожено столько «политических противников», сколько их не погибло в некоторых крупных европейских странах во времена фашистского режима. После 9 сентября 1944 г. в течение нескольких дней без суда и следствия были расстреляны 18 тыс. жертв нового режима.

Даже за границей противники Живкова не могли чувствовать себя в безопасности. Известный писатель Георгий Марков, эмигрировав в Англию, критиковал по радио и в своих книгах «новоявленного болгарского монарха». В 1979 г. он был смертельно ранен отравленной иглой на знаменитом мосту Ватерлоо и вскоре скончался.

Однажды на заседании Народного Собрания тренер гимнасток мирового уровня («золотых девочек») Нешка Рובהва посмела протестовать против закона, заранее одобренного в ЦК и Госсовете. Эта смелая женщина, спортивная деятельница с мировой известностью, тут же подверглась гонениям. Ее лишили работы, выгнали из спорта, и даже занесли в список скончавшихся деятелей болгарской культуры. Фактически это равнялось смертному приговору, и лишь по счастливой случайности он не был приведен в исполнение.

В Болгарии, в отличие от других стран социализма, коммунистическая партия не стала единственной. Коммунистическое руководство сочло возможным сохранить Болгарскую земледельческую народную партию (БЗНС). Лидировавшая долгое время в Болгарии, имевшая колоссальные заслуги в борьбе за освобождение крестьян, за демократию, стоявшая у власти в 1920–1923 гг., БЗНС в 50–80-е годы превратилась в придаток БКП. «Главное, чтобы нами был доволен Живков», — таков был главный принцип лидеров БЗНС. Деятели БЗНС, не согласные с такой установкой, были расстреляны или бежали за границу, в лучшем случае едва сводили концы с концами на низкооплачиваемых должностях, исключенные из партии и лишённые возможности участвовать в общественной жизни.

Репрессии режима Живкова в Болгарии коснулись не только отдельных людей и политических течений, но и целых народностей. Национальное меньшинство — турки — составляли в Болгарии около миллиона человек. И вот в 1984 г. на тюркоязычное население начались массовые гонения. Турок заставляли отказываться от своей веры, насильственно давали им болгарские имена.

В мае 1989 г. начались волнения. Этнические турки протестовали против лишения их элементарных человеческих прав. Демонстрации женщин и детей были разогнаны с помощью водометов и резиновых пуль. Руко-

водство страны приняло решение о выселении тюркоязычного населения. 300 тысяч человек покинули пределы Болгарии и лишь 50 тыс. впоследствии вернулись. Массовый исход этнических турок нанес ощутимый удар по сельскохозяйственному производству: в разгар уборки урожая на полях, в садах, на фермах остро не хватало рабочих рук. В результате не только оказались невыполненными экспортные поставки сельхозпродуктов, но и на внутреннем рынке возник дефицит продуктов. Не хватало даже традиционного каждодневного продукта питания — болгарской брынзы.

подавляя политическую оппозицию, поощряя коррупцию, принимая необдуманные и непопулярные решения, Живков очень ревниво относился к своему имиджу за рубежом. Издателям в Венгрии, Австрии, Италии, Греции, США, Аргентине и других странах выплачивались огромные суммы за тиражирование его «трудов». Собрание сочинений Т. Живкова (большая часть работ написана литературными «неграми») в общей сложности составляет около 50 томов. Только в СССР произведения «другаря» Живкова издавались около 20 раз.

С Советским Союзом у Живкова всегда были «теплые и добросердечные» отношения. Он редко позволял себе уклоняться от велений указующей руки «большого брата». Даже более того.

В начале лета 1962 г. в Болгарию во главе партийно-правительственной делегации приехал Н.С. Хрущев. Поначалу исподволь, затем более конкретно, но в обстановке чрезвычайной секретности, обсуждалась идея Живкова о присоединении Болгарии к Советскому Союзу. Живков своими намеками ставил советских руководителей в очень неловкое положение. Живков пытался убедить Хрущева в обоюдовыгодном присоединении Болгарии на правах 16-й республики. Болгарский лидер видел в этом возможность сразу решить все экономические трудности страны. Ради снабжения нефтью, сырьем, вообще всем необходимым он готов был по-

жертвовать суверенитетом и национальной независимостью страны. Эта идея предварительно не обсуждалась ни в ЦК БКП, ни в правительстве, тем более о ней ничего не знал болгарский народ.

Хрущев отрицательно отнесся к этому проекту. Тем не менее на одном из пленумов ЦК БКП в 1963 г. Живков — уже в роли не только Первого секретаря, но и главы правительства — во всеуслышание сформулировал свою идею: «Мы этот вопрос обсудили в Политбюро, возражений нет, и я хочу, чтобы им занялся пленум сегодня. Надо обратиться с письмом в ЦК КПСС и к правительству Советского Союза, и в нем поставить вопрос, аргументировать необходимость создания более тесных связей между советской и нашей экономикой, с перспективой их слияния, а в дальнейшем и политического слияния. Румынские товарищи, как и китайские товарищи, говорят, чтобы уважался суверенитет. Суверенитет народ понимает, когда есть что поесть и на что жить. Вот это суверенитет — счастье и благоденствие для народа. Мы работаем для народа, а не для формы».

В 1964 г. Т. Живков во главе партийно-правительственной делегации приехал в Москву. Н.С. Хрущев и на этот раз отверг идею присоединения, правда, согласившись — в виде компромисса — на дополнительный кредит Болгарии в 400 миллионов рублей. Сама идея присоединения Болгарии к Советскому Союзу настолько нелепа, что создается впечатление, будто Живков затеял всю эту возню ради единственной цели — выкачать денег из СССР. Как видим, он своего добился. Если это действительно была заранее спланированная интрига, то следует отдать должное недюжинной проницательности и политической ловкости Т. Живкова.

С Брежневым у Живкова получалось проще. Он удивительно легко и успешно договаривался о дополнительных поставках из СССР дефицитного сырья, главным образом нефти. Со своей стороны Живков не

скупился на всевозможные ордена и награды, до которых Брежнев был большим охотником. За умение обхаживать кремлевское руководство Живков заработал прозвище «хитрец из Правца».

Под влиянием перестройки в СССР летом 1987 г. в Болгарии состоялся Пленум ЦК БКП, на котором были приняты решения упорядочить правила награждения орденами и медалями, присвоения почетных званий, проведения праздников и т.п. В этом же году Живков подписал указ о снятии памятников всем живущим руководителям государства. Страна после первых незначительных перемен стала ждать более весомого продолжения, но ничего не менялось. Болгария как бы застыла в своем развитии.

Ситуация в стране ухудшалась с каждым месяцем. Руководители государства все настойчивее требовали от Живкова отставки со всех постов. Он долго не соглашался, пока, наконец, 10 ноября 1989 г. не выступил на Пленуме ЦК с заявлением об отставке по возрасту и состоянию здоровья. Его предложение было единодушно поддержано. Пленум ЦК БКП принял решение оставить Живкову все привилегии — машины, секретаря и т.д. и объявить ему на прощание благодарность за прошлые заслуги. Однако вскоре, опять же на пленуме ЦК, это решение было отменено и принято новое: исключить из партии, лишиться всяческих привилегий. На массовых митингах и манифестациях, прокатившихся по всей стране, многие болгары требовали привлечения Живкова к суду. В июле 1990 г. коммунистический режим в Болгарии окончательно рухнул. Новые власти какое-то время содержали Тодора Живкова под домашним арестом, затем разрешили ему переехать на фешенебельную виллу внучки, расположенную на берегу моря, где он спокойно доживал свой век, не обращая внимания на многочисленные нападки прессы: дескать, Живков был тайным осведомителем полиции, английским шпионом и прочее. Судебное расследование дей-

ствительно велось, но так и не смогло инкриминировать Живкову ничего хоть сколько-нибудь существенного из выдвинутых обвинений. Летом 1998 г. Живков умер. Правительство не разрешило выставить тело усопшего ни в народном театре, ни в партийном доме. Гроб стоял на площади «9 сентября» (День освобождения Болгарии от нацизма). Теперь эта площадь носит иное название. Оттуда гроб во главе шествия пронесли на кладбище, где и состоялось прощание. Похороны Живкова еще сильнее разделили болгарское общество на ностальгирующих по прошлому сторонников социализма и его противников. Надо признать, в конце правления Живков сделал хоть одно хорошее дело: он не попытался, подобно Чаушеску, развязать гражданскую войну, и мирно, без кровопролития, ушел с политической сцены.

КВИСЛИНГ ВИДКУН (1887–1945)

Видкун Квислинг — фашистский ставленник в Норвегии, стал олицетворенным символом предательства для норвежского народа.

Видкун Квислинг родился в очень набожной семье пастора. Восемь из двенадцати известных прадедов Квислинга учили Слову Божьему паству местечка Фюресдаль. Парень получился очень одаренным. Родители признавали его ум и не считали зазорным подчиняться сыну, который стал лидером в доме. Родня и учителя считали Видкуна высокоморальным и чистосердечным юношей, ставили его в пример сверстникам. Неожиданно для всех Видкун Квислинг нарушил семейные традиции и решил стать офицером, отказавшись от пасторской карьеры. Получив чин капитана Генерального штаба, он всерьез занялся русским языком и в мае 1918 года был назначен военным атташе Норвегии в Петроград.

Военно-дипломатическая служба сводилась главным образом к составлению бумаг, в то время как за стенами кабинета бушевала российская революция. Квислинг сочувственно относился к большевикам. В период, когда Совет Народных Комиссаров переживал наибольшие трудности, он вызвался ему помочь и по рекомендации норвежского МИД поступил под начало Фритьофа Нансена, взявшегося организовать международную помощь миллионам голодающих и беженцев. Нансен высоко ценил своего нового сотрудника. Он характеризовал Квислинга как смелого, спокойного и толкового работника. Молодой офицер не щадил себя, отправляясь в самые опасные места. На Украине, объята засухой и гражданской войной, он подцепил лихорадку, но продолжал раздачу продовольствия и медикаментов.

Прекрасный исполнитель, Квислинг оказался не в состоянии самостоятельно, без Нансена, решать задачи, поставленные Лигой Наций. Первый большой провал случился с ним в Армении, где Квислинг не выполнил гуманитарные поручения Лиги. Маскируя свои промахи, он объяснял неудачу большевистскими интригами.

Подрабатывая, подобно Арманду Хаммеру, коммерческими операциями с экспортом леса и художественных ценностей из разрушенной России, норвежец занимался также «конвертированием» рублей в иностранную валюту и наоборот. В 1927 году сделки были разоблачены «компетентными органами» и разразился скандал.

Мошенник валил все на сталинскую политику вытеснения иностранного капитала и на происки ГПУ, но норвежская общественность обвинила «последователя Нансена» в личной нечистоплотности. Окончательный удар нанесло заключение западных искусствоведов о том, что вывезенные им из Петрограда и Москвы «шедевры живописи» являются лишь копиями. Незадачливый контрабандист затаил злобу на евреев, заправлявших торговлей картинами в Норвегии.

Нечистоплотность проявлялась и в личной жизни. В 1927 году Квислинг приехал в Норвегию сразу с двумя русскими женами. Одна из них, Александра, скоро устала от утех и забот любовного треугольника и сбежала от Квислинга, выйдя замуж за американца. Вторая жена — Мария — осталась верна мужу.

Впечатления от работы в России легли в основу первых журналистских опытов. Видкун Квислинг пробовал себя и в ином амплуа: предложил левым силам свои услуги по созданию Красной гвардии и одновременно обещал отделу безопасности Генштаба докладывать о подготовке норвежских красных к вооруженной борьбе. Оба предложения были отвергнуты, зато была принята к публикации одним из издательств его монография «Россия и мы» с резкой критикой РКП (б), Ленина и Сталина.

У норвежцев книга особого интереса не вызвала. В то время было предостаточно книг о Советской России, написанных к тому же на несравненно более высоком художественном уровне.

Влачила жалкое существование и созданная Квислингом партия «Национальное сплочение». Ее националистические лозунги мало кого привлекали в стране, которая после приобретения в 1905 году долгожданной независимости от Швеции более не чувствовала себя униженной и оскорбленной. Даже сторонникам по партии больше импонировали идеи воспитания народа в духе религиозности и строгой морали, чем нацистские проповеди об арийском сверхчеловеке.

Хотя время Квислинга-идеолога еще не пришло, Квислинг-политик тянулся к консервативным лидерам страны. В 1931 году ему был предложен пост министра обороны. «Квислинг не из нашей партии, зато он отставной майор и здорово пишет про большевизм», — простодушно заявил выдвинувший его премьер-министр. Орган оппозиционных социал-демократов, газета «Арбейдербладет», правда, сразу почувствовала в нем «наиболее отвратительного и гнусного из политических типов».

Истинную сущность выдвижения довольно скоро осознали и в правительстве. Видкун Квислинг без конца совал нос в чужие дела, интриговал без меры и сумел настроить против себя большинство коллег. До сих пор непонятно, как такое могло приключиться, но, по словам свежее испеченного министра, однажды вечером прямо в его рабочем кабинете на него напал некто, бросил ему в глаза молотый перец и выкрал секретные документы.

Когда Квислинг излагал происшедшее депутатам стортинга, некоторые из них пожимали плечами, другие ухмылялись. Никто не выступил в его защиту. Даже премьер, похоже, не поверил в шпионские страсти. Сло-

вом, министерская карьера Квислинга с первой попытки не удалась. Но жестоко ошибались те, кто думал, что на этом и оборвется его карьера.

Попытка Квислинга стать в 1933 году парламентарием окончилась неудачей. Выборы 1935 года прошли для «Национального сплочения» воистину катастрофически. Пропаганда национал-социализма в его норвежском варианте шла из рук вон плохо. Квислинг хотел выпускать ежедневную газету, но меценаты ограничивались мелкими подачками, которых с трудом хватало лишь на содержание руководства партии, или, как его именовали, «дружины избранных борцов».

Чистка партийных рядов от «жидовствующих» и «левацких» элементов не прибавила партии финансовой устойчивости. Выслушав советы своего окружения, а ему разрешалось только советовать, Квислинг решил воспользоваться тем из них, который дал торговец Альберт Хальгерин, имевший фирму в Дрездене и неплохо знавший многих из фашистских главарей, и послал эмиссаров к Альфреду Розенбергу, курировавшем у связи НСДАП с «товарищами по борьбе» в Прибалтике и Скандинавии. Розенберг и Квислинг сошлись в главном: убежденности в превосходстве нордической расы и неполноценности семитов. Из рейха потекли деньги на издание фашистского боевого листка на норвежском языке.

В Берлине Норвегией больше других заинтересовалось командование военно-морских сил, которому необходимы были базы на побережье Скандинавии для борьбы с английским флотом и прикрытия германских перевозок шведской железной руды через порт Нарвик.

Квислинг, как он признался на допросе уже в конце войны, долго колебался, но потом решил: любимая им Англия слишком слаба, чтобы остановить некогда любимую им Россию, поэтому надлежит сделать ставку на Германию, способную остановить «большевистскую заразу».

Розенберг составил для Гитлера докладную записку, в которой изложил обещание Квислинга совершить государственный переворот при помощи своих сторонников в вооруженных силах и немедленно призвать немецкую армию для защиты от Великобритании. Берлин запросил у немецкой миссии в Осло информацию о Квислинге и его сторонниках. Германский посланник сообщил, что «Национальное сплочение» не имеет никакого влияния в стране, а лидер партии не обладает политической проницательностью, способностью критически оценивать ситуацию и последовательно проводить намеченную линию.

В иной ситуации Германия тут же прекратила бы всякие контакты со столь сомнительной личностью, как Квислинг. Но дипломаты могли только снабжать информацией, решающее слово принадлежало партии и военным.

Вечером 14 декабря 1939 года Гитлер принял Квислинга. Фюрер двадцать минут говорил об уважении к норвежскому нейтралитету. Квислинг произнес пятиминутный спич в честь хозяина. Покончив с формальностями, собеседники вплотную приступили к делу. Были обсуждены все детали предстоящего путча. Предполагалось, что норвежские фашисты пройдут в Германии подготовку с целью освоения методов саботажа и разведки.

Вернувшись в Осло, Квислинг поразился беззаботности сограждан и думать не думавших о войне и занятых пред рождественскими хлопотами. Город сиял огнями, магазины ломились от обилия продуктов. Правда, кое-где висел плакат: «Будь осторожен, не болтай лишнего!», вызывавший у Квислинга саркастическую улыбку: его люди в армии и госаппарате были готовы передать ему самые подробные и свежие сведения о норвежской обороне.

В феврале Гитлер вызвал к себе командующего 21-го армейского корпуса генерала Николауса фон Фалькен-

хорста. По пути в Берлин тот ломал голову, пытаясь предугадать, что его ждет: то ли фюрер захочет услышать его доклад о полевых экспериментах с искусственным туманом, то ли за ним прямо на вокзал явится гестапо, которое, возможно, выяснило, что настоящая его фамилия отнюдь не Фалькенхорст, а (помилуй Боже!) Ястржембский (польская). Но повод оказался совсем иным. Генерал воевал в гражданскую войну в Финляндии, поэтому именно ему предложили разработать план вторжения в Данию и Норвегию.

Купив по дороге в отель книгу «Норвегия. Справочник для путешественников», фон Фалькенхорст, на основе имевшихся в ней 54 карт, 17 городских планов и 3 панорамных фото набросал за пару часов проект. Довольный Гитлер приказал готовить операцию «Везерские маневры». О ней не знали даже члены нацистской верхушки. Особенно важно было держать в неведении шефа военно-воздушного флота Геринга, который имел и ценил свои связи в аристократических кругах Швеции (его первой женой была шведка). Между тем планировалась оккупация и этой страны. Только перенапряжение военных ресурсов Германии и отчасти демарши Сталина, тогдашнего союзника Гитлера, вынудили Берлин отказаться от этой идеи.

Дезинформационные мероприятия в отношении Геринга включали даже личное обещание фюрера не нарушать шведский нейтралитет. Геринг смог успокоить своих друзей в Стокгольме. Позже Германия вынудила шведов пойти на унижительные уступки: разрешить пролет немецких самолетов и транзит войск через их территорию, расширить поставки стратегических материалов для немецких военных заводов.

Между тем фон Фалькенхорст представил Гитлеру окончательный вариант «Везерских маневров». Хотя при его подготовке использовались различные материалы (даже рекламные фильмы пароходных компаний), штабистам не хватало надежной оперативной инфор-

мации о системе оборонительных сооружений в местах высадки десантов.

6 апреля 1940 года Квислинг на конспиративной встрече в Копенгагене передал немцам необходимые данные о противовоздушной и береговой обороне норвежских портов, включая столицу страны.

Из северогерманских портов вышли первые пять «угольщиков» с пушками, грузовиками и тяжелой техникой. За ними двигались суда с солдатами. Наперегонки с также начавшими десантную операцию англичанами они устремились к Осло, Тронхейму, Бергену и другим стратегически важным портам. Пять пехотных и одна горногерская дивизия собирались без боя смять малочисленные норвежские части. Опасения вызывали лишь операции на море, поскольку британский флот был наготове и 8 апреля уже начал минирование норвежских вод близ Нарвика.

Англичане, как полагали в немецком генштабе, могли потопить от 50 до 100 процентов кораблей эскадры вторжения. На самом деле потери составили десять из двадцати эсминцев и три крейсера из восьми. Два линкора и один броненосец получили серьезные повреждения.

В ночь на 9 апреля немецкая эскадра во главе с крейсером «Блюхер» появилась па траверзе норвежской столицы. Благодаря информации Квислинга немцы знали о существовании во фьорде Осло форта и присутствии патрульной канонерки. В бой с ними вступить не планировалось, их бдительность пытались обмануть при помощи поднятых немецкими кораблями английских флагов и прожекторной морзянки на английском языке. Но экипаж крохотной канонерской лодки почувствовал неладное и успел, прежде чем был потоплен фашистами, радировать о вражеской эскадре. В Осло взвела сирена воздушной тревоги, последовал приказ оборонять столицу всеми средствами.

В 4.15 утра германский посланник вручил ультима-

тум норвежскому правительству. Норвежцы отказались сдаваться, процитировав слова Гитлера об уступившей давлению рейха Чехословакии: «Народ, без сопротивления сдающийся на милость насильника, недостоин жизни».

В то время, когда проходили переговоры о принятии ультиматума, немецкий тяжелый крейсер «Блюхер» подошел на 1400 метров к форту Оскарсборг. Четыре дотопные пушки, каждую из которых 23 человека перезаряжали в течение часа, дали залп.

Первый снаряд разорвался на командном мостике, другие также поразили крейсер. Затем его добила торпедная батарея. Тысяча немецких солдат и матросов нашли смерть в огненном аду. Форт продержался до вечера, дав королю и правительству возможность эвакуироваться из Осло.

Штаб оккупантов разместился в Осло на улице Парквей. Генералу фон Фалькенхорсту и его штабу германские дипломаты заказали номера в гостинице. Служащие отеля думали, что из Германии приезжает футбольная команда или оркестр, а вместо этого на их головы свалились офицеры в нацистской форме.

За солдатами прибыли администраторы, журналисты, сыщики и прочие из группы обеспечения. В клубе «Олд Феллоус» разместился «Немецкий дом» с магазином деликатесов, только для избранных и только за рейхсмарки. Королевский дворец превратился в штаб-квартиру «Национального сплочения» — партии Квислинга. В стортинге обосновался рейхскоммисариат. Не забыли немцы и о сексуальных утехах, открыв бордель с девушками из Франции. Публичный дом носил название «Сфинкс». За шесть крон солдат мог купить 10 минут удовольствия, а офицер — 15. Гестапо заняло отель «Монте-Карло».

Без всякого согласия и поддержки со стороны нацистов, Квислинг, не теряя времени, провозгласил себя премьер-министром Норвегии, просто-напросто сооб-

щив об этом по радио. Между тем нацисты безуспешно пытались заставить короля Хокона VII, который отказался признать Квислинга, отречься от престола. Понимая, что попытка навязать норвежскому народу Квислинга объединит норвежцев вокруг короля, оккупанты не решались поддержать его, и через неделю тот был вынужден уйти в отставку.

Нацисты назначили Квислинга ответственным за демобилизацию в Норвегии, и он отправился в Берлин. Вернувшись в Норвегию 20 августа 1940 года, Квислинг предпринял еще одну попытку создать для себя политическую опору, но попытка эта самым жалким образом провалилась. Норвежский парламент отказался пойти навстречу немцам и создать марионеточное правительство. Терпение нацистов истощилось, и они назначили Квислинга премьером, запретив все политические партии, кроме Партии национального единства.

Резиденция Квислинга в период оккупации находилась в шикарном пригороде Бюгдой. Купленную здесь на госсредства виллу новоявленный «фёрер» (калька с немецкого) переименовал в «Гимле» — мифологический рай, где викинги пили мед после кровавых битв. В ней даже устроили «Хирдхаллен» — дружинный зал, обильно украшенный ворованной из королевского дворца утварью и картинами, вывезенными из домов отправленных в немецкие концлагеря евреев. В самой Норвегии, кстати, тоже появился концлагерь.

Квислинг вообще во всем следовал примеру берлинского фюрера. Он даже завел себе косую челку, а свою загородную резиденцию назвал «Орлиным гнездом».

Фюрер требовал и ферер исполнял: коммунистов и евреев отправляли в гестапо, тяжелую воду — в ядерные лаборатории фашистов, норвежских «добровольцев» — в дивизии СС, рыбу и масло — в закрома рейха. Кстати, в части СС вступили 8 тысяч норвежцев. Квислинг оказался не одинок в своем предательстве.

В 1942 году он сделал себя уже не просто премьером,

а министром- президентом, изобретя пост, вообще не упоминаемый в конституции.

Справедливости ради следует отметить, что Видкун Квислинг просил Гитлера прояснить будущую судьбу Норвегии, сопротивлялся навязыванию стране «плана хозяйственного развития в интересах единой Европы», отстаивал свою точку зрения по другим поводам. Но поводок был коротким и уязвленное самолюбие приходилось смирять. Вместо уступок Берлин слал «вождю викингов» свои презенты: пуленепробиваемые стекла для виллы «Гимле» (толщиной в два пальца) и бронированный «мерседес» (вес — 4,5 тонны). Квислинг жил в страхе перед партизанами.

Группа движения Сопротивления разработала в конце войны план похищения Квислинга, опасаясь, что на смену его режиму придет прямое правление рейхскомиссариата. Лишь 9 мая 1945 года в «Гимле» раздался телефонный звонок: начальник полиции Свен Артсен «просил» министра-президента о встрече «по срочному делу». Полагая, что речь идет о деталях капитуляции германских частей в связи с окончанием войны, Квислинг закатил скандал.

— Кто вы такой? — кричал он. — Я не назначал вас начальником полиции. Это — революция!

Свои полномочия Артсен получил от правительства в эмиграции, заранее готовившего на территории соседней Швеции кадры для восстановления законного порядка в Норвегии.

Когда полувоенные формирования вместе с партизанами взяли страну под контроль, «предателя № 1» доставили в тюрьму, где немедленно начались допросы. Как вспоминает следователь, ферер искренне не понимал, что он совершил. В последние годы он оттородился от реального мира собственными иллюзиями, а «дружина избранных борцов» даже не пыталась их развеять.

Незадолго до окончания войны Квислинг написал, но не отправил письмо архиепископу с просьбой на-

значить его пастором церковного прихода в родном Фюресдале. Предатель желал осмыслить «религиозное ядро мирового кризиса». Суд приговорил его к расстрелу — исключительной для Норвегии мере наказания. Сегодня врачи считают, что выполнение приговора следовало бы предварить психиатрической экспертизой, но в октябре 1945 года о ней, конечно, и речи не шло.

Министр-президент был расстрелян в крепости Акерсхус. Но избавиться от мракобесия в умах людей труднее, чем расстрелять человека. В Норвегии, как и в Германии, власти безуспешно пытались искоренить движение националистов. Спустя более полувека власти опасаются, что место казни и могила ферера могут стать местом поклонения для неонацистов. Поэтому туристам не показывают, в каком именно месте крепости расстреляли предателя, а урна с его пеплом хранится в письменном столе комиссара полиции в Осло.

ЛЕНИН (УЛЬЯНОВ) ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ (1870–1924)

Ленин — основатель Коммунистической партии Советского государства. Родился в Симбирске в семье инспектора народных училищ Симбирской губернии. В 1879–1887 гг. учился в гимназии. Окончил ее с золотой медалью, поступил в Казанский университет, но уже в декабре 1887 г. был из университета отчислен и выслан в деревню Кокушкино за участие в революционной сходке студентов. В октябре 1888 г. вернулся в Казань, вступил в один из марксистских кружков.

Осенью 1889 г. семья Ульяновых переехала в Самару. В 1891 г. молодой Ульянов экстерном сдал выпускные экзамены на юридическом факультете Петербургского университета и стал работать в Самаре помощником присяжного поверенного. В это время вышла его первая работа «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни».

В августе 1893 г. Владимир Ульянов переехал в Петербург и активно включился в революционную деятельность. Выступал против народников, руководил революционными кружками. В 1894 г. в книге «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов» подверг аргументированной критике народничество и выдвинул задачу создания в России марксистской партии рабочего класса.

С апреля по сентябрь 1895 г. находился за границей, где установил связи с группой «Освобождение труда», лидерами международного рабочего движения. Осенью 1895 г. по инициативе Ленина был создан Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», который явился зачатком пролетарской партии.

В декабре 1895 г. был арестован, а в феврале 1897 г.

сослан на 3 года в село Шушенское Енисейской губернии. В ссылке написал свыше 30 работ, в том числе статьи «Развитие капитализма в России», «Задачи русских социал-демократов», сыгравшие большое значение в подготовке программы, стратегии, тактики социал-демократической партии нового типа.

В июле 1900 г. В.И. Ленин выехал за границу, где организовал издание газеты «Искра», подготовил ряд теоретических работ по проблеме строительства партии, разработал проект ее программы и устава. Один из организаторов РСДРП, он вошел в состав ее центрального органа — редакции газеты «Искра». В период первой русской революции обосновал стратегию и тактику партии в новых условиях. В ноябре 1905 г. для руководства подготовкой вооруженного восстания прибыл в Петербург. Летом 1907 г. переехал в Финляндию, а в декабре 1907 г. эмигрировал в Швейцарию. В последующие годы разрабатывал различные вопросы марксистской теории, руководил работой бюро ЦК РСДРП (б), большевистской фракции в Государственной Думе, редакцией газеты «Правда».

В апреле 1917 г. В.И. Ленин возвратился в Россию, где занялся разработкой путей мирного перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической, а после июльских событий — плана вооруженного восстания. Вечером 24 октября 1917 г. нелегально прибыл в Смольный, чтобы непосредственно возглавить руководство восстанием.

На состоявшемся 26 октября заседании II Всероссийского съезда Советов были приняты подготовленные Лениным Декреты о мире, о земле, и образовано рабоче-крестьянское правительство (Совет Народных Комиссаров), которое он возглавил. В годы гражданской войны и военной интервенции В.И. Ленин возглавил Совет Рабоче-Крестьянской Обороны, руководил разработкой планов важнейших стратегических операций. Ленин был также организатором красного терро-

ра, гонений на интеллигенцию и духовенство, уничтожения оппозиционных партий.

В 1921 г. гражданская война в основном закончилась. Экономическое положение страны попросту ужасало, и Ленин был вынужден отступить от своих принципов построения пролетарского государства. Под его руководством большевики осуществили переход от политики «военного коммунизма» к «новой экономической политике», им определены были пути решения национального вопроса, основные направления внешней политики. По его инициативе разработан первый план экономического развития страны — ГОЭЛРО, образован Союз Советских Социалистических Республик (1922). В мае 1923 г. из-за болезни, связанной с тяжелым ранением 30 августа 1918 г. и постоянным перенапряжением, В. И. Ленин переехал в Горки. 21 января 1924 г. в 18 часов 50 минут он скончался.

Похоронен в мавзолее на Красной площади в Москве. Советская пропаганда превратила Ленина в объект коммунистического культа и почти религиозного поклонения.

МАО ЦЗЕДУН (1893–1976)

Творец «Культурной революции», один из самых кровавых тиранов двадцатого века, Мао Цзедун, наряду с классической троицей: Маркс, Энгельс, Ленин, считался одним из столпов марксистской политической мысли. Беспощадность, целеустремленность и настойчивость отличали одного из основателей Коммунистической партии Китая и создателя Китайской Народной Республики (1949).

Мао Цзедун родился 26 декабря 1893 г. в семье зажиточного крестьянина Мао Женьшена в провинции Хунань. В местной начальной школе он получил классическое китайское образование, включавшее знакомство с философией Конфуция и традиционной литературой.

Учебу прервала революция 1911 г. Войска под руководством Сунь Ятсена свергли Маньчжурскую династию Цин. Мао полгода прослужил в армии, выполняя обязанности связного в отряде.

В 1912–1913 гг. ему по настоянию родственников пришлось учиться в коммерческой школе. С 1913 по 1918 гг. Мао жил в административном центре Чанша, где учился в педагогическом училище. Уехав на год (1918–1919 гг.), в Пекин, он работал в библиотеке Пекинского университета.

В апреле 1918 г. вместе с единомышленниками Мао создал в Чанша общество «Новый народ» с целью «поиска новых путей и методов преобразования Китая». К 1919 году он приобрел репутацию влиятельного политического деятеля. В этом же году впервые познакомился с марксизмом и стал горячим сторонником этого учения.

1920 год был насыщен событиями. Мао организо-

вал «Общество культурного чтения для распространения революционных идей», создал в Чанша коммунистические группы, женился на Ян Кайхай, дочери одного из своих учителей. В следующем году он стал главным делегатом от провинции Хунань на учредительном съезде Коммунистической партии Китая (КПК), проходившем в Шанхае в июле 1921 г. Вместе с остальными членами КПК Мао примкнул к националистической партии Гоминьдан в 1923 г. и даже был избран запасным членом Исполнительного комитета Гоминьдана в 1924 г.

Из-за болезни в конце того же года Мао пришлось вернуться в Хунань, но он не сидел там без дела. Он неуклонно двигался влево, создавая союзы рабочих и крестьян, что послужило поводом для его ареста. Осенью 1925 г. Мао вернулся в Кантон, где сотрудничал в радикальном еженедельнике.

Чуть позже он обратил на себя внимание Чан Кайши и стал руководителем отдела пропаганды Гоминьдана. Почти сразу же проявились политические разногласия с Чаном, и в мае 1925 г. Мао сместили с должности.

Он стал сотрудником курсов по подготовке руководителей крестьянского движения, представлявших крайне левое крыло КПК. Однако в апреле 1927 г. Чан Кайши порвал союз с КПК и повел наступление на членов КПК в ходе своего «Северного похода». Мао ушел в подполье и, независимо даже от членов КПК, организовал в августе революционную армию, которую 8–19 сентября возглавил во время восстания «Осеннего урожая». Восстание оказалось неудачным, и Мао был выдворен из руководства КПК. В ответ он собрал остатки верных ему сил и, объединившись с еще одним изгоем КПК Чжу Дэ, отступил в горы, где в 1928 г. создал армию под названием «Линия на массы».

Мао и Чжу вместе организовали собственную советскую республику в горах Цзинган на границе провин-

ции Хунань и Цзянси, которая к 1934 г. насчитывала пятнадцать миллионов человек населения. Этим они выразили открытое неповиновение не только Гоминьдану и Чан Кайши, но и находившемуся под влиянием советских руководителей Коминтерну, который предписывал всем будущим революционерам и коммунистам сосредоточиться на захвате городов. Действуя вопреки ортодоксальной марксистской доктрине, Мао и Чжу сделали ставку не на городской пролетариат, а на крестьянство.

С 1924 по 1934 годы, используя партизанскую тактику, они успешно отбили четыре попытки Гоминьдана уничтожить Советы. В 1930 г. гоминьдановцы казнили жену Мао — Ян Кайхай. После пятой атаки на Советы в Цзингане в 1934 г. Мао пришлось покинуть этот район с 86000 мужчин и женщин.

Этот массовый исход войск Мао из Цзингана вылился в знаменитый «Великий поход» примерно в 12000 км, завершившийся в провинции Шаньси. В октябре 1935 г. Мао со своими сторонниками, численностью всего лишь 4000 человек, создал новую штаб-квартиру партии.

В этот момент японское вторжение в Китай заставило КПК и Гоминьдан объединиться, в декабре 1936 г. Мао помирился с Чан Кайши. Мао предпринял операцию, известную как «Наступление ста полков», против японцев в период с 20 августа по 30 ноября 1940 г., но в других отношениях проявлял меньшую активность в операциях против японцев, а сосредоточил все внимание на укреплении позиций КПК в северном Китае и своего руководящего положения в партии. В марте 1940 г. он был избран Председателем Политбюро ЦК КПК.

Во время войны Мао не только организовывал крестьян, но и руководил программой чисток, которая обеспечила ему в апреле 1945 г. избрание постоянным Председателем Центрального Комитета партии. В это же время Мао написал и опубликовал серию очерков, в ко-

торых он сформулировал и развил основы китайского варианта коммунизма. Он выделил три важнейших компонента стиля работы партии: соединение теории и практики, тесная связь с народными массами и самокритика. КПК, в которой к началу военных действий насчитывалось 40000 членов, в 1945 г. когда она вышла из войны, имела в своих рядах 1 200 000 человек.

С окончанием войны закончилось также и хрупкое перемирие между КПК и Гоминьданом. Несмотря на попытки создать коалиционное правительство, разразилась ожесточенная гражданская война. В период с 1946 по 1949 г. войска Мао наносили армиям Чан Кайши одно поражение за другим, заставив их в конце концов бежать на Тайвань. В конце 1949 г. Мао и его сторонники-коммунисты провозгласили на материке Китайскую Народную Республику.

Соединенные Штаты, которые поддерживали Чан Кайши и националистический Китай, отклонили попытки Мао установить с ними дипломатические отношения, подтолкнув его тем самым к тесному сотрудничеству со сталинским Советским Союзом. В декабре 1949 г. Мао посетил СССР. Вместе с премьером Чжоу Эньлаем он вел переговоры со Сталиным и подписал перед возвращением в Китай в феврале 1950 г. китайско-советский Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи.

С 1949 по 1954 г. Мао беспощадно очищал партию от своих противников. Он выступил против помещиков, провозгласив программу насильственной коллективизации в деревне подобно сталинским пятилеткам 30-х годов. С ноября 1950 г. по июль 1953 г. КНР вмешивалась по приказу Мао в войну между Северной и Южной Кореей, что означало, что коммунистический Китай и Соединенные Штаты столкнулись на поле боя.

В этот период Мао приобретал все большее и большее значение в коммунистическом мире. После смерти Сталина в 1953 г. он оказался самым выдающимся из марксистских деятелей. Мао открыто высказывал недо-

вольство замедлением темпа революционных изменений в китайской деревне, указывая, что руководящие партийные чины часто ведут себя как представители прежних господствующих классов.

В 1957 г. Мао стал инициатором движения «Пусть расцветают сто цветов», лозунгом которого были слова: «Пусть цветут сотни цветов, пусть соперничают тысячи школ разных мировоззрений». Он поощрял творческих работников смело критиковать партию и ее методы политического руководства и управления. Было ли так заранее задумано, или просто испугавшись враждебного тона критики, Мао вскоре повернул быстро нараставшее движение «Ста цветов» против инакомыслящих и приступил к созиданию собственного культа личности, как это сделал в свое время Сталин. Одновременно Мао возобновил давление на крестьян, призывая к полному уничтожению частной собственности, к ликвидации товарного производства и созданию народных коммун. Он опубликовал программу «Большого скачка», целью которой было ускорение индустриализации в масштабах всей страны. На партийных съездах выдвигались лозунги типа: «Три года напряженного труда и десять тысяч лет благоденствия» или «За пятнадцать лет догнать и перегнать Англию по объему важнейшей промышленной продукции», которые не соответствовали реальному положению дел в Китае, не опирались на объективные экономические законы.

Одновременно с движением за совершение «большого скачка» в промышленном производстве в деревне развернулась кампания за повсеместное создание народных коммун, где обобществлялась личная собственность их членов, распространялась уравниловка и использование безвозмездного труда.

Уже к концу 1958 г. стали появляться признаки того, что политика «большого скачка» и «коммунизации деревни» заходит в тупик. Мао, тем не менее, упорно продолжал намеченный курс. Просчеты и ошибки «боль-

шого скачка» явились причиной тяжелого состояния народного хозяйства КНР. Возникли серьезные диспропорции в промышленности, усилилась инфляция, резко упал уровень жизни населения. Объем сельскохозяйственного и промышленного производства стал резко сокращаться. В стране не хватало зерна. Все это в сочетании с административным хаосом и плохими природными условиями вызвало всеобщий голод.

Политика «большого скачка» натолкнулась не только на народное сопротивление, но и на резкую критику со стороны видных деятелей КПК Пэн Дэхуая, Чжан Вэньгяня и др. Мао снял с себя обязанности главы государства и был заменен Лю Шаоци; в конце 1950 — начале 1960 гг. Мао позволил себе пожить в уединении и покое, но отнюдь не в бездеятельности; в середине 1960 гг. он вернулся к общественной деятельности и повел тщательно организованную атаку на Лю Шаоци. Основой борьбы стала предложенная Мао «великая пролетарская культурная революция».

В период примерно с 1966 по 1969 гг. Мао и его третья жена Цзянь Цин вовлекли всю страну в ожесточенную дискуссию по поводу ее политического будущего и, после того как Мао снова занял пост председателя партии и главы государства, ввергли Китай в состояние перманентной революции. Она была нацелена прежде всего на то, чтобы устранить из руководящих органов партии всех несогласных с его политикой, навязать партии и народу свою схему развития Китая в духе левацких концепций «казарменного коммунизма», ускоренного строительства социализма, отказа от методов экономического стимулирования. Эти идеи наглядно отражались в призывах: «В промышленности учиться у дачинских нефтяников, в сельском хозяйстве — у удачжайской производственной бригады», «Всей стране учиться у армии», «Усиливать подготовку на случай войны и стихийных бедствий». Одновременно с этим продолжалось развитие культа личнос-

ти Мао Цзедуна. Постоянно нарушая принципы коллективного руководства партией, Мао поставил себя к этому времени над ЦК КПК, Политбюро ЦК, партией, часто не обсуждая с последними принимаемых им от имени партии решений.

Первый этап «культурной революции» продолжался с 1966 по 1969 г. Это была наиболее активная и разрушительная фаза революции. Поводом для начала движения послужила публикация в ноябре 1965 г. статьи Яо Вэньюня «О новой редакции исторической драмы «Разжалование Хай Жуя». Пьеса была написана в 1960 г. видным китайским историком, заместителем мэра Пекина У Ханем. Он был обвинен в том, что, повествуя в своей драме об эпизоде из жизни средневекового Китая, якобы намекал на несправедливость гонений и разжалования маршала, бывшего министра обороны КНР Пэн Дэхуая, давшего в 1959 г. негативную оценку «большому скачку» и народным коммунам в КНР. Пьеса была названа в статье «антисоциалистической ядовитой травой». За этим последовали обвинения против руководителей Пекинского горкома КПК и отдела пропаганды ЦК КПК.

В мае 1966 г. на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК было заслушано сообщение, в котором излагались основные идеи Мао Цзедуна о «культурной революции», после чего был подвергнут резкой критике, а затем и снят со своих постов ряд высших руководителей партии, правительства и армии. Была также создана Группа по делам культурной революции (ГКР) во главе с бывшим секретарем Мао Чэнь Бода. Жена Мао Цзян Цинь и секретарь Шанхайского горкома партии Чжан Чуньцяо стали его заместителями, а секретарь ЦК КПК Кан Шэн, курировавший органы госбезопасности — советником группы. ГКР постепенно заменила собой Политбюро и Секретариат партии и превратилась стараниями Мао в «штаб культурной революции».

Для подавления оппозиционных сил в партии Мао

Цзедун и его сторонники использовали политически незрелую молодежь, из которой формировались штурмовые отряды хунвэйбинов — «красных охранников» (первые хунвэйбины появились в конце мая 1966 г. в средней школе при пекинском университете Цинхуа). В первом манифесте хунвэйбинов говорилось: «Мы являемся стражами, защищающими красную власть, ЦК партии. Председатель Мао — наша опора. Освобождение всего человечества является нашей обязанностью. Идеи Мао Цзедуна являются самыми высшими указаниями во всех наших действиях. Мы клянемся, что ради защиты ЦК, защиты великого вождя Председателя Мао мы, не задумываясь, отдадим последнюю каплю крови, решительно доведем до конца культурную революцию».

Занятия в школах и вузах по инициативе Мао были прекращены для того, чтобы учащимся ничего не препятствовало проводить «культурную революцию». Начались преследования интеллигенции, членов партии и комсомола. Профессоров, школьных учителей, деятелей науки и искусства, а затем и видных партийных и государственных работников выводили на «суд масс» в шутовских колпаках, избивали, глумились над ними якобы за их «ревизионистские действия», а в действительности — за самостоятельные суждения о положении в стране, за критические высказывания о внутренней и внешней политике КНР.

По далеко не полным данным, представленным пекинским отделением Министерства государственной безопасности, в августе-сентябре 1956 г. хунвэйбины только в Пекине убили 1722 человека, конфисковали имущество у 33695 семей, произвели обыски в домах более 85 тыс. человек, изгнанных затем из столицы. К 3 октября 1966 г. по всей стране из городов было изгнано уже 397 400 человек «нечисти».

Террор внутри страны дополнялся агрессивной внешней политикой. Мао решительно выступил против разоблачения культа личности Сталина, против

всей политики хрущевской оттепели. С конца 50-х гг. китайская пропаганда начала обвинять лидеров КПСС в великодержавном шовинизме, в попытках вмешиваться во внутренние дела Китая и контролировать его действия. Мао подчеркивал, что на международной арене Китай должен бороться против любых проявлений великодержавного шовинизма и гегемонизма.

Мао стал свертывать всякое сотрудничество с СССР, предусмотренное договором о дружбе 1950 года. Была развернута кампания против советских специалистов с целью сделать невозможным их дальнейшее пребывание в Китае. Власти КНР стали искусственно обострять обстановку на советско-китайской границе, открыто выдвигать территориальные притязания к СССР. В 1969 г. дело дошло до открытых вооруженных столкновений в районе острова Даманский и в Семипалатинской области.

В августе 1966 г. был созван пленум ЦК КПК, в котором не участвовали многие члены ЦК, павшие жертвами репрессий. 5 августа Мао лично написал и вывесил в зале заседаний свое дацзыбао «Огонь по штабам!». Он объявил участникам пленума о существовании «буржуазного штаба», обвинил многих партийных руководителей в центре и на местах в том, что они осуществляют «диктатуру буржуазии», и призвал открыть «огонь по штабам», предполагая полностью разгромить либо парализовать руководящие партийные органы в центре и на местах, народные комитеты, массовые организации трудящихся, а затем создать новые «революционные» органы власти.

После «реорганизации» партийного руководства на пленуме из пяти заместителей председателя ЦК партии остался один — министр обороны Линь Бяо, о котором говорилось как о «преемнике» Мао Цзедуна. В результате заигрываний Мао с хунвэйбинами до и во время пленума (имеется в виду его переписка с хунвэйбинами, встречи с ними), призывов открыть «огонь по штабам»,

бесчинства хунвэйбинов после пленума приобрели еще большие масштабы. Начался разгром органов власти, общественных организаций, парткомов. Хунвэйбины были поставлены, по существу, над партией и государственными органами.

Жизнь в стране была дезорганизована, экономике нанесен тяжелейший урон, подверглись репрессиям сотни тысяч членов КПК, усилились преследования интеллигенции. В годы «культурной революции» говорилось в обвинительном заключении по делу «четверки» (1981 г.), преследованиям, травле и уничтожению подверглось «большое число руководящих работников ЦК КПК, органов общественной безопасности разных ступеней, прокуратуры, суда, армии, органов пропаганды. Жертвами «четверки» и Линь Бяо, согласно документу, стало в общей сложности более 727 тыс. человек, из которых свыше 34 тыс. были «доведены до смерти». По официальным китайским данным, число пострадавших в ходе «культурной революции» составило около 100 млн. человек.

В декабре 1966 г. наряду с отрядами хунвэйбинов появились отряды цзаофаней (бунтарей), в которые вовлекались молодые, обычно неквалифицированные рабочие, служащие, учащиеся. Они должны были перенести «культурную революцию» на предприятия, в учреждения, преодолеть сопротивление рабочих хунвэйбинам. Но рабочие по призыву комитетов КПК, а часто и стихийно давали отпор бесчинствующим хунвэйбинам и цзаофаням, добивались улучшения материального положения, отправлялись в столицу для предъявления своих претензий, прекращали работу, объявляли забастовки, вступали в сражения с погромщиками. Против разгрома органов партии выступили многие высшие руководители страны. Чтобы сломить сопротивление противников «культурной революции», была развернута кампания по «захвату власти». В январе 1967 г. цзаофани Шанхая захватили партийную и ад-

министративную власть в городе. Вслед за этим волна «захвата власти» у «облеченных властью и идущих по капиталистическому пути» прокатилась по всему Китаю. В Пекине в середине января 1967 г. власть была захвачена в 300 ведомствах и учреждениях. Парткомам и органам власти предъявлялись обвинения в том, что они в течение 17 лет с основания КНР стремились «реставрировать капитализм».

«Захват власти» осуществлялся с помощью армии, подавлявшей сопротивление и осуществлявшей контроль над коммуникациями, тюрьмами, складами, хранением и рассылкой секретных документов, банками, центральными архивами. Для поддержки «бунтарей» были выделены специальные части, так как и в армии имело место недовольство бесчинствами хунвэйбинов и цзаофаней.

Быстро осуществить план «захвата власти» не удалось. Забастовки рабочих ширились, повсеместно происходили кровопролитные столкновения с цзаофанями, а также схватки между различными организациями хунвэйбинов и цзаофаней. Как пишут китайские историки: «Китай превратился в государство, где царил хаос и правил террор. Партийные и правительственные органы на всех уровнях были парализованы. Руководящие кадры и обладавшие знаниями и опытом интеллигенты подвергались гонениям».

С января 1967 г. началось создание новых антиконституционных органов местной власти — «ревкомов». На первых порах преобладание в них получили лидеры хунвэйбинов и цзаофаней, что вызвало недовольство партийных работников и военных. В центре и на местах обострилась политическая борьба, в ряде районов происходили столкновения между военными частями и организациями хунвэйбинов и цзаофаней. В конце лета 1971 г. страна фактически была взята под военный контроль.

Состоявшийся в октябре 1968 г. пленум ЦК КПК, на

котором присутствовало около трети состава ЦК, так как остальные были к этому времени репрессированы, санкционировал все акции «культурной революции», «навсегда» исключил из партии Лю Шаоци, снял его со всех постов, одобрил проект нового устава КПК. Началась усиленная подготовка к созыву IX съезда КПК.

IX съезд КПК (апрель 1969 г.), на который делегаты не избирались, а назначались, одобрил и узаконил все акции, предпринимавшиеся в стране в 1965–1969 г. В основном докладе, с которым на съезде выступил Линь Бяо, была выдвинута установка на продолжение чистки партийных организаций и государственных учреждений, начатой весной 1968 г. Вся история партии представлялась как борьба «линии Мао Цзедуна» против различных «уклонистов». IX съезд одобрил курс на «непрерывную революцию», на подготовку к войне.

Новый Устав партии, принятый съездом, в отличие от Устава, принятого в 1956 г., не определил задач партии в области экономического и культурного строительства, улучшения жизни народа, развития демократии. Теоретической основой деятельности КПК были провозглашены «идеи Мао Цзедуна». В программной части Устава содержалось положение о назначении Линь Бяо «преемником» Мао Цзедуна. Положение о преемнике, характерное для монархического абсолютизма, внесенное в Устав КПК, считалось «новаторским явлением» в области международного коммунистического движения. Это действительно было новаторством в том смысле, что со времени возникновения мирового коммунистического движения такого странного явления еще не было. Трудно сказать, сколь великое значение имело оно для мира, а вот Китай оно привело на грань катастрофы.

После IX съезда некоторые из тех руководителей, которым удалось сохранить свои позиции, требовали от Мао корректировки экстремистских установок в области экономики, учитывая насущные потребности

развития страны. По их инициативе с начала 70-х гг. стали осторожно вводиться элементы планирования, распределения по труду, материального стимулирования. Были также приняты меры по улучшению управления народным хозяйством, организации производства. Произошли некоторые изменения и в политике в области культуры, хотя жесткий контроль над культурной жизнью по-прежнему сохранялся.

В 1970–1971 гг. произошли события, отразившие новый кризис внутри китайского руководства. В марте 1970 г. Мао принял решение о пересмотре Конституции КНР, высказав предложение об упразднении поста Председателя КНР. Министр обороны Линь Бяо и руководитель группы по делам культурной революции Чэнь Бода не согласились с ним.

В результате развернувшейся борьбы за власть Чэнь Бода исчез с политической сцены, а в сентябре 1971 г. настал черед Линь Бяо и группы военных руководителей. По сообщению китайской стороны, Линь Бяо погиб в авиационной катастрофе, на территории МНР, пытаясь после неудавшегося «переворота» удрать за границу. Вслед за этим прошла новая чистка в армии, в ходе которой десятки тысяч офицеров подверглись репрессиям.

Однако страна не могла жить только насилием. С 1972 г. режим несколько смягчается. Активизируется процесс восстановления деятельности комсомола, профсоюзов, федерации женщин. X съезд КПК, проведенный в августе 1973 г. санкционировал все эти меры, а также одобрил реабилитацию части партийных и административных кадров, в том числе Дэн Сяопина.

В 1972 г. Мао удивил мир, став на путь установления дипломатических и экономических отношений с Соединенными Штатами, приняв в 1972 г. в Пекине президента Никсона.

Несмотря на достигнутый на X съезде компромисс между различными силами в КПК, обстановка в стра-

не продолжала оставаться нестабильной. В начале 1974 г. Мао одобрил план новой общенациональной политико-идеологической кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». Начало ей положили выступления в печати, направленные на развенчание конфуцианства и восхваление легизма — древнекитайского идейного течения, господствовавшего при императоре Цинь Шихуане — главе первой общекитайской деспотии (3 в. до н. э.). Специфической чертой кампании, как и некоторых предыдущих, явилось обращение к историческим аналогиям, к аргументам из области истории китайской политической мысли в целях решения актуальных идеологических и политических проблем.

В январе 1975 г. после 10-летнего перерыва Мао допустил созыв парламента. Была принята новая конституция КНР. Конституция представляла собой результат компромисса: с одной стороны, в нее были включены установки 1966–1969 гг. (в том числе и призывы готовиться к войне), с другой — она закрепляла право членов коммун на приусадебные участки, признавала производственную бригаду (а не коммуну) основной хозрасчетной единицей, предусматривала необходимость постепенного повышения материального и культурного уровня жизни народа, оплаты по труду.

Вскоре после принятия новой конституции выдвиженцы «культурной революции» предприняли новую попытку упрочить свои позиции. С этой целью по инициативе Мао на рубеже 1974–1975 гг. была развернута кампания под лозунгом борьбы «за изучение теории диктатуры пролетариата». Важной задачей этой кампании являлась борьба против тех представителей руководства КПК, которые отстаивали необходимость повышения внимания к развитию экономики, применению более рациональных методов управления народным хозяйством.

В ходе новой политической кампании распределение по труду, право на приусадебные участки, товарно-

денежные отношения объявлялись «буржуазным правом», которое необходимо «ограничивать», т.е. вводить уравниловку. Под прикрытием новой кампании на многих промышленных предприятиях и в коммунах ущемлялись экономические интересы рабочих. В ряде случаев отменялись меры материального поощрения, практиковалась работа в сверхурочные часы, ликвидировались приусадебные участки. Все это вызывало массовое недовольство народа, забастовки и волнения.

После тяжелой болезни в январе 1976 г. умер премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай. В апреле того же года во время церемонии, посвященной его памяти, произошли массовые выступления на главной площади Пекина — Тяньаньмэнь. Это был сильный удар по престижу Мао Цзедунa. Участники выступлений осудили деятельность его жены Цзян Цинь и других членов Группы по делам культурной революции и потребовали их отстранения.

Эти события вызвали новую волну репрессий. Дэн Сяопин был снят со всех постов, премьером Госсовета КНР стал министр общественной безопасности Хуа Гофэн. В Китае развернулась новая политическая кампания «борьбы с правоуклонистским поветрием пересмотра правильных выводов культурной революции», острие которой было направлено против Дэн Сяопина и его сторонников. Начался новый тур борьбы с «лицами, облеченными властью и идущими по капиталистическому пути».

Волна террора оборвалась 9 сентября 1976 г. Мао Цзедун умер. Его предполагаемые наследники немедленно подверглись репрессиям. Цзянь Цин и ее ближайшие соратники, прозванные «бандой четырех», были арестованы. Тщательно выбранного Мао преемника на пост председателя, Чжао Гофэна, изгнали из внутреннего партийного круга, как только правительство оказалось под контролем умеренных.

«Культурная революция» представляла собой при-

мечательную смесь противоречий. Как и у движения «Ста цветов», ее основными принципами являлись критика, сомнение в честности людей, находившихся у власти и доктрина «права на протест». И все же, несомненно, ее целью являлось создание и закрепление массового «культа личности» — верности идеям и лично Мао Цзедуну, вездесущий образ которого красовался во всех общественных местах и частных домах. «Маленькую красную книжечку» — собрание высказываний председателя Мао («Цитатник») — можно было видеть в руках буквально каждого мужчины, каждой женщины и каждого ребенка в Китае. Между тем, не прошло и нескольких лет после смерти Мао, как Китайская коммунистическая партия, воздавая должное Мао как зачинателю революции, осудила «культурную революцию» за крайности, в том числе и за поклонение личности Мао.

МАРКОС ЭДРАЛИН ФЕРДИНАНД (1917–1989)

Фердинанд Маркос — президент Филиппин с 1965 по 1986 годы. Злоупотреблял властью, использовал силовые методы для борьбы с политическими противниками, насаждал как свой, так и своей жены Имельды Маркос культ личности.

Фердинанд Маркос родился 1 сентября 1917 г. в местечке Саррат (провинция Северный Илокос) в илоканской семье. Его отец, дон Мариано Маркос, был учителем, адвокатом, «пулитико» в главном городе провинции — Лаоаге, затем губернатором провинции Давао (на острове Минданао), дважды избирался конгрессменом. Мать, донья Хосефа Эдралин, дочь богатого помещика, после окончания школы преподавала в младших классах. Воспитанием Фердинанда занимались мать и дедушка по матери — Фруктуосо Эдралин. Дед научил внука стрелять, охотиться, объезжать лошадей. Маркос с детства говорил на трех языках — родном (илоканском), испанском и английском, очень любил читать. В школе он изучал еще и латынь. Как и родители, Фердинанд стал искренним последователем римско-католической церкви. Он никогда не пил, не курил, вел здоровый образ жизни, уважал филиппинские обычаи. Вместе с тем был очень честолюбив, испытывал страстное желание всегда и во всем быть первым.

В 1939 г. Фердинанд Маркос окончил юридический колледж государственного университета Филиппин, получив диплом с отличием бакалавра права. В этом же году он сдал экзамены на адвокатское звание. Университет с 20-х годов был известен как рассадник левых взглядов. Маркос стал одним из студенческих лидеров. Он прекрасно выступал на митингах, водил демонст-

рации к президентскому дворцу Малаканьянгу. В университете Маркос удостоился почти всех высших наград: медали Кэсона, первого президента Филиппин, за красноречие, медали Лауреля за выдающееся мастерство в судебной практике, кубка Авансеньи за умелое ведение полемики и некоторых других студенческих отличий.

Кроме этого генерал Дуглас Макартур, в то время главнокомандующий Вооруженными силами Соединенных Штатов на Дальнем Востоке и одновременно военный министр Автономных Филиппин, вручил Маркосу золотую медаль за успехи в освоении военной науки.

На этом образование Маркоса в основном закончилось, если не считать кратковременной стажировки в одном из американских университетов после войны.

Маркос был неплохим спортсменом. Он входил в сборные команды университета по боксу, тяжелой атлетике, плаванию и возглавлял университетских стрелков. Однажды Маркос даже выиграл национальное первенство по стрельбе из мелкокалиберной винтовки. Победа принесла будущему президенту общенациональную известность и вызов в суд.

В 1935 г. был убит конгрессмен Хулио Налундалас — политический соперник отца Маркоса. На Филиппинах, особенно в Илокандии подобное сведение счетов между политическими кланами не редкость. Именно в это время Фердинанд приезжал домой — семья отмечала его 18-летие. В 1938 г. следствие заподозрило в убийстве Маркоса-младшего. Он был арестован, не успев доучиться в университете.

Судебный процесс 1938 г. стал на Филиппинах сенсацией. Маркос произвел на судью и публику хорошее впечатление, его речи похвалил «Журнал адвокатов»... но в судах низшей инстанции он потерпел поражение. Апеллировав к верховному суду, он добился разрешения самостоятельно вести свою защиту, хотя формаль-

но еще не стал юристом. Маркос успешно справился с делом и был оправдан. В мае 1939 г. фотография Фердинанда Маркоса появилась на обложке популярного еженедельника «Филиппинз фри пресс», с подписью: «Народный герой».

Война на Тихом океане застала Маркоса в звании лейтенанта армейской разведки. По официальной версии он участвовал в рейдах по тылам врага, был среди защитников полуострова Батаан и острова Коррехидор (остров иногда называют «филиппинским Сталинградом»), последней опоры американо-филиппинских войск на Филиппинских островах, где союзные войска вплоть до апреля 1942 г. отражали атаки превосходящих японских сил, не получая никакой поддержки извне. В числе 36 тысяч военнопленных, из которых по дороге, под палящим солнцем, погибло 25 тысяч, Маркос прошел знаменитым «маршем смерти» до концлагеря Кэмп О'Доннел. Бежав из плена, Маркос присоединился к партизанам северного Лусона и закончил войну в звании майора, получив 28 воинских наград, больше, чем кто-либо из его соотечественников. Правда, не нужно забывать, что это только официальная версия. После освобождения страны в 1944-1945 гг. он состоял в военно-юридической службе Вооруженных сил Соединенных Штатов на Дальнем Востоке (ЮСААФЕ), был членом партизанского совета Северного Лусона по проверке политической благонадежности (нечто вроде советского СМЕРША).

После провозглашения независимой Республики Филиппины в 1946–1948 гг., Маркос служил техническим помощником президента Мануэля А.Рохаса, впервые соприкоснувшись с тайнами большой политики. С тех пор он стал неудержимо стремиться к власти. В 27-летнем возрасте отставной майор Маркос возглавлял гражданскую администрацию Северного Лусона, руководил Илоканским районом, ставшим на долгие годы прочной базой его политической карьеры, удачное на-

чало которой многие связывают с его умением общаться с избирателями. В 1949 г. Маркоса впервые избрали в палату представителей конгресса Филиппин от Северного Илокоса, ему тогда отдали свои голоса 70% избирателей. На предвыборных митингах он обещал, что через 15 лет займет кресло президента. В свои 32 года он стал самым молодым среди филиппинских конгрессменов. В 1953 г. он вновь был избран в конгресс. В конгрессе Маркос стал председателем комитета по торговле и промышленности, членом Избирательного суда, а также комитетов по гражданской службе, экономическому планированию, ветеранов войны. Его деятельность в пресс-службе конгресса, комитетах и комиссиях была высоко оценена выдвижением в число «десяти выдающихся конгрессменов».

В 1959 г. Маркоса избрали в сенат. В 1954 г. он женился на честолюбивой красавице Имельде Ромуальдес, неоднократной победительнице конкурсов красоты. Женившись на Имельде, Маркос значительно расширил свою политическую базу. Отец Имельды был представителем влиятельной политической династии Ромуальдесов (правда, наименее из них удачливым), Имельда стала верной женой Маркосу и успешно помогала мужу на протяжении всей его карьеры.

В сенате Маркос выдвинулся в признанные лидеры северян, особенно илоканцев, третьей по численности национальной группы, составляющей 10% населения страны. Будучи членом конгресса, он имел возможность в непосредственной близости наблюдать за деятельностью трех президентов страны: Элпидио Кирино (1948–1953), Рамона Магсайсайя (1953–1957) и Карлоса Гарсия (1957–1961). В качестве вице-президента Либеральной партии он был одним из руководителей оппозиции Диосдадо Макапагалу, своему непосредственному предшественнику, избранному в 1961 г. Маркос последовательно прошел все ступени политической лестницы, преодолевая все препятствия на

своим пути. В 1963 г. он стал президентом сената. Следующим мог быть только пост президента республики.

Предвыборная кампания 1965 г. планировалась Маркосом как крупномасштабная военная операция. Он выступал с зажигательными речами. Не отставало от него и «секретное оружие» — Имельда Маркос

В ноябре 1965 г. Маркос победил на выборах, в мгновение ока изменив своей партии (он переметнулся в Национальную партию, выдвинувшую его своим кандидатом). Стремившийся во всем быть впереди Маркос и тут установил рекорд — рекорд политиканства. (В первые послевоенные годы он не смог бы позволить себе такого.) Как и все его предшественники, Маркос получил поддержку со стороны США. В октябре 1966 г. в Малакканынге на «конференции в верхах» с участием семи стран региона Линдон Джонсон заручился их поддержкой американской политики. Правда, если Южную Корею вынудили послать во Вьетнам 50 тыс. солдат, Таиланд — 11,5 тыс., Австралию — 7,5 тыс., то Маркосу удалось отделаться 2-тысячными инженерным батальоном. Маркосу в этой истории с трудом удалось сохранить лицо: до выборов он выступал с осуждением войны во Вьетнаме.

После принятия присяги, состоявшегося 30 декабря 1965 г., новый президент заявил в послании конгрессу, что он не собирается рассчитывать на чью-либо помощь извне. Маркос считал, что страна должна рассчитывать только на свои собственные экономические ресурсы, собирался проводить политику национальной консолидации внутри страны и независимую внешнюю политику.

Из широкомасштабных мероприятий Маркоса, принятых им в первый срок пребывания у власти, выделяется программа развития инфраструктуры, которая в отличие от прежней экономической политики в равной степени затронула все основные острова Филиппинского архипелага.

На выборах 1969 г. Маркосу противостоял Серхио Осменя-младший, сын первого вице-президента. Маркоса переизбрали подавляющим большинством голосов. Президент провозгласил намерение решить наиболее серьезные и трудные вопросы: ликвидировать бедность, социальное неравенство, преодолеть застой в сельскохозяйственном производстве. Он начал проведение активной личной дипломатии, отказавшись поддерживать политику «холодной войны» и поставив целью консолидацию региона Юго-Восточной Азии.

Большинство мероприятий маркосовского правительства встретилось, однако, с серьезным противодействием со стороны конгресса, контролировавшегося крупными землевладельцами. Реформам препятствовали также усиливавшиеся трения между различными политическими партиями страны, студенческие и крестьянские волнения, «коммунистическое» повстанческое движение в сельских районах и «партизанские действия» маоистов в городах. Маркос оказался между радикальными левыми и радикальными правыми. Обострились до предела его отношения с конгрессом и политическими партиями. Манилу захлестнула волна насилия и организованной преступности. В этих условиях президент 21 сентября 1972 г. ввел чрезвычайное положение на территории всей республики. Интересен тот факт, что первой газетой, закрытой после введения чрезвычайного положения, стала «Филиппинз фри пресс», когда-то объявившая его «народным героем». Большая политика не знает благодарности.

Уже в 1973 г. Маркосу удалось достичь благоприятного баланса во внешней торговле, увеличить на 60% налоговые поступления, разработать и осуществить начальный этап радикальной земельной реформы, создать широкую политическую и административную базу для дальнейших преобразований и преодоления общего экономического кризиса. Наиболее значительным мероприятием его правительства стало создание

Национального управления экономики и развития, на которое было возложено плановое руководство экономическими процессами. Его председателем стал сам президент.

За пять лет строительства «нового общества» госбюджет вырос в 4 раза, расходы на развитие инфраструктуры увеличились в 4,6 раза, ежегодно возрастали совокупный общественный продукт и занятость. Планировалось в основном завершить к 1984 г. электрификацию всех 1414 городов и 34000 деревень страны.

Маркос призывал к «демократической революции из центра», намереваясь перераспределить частную собственность и богатства. Филиппинский президент заявлял, что общество должно выбирать между демократизацией богатства и его уничтожением, утверждал, что обществу необходимы коренные, фундаментальные изменения. Неизбежную по его мнению революцию он предлагал провести мирными средствами, обеспечив «преобладание прав человека для всего народа над правами немногих».

Маркосу в целом удалось справиться с «частными армиями», лучше оснащенными огнестрельным оружием, чем армия регулярная, и «политическими военачальниками» — так называемыми «пулитико», торговавшими властью в филиппинском обществе, а также снизить организованную преступность, опираясь непосредственно на военных. Но подавить «коммунистический военный мятеж» и локализовать сепаратистские движения на островах Минданао и Сулу ему удалось лишь отчасти. Что же касается т.н. «Традиционной компартии Филиппин», то президент констатировал, что ее лидеры прекратили антиправительственную деятельность и сдались правительству. Более серьезной опасностью для правительства, нежели коммунистическое и повстанческое движение, он считал действующие легально правые группы.

Добиваясь «политической зрелости» народа, Маркос

ввел Конституцию 1973 года (третью с 1898 г.), практиковал ничего не доказывавшие референдумы, которые как и выборы, проводились под наблюдением военных. Провозглашая главной задачей достижение политического и экономического равенства, обеспечение прав человека, он бросил за решетку большинство оппозиционных деятелей: генерального секретаря Либеральной партии Б.Акино, видных журналистов, ученых, промышленников, нередко прибегая к экспроприации их собственности. Многие политические деятели страны вынуждены были эмигрировать. Одновременно с укреплением личной власти возрастало самомнение и бахвальство Маркоса, его уверенность в своей непогрешимости. Приведем цитату из его книги «Пять лет нового общества». «Для политического руководителя достижение счастья народа является его личным долгом. Исторический случай и обстоятельства возложили на меня великую миссию руководства нацией в наиболее критическое и — не побоюсь этого слова — опасное пятилетие ее истории. И решающим оказался тот факт, что наш народ оказался со мной и поддерживает меня не столько ради моего руководства, сколько ради своего собственного будущего».

В «борьбе за счастье народа» Маркос и его семейство не забывали и о себе. Их «личная экономика» состояла из множества процветающих предприятий промышленности и сферы обслуживания, оформленных на имя родственников и друзей. В настоящее время личный капитал Маркоса оценивается суммой от 5 до 20 млрд. долларов. Специальная президентская комиссия, созданная Корасон Акино, к августу 1987 г. возбудила против бывшего президента, его супруги, 300 лиц из их окружения 35 дел о возмещении нанесенного финансового ущерба на общую сумму 90 млрд. долларов.

Падкие на сенсации газеты подхватили красивую легенду о так называемом «золоте Маркоса»: дескать, су-

ществует около 1000 т золота, о местонахождении которого было известно только ему самому, это якобы «сокровища азиатских стран, награбленные японскими вооруженными силами во время второй мировой войны и погребенные японским главнокомандующим Томоюки Ямаситой».

С 1977 г. президент с каждым годом все более откровенно злоупотреблял властью. Фердинанд-младший возглавил одну из провинций в Илокосе в 20-летнем возрасте, обучаясь при этом в университете США.

Старшая дочь — Имельда Маркос-младшая — руководила официальным «Советом молодежи», вторая, Ирен, подвизалась на поприще искусств, и уже в 20-летнем возрасте (в 1980 г.) дирижировала Манильским симфоническим оркестром. Брат Имельды, Бенджамин Ромуальдес, был послом Республики Филиппины в КНР, а затем в США. Следует оговориться, что в принципе «семейственность», «клановость» филиппинцы не считают предосудительной. Однако Маркос, по-видимому, перешел допустимые границы. Своего друга детства из Саррата, Фабиана Вэра, он последовательно назначал на различные посты: от личного президентского шофера до начальника Генерального штаба филиппинской армии. Вооруженные силы при Маркосе, кстати, возросли в два раза, было значительно увеличено денежное довольствие солдат и офицеров.

В провинциальном центре Северного Илокоса Маркос, нимало не смущаясь, открыл новый Университет им. дона Мариано, своего отца, на базе средней школы. На острове Палаван был основан город Маркос, одно из местечек на острове Ромблон получило название Имельда. Именами Маркоса и его супруги назывались улицы, площади, колледжи, дворцы, конкурсы и фестивали искусств.

Маркосов восхваляли как искренние почитатели, так и специально нанятые с этими целями журналисты, писатели, художники (в том числе и советские, удосто-

ившиеся президентских милостей), музыканты, скульпторы, архитекторы (тем более что Имельда баловалась почти всеми видами искусств). Огромный портрет Ф. Маркоса был выбит в скале в горах Северного Лусона. В честь Маркоса слагались поэмы и оды. Один довольно известный филиппинский англоязычный поэт — Гильермо С. де Вега, длительное время служивший помощником президента, а затем выдвинутый им на пост председателя Совета киноцензоров страны, профессор Филиппинского университета, в 1974 г. опубликовал свою эпическую поэму «Фердинанд Маркос Эдралин». Хор придворных критиков поспешил объявить ее выдающимся произведением, написанным в манере древних бардов.

Для личных нужд Ф. Маркоса существовала специальная поликлиника, оснащенная по самым высшим стандартам. И это в стране, где один врач приходится в среднем на 8 тыс. жителей. На И. Маркос работало специальное ателье, чтобы обеспечить безумную прихоть первой леди быть каждый день в новом платье. Ни один глава государства не доставлял принимающей стороне столько хлопот, сколько Имельда Маркос во время своих официальных визитов. Ее приезду предшествовал целый десант из слуг, камеристок, парикмахеров, поваров, массажистов, врачей и т.д. При ней следовал груз из 200–300 чемоданов, повергавший ответственных дипломатов (в Москве, Нью-Йорке, Лондоне) в панику. Она очень любила подарки. И надо сказать, во многих странах ее прихотям потакали. Так, 2 июля 1979 г., в день 50-летия Имельды Маркос, был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о ее награждении как почетного председателя общества дружбы «Филиппины — СССР» орденом «Дружбы Народов» «за активную деятельность по развитию дружественных отношений между народами Филиппин и Советского Союза». Посол СССР в Республике Филиппины В. Михайлов торжественно вручил этот орден честолюбивой президент-

ше. По этому поводу был устроен грандиозный прием, а Филиппинский центр средств массовой информации выпустил специальную красочную брошюру с фотографиями и текстом речи награжденной, в которой она благодарила «великий народ России» и лично Леонида Брежнева за «дружественный жест».

Правящая чета в результате полного развращения ничем не ограниченной властью постепенно утрачивала чувство реальности. Не исключено, что Ф. Маркос вполне искренне полагал, что, облачившись в национальное одеяние — рубаху баронг тагалол (правда, не такую как обычно носят на Филиппинах, а из пиньи — дорогой ткани из волокон ананаса) и предоставив видимость власти барангьям — народным советам на местах — он слился с народом и облагодетельствовал соотечественников.

Маркос увлекался теоретизированием. Программа «нового общества», провозглашенная официальной филиппинской идеологией, была разработана в его многочисленных статьях, книгах и выступлениях. После тоталитарного переворота 1972 г. все его описания торжественно посвящались филиппинскому народу, а самого его все чаще стали именовать «отцом народа» (Имельду — соответственно «матерью») и «вождем нации».

В своих трудах Маркос обосновывал проводимые им преобразования как продолжение националистической программы первого президента Филиппин Мануэля Кэсона (уже у Кэсона в предвоенные годы наблюдались авторитарные замашки и попытка ввести однопартийную систему) в новых условиях. Эта программа в определенной степени сопоставима с программами гоминьдановского Китая, кемалистской Турции и т.п., что подтверждает известное правило — история никогда никого ничему не учит.

Утверждая свой «казенный национализм», Маркос ставил вопрос ребром: «Либо перемены, либо смерть».

В его многократно переиздававшейся книге «Заметки о новом обществе Филиппин» им намечались пути ускоренного социально-экономического развития страны за счет повышения производительности труда, использования результатов НТР, опоры на собственные силы, проведения радикальной аграрной реформы и социального переустройства посредством капиталистической модернизации под контролем государства. Здесь же провозглашалась «деревенская демократия» барангаев, использование традиции совместного труда при основании разных сельскохозяйственных кооперативов и новая дипломатия — единственное, что, пожалуй, удалось президенту.

Маркос назначил себя почетным председателем Национальной исторической комиссии (НИК). Во время первого визита в США Маркос через посредничество посла Ромуальдеса настойчиво добивался почетных степеней Гарвардского и Йельского университетов, но их попечители устояли. Президенту пришлось довольствоваться лишь отличием Мичиганского университета.

Фердинанд Маркос обращался к истории, как к «золотому веку справедливости, которого никогда не было в его родной стране, чтобы, как и многие другие националисты, опереться на авторитет далеких предков для обоснования политики, к которой они не имели никакого отношения. Им было предпринято грандиозное издание — многотомная «История филиппинского народа», так и не доведенная до конца.

Губернатор, министр и покровительница искусств Имельда Маркос не отставала от супруга. В конце 70-х годов был роскошно издан двухтомник ее речей по вопросам культуры и искусства, здравоохранения, права, интернационализма — «Идеи Имельды Ромуальдес Маркос». Общий объем двух томов составил 700 страниц.

Кризис власти, зревший с начала 1980-х годов, разразился в августе 1983 г. после убийства Бенигно Аки-

но, давнего соперника Маркоса, которого филиппинцы считали единственно способным возглавить и объединить оппозицию маркосовскому режиму. Тень подозрения в подстрекательстве к убийству пала на Маркоса, хотя его вина или хотя бы причастность к убийству не доказана до сих пор. Как бы то ни было, убийство Б.Акино привело к ускоренной консолидации всех антимаркосовских сил, к осуждению его католической церковью (что немаловажно для Филиппин), к значительному ослаблению позиций президента.

Досрочные президентские выборы в феврале 1986 г. проходили под лозунгами поддержки Корасон Акино, вдовы мученика и матери пятерых детей. Был сотворен новый миф о неиспорченной властью, неискушенной в политических делах: домашней хозяйке, взявшейся разоблачить бессовестного диктатора, погрязшего во всяческих грехах. Подтасовки результатов выборов были отмечены с обеих сторон. Сперва победителем объявили Маркоса, а затем К.Акино, — после того, как она призвала к массовому протесту и получила мощную поддержку католической церкви и армии. В результате «февральской революции» (филиппинцы сами употребляют тут кавычки) к власти пришел новый президент, влияние получили новые кланы. На К.Акино сделали ставку США, которые, тем не менее, помогли Маркосу выехать на Гавайи.

В 1989 г., находясь при смерти, Маркос выразил желание умереть в своем родном городе Саррате. Проблема возвращения Маркоса была столь жгучей, что ее даже обсуждал Совет национальной безопасности. 28 сентября 1989 г. Фердинанд Маркос умер. К.Акино запретила возвращение Маркоса на родину «живым или мертвым» по соображениям «национальной безопасности». 15 октября 1989 г. Фердинанд Маркос был похоронен на Гавайях.

МАЧАДО-И-МОРАЛЕС ХЕРАРДО (1871–1939)

Кубинский диктатор, которого ненавидела вся страна, Херардо Мачадо начинал свою политическую карьеру как один из героев войны за независимость. Он родился на животноводческом ранчо в Санта-Кларе 28 сентября 1871 г. После получения частного образования занялся табачным бизнесом.

В 1895 г. началась очередная война с Испанией. Мачадо оставил дела и вступил в повстанческую армию. К концу войны 1898 г. он поднялся до звания бригадного генерала и приобрел репутацию национального героя.

Мачадо вернулся к табачному бизнесу и вскоре был избран мэром Санта-Клары. В 1909 г. президент Хосе Мигель Гомес назначил его инспектором вооруженных сил, а позже — министром внутренних дел. Государственная служба не способствовала значительному увеличению состояния, и генерал вновь обратился к землевладению и бизнесу. На этом поприще Мачадо добился больших успехов и завязал прочные связи с американскими бизнесменами, которых он уговаривал вкладывать капитал в общественные работы на Кубе. Мачадо стал вице-президентом «Кубана де электрисидад» — филиала американской «Электрик бонд энд шер компани».

В 1920 г. Мачадо установил контроль над Либеральной партией. В 1924 г. он победил на очередных президентских выборах, на которых его соперником выступал консерватор Менокаль. Предвыборную кампанию Мачадо частично спонсировали американские бизнесмены.

На выборах будущий президент выступил с широко разрекламированной программой «возрождения» Кубы, во многом имитировавшей программные декларации

итальянских фашистов. Броские лозунги типа «больше дорог и школ», ласкающие слух обывателя, непопулярность соперников и солидная материальная поддержка помогли Мачадо стать во главе страны.

Опытный бизнесмен, Мачадо тем не менее умудрился за годы своего правления довести Кубу до полного разорения. Во время предвыборной кампании он изображал из себя противника «поправки Платта», позволявшей американцам вмешиваться во внутренние дела страны. Однако на деле американский капитал никогда не чувствовал себя так свободно на Кубе, как во времена Мачадо. Индустриализация страны осуществлялась в основном за счет иностранных компаний. «Электрик бонд энд шер компани» скупила все небольшие электроэнергетические предприятия на острове. Контролирувавшиеся группой Моргана компании захватили практически все производство электроэнергии, газа, водопровод и телефонную сеть. Такие крупные монополии США, как «Бетлехем стил корпорейшн», «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» и другие приобрели в форме концессий более 100 тыс. га земель с запасами железной, марганцевой, хромовой и медной руд.

Общая площадь земли, приобретенной Американскими сахарными компаниями к 1928 г. на Кубе, составила свыше 3 млн. га. Капитал США был вложен в цементную, пищевую, табачную промышленность, в отели, увеселительные заведения, в торговлю.

К концу 20-х годов американские капиталовложения составляли на острове сумму в 1,5 млрд. долларов. По их уровню на душу населения Куба занимала первое место в мире.

Добываемая американскими компаниями руда, произведенный сахар и другие продукты — все это вывозилось с Кубы в США. Вложенные капиталы отнюдь не содействовали экономическому развитию острова. Наоборот, попав в полную экономическую зависимость от США, Куба превратилась к концу 20-х гг. в страну,

явившую собой яркий пример однобокого развития. В результате экономика страны оказалась в полной зависимости от культивации одной культуры — сахарного тростника. А поскольку производство сахара было рассчитано на внешний рынок, то благосостояние страны стало еще в большей степени, чем раньше, зависеть от внешней торговли, и прежде всего от вывоза сахара-сырца, составляющего больше четырех пятых всего кубинского экспорта.

Однобокая специализация сельского хозяйства страны вела к вытеснению важнейших продовольственных культур, к поглощению возделыванием сахарного тростника большей части капиталов, земли, рабочих рук. Таким образом, специализация поставила Кубу в зависимость от уровня цен на мировых рынках, от способности американского рынка поглотить кубинские поставки сахара, навязала необходимость импортировать продовольствие.

Используя экономическую зависимость острова, правительство США все больше привязывало Кубу к своему внешнеполитическому курсу.

Господство капитала США приводило к ощутимым сдвигам в социально-экономических отношениях. Прежде всего, оно содействовало росту крупных земельных владений. Латифундии, составлявшие немногим более одного процента хозяйств, располагались на почти трех пятых всей территории острова. Но большая часть этой земли пустовала, сохраняясь в резерве.

Увеличение числа рабочих мест, вызванное притоком иностранного капитала, привело к росту численности населения, в основном за счет притока иммигрантов для работы на сахарных плантациях: испанцев, негров с Ямайки и Гаити.

Тяжелым испытанием для Кубы явился мировой экономический кризис 1929–1933 гг. В результате резкого сокращения рыночного спроса на сахар-сырец и катастрофического падения цен на него, были закрыты де-

сятки сахарных заводов, главным образом принадлежавшие кубинцам, обанкротились многие торговые фирмы. США навязали Кубе также так называемый «план Чедборна», предусматривавший сокращение производства сахара с 5 до 2 миллионов тонн.

В результате в 5–6 раз сократилась заработная плата, ухудшились условия труда, в стране с четырехмиллионным населением образовалась полумиллионная армия безработных. Голод царил как в городе, так и в деревне.

Сотни тысяч мелких крестьян, арендаторов, издольщиков, работавших на различных плантациях, мелких животноводов, задавленных низкими ценами на сельскохозяйственные продукты, одолеваемых высокими налогами и дороговизной, едва сводили концы с концами, жили в условиях крайней нищеты.

И все это имело место в стране с исключительно благоприятными погодными условиями для сельского хозяйства, в стране, которая уже в 1925 г. произвела столько мешков сахара, что если бы их уложить в одну линию, то они опоясали бы весь земной шар по экватору.

Не лучшим было и положение городских рабочих. Рабочий день на Кубе не регулировался никаким законодательством. На сахарных заводах (централях) он составлял 12 часов. Женщины за равный с мужчинами труд получали вдвое меньше последних. Заработок выдавался обычно не деньгами, а бонами, принимавшимися лишь в лавке на территории данного завода. Неполноценное питание приводило к высокой заболеваемости и смертности среди рабочих. Почти половина населения острова была неграмотна.

Конкуренция со стороны американской промышленности, наводнившей Кубу своими товарами, вела к разорению многих ремесленников и других мелких товаропроизводителей, пополнявших ряды безработных.

Отдавая себе отчет в той взрывоопасной ситуации, которая складывалась в стране в результате подобной

политики, правительство взяло курс на жесткую диктатуру, осуществлявшуюся под лозунгом «борьбы с коммунизмом», не случайно за Мачадо закрепилось прозвище «президент тысячи убийств». За сходство методов «работы» с итальянским диктатором его также называли «тропическим дуче».

В первую очередь Мачадо постарался внести раскол в рабочее движение. Запретив Национальную конфедерацию рабочих Кубы и многие отраслевые профсоюзы, правительство создало реформистскую Кубинскую федерацию труда (1926). Стачки были объявлены вне закона. Полиция жестоко подавила забастовку железнодорожников в провинции Камагуэй (в том же году), 26 ее участников были расстреляны.

Репрессии обрушились и на студенческие организации. Была распущена Федерация университетских студентов и введена жестокая цензура в стенах университета. В годы только первого президентства Мачадо погибли сотни рабочих и студенческих лидеров, оппозиционных журналистов, издателей, юристов, профессоров университета и даже несколько членов конгресса, осмелившихся высказать недовольство политикой президента.

Мачадо устранял неугодных из конгресса и вводил в него преданных ему людей. Так же он поступал и в отношении всего административного аппарата. Президент реорганизовал и заметно увеличил армию, хотя это отнюдь не диктовалось соображениями национальной обороны. Солдатам было повышено жалование, а офицерам предоставлены привилегии. Военнослужащие, оставаясь безнаказанными, жестоко подавляли недовольство народа. Значительно выросли штаты полиции.

Во время своей поездки в США президент говорил, что при нем ни одна забастовка на Кубе не продлится более 24 часов. Однако тирания Мачадо не могла сдер-

жать развития эволюционного движения, несмотря на материальную и моральную поддержку Вашингтона.

«Чейз нешнл банк» «тайно», хотя и с ведома государственного департамента и посла США на Кубе, предоставлял Мачадо личные займы, а за размещение 50-миллионного займа на Кубе передал взятку в 500 тыс. долларов. Эти факты были позже установлены в результате расследований, проведенных в палатах конгресса США. К 1933 г. на личных счетах Мачадо в иностранных банках имелось около 5 млн. долларов. Его собственность на Кубе оценивалась в 9 млн. долларов.

США активно поддержали Мачадо на очередных президентских выборах. Готовя почву для своего переизбрания, президент издал закон, практически запрещающий реорганизацию старых и создание новых политических партий. Путем распределения синекур и запугивания Мачадо поставил во главе имевшихся буржуазных партий — консервативной, народной и либеральной — послушных ему людей. Затем, согласно поправкам, внесенным в конституцию Кубы, была упразднена должность вице-президента, а срок пребывания президента у власти продлился с четырех до шести лет. Продлевались также сроки пребывания на постах других должностных лиц.

Весной 1927 г. Мачадо совершил поездку по Соединенным Штатам. Во время одного из приемов министр торговли Томас Ламонт выразил надежду на то, что кубинцы найдут возможность сохранить такого «хорошего правителя», как Мачадо, на «неограниченный срок». А на переговорах Мачадо с президентом Кулиджем последний фактически также одобрил планы генерала по продлению его полномочий.

В мае 1928 г. специально сформированное Учредительное собрание, сплошь состоявшее из людей, угодных президенту, перечислив заслуги «спасителя республики», просило его «в порядке исключения» дать согласие на переизбрание.

Мачадо дал такое согласие. На выборах 1928 г. он был единственным кандидатом от всех трех буржуазных партий.

Вашингтон поддержал Мачадо не только для того, чтобы обеспечить выплату прибылей американским компаниям, вложившим свои деньги в предприятия на Кубе, но и с тем, чтобы укрепить свои позиции на открывавшейся в том же году в Гаване 6-й панамериканской конференции, где ожидалась резкая постановка вопросов, делегатами большинства стран Латинской Америки в связи с интервенцией США в Никарагуа и вообще всей их латиноамериканской политикой.

Еще во время посещения Вашингтона в 1927 г. кубинский президент получил четкие инструкции по поводу оказания помощи американской стороне в проведенной гаванской конференции. В исполнение договоренностей Мачадо направил своего представителя в поездку по странам Латинской Америки, взывая через него к чувству солидарности последних, запретил кубинской прессе касаться «болезненных» для государственного департамента США вопросов, в Гаване были проведены «профилактические» аресты рабочих и студенческих активистов, солдаты заняли Гаванский университет.

Несмотря на все старания кубинского диктатора, представители 13 стран потребовали от США прекратить любое вмешательство в дела латиноамериканских республик; американцам с большим трудом удалось расколоть единство делегаций и перенести вопрос о запрещении любой интервенции на рассмотрение следующей панамериканской конференции. Вопреки псевдопатриотическим обещаниям Мачадо и его сторонников накануне гаванского форума, на нем никто даже и не вспомнил о «поправке Платта». Напротив, один из кубинских делегатов произнес восторженную речь о политике США по отношению к Кубе.

Второе президентство Мачадо характеризовалось

дальнейшим усилением репрессий. В 1929 г. диктатура встала на путь массовых политических убийств. 10 января 1929 г. наемные убийцы застрелили лидера кубинских коммунистов Хулио Антонио Мелья, находившегося в Мехико в эмиграции.

Наибольшее беспокойство доставляли диктатору все же не коммунисты, а организованная оппозиция режиму в среде правящего класса. Группа деятелей либеральной партии во главе с К. Мендиэтой сформировала новую партию — Националистический союз. Объявленная вне закона организация начала действовать в подполье. В знак несогласия с политикой Мачадо вышли в отставку два члена его кабинета. С протестом против режима выступил даже такой реакционер, как экс-президент Кубы генерал Менокаль.

Пока буржуазные оппозиционеры интриговали, рассчитывая на устранение Мачадо путем интервенции США на основе «поправки Платта», рабочие перешли к активным действиям.

1930 г. был ознаменован на Кубе многочисленными демонстрациями протеста и стачками. По призыву Национальной конференции рабочих Кубы 20 марта прошла всеобщая стачка, во время которой наряду с экономическими выдвигались требования политического характера, в том числе об отставке Мачадо. Забастовки охватили более 200 тыс. человек в Гаване и других городах страны.

Напуганные размахом борьбы, власти приняли меры. По участникам первомайской демонстрации 1930 г. войска открыли огонь. Они обстреляли демонстрацию студентов и преподавателей и в сентябре 1930 г. С ноября 1930 г. по май 1931 г. стачечное движение повторилось. Бастовали рыбаки, металлисты, рабочие трамвайных компаний. В августе 1931 г. состоялась рабочая стачка.

Росло недовольство и среди крестьянства. Крестьяне поджигали плантации сахарного тростника, проводили так называемые «голодные походы» в города.

В 1931 г. кубинское студенчество разделилось на две группировки. Радикально настроенные студенты — левое крыло — выступали за объединение усилий с рабочим движением. «Студенческий директорат» представлял правое крыло движения. Основным методом борьбы с диктатурой «Директорат» считал индивидуальный террор.

Режим Мачадо расползлся по швам. Наиболее дальновидные люди в правящих кругах Вашингтона и Гаваны понимали, что попытки подавить растущий протест народных масс с помощью террора в и без того тяжелых условиях экономического кризиса, нищеты и безработицы чреваты дальнейшим осложнением внутриполитической обстановки на Кубе. Так, еще в октябре 1930 г. американский сенатор У. Кинг предостерегал в специальном меморандуме президента Г. Гувера, что «неизбежным результатом правления Мачадо будет революция».

Сформировавшаяся в конце 20-х годов буржуазно-помещичья оппозиция состояла из отколовшихся от своей партии консерваторов во главе с бывшим президентом Менокалем, либералов во главе с бывшим мэром Гаваны М. Гомесом и членов Националистического союза, возглавляемого Мендиэтой. Все эти группировки добивались замены правительства Мачадо менее одиозным.

Пытаясь как-то умерить накал страстей, посол США в Гаване Г. Гугенхейм взял на себя миссию посредника. Он прилагал все возможные усилия для достижения договоренности между Мачадо и представителями оппозиции. Но они не увенчались успехом: несмотря на переговоры Мачадо с оппозицией, длившиеся около года, диктатор отказался уйти в отставку.

После того как в апреле 1931 г. переговоры были прерваны, оппозиционные группировки организовали вооруженные выступления в Гаване и Пинар-дель-Рио, поддержанные высадившейся экспедицией кубинских эмигрантов на севере провинции Орьенте. Но прави-

тельству удалось быстро подавить эти выступления, с помощью армии, оставшейся верной Мачадо.

Антиправительственное движение стало приобретать массовый характер. В 1931 г. была создана тайная организация «Эй-Би-Си». Главным методом борьбы она избрала индивидуальный террор (была даже осуществлена попытка покушения на жизнь президента). Чтобы завоевать как можно больше сторонников, члены «Эй-Би-Си» опубликовали в декабре 1932 г. программу, которая обещала введение прогрессивного поземельного налога, «разукрупнение» латифундий и т.п. Наряду с антифашистскими в программе содержались и антикоммунистические выпады.

Для борьбы с революционным движением Мачадо создал специальную охранку. Ее сотрудники разгоняли демонстрации, расправлялись с политическими и профсоюзными лидерами, студенческими руководителями и прогрессивными журналистами.

Весной 1933 г. на Кубе разразился общенациональный кризис. Всеобщая забастовка 4 августа носила четко выраженный политический характер. Подавить ее не удавалось ни с помощью солдат, ни введением осадного положения.

Не на шутку встревоженный посол США С. Уэллес потребовал от Мачадо прошения об отставке. Диктатор лавировал. Был лишь пущен слух о его уходе. Но солдаты встретили ликующие толпы народа огнем из винтовок. Имелись убитые и раненые.

Однако в том же месяце, когда некоторые армейские части отказали в поддержке президенту, а среди военной верхушки явно созрел заговор, Мачадо с семейством бежал в Нассау (Багамские острова). Он умер в Майами-Бич, Флорида, 29 мая 1939 г.

МЕХИЯ ВИКТОР ОСКАР УМБЕРТО (Р. 1930)

Виктор Мехия — военный диктатор Гватемалы, ярый антикоммунист. Захватил власть, опираясь на поддержку Соединенных Штатов, и ушел с политической сцены под давлением американского конгресса.

Мехия вступил в армию в возрасте 18 лет. В 1955 г. попал в знаменитую «Школу обеих Америк», расположенную в зоне Панамского канала. В этом военно-учебном заведении американские инструкторы готовили «горилл» для спецподразделений латиноамериканских стран. Способности курсанта были замечены, и с ним стали проводить дополнительные занятия, сопровождавшиеся идеологической обработкой в строго определенном духе. Будущему генералу привили веру в американские идеалы и воспитали в нем безграничную преданность Соединенным Штатам Америки. Мехия продолжил обучение в Высшей военной школе (Мехико), где также выгодно отличался от коллег своими успехами.

В июне 1980 г. Виктор Мехия получил звание бригадного генерала. К этому времени он одинаково серьезно занимался и проблемами обороны страны и политическими интригами. Место командующего военной зоной имени генерала Хусто Рафино Барриос в столице Гватемалы Мехия сменил на должность генерального инспектора армии, а затем он стал заместителем министра обороны.

В марте 1982 г. генерал Эфраин Хосе Риос Монтт возглавил группу молодых армейских офицеров, среди которых был и Мехия, и совершил государственный переворот, свергнув президента Гватемалы Анибала Гевару.

Мехия возглавил министерство обороны нового режима. Он сумел добиться полного контроля над армией, которая была безоговорочно верна ему. Риос Монтт оказался слишком мягкотелым для латиноамериканс-

кого правителя. Он медленными темпами продвигался к экономической стабильности и чурался чрезмерной жестокости в борьбе с партизанскими отрядами левых политических группировок.

Сориентировавшись в ситуации, Мехия организовал свой собственный переворот 8 августа 1983 г. Признав в Мехии своего союзника в антикоммунистической борьбе, администрация Рейгана направила в Гватемалу несколько миллионов долларов в качестве экономической и военной помощи. Благодаря поддержке Соединенных Штатов Мехия успешно завершил переворот и сумел несколько лет продержаться у власти.

Мехия беспощадно расправлялся с левыми партизанскими формированиями на территории своей страны и всеми доступными ему средствами противодействовал коммунистическим тенденциям в соседней Никарагуа. Бюллетень Центральноамериканского института социальных исследований за 1983 г. приводит факты ужасающих преступлений гватемальского диктатора против собственного народа. Режим Мехия подверг геноциду индейцев, составляющих большинство населения страны. Уничтожались целые народы.

Генерал Мехия, знакомый с военным опытом США, применил у себя в Гватемале тактику «выжженной земли» использовавшуюся американскими «коммандос» во Вьетнаме. Солдаты жгли деревни, всех жителей убивали, а посевы сжигали. Такие зверства в районах, охваченных партизанским движением, преследовали цель запугать восставших, лишить их всех источников снабжения. Репрессии военного режима вынудили более 200 тысяч человек бежать в соседнюю Мексику.

Правительство Гватемалы разработало программу развития страны, предусматривавшую создание «образцовых деревень», подобных «стратегическим деревням» во Вьетнаме. Организация «образцовых деревень» позволяла властям ограничивать передвижение населения, осуществлять строгий контроль за производством

и распределением продуктов питания. Подавляющее большинство новых деревень было сосредоточено в горных районах, на границе партизанских зон.

Более 900 000 крестьян входили в так называемые «гражданские патрули», нечто вроде местной милиции, призванные обеспечить «общественный порядок». Членство в патрульных командах было «добровольно-принудительным». Вооруженные винтовками, мачете и палками, они круглосуточно обходили деревни, останавливали и обыскивали автобусы. Если возникало подозрение, что в каком-то районе появились партизаны, то по приказу местных властей патрули прочесывали местность, хватали всех подозрительных и убивали их на месте.

Массовые нарушения прав человека в Гватемале вызвали протесты американской общественности. Конгресс сократил помощь диктаторскому режиму на 63 миллиона долларов. Мехия столкнулся со значительными финансовыми трудностями. За последний год его правления внешний долг Гватемалы увеличился на 2,3 миллиарда долларов. Выплата процентов по внешнему долгу съела 37% экспортных поступлений. Безработица достигла шестидесяти процентов.

К экономическим бедам добавились и политические. Успешно стали действовать партизанские отряды под руководством оппозиционного движения Национально-революционное единство Гватемалы. Прозрачные намеки официального Вашингтона сводились к тому, что пора бы уже и честь знать. Американская администрация, опасаясь потерять контроль над положением в Гватемале, настаивала на переходе к гражданскому правлению.

3 ноября 1985 г. режим Мехии объявил о проведении всеобщих выборов. Несмотря на запугивания избирателей, Мехия провалился на втором их туре, состоявшемся в декабре 1985 г. Диктатор покинул свой пост, страну возглавил президент Марко Виниччио Чезезо Аревало — первый гражданский президент Гватемалы за два предшествующих десятилетия.

МОБУТУ СЕСЕ СЕКО (Р. 1930)

Сесе Секо Мобуту, президент Республики Заир — одна из самых колоритных и противоречивых фигур среди лидеров постколониальной Тропической Африки. Ему удалось не только продержаться у власти чуть более тридцати лет (своеобразный рекорд на беспокойном африканском континенте, но и сохранить единство огромного (2345 тысяч квадратных километров) государства, населенного сотнями конфликтующих между собой народностей, и состоящего, в сущности, из по меньшей мере восьми обширных стран, называемых теперь областями.

Жозеф-Дезире Мобуту (нынешнее имя он принял во время кампании смены католических имен на «подлинные заирские») родился 14 октября 1930 года в Лисала (Экваториальная провинция) в бедной семье повара Альберика Бемана. Его мать Мари-Мадлен служила горничной в гостинице. Решительный характер мальчик унаследовал от матери, которая, прежде чем соединиться с его отцом, смело покинула гарем местного влиятельного вождя, у которого она была примерно 60-й супругой, а также от дяди, известного в тамошней округе воина-колдуна Мобуту Сесе Куку, в честь которого и назвали новорожденного. Это как бы предрешило будущее африканское имя будущего маршала, которое означает «решительный и сильный воин». Рассказывают, что юный Жозеф проявил неустранимость на охоте на леопарда. И может быть, именно в память об этом Мобуту никогда не расставался с леопардовой шапочкой, которая вместе с массивной резной тростью являлась внешним атрибутом его власти.

К этому можно добавить, что он был удивительно самовлюбленным человеком. Вокруг покойной мате-

ри Мобуту был создан культ, который можно сравнить с поклонением Деве Марии, а его самого называли «мессией». В юности Мобуту учился в католической школе в Кокильтотвиле, где редактировал классную газету «Перспектив лаборьез». За нарушения дисциплины его выгнали из этой школы, а потом и еще из одной — тоже миссионерской. Это, возможно, предопределило его дальнейшие антиклерикальные настроения, которые затем в силу обстоятельств сменились стремлением помириться с католической церковью.

В 19 лет Жозеф был призван в колониальную армию «Форс пюблик», где получил профессию секретаря-стенографиста и бухгалтера, что открывало путь к штабной работе. Юноша быстро дослужился до чина главного сержанта благодаря хорошему знанию французского языка и умению заводить влиятельных друзей. В 25 лет он покидает армию и становится журналистом в леопольдвильских антиклерикальных органах «Аверин» и «Актуалите африкан». В апреле 1959 года его направили в качестве стажера в «Информконго» в Брюссель. Там он начал посещать курсы «Мезон де ля пресс». Свой первый «непредсказуемый» политический шаг он сделал в 1958 г., вступив в Национальное конголезское движение, которым руководил Патрис Лумумба. Мобуту всегда отличала склонность к политическими «импровизациями», которые позже часто оказывались на поверку заранее продуманными и подготовленными акциями.

Патрис Лумумба попросил Мобуту представлять свою партию в Брюсселе. Вскоре всплыла еще одна «неожиданность». Как утверждает бельгийский автор Ж. Шоме, новоиспеченный патриот был связан со службой безопасности «Сюртэ бельж» и собирал для нее информацию о конголезских студентах и стажерах. Большое сердце Патриса могло только прощать. «Мобуту, — сказал он, — нуждается в деньгах, и я понимаю, почему

он согласился, как и многие, играть в осведомителя. Теперь он у меня. А с прошлым покончено».

В Мобуту уже тогда проявлялся тонкий тактик, преследовавший одному ему ведомые амбициозные цели. Мобуту начал вынашивать идею о выходе из лумумбовской партии, чтобы организовать собственную политическую группировку. И такие замыслы не помешали ему сначала стать секретарем при кабинете П. Лумумбы, а позже уже в чине полковника, возглавить штаб заирской армии.

Поскольку поступки молодого Мобуту часто обуславливались особенностями его характера, стоит познакомить читателя с его портретом, обрисованным биографом Ф. Монеимом: «Самоучка, большой любитель классической музыки, прилежный читатель газет и еженедельников, заядлый спортсмен и болельщик (футбол, конный спорт, парашютизм и т.д.), поклонник генерала де Голля, обожатель доброй еды и острого словца, любитель подтрунивать над друзьями, Жозеф-Дезире Мобуту является обаятельным персонажем. Его серьезность никогда не исключала в характере некую бесшабашность. Его мышлению свойственна спонтанность». Отличала Мобуту также несдержанность, которая всегда накладывала печать на его отношения с людьми и странами.

Роль Мобуту в устранении Лумумбы неясна. Одни авторы утверждают, что он косвенно причастен к этому преступлению, другие, как, впрочем сам Мобуту, отрицают это.

Так или иначе, после убийства Лумумбы катангскими сепаратистами в январе 1961 года в Конго началась «великая смута». Головоломные, во многом все еще загадочные хитросплетения конголезской политики того периода, вероятно, до сих пор памятливы людям среднего и старшего поколения — но в виде каких-то отдельных, несвязанных эпизодов: один из сподвижников и заместитель Лумумбы, Антуан Гизенга, про-

возглашает себя его преемником, однако вскоре бесследно и довольно таинственно исчезает с политической сцены; пост премьер-министра поочередно занимают бесцветные личности, войска Объединенных Наций долго медлят с наступлением на мятежную провинцию Катанга, ответственность за это — по крайней мере в советской печати — возлагают на генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда, который вдруг погибает в авиационной катастрофе, направляясь в Северную Родезию для переговоров с сепаратистами; лидер Катанга — злодей Чомбе, вроде бы вконец поверженный, летом 1964 года оказывается главой центрального правительства; разворачиваются повстанческие движения под левыми и даже ультралевыми лозунгами.

Подробное описание всех этих процессов заняло бы слишком много места. Поэтому скажем только, что 25 ноября 1965 года генерал — уже генерал! — Мобуту, воспользовавшись соперничеством между президентом Касавубу и премьером Чомбе, поднял армию, сверг обоих и возглавил государство. «Я сделал то немногое, что мог», — заявил победитель.

Став главой государства, Мобуту с успехом использовал идеи Лумумбы о единстве и целостности страны, а 30 июня 1966 года объявил Патриса национальным героем. Важно отметить, что президент утверждал, что он не устанавливал в ноябре 1965 года военного режима, а, несмотря на роспуск политических партий, сохранил «демократические институты». «У нас все развивается мирно, — сказал он как-то. — Мы даже не разогнали парламент. Как работал, так себе и работает».

Говоря о своих заслугах, президент заявил в интервью журналу «Шпигель»: «Моей стране в 1960 году навязали конституцию по бельгийскому образцу. В результате сразу же образовалось 44 партии и 5 профсоюзов. Число провинций увеличилось с 6 до 22, каждый из родов со-

здал бы свою собственную. Выйдя в 1965 году на политическую арену, я покончил со старыми порядками и сформировал единую партию НДР, в результате чего 35 миллионов заирцев живут в мире и благополучии».

Еще один отрывок из интервью как образчик президентского красноречия: «Народ Заира знает, чем он мне обязан. Президент Мобуту отдал этой стране все свои силы, всю свою молодость и все свое здоровье. У меня щемит сердце, у меня выступают слезы на глазах, когда я думаю о том, чем мне обязана эта страна. Как вы можете говорить, что я ее эксплуатирую? Заир благодарен мне за то, что даже невозможно оценить: мир, покой, порядок. Кто превратил Заир в государство, в нацию?» Уместно отметить, что подобные утверждения подкреплялись лозунгами IV съезда НДР 1988 года: «Сесе Секо Мобуту — гарант национального единства, территориальной целостности, стабильности в Заире».

В начале 60-х годов складывалось впечатление, что Мобуту стремится установить военную диктатуру. Время показало, что Мобуту действительно стремится к диктатуре, но только не военной. Не доверяя армии, он устранил ее от политических рычагов и использовал только как средство для достижения собственной цели, — создания авторитарного президентского режима, как противовеса на случай возникновения сильной оппозиции в гражданских органах управления.

Понимая, что в условиях Заира влиятельные офицеры легко могут совершить направленный против него верхушечный переворот, Мобуту выработал своеобразную тактику — почаще избавляться от авторитетных, образованных командиров. Особенно пристально он следил за офицерами, возвращавшимися после обучения на Западе. Так, две трети офицеров, вернувшихся в свое время из Бельгии, были арестованы из опасения, что среди них находится облюбованный бывшей метрополией кандидат на его место.

«Чистки» с арестами и казнями за подлинное или

мнимое участие в заговорах были также по представителям «неблагонадежных», с точки зрения Мобуту, областей. Военские части, прежде всего воздушно-десантные, а также бронетанковые и специальная президентская бригада, отвечающая за личную безопасность главы государства, формировались по этническому признаку: каждая из них в этом отношении была внутренне однородна и чужда другим. Большинство членов высшего командования были выходцами из того же племени, что и сам Мобуту. Обращаясь за содействием в обучении и оснащении армии к различным странам, он дополнил этнические барьеры перегородками из специфического влияния Бельгии, Франции или Израиля. В итоге военнослужащие из разных частей практически не могли объединиться, чтобы свергнуть Мобуту.

Если личный состав специальной президентской бригады и армейские чины были в общем удовлетворены своим положением, то у простых солдат не было никаких причин радоваться. Их мизерное жалование часто задерживалось, и тогда они взымали «контрибуцию» с населения. Интенданты по сходной цене сбывали запасные части вертолетов кустарям, которые штамповали из переплавленного металла кастрюли.

Следя за армией, президент параллельно пытался поставить себе на службу другую влиятельную в стране силу — католическую церковь, среди епископата которой в 60-е годы были сильны антимобутовские настроения. В начале политической карьеры Мобуту прослыл антиклерикалом, но накануне первого из возглавлявшихся им переворотов вдруг заявил, что его вдохновляет Бог. Мобуту понял, что и церковь может быть картой в игре, где ставка — власть, что «Леопольдвиль стоит мессы». Католическая печать не замедлила подбодрить его, призвала, «со всей энергией до конца бороться против лумумбизма». Однако после переворота 25 ноября 1965 года Мобуту не захотел

поделиться с церковью ни малейшей толикой плодов своего успеха.

Напротив, в соответствии с доктриной «подлинного заирского национализма», или «мобутизма», он подчинил церковные школы государству, запретил праздновать Рождество и носить христианские имена, более того, начал насаждать некую гражданскую религию, в которой место церкви отводилось партии Народное движение революции (НДР). Придавая «мобутизму» черты мессианства, президент говаривал, что пока он жив, «не будет проблем между Богом, Мобуту и заирцами». Под лозунгом «Сначала Мобуту, а каноническое право — потом» он ополчился на архиепископа киншасского Малулу, который был изгнан из своего дворца за критику некоторых аспектов «мобутизма». В конце 1974 года портреты Мобуту появились в общественных местах взамен распятия и портретов папы римского.

С 1976 года, когда позиции Мобуту были подорваны провалом попытки в фактическом союзе с войсками ЮАР захватить нефтеносный ангольский анклав Кабинда, а также обострившимся экономическим кризисом, церковь перешла в контрнаступление. Президент предпочел конфронтации «худой мир». Монсиньора Малулу возвратили в его резиденцию и вернули ему отобранный ранее орден Леопарда, церковные школы вновь поступили в распоряжение священников. В дальнейшем Мобуту стал относиться к этому примирению еще серьезнее: как-никак половина заирцев вопреки всему считает себя католиками. Он даже причастился вместе с женой у папы Иоанна Павла II во время мессы, которую тот отслужил в Киншасе в мае 1980 года перед более чем миллионом человек.

Много лет подряд вечерняя программа теленовостей в Киншасе открывалась кадрами, показывающими, как президент, словно дух святой, спускается с небес на землю. Позже, в контексте нормализации отношений с церковью, от этого приема отказались. Сравняться с

Богом Мобуту не удалось, но претензии на второе после Всевышнего место, пусть в масштабах только Заира, не казались ему чрезмерными. О себе он говорил «мы», называл себя «отцом нации», всегда готовым «простить своих заблудших детей».

Доктрина «подлинности», лежавшая в основе «мобутизма», активно ссылалась на «монизм», под которым Мобуту и его приближенные подразумевали не единство всего сущего, а единоначалие вождя, у которого, согласно поверьям народов банту, больше «жизненной силы», чем у других членов общества; поэтому его волю надо выполнять без обсуждений. Советуясь с мудрецами, вождь принимает решения, заведомо благодетельные для народа и, значит, «подлинно демократичные» и «подлинно заирские». По-видимому, Мобуту счел такие логические построения все же недостаточными для того, чтобы сделать свой авторитет в массах непрекаемым, и включил в доктрину «подлинности» идеи Лумумбы, объявив его национальным героем. Члены «Комитета Заира», объединявшего западноевропейских либералов и заирских оппозиционеров, не замедлили разглядеть в этом стремление Мобуту привлечь на свою сторону и те силы, которые оставались верными памяти Лумумбы, выступавшего, в частности, против дробления страны на племенные «республики». Одной из мер укрепления единства страны стало переименование ее в «Заир», вместо старого Конго, которое Мобуту произвел в 1970 году.

«Мобутизм», провозглашенный официальной идеологией партии НДР, призывал «вернуться к изначальным ценностям африканской личности и африканского общества», найти особый путь развития, отвергая как социализм, так и капитализм. Будучи весьма прагматической разновидностью африканского национализма, мобутизм отличался крайней эклектичностью, непоследовательностью теоретических положений и обоснований, открывал перед правящей элитой широ-

кие возможности объявлять подлинно заирским все, что требовалось в данный момент. Эта доктрина была пронизана культом личности Мобуту.

Индивидуальные свободы систематически ограничивались не столько принуждением, сколько назойливой пропагандой, втискиванием всех и вся в рамки НДР и культом личности «вождя». Партия, членом которой каждый гражданин становился в момент рождения, по логике своего основания была слита с государством и вне его не могла существовать. НДР обладала признаками организации до уровня областей и подобластей, а ниже растворялась в аморфной массе населения.

Центральный комитет Народного движения революции занимал особое место в системе управления. Он не являлся простой палатой для регистрации решений. Благодаря искусному подбору членов с учетом районов, этнических групп, идейных течений, поколений в нем объединялись сильные личности, которые, не колеблясь, высказывали свое мнение до того, как глава государства говорил свое последнее слово.

На вершине пирамиды власти, помимо Мобуту и его семьи, располагалось около 80 человек. Причем, по свидетельствам очевидцев, 20 из них в любой избранный момент были министрами, 20 — эмигрантами, 20 — послами и 20 находились в тюрьмах. Каждые три месяца президент заставлял всех их поменяться местами, ибо его кредо гласило: «Смена — это жизнеспособность». Мало кто из министров не отслужил свой срок в «пустыне»: в тюрьме, в отдаленной заброшенной деревне или же в каком-либо представительстве за границей на значительном удалении от Заира.

В Заире был создан мощный механизм запугивания, и это объясняет, почему в высших органах государственной власти так и не появилась оппозиция Мобуту. Угроза режиму существовала только извне. Никто в Заире не мог быть уверен, что останется на занимаемом посту. Никто не впадал в немилость до такой степени,

чтобы не иметь возможности вернуться на высокий пост. Такая система гарантировала, что высшие официальные деятели будут служить президенту, а не стране, и оппозиция останется раздробленной. Система Мобуту наряду с суровыми репрессиями допускала и диалог с подчиненными или потенциальными оппозиционерами. Всякий раз, когда президент находился за границей, он обрабатывал «непримиримых» с помощью долларовых банкнот. Многие из эмигрантов возвращались на родину, получив доходные посты и даже министерские портфели.

Чиновничеству мобутовская система была в целом выгодна: чем ближе становишься к президенту, тем больше появляется возможностей для вымогательства, которое можно считать частью служебных функций (характерное для Африки явление трибализма). Этому способствовала снисходительность Мобуту, который как-то на торжественном митинге отечески пожурил корыстолюбцев: «Бокибака моке» (то есть: «Знайτε же меру»). Расточительная «щедрость» президента помогало ему увеличивать число сторонников своей власти. Впрочем, Мобуту с его возможностями было необременительно быть щедрым. Западная пресса утверждала, что с этим «сказочно богатым человеком, имеющим состояние в пять миллиардов долларов, не может сравниться никто из руководителей 45 стран Черной Африки». Журнал «Африк-Ази» писал, что на счетах Мобуту лежит в швейцарских банках сумма, достаточная для уплаты «всего внешнего долга Заира». Мобуту открещивался от этих оценок его состояния в размерах от 5 до 8 миллиардов долларов. «У меня нет, — заявлял он, — такого огромного состояния. Если бы у меня были такие деньги, я бы использовал их в интересах моей родины».

Имея 11 дворцов и несколько «экстравагантных» особняков в Западной Европе, президент часто предпочитал встречать гостей на родине своего отца в город-

ке Гбадолите, куда он обычно возвращался на личном роскошном авиалайнере «Боинг-727». Для нужд членов его семьи также выделялись государственные лайнеры.

Вот как описывал дворец в Гбадолите итальянский журнал «Панорама»: «Он огромен и напоминает по стилю некоторые неоклассические виллы на бульваре Сансет в Голливуде. Комнаты отделаны с необычайной роскошью: поразительно белые стены, позолоченные зеркала, каррарский мрамор, арабские ковры... Рядом с главным зданием находятся виллы родственников и друзей Мобуту, резиденции его 15 детей, помещения для верной президентской гвардии: 4500 человек, обученных израильскими инструкторами». Американские источники добавляли пикантные детали: правительственные самолеты доставляли на его «колоссальную ферму в Гбадолите» растения из ЮАР и овец из Венесуэлы (за два рейса было перевезено 5 тысяч овец).

Когда в ходе интервью западногерманскому журналу «Шпигель» президента спросили, во что обошелся Заиру «этот мини-Версаль на африканском ландшафте», тот обидчиво ответил: «Мне больно, что вы говорите таким образом о главе государства, который отдал тридцать лет своей жизни этой стране. Посмотрите на Кот-д'Ивуар: то, что я здесь построил, не потянет даже на треть того, что возвел там себе президент Феликс Уфуэ-Буаньи».

Когда умерла мать президента, были устроены чрезвычайно пышные похороны. Ее именем — «Мама Иемо» была названа больница в Киншасе. Не менее, чем мать, почиталась в Заире и первая супруга Мобуту, на которой он женился в 1955 году и католическое имя которой было Мари-Антуанетт. После того, как Мобуту получил президентскую яхту, более прекрасную и роскошную, чем яхта королевы Англии, он распорядился построить плавающий госпиталь и назвать его именем жены. Примечательно, что во время кампании «заиризации», то есть передачи бывшей собственности

бельгийских предпринимателей, торговцев, фермеров и других в руки узкой прослойки заирской элиты в 1973–1974 годах, супруга Мобуту стала к 1975 году владелицей тридцати крупных торговых дел, а также ряда плантационных хозяйств.

В этой связи любопытно привести выдержки из одного юридического акта: «гражданин Сесе Секу Куку Нгенду Ва За Занга согласно акту от 1 июля 1974 года... основал вместе с гражданкой Мобуту Сесе Секо, урожденной Гбителева Гогбе Ие Тене (африканское имя) — его супругой, частное общество с ограниченной ответственностью под названием «Культюр э Эльваж дю Заир»... с капиталом 750 000 заиров, куда генерал Мобуту внес вклад — имущество, предоставленное ему во исполнение решений от 30 ноября 1973 года и принадлежащее нижеследующим предприятиям...». Далее идет перечисление 14 бывших бельгийских предприятий.

«Заиризованная» собственность передавалась прежде всего ближайшим родственникам Мобуту и его приближенным землякам. Так, дядя президента Лито Моботи Нзонбойо, его сын Жан-Жозеф Лито, а также еще один двоюродный брат Мобуту — Молека — стали хозяевами большого количества новых компаний, а также недвижимого имущества, в том числе различных зданий. К наиболее обогатившимся надо причислить и другого дядю Мобуту — генерала Бобозо, которого он одно время даже поставил во главе вооруженных сил. Характерная деталь: когда Лито Моботи, погрев основательно руки, развалил из-за своей некомпетентности, которой грешили, впрочем, и все нувориши от «заиризации», отданные ему хозяйства, они были переданы в государственную собственность. Однако Лито Моботи получил при этом солидную компенсацию, то есть дважды обогатился на одном и том же: сначала за счет бельгийцев, потом — государства.

Небезынтересно также, что с приходом к власти Мобуту издал антирибалистские законы, направленные,

в частности, против регионализма, протекционизма и т.п., но на практике, особенно в первое пятилетие своего президентства, он назначал на более или менее важные посты своих земляков из Экваториальной провинции. В известной степени эта линия проводилась и в дальнейшем. Так, в 1985 году обязанности государственного секретаря по иностранным делам выполнял сын президента Мобуту Нива. Доходило до того, что кандидаты на замещение постов областных чиновников рассматривались лишь тогда, когда у Лито и Бобозо не было под рукой никаких родственников, чтобы занять эти вакантные места.

Одаривание друзей сопровождалось использованием нескольких соперничающих организаций для контроля за всеми.

Секретная служба СНИ и военная разведка ЛОСРМА (тысячи агентов, обученных израильской секретной службой «Моссад») соткали Мобуту во всей Черной Африке информационную сеть. Реальная его власть зиждилась на бесчисленных силах безопасности. Каждая из них имела собственную сеть тюрем, а также специалистов по ведению допросов и, что особенно важно, непосредственный доступ к президенту. Причем доклады от агентов разных спецслужб поступали к нему каждые шесть часов. Личную охрану президента осуществляла специальная президентская бригада (гвардия). Другие организации подобного рода считали себя подчиненными по отношению к СПБ, которая проявляла особую верность Мобуту, так как состояла в основном из выходцев родного племени президента — нгбанди.

Во главе СПБ стоял племянник Мобуту — генерал Зимби. Благодаря своим этническим связям с президентом и хорошим офицерским окладам СПБ избежала коррупции, характерного атрибута других служб безопасности, которые слабо финансировались в силу определенной политики Мобуту — по меньшей мере 90 процентов сотрудников различных служб безопаснос-

ти имели доходы из других источников, в основном, за счет взяточничества и вымогательства. СНИ (Национальное управление по документации), в частности, взяло на себя неофициальную роль посредника в улаживании конфликтов частного характера, а также во взыскании долгов. Должников эта служба держала за решеткой до тех пор, пока задолженность по налогам не ликвидировалась.

Система всеобъемлющего сыска и слежки всегда позволяла жестоко преследовать оппозиционеров: аресты, исчезновения, пытки, казни. Однако протесты мировой общественности, обострение отношений с западными партнерами в связи с нарушениями прав человека в Заире вынудили Мобуту с середины 80-х годов пойти на смягчение репрессивных мер, хотя аресты и казни не прекращались до последних дней его правления.

Выше уже говорилось о том, что милость у Мобуту часто сменялась карой, а затем новым благоволением. Характерна в этом отношении судьба бывшего премьер-министра Нгузы Карла-и-Бонд. В 1977 году он был обвинен в государственной измене и приговорен к смертной казни. В застенках Нгузу даже пытали электротоком, а президент «угрожал лично его застрелить». Но через год Нгуза был освобожден, затем он бежал в Бельгию, где активно разоблачал Мобуту, который о дальнейшем рассказал сам: «Когда Нгуза поносил меня в Брюсселе, я узнал о тяжелом положении, в котором находилась его мать в Киншасе. Я тут же предоставил ей хорошую виллу и позаботился о том, чтобы она получила хорошую еду. Когда Нгуза об этом узнал, его глаза наполнились слезами и он прислал мне покаянное письмо, в котором просил меня разрешить ему вернуться». Вот так был укрощен один из самых способных и строптивых заирских политических деятелей. Впоследствии Нгуза, к удивлению североамериканского госдепартамента, был назначен послом в США, где незадолго до этого он яростно обличал Мобуту во всех смертных грехах.

С помощью неожиданных и разнообразных приемов была укрощена и серьезная фронда 13 парламентариев, вышедших из НДР и образовавших Союз за демократию и социальный прогресс (СДСП). Поддавшись подкупу, жестоким репрессиям и запугиванию, СДСП вернулся в 1987 году в НДР, а трое лидеров Союза стали членами ЦК правящей партии. Попытка создать параллельную пирамиду власти с опорой на молодых интеллектуалов и некоторые другие группировки окончилась, таким образом, полным провалом.

Портрет Мобуту был бы неполным без описания его внешнеполитической деятельности. Его прозападная ориентация с конца 70-х годов способствовала появлению трещин в отношениях Киншасы с африканскими странами и Организацией африканского единства (ОАЕ). Из-за восстановления дипломатических и экономических отношений с Тель-Авивом Мобуту перессорился с большинством африканских государств. В пылу полемики он назвал афро-арабскую солидарность «ловушкой для дураков». Непопулярной также оказалась его попытка, предпринятая не без согласования с израильтянами, выступить с инициативой создания некой «лиги государств Черной Африки», что практически привело бы к расколу ОАЕ. Но эта в сущности антиарабская инициатива была холодно принята большинством стран Черной Африки, резонно усмотревших в ней угрозу единству континента в защите общеафриканских интересов. Приостановив в 1984 году временное членство Заира в ОАЕ в знак солидарности с Марокко и в знак протеста против принятия в ее члены САДР, он нанес новый ущерб своей политической репутации на континенте. Однако во «франкоязычной» Западной Африке престиж Мобуту в целом всегда был достаточно высок, его охотно приглашали в качестве почетного гостя на франко-африканские встречи в верхах, неизменно предоставляли ему слово.

Можно сказать, что в африканском багаже Мобуту

неудачи сменялись взлетами. Так, Мобуту не был бы Мобуту, если бы он не почувствовал, что пришел его «африканский звездный час», когда круто изменил свою позицию в отношении гражданской войны в Анголе, в которой Заир на протяжении 14 лет поддерживал УНИТА и другие оппозиционные группировки. Так, в частности, в распоряжение американских ВВС была предоставлена база в Камине (область Шаба), откуда унитовцам самолетами перебрасывалось оружие и снаряжение.

Отказавшись от притязаний на ангольский нефтеносный «анклав» Кабинда, ради обладания которым Мобуту дважды в 1975–1976 годах посылал в Анголу интервенционистский корпус, который вместе с унитовцами и юаровскими войсками вел боевые действия против правительственной армии (и оба раза потерпел фиаско), президент Заира создал для себя возможность выступить в роли посредника между конфликтующими сторонами.

Ангола в тот период превратилась в мировой полигон. Две сверхдержавы — СССР и США — вели на ее территории тайную войну. США снабжали унитовцев, а Советский Союз поставлял вооружение правительству Анголы. Квалифицированные военные инструкторы с обеих сторон обучали войска и иногда руководили военными действиями.

Мобуту не щадил усилий, чтобы погасить этот кровавый конфликт, в котором, по его словам, «нет ни победителей, ни побежденных». При этом он стремился не допустить, чтобы «пострадал чей-либо престиж». Маршалу приходилось то уговаривать лидера УНИТА Ж.Савимби принять правительственные условия, то просить другую сторону в чем-то пойти навстречу унитовскому руководству. Однако его собеседники упрямылись. В январе 1990 года из-за неуступчивости противоборствующих сторон Мобуту прибегнул к тактике «пустого кресла», которая была позаимствована им у

генерала де Голля. Всего за 36 часов до начала совещания в верхах восьми африканских государств Мобуту объявил о своем отказе в нем участвовать. «Лидер Киншасы, — сообщило агентство Рейтер, — дал понять, что он слишком занят, чтобы присутствовать на совещании в обстановке, когда проявляются все новые разногласия между ним и правительством Анголы».

Хотя некоторые новые предложения Мобуту о прекращении огня были отвергнуты ангольским президентом Ж.Э. душ Сантушем, указавшим к тому же на необходимость четче определить границы посреднической деятельности заирского президента, Луанда стала высоко оценивать труднейшую миссию Мобуту, в первую очередь после того, как Киншаса официально отказалась от поддержки унитовцев.

В 1989 году Мобуту заявил: «Ангола и Заир открыли новую эру в своих отношениях». В конце августа граница между двумя странами была открыта на всем своем протяжении (2600 километров). Население обоих государств могло свободно перемещаться в обе стороны. С ноября 1989 г. по февраль 1990 г. из Заира в Анголу вернулись 5 тысяч беженцев. За то же время из НРА было репатриировано 3 тысячи заирцев. Впрочем, в дальнейшем анголо-заирские отношения вновь обострились.

Говоря об отношениях Заира с западными странами, следует подчеркнуть обостренное чувство достоинства у Мобуту, а также его способность неожиданным приемом валить на ковер своих покровителей.

Традиционная африканская прямолинейность в отстаивании своих интересов на международной арене хорошо иллюстрируется отношениями Заира с ее метрополией. После освобождения от колониальной зависимости Заир постепенно перестал быть для Бельгии главным из африканских коммерческих партнеров. Бельгия даже не является теперь самым крупным из кредиторов Заира. Ее обогнали США, Франция, ФРГ и Ита-

лия. Вместе с ослаблением привилегированных отношений все резче становился тон Мобуту, выговаривавшего бельгийской стороне за то, что в Бельгии допускается деятельность заирской оппозиции.

В марте 1988 года Мобуту так рассказывал о своей самой ожесточенной ссоре с Брюсселем: «Когда премьер-министр Бельгии Вильфред выдвинул три месяца назад предложение отказаться от одной пятой заирского долга, бельгийская пресса, парламент и правительство отозвались взрывом негодования. «Снижение долгов для Заира? — кричали они. — Это все потечет в карман Мобуту!» Именно такой афронт Мобуту и не мог простить Брюсселю. Он не мешкая сократил экономические связи с Бельгией и с негодованием отверг предложение о списании части долга. «Мы должны им 5 миллиардов бельгийских франков, из них они собирались простить нам примерно 1 миллиард. Представьте себе, Федеративная Республика Германия прощает нам в 13 раз больший долг, чем прежняя колониальная держава, которая на протяжении 75 лет выкачивала из Заира деньги и тем самым обогащалась. В 1967 году я национализировал горнорудную компанию «Юнион Миньер», а в 1973 году всю экономику. Это воспринималось так, будто я вырвал у бельгийцев изо рта кусок бифштекса. А поскольку я вырвал у них этот бифштекс, я человек, которого нужно свалить».

Но так как существует традиционная заинтересованность обеих стран в продолжении тесного экономического сотрудничества, а антибельгийский выпад Мобуту имел целью не столько разрыв с Брюсселем, сколько выколачивание из него прощения на большую сумму долгов и на большую отсрочку их выплат, то «семейный разлад» мало-помалу начал смягчаться. Два года потребовалось на то, чтобы в Брюсселе вздохнули с облегчением, ведь Заир, как высказался один бельгийский депутат, «единственное в мире государство, где Бельгию считают великой державой». В соответствии с до-

кументом, подписанным в июле 1989 года Мобуту и Мартенсом, Брюссель сократил наполовину задолженность ему Киншасы. Оставшуюся часть было договорено погашать в течение 25 лет.

И все же несмотря на все договоренности, заирско-бельгийские отношения весьма регулярно омрачаются взаимными претензиями и обвинениями.

Верный своей тактике балансирования между союзниками, Мобуту, когда хотел добиться чего-либо существенного от Бельгии, пускал в ход французскую карту. Такому розыгрышу способствовал то, что Париж на самом деле возобладал над Брюсселем, добившись, например, передачи в руки французов контроля над крупнейшей холдинговой компанией «Сосьете генераль де Бельжик».

Франция всегда довольно последовательно спасала мобутовский режим. Так, когда в 1975 году американцы и бельгийцы вознамерились заменить Мобуту генералом Фалу, исполнявшим обязанности военного атташе Заира в Вашингтоне, именно французская разведка проинформировала президента о готовящейся операции. В 1978 году первыми на помощь мобутовским войскам в Шабе прибыли также именно французские парашютисты. Франция всегда проявляла особую заботу в отношении реорганизации, оснащения и обучения заирских вооруженных сил. Она и сейчас обгоняет Бельгию, ФРГ и Израиль в поставках вооружений. В 1988 году заирской стороной была заключена крупная сделка с группой французских военных промышленников на поставки Киншасе ракет класса «воздух-воздух» и «земля-земля», боевых вертолетов, самолетов «Мираж» и другой военной техники. В целом туч на политическом небосклоне в отношениях между Францией и Заиром в то время не было, чего нельзя сказать об отношениях с США.

Мобуту утверждал, что «Соединенные Штаты дружат с Заиром с момента достижения им независимости».

Однако заирский президент постоянно вел сложную дипломатическую игру с американцами. Он лучше, чем другой глава африканских государств знал методы действий американских секретных служб, поскольку и **сам испытал их на себе**. Он приобрел этот опыт в ходе целого ряда войн, заговоров, периодов тесной дружбы, мелких ссор, «окончательных» разрывов и очередных примирений, которыми на протяжении многих лет характеризуются отношения между Киншасой и Вашингтоном. То Мобуту награждали звездой командора американского Почетного легиона за то, что, как говорилось в наградном листе, он «очистил свою страну от иностранных коммунистических элементов», то в госдепартаменте слышались влиятельные голоса, требовавшие его замены менее скомпрометированной фигурой. Словом, «приливов», «отливов» и крушений на рифах хватало. Дело дважды доходило до того, что оскорбленный Мобуту высылал американских послов из страны, обвиняя ЦРУ в попытках организовать против него заговоры.

Однако все неизменно возвращалось на круги своя из-за боязни Вашингтона того, что в беспокойном Заире придут к власти антиамериканские радикальные элементы, а аэрокосмическая промышленность США лишится необходимого ей заирского кобальта.

Мобуту был первым из глав государств Черной Африки, который официально встретился с президентом США Дж. Бушем после его избрания на этот пост в 1989 году. Перед выездом в США Мобуту объявил, что уже встречался с Бушем 13 раз и что он приглашен в США как лучший его друг. Хорошие личные отношения Мобуту с Дж. Бушем, видимо, действительно сыграли свою роль в том, что США предоставили Заиру в 1989 году заем в 60 миллионов долларов в качестве военной и гражданской помощи. В июне 1989 года, принимая Мобуту, Дж. Буш, который вел с ним переговоры, в частности об ангольских делах,

представил маршала как «одного из наиболее опытных государственных деятелей».

Одним из каналов укрепления отношений Мобуту с американцами был Израиль, без которого, как заявил представитель госдепартамента, у Заира «не было бы шансов» в США. С другой стороны, Тель-Авив служил для американской администрации превосходной лазейкой для предоставления в обход конгресса военной помощи Киншасе.

Режим Мобуту держался в Заире прочно и долго. Но президент дряхлел с годами и с наступлением старости поднимали голову его противники. С конца восьмидесятых начинается кризис режима.

Страна, экспортировавшая сельскохозяйственную продукцию до получения независимости, в 1991 году удовлетворяла 60 процентов своих потребностей в продовольствии за счет импорта. Реальная заработная плата постоянно сокращалась. Половина всех детей умирала в возрасте до пяти лет. Валовой национальный продукт не менялся на протяжении нескольких десятилетий. Претензии на самостоятельное экономическое развитие сменились в реальности все усиливающейся зависимостью от западных партнеров, чему способствовало падение мировых цен на основные экспортные статьи Заира — медь и кобальт, а также потрясающая по своим масштабам коррупция.

Несмотря на то, что Мобуту всячески противился тому, чтобы Заир превратился в послушную овечку, приготовленную на заклятие той или иной группой банкиров развитых стран, Заир со временем зажали в финансовые тиски и навязали ему жесткие условия. Руководители международного валютного фонда согласились на крупные субсидии Заиру лишь при условии, что они будут контролировать его бюджет, налоги и таможенные сборы через посредство своих представителей.

Некоторое время Заир исправно платил проценты и долги. Но Мобуту прекрасно знал, что его страна вско-

ре окажется не в состоянии оплачивать свои счета. Когда этот момент наступил, Мобуту, как опытный тактик, решился на крутой поворот курса государственного корабля, чтобы он более отвечал интересам страны. К изумлению руководителей МВФ, уже привыкших к его покладистости, он нарушил многие обязательства, создававшие, в частности, благоприятные условия инвесторам для вывоза из Заира прибылей. Так, 1 июля 1988 года президент объявил о принятии жестких мер по восстановлению равновесия экономики Заира и о прекращении платежей, мотивируя это тем, что заирский народ ущемлен программами стабилизации МВФ и нуждается в программах экономического роста, о которых в свое время не удалось договориться с банкирами фонда. «Молодая страна, — заявил Мобуту, — не может жертвовать всем ради выплаты долга». В 1988 году программы МВФ стоили Заиру утечки капитала на сумму 2 миллиарда долларов, а в экономику они влили только один миллиард.

Демарши Мобуту в то время действительно созрели, так как кризисное состояние страны, помимо прочих причин, явилось результатом тщательно продуманной политики МВФ, поскольку банкротство государства усиливает зависимость от кредиторов.

Неожиданный кавалерийский наскок заирского лидера на МВФ заставил последний пойти на более льготные условия выплат Заиром и предоставление ему кредитов. В мае 1989 года с Фондом было подписано соглашение о кредитах на сумму 253 миллиона долларов. Мобуту удовлетворился более приемлемыми для своей страны условиями выплат и обязался вновь осуществлять программу экономических реформ, предложенную МВФ.

В 1989 году экономическая ситуация в Заире несколько стабилизировалась. Впервые за всю историю страны доходы превысили расходы, что привело к созданию небольшого активного сальдо национального бюджета.

Однако Мобуту тут же стал осуществлять ряд дорогостоящих проектов, включая строительство гигантского жилого массива и грандиозного конференц-зала для международных совещаний. Кроме того, в 1990 году прошли дорогостоящие торжественные церемонии, приуроченные к празднованию 30-летней годовщины независимости Заира, 25-й годовщины прихода к власти Мобуту, 60-летнего юбилея главы государства.

Вслед за экономическими неурядицами пришли и крупные политические проблемы для Мобуту. Его власть слабела с каждым месяцем. До апреля 1990 года в ходу был лозунг: «Заир одна страна, у Заира одна партия, а у партии один вождь». Но случилось невероятное. Президент, не дожидаясь, когда грянет гром и в Заире произойдут крупномасштабные народные волнения, объявил о переходе к многопартийности, вначале ограниченной тремя партиями. Себе он оставил роль стоящего «выше всех партий» арбитра, которого не может ни контролировать, ни критиковать парламент страны. Отказавшись от поста председателя НДР, президент оставил за собой ключевые посты министров обороны, государственной безопасности и иностранных дел.

В июле 1990 года внутри НДР почти одновременно объявили о своем существовании два течения: Народное движение обновления и Группа обновления НДР.

Разрешить деятельность оппозиции Мобуту вынудили не только внутреннее давление, но и жесткая политика США, которым Мобуту стал не нужен после развала Советского Союза. Пока Мобуту служил противовесом «советскому экспансионизму в Африке», его субсидировали. Теперь уже Соединенные Штаты вспомнили, что заирский президент попирает права человека и попустительствует коррупции, сам активно получая взятки.

Для подготовки образования многопартийного правового государства Мобуту предложил переходный пе-

риод. На его первом этапе до 30 апреля 1991 года должно было работать «переходное правительство» Лунды Булулу, на которое и возлагалась задача возрождения многопартийной системы и решение кризисных экономических проблем. Президент долго терпеть все это не стал. В марте 1991 года «переходное правительство» подало в отставку. Мобуту объявил, что на втором этапе состоятся президентские выборы (декабрь 1991 года) и всеобщие парламентские выборы в 1992 году. Обещания не были выполнены.

В апреле-июле 1991 года по стране прошли общенациональные демонстрации против Мобуту. Демонстрации разгоняли силой, были жертвы. В сентябре 1991 года Мобуту был вынужден подавлять уже выступления армии, давно не получавшей жалованья.

В 1992 году президенту пришлось созвать Национальную конференцию, которая приняла временную конституцию и объявила о переходном периоде в стране, который должны увенчать многопартийные выборы. В этом же году продолжались армейские выступления.

При наличии годовой инфляции в 6000 процентов Мобуту выпустил пятимиллионные банкноты, реальная стоимость которых была менее двух долларов каждая. Этими банкнотами он расплатился с армией в феврале 1993 года. Когда же владельцы магазинов отказались принимать эти потерявшие всякую стоимость деньги, солдаты устроили кровавые погромы, жертвами которых стали 300 человек.

Столкнувшись с массовыми гражданскими беспорядками, Мобуту наконец-то объявил свободные выборы и переход к демократическому правлению, заявив в марте 1993 года, что «политический кризис, повергший страну в пучину горя и нищеты, длится уже слишком долго».

Однако враги Мобуту рано торжествовали победу. Имея почти тридцатилетний опыт пребывания у власти, президент перессорил лидеров враждебных партий,

низведя оппозиционные организации до уровня грызущихся между собой группок. Под эту мышиную возню Мобуту протянул время до 1995 года, в котором объявил о продлении переходного периода еще на два года.

«Непотопляемого» Мобуту сломала вновь возникшая и совершенно неожиданная проблема. В 1995 г. в Руанде и Бурунди начался этнический конфликт между народностями хуту и тутси. На востоке Заира скопилось около 2 миллионов беженцев-хуту. Здесь же уже два века жили 300 тысяч тутси-баньямуленге, безуспешно требовавших от правительства Заира предоставления гражданства.

В октябре 1996 года Мобуту потребовал от баньямуленге покинуть страну. Это послужило причиной вооруженного выступления сторонников Кабилы — давнего врага Мобуту. Кабила партизанил в джунглях на востоке Заира с 60-х годов. Точнее, партизанили его сторонники. Сам же Кабила предпочитал проводить время за тысячи километров от мест боев, в барах и борделях Дар-эс-Салама. За это его недолюбливал Че Гевара, который в 1965 году провел несколько месяцев в джунглях Конго, пытаясь разжечь в Африке костер мировой революции.

Войско Кабилы в те времена, подражая своему руководителю, предпочитало сражениям самогон и наркотики. Из воспоминаний Че явствует, что по настоящему воевали в тогдашнем Конго только иностранцы: с одной стороны — белые наемники, с другой — кубинцы.

По иронии истории, 32 года спустя в бой снова пошли граждане иностранных государств. Только на этот раз расклад оказался в пользу Кабилы. На его стороне выступали военнослужащие Уганды, Руанды и Анголы. Во главе Уганды и Руанды стоят выходцы из народности тутси, которой режим Мобуту не угодил тем, что пригрел у себя около двух миллионов хуту — врагов тутси. А власти Анголы не смогли до конца забыть, что Мобуту помогал группировке УНИТА. Что касается зарисского режима, то его защищала не армия, небоеспособ-

собная и деморализованная, а вооруженная милиция хуту и бойцы УНИТА.

Поначалу казалось, что восставшие ограничатся лишь захватом небольшой полоски пограничной территории на востоке Заира. Но вскоре стало ясно, что дело гораздо серьезнее. Плохо оплачиваемая и недисциплинированная армия разбежалась без боя. От союзников тоже было мало толку. Население, уставшее от взяточничества и гиперинфляции, приветствовало повстанцев.

Сообщение о восстании застало Мобуту на Лазурном берегу во Франции. Здесь на своей вилле он провел большую часть года, поправляя здоровье после тяжелой операции по поводу рака предстательной железы.

Больному, брошенному союзниками Мобуте не оставалось ничего иного, как согласиться на переговоры с повстанцами.

Встречу двух лидеров удалось организовать благодаря личным усилиям президента ЮАР Нельсона Манделы. Долгое время не получалось согласовать место переговоров. Однако выход, удовлетворивший обе стороны, был найден. Беседа состоялась на борту бывшего украинского ледокола, который был куплен ЮАР и зачислен в штат ВМС под названием «Аутеника».

Впрочем, даже нейтральная территория не смогла примирить ярых противников. Переговоры завершились безрезультатно. Кабила, захвативший почти всю страну, наотрез отказался обсуждать что-либо, кроме сложения президентом полномочий. А Мобуту, оказавшийся перед угрозой полного разгрома, вдруг воспылил любовью к демократии и начал настаивать на создании коалиционного правительства с последующим проведением многопартийных выборов.

Кабила не был заинтересован в переговорах. В мире уже начали признавать его режим. Первыми это сделали иностранные предприниматели. Накануне захвата повстанцами Шабы — самой богатой минералами про-

винции Заира — в их штаб-квартиру зачастили делегации горнорудных компаний.

К 17 мая 1997 года вся территория республики Заир перешла под контроль повстанцев. Одним из первых шагов новых властей стало переименование страны. Ей возвратили старое название — Республика Конго. Тем временем Мобуту на транспортном самолете со многими приключениями покинул страну. Многие друзья бросили его. Старый соратник президент Габона Омар Бонго не только не выразил сочувствия, но и запретил самолету приземляться на территории своей страны. Власти Швейцарии наложили арест на его счета в банках. Другие страны, в которых Мобуту разместил свои средства, не поддержали это начинание. Думается, что человек, чье состояние оценивается в 7 миллиардов долларов, не пропадет, в отличие от разоренной им страны.

Парадоксально, но факт: Мобуту, который, казалось бы, делал все, чтобы развалить страну, и без того искусственно склеенную из сотен племен бельгийскими колонизаторами, на деле сплотил ее. Десятилетиями экс-президент не обращал внимания на инфраструктуру, почти полностью лишив провинции дорог. Он неумеренно печатал деньги, раскручивая маховик инфляции. Купюры обесценивались так быстро, что стоили меньше бумаги, на которой они были напечатаны. На рынке торговцы не давали себе труда пересчитывать толстые пачки, а взвешивали их на безмене.

Он поощрял коррупцию. Служебные места стали цениться не из-за зарплаты или престижа, а исключительно из-за возможности брать взятки. Он искусно стравливал друг с другом политиков. Все известные заирцы (а прославиться при такой экономике они могли только в музыке или футболе), как только зарабатывали деньги, переселялись в Париж или Брюссель. И несмотря на все это, к концу правления Мобуту его подданные, забывая о племенных преградах, гордо именовали себя заирцами. Воистину, ничто так не сплачивает, как общая ненависть.

МУССОЛИНИ БЕНИТО (1883-1945)

Бенито Муссолини — итальянский диктатор, создатель первого фашистского режима в Европе, родился 29 июля 1883 г. в деревушке Довиа, в 12 км от Форли, в провинции Энилия-Романья. Семья Муссолини занимала три небольшие комнаты на втором этаже трехэтажного дома. В одной из комнат днем мать Муссолини, Роза Мальтони, проводила занятия. Она была сельской учительницей. Отец, Алессандро, зарабатывал на жизнь кузнечным и столярным ремеслами.

Муссолини жили небогато, но могли позволить себе оплатить учебу старшего сына, которого они определили в школу монахов в Фаэнце. Жизнь в школе жестко регламентировалась различными правилами и установлениями. Такой режим требовал большого напряжения душевных сил от строптивного, капризного и агрессивного ребенка, каким рос Бенито. Уже тогда будущий дуче пытался руководить товарищами, был злопамятен и жесток, часто влезал в драки, пускал в ход нож. Муссолини перенял характер отца. Упрямый безбожник и бунтарь Алессандро считал себя социалистом. Он познакомил сына с анархо-синдикалистскими, антиклерикальными и антимилитаристскими идеями.

Окончив среднюю школу, Муссолини до 1902 г. преподавал в младших классах. Вскоре это занятие ему наскучило и он отправился на поиски счастья в Швейцарию. Бенито быстро выделился из массы итальянских эмигрантов, так как умел читать, писать, складно говорить и сносно изъясняться по-французски. Еще в годы учебы Муссолини пристрастился к публичным выступлениям, полюбил аплодисменты и внимание толпы. Он пробовал себя в роли оратора уже с 18 лет, выступая перед небольшими аудиториями.

Постоянно работая над собой, Муссолини научился говорить с чувством, имитировать возбуждение, делая вид, что идея его полностью захватила.

В Швейцарии он примкнул к социалистам. Его популярность среди рабочих-эмигрантов быстро росла, он несколько раз арестовывался.

Муссолини в этот период много читал. Правда, имея поверхностный ум, он зыхватывал из теорий лишь то, что ему нравилось и было понятно. Среди трудов К. Каутского, П. Кропоткина, К. Маркса, Ф. Энгельса и других идеологов рабочего движения Муссолини особенно выделял идеи французского синдикалиста Жоржа Сореля.

У Сореля Муссолини позаимствовал мысль о необходимости бескомпромиссной, тотальной борьбы с буржуазией, идею значимости социальных мифов и культа насилия. Муссолини навсегда остался ярим приверженцем прямого действия, не скованного никакими моральными преградами. Формулы и теории, по его глубокому убеждению, имели значение лишь после совершения акта насилия, служили его оправданию, а приоритет действия всегда был абсолютным и универсальным.

Муссолини, правда, не обратил внимания на то, что у Сореля насилие служило благу людей. Люди в его голове, полной чудовищно честолюбивых планов, представляли неиндивидуализированной массой, «постаментом для избранных натур». Ницшеанская идея сверхчеловека, тоже, кстати, понятая превратно, незримо присутствовала в помыслах молодого социалиста из Форли.

Муссолини полагал, что достаточно будет натиска небольшой группы революционеров, чтобы завоевать власть. Массы непременно поддержат переворот, направленный против правящих классов.

В 1907 г. Муссолини стали называть «пикколо дуче» — маленький вождь. Этой чести он удостоился

после высылки из кантона Женевы. Спустя несколько лет этот титул, но уже без определения «пикколо» замелькал в газете революционной фракции итальянских социалистов «Ла Соффита» («Чердак»). Муссолини не скрывал своего удовлетворения по этому поводу.

Дуче стремительно завоевывал популярность в Итальянской социалистической партии. В этом ему помогал талант журналиста. Муссолини, несомненно, был виртуозом журналистского дела. Он писал статьи в больших количествах легко, без напряжения, используя простой, доступный массам язык, нередко переходя в своей лексике границы приличия. Он умел придумать броские заголовки, выбрать самые животрепещущие темы, больше других волнующие читателя, чувствовал настроения масс и знал наперед, что они хотят услышать.

Издававшаяся дуче газета «Классовая борьба» помогла ему стать секретарем социалистической партии в Форли. В 1910 году, на съезде партии в Милане, Муссолини начал борьбу с реформистским течением в ИСП. Исповедуя культ силы, он не собирался мириться с вялостью и нерешительностью руководства партии, с его нежеланием идти на открытый конфликт с правительством, с атмосферой соглашательства.

В 1912 г., после изгнания правых реформистов из ИСП, Муссолини в возрасте 29 лет возглавил редакцию газеты «Аванти!» («Вперед»). Это был один из самых ответственных постов в партийном руководстве. Всего через полтора года после прихода дуче в редакцию благодаря его стараниям тираж газеты увеличился в пять раз, составив 100 тыс. экземпляров, она стала одной из самых читаемых в Италии.

С началом второй мировой войны ИСП, верная своим давним антимилитаристским традициям, выдвинула лозунг «абсолютного нейтралитета».

Муссолини был не согласен с общей установкой партии. Война вдохновляла его разгулом насилия, ко-

торое он так долго воспевал. Дуче нутром ощутил, что военная обстановка позволит при правильном подходе к ситуации стать лидером в назревавших революционных преобразованиях в обществе.

Захватить власть можно было только с помощью решительных, бескомпромиссных действий. 18 октября 1914 г. «Аванти» вышла с написанной Муссолини передовой статьей «От авторитета абсолютного к авторитету активному и действительному». Попытка навязать партии свою точку зрения привела к тому, что Муссолини освободили от поста главного редактора, а еще через месяц с шумом исключили из партии.

Муссолини, признанный вождь левого крыла социалистов, решительно поменял свою политическую ориентацию. Он изменил партии, но не изменил себе. Его внутренние убеждения, в которых главенствовал сам дуче, а не какие-либо идеи, остались без изменения. Социалисты больше не могли ничем помочь Муссолини в его движении наверх. Расчетливый авантюрист, дуче перед конфликтом с ИСП заранее обеспечил себе тылы: правительство давно уже искало продажного социалиста.

Исподволь готовясь втянуть Италию в войну, правительство считало необходимым подготовить к этому общественное мнение, по возможности развеять антивоенные настроения масс, раздуть милитаристский психоз. Для этого нужно было отыскать и опереться на таких людей, которые могли бы ради личных выгод рискнуть собственной популярностью.

Муссолини, как никто другой, подходил для этой цели. Речь шла не о деньгах, это признают все писавшие о нем авторы, дуче не мог противостоять соблазну иметь собственную большую газету, которая стала бы в его руках мощным политическим оружием, дающим возможность дальнейшей борьбы за власть. Муссолини всю жизнь мечтал об этом.

Первый номер «Пополо д'Италия» («Народ Италии»)

вышел в свет 15 ноября 1914 г. Сразу нашлись и деньги, и бумага, и оборудование. Хотя газета поначалу называлась «ежедневной, социалистической», именно социалистам доставалась львиная доля критики. Муссолини оказался на позициях революционных интервенционистов, став среди них наиболее яркой и колоритной фигурой.

Значительная часть сторонников нового течения примкнула к нему именно потому, что верила в возможность своим участием в войне приблизить революцию и сделать Италию великой. Идея революционной войны за место под солнцем оказалась весьма соблазнительной и удобоваримой для широких слоев мелких собственников. И постепенно Муссолини стал выразителем именно их интересов. Его экстремизм был легко доступен пониманию обывателей и люмпенов. Жажда насилия и наживы, стремление к самоутверждению через надругательство над личностью, слепая ненависть к другим народам, мелочно-тщеславное себялюбие и зависть — вся эта муть, годами копившаяся в тайниках души мелких буржуа и деклассированных элементов и разжигавшаяся милитаристской пропагандой националистов, выплеснулась наружу.

Официально Италия вступила в войну 23 мая 1915 г. Муссолини не последовал примеру многих националистов и не бросился записываться в ряды добровольцев. Под аккомпанемент обвинений в трусости он дождался призыва своего года. В окопах Муссолини оказался только в середине сентября. Дуче не совершил на фронте ничего выдающегося. Из 17 фронтовых месяцев значительную часть времени он провел в отпусках и госпиталях. После ранения в ногу в результате несчастного случая в феврале 1917 г. Муссолини демобилизовался и вернулся в редакцию «Пополо д'Италия». Через два месяца итальянская армия была наголову разбита австрийскими войсками под Капоретто. По дорогам Северной Италии брели домой сотни тысяч изму-

ченных, озлобленных людей, еще недавно называвшихся солдатами.

Эта масса ожесточенных на весь мир людей была переполнена недовольством, которое могло вспыхнуть от первой же искры. Муссолини сумел понять интересы фронтовиков и выразить в простой и доступной форме сокровенные мысли и чаяния этих людей, нащупать такие пружины в их сознании, которые усугубляли чувство обиды и побуждали к решительным действиям. Постепенно он стал лидером и героем этого слоя людей. Вспышки гнева, мстительность и жестокость лишь дополняли его имидж «человека действия», готового на все. Вскоре Муссолини понял, что для захвата власти необходима крепкая, боевая, централизованная, слепо подчиняющаяся своему вождю организация. 21 марта он созвал в Милане бывших интервенционистов, националистов, футуристов. Всего около 60 человек. Они решили создать «Боевой союз» («Фашио ди комбаттименто», отсюда и происходит название нового движения). Декларацию фашистского учредительного собрания, состоявшегося 23 марта 1919 г., подписали 54 человека. Они обязались защищать требования фронтовиков, провозгласили себя противниками всякого, в том числе и итальянского империализма и тут же потребовали аннексии спорных с Югославией территорий Далмации и Фиуме. Вскоре программа фашистов была дополнена множеством социальных лозунгов, звучавших очень радикально: упразднение сената, полиции, привилегий и титулов, введение всеобщего избирательного права, установление 8-часового рабочего дня и минимума заработной платы, передача земли крестьянам, всеобщее образование и т.д. Таким образом, фашисты обращались не к какому-то социальному слою, а ко всем итальянцам, жаждавшим ощутимых перемен.

Боевики новой организации скоро заявили о себе организацией погромов и нападений на профсоюзы,

редакции рабочих газет, на помещения рабочих партий. Фашисты выбрали правильную тактику: их призывы к установлению «сильной власти» находили сочувствие наверху, а просторная социальная программа привлекала массы.

Муссолини не скрывал своих намерений, без ложной скромности заявляя, что добивается управления нацией.

Обстоятельства благоприятствовали захвату власти фашистами: правящие круги увидели в них силу, способную разгромить революционное движение и обеспечить преемственность своего господства силовыми методами, а рабочий класс, расколотый противоречиями между социалистами и коммунистами, уже не мог оказать фашизму должного сопротивления.

В мае 1921 г. Муссолини и еще 34 члена фашистской организации были избраны в итальянский парламент. В ноябре 1921 г. фашисты декларировали создание своей партии — ПНФ. Муссолини демонстративно отказался от поста генсека: он должен был быть выше текущих партийных дел. Дуче стал одним из членов руководства партии, но на деле обладал всей полнотой власти. Он видел себя не партийным, а общенациональным лидером.

Осенью 1922 г. в Италии фактически установилось двоевластие: фашисты захватывали все новые города и провинции, а правительство смотрело на это сквозь пальцы. Стало ясно, что правящие круги окончательно решили взять курс на передачу власти фашистам.

24 октября 1922 г. в Неаполе открылся очередной съезд фашистских союзов. Муссолини выступил на нем с агрессивной речью, ультимативно потребовав у правительства предоставить фашистам пять министерских портфелей и комиссариат авиации.

Вечером того же дня члены оперативного руководства фашистскими отрядами (И. Бальбо, Ч.М. Де Викки, Э. Де Боно, М. Бьянки) приняли решение провести 27

октября всеобщую мобилизацию фашистов, а 28 октября атаковать главные центры страны. Три колонны сквадристов (членов фашистских боевых отрядов — сквадр) должны были войти в Рим, предъявить ультиматум правительству Л. Факта и овладеть основными министерствами. В случае провала операции предполагалось провозгласить создание фашистского правительства в Центральной Италии и готовить новый «поход на Рим».

Кабинет министров принял решение об отставке, но предварительно утвердил и даже разослал на места декрет об осадном положении, в соответствии с которым армия получала необходимые полномочия для наведения порядка. Однако в последний момент вызванный из загородной резиденции король Виктор Эммануил III отказался подписать этот декрет. Почему он это сделал, остается загадкой.

29 октября Муссолини получил извещение о назначении его премьер-министром и вечером того же дня на специальном поезде, в спальном вагоне отбыл в Рим. Так завершился фашистский переворот, с иронией названный в народе «революцией в спальном вагоне».

Муссолини до прихода к власти не имел практического опыта управления государством, но нужно отдать ему должное — первые его шаги на посту премьер-министра были решительными и действенными. Муссолини стремился сосредоточить в своих руках всю полноту исполнительной власти.

Созданный с этой целью Большой фашистский совет (декабрь 1922 г.), состоял из лично назначавшихся дуче членов. В 1923 г. фашистские сквадры были преобразованы в Добровольную милицию национальной безопасности, присягавшую королю, но подчиненную Муссолини.

В области экономики новый премьер-министр взял курс на свертывание государственного регулирования и поощрение частной инициативы. Кабинет Муссоли-

ни отменил именную регистрацию ценных бумаг, заменил прогрессивное налогообложение пропорциональным, перестал ограничивать рост платы за жилье, денационализировал телеграф, телефон и трамвайные пути, сократил расходы на социальное страхование, провел ряд других мероприятий, которые больно ударили по благосостоянию основной массы налогоплательщиков, но способствовали стабилизации капитализма и выводу страны из затяжного послевоенного кризиса.

Весной 1924 г. фашисты убили лидера Унитарной социалистической партии Д. Маттеотти. Копившееся в народе недовольство выплеснулось наружу. В стране начались массовые беспорядки: фашисты боялись выходить из домов, опасаясь за свою жизнь. Повсюду проходили многотысячные митинги, вспыхивали стихийные забастовки. Многие помещения ПНФ были разгромлены, ряд общественных организаций, в том числе влиятельная Ассоциация бывших фронтовиков, заявили о своем отказе от поддержки фашизма. Правительство полностью утратило контроль над ситуацией и не смогло мобилизовать даже фашистскую милицию.

После ухода из парламента оппозиционных нефашистских партий Муссолини был вынужден прервать работу парламента. Фашистское руководство охватила паника. Муссолини впал в прострацию и уже собирался подавать в отставку.

Буржуазия поддержала фашизм, и пик кризиса постепенно миновал. 3 января 1925 г. дуче выступил в парламенте с речью, которая ознаменовала переход фашизма в наступление. Принятые в короткий срок «чрезвычайные законы» привели к ликвидации демократических институтов общества и установлению фашистской диктатуры.

Муссолини получил новый официальный титул — «Глава правительства». Теперь он должен был формально отчитываться в своих действиях только перед коро-

лем. Король, в свою очередь, мог подписывать декреты лишь с ведома и согласия дуче. Правительство получило право вводить новые законы даже без формального разрешения парламента.

30-е годы стали для Италии временем упрочения и господства режима Муссолини. Многим тогда казалось, что фашизм укрепился надолго, что он расширил социальные горизонты, добился реальных успехов и обеспечил себе поддержку подавляющего большинства населения. Муссолини сочетал силовые методы с попытками всеохватывающего внедрения фашистских постулатов и структур в ткань гражданского общества. Чтобы добиться согласия людей с существующей системой, фашизм активно насаждал свои идейно-политические и нравственные ценности, основанные на безоговорочном признании авторитета вождя, олицетворявшего абсолютную истину во всех ипостасях. Одновременно подавлялось всякое инакомыслие и физически устранялись все недовольные.

Режиму Муссолини удалось оболванить значительные массы, в особенности молодых, привить им стереотипы поведения, внедрить в их сознание жизненные устои, соответствовавшие теории и практике фашизма.

Добиваясь «согласия» в обществе, Муссолини вынужден был налаживать отношения с католической церковью. Здесь Муссолини пришлось забыть о личных убеждениях для достижения политических результатов. В молодости он был воинствующим атеистом и даже некоторые из своих статей подписывал как «подлинный еретик».

Фашистское правительство выделило средства на восстановление разрушенных церквей, в школы и больницы вернулось распятие, 60 тыс. приходских священников получили прибавку к жалованью, а католический университет в Милане — официальное признание.

Муссолини сумел решить «римский вопрос», перед

которым пасовали все его предшественники. Эта проблема возникла в XIX веке в ходе завершения объединения Италии под эгидой Савойской династии. В сентябре 1870 г. королевские войска заняли Рим — столицу папской области. Первосвященник лишился светской власти, проклял итальянское государство и запретил католикам участвовать в политической жизни. В стране, подавляющая часть населения которой была верующей и находилась под духовным влиянием Ватикана, такой разрыв выглядел явной аномалией, однако попытки либерального государства примириться с папой успеха не имели.

В 1929 г. в обмен на официальное признание Итальянского королевства Ватикан получил статус самостоятельного государства с территорией 44 гектара и населением около тысячи человек. Однако отношения святого престола с фашистским режимом оставались непростыми и в дальнейшем неоднократно обострялись.

Сам Муссолини был верен себе и в церковь никогда не ходил, никогда не исповедывался, религиозные обряды не признавал. Лишь однажды, в 1932 г., он нанес официальный визит в Ватикан и в соответствии с обычаем должен был участвовать в торжественной молитве у гробницы святого Петра. Дуче опустился на колени только после того, как из храма удалили всех фотокорреспондентов.

Фашистский режим стремился контролировать не только жизнь людей, но и все их мысли. Газеты ежедневно на первых полосах печатали статьи о деяниях «великого дуче», о его новых победах, о полных глубочайшего философского и политического смысла изречениях. С 1933 г. слова «ДУЧЕ» и «МУССОЛИНИ» обязательно набирались именно так, только крупным шрифтом. Все успехи страны в области культуры и спорта приписывались результату «гениального воздействия» вождя. Муссолини предстал со страниц газет

автором всех «великих достижений» нации, ее гордостью и символом. Если поезд приходил по расписанию, спортсмен выигрывал турнир, итальянский самолет пересекал Атлантику, если крестьяне собирали хороший урожай, если «Ла Скала» обнаруживала новые таланты — все это неизменно ставилось в заслугу ДУЧЕ.

Портреты вождя были расклеены на стенах домов и трамваев, его бюсты заполнили городские площади и скверы, его высказывания красовались на рекламных афишах, фронтонах жилых домов, государственных учреждений, на щитах вдоль шоссе и дорог.

Дуче занимал огромное количество государственных постов. В 1929 г. он был одновременно главой правительства, Большого фашистского совета, фашистской милиции, министром внутренних и иностранных дел, военным министром, военно-морским министром, министром авиации и корпорации. Кроме того, он являлся «вождем партии» и итальянской нации, хотя таких должностей никто никогда не устанавливал, почетным академиком Болонской филармонии, обладателем многих других титулов, а позже стал еще и первым маршалом империи.

Раздувание мифа о «сверхчеловеке», ведущем нацию к «светлому будущему», достигло апогея во второй половине 30-х годов. В честь дуче слагали поэмы и песни, снимали кинофильмы, ваяли монументальные скульптуры и штамповали статуэтки, рисовали картины и печатали открытки. Бесконечные славословия лились на массовых митингах и официальных церемониях, по радио и со страниц газет. Даже календарь не устоял перед натиском нового культа: с 1933 г. новое официальное летоисчисление начало отсчитывать годы «фашистской эры».

Фашизм внес в повседневную жизнь итальянцев серию ритуалов, условно объединявшихся понятием «фашистский стиль». Режим вполне серьезно вознамеривался создать «новый моральный и физический тип

итальянца». Организовывал работу по внедрению новых норм поведения секретарь фашистской партии А. Стараче.

Среди фашистов были отменены рукопожатия, женщинам было запрещено носить брюки, для пешеходов устанавливалось одностороннее движение по левой стороне улицы. Фашисты попытались отучить итальянцев пить чай, окрестив эту привычку буржуазной, и вытравить из речевого употребления личное местоимение женского рода «лей», использовавшееся в качестве вежливой формы обращения. Фашистский стиль жизни характеризовался лозунгом: «Быстрота, решительность, динамизм». Для сплочения нации проводились фашистские субботники. По решению правительства все итальянцы, независимо от возраста, социального положения и пола должны были по субботам заниматься военно-спортивной и политической подготовкой. Муссолини сам показывал пример, устраивая массовые заплывы, бег с барьерами и скачки на лошадях. На пляже Риччоне он демонстрировал перед фотокамерами обнаженный бронзовый торс и, как заправский культурист играл накачанными мускулами. Модными и повсеместными стали массовые гимнастические упражнения, ибо движения в едином ритме, по мнению фашистов, способствовали выработке чувства коллективизма. Муссолини требовал, чтобы все партийные собрания сопровождалось занятиями физкультурой, а иерархи сдавали спортивные нормы. Даже в повседневной жизни он находил способы проверять уровень их подготовки: входя в здание в сопровождении свиты, Муссолини стремглав несся вверх по лестнице, увлекая за собой и молодых и старых.

В 30-е годы появился еще один массовый ритуал: «фашистские свадьбы». На каждой из них Муссолини считался посаженным отцом. Стимулирование прироста населения он возвел в ранг государственной политики и придавал этому особое значение. Для него боль-

шее количество населения означало большее число солдат.

Классической можно считать «фашистскую свадьбу» в Риме в ноябре 1933 г. Тогда в брак вступили 2620 пар, многие из которых специально приехали в столицу. Каждая семья получила символический подарок от дуче, а в ответной благодарственной телеграмме или письме обещала через год «подарить фашистской родине маленького солдата».

Дуче постоянно вдохновлял массы личным примером во всех «битвах», организованных режимом: «за высокую рождаемость», «за хлеб», «за лиру», «за интегральную мелиорацию». Он демонстративно участвовал в молотье, танцевал с крестьянками, получал символическую заработную плату. Он часто ездил по городам и провинциям, вся жизнь которых задолго до его визита подчинялась этому «историческому событию»: к торжественной встрече вождя со всей округи сгоняли крестьян, стягивали воинские части, предприятия прекращали работу, дети усиленно репетировали приветствия.

Экономическая политика Муссолини все больше направлялась на усиление государственного вмешательства в хозяйственную жизнь. В 1930 г. в стране был утвержден Национальный совет, руководивший деятельностью 22 отраслевых корпораций. По замыслу фашистов, этот орган должен был регулировать условия найма рабочей силы и мирным путем разрешать возникавшие конфликты. В корпорациях были на паритетной основе представлены предприниматели и рабочие.

Фашистское правительство старалось обеспечить приоритетное развитие военных отраслей производства. Для этого Муссолини вынужден был проводить гибкую политику в отношении монополий. Несмотря на сложные отношения с ними, дуче был кровно заинтересован в их поддержке, понимая, что без этого ему не удастся сохранить политическую власть даже в ус-

ловиях тоталитарного режима. Поэтому осуществлявшиеся фашистским правительством меры по «оздоровлению» экономики были направлены на укрепление государственно-монополистического альянса.

К середине 30-х годов на уровне обыденного сознания Муссолини воспринимался как человек, который установил в стране порядок, дал работу многим безработным, который искренне печется о величии нации и пытается добиться «социальной справедливости».

Рабочий день Муссолини начинался с просмотра приготовленных ему бумаг. Он накладывал резолюции красным или синим карандашом, его почерк был мелким и неразборчивым. Утро продолжалось приемом высших функционеров, каждый из которых докладывал о состоянии дел в своем ведомстве. Практически ежедневно перед дуче представляли: шеф полиции и глава карабинеров, министр национального воспитания, секретарь ПНФ, а также начальник телефонной службы. Последний прослушивал все интересовавшие дуче телефонные переговоры. Муссолини требовал от подчиненных полной и достоверной информации, вплоть до пересказа анекдотов, ходивших о нем по стране. Почти никто, однако, не решался их воспроизводить, так как дуче не любил шуток в свой адрес и ужасно злился. Кроме того, зная, что Муссолини раздражался по поводу любой малоприятной информации, иерархи предпочитали ее утаивать, следуя негласно установившемуся среди них правилу: говорить Муссолини то, что он хочет услышать. Дуче окружало много малограмотных, тупых людей. Он сам подбирал себе исполнителей и слепую преданность тупицы всегда предпочитал трезвости рационального ума.

Принцип подбора кадров был до смешного прост — личная симпатия или неприязнь дуче. Нередко выбор определялся внешним видом кандидата на тот или иной пост, умением себя подать, удачной шуткой или чем-нибудь в этом роде.

Если в первые годы пребывания Муссолини у власти с ним можно было спорить, заставить его прислушаться к чужому мнению, то постепенно между дуче и другими членами фашистского руководства установилась непреодолимая пропасть. Высшие чины партии и государства даже докладывать Муссолини в его кабинете должны были стоя. Дуче не скрывал, что постоянно контролирует частную жизнь и переписку иерархов. Каждого из них ни на минуту не покидало чувство неуверенности в своей судьбе, ибо Муссолини часто смещал и перемещал своих приближенных, не давая им засиживаться на одном месте. О своих кадровых решениях дуче сообщал через средства массовой информации.

Показателен пример судьбы посла фашистской Италии в Англии Д. Гранди. В 1939 г. Д. Гранди приехал в Женеву по делам службы и был ошарашен газетным сообщением о том, что он покинул Лондон и вернулся в Рим, чтобы занять пост министра юстиции.

Муссолини отличало мелочное тщеславие и некомпетентность. Вину за серьезные промахи он обычно сваливал на кого-либо из высших функционеров и в то же время не мог расстаться с привычкой вмешиваться даже в самые мелкие, малозначительные дела. К примеру, только с разрешения дуче регулировщики на площадях могли переходить на летнюю или зимнюю форму одежды.

Муссолини часто запутывал работу государственного аппарата. Бывало так, что решение Муссолини по какому-либо ведомству вступало в противоречие с интересами другого ведомства. Оно, в свою очередь, предлагало диктатору вариант решения, исключавший предыдущее. Муссолини без колебаний его принимал. Создавалась тупиковая ситуация, которая не разрешалась, но зато развязывала руки аппаратчикам обоих ведомств.

Государственная бюрократия приобрела в 30-х годах реальную силу и немалую автономность. И хотя в Ита-

лии принцип вождизма не был реально закреплен на местном уровне, каждый провинциальный партийный и административный чиновник ощущал себя полномочным хозяином вотчины. Коррупция и казнокрадство захлестнули местный бюрократический аппарат, а многочисленные финансовые аферы привели к расцвету нуворишей.

Муссолини смотрел на это сквозь пальцы, лишь изредка наказывая самых зарвавшихся. Назначение на освободившиеся места новых людей мало что меняло в установившейся системе злоупотреблений и вседозволенности.

Многие назначения формально осуществлялись от имени короля, на прием к которому дуче регулярно являлся по вторникам и четвергам. Юридически Виктор Эммануил III (1869–1947) оставался главой государства, что создавало видимость дуализма в управлении страной. Время от времени между дуче и королем возникали разногласия, но во всех принципиальных вопросах победу одерживал Муссолини.

Личные отношения между ними не сложились. Дуче презирал стареющего монарха за слабоволие и чванливость. Король, в свою очередь, презирал Муссолини, видя в нем выскочку из плебса, которого он не может обуздать.

Муссолини не стремился к безудержному личному обогащению. Он был равнодушен к деньгам, но не к тем благам, которые они обеспечивают. Недостатка в средствах на личные расходы он не испытывал, мог демонстративно отказаться от жалованья премьера, сделав вид, что не замечает, как помощники аккуратно копят эти деньги на специальном счету дуче в «Банко д'Италия». Основным источником дохода семьи Муссолини служила принадлежавшая ему газета «Пополо д'Италия». Кроме того, он получал жалованье депутата, приличные гонорары за статьи в зарубежных изданиях, изрядные суммы за всевозможные титулы. Эти средства

позволяли дуче ни в чем не отказывать ни себе, ни своим близким. Фанатичный автолюбитель, он купил для собственного удовольствия несколько наиболее престижных автомобилей и часто ими пользовался.

Однако все эти расходы не шли ни в какое сравнение с теми государственными средствами, которыми Муссолини распорядился почти бесконтрольно. Львиная их доля уходила на представительские цели, к которым принадлежали и яхта «Аврора», стоявшая на рейде в постоянной готовности, и персональный самолет, которым дуче нередко управлял сам, и реставрация его замка в провинции Форли, и организация многочисленных шоу, стоившая десятки миллионов лир. Наконец, дуче располагал огромными секретными фондами политической полиции, отчета в расходовании которых вообще не предусматривалось. При желании Муссолини мог сказочно разбогатеть, но он не испытывал в этом потребности. Дуче имел все, что хотел, удовлетворив собственное представление о роскоши.

На его повседневное поведение наложила отпечаток та среда, в которой он вырос — так называемый средний класс. Муссолини демонстративно презирал светские манеры, даже на официальных церемониях и обедах не всегда соблюдал правила этикета, так как толком их не знал да и не хотел знать.

В кругу родных и близких дуче не скрывал своего непонимания искусства и презрения к нему. В 1940 г. Муссолини всерьез говорил о возможности продажи в Германию произведений итальянского искусства. К счастью, этого не произошло.

Дуче всегда жил в себе и для себя. Он не принадлежал семье. Не из-за чрезмерной загруженности работой, а из-за склада характера. Общение с детьми (Эддой, Витторио, Бруно, Романо, Анной-Марией) было спорадическим и поверхностным. Близких друзей дуче никогда не имел и физически не выносил людей, которые были ему чем-то неприятны.

Жена Муссолини, донна Ракель, была женщиной трезвого крестьянского ума и практической сметки. Она не вмешивалась в государственные дела супруга, знала о многих его амурных похождениях, но активно вступала в бой лишь тогда, когда ощущала угрозу семейному благополучию.

Муссолини всегда давал обильную пищу для разговоров и анекдотов в силу своей неумемной похотливости. У него был даже специальный штат помощников, которые сортировали письма неизвестных поклонниц дуче, мечтавших о встрече с ним. Претендентки подвергались тщательной полицейской проверке и лишь после этого допускались в его кабинет.

Муссолини испытывал устойчивое отвращение к нравственности. Человек являлся для него лишь инструментом в достижении цели и потому измерялся степенью своей полезности. В жизни Муссолини никогда не было настоящей любви и не существовало друзей и «своего круга». Пожалуй, он и не ощущал необходимости во всем этом. Муссолини изменил социалистам, стал главой правительства, но никогда не был принят как равный среди аристократии, генералитета, финансовых и промышленных воротил. Ему угождали, льстили, его боялись, но видели в нем слугу, а не хозяина. Среди соратников по фашистской партии Муссолини пользовался непререкаемым авторитетом, но держался на расстоянии, как и подобает лидеру. В сущности, он всегда был одинок, но это одиночество его не тяготило. Он считал себя осью, вокруг которой вращалась вся остальная жизнь. Именно эгоцентризм являлся определяющей чертой личности дуче.

Во внешней политике у Муссолини не было каких-либо твердых принципов. Он руководствовался сугубо прагматическими соображениями, пытаясь из каждой конкретной ситуации извлечь максимум возможного для укрепления своего авторитета. Он всячески пытался привлечь к Италии внимание крупных держав, изоб-

разить увеличение ее веса в международной политике, снискать себе лавры вершителя судеб народов мира. Прагматизм толкал его к поиску трещин и противоречий в отношениях между европейскими государствами, к их углублению и расширению. Он был готов заключать какие угодно договоры, ибо они усиливали в нем чувство собственного величия, хотя на деле почти ничего не значили. Дуче не раз повторял, что вечных договоров не существует и что все они рано или поздно пересматриваются.

В 1933 г. Муссолини подписал советско-итальянский «Пакт о дружбе, ненападении и нейтралитете».

В 1935 г. — соглашение с Францией о разделе сфер влияния в Африке. В этом же году итальянские войска вторглись на территорию Эфиопии. Колониальная война продлилась семь месяцев и два дня. Виктор Эммануил III наградил Муссолини орденом Савойи за «руководство и победу в войне».

После прихода нацистов к власти в Германии Гитлер стал активно добиваться личных контактов с итальянским диктатором. Впервые они встретились 14 июня 1934 г. на авиабазе Сан-Никколо близ Венеции. Пангерманизм Гитлера вызвал настороженность дуче. Через месяц между двумя диктаторами возник конфликт по вопросу о судьбе Австрии. Дуче рассматривал Австрию как зону интересов Италии. Поэтому когда в июле 1934 г. гитлеровцы предприняли попытку спровоцировать нацистский мятеж в Вене, он занял жесткую позицию, послав четыре дивизии в Бреннеро и продемонстрировав тем самым свою решимость не допустить присоединения Австрии к Германии. Фюрер не стал идти на обострение конфликта и публично отмежевался от организаторов путча.

Характер режимов в Италии и Германии толкали Гитлера и Муссолини на тесные контакты. Им никак не выходило ссориться. Когда после вторжения в Эфиопию (тогда Абиссиния) Лига Наций ввела экономичес-

кие санкции против Италии, Гитлер заявил о своей готовности помогать ей всем необходимым. В ходе гражданской войны в Испании оба режима оказывали существенную помощь генералу Франко.

В 1937 году, после визита в Германию, Муссолини окончательно сделал выбор в пользу союза с нацистами. Спектакль, устроенный Гитлером, поверг Муссолини в шок и уныние.

Пять дней визита представляли собой нескончаемую вереницу эффектных зрелищ: Муссолини увидел мощные артиллерийские заводы в Гессене, внушительные цейхгаузы в Потсдаме, маневры отлично экипированных войск в районе Мекленбурга, стрельбу дальнобойной артиллерии на Балтике. Он был ошарашен и восхищен отлаженной военной машиной Германии. Только тогда дуче понял, что бывший подражатель его идеям стал властелином могучей державы. К зависти примешивался потаенный страх перед фюрером.

С тех пор и до конца жизни Муссолини вынужден был «ходить в подмастерьях» у Гитлера. Чувство абсолютного духовного и умственного превосходства над Гитлером и невозможность вести самостоятельную политику, зависимость от военной мощи Германии отравляли все существование Муссолини.

В ноябре 1937 г. Италия официально присоединилась к антикоминтерновскому пакту, заключенному между Германией и Японией, в декабре вышла из Лиги Наций, а в марте 1938 г. вынуждена была смириться с аншлюсом Австрии.

Курс на сближение с Германией повлек за собой законодательное оформление и насаждение в Италии антисемитизма. Муссолини поначалу не относился к евреям предвзято, он вынужден был это сделать под давлением Гитлера. Итальянские расовые законы составлялись по образцу германских. В 1943 г. итальянские фашисты отправили 8 тысяч евреев в гитлеровские концлагеря.

По мере сближения с гитлеровской Германией акции режима и лично дуче внутри страны обесценивались все больше и больше. Положение младшего партнера Третьего рейха, которое трудно было замаскировать разговорами о дружбе, уязвляло национальное самолюбие итальянцев. Обещанный корпоративный рай почему-то не наступал, а сам режим приобретал законченный тоталитарный характер.

В 1938 г. Гитлер предоставил Муссолини возможность сыграть главную роль в мюнхенском спектакле. На встрече Гитлера, Муссолини, Чемберлена и Даладье, начавшейся 29 сентября, дуче представил требования, сформулированные нацистами, в качестве собственного проекта. Все выглядело так, как будто это он руководит работой конференции. По настоянию дуче представители Чехословакии не были допущены за стол переговоров.

Дав Муссолини время побыть на вершине политического триумфа и почувствовать собственную значимость, Гитлер резко и бесцеремонно лишил его иллюзий. В марте 1939 г. без какого-либо повода войска вермахта оккупировали оставшуюся после мюнхенского стовора часть Чехословакии. Дуче был выставлен в самом нелепом виде: Гитлер не только не посвятил его в свои замыслы, но даже не счел нужным дать письменные объяснения постфактум. Как и при захвате Австрии, он лишь прислал принца Филиппа с письменным уведомлением о содеянном. Дуче, глубоко уязвленный поведением партнера, запретил сообщать в печати о способе, которым его проинформировал фюрер.

Чтобы успокоить больно задетое честолюбие, Муссолини бросил войска на завоевание Албании. В этом направлении дуче подтолкнул его зять Чиано. В мае 1939 г. между Германией и Италией был подписан так называемый «Стальной пакт». В соответствии с договором оба государства брали на себя обязательство выступить на стороне друг друга в случае любого воору-

женного конфликта. Гитлер и здесь переиграл Муссолини: к моменту подписания Стальского пакта немецкое командование подготовило план атаки на Польшу.

Дуче метался между желанием не упустить свой кусок пирога и пониманием слабости итальянской военной машины: армия не располагала не только боевой современной техникой, но и достаточным количеством обмундирования для солдат.

Италия вступила в войну весной 1940 года. С первых же дней боев стало ясно, что дуче втянул страну в безнадежную авантюру. Войска терпели поражения, а любые, даже самые незначительные продвижения вперед оплачивались ценой больших потерь. Боевой дух солдат был чрезвычайно низок, в стране начались перебои с продовольствием, ощущалась нехватка предметов первой необходимости, нарастало массовое недовольство.

Истинное положение дел на фронтах скрывали от населения. Дозы и содержание оперативной информации дуче определял лично, репортерам оставалось лишь подать их в соответствующей упаковке. Муссолини распорядился печатать в газетах бюллетени о своем рабочем дне, оставлять допоздна включенным свет в своем рабочем кабинете, а однажды, когда его отпустил приступ язвенной болезни, пригласил репортеров, чтобы они могли увидеть и описать его «динамичное утро»: бег, теннис, скачка на лошади, чтение телеграмм, молниеносное принятие решений.

В конце 1942 г. — начале 1943 г. 220-тысячная Итальянская армия в России (АРМИР) потерпела сокрушительное поражение в районе среднего течения Дона. Как боевая единица АРМИР перестала существовать. Она потеряла более половины личного состава, почти всю военную технику и снаряжение.

В 1942 г. по стране прокатилась мощная волна рабочих выступлений, заметно активизировалась деятельность антифашистских партий. В марте 1943 г. коммунисты организовали на севере Италии всеобщую

забастовку, в которой участвовало более 300 тыс. человек. Бурлила молодежь, все громче становился ропот населения, а полицейские осведомители ежедневно доносили о подозрительном поведении и разговорах иерархов: против Муссолини зрел военно-монархический заговор.

Утром 24 июля 1943 г. секретарь ПНФ К. Скорца информировал дуче о заговоре генералов и о решении короля назначить новым премьер-министром маршала П. Бадольо. Муссолини не стал вступать в борьбу. Как никто другой он понимал, что арест заговорщиков мог лишь продлить агонию и отсрочить печальный финал, но не предотвратить его.

На заседании Большого фашистского совета дуче пытался оправдываться, а затем лишь изредка бросал злобные реплики в ответ на сыпавшиеся на него обвинения. 23 июля 1943 г. после аудиенции у короля Муссолини был арестован и спрятан в казарме карабинеров в Риме. В столице начались волнения. Гитлер, узнав о происшедшем, принял решение немедленно оккупировать Италию. Вечером 25 июля части вермахта начали пересекать границу в Бреннеро.

Через два дня после ареста дуче был отправлен на остров Понца, затем перевезен на остров Маддалена — маленький архипелаг у северного побережья Сардинии, а 31 августа доставлен на высокогорный зимний курорт Гран Сассо и помещен в гостиницу «Кампо императоре».

В начале сентября Италия подписала с союзниками перемирие, одним из условий которого была выдача Муссолини союзникам. Условие не успели выполнить: военно-монархические заговорщики сбежали из Рима.

12 сентября дуче был театрально «освобожден» из плена германскими парашютистами Отто Скорцени. Для операции применялись планеры, которым пришлось садиться и взлетать на узком скальном участке. Необходимости в таком риске не было, так как к этому

времени все окрестности контролировались немецкими войсками. Гитлеру потребовался весь этот спектакль, чтобы подготовить Муссолини к новым действиям, заставить его снова стать бодрым и самоуверенным дуче.

Гитлер предложил Муссолини возглавить марионеточное правительство, воссозданное под германскими стволами, и вернуть Италию в стан союзников Германии. Муссолини был нужен как символ. Бывший дуче, морально сломленный, смертельно уставший и обессиленный, вынужден был согласиться после того, как Гитлер пригрозил взять на себя «заботу о судьбах итальянцев».

18 сентября дуче обратился к итальянцам с речью, которая была передана по радио из Мюнхена. Он провозглашал воссоздание фашистского режима в форме республики, грозился сурово покарать предателей, обещал сделать труд основой государства, отдать предприятия рабочим, а землю — крестьянам. Однако Муссолини не смог добиться того, чтобы его уставший голос звучал как прежде — самоуверенно и напористо.

Новое государство стало называться Республика Сало, от местечка, в котором расположилось министерство иностранных дел. У него был свой флаг, сохранивший национальные цвета, но вместо герба савойской династии на нем появился орел, держащий в когтях ликторский пучок — символ фашизма. Дуче назначил новых перфектов, въехал в подготовленную для него резиденцию, и на том его суверенные действия кончились. Реальная военно-политическая власть принадлежала представителю рейха в Италии Р. Ранну, командующему войсками маршалу А. Кессельрингу и ответственному за внутренний порядок и безопасность в Италии генералу СС К. Вольфу.

На съезде неофашистов в Вероне в ноябре 1943г. был принят манифест, получивший название «Веронской хартии». Муссолини написал первую часть этого документа, а Ранн вычеркнул пункт о сохранении национальной целостности Италии.

По настоянию Гитлера Муссолини предал суду и казнил тех фашистских иерархов, включая своего зятя Чиано, которые голосовали против него на заседании Большого фашистского совета 24 июля, а затем лично составил список из двухсот видных фашистов, которых следовало «наказать по заслугам».

В быту Муссолини совершенно опустился и деградировал физически. Он заметно постарел, сгорбился и обрюзг. Его глаза ввалились, щеки провисли, а дряблый живот вываливался из-под ремня.

Немного скрашивала жизнь бывшего дуче его последняя любовница Кларетта Петаччи. Он всерьез строил планы побега с Клареттой, куда-нибудь в надежное место, где можно было бы укрыться и скоротать оставшиеся годы.

В последние дни перед национальным восстанием в апреле 1945 года Муссолини предпринимал отчаянные попытки спасти свою жизнь. Он предложил руководителям социалистической партии капитуляцию республиканской армии, а когда те ответили отказом, попытался договориться с Комитетом национального освобождения. Узнав, что гитлеровцы предали его и сами ведут переговоры с Комитетом, дуче немедленно бежал в сторону швейцарской границы.

Муссолини был пойман партизанами и 28 апреля 1945 года расстрелян по приказу Главного командования Корпуса добровольцев свободы. Утром 29 апреля миланцы увидели на площади Лоретто тела Муссолини, Петаччи и нескольких казненных фашистских иерархов, подвешенными за ноги к металлическим опорам бензоколонки.

НОРЬЕГА МОРЕНА МАНУЭЛЬ АНТОНИО (Р. 1938)

Мануэль Норьега — правитель Панамы, коррупционер, торговец наркотиками. Среди прочих латиноамериканских диктаторов «отличился» тем, что в конце карьеры был осужден за уголовные преступления. Случай беспрецедентный в отношении руководителя государства. Мануэль Антонио Норьега родился 11 февраля 1938 г. в бедной семье. Мать служила горничной, отец — мелким клерком. Мать умерла рано. Отец воспитанию сына предпочитал виски и дешевые бордели. В результате Норьега не приобрел хороших манер, не выработал в себе каких-либо моральных, этических принципов. Правда, улица воспитала в нем целеустремленность и умение добиваться поставленных целей. Эти качества позволили Норьеге, несмотря на недостаток средств, поступить после окончания средней школы на медицинский факультет Панамского университета.

Профессия врача Норьегу не увлекла, и, получив университетский диплом, он отправился в Чили, в военное училище «Чорильос». Оттуда началась его карьера и продвижение вверх. Именно тогда, в 50-е годы, он впервые установил связь с американской разведкой, активно «стуча» на своих же товарищей по училищу. По словам самого Норьеги, он был завербован ЦРУ США в 1958 г. И примерно с того времени начал получать различные «дары, премии, стипендии, субсидии», а потом и жалованье от этого ведомства.

В 1962 г. Норьега благополучно закончил училище и ему было присвоено первое офицерское звание — младший лейтенант. Вернувшись домой, молодой офицер начал свое восхождение по служебной лестнице в Национальной гвардии. Через шесть лет он стал стар-

шим лейтенантом и его направили для дальнейшего прохождения службы в провинцию Чирики на границе с Коста-Рикой. Здесь Норьега взялся за организацию слежки за рабочими банановых плантаций, «чтобы воспрепятствовать проникновению коммунизма в их ряды».

Сблизившись со многими офицерами, поддерживавшими командующего Национальной гвардией Панамы генерала Омара Торрихоса Эрреру, Норьега принял активное участие в военном перевороте 1968 г., в котором ЦРУ играло не последнюю роль. После прихода генерала Торрихоса к власти, дела Норьеги резко пошли в гору. Он получил прекрасную возможность стремительной карьеры в Национальной гвардии, чем не замедлил воспользоваться. Но особое расположение и покровительство Торрихоса Норьега завоевал в декабре 1969 г., когда во многом благодаря его усилиям была сорвана попытка государственного переворота, направленного против Торрихоса.

До переворота Торрихос выделял Норьегу из офицерской среды, но считал, что его чрезмерные политические амбиции и беспринципность не позволяют ему занимать высокий пост. После переворота, в 1970 г., Торрихос назначил произведенного в подполковники Норьегу главой Панамской военной разведки и контрразведки «Джи-2». В результате Норьега стал фактически вторым человеком в Панамском государстве.

В течение одиннадцати лет он был начальником «Джи-2», ведомства, внушавшего страх панамцам и напоминавшего по своей сути румынскую «Секуритате» и другие подобного рода репрессивные учреждения. Одновременно Норьега активно сотрудничал с ЦРУ. Сам Норьега признавался, что где-то с 1971 г. ЦРУ начало более или менее регулярно платить ему жалованье. Пост руководителя секретных служб открывал перед честолюбивым полковником неограниченные возможности для самой разнообразной деятельности, в том чис-

ле и не связанной с его прямыми служебными обязанностями.

В 1977 г. в связи с переговорами по Панамскому каналу «особая подозрительная деятельность» Норьеги рассматривалась конгрессом США. Сенатор-демократ от штата Индиана, председатель специального сенатского комитета по разведке Бай отвечал на вопрос о том, является ли панамский полковник торговцем наркотиками. Как следует из записей в протоколах конгресса, сенатор Бай ответил: «Я не думаю, что мы располагаем достаточными свидетельствами для того, чтобы начать против него судебное преследование в нашей стране. Но скажу вам, что, судя по документам, которые я читал, имеется множество подозрений в отношении этого служащего Национальной гвардии Панамы». В конечном итоге администрация президента США Картера постаралась как-то замять, замолчать это «деликатное дело». И причины здесь скорее всего не в том, что участие Норьеги в торговле наркотиками и оружием, а также занятие другими сомнительными делами не имело таких грандиозных масштабов, как ими оно характеризовалось позднее.

Панамский полковник был слишком ценен для разведслужб США, чтобы рвать с ним связи. «Когда приходится заниматься грязным делом, — говорил один из отставных государственных деятелей США, — то приходится мириться с недостатками людей, готовых в нем помогать». Нельзя было пренебрегать услугами начальника секретных служб Панамы и потому, что ЦРУ остановило свой выбор на Норьеге в качестве альтернативы Торрихосу, который сблизился с Фиделем Кастро.

ЦРУ не ошиблось в выборе. Постепенно Норьега начал снабжать США информацией о содержании встреч Торрихоса с кубинским лидером. Именно тогда, в 70-е годы, Норьега договорился с ЦРУ относительно подготовки специальной диверсионной группы, которая позже установила взрывные устройства в зоне Панамско-

го канала. Эти взрывы были тайной панамо-американской акцией, которая имела психологическое значение и должна была «придать импульс» застопорившимся было переговорам о передаче Панаме канала, принадлежащего США. По поводу этой диверсии Норьега был вызван в Вашингтон, чтобы дать объяснения тогдашнему директору ЦРУ Джорджу Бушу. Так впервые состоялась их встреча. Контакты с панамским диктатором попортили немало крови Бушу впоследствии, во время его предвыборной президентской кампании.

31 июля 1981 г. при загадочных, до сих пор не выясненных обстоятельствах генерал Омар Торрихос погиб в авиационной катастрофе. А незадолго до этого произошло малоприметное, но наводящее на размышления событие. В печати вдруг начали усиленно распускаться слухи о том, что с территории Панамы поступает оружие для колумбийской повстанческой группировки «Д-19». 26 марта 1981 г. в Колумбию для улаживания этого щекотливого дела срочно вылетел министр внутренних дел Панамы Хорхе Риттер. Его сопровождал начальник госбезопасности подполковник Норьега. Анекдотичность ситуации в том, что как раз Норьега-то и был тем человеком, который организовал указанную поставку оружия.

В то время как Торрихос пытался претворить в жизнь свои националистические и реформистские проекты, начальник секретных служб все больше и больше внимания уделял своим личным делам, потихоньку наращивая капитал на торговле оружием, наркотиками, секретной информацией, и не брезгуя при этом никакими средствами для увеличения богатства.

После гибели Торрихоса на пути Норьеги к вершине власти оставалось всего три старших по чину офицера — полковники Ф. Флорес, Р. Д. Паредес, А. Контрерас. Норьеге потребовалось всего два года, чтобы обойти соперников и возглавить Национальную гвардию Панамы. Когда полковник Флоренсио Флорес вступил в

должность главнокомандующего Национальной гвардией и поклялся продолжить дело покойного генерала Торрихоса, в казармах уже развернулась борьба за власть. 3 марта 1982 г. Флорес ушел в отставку. Ближайшие соратники Торрихоса Рубен Дарио Паредес, Роберто Диас Эррера и Норьега заключили соглашение, призванное мирным путем решить исход начавшейся борьбы: Паредес занимает пост командующего Национальной гвардией и выходит в отставку в августе 1983 г., позволив Норьеге сменить его на этом посту. Диас Эррера занимает пост заместителя начальника Генерального штаба.

Уже в июле 1982 г. Национальная гвардия сместила президента страны Аристидеса Ройо. Его сменил вице-президент Рикардо де Эспералья. Одновременно с чисткой правительства военные начали оказывать сильный нажим на руководство правящей Революционно-демократической партии (РДП). 10 ноября 1982 г. критиковавший позицию Национальной гвардии и стремившийся проводить независимый от нее курс генеральный секретарь РДП Эрнесто Перес Бальярдо подал в отставку. За месяц до этого он иронически заметил, что начавшееся в Панаме оживление политической деятельности внешне имеет облик демократии, но на самом деле направлено на то, чтобы замаскировать личные интересы.

Эти слова относились, прежде всего, к Норьеге. Когда Паредес уступил пост главнокомандующего Национальной гвардией Норьеге и выставил свою кандидатуру на президентских выборах, между союзниками уже не было согласия. В прессе Паредеса все чаще называли продажным ставленником США, желающим узурпировать власть и продать свою страну американским монополиям. В конечном итоге его вынудили снять свою кандидатуру, выставившуюся от правящего блока.

Генерал не сдался. Он баллотировался от ряда оппо-

зиционных партий. В ответ полковник Диас Эррера 26 декабря 1983 г. заявил: «Кандидатура Паредеса не пользуется поддержкой военных, и в случае, если он наберет значительное число голосов, вооруженные силы проявят неуважение к национальной конституции». Это было уже прямой угрозой. Армия начала открыто демонстрировать свою силу.

Эррера, целиком и полностью поддерживавший Норьегу в его борьбе против Паредеса, через несколько лет сам стал жертвой произвола командующего Национальной гвардией. Норьега всеми силами стремился усилить позиции Национальной гвардии и сохранить контроль над ней.

Осенью 1983 г. панамский парламент, уступая нажиму Норьеги, принял закон из 78 статей о создании Сил национальной обороны. В соответствии с этим законом в состав СНО включались: Национальная гвардия, военно-морские силы, военно-воздушные силы, силы обороны Панамского канала, дорожная полиция, обычная полиция, таможня, службы иммиграции, лесной надзор, службы внутренних доходов и другие учреждения, регулирующие жизнь в стране. Вводились новые генеральские звания. Последнее нововведение не имело практического значения, а было призвано удовлетворить властные амбиции военного руководства.

Архиепископ Панама Мак-Грат не без основания назвал новый закон неконституционным и антидемократическим. «С помощью конституции, — подчеркивал он, — предпринимаются попытки создать военное государство в рамках гражданского. С этой целью ограничены или даже узурпированы конституционные функции исполнительной и законодательной властей, а также поставлены под угрозу права человека».

В союзе с церковью выступила и оппозиция. Основной кандидат от нее Арнульфо Арриас требовал немедленной отмены «незаконного закона». Это вызвало серьезный конфликт между ним и Норьегой. Закон,

конечно же, никто отменять не собирался, чтобы не рисковать своей жизнью.

После принятия закона СНО очень быстро превратилась в гигантский для такой маленькой страны репрессивно-карательный аппарат, а Норьега сосредоточил в своих руках абсолютную неограниченную власть. Он достиг того, к чему стремился. Президенты страны стали марионетками в руках главнокомандующего. В феврале 1984 г. всего за два месяца до выборов, вынужден был подать в отставку президент Рикардо де Эспералья. Та же участь постигла в будущем и избранного по указке Норьеги «законного» президента Барлету, когда он стал негоден диктатору.

Норьега использовал полученную власть, прежде всего, для скорейшего обогащения. В 1982 г. при поддержке ЦРУ он способствовал передаче ракет французского производства «Эскозе» Аргентине, которая вела войну с Великобританией из-за Фолклендских островов. И хотя США официально склонялись к оказанию помощи своему союзнику по НАТО — Англии, ЦРУ опасалось сокрушительного поражения, которое могли потерпеть аргентинские вооруженные силы, а потому решило их несколько укрепить. Эту поддержку аргентинские генералы получили благодаря тому, что они по просьбе ЦРУ участвовали в обучении сил никарагуанских «контрас». Кстати, и генерал Норьега обеспечивал функционирование скрытых каналов, по которым «контрас» передавались сотни тысяч долларов. Не оставался внакладе и сам генерал. ЦРУ предоставляло в его распоряжение тайные «чрезвычайные» фонды, составившие в общей сложности 11 миллионов долларов. Президент Рейган и вице-президент Буш поддерживали «контрас» вопреки решениям конгресса, в результате чего не один раз оказывались в неловком положении.

С воцарением Норьеги поток наркодолларов захлестнул Панаму. Деньги от наркотиков вкладывались за-

частую наличными в строительство небоскребов, которые придали Панама-сити силуэт Манхэттена на Тихом океане. Столица страны, и до Норвеги бывшая крупнейшим в Латинской Америке банковским центром для отмывания «грязных» денег, превратилась в сплошной вертеп. Наркотики стали только частью огромного потока контрабанды. Панама-сити превратилась в столицу всякого рода сомнительных услуг. Одни из самых распространенных — продажа гражданства и подставные фирмы, которые можно купить фактически за бесценок (всего за 285 долларов).

Один из панамских бизнесменов цинично признался: «Своему адвокату надо говорить все, как священнику на исповеди. Ему нужно объяснить, что желательно избежать налогов или лишить кого-либо наследства. Тогда он создаст общество, в устав которого включит требуемые положения, и дело в шляпе». Некоторые американские писатели, имеющие успех, продавали свои авторские права панамским фирмам, владельцами которых сами же и являлись. По такому же принципу некоторые французы, имевшие квартиры в богатых кварталах Парижа, якобы продали их в 1981 г. панамским фирмам, чтобы уклониться от налога на большое состояние.

Также под прикрытием подставной фирмы султан Брунея купил яхту у саудовского дельца Аднана Хашогги. Каждую неделю самолет, прибывавший рейсом из Амстердама, был переполнен китайцами из Гонконга, которые всего за несколько часов в столице Панамы успевали получить панамский паспорт. В предвидении возвращения Гонконга Китаю они собирались обосноваться в Колоне, на атлантическом побережье, первой свободной зоне мира после Гонконга.

Всякого рода махинации расцвели при Норвеге пышным цветом. «За деньги Норвега готов защищать любое дело», — говорил один из панамских предпринимателей. Во времена Норвеги ни одна компания не

могла открыть свое представительство в свободной торговой зоне в порту Колон без взятки военной администрации. Чиновники этой администрации, как правило, закрывали глаза на контрабанду.

Коррупция стала таким распространенным явлением, что военные даже учредили там собственную компанию «Транзит», чья единственная цель состояла в получении взяток за контрабандный ввоз и вывоз товаров из свободной зоны в Колоне. На контрабанду приходилось примерно 30% всех операций зоны. Деньги, полученные за наркотики, смешавшись с деньгами, легально вырученными за нефть или кофе, превращались в новейшую радиоэлектронику, духи, одежду.

Стоящий вдали от охраняемой зоны канала порт Коко-Соло считается основным центром переправки контрабанды. При Норьеге порт каждый месяц был закрыт на три или четыре дня. К нему невозможно было подступиться. Перед лодками стояли грузовики сил Национальной обороты. Военные занимались погрузкой или разгрузкой товаров. Наркотики, оружие, предметы роскоши — вот основной ассортимент правительственной контрабанды. Часто исчезали бесследно, например, тысяча видеокамер, тысяча компьютеров, но никто на это не жаловался. Норьега наладил тесные связи с колумбийскими наркодельцами и отмывал их деньги в банках Панама. Большая часть операций проводилась через Международный кредитно-коммерческий банк Панама (МККБ). Норьега открыл в МККБ несколько счетов под кодом «Зорро», на которые ему переводились комиссионные, причитавшиеся за поддержку операций наркомафии.

Представители банка проводили, следуя указаниям Норьеги, встречи в Колумбии с руководством «Медельинского картеля», в том числе с Пабло Эскобаром, Хорхе Очоа, Эдуарде Мартинесом. Доверенным лицом Норьеги при контактах с наркобаронами выступал некий Карлос Дуке. Человек с блестящим и изворотливым

умом, он заработал почетный титул «короля по отмыванию наркодоолларов». Дуже возглавлял пресловутую компанию «Транзит», взимавшую налоги с основных и контрабандных товаров, разгружаемых в Колоне, и, главным образом, в Коко-Соло. Он также додумался продавать за 8000 долларов паспорта умерших граждан Мексики, Коста-Рики и Гватемалы кубинцам, желающим уехать в США.

Международный кредитно-коммерческий банк предоставлял во времена Норьеги немалые кредиты Силам национальной обороны Панамы. В частности, на средства банка были приобретены самолет «Боинг-727-100» и вертолет «Белл-212». Норьега лично открыл в МККБ счет на имя Национальной гвардии. Позже им были открыты счета в филиалах МККБ в Люксембурге, Лондоне и Майами. Всего около 23 миллионов долларов было переведено через МККБ на имя Норьеги и членов его семьи.

В общей сложности Норьега и его семейство, по подсчетам Генеральной прокуратуры Панамы, за счет государственной казны незаконным путем нажили состояние на сумму, превышающую два миллиарда долларов. Эта цифра соответствует едва ли не половине внешней задолженности Панамы, равняющейся на 1992 г. чуть более пяти миллиардам долларов.

Генерал Норьега и его семья ни в чем себе не отказывали, вели роскошный, королевский образ жизни. Но Норьега не был бы Норьегой, если бы не умел постоянно менять маски, скрывая свое истинное лицо. Он играл роль благочестивого героя, работающего на благо своей страны, заботящегося о ее процветании.

Постепенно он уверовал в свою несокрушимость. Этому во многом способствовал искусственно созданный вокруг него ореол «народного генерала», «железного генерала», «победителя». Шла беспрестанная демонстрация лояльности со стороны военных и правительственных институтов, устраивались пыш-

ные парады и маневры батальонов «Дигнидад», комитетов защиты родины и т. п. В общем, Норьега использовал отработанную десятками предшественников в других странах технологию оболванивания масс.

Свои связи с «кокаиновыми баронами» генерал для отвода глаз прикрывал сотрудничеством с американским управлением по борьбе с наркотиками. В случае необходимости он мог даже похвастаться несколькими благодарственными письмами, присланными руководством управления за оказанные услуги в ходе ряда расследований. Более того, в 1984 г. Норьега сделал весьма хитрый ход. Он неожиданно для всех арестовал одного из своих ближайших сотрудников, секретаря Генерального штаба армии СНО Хулиана Мело, инкриминируя ему создание сети торговли наркотиками, которая действовала, дескать, «при попустительстве панамской армии». А через несколько месяцев последовал ряд отставок, несомненно связанных с «делом Мело».

Состояние Панамского правителя росло не только за счет операций с наркотиками. Он занимался еще и контрабандой оружия, используя в качестве посредника одного из своих ближайших помощников — израильянина Майка Харрари.

В 1979 г. Харрари ушел с поста руководителя израильской разведслужбы в Центральной Америке и Мексике и стал консультантом Норьеги по военным вопросам. С начала 80-х годов он — торговый атташе Панамского генерала и почетный консул в Тель-Авиве.

Параллельно с незаконными сделками генерал Норьега продолжал тесно сотрудничать с ЦРУ. В период президентства Рейгана он как минимум пять раз встречался с тогдашним директором главного разведывательного ведомства США У. Кейси, как в Панаме, так и в Лэнгли.

Во время одной из таких встреч директору ЦРУ было поручено убедить Норьегу в недопустимости его даль-

нейшего участия в наркобизнесе. Однако многоопытный Кейси не справился с поставленной задачей.

Встречался панамский генерал и с еще двумя «прославившимися» в свое время людьми — Г. Пойндекстером и О. Нортон — главными героями известной аферы «Иран-контрас». Особенно доверительный разговор состоялся между Норьегой и полковником Нортон во время их тайной встречи в Лондоне. В 1986 г. американский полковник принял предложение панамского правителя организовать операции саботажа в Никарагуа и в то же время отверг другое предложение — организации покушения на сандинистское руководство.

Несмотря на ценность Норьего как агента американской разведки и как канала для перекачки денег «контрас», постоянно росшее число сообщений о нарушении прав человека в Панаме, нашумевший скандал с убийством политического противника Норьего Хуго Спадафора и вопиющие свидетельства его широчайшей торговли наркотиками привели к прекращению всей американской финансовой помощи Панаме в 1987 г. и замораживанию панамских активов в банках США. После избрание в 1988 г. президентом США Джорджа Буша, тот предпринял активное наступление на своего бывшего союзника, призвав панамцев изгнать Норьегу.

После проведения в Панаме в мае 1989 г. президентских выборов оппозиция и международные наблюдатели выступили с рядом заявлений о фальсификации итогов голосования. В ответ правительство Панамы по указке Норьего аннулировало результаты выборов, ссылаясь на «иностранное вмешательство», а на кандидата от оппозиционного блока Г. Эндару и двух его коллег были совершены покушения. При этом один из телохранителей Эндары был убит. Полиция разогнала организованную оппозицией демонстрацию.

Военнослужащие и вооруженные «пронорьеговские» группировки подавили массовые манифестации протеста. Тюрьмы были переполнены. Арестованных

жестоко пытали, применяя электрический ток. Власти оказывали мощное давление на панамские суды. Неудобные, «проявляющие самостоятельность и не подчиняющиеся приказам» судьи немедленно заменялись. Режим агонизировал. Происходило разложение структуры власти как естественное следствие того, что вся политика строилась на силе штыков и пулеметов.

Безразличие «народного генерала» к нуждам трудящихся, его постоянно меняющиеся обещания, бесконечная смена президентов и правительств привели к равнодушию и политическому нигилизму большинства населения. Происходил массовый отход людей от правящей Революционно-демократической партии.

Соединенные Штаты организовали неудачное покушение на генерала Норьегу, и он предпринял абсолютно безрассудный шаг: 15 декабря 1989 г. объявил войну США. 16 декабря панамскими войсками был застрелен американский солдат, а 20 декабря 1989 г. вооруженные силы США вторглись в Панаму, прежде всего с целью ареста Мануэля Норьеги по обвинению в политическом рэжете, терроре и торговле наркотиками. В операции «Справедливое дело» США задействовали 24 тысячи своих военнослужащих. Из них 26 человек погибло и 300 получили ранения. Среди панамских граждан жертвы исчислялись тысячами. Когда американские части вошли в Панама-сити, Норьега успел укрыться в резиденции папского нунция. Вместе с ним там оказались еще 30 беженцев: представители командования СНО, члены правительства и руководства ряда политических партий, в нунциатуре Норьега провел десять дней.

Весь район папской миссии был тотчас же блокирован военными. В Панаму для переговоров прибыл министр обороны США Р. Чейни. Переговоры интенсивно шли также в Вашингтоне и Риме.

Соединенные Штаты настаивали на незамедлительной выдаче бывшего правителя Панамы. Появились

слухи, что США могут вторгнуться на территорию папской миссии для захвата Норьеги, так как, возможно, генерал и его сторонники заявили туда с оружием.

Пока в Белом доме обсуждались возможные способы «изъятия» Норьеги из резиденции нунция, в Ватикане рассматривались альтернативные варианты выхода из затруднительного положения. Ведь в соответствии с многовековой традицией католическая церковь не выдает тех, кто ищет у нее убежища. Как известно, Ватикан обычно не принимает беженцев на своей территории, а вступает в переговоры с правительством одной из третьих стран для того, чтобы передать ему их. Парадокс заключался в том, что в свое время папский нунций в Панаме Хосе Себастьян Лабоа резко критиковал Норьегу, а в стенах представительства Ватикана находили убежище противники Норьеги. В частности, там скрывался Г. Эндара, ставший после свержения Норьеги президентом страны.

К 27 декабря договаривавшиеся стороны сформировали три варианта решения проблемы: вывоз Норьеги в США, выдача его панамским властям, выезд генерала в третью страну. Последний вариант отпал, так как ни одна из третьих стран не соглашался принять у себя Норьегу. Новое правительство Панамы мечтало избавиться от Норьеги. Президент Эндара заявлял, что Панама не может гарантировать должного суда над генералом.

Обстановка вокруг папской миссии накалялась. Сам Норьега находился в таком угнетенном состоянии, что даже не мог говорить. Большую часть времени он проводил в одиночестве. Папский нунций доказывал, что не может передать генерала против его воли американским войскам, равным образом как не может и принудить Норьегу покинуть миссию, поскольку это, во-первых, противоречило бы международному праву, а во-вторых, шло бы вразрез с традициями церкви.

Блокировавшие папскую миссию американские во-

еннослужащие предприняли необычную акцию: они расставили вокруг представительства мощные громкоговорители, из которых понеслись рок-песни с многозначительными названиями: «Ты будешь гореть в аду», «Некуда бежать», «Я боролся с законом и проиграл» и т. п. В паузах раздавалось: «Норьега, выходи», «Ты обречен!», «Твоя песенка спета!». Сотрудники миссии выразили протест и официальные лица США вынуждены были принести извинения.

3 января 1990 г., после настойчивых уговоров папского нунция, Норьега решил сдаться. Вечером он надел парадный мундир со всеми регалиями, взял в руки Библию и вышел к воротам миссии. Генерал М. Сиснерос препроводил пленника на американскую военную базу Говард, а оттуда его доставили в Майами в тюрьму строгого режима.

Суд над Норьегой начался осенью 1991 г. Большинство свидетелей обвинения ничем не отличались от Норьеги, но за показания против генерала освобождались от уголовной ответственности. В ходе судебного процесса всплыло немало неприятных для американской администрации фактов. Так, например, получило широкую огласку то, что в 1983 г. Норьега прибыл в США с официальным визитом для встречи с тогдашним вице-президентом Джорджем Бушем на самолете, который был загружен кокаином, предназначенным для продажи в США.

10 апреля 1992 г. Мануэль Норьега был признан виновным по всем предъявленным пунктам обвинения. Его приговорили к 40 годам тюремного заключения.

ПАК ЧЖОН ХИ (1917–1979)

Сначала глава военной хунты, а потом президент Южной Кореи, Пак Чжон Хи установил в стране тоталитарный режим. Однако именно в годы его правления были заложены основы экономического процветания современной Южной Кореи.

Пак Чжон Хи родился в бедной крестьянской семье 30 сентября 1917 г. Первые воинские навыки он получил под руководством японских преподавателей в Военной академии Маньчжу, которую закончил в 1942 г. лучшим на своем курсе. В этом не было ничего удивительного, так как Пак с детства рос вундеркиндом. Во время второй мировой войны он служил в японских войсках в Маньчжурии. После поражения Японии в 1945 г. вернулся в Корею. За один год освоив курс Корейской Военной академии, Пак Чжон Хи в декабре 1946 г. получил чин капитана.

Молодой способный офицер привлек внимание американских оккупационных сил. Янки подыскивали подходящие кадры для развертывания южнокорейской армии. Выбранные ими люди, пройдя переподготовку, составили командный костяк армии южнокорейской национальной обороны.

В 1948 г. Пак был обвинен в сотрудничестве с коммунистами и изгнан из армии. В свете дальнейшего его поведения такое обвинение выглядит довольно-таки необоснованным. В июне 1950 г. началась война между Северной и Южной Кореей. Пак снова призвали в армию. Он воевал храбро, много раз попадал в списки награжденных и к концу войны (1953 г.) получил звание бригадного генерала.

После войны Пак стремительно продвигался по служебной лестнице. К 1960 г. он уже занимал пост замес-

тителя командующего 2-й армией и имел звание генерал-майора. Что еще более важно, Пак имел авторитет и влияние в армейской среде.

В марте 1960 г. Южную Корею потряс политический кризис. Ли Сын Ман был низложен по обвинению в подтасовке результатов голосования.

Место премьер-министра занял Чан Мен — человек случайный и неспособный в полной мере справляться со своими обязанностями. Правящие круги страны стали искать «сильную личность», которая сумела бы «навести порядок». Такой человек быстро нашелся. Пака Чжон Хи снабдили деньгами самые влиятельные промышленники и финансисты. Президент Юн Босон, введенный в курс дела, договорился с Паком, что останется после переворота на своем посту.

Выступление началось в ночь с 15 на 16 мая. На стороне мятежников действовали значительные силы морской пехоты, части двух пехотных дивизий и парашютисты. Правительственные войска практически не оказали какого-либо сопротивления направившимся в Сеул частям, если не считать незначительной стычки с охраной на мосту через реку Ханган. Прибывшие в столицу подразделения беспрепятственно устанавливали контроль в ключевых пунктах, захватывали важные правительственные и государственные учреждения.

Созданный из числа старших офицеров «Военно-революционный комитет», преобразованный вскоре в Высший совет государственной реконструкции — ВСГР, заявил утром 16 мая об успешном осуществлении «военной революции». Хунта ввела военное положение, что было одобрено президентом Юн Босоном, распустила Национальное собрание, все политические партии и общественные организации, запретила проведение митингов и демонстраций, закрыла многие газеты и журналы, ввела строжайшую цензуру. Успеху бескровного переворота во многом способствовала позиция президента, ко-

торый через доверенное лицо, использовавшее специальный самолет, направил в штабы корпусов и дивизий указание не только не оказывать сопротивления путчистам, а, наоборот, поддержать.

Поведение премьер-министра Чан Мена также содействовало успеху заговорщиков. Получив по телефону сообщение о начавшемся военном путче, он с супругой и личным секретарем сбежал и два дня прятался в укромном месте, а затем прибыл в штаб-квартиру хунты, где и заявил о своем отречении от власти. Впоследствии Чан Мен неоднократно призывал к сотрудничеству с военными в создании сильного национального правительства.

В заявлении, сделанном военными лидерами после переворота, содержалось обещание передать власть в руки гражданских лиц сразу после выполнения «задач революции». Во многом благодаря этому хунту, возглавлявшуюся Пак Чжон Хи, быстро признали в мире.

Главным политическим лозунгом Пак Чжон Хи стало «национальное возрождение», которое предусматривало создание «кореизированной здоровой демократии» и «обновление, усовершенствование личности» на базе укрепления «национального самосознания и подъема национального духа». В программных книгах Пак Чжон Хи «Путь нашей нации» (1962) и «Государство, революция и я» (1963) провозглашалось, что для процветания и прогресса корейской нации необходимо установить основы «здоровой национальной этики», осуществить «революционное преобразование человека», «общественную реконструкцию», ликвидировать склонность к «рабской покорности», добиться «национального сплочения» южнокорейского населения и привить народу дух самоуправления. Все эти теории широко пропагандировались среди населения Южной Кореи, вошли составной частью в программы деятельности правительства, правящей партии Минджуконхвадан, других правительственных союзов и организаций общественного характера.

Для «совершенствования и обновления» страны хунта предприняла существенную перестройку всего государственного механизма. Закон о чрезвычайных мероприятиях по реконструкции государства, опубликованный 6 июня 1961 г., заменил конституцию. Залогом обеспечения реконструкции считалось сохранение строящегося тоталитарного режима.

В Законе было заявлено, что до выполнения «задач революции» изменения в политической жизни не будут допущены.

В качестве верховного органа правления Закон определял Высший совет государственной реконструкции, который наделялся абсолютной властью — административной и законодательной. Членами ВСГР могли стать от 20 до 32 офицеров действительной службы, преданных идеям «военной революции».

Закон предусматривал создание кабинета министров, но не наделял его правом принимать самостоятельные решения. Кабинет министров должен был работать под контролем ВСГР, согласовывая с ним свои действия.

Огромная концентрация власти в руках небольшой группы военных сопровождалась созданием и ростом разведывательных организаций и увеличением их значения в системе органов государства. Особая роль была отведена Центральному разведывательному управлению, которое возглавил один из инициаторов переворота, полковник Ким Джон Пхиль. ЦРУ развернуло тотальную слежку за южнокорейскими гражданами. Разветвленная сеть сотрудников управления занялась выявлением инакомыслящих в государственных учреждениях, на частных предприятиях, в учебных заведениях, армейских частях, органах правящей партии и т. д.

Минджу конхвадан (Демократическая республиканская партия) начала создаваться Ким Джон Пхилем в начале 1962 г., за год до того, как власти официально разрешили политическую деятельность. Она должна

была служить одной из массовых опор режима. Впоследствии Паку пришлось ограничивать честолюбивые замашки Ким Джон Пхия, который стремился монополизировать власть в партии, добиться возвышения партии над государством, сращивания партийного и государственного аппарата. Пак Чжон Хи решительно противился подобным тенденциям, считая, что власть должна оставаться прерогативой бюрократического государственного аппарата.

Ограничение демократических свобод, милитаризацию и бюрократизацию общественной жизни страны в начальный период правления хунты Пак Чжон Хи обосновывал теорией «административной демократии», согласно которой государство должно осуществлять полицейский, бюрократический контроль над личностью и всеми областями общественной жизни.

Для насильственного подавления оппозиционных организаций Пак санкционировал разработку ряда юридических актов, расплывчатые статьи которых позволяли подвергнуть наказанию любое неугодное режиму лицо. Такие акты, как Специальный закон о наказании за особые преступления, Временный специальный закон о наказании особых преступлений, Антикоммунистический закон наделялись обратной силой. Они позволяли карать за действия, которые в момент их совершения не считались преступными.

К судебной ответственности по обвинению в антигосударственной деятельности были привлечены многие лидеры старых партий. Меньшую часть из них расстреляли, а большинство получили различные сроки тюремного заключения — от 5 до 15 лет. Всего в тюрьмах оказалось около 20 тысяч активных противников режима.

Репрессии вызвали крайне неблагоприятную для хунты реакцию. Тогда Пак решил переключить внимание масс на другие широко разрекламированные судебные процессы. Были преданы суду и наказаны наибо-

лее одиозные деятели лисынмановского режима — ответственные за кровавые расправы над студенческими демонстрациями, виновные в казнокрадстве и фальсификации выборов в марте 1960 г.

Хунта стремилась к усилению социальных функций государства. Она специальным декретом запретила проведение забастовок. Одновременно государство стало контролировать заработную плату, усилило преследование активистов левых организаций, широко использовало черные списки.

Пак Чжон Хи стремился поставить под контроль государства не только политическую и экономическую, но и духовную жизнь страны. Этой цели должно было служить «движение за национальную реконструкцию», начало которой положил закон, принятый 9 июня 1961 г.

«Реконструкция» предполагала ликвидацию технико-экономической отсталости, подъем производительных сил, увеличение и перераспределение потребления. Хотя осуществление «реконструкции» не всегда приносило желаемые результаты, Пак Чжон Хи сумел в короткий срок добиться активизации экономики страны. Начался рост благосостояния населения, набирали силы гигантские промышленные корпорации.

Штаб движения, действуя под руководством ВСГР, направлял деятельность широко разветвленной системы организаций на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях и т. д. Руководители и активисты местных организаций в соответствии с установками военных проводили широкую разъяснительную работу и осуществляли различного рода практические мероприятия.

Наиболее одиозной формой движения явилось создание военизированных команд. Власти утверждали, что одной из целей такой мобилизации трудовых ресурсов, использованных на «общественных объектах» — строительстве дорог, ирригационных сооруже-

ний и т. п., — являлось стремление уменьшить безработицу в стране. Молодые люди, загнанные в эти команды, содержались на казарменном положении, работали под надзором демобилизованных офицеров, насаждавших суровый режим и жесткую дисциплину. За свою тяжелую работу люди в командах фактически не получали вознаграждения. Им предоставлялись лишь униформа, рацион и место в бараке. Эта форма «движения за национальную реконструкцию» из-за противодействия населения довольно скоро прекратила свое существование.

Намного больше пользы принесла начавшаяся в рамках движения реформа образования. До середины 60-х гг. в системе образования Южной Кореи преобладало гуманитарное направление. Промышленное развитие вынудило правительство Пак Чжон Хи пойти на расширение технического образования. В новогоднем выступлении в Национальном собрании 16 января 1965 г. Пак Чжон Хи, определяя политику в области просвещения, заявил, что необходимо добиться постепенного перевода ряда институтов, где наблюдается непропорционально большой выпуск специалистов-гуманитариев, в разряд высших учебных заведений с «инженерно-техническим уклоном и практическими навыками».

В результате проведенной в 1965 г. реформы среднего образования увеличилось число профессиональных и технических школ. По договоренности с США и Японией в 1967–1986 гг. в Южной Корее было создано два специальных центра по обучению корейской молодежи различным техническим специальностям американскими и японскими преподавателями. Готовились квалифицированные кадры и в зарубежных вузах.

Военные власти взяли все дело просвещения под строгий контроль. Огромное количество учебного времени было посвящено пропаганде целей и задач «военной революции». Вузы военизировались. На военную подготовку студента-пехотинца отводилось 702 часа в

течение двух лет, студента-моряка — 1064 часа в течение четырех лет. Часть окончивавших высшие учебные заведения рекрутировалась в армию, в младший офицерский состав.

К лету 1963 г., когда обстановка в стране нормализовалась и пришло время, как было обещано, передавать власть гражданским, выяснилось, что Пак Чжон Хи не спешит покидать свой пост. Первым делом он постарался до предела сузить круг претендентов на власть из числа гражданских деятелей.

Закон об упорядочении политической деятельности от 16 марта 1962 г. запрещал членам ранее существовавших 40 партий и организаций заниматься в течение шести лет политической деятельностью. Опубликованный в конце марта список, в который попало более 4 тысяч фамилий, включал не только лиц, отнесенных к прокоммунистическим партиям, но и деятелей явно консервативного толка.

Закон вызвал среди старых политических деятелей возмущенные протесты. Военные, стремясь ослабить недовольство «нечестных старых руководителей», несколько раз объявляли о восстановлении в правах части деятелей, попавших в черный список.

Пак Чжон Хи старался всемерно усилить исполнительную власть. Для этого он развернул кампанию борьбы за пересмотр конституции. 17 декабря 1962 г. в Южной Корее был проведен референдум, на котором ставился вопрос о принятии новой конституции. В 1963 г. конституция вступила в силу.

В ней отразилось стремление Пак Чжон Хи всемерно усилить режим личной власти. Президент был наделен самыми широкими полномочиями: правом формировать кабинет, назначать премьер-министра и других должностных лиц, заключать и ратифицировать договоры, объявлять войну и заключать мир, выступать в роли главнокомандующего вооруженными силами, решать вопрос о помиловании и смягчении наказания,

производить награждения и т. д. По конституции 1962 г. президент избирался прямым голосованием сроком на четыре года. Кандидата в президенты должна была выдвинуть политическая партия, членом которой он являлся. Такое же условие объявлялось необходимым и для кандидата в члены Национального собрания.

Как только в начале 1963 г. была разрешена политическая деятельность, политики приступили к сколачиванию партий, намереваясь от их лица претендовать на власть. Они полагали, что введение гражданского правления предоставит им возможность заменить военных деятелей в государственном руководстве.

Такая перспектива явно не входила в планы главы хунты. Пак решил остаться на прежних позициях открытой диктатуры. 16 марта 1963 г., выступая по радио и телевидению, он заявил, что страна еще «не созрела» для гражданского демократического правления, объявил о продлении срока военного правления на четыре года и об отмене выборов. Одновременно было введено чрезвычайное положение и запрещена политическая деятельность.

Это решение вызвало всеобщее возмущение. Сразу же начались студенческие демонстрации во всех крупных городах. Решительно протестовали старые политики. Администрация президента США Дж. Кеннеди, неоднократно выражавшая убеждение, что хунта в назначенный срок передаст власть гражданским лицам, оказалась в неловком положении. Американское руководство довольно определенно поставило вопрос о необходимости введения гражданского правления, проведения выборов президента и членов Национального собрания.

Нарастание протеста в стране и обусловленная этим позиция США, с которой невозможно было не считаться, вынудили Пак отказаться от плана продления военного режима и найти другие возможности для удержания власти. В конце августа 1963 г. состоялся съезд

Демократической республиканской партии, который выдвинул Пак Чжон Хи в качестве своего кандидата на пост президента. Для этого ему пришлось уйти с действительной военной службы. Основным соперником Демократической республиканской партии стала Партия демократического управления во главе с Юн Босоном.

На президентских выборах, состоявшихся 15 октября 1963 г., Пак Чжон Хи получил 42,6% голосов, а Юн Босон — 41,2 %. Перевес Паку создали голоса избирателей в сельскохозяйственных районах. Пак, учтя социальную структуру южнокорейского общества, в которой большинство принадлежало крестьянскому населению, сразу же после прихода к власти провел ряд мер, рассчитанных на развитие деревни. Государство взяло на себя часть крестьянской задолженности ростовщикам, выделило кредиты на ведение сельского хозяйства.

В городах Пак проиграл, так как несмотря на некоторый рост доходов горожане по-прежнему жаловались на дороговизну, недостаток жилья, политические неурядицы.

Если на президентских выборах Пак прошел с небольшим перевесом, то через месяц, на выборах в Национальное собрание, его партия добилась внушительной победы. 17 декабря 1963 г. в Сеуле состоялась церемония провозглашения Третьей республики. Было объявлено, что ее создание положило конец режиму военной власти, продолжавшемуся два года и семь месяцев, и возвратило стране конституционную форму правления. После церемонии состоялось открытие вновь избранного Национального собрания. В тот же день приступил к выполнению своих обязанностей сформированный накануне гражданский кабинет. Почти все лица, вошедшие в кабинет, являлись сподвижниками Пак Чжон Хи.

Пак уделял огромное внимание укреплению государ-

ственного аппарата за счет кадров, прошедших, как правило, армейскую школу, и преданных лично ему. Его сторонники утвердились во всех звеньях государственного аппарата, особенно в ведущих учреждениях — военном и внешнеполитическом ведомстве, суде, прокуратуре, полиции, органах разведки и пропаганды.

Пака являлся активным сторонником государственного регулирования экономики, при этом в своей деятельности он стремился тесно сотрудничать с влиятельными финансистами и промышленниками. Ассоциация корейских предпринимателей, созданная в июле 1961 г. и насчитывавшая 145 компаний и 31 корпорацию, стала оказывать прямое и непосредственное влияние на политику правительства. Ассоциация представляла правительству рекомендации по важным вопросам экономической деятельности, вела изучение хозяйственной конъюнктуры в стране и за рубежом, проводила обмен экономическими и торговыми миссиями с другими странами с целью изучения рынков.

Экономическая ситуация в Южной Корее постепенно улучшалась. Экономический рост был достигнут огромным напряжением трудовых ресурсов страны, 10-часовой рабочий день, шестидневная рабочая неделя, только несколько суток отпуска в году — вот истоки сегодняшней экономической мощи Южной Кореи.

Правительство Пака неотступно преследовали такие вечные проблемы, как безработица, дороговизна, нехватка жилья, и особенно коррупция. Нерешенность этих вопросов привела в марте 1964 г. к серии массовых антиправительственных выступлений в Сеуле и других городах.

3 июня 1964 г. недовольство правлением Пака вылилось в требование его отставки. Масса демонстрантов, окружив в Сеуле дворец президента, скандировала требования об уходе Пака с политической арены. В стычках с полицией участники демонстрации ранили более 400 полицейских, захватили несколько армейских

грузовиков, напали на два полицейских участка. Власти ввели военное положение и перебросили в Сеул две армейские дивизии, сумевшие быстро «восстановить порядок».

3 мая 1967 г. состоялись новые президентские выборы. Пак Чжон Хи без труда переиграл Юн Босона. Новый срок его правления ознаменовался усилением репрессий. Несмотря на то, что запрет на деятельность оппозиционных партий был снят, всякая оппозиция жестоко подавлялась. Одновременно Пак готовил «правовые основания» для продления своего правления. Так как конституция 1962 г. давала возможность одному и тому же лицу быть президентом только два срока подряд, Пак и его люди развернули кампанию за пересмотр конституции. Их усилия сводились прежде всего к тому, чтобы добиться внесения в конституцию поправки, которая позволила бы одному лицу занимать пост президента три раза подряд.

Попытка пересмотреть конституцию вызвала резкие возражения оппозиционных партий. Обстановка в стране стала заметно обостряться и в связи с бурными студенческими демонстрациями в конце июня — начале июля 1969 г. В Сеуле произошли кровопролитные столкновения пяти тысяч протестовавших студентов с полицией. С обеих сторон появились многочисленные жертвы. Власти, стремясь предотвратить усиление активности студенчества, временно закрыли более 40 университетов и колледжей, сотни студентов были арестованы.

В конце концов Пак сумел протащить через парламент законопроект с выгодными ему поправками к конституции. Диктатору пришлось даже пригрозить отставкой, если ему не позволят выставить свою кандидатуру на выборах 1971 г. На референдум, который утвердил поправки к конституции, правящая партия израсходовала 15 миллионов долларов. Впрочем, дело того стоило. В 1971 г. Пак вновь был переизбран.

Аппетит приходит во время еды. Пак, традиционно усилив репрессии в начале нового срока, стал думать и о следующих выборах. 17 октября 1972 г. он неожиданно объявил о введении военного положения, запрете всякой политической деятельности, приостановлении действия конституции, а также роспуске парламента (хотя президент и не обладал такими полномочиями). Он заявил, что якобы в интересах диалога с Северной Кореей необходимо осуществить план политической реформы. Десять дней спустя, когда был оглашен проект новых поправок к конституции, стало ясно, что Пак стремится обеспечить сохранение своей власти после истечения третьего срока президентства.

Проект поправок к конституции предлагал аннулировать положение, ограничивающее права одного человека быть президентом три срока подряд, продлить срок президентства с четырех до шести лет, ввести непрямую систему избрания президента (голосами выборщиков на конференции). Поправки имели пункт, наделявший главу государства правом назначать кандидатов в Национальное собрание и распустить парламент. Референдум одобрил и эти поправки к конституции.

Предоставленные Паку новые диктаторские полномочия вызвали в городах серьезные волнения, которые подавлялись с последовательной жестокостью. В 1975 г. Пак издал закон, запрещающий критику правительства. Закон, направленный против политических противников режима, проводился в жизнь твердо и бескомпромиссно. С каждым годом сдавал режим Пак Чжон Хи позиции, теряя сторонников и наживая всеобщую ненависть.

Не добавляла популярности Паку и его внешняя политика. Еще в первый свой президентский срок он заключил с США двусторонний военный договор. В январе 1965 г. он принял решение направить в Южный

Вьетнам первоначально 2 тысячи солдат и офицеров. Это решение вызвало ряд стихийных протестов в различных городах страны, было подвергнуто резкой критике в Национальном собрании.

Во время переговоров в Вашингтоне в мае 1965 г. президент США Л. Джонсон пообещал предоставить Южной Корее 150 млн. долларов в качестве кредита на развитие экономики. За это Сеул направил во Вьетнам южнокорейский экспедиционный корпус, насчитывавший 50 тыс. солдат и офицеров.

США взяли на себя расходы по содержанию этих войск. Военное ведомство США предоставило им всю необходимую боевую технику, оплатило транспортировку частей во Вьетнам, расходы на жилье и довольствие, оказало материально-техническую поддержку. Таким образом США покупали пушечное мясо для ведения войны, стремясь сократить собственные потери в живой силе.

Методы управления, насаждавшиеся Паком, его стремление подчинить всех своей воле, террор, который стал затрагивать не только противников, но и сторонников режима, привели к заговору в близких диктатору кругах. Пак Чжон Хи погиб в ноябре 1979 г. в результате покушения — жестокого и загадочного. Мы располагаем только официальной версией происшедшего. Согласно ей, Пака застрелил руководитель корейской разведки Ким Кью во время частного обеда.

Ким затеял резкий и грубый спор с одним из участников обеда и в запале застрелил его. Когда же Пак попытался вмешаться, Кью дважды выстрелил в него. Охрана Пака ворвалась в комнату, но Кью застрелил всех четверых. Таково в кратком пересказе содержание сообщений средств массовой информации Южной Кореи. При этом никто не стал интересоваться, как Кью удалось застрелить шестерых, при этом выстрелив дважды в Пака, из шестизарядного полуавтоматического пистолета.

ПИЛСУДСКИЙ ЮЗЕФ (1867–1935)

Юзеф Клемент Пилсудский — польский революционер и военачальник. После окончания первой мировой войны и гражданской войны в России стал абсолютным диктатором Польши.

Родился 5 декабря 1867 года в Зулуве в Литве. Был четвертым ребенком Юзефа Винценты и Марии (урожденной Биллевич) Пилсудских. После него у родителей появились на свет еще пятеро сыновей и три дочери, последние дети- близнецы умерли в грудном возрасте.

Семья относилась к древним родам литовской шляхты, полностью полонизированной еще несколько веков назад. Ее корни теряются во мраке истории. Сам же Юзеф Пилсудский за свою жизнь заработал себе столько прозвищ и титулов, что хватило бы не только на старого родовитого шляхтича, но и на князя. Маршал, Комендант, Бригадир, «гетман», магдебургский узник, отшельник из Сулеювка, вождь, отец народа — в ореоле всех этих имен и образов в разные периоды жизни предстал Пилсудский перед глазами современников.

Вернемся, однако, к началу биографии нашего героя, когда молодой панич, которого ближние называли Юзюком или Зюком, нежился в зулувском дворе, окруженный достатком и любовью родителей. Особенно он любил мать, женщину действительно незаурядную.

Семья принадлежала к зажиточным главным образом благодаря приданому матери, которое существенно укрепило уже подорванное благосостояние Пилсудских. Однако вскоре от усадьбы, насчитывавшей более десятка тысяч гектаров, осталось совсем немного. В 1874 году семья Пилсудских переехала в Вильно.

Зулувская атмосфера достатка и беспечности бесспорно ушла в прошлое. Хотя дети не страдали от голода, они все чаще на собственной шкуре ощущали недостаток, испытывавшийся семьей. Одно время Зюк **не ходил в школу, потому что не имел штанов.**

Однако Зюк не очень-то близко принимал к сердцу семейные заботы. Он не отличался склонностью к альтруизму, был эгоистичным, к тому же его всегда сопровождали везение и успех.

Чрезвычайно устойчивой чертой личности, сформированной в то время, оставалась также вражда к России. Первые ее зерна посеяла в сердце мальчика любимая мать.

По окончании гимназии в 1885 году юноша с прекрасной генеалогией, но значительно менее привлекательными перспективами встал перед выбором путей взрослой жизни. Осенью он поступил в харьковский университет, в котором проучился без особого энтузиазма год. Собираясь перевестись в университет в Дерпте, Юзеф проводил время в Вильно среди семьи — формальности с переводом немного затянулись.

Заполненное в большей части скукой ежедневного прозябания, вынужденное пребывание в Вильно прервал арест 22 марта 1887 года. Девятнадцатилетний юноша неожиданно оказался втянутым в круговорот больших и грозных дел, о значении которых он даже не мог и догадываться.

Предыстория этого состояла в следующем.

Действовавшая в Петербурге террористическая фракция «Народной воли» готовила покушение на царя Александра III. Братья Пилсудские помогали переправлять из Вильно в Петербург компоненты бомбы. Но ни старший Бронислав, ни тем более Зюк, который только выполнял просьбы брата, понятия не имели о конечной цели конспираторов.

Заговорщикам не повезло. Их совершенно случайно арестовали. Одна из распутывавшихся полицией

нитей привела к братьям Пилсудским. И хотя не было доказательств участия в подготовке покушения, их на всякий случай сурово наказали.

Бронислав, разделяя судьбу всех обвиненных в покушении, был присужден к смертной казни, которую царь «милостиво» заменил на 15 лет сибирской каторги. Ибо в конце концов власти решили, что повешение пяти лиц, в том числе одного из главных организаторов акции — Александра Ульянова, брата Владимира Ульянова-Ленина, и так отпугнет других от мыслей о покушении на царственную особу.

Зюка вообще не поставили перед судом. В принципе полиция не имела убедительных доказательств его вины, однако считала, что даже самая малая причастность к «государственному преступлению» не должна пройти безнаказанной. В результате ничего не знающего о покушении юнца еще до процесса, в административном порядке, наказали пятилетней ссылкой в Восточную Сибирь. Он тяжело пережил это. Уж очень неожиданным был обрушившийся на него удар.

В годы ссылки, которая закончилась в апреле 1892 года, Пилсудский и думать не думал о каких-либо заговорщицких действиях. Тем не менее, после возвращения в Вильно, он постепенно втянулся в конспиративную деятельность. В 1893 году в Варшаве была создана Польская социалистическая партия (ППС). Пилсудский принял активное участие в работе литовской ее секции. Для него это событие имело огромное значение. В конце концов он обретал цель своей запутанной ссылкой жизни.

Не последнее значение имело также то, что в создававшейся партии можно было быстро сделать карьеру, Зюк же никогда не жаловался на отсутствие амбиций.

Молодой конспиратор быстро выдвинулся. Уже на втором съезде партии, в феврале 1894 года, он вошел в состав высшего партийного органа Центрального рабочего комитета, состоявшего из четырех членов, и

вскоре стал в нем личностью номер один. Он быстро превращался в неформального руководителя движения, хотя в последнем и был принят принцип коллегиального руководства.

В течение едва десяти с небольшим месяцев Пилсудский из никому не известного ранее бывшего ссыльного стал одним из столпов польского социалистического движения. Этому немало способствовала его писательская деятельность. В первые годы существования ППС Пилсудский посвятил множество энергии редактированию и изданию печатного органа партии газеты «Работник».

15 июля 1899 года Пилсудский женился на Марии Юшкевич. Молодые недолго были вместе. В феврале 1900 года их арестовали. Марию скоро выпустили, а вот Юзефу грозило 10 лет тюрьмы. Он симулировал помешательство, а в 1901 году бежал из больницы для умалишенных в Петербурге. Потом эмигрировал в Лондон.

Пилсудский довольно быстро восстановил прежние позиции в партии и снова стал во главе ее. Монотонность партийных занятий, если вообще можно употребить такое выражение, чтобы передать ситуацию, в которой действовала нелегальная ППС, нарушило начало русско-японской войны. Пилсудский предложил японцам свои услуги. Предложение было отвергнуто, но японцы предоставили партии материальную помощь.

На IX-м съезде ППС в ноябре 1906 года произошел раскол партии. Сторонники Пилсудского, рекрутируемые прежде всего из боевой организации, оказавшиеся в меньшинстве, покинули зал заседаний и образовали Революционную фракцию ППС. Камнем преткновения стал вопрос о создании своеобразной подпольной армии, способной противостоять регулярным войскам. Фактически речь шла о подготовке очередного анти-русского восстания. Но «молодежь» относилась к идее

национально-освободительной борьбы без того пыла, с которым ее развивали «старики» — Пилсудский и деятели из его окружения.

Ситуация в мире все больше накалялась. Пилсудский был глубоко убежден в том, что в момент начала войны следует бросить на чашу весов вооруженный вклад поляков. Поляки должны выступить союзниками одного из государств, поработивших Польшу. Выбор пал на Австрию, которая полвека назад предоставила полякам автономию, где легче всего было, еще до войны, подготовить необходимые кадры для будущей польской армии.

Комендант стрелков, как стали несколько позже называть Пилсудского, не исключал и возможности очередного национального восстания, направленного против России.

Начало повстанческой армии положило создание Союза активной борьбы. Но конспиративный характер Союза не позволял развернуть массовую деятельность. Этот барьер был устранен, когда в 1910 году в соответствии с австрийским законом о союзах стрелков были основаны легальные военизированные формирования: «Стрелок» в Кракове и «Союз стрелков» во Львове.

Уступки, сделанные австрийцами пилсудчикам, облегчили другим политическим организациям создание аналогичных структур. Самой серьезной из них были Польские отряды стрелков, учрежденные национал-демократами. Все эти организации объединились в 1914 году.

В этих условиях Пилсудский все заметнее превращался из политического деятеля в военачальника. Погрузившись с головой в изучение различных военных дисциплин, он пытался самостоятельно постичь то, чему годами учили курсантов в военных академиях. Ибо находился в нетипичной и трудной ситуации. Готовился к роли полководца, хотя никогда не служил в армии.

Начало войны предоставило возможность для реа-

лизации повстанческой акции стрелков. В последние дни июля 1914 года Пилсудский мобилизовал отряды и развернул интенсивную подготовку к вступлению на польские земли, входящие в состав России.

Довоенные надежды и иллюзии очень быстро развеялись, ранним утром 6 августа 1914 года отряды стрелков пересекли австро-русскую границу, но уже первые часы этой акции стали предвестником ее фиаско. Королевство Польское не признало подчиненных Пилсудского «головной колонной Войска Польского, идущего сражаться за освобождение Родины», как об этом говорилось в первом приказе военачальника, обращенном к солдатам. Годами подготавливавшаяся акция, столкнувшись с равнодушием или даже враждебностью населения, полностью провалилась.

Не подлежит сомнению, что успехи стрелков сразу же привели бы к усилению позиций Германии, что в дальнейшем не сулило ничего хорошего Польше.

В этой сложной ситуации помощь пришла с довольно-таки неожиданной стороны. Ее оказали краковские консерваторы. По их инициативе, в атмосфере галицийского национального согласия, был образован Главный национальный комитет. Под его патронатом началось формирование польских легионов. Они представляли собой нечто похожее на народное ополчение и подчинялись военному командованию Австрии.

Пилсудский болезненно переживал крах личных амбиций. Переформирование отряда стрелков в 1-й пехотный полк легионов было равносильно понижению Главного Коменданта Войска Польского до скромной должности командира одного из легионерских полков.

Но неудача не сломила его. После нескольких месяцев боев Первый полк, а затем и Первая бригада, которыми он командовал, носили уже все черты личной дружины. Это оказалось и необыкновенно прочным явлением. Большинство старых солдат дарили

Коменданта безграничной преданностью до конца его жизни.

Пилсудский также не щадил усилий, чтобы укрепить свое влияние в тылу и по русскую сторону фронта. Этой цели, в частности, служила созданная им летом 1914 года в Варшаве подпольная Польская военная организация, а также образованный позже, уже после отступления царской армии, в декабре 1915 года, Центральный национальный комитет, основанный партиями, симпатизировавшими пилсудчикам.

С течением времени Пилсудский все больше внимания уделял политическим вопросам. Однако в первые месяцы войны его интересовали, прежде всего, военные действия, о которых он знал только по литературе. Теперь же ему пришлось сдавать трудный экзамен на практике. Война поглотила его без остатка; несмотря на лишения, связанные с пребыванием в полевых условиях, несмотря на все опасности, она пробудила в нем неведомые ему дотоле чувства, обнаружила скрытые черты его личности.

В конце концов Пилсудский действительно стал военачальником, заметно возвышавшимся над подчиненными ему солдатами. Эта духовная дистанция ничем не нарушала характерного для него уже с первых дней борьбы патриархального отношения к подчиненным. Он заботился о солдатах и делил с рядовыми все невзгоды их солдатской жизни.

Весной 1916 года был создан Совет полковников легионов, что стало своеобразным вотумом недоверия к императорско-королевскому командованию легионами. Одновременно Пилсудский получил возможность выступать от имени всех легионов. Воспользовавшись этим, он 15 июля направил от имени Совета докладную записку Главному командованию австрийской армии с требованием ясного заявления по польскому вопросу и переформирования легионов в корпус, что должно было стать прологом к созданию польской армии.

В июне 1916 г. сода началось наступление русских под командованием генерала Брусилова, которое провало оборону австрийцев на Волыни. Сражения на Волыни подтвердили высокую боеспособность солдат-легионеров и полностью скомпрометировали императорско- королевскую армию. Получив дополнительные козыри, Пилсудский усилил давление на австрийское руководство, требуя уступок в национальном вопросе. Однако неожиданно вмешались немцы, требуя отставки строптивного офицера. 27 сентября 1916 года Главное командование армии уволило Бригадира из легионов.

Актом от 5 ноября 1916 года немцы возвестили о создании самостоятельного польского государства и польской армии. Пилсудский начал доказывать императорским политикам и штабистам, что без него о создании польского войска нечего и мечтать. По его указанию в легионах началась массовая кампания уходов в отставку. Оккупанты вынуждены были уступить и включили Пилсудского во Временный государственный совет, прообраз польского правительства, возникшего чуть позже в январе 1917 года. Бригадир появился в Варшаве еще до формального образования Совета. 12 декабря 1916 года жители столицы восторженно встретили его на вокзале. Молодежь выпрягла лошадей из экипажа и на руках донесла Пилсудского до гостиницы. Варшавские подчиненные Бригадира постарались, чтобы всем было ясно, что в город прибыл долгожданный вождь народа. От этого зависел успех игры, которую он начал с Германией.

Летом 1917 года Пилсудский пошел на открытую конфронтацию с немцами. В ночь с 21 на 22 июля его вместе с Соснковским (деятелем социалистического движения, сторонником Пилсудского), арестовали и поместили в военную крепость в Магдебурге. Он вышел на свободу благодаря началу революции в Германии 8 ноября 1918 года.

10 ноября 1918 года Пилсудский приехал в Варшаву. На перроне его ждали всего несколько человек — немецким властям удалось сохранить в тайне его выезд.

Но спустя всего лишь нескольких дней в его руки была передана диктаторская власть над страной. Таких полномочий в Польше с давних пор никто не имел, включая коронованных особ, по крайней мере со времен Ягеллонов. 14 ноября свои прерогативы передал Пилсудскому Регентский совет, который сразу же после этого акта принял решение о самороспуске. То же самое сделало Временное народное правительство Польской республики, созданное в ночь с 6 на 7 ноября 1918 года в Люблине. Даже возглавлявшие правых национал-демократы (эндеки), и те, отдавая себе отчет в собственной временной слабости, не подвергли сомнению необходимость передачи магдебургскому узнику власти в государстве. Против такого шага протестовали только левые, но не по персональным мотивам, а будучи убежденными в необходимости участия поляков в европейской социальной революции.

22 ноября появился подписанный Пилсудским и Морачевским (премьер-министром) Декрет о высшей представительной власти Польской республики. Он передавал Пилсудскому как временному Начальнику государства высшую власть в стране до созыва Законодательного сейма.

Чтобы не плодить разочарования в левых кругах (от которых Пилсудский к тому времени отмежевался) и не поставлять тем самым политическую клиентуру для коммунистов, ему следовало двигаться к поставленной себе цели не спеша и с большим чувством меры. Так он и действовал, постепенно отказываясь от опоры на левые силы.

Он все подчинял высшим государственным интересам. Считал, что перед ним стоит гигантская задача формирования внутренних структур польского национального государства, а также завоевания доверия со-

ответствующих социальных групп. А этого можно добиться только дружными усилиями всего народа, с этим не справиться ни левым, ни правым, если они будут надеяться лишь на собственные силы. Поэтому идеальным, по мнению Пилсудского, было бы правительство национального согласия, которое изыскало бы возможность использовать энергию общества во имя высших интересов государства.

5 января 1919 года группа заговорщиков предприняла попытку завладеть столицей, арестовав премьер-министра и нескольких министров. Одна из групп боевиков-эндеков хотела арестовать и самого Пилсудского. Однако мятежники проявили поразительную беспомощность, и путч был быстро подавлен. Неудачная попытка вооруженного переворота скомпрометировала обе крайние в политике стороны. Как правые в атаке, так и левые в обороне продемонстрировали отсутствие решимости и слабость. На поле боя остался победителем Пилсудский, сильный преданностью верных ему воинских частей.

Парламент, по замыслу Пилсудского, должен был облегчить ему трудную задачу строительства государства. Между тем депутаты Сейма всерьез считали себя единственными хозяевами Польской Республики, и в этом расхождении понимания политических ролей заключался главный источник позднейших конфликтов.

Начальник передал свои чрезвычайные полномочия Сейму, который определил новые принципы функционирования высших государственных властей. По закону, названному позднее «малой конституцией», вся полнота власти сосредотачивалась в руках Законодательного сейма. Ему подчинялись органы исполнительной власти — Начальник государства и правительство. Начальник, избираемый парламентом и ответственный перед ним, представлял Польскую республику во внешних сношениях, а также был высшим исполнителем решений Сейма в гражданских и военных делах. Он на-

значал по согласованию с Сеймом правительство, которое было ответственно за свои действия перед парламентом. Каждый документ Начальника приобретал силу лишь после подписания его соответствующим министром. Таким образом, в Польше вводилась система парламентского правления, оставлявшая главе государства лишь представительские функции.

Пилсудский, формально сохранив тот же пост — Начальника государства, фактически превращался из диктатора в президента, почти полностью лишённого возможности политических действий. Правда, он занимал пост верховного главнокомандующего, дающий огромные возможности для действий вне рамок парламента. Пилсудский стал сколачивать в войсках группы, находящиеся полностью в его распоряжении.

В обласканных верховным главнокомандующим дивизиях с новой силой ожили процессы, характерные для Первой бригады. Прежде всего ширился напоминающий времена Наполеона культ главнокомандующего.

Военные усилия Пилсудского были направлены главным образом на восток. Никогда не объявленная ни одной из сторон польско-советская война велась — впрочем, в не очень широких масштабах — с середины февраля 1919 года. Но в течение нескольких месяцев этот театр военных действий был не главным. Большинство польских сил было вовлечено в борьбу за Восточную Галицию с украинцами. До подписания мирного договора в Версале на своих позициях оставалась также великопольская армия, защищавшая страну от немцев.

В это время Пилсудский провел только одну крупную военную операцию: в апреле 1919 года занял Вильно. Решение о походе на Вильно Пилсудский принял тайком от Сейма. Он вообще пренебрежительно относился к Сейму, считаясь с его волей только тогда, когда ему это было выгодно.

Перелом в длившейся больше года вялотекущей

войне наступил в 1920 году. 25 апреля Пилсудский начал наступление с целью нанести решающий удар по противнику: напал на Украину, стремясь поскорее захватить Киев. Красная Армия перешла в контрнаступление, которое удалось остановить лишь на подступах к Варшаве. Военные действия закончились подписанием 12 октября 1920 года в Риге предварительных условий мирного договора. Через пять месяцев там же был подписан окончательный вариант договора. Советская Россия уступила Польше все затребованные ею территории в Белоруссии и на Украине.

В первый же после окончания войны праздник Дня Независимости, отмечаемый 14 ноября 1920 года, Пилсудскому вручили маршальский жезл.

После войны отношения Начальника с Сеймом вновь стали портиться. Депутаты все активнее домогались власти над страной, тем самым значительно ограничивая сферу деятельности Начальника. Она дополнительно сократилась с момента, как он после войны перестал выполнять функции верховного главнокомандующего.

Мирная стабилизация еще больше ускорила этот процесс. Смелее подняли голову противники, особенно эндеки, которые до того терпели власть Начальника, считая, что их время еще не настало.

К дальнейшему ограничению компетенции главы государства привело принятие 17 марта 1921 года конституции. Настоящей пощечиной Маршалу стала содержащаяся в основном законе оговорка, что президент не может осуществлять верховное командование во время войны.

Пилсудский применил оригинальные методы борьбы с парламентом. Он долго не представлял никакой программы реформирования законодательной власти, кроме указания на необходимость усиления исполнительных органов. Вместо того чтобы выдвигать свои

оздоровительные идеи, он ограничивался компрометацией депутатов.

Пилсудский организовал своих сторонников вне партийных структур. Объединительным фактором должно было стать комбатантское сообщество.

В июле 1922 года возникла Польская организация свободы, объединившая бывших членов Польской военной организации. В августе в Кракове был созван первый съезд легионеров, на котором был образован Союз легионеров.

Начав упорядочивать ряды сторонников, Пилсудский прибег к новому методу борьбы с противниками: без малейшего сопротивления оставил поле боя, ожидая, что они не справятся с нараставшими в стране конфликтами и противоречиями. Эта довольно редко применяемая в политике тактика застала соперников врасплох. Большинство в парламенте уже готово было на предстоящих выборах голосовать за теперешнего Начальника государства, но Пилсудский попросил не выдвигать его кандидатуры.

В ночь с 16 на 17 августа умерла его жена Мария, с которой он фактически давно разошелся. Почти неприлично выглядела скорая женитьба Начальника на Александре Щербиньской. К этому времени от Александры у Пилсудского было две дочери — Мария и Ядвига.

9 декабря Национальное собрание в составе депутатов Сейма и сенаторов избрало преемника Начальника государства — первого президента Речи Посполитой. Им стал Габриель Нарутович — ученый с мировой славой, до этого занимавший пост министра иностранных дел. Его выбор предрешили голоса левых и центристских депутатов.

Проиграв в парламенте, правые силы сменили тактику. Эндеки решили пустить в ход насилие, чтобы не допустить прихода к власти законного избранника, намериваясь сорвать принятие им присяги.

Пилсудский по этому поводу заявил: «Я не могу пе-

передать власть в тот момент, когда банда говнюков нарушает спокойствие, оскорбляет президента, а правительство бездействует. Дайте мне полномочия, и я успокою улицу; если не дадите, я пойду один и успокою — в этих же условиях я не могу уступить.»

Полномочий Пилсудский не получил. Ему пришлось передать их новому президенту и съехать из официальной резиденции в Бельведере.

Утром 15 декабря 1922 года Пилсудский, как и миллионы граждан, отправился на работу. Сложив полномочия Начальника государства, он не остался без занятия. Маршал возглавлял руководство Узкого военного совета и капитула ордена Виртути милитари. Первая из этих функций имела существенное значение. В момент возникновения войны она автоматически превращалась в пост главнокомандующего вооруженными силами. Казалось, что жизнь в стране входит в норму. Для Маршала это означало перспективу отхода от активной политической деятельности и погружения в семейную идиллию.

Но буря ненависти, поднятая правыми силами, принесла свои плоды. В тот же день пополудни президент Нарutowич погиб от рук террориста. Пилсудский узнал об этом спустя несколько минут после трагедии. К вечеру 16 декабря он занял один из главных военных постов — начальника Генерального штаба.

Эти декабрьские дни преобразили психику Маршала. Именно тогда он окончательно утвердился в убеждении, что разногласия и эгоистичные интересы отдельных политических партий угрожают основам существования государства. Он также начал презирать противников, а это вело к мысли о допустимости грубого насилия над ними.

В мае 1923 года эндеки заключили соглашение с Польской крестьянской партией (ПСЛ) «Пяст», создав тем самым правое большинство, необходимое для сформирования правительства. Реакция

Пилсудского была необычайно скорой и резкой. Он демонстративно съехал вместе с семьей со служебной квартиры в здании Генерального штаба и отправился в Сулеювек.

С 1921 года он стал здесь владельцем небольшого участка. На этом участке в 1923 году на средства из фондов Комитета польского воина был построен солидный каменный дом.

Спустя два дня после демонстративного уединения в Сулеюеве Маршал подал в отставку с постов начальника Генерального штаба и председателя Узкого военного совета. Как частное лицо, Пилсудский перешел в оппозицию и дал волю чувствам: не подал руки министру иностранных дел Мариану Сейде, одному из лидеров национальных демократов, обозвал военного министра генерала Шептыцкого «потаскухой, которая подставляет задницу то одному, то другому».

Три года, проведенные в сулеювековском «уединении», были прежде всего временем создания мифа о самом себе. Пилсудский внес большой личный вклад в то, чтобы фуражка — «мацеювка» и серая куртка стрелка превратились в неотъемлемую частицу легенды «вождя», который «предпочитал мундир стрелка лампасам». Он отлично понимал, что именно такие мелочи прибавляют больше популярности, чем многие политические шаги.

С этого времени Пилсудский начал безудержно и беспардонно восхвалять сам себя. Несомненно, Маршал был человеком с большими заслугами, но в описании их он не знал меры. Пилсудский считал себя самым выдающимся из поляков, с которым никто из живущих не выдерживает сравнения.

Он особо спешил вернуться к политической деятельности, так как не имел ни малейших сомнений в том, что Польша не сможет слишком долго обходиться без него.

Ситуация радикально переменилась осенью 1925

года. 13 ноября рухнул находившийся у власти в течение двух лет кабинет Грабского. Это создавало абсолютно новую политическую ситуацию. Воспользовавшись ею, Маршал предпринял широкомасштабное наступление. Уже 14 ноября он появился в Бельведере, где вручил президенту письменное заявление, предостерегавшее его от «возвращения отношений, которые господствовали в армии при панах Шептыцком и Сикорском». Это была неприкрытая попытка оказать нажим на главу государства, естественно, не соотносящаяся ни с конституцией, ни даже с хорошими политическими традициями. Таким образом, «отшельник из Сулеювека» присвоил себе право диктовать волю верховным представителям власти Речи Посполитой.

На следующий день после бельведерской демонстрации силы состоялась впечатляющая демонстрация офицеров, имевшая целью показать, кому же в действительности верна армия. В Сулеювек под предлогом отметить седьмую годовщину возвращения Пилсудского из Магдебурга прибыло около тысячи офицеров, в том числе более десяти генералов. Наступили месяцы подготовки переворота.

12 мая 1926 года верные Маршалу отряды выступили из Рембертува и двинулись на столицу. Бунт стал фактом. Заговорщики, воспользовавшись внезапностью, получили довольно весомое преимущество.

Во второй половине дня, когда верным Пилсудскому войскам удалось захватить мосты на Висле, противники очутились на расстоянии оружейного выстрела. В 17 часов на мосту Понятовского состоялся разговор Пилсудского с президентом Войцеховским, который должен был предопределить дальнейший ход событий. Войцеховский встал на сторону закона. Лопнула надежда на бескровный переворот. Позиции правительства укрепились. Увереннее почувствовали себя преданные ему войска.

Маршалу оставалось надеяться только на то, что победителей не судят. Впрочем, в его руках было больше козырей, чем у противника. Его поддерживали левые партии, а это означало возможность парализовать забастовками движение воинских эшелонов противника. На его стороне были и симпатии варшавской улицы.

После трех дней борьбы противник был сломлен. Вечером 14 мая президент и правительство решили уйти в отставку. В Вилянув, где на последнем этапе боев нашли укрытие высшие власти Речи Посполитой, прибыл маршал Сейма Мачей Ратай, который в соответствии с конституцией временно исполнял обязанности главы государства, и принял их отставку. В истории Польши началась новая эпоха — эпоха диктатуры Юзефа Пилсудского.

Пилсудский после переворота старался, чтобы жизнь страны как можно скорее вернулась на рельсы легализма. Но это он делал отнюдь не из отвращения к диктатуре и симпатии к правопорядку, а четко следуя политическим интересам.

То, что он придерживался буквы закона, выбивало оружие из рук противника, ведь большинство офицеров правительственных войск приняло бой с Маршалом, защищая легальную власть, а не потому, что им был политически близок кабинет свергнутого Витоса. Уход в отставку прежних властей и передача в соответствии с конституцией полномочий новой правящей элите были для этих людей равнозначны возвращению в казармы и лояльному подчинению приказам нового военного министра, которым стал Пилсудский. Тем самым почва уходила из-под ног тех, кто призывал к дальнейшему сопротивлению, даже к гражданской войне.

Исполнение обязанностей президента Ратаем необычайно затрудняло дальнейшую борьбу с Пилсудским. За заговорщиками теперь были конституция и за-

кон. Печать бунта могла в данном случае лечь на каждый шаг их противника.

Молниеносный возврат к легализму позволил быстро умиротворить армию. Кроме неотложной задачи окончательного пресечения столкновений это было важно вот еще почему. Маршал возвращался к прежней концепции превращения армии в опору своего влияния в государстве. Для этого ему необходима была вся армия, а точнее, весь ее офицерский корпус, потому что с политическими убеждениями солдат почти не считались. Такой подход выразился в том, что Маршал не преследовал офицеров, которые вели бои с его войсками.

Символическое значение приобрело решение об общей торжественной траурной церемонии похорон жертв боев с обеих сторон. Руководствуясь желанием привлечь на свою сторону всю армию, Маршал не провел чистки офицерского корпуса, которую ожидали многие. Кадровые перестановки, сделанные им, не соответствовали масштабу победы. Он избавился только от тех генералов, антагонизм которых к нему был непреодолимым.

Некоторые из них даже не помышляли о компромиссе. В знак протеста против переворота ряды армии покинули Станислав Щептыцкий и Юзеф Халлер.

Нескольких генералов Маршал репрессировал. Были арестованы и посажены в виленскую тюрьму Юлиуш Мальчевский, Тадеуш Розвадовский, Болеслав Язвиньский и Влодзимеж Загурский. Официально им было предъявлено обвинение в совершении уголовных преступлений, фактически речь шла о мести и выведении их из дальнейшей политической игры.

Со временем самым шумевшим стало дело генерала Загурского, который в августе 1927 года во время перевозки из виленской тюрьмы в варшавскую пропал без вести. Последовало даже объявление о его розыске, но это была только дымовая завеса, чтобы замаски-

ровать преступление. В действительности Загурский был убит, и убийство это совершили подчиненные Пилсудского.

В отношении офицеров низшего уровня Маршал отказался практически от всех репрессивных шагов. Политика протянутой к примирению руки принесла ожидаемые результаты. Маршал достиг желанной цели. Армия стала сферой его исключительного влияния.

Политика «национального согласия», направленная на привлечение на свою сторону армии, вовсе не распространялась на гражданскую администрацию. Ее достаточно быстро серьезно обновили, назначив на должности людей, признающих только авторитет Бельведера. Чистка была проведена в министерствах и центральных ведомствах, а также в местных органах власти. В течение всего нескольких месяцев были заменены одиннадцать из семнадцати воевод, около одной трети старост. Позже чистка администрации приобрела и вовсе грубые и циничные формы. Смещениям и перемещениям не пытались даже придать видимость обоснования. Таким положением пользовались разного рода мерзавцы. Подчиненный, обиженный своим начальником, писал на него просто-напросто донос, что тот эндек или пястовец, порой присовокупив, что и «вор», которого давно пора гнать с работы. И этого бывало достаточно.

Решительный расчет с прежним административным аппаратом был понятен. Ведь на старые кадры, так же как и на поддержку политиков, Пилсудский мог рассчитывать в весьма ограниченном объеме.

По крайней мере в первый период своего правления, когда он только начал предпринимать усилия по организации своих сторонников.

Он, правда, пользовался поддержкой левых партий, но это отнюдь не облегчало ему жизнь. Более того, с момента достижения победы этот союз, столь важный в дни борьбы, стал его явно обременять. Текущие инте-

ресы повелевали Маршалу равным образом дистанцироваться от обоих крупных политических лагерей.

Вскоре Маршал начал заигрывать с правыми, причем в их консервативно-помещичьем издании. Главным доказательством этого стало включение в сформированное 2 октября правительство двух консерваторов: Кароля Незабитовского и Александра Мейштовича, а также визит Пилсудского в родовое поместье князей Радзивиллов в Несвиже, где по этому случаю состоялся большой съезд польской аристократии.

В контактах с парламентом Маршал вел себя так, словно все оставалось по-старому. Продолжал утверждать, что депутаты Сейма и «партийная распущенность» — источники зла в Речи Посполитой. Борьба с Сеймом в течение очередных четырех лет поглотила его почти без остатка. И все же Пилсудский боролся не только с государственным органом, который возненавидел давно. Наряду с этим он вел бой с определенной системой правления, гарантированной мартовской конституцией, согласно которой представлявший волю избирателей парламент занимал верховное положение в государстве.

Как всегда, Пилсудский выбрал неординарный и парадоксальный способ борьбы. Он как мог противодействовал изменению прежнего состава палаты депутатов. Не распустил в 1926 году Сейм, хотя острие переворота направил именно на него. Маршал намеривался в собственных интересах использовать запятанную репутацию Сейма и сенаторов. Вместе с тем он считал, что майская манифестация силы успешно парализовала их волю к борьбе. К тому же Пилсудский был убежден, что немедленные выборы принесут успех не ему, а левым партиям.

Сам Сейм, смирившись с переворотом, вступил в контакты с победителем и тем самым облегчил Маршалу реализацию сценария, направленного против самого же парламента. Словно желая откупиться за прошлые

провинности, парламент выбрал Пилсудского на освободившийся в связи с отставкой Войцеховского пост президента Речи Посполитой.

Эта победа далась легко, причем сам избранник особых усилий не прилагал. Пилсудский не принял президентского кресла и к тому же мотивировал свой поступок оскорбительным для Сейма образом: «Мне не хотелось бы править с помощью кнута». Иными словами, он не пожелал брать почести из рук парламента.

Эту партию Маршал разыграл мастерски. Само избрание означало узаконивание переворота, что было ему на руку. Отказываясь от президентских полномочий, он тем самым как бы отмежевался от Сейма, словно сама связь с ним была для него позором, поскольку он публично признал, что с «этими господами» можно иметь дело только при помощи кнута.

Грубость не сразила, однако, послов и сенаторов. Чуть ли не тем же числом голосов президентом стал указанный Пилсудским профессор Львовского политехнического института Игнацы Мосьцицкий. Уступчивость парламента определяло не желание избежать репрессий, а вера, что Маршал не предполагает введение в Польше диктаторского режима, не оставляющего места для подлинного парламентаризма. Эти заблуждения сам он, кстати, и поддерживал, не желая оттеснить противника на унижительные оборонительные позиции, что могло вызвать в Сейме всеобщий отпор, преодоление которого, вопреки надменным декларациям, далось бы с трудом.

Поэтому правительство без значительного сопротивления добилось поддержки депутатов, хотя в своей программе отходило от реализации их партийных программ. Без неожиданностей прошло 2 августа 1926 года голосование о поправках к конституции, которые давали президенту право на роспуск Сейма и Сената. Глава государства получил также право издания распоряжений, имеющих силу закона, с тем условием, что эти акты

получат подтверждение Сейма. Таким образом, исполнительная власть укреплялась за счет законодательной.

Следующим шагом Пилсудского в борьбе с парламентом была спекулятивная интерпретация отдельных положений конституции, что приводило к ущемлению прав парламента. Парламент в таких условиях принял решение о вотуме недоверия правительству. Теперь президент, а в действительности Пилсудский, мог отправить в отставку правительство или распустить парламент. Он выбрал первый вариант, что депутаты восприняли как отступление перед их решительностью. Однако такой диагноз был неверным. Маршал только оттягивал развязку, а вовсе не отказывался от нее.

Об этом свидетельствует то, что Маршал лично возглавил правительство, что можно было расценить как готовность обратиться к упомянутому в его выступлении при выборах кнугу. Кнут был использован весьма специфично, напоминая скорее сведение счетов между гангстерами, а не деятельность по пресечению «партийной анархии». Иначе нельзя назвать действия неизвестных злоумышленников в офицерских мундирах, ворвавшихся ночью в квартиру депутата Здзеховского, жестоко избивших хозяина, приговаривавших при этом, что сие наказание за вмешательство в военный бюджет. Биографы утверждают, что Пилсудский ничего не знал о подготовке акции, однако позже он защитил бандитов от справедливого возмездия. «Пусть Здзеховский сам ищет виновников. Я не буду его охранником. Ради какого-то мерзавца я должен пойти на то, чтобы все офицеры попали под подозрение».

В 1927 году Сейм в связи с окончанием срока созыва был распущен. Развернулась предвыборная кампания. В начале 1928 года был создан Беспартийный блок сотрудничества с правительством Пилсудского — по начальным буквам — «ББ». Невзирая на заглавное слово в

названии, блок был не чем иным, как организованной пилсудчиками политической партией для достижения успеха на выборах. «ББ» обещал разрешение всех конфликтов, преодоление всех трудностей.

В ходе предвыборной кампании в полной мере использовалась легенда Пилсудского: раздутые до недосягаемых масштабов его заслуги перед Польшей, достижения правительства в области экономики, наступившие после мая, действительно значительные достижения, которые, однако, объяснялись экономической конъюнктурой на мировом рынке.

Действительно, с экономической точки зрения период 1926–1929 годов был самым светлым в истории Второй Речи Посполитой. В эти годы возрос экспорт польского каменного угля, поскольку появились новые заграничные рынки для его сбыта; кроме того, были получены иностранные займы, а также одержаны значительные успехи в сельском хозяйстве.

Пропагандировались и политические заслуги режима Пилсудского, названного «санацией» — оздоровлением. Провозглашая «надпартийные и надклассовые интересы», оставляя в забвении жгучие социальные вопросы, волновавшие всех и каждого, Пилсудский ловко подменял их демагогическими обещаниями покончить с коррупцией и злоупотреблениями, оздоровить нравственный климат в государстве.

Думая об успехе на выборах, Пилсудский преодолел свое предубеждение против парламента и согласился выставить свою кандидатуру в Сейм по списку «ББ», что, по мнению соратников, должно было придать блоку еще больше блеска. Однако все усилия сошли на нет. Не помогла проводившаяся с большими затратами пропагандистская кампания. 4 марта 1928 года на выборах в Сейм санация получила лишь четверть голосов и не смогла завоевать абсолютного большинства в парламенте.

Таким образом, выборы закончились поражением, в первую очередь пропагандистским проигрышем.

Парламент остался, как и в прошлом созыве, оплотом оппозиции.

1930 год нарушил достаточно стабильную в течение четырех лет расстановку сил. Все более заметными становились симптомы экономического кризиса. Сократилось производство и вместе с ним уменьшилось число занятых. Полиция жестоко расправлялась с нараставшими демонстрациями безработных, лопнул миф об «экономическом чуде» санации. В обществе росло разочарование. Набиравшая силу оппозиция все смелее нападала на правительство.

В начале мая 1930 года Пилсудский не допустил открытия требуемой депутатами чрезвычайной сессии Сейма, на которой должно было подвергнуться резкой критике очередное правительство «сильной руки». В такой ситуации парламентарии заявили, что готовы перенести борьбу на улицы. У них не было другого выхода.

В июне 1930 года в Кракове состоялся большой конгресс по охране прав и свобод народа, который принял резолюцию, осуждающую «диктатуру Пилсудского» и провозгласил последовательную борьбу за возвращение режима парламентской демократии. На 14 сентября было запланировано организовать 21 митинг в крупнейших городах Польши с тем, чтобы призвать общество к борьбе с диктатурой.

Когда в условиях кризиса с каждым днем росло число недовольных, оскорбления и издевки по адресу депутатов уже не спасали. Близился момент осуществления угроз Маршала, высказанных два месяца назад одним из его ближайших соратников: «Лучше поломать кости одному депутату, чем пускать в дело пулеметы». Дело было не только в том, чтобы напугать парламентариев. Все общество должно было усвоить урок покорности, видя пренебрежительное отношение к тем, кого конституция признала единственной властью в стране.

25 августа 1930 года Пилсудский снова занял пост премьер-министра. Двумя днями позже в полуофициальной «Газете Польской» появилось первое его интервью из серии посвященных Сейму, которое своей грубостью должно было удивить даже тех, кто привык к политической брани. Действующий основной закон председатель Совета министров назвал «конституткой», добавив: «Я выдумал это слово, поскольку оно ближе всего к проститутке». После такого намека 29 августа президент распустил Сейм и Сенат, назначив на ноябрь 1930 года новые выборы.

В ночь с 9 на 10 сентября на основе решения министра внутренних дел Складковского были арестованы — с нарушением судебной процедуры — 18 бывших депутатов от оппозиции. Как признает Складковский, список был составлен лично Маршалом. Задержанных поместили в военную тюрьму в Бресте, где они подверглись издевательствам, пыткам и преследованиям.

В ночь с 9 на 10 октября, — пишет на основе депутатского запроса в Сейме Адам Прухник (очевидец событий), — ввели Попеля (одного из руководителей Национальной рабочей партии) в темную комнату. Один из жандармов схватил его за голову, другой за ноги, после чего повалили его на стол, положили на копчик мокрое полотенце и отмерили 30 ударов каким-то железным предметом. Во время экзекуции Попель потерял сознание. В конце заправлявший всем капитан заявил, что побитый должен «радоваться, что так легко отделался, в следующий раз Маршал Пилсудский распорядится пустить пулю в лоб».

Тот же Адам Прухник сообщает, что по дороге в Брест конвой не скупился на угрозы и вульгарные клички для арестованных. По отношению к Либерману конвой не остановился на угрозах, а перешел к делам. Автомобиль, в котором его везли, был остановлен за Седльцами. Либерману приказали выйти и ударами прикладов загнали в лес. Сопровождавший его комиссар полиции два ж-

ды ударил его кулаком в подбородок и повалил на землю. На голову лежащего, которую обернули плащом, уселся один из конвоиров, с несчастного сорвали одежду и с оскорблениями и криками: «Ты смеешь поднимать голос против пана Маршала» — его жестоко избили, нанеся более двадцати кровавых ран. Либерман потерял сознание и в таком состоянии конвой затащил его в автомобиль и привез в Брест.

На этот раз оппонентов диктатора били не «неизвестные преступники». Насилие совершалось во всем величии закона, именно теми, кто призван был соблюдать порядок и лад в речи Посполитой. «Поднятие голоса против пана Маршала» оказывалось таким непростибельным проступком, что конституционные гарантии правопорядка уходили на задний план.

Полностью укомплектовали не только брестскую тюрьму. Всего было арестовано около 50 бывших депутатов и сенаторов из оппозиционных парламентских клубов. Несколько тысяч деятелей, не обладавших депутатскими полномочиями, тоже оказались в тюрьме. Террор сопровождал всю предвыборную кампанию. Особенно жестоко обошлись с украинским населением, заселявшим восточную часть Малопольши.

В ответ на акты насилия со стороны тайных украинских организаций, выступавших против польской государственности, власти приступили к задуманной с широким размахом карательной операции. Отряды из полицейских и военных провели несколько сотен карательных экспедиций, в ходе которых применялся принцип коллективной ответственности. Уничтожалось имущество людей, они публично подвергались побоям, ликвидировались общественные, культурные и кооперативные украинские организации.

Насилие со стороны администрации сопутствовало и проведению самих выборов. Именно к этому периоду относятся гротескные манифестации сельских жителей окраин, шествовавших к избирательным ур-

нам с «еdynкой» «ББ» в руках. Шествие возглавляли попы, а замыкали его полицейские. В такой атмосфере «ББ» получил желаемое большинство голосов. У Пилсудского осенью 1930 года окончательно утвердилась уверенность в том, что Польша — его собственность и он может делать с нею что хочет, если только сочтет это нужным.

С общественным мнением он не очень-то считался, а о соотечественниках у него выработалось совершенно ужасное представление. Он начал считать их неблагодарными, мелкими и подлыми людишками. Из таких мыслей возникало чувство вседозволенности и собственной непогрешимости.

После разгрома оппозиции Пилсудский 4 декабря 1930 года отказался от поста премьер-министра, мотивируя свое решение состоянием здоровья. Говорил даже о близкой смерти. Проблемы со здоровьем, «бrestский кризис» и расправа с оппозицией охладил рвение Пилсудского к государственным делам. 31 марта он нанес визит Мосьцицкому, во время которого проинформировал его, что дела отнимают у него все больше сил и он не хочет брать на себя в такой ситуации новые обязанности. Предупредил, что в дальнейшем в кругу его интересов останутся только армия и иностранные дела.

На самом деле по-прежнему ни одно серьезное решение не принималось без одобрения диктатора. И все так же продолжалась политика террора. Особенно доставалось коммунистам, которых Пилсудский люто ненавидел. В 1934 году в Березе-Картузской был создан концентрационный лагерь для изоляции коммунистов, комсомольцев и левых элементов. Размещался он в бывших военных казармах. Людей доставляли в лагерь без суда, на основе доносов местной администрации, часто на неограниченный срок. Лагерь отличался крайне жестоким режимом. заключенным запрещалось разговаривать, медленно ходить — только бегом или быст-

рым шагом. За любое нарушение режима бросали в карцер, били.

Система издевательств, постоянная и бессмысленная муштра были направлены на то, чтобы сломить волю заключенных, уничтожить их физически и морально.

Красноречивы отзывы коммуниста Якуба Войтюка о существовавшей в Польше системе правления: «Каждый рабочий и каждый крестьянин знает, что в действительности в Польше не существует даже видимости конституции и демократии. Знает о том, что в Польше правит фашист, диктатор Пилсудский, для которого не существуют ни законы, ни какие-либо ограничения власти, какие-либо предписания; он знает, что законы пишутся для того, чтобы с ними никто не считался. Доказательством тому — переполненные тюрьмы, пытки, сотни и тысячи каторжных приговоров, подавленная рабочая пресса, разбитые организации, цепь преследований рабоче-крестьянского движения, освободительных движений угнетенных народов, которая сделала из нынешней Польши одну большую тюрьму».

Дикие нравы, сотворение из закона ширмы большинство пилсудчиков воспринимали без особых возражений. Ведь за теми действиями стоял авторитет Команданта! Пилсудчики подняли своего вождя так высоко, что с вершин этого величия все казалось небольшим и малозначительным. Интересы Польши подчиненные Маршала полностью идентифицировали с его личностью.

Статья в «Военной энциклопедии», насчитывавшая более десятка страниц, начиналась так: «Юзеф Пилсудский, Первый Маршал Польши, Создатель возрожденного польского государства, Воскреситель Войска Польского, Великий Вождь и Воспитатель народа...». Было очевидно, что такой гений не может ошибаться, если речь идет об определении дальнейшего курса государства. Каждый же, кто мешает ему в этом, должен

быть убран, независимо от того, какими бы методами это не пришлось бы сделать.

Такая схема мышления, годами культивируемая пилсудчиками, превращала Польшу в большую усадьбу, управляемую только одним владельцем.

Одновременно с этим она признавала недееспособным народ, делала из него покорное стадо, которое не в состоянии осуществить какое-либо самостоятельное, разумное действие.

Пропать, разделяющую правителей и общество, можно обнаружить в каждой тоталитарной системе. Но в Польше после мая 1925 года это явление под воздействием легенды и культа Пилсудского приняло исключительные для XX века оттенки. В невиданных масштабах властям старались придать патриархальный, старосветский характер.

Слозунгом, популяризовавшим вождя — отца народа, пытались войти в любую среду общества. Особенно, старались завоевать сердца молодежи. Выходили специальные издания типа: «Справочник для организаторов празднеств и торжественных собраний в честь Маршала Пилсудского», изданного в Лодзи в 1934 году.

Торжества по случаю именин и дней рождения Маршала все больше напоминали богослужение в честь героя, которому страна обязана всем. Между тем психика «отца народа» явно начинала сдавать. Маршал замыкался в себе, стал проявлять подозрительность по отношению даже к тем людям, которые еще недавно пользовались его доверием. Пилсудский без особых симпатий относился к своему ближайшему окружению, не утруждал себя вежливостью, изъявлял соратникам свою волю, а они подчинялись ей беспрекословно. В последние годы жизни Пилсудский не принимал никаких решений, но угрозы, прямо-таки садистские, с жаждой крови (сожгу, керосином оболую и сожгу) сыпались из него, как из рога изобилия.

Близкие и верные Маршалу люди с ужасом конста-

тировали признаки его болезни и неприятные изменения в психике, о которых раньше и не подозревали. Однако в контактах за пределами своего круга они тщательно скрывали известные им факты чудачеств Маршала. Представляли его сильным, проявляющим заботу обо всех сторонах государственной жизни отцом народа. Этого требовала легенда. Это было основой власти, в осуществлении которой они в большей или в меньшей степени сами участвовали.

Нет сомнений, что в последние годы жизни Пилсудский моментами терял сознание и испытывал усиливающиеся приступы ярости. Это было связано с болезнью, но отчасти явилось и результатом нездорового образа жизни. Работал он почти исключительно по ночам, под конец жизни спал не более двух часов в сутки. Поэтому его подчиненных могли вызвать в Бельведер в любое время суток. Тогда-то и появился анекдот об известном своими безупречными манерами князе Януше Радзивилле, который, будучи вызван к Маршалу в середине ночи, долго терзался сомнениями, не зная, что надеть, — то ли вечерний наряд, то ли утренний.

Однако, с другой стороны, этот прогрессирующе больной и все более сумасбродный человек решался на поступки, которые высоко оценивали опытные политики и государственные мужи. Прежде всего, это касалось международных отношений, которым с началом 30-х годов он уделял все больше и больше внимания. Нет необходимости в кратком очерке подробно излагать польскую внешнюю политику того периода. Однако заслуживают внимания взгляды Маршала на положение Польши в Европе в те годы.

«Польша, — излагал свои взгляды Пилсудский во время одного из выступлений, — на протяжении всей своей истории, со времен Екатерины и прусского Фридриха испытывала на собственной шкуре, что бывает, когда два ее самых могущественных соседа смогут договориться между собой. Польшу тогда рвут на куски».

Эта угроза существовала постоянно. После первой мировой войны она несколько ослабла, поскольку немцы оказались побитыми Антантой, а Россию побил Комендант. А это значило, что эти государства стали менее сильными. Однако они заключили между собой договор в Рапалло, который скорее был направлен не против Польши, а против всего мира, но он представлял опасность для Польши, являвшейся очагом вечного противоборства и потенциальным источником споров. Союз с Францией не давал достаточно сил. Требовались многочисленные жертвы. Эту постоянную угрозу Польше использовал каждый, кто мог, включая, в шутку говоря, и негров. С польской стороны был найден только один выход: влезать в задницу всем, даже неграм...

Россия пошла на мирные отношения. 25 июля 1932 года в Москве был подписан договор о ненападении. Со стороны немцев сохранялось агрессивное отношение. Комендант воспользовался выходом немцев из Лиги Наций и поставил вопросом следующим образом: раз немцев в настоящий момент не сдерживают гарантии Лиги Наций, то они сами должны предоставить Польше гарантии безопасности. Иначе Комендант вынужден будет построить оборонительную систему, обращенную исключительно против немцев.

Вопреки ожиданиям, Гитлер тотчас же ухватился за эту мысль, и спустя четыре дня Мольтке (посол Германии в Польше) вручил Коменданту проект принципов будущих отношений. 26 января 1934 года в Берлине в атмосфере секретности, окружавшей предшествовавшие переговоры, было подписано польско-германское соглашение «О мирном разрешении споров» сроком на десять лет.

Пилсудскому повезло: он не дожил до 1939 года, когда два соседа, снова договорившись между собой, в очередной раз поделили Польшу. Он умер 12 мая 1935 года. В стране был объявлен глубокий шестинедельный тра-

ур. Траурные процедуры совершались поистине с королевским размахом. Три дня гроб с телом Маршала был выставлен в Бельведере. Около него прошли тысячи людей. Почести Маршалу отдали и за границей. Во Франции, Германии и СССР даже был объявлен официальный траур.

Согласно последней воле Маршала, его сердце осталось в Вильно, а мозг он завещал для исследования Университету Стефана Батория.

ПОЛ ПОТ (САЛОТ САР) (1927? 1928 – 1998)

Пол Пот — кровавый диктатор Кампучии (Камбоджи). Всего за четыре года его правления страна потеряла 3 миллиона человек. Более четверти населения было зверски уничтожено.

Настоящее имя Пол Пота — Салот Сар. Он родился в мятежной провинции Кампонгтхом. В Камбодже тогда правили французы. Отец диктатора считался крупным землевладельцем: у него было 30–40 голов буйволового стада, в период сбора урожая он нанимал десятки батраков. Мать — Док Нием произвела на свет 7 сыновей и 2 дочери. Глава семейства был неграмотным, но о детях позаботился, постаравшись дать им образование и пристроить получше. Благодаря отцовским деньгам и связям Лот Суонг, третий ребенок в семье, после окончания административной школы поступил в качестве секретаря в протокольный сектор при королевском дворе. Брат Пол Пота Салот Чхай в независимой Камбодже стал редактором прогрессивной газеты «Самааки». Лот Сарин, старшая сестра Пол Пота, была наложницей короля Монивонга, а его двоюродная сестра была одной из жен монарха.

Читать Салот Сар выучился, когда ему еще не было пяти, и с тех пор читал все подряд, без разбору, но основательно: лишь дочитав до конца одну книгу, брался за другую. Он рос замкнутым, сторонился окружающих. Только любимый брат Пол Пота — Салот Чхай — мог вовлечь его в игры. Впоследствии Салот Чхай в качестве благодарности за опеку над младшим братом был брошен в тюрьму и погиб на допросе, не выдержав чудовищных пыток.

Наделенный от природы неплохими способностями, Салот Сар без труда окончил провинциальную шко-

лу и в 15 лет приехал в Пномпень, где поступил в технический колледж. По его собственным рассказам, он «за выдающиеся успехи в учебе получил государственную стипендию и был направлен на обучение за рубеж». Однако немногие оставшиеся в живых очевидцы утверждают, что особым прилежанием Пол Пот никогда не отличался, и в том, что он смог поехать учиться за границу, главную роль сыграли деньги отца и связи семьи. Таким образом, в 1949 г. он оказался во Франции.

Еще в годы второй мировой войны Салот Сар вступил в коммунистическую партию Индокитая. В Париже он вступил в ряды Французской компартии, а вскоре сблизился с Иенг Сари и другими камбоджийскими студентами, проповедовавшими марксизм в интерпретации Мориса Тереза, который в свою очередь являлся убежденным сталинистом. В 1950 г. камбоджийские студенты создали марксистский кружок, в котором особое внимание уделялось изучению сталинской теории классовой борьбы, тактики тотального организационного контроля, национальной политики сталинизма. Кроме этого Салот Сар читал французскую поэзию и писал памфлеты против камбоджийской королевской династии.

Вернувшись на родину (в конце 1953 года или в 1954 г.), Салот Сар стал преподавать в престижном частном лицее в Пномпене. Что он преподавал, в точности неизвестно: то ли историю, то ли французский язык (впоследствии он называл себя «профессором истории и географии»). Уже тогда у него зрели далеко идущие замыслы, но он понимал: одних амбиций мало, нужна соответствующая подготовка. Избегая открытой политической борьбы, Салот Сар проводил долгие политбеседы со студентами, исподволь готовя из них подручных для будущей деятельности. Мягкий, скромный, вежливый, Салот Сар был внешне привлекательным, а идеи, которые он проповедовал («новый мир без коррупции и неравенства, мир, в котором все обретут на-

стоящую свободу»), обладали большой притягательной силой для молодежи.

На рубеже 60-х годов коммунистическое движение в Камбодже оказалось расколотым на три почти не связанные между собой фракции, действовавшие в разных районах страны. В одной из них сгруппировались главным образом ветераны партии, в другой было много студентов и учителей, которые ориентировались на крайне левые элементы в руководстве компартии Китая. Наиболее малочисленной поначалу, но зато самой активной была третья фракция. Она сплотилась на почве ненависти к Вьетнаму — традиционная этническая вражда между народами Вьетнама и Камбоджи (Кампучии) уходит корнями в глубокое прошлое. Главной целью третьей группировки было создать посредством «сверхвеликого скачка» сильную Камбоджу, которой боялись бы соседи. Особо подчеркивалась «опора на собственные силы». Именно к этой фракции, чья платформа носила откровенно национал-шовинистический характер, и примкнул Салот Сар. К этому времени идеи сталинизма, почерпнутые во Франции, он дополнил изучением теоретического «наследия» Мао Цзедунa. За короткое время Салот Сар выдвинулся в лидеры своей фракции.

В 1962 г. при загадочных обстоятельствах погиб секретарь камбоджийской компартии Ту Самут. Причины его смерти неизвестны до сих пор. Не исключено, что здесь не обошлось без Салот Сара. В 1963 г. его утвердили новым секретарем партии. Так Салот Сар стал лидером «красных кхмеров» — коммунистических партизан Камбоджи.

Салот Сар оставил работу в лицее и перешел на нелегальное положение. За всеми его родственниками был установлен постоянный полицейский надзор, хотя в этом не было особой необходимости: встреч с родней будущий диктатор избегал. К тому же семейная жизнь вообще мало его интересовала. Во Франции Са-

лот Сар познакомился с привлекательной камбоджийской Кхиеу Полнари. Они поженились, но детей у них не было. По сведениям лондонской «Таймс», судьба Кхиеу Полнари сложилась трагично: она сошла с ума, не выдержав кошмара, в который превратилась ее супружеская жизнь с Пол Потом.

У Салот Сара было как бы два лица: первый Салот Сар — это полноватый, сдержанный человек с чарующей улыбкой, скорее церковный проповедник, чем партийный деятель. Принц Сианук в интервью «Дейли телеграф» говорил: «Мы знаем, что он чудовище, но, если вы встретитесь с ним, он покажется вам человеком очень приятным. Он улыбается, говорит очень мягко, словом, совсем не похож на образ второго Гитлера, который закрепился за ним... Ничего не поделаешь, он обладает обаянием». Второй Салот Сар — это жестокий, одержимый, ни в грош не ставящий человеческую жизнь человек, который до поры до времени держался в тени, предпочитая действовать через подставных лиц. В 1965 г. Салот Сар предпринял поездку по зарубежным странам. Проведя безрезультатные переговоры в Ханое, он направился в Пекин, где нашел понимание и поддержку у тогдашних китайских руководителей.

К началу 70-х годов группа Салот Сара захватила ряд постов в высшем партийном аппарате. Чтобы добиться цели, был избран самый простой способ: физическое устранение соперников. Салот Сар создал в партии отдел безопасности, подчинявшийся лично ему. Главная задача отдела — систематические чистки. Они велись в обстановке строгой секретности.

В 1975 г. правительство Лон Нола, несмотря на поддержку американцев, пало под ударами «красных кхмеров». Хотя американские бомбардировщики Б-52 сбросили на джунгли, в которых укрывались «красные кхмеры» больше бомб, чем на Японию за все годы второй мировой войны, «красные кхмеры» не только вы-

стояли, но и захватили 23 апреля 1975 г. Пномпень — столицу Камбоджи.

К этому времени группа Салот Сара занимала прочные, но не единоличные позиции в руководстве партией. Это вынуждало ее маневрировать. Со свойственной ему осторожностью глава «красных кхмеров» отошел в тень и начал готовить почву для окончательного захвата власти. Для этого он прибег к целому ряду мистификаций. С апреля 1975 г. его имя исчезло из официальных сообщений. Многие думали, что он умер.

14 апреля 1976 г. было объявлено о назначении нового премьер-министра. Его звали Пол Пот. Незвестное имя вызвало удивление в стране и за рубежом. Никому, кроме узкого круга посвященных, не пришло в голову, что Пол Пот — это исчезнувший Салот Сар.

Назначение Пота премьер-министром стало результатом компромисса его группы с другими фракциями. Вскоре политика массовых репрессий, проводимая Пол Потом внутри страны, к середине 1976 г. стала вызывать недовольство даже среди кадровых работников. Руководители ряда северных и западных провинций направили ему петиции, взывая «быть милосердным к населению».

Сложная ситуация, в которой фракция Пота оказалась к осени 1976 г., усугубилась смертью Мао Цзедуня. 27 сентября Пол Пот был смещен с поста премьер-министра, как объявили, «по состоянию здоровья». Позднее Иенг Сари — второй человек режима — назовет те события «попыткой сентябрьского переворота, совершенной агентами Вьетнама и КГБ». Вслед за сменой власти начала либерализироваться обстановка в стране, стали развиваться внешние связи: Камбоджа начала экспортировать каучук в Таиланд, направила торговые делегации в Албанию, Югославию и КНДР, установила связи с ЮНИСЕФ и даже с американскими фирмами по поводу закупки противомаларийных средств.

Однако едва наметившиеся изменения продолжались недолго. Через две недели Пол Пот снова стал премьер-министром. Помогли ему новые китайские лидеры.

Пол Пот после возвращения во власть провел кампанию под лозунгом «За политическое образование кадров». Во главе ее встала руководимая Пол Потом «Ангка» — политическая организация «красных кхмеров». Формула «так требует «Ангка»» стала высшим приказом и оправданием любых действий. Укрепившись у власти, Пол Пот развернул генеральное наступление на своих противников, а фактически, на весь народ Камбоджи. Список его преступлений внушает ужас.

Полпотровский режим систематически и преднамеренно уничтожал население в самых широких масштабах. Геноцид против собственного народа потряс весь мир. Полпотовская клика разделила население на три категории: первая категория — «старые жители», то есть те, кто жил в районах баз сопротивления до «освобождения» в 1975 г., вторая категория — «новые жители», которые жили в районах, находившихся под властью прежнего режима Лон Нола (в скобках заметим — тоже достаточно кровавого), третья категория — лица, сотрудничавшие с прежним режимом.

Пол Пот и его помощники (прежде всего Иенг Сари) поставили своей целью истребить третью категорию и провести чистку второй. С лицами первой категории вначале обращались как с привилегированными, но с 1977 г., когда Пол Пот почувствовал, что власть прочно держится в его руках, они также стали подвергаться чисткам.

Диктатор и его подручные задались целью уничтожить всех, кого считали потенциально опасными, и действительно уничтожили почти всех офицеров, солдат и государственных служащих старого режима. Люди уничтожались вместе с семьями, независимо от того, добровольно они сотрудничали со старым режимом или были вынуждены это делать, и независимо от того,

одобряют они новый режим или нет. Вместе со взрослыми гибли дети. Когда Пол Пота спросили: «Почему вы уничтожаете невиновных детей?», — он ответил: «Потому что они могут стать опасными позднее».

В Баттамбанге, Монколборее, Сисопхоне, Кампонг-спы и в других районах страны лонноловских офицеров и государственных служащих убивали в массовом порядке.

Полпотовцы хотели также истребить национальные меньшинства и систематически претворяли свой замысел в жизнь. 17 апреля 1975 г. Пол Пот отдал приказ о насильственной ассимиляции 13 национальных меньшинств, живущих в Демократической Кампучии (такое название получила страна после прихода к власти Пол Пота). Им было приказано говорить на кхмерском языке, а тех, кто не мог говорить по-кхмерски, убивали.

Людей, имевших несчастье принадлежать к национальным меньшинствам, увозили с плоскогорий, из лесных и горных районов северо-востока и юго-запада и стогнали в «народные коммун». Тех же, кто не повинёвался, уничтожали.

25 мая 1975 г. солдаты Пол Пота совершили массовое убийство лиц тайского национального меньшинства в провинции Кахконг на юго-западе страны. До «освобождения» 17 апреля 1975 г. там жило 20 тысяч тайцев, а после бойни осталось лишь 8 тысяч человек, из 700 семей в городе Копаки осталось только 30. Полпотовцы систематически преследовали и уничтожали тех, кто был против них или мог бы стать их противником в будущем. Истребив значительную часть населения третьей категории, режим Пол Пота в целях укрепления своей власти подверг массовым репрессиям подозреваемых в оппозиции и активизировал чистки в партии, административном аппарате и армии.

В коммюнике, опубликованном 3 июня 1978 г., правительство Кампучии похвалялось как великой победой убийством 18-ти руководящих кадровых партий-

ных работников. Среди убитых были Сон Нгок Минь, бывший председатель фронта Иссарак, сражавшегося против французских колонизаторов (в 1945–1954 гг.), член Центрального комитета партии, министр информации Ху Ним, министр общественных работ Точ Пхуон и командующий военной зоной №304 Кой Тхуон.

В другом списке числятся имена 262 руководящих кадровых работников, которые были арестованы и убиты в период с 1976 г. по 9 апреля 1978 г. Среди них 2 члена Центрального комитета партии, 4 секретаря межзональных комитетов партии, 24 секретаря и члена межзональных комитетов партии, 4 министра кабинета, 9 других высокопоставленных должностных лиц, 8 политкомиссаров и заместителей политкомиссаров дивизий. С декабря 1975 г. по июнь 1977 г. в тюрьмах Пномпеня было убито около 10 тысяч человек.

В мае 1978 г., чтобы подавить восстание в восточной зоне, которой руководил секретарь зонального комитета партии Со Ян, полпотовцы начали настоящую войну против населения, пустив в ход войска военной зоны Кандаль, танки, самолеты и тяжелую артиллерию. Почти все офицеры и солдаты местных армейских подразделений были убиты.

Вдохновленный идеями Мао Цзедунга о коммунах, Пол Пот выбросил лозунг «Назад в деревню». Во исполнение его население крупных и малых городов выселялось в сельские и горные районы. 17 апреля 1975 г., применяя насилие в сочетании с обманом, полпотовцы вынудили более 2 миллионов жителей только что освобожденного Пномпеня покинуть город. Те, кто отказывался уезжать или медлил с отъездом, подвергались избиениям или просто расстреливались на месте. Обязаны были выезжать все без исключения — старики инвалиды, беременные женщины, больные. У них отобрали все имущество. Тысячи людей, согнанных к месту назначения, умирали там медленной смертью от голода и болезней.

После свержения Пол Пота было проведено специальное расследование, которое выяснило, что примерно 42 процента людей погибло при самой эвакуации, на протяжении последующих четырех лет еще 11 процентов погибли от голода и болезней, а 6 процентов пропали без вести. Осталось в живых только около 41 процента переселенцев.

Жителей различных районов страны перемешивали, чтобы разрушить существующие социальные и семейные отношения и таким образом лишить людей всякой возможности объединяться и бороться против режима.

Наряду с насильственным переселением городских жителей в деревни полпотовцы принуждали сельских жителей переезжать в другие районы, предварительно сдав все свое имущество «Ангке». В конце 1975 г. население провинций Свайриенг, Прейвэнг, Такео (на юго-востоке) было вынуждено переселиться в Пурсат, Баттамбанг, Сисопхон (на северо-западе) и в Оддармеаитъей (на севере). Населению западной зоны пришлось переселиться на восток.

Чтобы полностью подавить сопротивление, людей стогнали в «коммуны», которые представляли собой замаскированные концентрационные лагеря. Камбоджийцы говорили: «Тюрьма «Ангки» огромна. Хотя у этой тюрьмы нет ни ворот, ни ограды, никто не может бежать отсюда».

Жителей принуждали к непосильному труду независимо от возраста и состояния здоровья: работам по укреплению дамб, рытью каналов, расчистке леса и т. п. С примитивными орудиями или вручную люди работали по 12-16 часов в день, а иногда и дольше. Как рассказывали те немногие, кто сумел выжить, во многих районах их дневное пропитание составляло всего одну миску риса на 10 человек. Они были вынуждены питаться корой банановых деревьев.

Руководители полпотовского режима создали сеть

шпионов и поощряли взаимные доносы, чтобы парализовать волю народа к сопротивлению.

«Ангка» установила строгий контроль над мыслями и действиями членов «коммун». Граждане имели право думать и действовать только так, как им приказывала «Ангка». Все проявления свободомыслия, независимые суждения и жалобы осуждались, а лица, обращавшиеся с жалобами, попадали под подозрение, зачислялись в противники режима и как таковые уничтожались.

Все нарушения постановлений «Ангки» сурово наказывались. Существовало только два вида наказаний: во-первых, людей заставляли в два или три раза больше работать и давали меньше еды или не давали ее вообще; во-вторых, приговаривали к смерти.

Традиционные семейные отношения упразднились. Мужьям и женам не разрешалось жить вместе, детей отрывали от родителей. Любовь была запрещена. Мужчины и женщины вступали в брак по указанию «Ангки». Молодые люди, полюбившие друг друга и пытавшиеся бежать, наказывались как преступники.

Выражение сочувствия, помощь родственникам, друзьям и соседям запрещалась. Не позволялось никому проявлять сочувствие к тем, кого избивали или убивали. Некто Сок Бун из Пурсата была убита за то, что осмелилась оплакивать смерть своего мужа. Сок Чой был брошен в тюрьму за то, что он плакал, видя как агенты Пол Пота зверски убивали одного из его родственников.

Полпотовцы попытались упразднить буддизм — религию, которую исповедывало 85 процентов населения. Буддийских монахов вынуждали отказываться от своей традиционной одежды и заставляли работать в «коммунах». Многие из них были убиты. Уничтожались статуи Будды и буддийские книги. Пагоды и храмы были превращены в склады зерна, и людям запрещалось поклоняться Будде или уходить в монастыри. Не осталось ни одной из 2800 пагод, которые украшали Кампучию. Лишь немногим из 82 тысяч бонз удалось бежать.

Наряду с буддизмом был запрещен ислам. В первые же месяцы после «освобождения» стали преследоваться магометанские священнослужители. Были уничтожены Хари Рослос, глава мусульман, и его первый заместитель Хаджи Сулейман Сокри. Священные книги уничтожались, мечети разрушались или превращались в свинарники, тюрьмы.

Пол Пот стремился истребить интеллигенцию и вообще всех тех, кто имел какое-то образование, технические связи и опыт. «Красные кхмеры» пытались уничтожить национальную культуру, чтобы полностью устранить всякую возможность критики и оппозиции режиму.

В одной из директив, датированной 9 сентября 1977 г., говорилось: «Мы должны повысить революционную бдительность в отношении тех, кто служил при старой администрации, например в отношении технических специалистов, педагогов, врачей, инженеров... Политика нашей партии состоит в том, чтобы не использовать этих людей. Если, исходя из сугубо деловых интересов, мы станем их использовать, враг будет с каждым днем все глубже и глубже проникать в наш государственный аппарат. Это будет очень опасно». Пол Пот объявил этих людей преступниками, которым заранее вынесен смертный приговор и которых в любой момент можно убить.

Примерно тысяча представителей кампучийской интеллигенции, которых обманом убедили вернуться в Кампучию из-за границы, были обречены на принудительный труд, сотни из них убиты.

Из 643 врачей и фармацевтов в живых осталось всего 69.

Полпотовцы ликвидировали систему просвещения на всех уровнях. Школы были превращены в тюрьмы, места пыток, в склады навоза. Все книги и документы, хранившиеся в библиотеках, школах, университетах, научно-исследовательских центрах, были сожжены или разграблены.

Министерство информации, печати и культуры Кампучии сообщало, что за четыре года правления Пол Пота было убито примерно четыре пятых всех преподавателей, в том числе профессоров и преподавателей колледжей.

Национальная культура планомерно уничтожалась. Планировалось со временем полностью уничтожить материальную базу многовековой культуры кампучийского народа и всех, кто пытался сохранять и развивать ее.

Режим Пол Пота уничтожал всех без разбора. Практиковались массовые убийства малолетних детей. Молодежь преследовалась и морально развращалась. Юношей и девушек превращали в жестоких убийц, полностью лишенных человеческих чувств.

Детям старше шести лет не разрешали жить с родителями, их заставляли пасти скот и собирать навоз. Детям старше 10 лет приходилось выполнять тяжелую работу наравне со взрослыми, особенно на строительстве плотин и гидротехнических сооружений. Им не разрешалось ходить в школу, не разрешалось играть. Кроме того, режим Пол Пота насильственно вербовал детей моложе 15 лет в свои армейские части или мобильные ударные бригады, ибо они считались «чистыми», абсолютно лояльными в отношении «Ангки».

Клика Пол Пота подорвала структуру национальной экономики, что привело к застою в производстве и обрекло тысячи людей на голодную смерть.

Поскольку Пол Пот выступал против того, чтобы использовать в промышленности технических специалистов, работавших при прежнем режиме, инженеров и техников уничтожали, а рабочих отправляли в сельскую местность. На некоторых больших фабриках, особенно в лесной и текстильной промышленности, оставалось всего по несколько рабочих. Производство замедлялось.

Большие участки пахотных земель оставались

необработанными, рис экспортировался в обмен на оружие или запасался в целях подготовки к войне, в то время как крестьяне плохо питались и ходили в лохмотьях.

Рыболовство, которое прежде давало 100–140 тысяч тонн в год, могло дать лишь 20–30 тысяч тонн рыбы в год.

Для запугивания населения полпотовский режим использовал зверские виды пыток и массовые убийства. Подручные тирана использовали такие методы убийств, которые давали возможность ликвидировать сразу сотни или даже тысячи людей. Даже зверства гитлеровцев меркнут перед изощренной фантазией полпотовцев. Людей убивали ударами мотыг, киркомотыг, палок, железных прутьев. Ножам и листьями сахарной пальмы с острыми краями жертвам перерезали горло, вспарывали животы, извлекали оттуда печень, которую затем съедали, и желчные пузыри, которые шли на приготовление «лекарств». Бульдозерами давили людей и применяли взрывчатку, чтобы одновременно убивать как можно больше. Тех, кого подозревали в оппозиции режиму, хоронили живьем, сжигали, постепенно срезали с их костей мясо, обрекая на медленную смерть.

Детей подбрасывали в воздух, а потом накалывали на штыки, отрывали у них конечности, разбивали головы о деревья. Людей бросали в пруды, где держали крокодилов, убивали, подвешивая их к дереву за шею, руки или ноги. Жертвам вводили яд в вены. Таким методом отравляли сразу большое количество людей.

Чтобы получить «признания» у противников режима, особенно у кадровых партийных работников и членов партии, использовались самые зверские пытки. Жестокость парализовывала волю людей и их способность свободно мыслить.

Заочный суд над диктатором, состоявшийся после его свержения, на основании свидетельских показаний,

докладов различных органов государственного аппарата, результатов расследований на местах и документов, собранных из различных источников за границей, пришел к выводу, что «преступные деяния полпотовской клики совершались систематически в разных местах по всей территории Кампучии в соответствии с тщательно продуманным планом геноцида».

Пол Пот лично руководил внутренними делами, особенно претворением в жизнь политики геноцида в тех населенных пунктах, население которых решительно выступало против репрессивного режима, в том числе в юго-западных, северо-западных, северных и восточных районах страны, где политика геноцида проводилась с особой жестокостью.

Внешняя политика режима Пол Пота характеризовалась агрессивностью и замаскированным страхом перед сильными державами. Полпотовцы отказались принять помощь от иностранных государств и международных организаций, предлагавшуюся поначалу для преодоления трудностей, вызванных гражданской войной.

Режим дважды провоцировал конфликт с Таиландом (середина 1975 и начало 1977 года), солдаты Пол Пота захватили на реке Меконг множество мелких островов, принадлежащих Лаосу. Граница с Вьетнамом стала местом постоянных боевых действий. В марте 1976 г. под влиянием Китая количество инцидентов на камбоджийско-вьетнамской границе резко сократилось. Затем была достигнута договоренность насчет соглашения о границе. В первой половине мая в Пномпене состоялись переговоры. В июле в одном из интервью Пол Пот заявил: «Вьетнамский народ и народ Камбоджи — друзья и братья».

После окончательного утверждения у власти Пол Пот решил отгородиться от внешнего мира. В ответ на предложение Японии об установлении дипломатических отношений полпотовцы заявили, что Камбоджа «не

будет заинтересована в них еще 200 лет». Исключения из общего правила составляли лишь несколько стран, к которым Пол Пот по тем или иным причинам испытывал личную симпатию.

Международные контакты Пол Пота малы и единичны. В сентябре 1977 г. он совершил поездку в Пекин, откуда отправился в Пхеньян, где в ходе официального визита ему было присвоено звание героя КНДР. В мае 1978 г. в Камбодже побывал Н. Чаушеску. В остальном главарь «красных кхмеров» старательно избегал контактов с иностранцами, особенно с представителями прессы. Лишь однажды, по какому-то непонятному капризу он принял в марте 1978 г. группу югославских журналистов.

В январе 1977 г. после почти годового затишья, зазвучали выстрелы на камбоджийско-вьетнамской границе. Пол Пот задумал спровоцировать наступление вьетнамцев, ответить на него победным контр наступлением и, «наступая на пятки противнику», захватить территорию Южного Вьетнама (она в древности входила в состав камбоджийского государства). При этом он всерьез рассчитывал осуществить свой бредовый замысел: убивать жителей Вьетнама в пропорции «1 кхмер на 30 вьетнамцев» и уничтожить таким образом все вьетнамское население. Отряды «красных кхмеров», перейдя вьетнамскую границу, убивали жителей приграничных поселков дубинками, палками, ножами, экономя таким образом патроны. Пленным втыкали колья в грудь. Повсюду вперемешку валялись головы, отрезанные у собак и людей.

В конце 1978 г. камбоджийские патриоты подняли восстание, которое было поддержано Вьетнамом. В январе 1979 г. полпотовский режим пал. «Красные кхмеры» организованно отступили в джунгли на границе с Таиландом. Все население по дороге они заставляли следовать за ними в качестве прикрытия. Повсюду, где они проходили, уничтожались урожаи сельскохозяйственных культур и зернохранилища, грабилось население.

Бежавших в Таиланд кампучийцев, которых тайландские власти заставили вернуться обратно, полпотовцы успели в процессе отступления обвинить в государственной измене. Несчастных немедленно казнили.

По приказу Пол Пота уничтожались все запасы, которые нельзя было захватить с собой. Тем самым обрекались на голод те, кого не удалось угнать.

15–19 августа 1979 г. народно-революционный трибунал Кампучии разбирал дело по обвинению «клики Пол Пота — Иенг Сари» в геноциде. Пол Пот и Иенг Сари были признаны виновными и заочно приговорены к смертной казни. Полпотовцы оставили Кампучию в тяжелейшем состоянии. Примерно 3 миллиона ни в чем не повинных людей было убито. Уцелевшим четырем с лишним миллионам человек нанесены серьезные физические и нравственные травмы. Подорванное здоровье, такие серьезные болезни, как туберкулез, бери-бери, малярия, депрессия и бесплодие женщин приобрели за годы правления режима Пол Пота угрожающие масштабы. Политика разрушения экономики поставила страну на грань голода, национальная культура была полностью уничтожена, учреждения системы образования и здравоохранения ликвидированы.

Несмотря на все это в Пномпене некоторое время оставались представители «красных кхмеров» во главе с Кхиеу Самфаном. Стороны долго искали пути к взаимному примирению. Полпотовцам помогала себя уверенно чувствовать поддержка США. Настояниями сверхдержавы за полпотовцами сохранялось место в ООН.

Но в 1993 г., после бойкота «красными кхмерами» первых в стране и проводившихся под наблюдением ООН парламентских выборов, движение полностью спряталось в джунглях. С каждым годом нарастали противоречия среди руководителей «красных кхмеров». В 1996 г. на сторону правительства с 10 тысячами бойцов перешел Иенг Сари, бывший в полпотовском правительстве заместителем премьера.

В ответ Пол Пот традиционно прибегнул к террору. Он приказал казнить министра обороны Сон Сена, его жену и девятерых детей. Перепуганные соратники тирана организовали заговор, возглавленный Кхиеу Самфаном, Та Моком, командующим войсками, и Нуоном Чеа — влиятельнейшим в настоящее время человеком в руководстве «красных кхмеров».

В июне 1997 г. Пол Пот был помещен под домашний арест. С ним оставили вторую жену Миа Сом и дочь Сет Сет. Охранял семейство диктатора один из полпотовских командиров Нуон Ну.

В начале апреля 1998 г. США неожиданно стали требовать передачи Пол Пота международному трибуналу, указывая на необходимость «справедливого возмездия». Труднообъяснимая в свете прошлой его политики поддержки диктатора позиция Вашингтона вызвала немало споров среди руководства «Ангки». В конце концов было решено обменять Пол Пота на собственную безопасность. Начались поиски контактов с международными организациями, но смерть кровавого тирана в ночь с 14 на 15 апреля 1998 г. сразу решила все проблемы.

По официальной версии Пол Пот скончался от сердечного приступа. Его тело кремировали, а череп и кости, оставшиеся после сожжения, передали жене и дочери.

СОМОСА ГАРСИЯ АНАСТАСИО (1896–1956)

Анастасио Гарсия Сомоса стал родоначальником династии никарагуанских диктаторов, правивших страной в течение 45 лет.

Известным человеком был уже дед диктатора — Бернабе Сомоса, носивший кличку «Семь платков». Именно столько платков, как утверждают, использовал разбойник Бернабе для того, чтобы стереть кровь со своих рук. Когда Бернабе наконец повесили в городе Ривас, его сын Анастасио, отец Гарсия Сомосы, на «заработанные» папашей деньги приобрел кофейную плантацию Сан-Маркос в департаменте Карасо. Упорным трудом он сумел нажить себе приличное состояние.

В этом поместье 1 февраля 1896 г. родился Анастасио Гарсия Сомоса, или Тачо, как его называли в детстве. Тачо рано стал увлекаться азартными играми, вином и женщинами. Он лихо проматывал отцовские деньги, за что тот спровадил его в Филадельфию, в бизнес-школу, выделив лишь небольшую сумму денег.

Однако пребывание в США не пошло Сомосе на пользу. Не закончив ни одного курса, он занялся перепродажей подержанных автомобилей, а доходы от своего бизнеса просаживал в игорных домах. Отчаявшийся отец, почтенный плантатор, вызвал непутевого сына обратно в Никарагуа, приобрел для него трактир и женил на девушке из аристократического семейства Дебайле.

Женитьба не остепенила Тачо. Очень скоро трактир пошел с молотка за карточные долги, та же участь постигла и поместье Сан-Маркос, доставшееся Тачо в наследство от умершего с горя отца. Чтобы поправить финансовые дела, Анастасио стал фальшивомонетчи-

ком. В 1921 г. его арестовали вместе с сообщником и будущим начальником штаба Национальной гвардии Камило Гонсалесом. Хотя Дебайле презирали Сомосу и старались не общаться с ним, но в данном случае они использовали свои связи, чтобы замять дело.

Тачо на время притих, вступив в армию генерала Монкады, одного из деятелей Либеральной партии. В 1926 г. военные формирования Либеральной партии сместили президента Адольфо Диаса. Дебайле были влиятельными фигурами в Либеральной партии. Их авторитет и некоторые личные «заслуги» помогли Сомосе выдвинуться. После победы он присвоил себе звание полковника. Исполнение обязанностей заместителя министра иностранных дел в правительстве президента Хосе Марии Монкады Сомоса совмещал со службой переводчиком при экспедиционном корпусе морской пехоты США в Никарагуа.

Американцы сразу же обратили внимание на молодого услужливого никарагуанского полковника. Сомоса знал только тот английский, на котором разговаривали в элитных местах Калифорнии, но, впрочем, большего и не требовалось. Большой знаток местных притонов и публичных домов, Сомоса всегда был готов помочь, если кому-то из американского персонала становилось скучно. Со всеми своими «нуждами» и проблемами офицеры морской пехоты шли к Анастасио Сомосе. К 1933 г. он окончательно превратился в того человека, про которого в Вашингтоне позднее говорили: «Сомоса сукин сын, но это наш сукин сын».

В качестве переводчика Сомоса присутствовал на переговорах американского представителя Генри Стимпсона с генералом Монкадой и Адольфо Диасом, которые завершились рождением Национальной гвардии Никарагуа. В результате договора, подписанного 12 мая 1927 г., была создана военная структура, предназначенная для борьбы с партизанами и другими антиамериканскими силами.

Анастасио Сомоса связал свою судьбу с Национальной гвардией. К сентябрю 1928 г. в ее рядах насчитывалось около двух тысяч никарагуанских солдат и двухсот офицеров-янки. К 1930 г. американские военные поняли, что они не в состоянии справиться с массовым народным движением, возглавлявшимся никарагуанским патриотом Аугусто Сесаро Сандино, и начали готовиться к выводу своих войск из страны.

Они рекомендовали Хосе Монкаде готовить Анастасио Сомосу к роли командующего гвардией.

Генерал Калвин Б. Мэтьюс, последний американский шеф-директор гвардии, решительно рекомендовал Сомосу новому президенту Хуану Батиста Сакасе. Посланник Соединенных Штатов в Никарагуа так характеризовал своего протеже в докладной записке от 28 октября 1928 г. «Я считаю Сомосу наиболее подходящим во всей стране человеком для этой должности. Никто иной не будет действовать умнее и ответственнее, чем он, для поддержания внепартийного характера гвардии. Никто лучше него не сможет справиться со всем тем, что касается управления и руководства Национальной гвардией». Через месяц, в ноябре 1932 г., генерал Сомоса возглавил Национальную гвардию. А в январе 1933 г. последний из американских солдат покинул Никарагуа.

В стране после ухода оккупационных сил остались две полярные силы: армия генерала Аугусто Сесара Сандино и Национальная гвардия. Слабохарактерного, безвольного, к тому же лишеного реальной власти президента Сакасу никто не принимал в расчет.

Патриот и безнадежный романтик, Сандино после ухода морских пехотинцев распустил свою Армию защиты национального суверенитета. По условиям мирного договора, который Сандино подписал с правительством в феврале 1933 г., сандинисты сдали оружие и разошлись по домам. У генерала осталось лишь сто человек личной охраны и право орга-

низовать сельскохозяйственный кооператив из бывших солдат своей армии. Место для кооператива Сандино выбрал на границе департаментов Нуэва-Сеговия и Хинотега.

Вокруг кооператива постепенно сжималось кольцо Национальной гвардии. Участились провокации, убийства и аресты сандинистов. Национальные гвардейцы упорно искали предлога для нападения на кооператив. Встревоженный сложившейся ситуацией, Сандино посетил президента Хуана Сакасу. Встреча состоялась 21 февраля 1934 г. Генерал во время ужина с президентом получил заверение в поддержке и обещание содействовать делам кооператива.

По пути из президентского дворца машину, в которой ехали Сандино, два его генерала, отец, министр Сакасы Софонияс Сальватьерра, была остановлена взводом национальных гвардейцев. Арестованных Сандино, генералов Эстраду и Умансора разоружили и повели в гарнизонную тюрьму «Эль-Ормигеро». Вскоре туда же подъехал и президентский лимузин с сержантом-гвардейцем за рулем. Сандино послал записку Сомосе, передав ее майору Дельгадильо, который командовал арестом. Майор вернулся через несколько минут, сообщив, что не сумел найти шефа-директора Национальной гвардии. Пленники поняли, что это — смерть.

Сандино, Эстраду и Умансора расстреляли из пулеметов. Погиб один из самых честных и чистых представителей человечества. А Сомоса в это время присутствовал на первом поэтическом вечере в клубе Национальной гвардии, но покинул его, как только получил сообщение об убийстве Сандино. В эту же ночь, через несколько часов, национальные гвардейцы ворвались в кооператив. Началась резня безоружных, продолжавшаяся до утра. Погибло более трехсот человек, в основном женщин и детей. Спасти удалось лишь единицам. Теперь уже никто не стоял у Сомосы на пути к власти.

Весь период президентства Хуана Сакасы фактическим хозяином страны был Сомоса. В конце мая 1936 г. под предлогом «неэффективности правления» он сверг Хуана Сакасу. Выборы нового главы государства шеф-директор Национальной гвардии назначил на октябрь. Они полностью контролировались сторонниками Сомосы, который и стал президентом в 1937 г. Среди предвыборных хлопот была забыта такая маленькая деталь, как 141-я статья конституции Никарагуа, которая запрещала всем военным, находившимся на действительной службе (а Сомоса был генералом), занимать выборные государственные посты. Приход к власти Сомосы являлся обычным государственным переворотом, хотя он и был оформлен «конституционно».

После прихода к власти Сомоса первым делом постарался снять с себя ответственность за убийство Сандино. Опасаясь, что может настать день, когда ему придется предстать перед судом, он настоял на том, чтобы конгресс принял специальный декрет, в результате которого были амнистированы лица, участвовавшие в расправе над Сандино. Кровь, пролитая той ночью, стала началом грандиозного террора. За свое сравнительно недолгое существование Национальная гвардия уничтожила 300 тысяч никарагуанцев — свыше десяти процентов населения страны.

Получив безраздельную власть над Никарагуа, Сомоса употребил всю свою энергию на личное обогащение. В 1939 г. его капитал составил 4 миллиона долларов. А в 1944 г. Сомоса владел уже имуществом и доходами, заслуживающими отдельного списка. Вот он: 1) 51 скотоводческое, 46 кофейных, 400 табачных поместий; 2) Золотые шахты Сан-Урбина; 3) 50 процентов акций единственного в Никарагуа цементного завода; 4) 50 процентов акций спичечной фабрики «Момотомбо» (чтобы избавиться от конкуренции, диктатор запретил импорт зажигалок); 5) Газета «Новедат

дес»; 6) Половина всех деревообрабатывающих фабрик; 7) Четыре электростанции; 8) Доходные дома в Мексике, Майами и Коста-Рике; 9) Самые крупные в стране молочные комбинаты «Салуд» и ПОЛАКСА; 10) Четыре мяскокомбината.

Кроме того, Сомоса ежегодно присваивал себе 175 тысяч долларов, которые платили Никарагуа в виде налогов иностранные фирмы, действовавшие в стране.

При Сомосе на землях Никарагуа стал в массовом порядке выращиваться хлопок. Эта культура не отвечала экономическим потребностям страны, но приносила огромные прибыли владельцам плантаций — в основном североамериканским компаниям. Крестьян сгоняли с земель, превращая множество мелких наделов в бескрайние хлопковые поля.

Тысячи крестьян двинулись в город на поиски работы, но там ее не было. Те, которым повезло, нанимались батраками на плантации. За тяжелейший труд люди получали гроши, а чаще работали за пропитание, тысячами умирая с голоду.

Массовое разведение хлопка поставило Никарагуа в зависимость от импорта продуктов питания и серьезно подорвало экономику страны.

За рубежом режим Сомосы мог рассчитывать только на периодическую помощь США. Диктатор неоднократно предпринимал попытки наладить дружеские отношения с Мексикой, где президентом в 1934–1940 гг. был видный политический деятель Ласаро Карденас. Карденас пользовался большим авторитетом не только в Латинской Америке, поэтому Сомоса активно обрабатывал посла Мексики, стараясь довести до Карденаса свое намерение укрепить отношения между обеими странами.

Он неоднократно заговаривал о желательности визита в Мексику, однако мексиканский посол в Никарагуа заявил, что «в соответствии с имеющимися инструкциями вынужден сообщить, что генерал Карденас

все время проводит в поездках по стране и вряд ли вскоре вернется в столицу. Кроме того, будет неудобно, если пресса, пользующаяся в Мексике свободой, обрушится на Сомосу с резкой критикой за убийство Сандино». Диктатору пришлось проглотить это завуалированное оскорбление.

Как и прочие центральноамериканские диктаторы середины века, Сомоса был большим поклонником фашистского толка организаций, создававшихся в Европе. В 1936 г. он заявил представителям прессы: «Мое правительство будет носить корпоративный характер». Сомоса лично благословил группу «голубых рубашек» — никарагуанский филиал испанской фаланги. В период гражданской войны в Испании республиканские власти были вынуждены принять крайние меры по отношению к некоторым никарагуанским дипломатам, использовавшим свое положение для оказания помощи фалангистам. Генеральный консул Мексики в Барселоне сообщал в свое МИД в январе 1937 г., что генеральный консул Никарагуа в этом городе арестован властями за продажу паспортов фашистам.

До момента вступления США в войну в доме у Сомосы висел портрет, на котором методом монтажа был изображен никарагуанский диктатор рядом с Гитлером. В никарагуанской газете «Коррео» в конце 30-х годов ежедневно целая полоса отводилась фашистской пропаганде, где наиболее употребительными лозунгами были «Долой социализм!», «Требуем корпоративного государства!».

Сомоса запретил деятельность оппозиционных политических партий. Единственно разрешенная Либеральная партия находилась полностью под его контролем. В конце концов консерваторы подписали пакт, который давал им заранее оговоренный процент мест в конгрессе в обмен на обещание быть более терпимыми к режиму Сомосы.

После окончания второй мировой войны Сомоса,

предвидя активизацию противников его правления, выступил с широкими обещаниями реформ, которые так и остались только обещаниями. Надо отдать должное диктатору — он умел с помощью неприкрытой демагогии манипулировать сознанием масс, обеспечивая относительную устойчивость режима.

Для успокоения общественности Сомоса время от времени прибегал к трюкам, выдвигая на пост президента страны подставных лиц. Так, в 1947 г. им была предложена избирателям кандидатура 70-летнего Леонардо Аргуэльо. Кандидат был подобран с таким расчетом, чтобы он в силу своего преклонного возраста не мог активно участвовать в решении политических вопросов и был бы послушным инструментом в руках Сомосы.

Надежды не оправдались. Л. Аргуэльо принял власть 1 мая 1947 г. и в первые же дни уволил с государственных постов некоторых близких родственников Сомосы. Всего лишь 25 дней пробыл строптивый президент во дворце. Национальная гвардия сместила его и взяла власть в свои руки. Сомосе пришлось срочно созвать Учредительную ассамблею и провести формальные выборы нового президента, которым стал престарелый политический деятель Виктор Мануэль Роман-и-Рейес. Поскольку он умер в 1950 г., еще до окончания срока, Сомоса провел осенью того же года под жестким правительственным контролем новые выборы и обеспечил себе большинство голосов.

В 1956 г. Сомоса вновь начал готовить общественность страны к выдвижению своей кандидатуры на очередной президентский срок. 21 сентября, в тот день, когда его кандидатура была официально заявлена от имени Либеральной партии, на него было совершено покушение. В этот день власти города Леон устроили бал в честь приезда Анастасио Сомосы. Присутствовавший там молодой поэт Ригоберто Лопес Перес разрядил в диктатора свой пистолет. Сомосу

доставили самолетом в американский военный госпиталь в зоне Панамского канала, где он через неделю умер. Его старший сын, Луис Сомоса Дебайль, сменил его на посту президента, а его средний сын, Анастасио Сомоса Дебайль, стал командующим Национальной гвардией.

СОМОСА ДЕБАЙЛЬ АНАСТАСИО (1925–1980)

Анастасио Дебайль Сомоса, второй сын Анастасио Гарсия Сомосы, стал третьим и последним из династии никарагуанских диктаторов. Отучившись в Нью-Йоркском военном училище, он в короткий срок получил звание капитана никарагуанской Национальной гвардии. В скором времени Сомоса Дебайль вновь оказался в США. На сей раз, чтобы отшлифовать военные навыки в Вест-Пойнте.

После возвращения в Никарагуа Сомоса Дебайль получил звание майора гвардии и был назначен начальником Никарагуанской военной академии. В 1956 г. погиб Сомоса-старший. Дебайль занял пост командующего Национальной гвардией, а его старший брат Луис — кресло президента. Тандем просуществовал недолго. В 1967 г. Луис, страдавший ожирением, умер от сердечного приступа. Его преемника Рене Шика Сомоса Дебайль сверг через несколько месяцев.

В первый срок своего президентского правления Сомоса Дебайль значительно модернизировал Национальную гвардию. Теперь она выполняла не только военно-полицейские функции, но и стала играть роль дворцовой стражи. Гвардия с тех пор подчинялась только Сомосе.

Но времена менялись, и Сомоса Дебайль не мог править, опираясь только на грубую военную силу. Впрочем, и старший Сомоса нередко прибегал к политическим маневрам. В 1971 г., накануне президентских выборов, Анастасио Дебайль заключил пакт с Консервативной партией о предоставлении ей 40 процентов мест в конгрессе. Старый проверенный трюк позволил диктатору без труда получить президентское кресло на новый срок.

После 1956 г. в Никарагуа постоянно ширилось оппозиционное диктатуре движение. В стране возникло более двадцати вооруженных группировок, развернувших партизанскую борьбу. Росло рабочее движение, организовывались новые профсоюзы. Представители Консервативной партии, которым совершенно не импонировал размах левого движения, делали все возможное чтобы его сдержать, призывая к «конструктивной» критике режима и «легальным» методам борьбы.

В июле 1961 г. образовался Сандинистский фронт национального освобождения. Поначалу он был лишь одним из многих партизанских формирований, к тому же не самым удачливым. Первое же серьезное выступление сандинистов, предпринятое в северных горных районах Никарагуа, провалилось. В 1967 г. Фронт подготовил вооруженное выступление в районе департамента Матагальпа. И снова сокрушительное поражение. Из повстанцев не уцелел ни один. Против примитивных револьверов и карабинов тысячи национальных гвардейцев применили авиацию, танки, напалм и артиллерию.

Положение изменилось в 1972 г. Этот год стал началом кризиса диктатуры. В августе 1972 г. землетрясение разрушило большую часть Манагуа. Миллионы долларов, которые направляли в Никарагуа различные международные организации в качестве гуманитарной помощи, Сомоса использовал для развития многочисленных отраслей семейного бизнеса — в круг интересов диктатора входили недвижимость, строительство, финансовые и страховые компании, пищевая промышленность, рыбный промысел, предприятия розничной торговли, фирмы звуко- и видеозаписи, порты, государственное воздушное и морское сообщение, гостиничные комплексы, газеты, радио и телестанции, банки, химические заводы и фабрики пластмасс. Помимо всего этого семейство Сомоса держало под контролем половину операций с землей и владело четвертой частью

плодородных земель страны. Коррупция достигла таких размеров, что затрагивала интересы не только простых трудяг, но и буржуазии.

Неуемные аппетиты диктатора привели к тому, что начала роптать даже промышленная и земельная верхушка, ведь он забирал себе самые выгодные концессии, самые многообещающие контракты. Сомоса лишил никарагуанского предпринимателя перспектив, надежды на развитие бизнеса, так как заранее было известно, что все самое лучшее достанется диктатору. В результате капиталы не поступали в оборот, а стали оседать в чулках. Таким образом, режим Сомосы стал препятствовать развитию рыночных отношений в стране. Он потерял поддержку даже крупных промышленников и латифундистов, не говоря уже о среднем классе.

Сомоса почувствовал опасность и объявил о переходе к «демократическим» методам управления страной. Он отменил существовавшее до этого много лет чрезвычайное положение (с 1974 по 1977 гг.) и назначил выборы в муниципалитеты. По славной центрально-американской традиции около урн для голосования стояли национальные гвардейцы с примкнутыми штыками. Они же устраивали облавы на избирателей, обязывая их участвовать в «свободных выборах» под дулом карабинов. Однако подобного рода акции уже не могли спасти правительство, которому оставалось существовать считанные месяцы.

С 1974 г. Сандинистский фронт национального освобождения объединил вокруг себя многие оппозиционные группировки и прочно взял в свои руки стратегическую инициативу в вооруженном противостоянии.

В последние дни 1974 г. одна из боевых групп сандинистов под командованием Эдуарде Контрераса захватила дом Хосе Кастильо, одного из приближенных Сомосы. 27 декабря Кастильо устраивал традиционный коктейль в честь посла США. Этим обстоятельством и воспользовались сандинисты, так как среди приглашен-

ных на коктейль был цвет сомосовской знати, родственники Сомосы, министр иностранных дел в правительстве Никарагуа, представитель Никарагуа в ООН и другие важные лица. Взяв их в заложники, сандинисты добились освобождения политических заключенных и предоставления самолета, чтобы вывести узников за пределы страны. Диктатор заплатил Фронту контрибуцию в один миллион долларов и был вынужден санкционировать трансляцию по радио и телевидению воззвания СФНО к никарагуанскому народу. Эта акция получила широкий международный резонанс.

После декабря 1974 г. СФНО перешел в наступление, а Сомоса в ответ развязал массовые репрессии. В 1976 г. погиб в бою создатель и организатор Фронта Карлос Фонсека. В 1978 г. Фронт провел серию успешных операций в городах Гранада и Ривас. В департаменте Нуэва-Сеговия сандинисты разгромили крупную военную базу, с которой сомосовцы проводили антипартизанские акции. Режим агонизировал, оставляя после себя страну с разрушенной экономикой и бедствующим населением.

Детская смертность при режиме Сомосы характеризовалась цифрой 121 умерший ребенок на 1000 новорожденных; 68 % детей в возрасте до 6 лет страдали хроническим недоеданием; средняя продолжительность жизни не дотягивала до 55 лет; уровень безработицы достиг 33 %, т. е. 250 тысяч никарагуанцев, способных трудиться, не могли найти работу; медицинское обслуживание, основанное на системе частных медицинских учреждений, было недоступно для малообеспеченных слоев.

Бесконтрольная эксплуатация природных богатств поставила Никарагуа на грань экологической катастрофы. Озеро Ксолотлан около Манагуа превратилось в городскую свалку и клоаку городских сточных вод, в него же сливались и все промышленные отходы столичных предприятий. Постепенно в Ксолотлане пере-

велась рыба, берега обросли зловонным вязким илом, а из птиц остались лишь огромные черные стервятники. По берегам озера, и даже в черте города развелось множество крокодилов. Они и раньше обитали в пустынных уголках северного и восточного побережья, но именно в годы правления семейства Сомосы заполнили и южный берег, вдоль которого раскинулся Манагуа. Это нашествие крокодилов, которые нападали на скот, похищали собак и домашнюю птицу, объясняется просто. Дело в том, что Национальная гвардия и служба безопасности, желая избавиться от улик, по ночам бросали трупы замученных и казненных в озеро. Там их поедали крокодилы. Наутро никаких следов не обнаруживалось. Довольны были и крокодилы, и национальные гвардейцы.

В феврале 1978 г. вспыхнуло стихийное восстание в городе Масая, расположенном в тридцати километрах к югу от столицы. Первыми выступили индейцы-ремесленники из квартала Монимбо, доведенные до крайности нищетой, голодом и репрессиями Национальной гвардии. Их поддержал почти весь город. Люди шли на вооруженных до зубов солдат с бульжниками, самодельными пистолетами, мачете. Власти стянули в Масая танки, авиацию и артиллерию. Сандинистский фронт возглавил восстание и превратил его в общенациональное.

Администрация президента Картера предложила Сомосе отречься от власти во избежание потери контроля над ситуацией в стране. Но Сомоса, потерявший чувство реальности, и слышать не хотел об отставке. Он рассчитывал успокоить страну проведением всенародного плебисцита по вопросу власти, однако его время прошло.

В мае 1979 г. началось финальное наступление против диктатуры, поддержанное всеобщей забастовкой и восстаниями по всей стране. Колонны сандинистов занимали крупнейшие города. Жители, не дожидаясь их

прихода, штурмовали казармы Национальной гвардии. Борьба была тяжелой и кровопролитной. Режим играл ва-банк и не стеснялся в средствах и методах, убивая не только вооруженных бойцов, но и мирных жителей, устраивая массовые казни, сжигая деревни и подвергая бомбардировкам городские кварталы.

Сомоса лично отдал приказ о бомбардировке крупнейших городов. На Леон, Чинандело, Манагуа вместе с 250-килограммовыми фугасными бомбами посыпались бомбы с напалмом и белым фосфором. Масая подверглась опустошительному артиллерийскому расстрелу. Город Эстели был разрушен полностью. Но несмотря ни на что 19 июля 1979 г. диктатура пала и Сомоса бежал из страны.

В ходе война против диктатуры Сомосы погибло 50 тысяч никарагуанцев; ранено — 100 тысяч; 45 тысяч детей остались сиротами; 40 тысяч, преимущественно молодых людей, остались инвалидами; материальный ущерб, нанесенный экономике страны, составил один миллиард долларов.

Чтобы реально оценить всю глубину потерь никарагуанцев, надо знать, что население страны в 1979 г. исчислялось всего лишь в 2 миллиона 644 тысячи человек.

Сомоса бежал сначала в Майами, потом, когда его стала сильно донимать американская пресса, перебрался в Парагвай. Родственник Сомосы по духу, парагвайский диктатор Стресснер, предоставил в его распоряжение огромный особняк с забором, больше напоминавшим крепостную стену. Свергнутый диктатор, опасаясь покушения, ездил на бронированном «мерседесе» в сопровождении вооруженной охраны. Однако все предосторожности не спасли от справедливого возмездия. В сентябре 1980 г. Анастасио Сомоса Дебайль был убит выстрелом из базуки в Асунсьоне, на авениде Испании.

СТАЛИН (ДЖУТАШВИЛИ) ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ (1879 — 1953)

Сталин — визитная карточка кровавой тоталитарной диктатуры, столь характерной для XX века, преступник и убийца, который в течение трех десятилетий возглавлял Советское государство, почитался как божество, а после разгрома фашистской Германии стал одним из самых авторитетных политиков мира.

Родился в городе Гори Тифлисской губернии в семье сапожника. В 1894 г. после окончания духовного училища поступил в Тифлисскую духовную семинарию. За связь с социал-демократической организацией был исключен в 1899 г. из семинарии и поступил на работу в физическую обсерваторию. В 1901 г. перешел на нелегальное положение. В 1902 г. подвергся аресту и в 1903 г. был выслан на 3 года в Иркутскую губернию. После побега возвратился на Кавказ. С 1907 г. — в Баку, избирался в состав Бакинского комитета РСДРП. Неоднократно арестовывался и совершал побеги из ссылок. На VI (Пражской) Всероссийской партийной конференции (январь 1912 г.) был заочно избран в состав ЦК РСДРП. В 1913—1916 гг. — в ссылке в Туруханском крае. После Февральской революции вернулся в Петроград.

В первом советском правительстве занял пост наркома по делам национальностей, одновременно с 1919 г. — нарком Госконтроля, а с 1920 г. нарком Рабоче-крестьянской инспекции. В годы гражданской войны участвовал в организации борьбы с контрреволюцией в Поволжье, на Украине, на Западном, Южном фронтах, являлся членом РВС республики и ряда фронтов. Отличался недисциплинированностью, склоностью, конфликтами с военным руководством, несоблюдением воинской субординации.

В апреле 1922 г. на пленуме ЦК РКП(б) по рекомендации Каменева Сталин был единогласно избран Генеральным секретарем ЦК. В его функции входила организация работы Секретариата Центрального Комитета. Однако основное внимание Сталин уделил созданию партийно-государственного аппарата, с помощью которого в 20-е гг. установил режим своей личной власти.

На первом этапе захвата власти, ориентируясь на поддержку Зиновьева и Каменева, вел борьбу с Троцким, который в октябре 1923 г. открыто обвинил партийный аппарат в бюрократизации и перерождении. Эта же мысль была изложена в «Заявлении 46-ти», с которым 15 октября 1923 г. выступила группа большевиков: Преображенский, Серебряков, Пятаков, Бубнов, Осинский и др. В своем заявлении они указывали, что «режим, установившийся в партии, совершенно нетерпим. Он убивает самостоятельность партии, подменяя партию подобранным чиновничьим аппаратом». Однако авторы письма не потребовали смещения генсека, и поэтому в начавшейся в партийных организациях дискуссии этот вопрос не обсуждался.

В 1924 г. Сталин повел борьбу против Каменева и Зиновьева, имевших большой авторитет в партии. Предпринятую Каменевым попытку открыто выступить на съезде с утверждением, что «Сталин не может выполнять роль объединителя большевистского штаба», делегаты съезда не поддержали.

В конце 20-х гг. Сталин добился устранения с политической арены последних представителей ленинской гвардии — Бухарина, Рыкова и Томского, обвинив их в так называемом «правом уклоне».

В 30-е годы происходит дальнейшее укрепление позиций Сталина. Благодаря колоссальному напряжению народных сил, была осуществлена индустриализация, насильственными методами проведена коллективизация сельского хозяйства. В это время Сталин почти еди-

нолично правил страной, выдвинув тезис об обострении классовой борьбы по мере дальнейшего социалистического строительства. Сталин и его окружение — прямые виновники массовых репрессий партийных, советских и хозяйственных работников, военачальников, деятелей культуры. Многие миллионы невинных людей были расстреляны, брошены в лагеря, тюрьмы и отправлены в ссылку.

Репрессии 30-х годов, допущенные просчеты в проведении внешнеполитического курса, в определении сроков начала войны с Германией, в руководстве армией, привели к тяжелым потерям советского народа в годы Великой Отечественной войны. В тот период Сталин, оставаясь Генеральным секретарем ЦК ВКП(б), возглавил Государственный комитет обороны, Совнарком, стал Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами, наркомом обороны СССР (1941 — 1947). Герой Социалистического Труда (1939). Почетный член Академии Наук СССР (с 1939 г.). Герой Советского Союза (1945). Генералиссимус Советского Союза (1945).

Длительное время находясь у власти, Сталин создал административно-командную систему управления страной, утвердил свою единоличную диктатуру.

После первоначального восстановления хозяйства страны от последствий военной разрухи Сталин санкционировал новую волну репрессий. Была разгромлена ленинградская партийная организация, подготовлено так называемое «дело врачей», велась активная кампания борьбы с «безродными космополитами». Новые трагедии остановила смерть Сталина в 1953 г. Забальзамированное тело Сталина было выставлено на всеобщее обозрение рядом с такой же мумией В. И. Ленина в мавзолее на Красной площади в Москве. Во время хрущевской «оттепели» останки Сталина были выдворены из мавзолея и захоронены у Кремлевской стены.

СТРЕССНЕР АЛЬФРЕДО (Р. 1912)

Редкий пример политического долгожителя на южноамериканском континенте, Альфредо Стресснер являлся президентом и диктатором Парагвая в течение 35 лет. Он приютил у себя в стране многих военных преступников из фашистской Германии, сумевших укрыться от правосудия после второй мировой войны.

Альфредо Стресснер родился в 1912 г. в семье немецкого пивовара. Предки Стресснера переселились в Парагвай из Баварии. В 16 лет, после окончания школы, юный Альфредо поступил в Государственное военное училище. Он проявил неординарные способности и был замечен преподавателями. К 1940 г. Стресснер получил чин майора, а в 1946 г. стал членом Генерального штаба парагвайской армии.

В 1947 г. диктаторская внутренняя политика тогдашнего президента Парагвая Мориниго привела страну к гражданской войне, длившейся восемь месяцев. Пока позиции Мориниго были сильны, Стресснер поддерживал «законного» президента, но вскоре переметнулся на сторону Фелипе Моласа Лопеса, которому помог совершить успешный переворот. Лопес недолго удержался на президентском кресле. Его сменил, опять-таки не без помощи Стресснера, Федерико Чавес.

Наградой для будущего диктатора стала должность командующего всеми вооруженными силами Парагвая. Так в 1953 г. Стресснер вышел на финишную прямую в своем стремлении к власти.

В начале 1954 г. главнокомандующий совершил поездку в США, где имел встречи с сотрудниками госдепартамента. На обратном пути он остановился в Риоде-Жанейро и встретился с американским военным

атташе и с офицерами бразильской армии, выступавшими за военный союз с США. Вернувшись в Парагвай, сорокадвухлетний генерал выдвинул лозунг: «Смести с парагвайской политической арены все группы и партии, сопротивляющиеся американским замыслам».

Ход событий был ускорен приближением очередных выборов, назначенных на 1955 г., по истечении срока полномочий президента. Усталый восьмидесятилетний Чавес постепенно выпускал правящую партию «Колорадо» из-под своего контроля. К тому же «Колорадо» раскололась вследствие разногласий относительно кандидатуры на предстоящие президентские выборы.

Генералы сочли создавшуюся в стране ситуацию подходящей для захвата власти. 4 мая 1958 г. Чавес был свергнут в результате военного переворота.

В августе 1954 г. в Парагвае под полным контролем армии состоялись спешно организованные «всеобщие выборы», на которых была выставлена единственная кандидатура — генерала Стресснера. Он и стал «конституционно избранным» президентом. Не успели еще поостыть предвыборные страсти, как США решили предоставить парагвайскому правительству новый заем в 7 миллионов 500 тысяч долларов. В Соединенных Штатах понимали, что их убежденному союзнику нужна на первых порах крепкая поддержка. В стране не прекращались волнения, и Стресснер был вынужден ввести режим осадного положения. С тех пор каждые 90 дней он его продлевал. Подобного рода практика прекратилась только в 80-х годах. Установив в стране жесткий диктаторский режим, Стресснер каждый год регулярно проводил президентские выборы. 9 раз подряд его неизменно «выбирали» президентом. В Парагвае даже легально действовали оппозиционные партии (кроме коммунистической, которая и по сей день запрещена). Парламент собирался на сессии, и конгрес-

смены оппозиционных партий горячо осуждали действия правительства. В Парагвае существовала конституция, где записаны демократические гарантии. «Мы законно гордимся, что укрепили основы нашей демократии во имя гарантирования индивидуальных и коллективных прав», — заявил Стресснер в одном из своих выступлений.

Особенно ярко проявлялось «укрепление демократии» на выборах. Они обычно проходили в обстановке террора, фальсификации, угроз. Стресснеру и партии «Колорадо» заранее обеспечивалась победа. В правящую партию «Колорадо» формально входило почти все взрослое население Парагвая. Не принадлежа к этой «ассоциации», невозможно было получить не только место на службе, но зачастую даже кредит в банке.

Легальной оппозиции на выборах Стресснер обычно оставлял не более 10% голосов. Часто на избирательных участках не бывало бюллетеней оппозиции, кабины для голосования ставились под открытым небом и выборы происходили под прямым наблюдением полиции. Вся трагикомедия выборов нужна была Стресснеру лишь для придания хоть какой-то респектабельности режиму в глазах мировой общественности.

Частично выпустив для отвода глаз джинна демократии из бутылки, режим время от времени загонял его обратно, давая понять своим политическим противникам, кто истинный хозяин в стране.

В 1976 г. получил широкий отклик в прессе своеобразный юбилей, который отмечал Луис Альфонсо Реск — лидер умеренной христианско-демократической партии Парагвая. Он «праздновал» освобождение после сотого ареста. Оппозиционный политический деятель рассказывал, что его пытали самыми разными способами: электрическим током, избивали, подгружали в воду с нечистотами.

Парагвайские тюрьмы при Стресснере всегда были

переполнены. Сотни заключенных томились за решеткой и им не предъявлялось никакого обвинения. Страну накрыла сеть из более чем двадцати концлагерей. Охрану для них нередко муштровали бывшие нацистские преступники, получившие в Парагвае новые паспорта. Стресснер не побоялся принять в страну даже палача с медицинским образованием Менгеле, который ставил изуверские медицинские эксперименты на живых людях в концлагерях «великого рейха».

В стресснеровских застенках побывал каждый четвертый парагваец. Общественные и политические деятели бесследно исчезали среди бела дня. Все запросы о их судьбах властям оставались без ответа, лишь иногда обезображенные тела находили в реках или на улицах городов. Спасаясь от террора, около 1,5 млн. граждан Парагвая вынуждены были бежать из страны.

Стресснер заботился о сохранении строгой системы, с помощью которой привилегированная верхушка страны могла править по-феодальному. Хотя в Парагвае реально не существовало каких-либо рабочих или крестьянских организаций, способных противостоять правительству, власти периодически проводили облавы в отдельных районах. Акции охоты на людей, проводившиеся с шумом, стрельбой, насилием, преследовали цель держать массы в постоянном страхе.

В 1975 г. бригада парагвайской армии по борьбе с «подрывной деятельностью» провела крупную операцию в одном из крестьянских поселков в департаменте Сан-Педро, в 300 километрах от Асунсьона. Руководил поимкой «подрывных элементов» специалист по борьбе с партизанами полковник Хоакин Грау.

Солдаты прихватили с собой овчарок, натренированных на ловлю людей. Ударами прикладов крестьяне были согнаны в центр поселка. На тех, кто сопротивлялся, натравливали собак. Все, что представляло малейшую ценность, становилось добычей озверев-

ших карателей, которые затем подожгли дома жителей. Налетчики похитили более одного миллиона гуарани из кассы крестьянской кооператива. 30 крестьян были арестованы, доставлены в Асунсьон и помещены под стражу в следственный отдел секретной полиции. Официальная пропаганда поспешила объявить о существовании заговора и о связи крестьян с «подрывными элементами».

Насилие и убийства стали естественным образом жизни для многих парагвайских руководителей. Любимым развлечением, например, Умберто Домингеса Диба, зятя Стресснера, было участие в пытках политзаключенных. При всем этом Стресснер заявлял: «Мы правим страной в обстановке мира, в то время как насилие потрясает мир вокруг нас». В противовес подобным заявлениям диктатора информационные агентства мира слали из Парагвая совсем другие сообщения.

«В Асунсьоне состоялся разгон демонстрации студентов, протестовавших против ареста 70 членов организации «Независимое студенческое движение». Они были задержаны за то, что писали на стенах домов лозунги против роста цен на товары первой необходимости. Арестованных заставили ногтями сдирать надписи».

«Силы безопасности раскрыли заговор с целью покушения на Стресснера. Проведены интенсивные обыски, прочесывания и аресты. Арестовано свыше 1200 человек: гражданские и военные, члены легальной оппозиции и запрещенных политических партий. В их числе оказался даже ряд высокопоставленных деятелей режима во главе с бывшим министром внутренних дел, в свое время правой рукой диктатора, Эдгаром Инсфраном. При помощи изоощренных пыток полиция пытается вырвать у схваченных признание в принадлежности к антиправительственному заговору. В результате «допросов» скончалось более десяти человек».

Годы правления Стресснера обернулись трагедией для индейского населения Парагвая. От племени индейцев гуарани, насчитывавшего четверть миллиона человек, осталось только около 30 тысяч. На индейцев устраивали настоящую охоту. Их травили собаками, разбрасывали отравленную пищу, ставили капканы. Живую добычу, особенно девочек, продавали на невольничьих рынках. Самый известный центр работорговли в Парагвае — это городишко Сан-Хуан Непосумено на востоке страны. Индейский малыш там строил от 20 до 80 долларов.

Вместе с индейцами исчезал целый пласт неповторимой культуры, исчезала часть многоликого человечества, а правительство Стресснера не видело в этом ничего предосудительного. Как заявил один из чиновников министерства обороны: «Невозможно квалифицировать преступление как геноцид, поскольку налицо нет доказательств мотивов этого преступления». Другими словами, как писала асунсьонская газета «А Бэ Сэ Колор», «истребление индейцев не является умышленным убийством».

Поистине трагично сложилась судьба индейского племени аче, находящегося на первобытном уровне развития. От некогда многочисленного племени осталось полтысячи человек. Возможно, к настоящему моменту племя вымерло полностью. Аче истребляли белые и презирали их соплеменники — «цивилизованные» гуарани, перенявшие образ жизни белых. Племя аче больше известно под названием гуайяки, что в переводе с языка гуарани означает «крыса».

Немецкий этнограф Марк Мюнцер целый год изучал жизнь индейцев в Парагвае. То есть это поначалу он собирался описывать обычаи, традиции, ремесла индейцев, а пришлось документировать историю геноцида, творившегося над беззащитными индейцами. Когда парагвайские власти опомнились и выслали ученого из страны, было поздно — он успел переслать в Герма-

нию многочисленные материалы, свидетельствовавшие о подлинном положении в стране.

Возмущение мировой общественности никак не повлияло на политику геноцида в Парагвае. «Несмотря на всю критику по нашему адресу, мы будем продолжать действовать в том же духе, потому что не хотим оставлять работу незаконченной», — цинично заявил полковник Инфансон, директор департамента по делам индейцев.

Парагвайский антрополог Мигель Сарди говорил, что своими глазами видел головы индейцев-гуайяки в домах фермеров. Племя аче сгоняли в резервации, где индейцы гибли от болезней и непосильной работы.

Бывший уголовник Хесус Перейра, начальник крупнейшей резервации «Колония Насьональ Гуайяки» врачей в резервацию принципиально не допускал: «Индейцы народ крепкий. Зачем им лекарства? В джунглях небось обходились». Перейра любил прогуливаться по резервации с индейским ребенком на поводке. Только дети и могли выжить в условиях резервации, и то только потому, что их продавали помещикам в качестве рабов. Сам Перейра, когда его уволили в отставку за пьянство и безответственность, забрал в свое поместье 40 индейцев. Пришедший ему на смену миссионер-протестант Джек Сантьяго Штольц сумел добиться жесткой дисциплины среди подчиненных и «навести порядок» среди индейцев. В результате численность индейцев в резервации быстро сократилось до нескольких десятков человек.

Разгул насилия в стране вызвал протесты церкви. В декабре 1968 г. парагвайская епископская конференция (высший орган церкви) впервые потребовала от Стресснера прекратить тотальный террор.

25 июня 1969 г. в Асунсьоне начались стихийные студенческие волнения. Скрываясь от преследований полиции, участники демонстраций находили убежище в церквях и кафедральном соборе. Святость храмов

не остановила силы безопасности. Полиция врывается внутрь и жестоко избивала укрывшихся там студентов, а заодно и священников. Многие священнослужители были высланы из страны.

В этом же 1969 г. Стресснер дал недвусмысленно понять епископату, что намерен поставить самого себя во главе парагвайской церкви. В личном послании архиепископу Асунсьона Стресснер призывал его «поразмуслить» и неприкрыто угрожал непокорным священникам.

Этот номер не прошел. В ответ на угрозы парагвайский епископат отлучил от церкви 30 влиятельных чиновников, в том числе министра внутренних дел и начальника столичной полиции. В стране, 95% населения которой — верующие, отлучение от церкви является весьма действенным средством борьбы.

В 1972 г. в Парагвае по инициативе церкви в сельской местности стали создаваться так называемые «аграрные лиги», т. е. крестьянские общины. Правительство усмотрело в этом подрывную деятельность и принялось разгонять крестьянские объединения. В знак протеста парагвайский епископат призвал прочитать во всех церквях проповеди, осуждающие гонения. Архиепископ Асунсьона отказался отслужить традиционный молебен в честь 161-й годовщины независимости страны. Федерация религиозных колледжей также решила не принимать участия в празднествах.

Отношения между церковью и правительством настолько обострились, что парагвайский епископат направил в Рим специального представителя — Марисевича, чтобы проинформировать папу Павла о репрессиях режима Стресснера и преследовании им «мирных католических общин священников».

В конце концов непрекращающийся террор вынудил руководство парагвайской церкви пойти на переговоры с диктатурой. Со своей стороны Стресснер на-

шел действенное средство заткнуть рот строптивым церковникам. Он просто-напросто раздавал епископам огромные взятки в виде многих тысяч гектаров земли. Правда, нужно отдать должное парагвайским священнослужителям — не все они согласились обменять совесть на подачки диктатора.

В конце 1975 — начале 1976 гг. под предлогом «борьбы с партизанами и происками коммунистов» правительство Стресснера развернуло новую волну репрессий. Были арестованы более двух тысяч крестьян, рабочих, студентов и священников. Военные обыскали резиденцию парагвайского епископата. Многие религиозные колледжи подверглись налетам. Преподавателей высылали из страны. Еще более суровые репрессии обрушились на массовые светские клерикальные организации, в частности, были арестованы и подвергнуты пыткам бывшие активисты Союза католической рабочей молодежи.

Вплоть до свержения Стресснера церковь выступала с критикой властей, отстаивая идею «национального диалога», но безрезультатно. Стресснер стремился распространить террор и за пределы Парагвая. Он послал войска в Доминиканскую Республику в 1965 г. для участия в свержении там демократического правительства. Надо, правда, заметить, что тогдашнее доминиканское правительство считалось демократическим только по меркам Латинской Америки. Стресснер также предлагал использовать парагвайские воинские части в войне во Вьетнаме. Переворот, совершенный генералом Бансером в Боливии, был подготовлен на территории Парагвая.

По данным Парагвайского информационного агентства, созданного политэмигрантами за пределами страны — в Аргентине, миллионы долларов были переданы Центральным разведывательным управлением США через посольство Парагвая в Чили накануне переворота генерала Пиночета. Кроме того, Стресснер

собирался в случае неудачи заговорщиков направить на самолетах в помощь им войска.

Генерал любил повторять, что Парагвай является «самой антикоммунистической страной в Латинской Америке» и «твердой опорой антикоммунизма», и это было не пустым бахвальством, а реальностью. В середине 70-х годов Нью-Йоркский институт международных исследований проблем стран, говорящих на испанском языке, вручил Стресснеру награду «... за 20-летие лидерства в антикоммунистической борьбе в Америке и за особые заслуги перед родиной». Другим награжденным был глава военной хунты Пиночет «как борец за свободу Чили».

По причине своей крайней одиозности режим Стресснера находился в частичной международной изоляции. Стресснер вынужден был общаться главным образом с такими же диктаторскими тоталитарными режимами, как и тот кровавый режим, который установился в Парагвае. Наилучшие отношения у генерала сложились с чилийскими властями и расистским режимом Южно-Африканской республики.

В апреле 1975 г. он побывал с визитом в ЮАР. В результате переговоров были подписаны соглашения о сотрудничестве между двумя странами в политической, научно-технической и культурной областях.

Трогательной получилась встреча Стресснера с Пиночетом, прибывшим в мае 1974 г. в Парагвай. При свете юпитеров и под стрекотание киноаппаратов Стресснер вручил Пиночету высший военный орден Парагвая. Пиночет же в благодарственной речи отметил исключительную важность дружественной позиции парагвайского руководства по отношению к Чили.

Неразвитость внешнеполитических связей стресснеровского режима затрудняла и экономическое развитие страны. В годы правления Стресснера парагвайская экономика подверглась широкомасштабной экспансии капитала США. После свержения Стрессне-

ра в этой сфере ничего не поменялось. По-прежнему американские компании производят хлопок, кофе, растительные масла, контролируют большую часть железных дорог страны. Стресснер предоставил громадные концессии нефтяным монополиям США. В 1974 г. американская нефтяная компания «Тексако» получила от него роскошный подарок. Ей была предоставлена в аренду территория площадью в 3,1 миллиона гектаров, граничащая с Боливией. В соответствии с контрактом, заключенным на сорок лет, «Тексако» в течение 15 лет полностью распоряжалась всей получаемой за добытую ею нефть прибылью. Лишь по истечении этого срока парагвайское правительство стало получать доходы от своей нефти. На таких же небывало льготных даже по сравнению с другими латиноамериканскими странами, находящимися в зависимости от иностранного капитала, условиях действуют в Парагвае и другие компании Соединенных Штатов. Например, на сорок лет получила концессию чикагская «Пур ойл-компани», добывающая нефть в области Чако: американцы обязались выплачивать правительству налог в размере всего лишь 11 процентов стоимости добытой нефти. Действующий в стране «Кодекс развития» разрешает американским капиталистам вывозить из Парагвая не менее 50 процентов получаемой ими прибыли.

Прекрасно чувствуют себя в стране и капиталисты Англии, Германии, Аргентины, Бразилии. Лидер «второго возрождения», как угодливо называли Стресснера его министры, распродав страну с молотка. Иностраный капитал, в первую очередь североамериканский, не только взял полностью в свои руки добычу нефти, но и утвердился в лесном и плантационном хозяйстве, внешней торговле, мясной промышленности, транспорте.

Парагвай со своей долгой, полной насилия и произвола историей — одна из самых отсталых стран Латинской Америки. Промышленность развита слабо, име-

ются лишь небольшие предприятия, занимающиеся ткачеством, засолкой мяса, изготовлением кокосового масла, кожаных изделий, переработкой продуктов лесного хозяйства. При Стресснере Концепсьон, крупный город на севере страны, получал энергию от электростанции, работающей на дровах.

Главная отрасль экономики — сельское хозяйство — ведется самыми устаревшими методами. Большая часть обрабатываемых площадей — латифундии. В руках 185 крупных землевладельцев 53 процента всех земель. Львиная доля земли принадлежит иностранным компаниям. В то же время с середины семидесятых не меняется число безземельных крестьянских семей — от 100 до 150 тысяч.

45 процентов сельского населения — «окупантес» (те, кто не имеет документов на право пользования землей). Они временно, без договора, занимают пустующие участки помещичьих земель и обрабатывают их. Часто «окупантес» не имеют возможности собрать свой урожай. Они живут в вечном страхе, в любой момент ожидая выселения.

Другие крестьяне, не имеющие земли, либо арендуют ее на кабальных условиях, либо нанимаются только на сезонные работы, периодически пополняя армию безработных.

Основной вид аренды — то, что при феодализме называлось издольщина. Иногда собственники земли требуют себе половину урожая. Члены семей арендаторов обязаны выходить на работу в хозяйство латифундиста. На территории собственных поместий крупные землевладельцы нередко выпускали свои деньги — бумажные боны. На них можно было покупать товары только в магазинах хозяина.

В начале семидесятых стресснеровское правительство попыталось провести аграрную реформу, сводившуюся к выделению безземельным и малоземельным крестьянам земель в труднодоступных и почти ненасе-

ленных местах. Реформа забуксовала с самого начала, так как трудно было найти охотников отправляться в неведомые дали и влачить там почти первобытное существование.

Долгое время парагвайскую экономику как-то «вытягивало» строительство гигантской ГЭС «Итайпу», строящейся на реке Парана, и привлеченные для этого огромные средства, позволявшие бороться с социальными трудностями. Но несмотря на это безработица даже в лучшие годы составляла около 40 процентов. Средняя продолжительность жизни в Парагвае и сейчас едва превышает 50 лет. Около 10 процентов парагвайцев не доживает до 4-летнего возраста. Уровень детской смертности один из самых высоких в западном полушарии. Около 50 процентов населения не умеет читать и писать. Медицинское обслуживание, кроме как в столице и крупнейших городах, вообще отсутствует.

Экономическая политика Стресснера привела к тому, что Парагвай, полностью зависит от импорта продукции. А импорт чаще всего осуществляется с помощью контрабанды — пожалуй, единственной процветающей «отрасли экономики» в Парагвае. Контрабандой ввозятся телевизоры, радиоприемники, вентиляторы, даже гробы. Она господствует повсюду, охватывая товары с небольшой рыночной стоимостью. Из-за сильной конкуренции контрабандистов парагвайские спичечные фабрики и мукомольные заводы работают на грани закрытия.

Однако масштабы деятельности мелких контрабандистов не идут ни в какое сравнение с нелегальной деятельностью главарей режима. Для того чтобы обеспечить лояльность вооруженных сил, Стресснер распределил функции в контрабандной торговле, включая «экспорт и импорт», между различными родами войск.

Флот при нем занимался всем, что провозится с помощью водного транспорта или через таможеню. Кон-

ная гвардия монополизировала контрабандную торговлю виски и сигаретами. Подразделения внутренних сил специализировались на торговле скотом, главным образом с Бразилией. У полиции монополия на автомобили. Пастор Коронел, будучи директором парагвайского департамента уголовной полиции, одновременно являлся главным организатором торговли героином. Главный же контрабандист страны — зять Стресснера генерал Родригес, который в конце концов и сверг постаревшего диктатора.

Парагвайцы всю контрабанду называют загадочным словом «мау», неизвестно что означающим на языке гуарани. Есть мау-холодильники, мау-телевизоры, мау-одежда и даже мау-яхты. Единственно законными являются индейские украшения, которые гуарани назойливо пытаются всучить иностранным туристам. Все остальное — традиционное парагвайское мау, среди которого особым спросом пользуются ворованные в Бразилии или Аргентине автомобили. Их легализация в Парагвае, где для получения номеров не надо предъявлять документы на владение, труда не представляет. Считается, что каждая седьмая из десяти машин в стране — краденая.

В отличие от других стран, Парагвай импортирует и экспортирует контрабанду. Например, шотландское виски импортируется легально, зато нелегально экспортируется. Его скупают торговцы из Бразилии и Аргентины, где цены на виски раз в пять-шесть выше, чем в Парагвае. В свою очередь кофе, сою и фасоль вывозят законным путем, а незаконным — ввозят обратно в страну.

Через подпольный бизнес проходит около половины валового национального продукта. Власти прекрасно осведомлены о том, что, в каком количестве и как продается и покупается. Они и сами занимаются контрабандой. Часть прибыли идет в государственную казну, а львиная ее доля оседает в карманах таможенных инспекторов, полицейских и других официальных лиц.

Вся структура власти в Парагвае поражена вирусом коррупции. В окружении Стресснера воровали и занимались махинациями практически все. Во главе мафии стояли и стоят самые высокие государственные чины. Одно время ходили слухи о министре, который потребовал себе 2 миллиона долларов из 12-миллионного контракта. Однажды был выбран проект цементного завода производительностью 650 тысяч тонн в год, хотя стране не хватало лишь 200 тысяч тонн цемента. А все дело в том, что высокая стоимость контракта автоматически повышает навар для частных к его осуществлению. Доходит до анекдотов. Могут отменить театральный спектакль только потому, что кто-то сбыл на сторону декорации и костюмы.

Генералы не стесняются выставлять свои богатства напоказ, демонстрируя при этом поистине солдафонскую изысканность. Их особняки могут напоминать то Белый дом, то Шамборский замок, то дворец какого-нибудь древнескандинавского короля.

Генералы живут не только богато, но и весело. Министр внутренних дел был отлучен от церкви за аморальное поведение. Бездна наказанность чиновников при Стресснере поражала. Два налоговых инспектора, видимо, по ошибке, сунули нос в бизнес генерала А. Родригеса — родственника Стресснера, будущего президента и главного контрабандиста страны. Подручные генерала избивали несчастных, обрили наголо и вышвырнули на улицу.

Генерала Тимотео Альваренгу Стресснер был вынужден освободить от обязанностей посла на Тайване после того, как тот был арестован за контрабанду золота в Индию. Все власть предрежащие во времена Стресснера были повязаны круговой порукой общего воровства и вымогательства. Коррупция постепенно подтачивала и так далеко не благополучную экономику страны. В начале восьмидесятых разразился кризис. Бездействовала половина мощностей отраслей обрабатывающей

промышленности, уровень безработицы достиг 30 процентов. В сельском хозяйстве насчитывалось более 100 тысяч безземельных и малоземельных крестьян.

Вместе с экономической разрухой росла политическая активность масс. Безземельные крестьяне создали свою Постоянную ассамблею, требовали аграрной реформы, протестовали против насильственного выселения крестьян с земель латифундистов. Возникли «комиссии соседей» для организации крестьянской взаимопомощи.

В мае 1985 г. молодые парагвайские профсоюзы объединились в Межпрофсоюзном движении трудящихся.

Для противодействия нарастающему рабочему движению Стресснер возродил «городскую гвардию» — полувоенные, полууголовные формирования, сыгравшие свою грязную роль еще в мае 1954 г., во время прихода диктатора к власти.

В 1986 г. Асунсьон потрясли самые крупные за 32 года стресснеровской диктатуры выступления. Несколько недель подряд полиция воевала с демонстрантами, применяя автоматические винтовки, слезоточивый газ, водометы и полученные незадолго до этого из США электрические дубинки.

Окружение президента стало спешно распродавать недвижимость, а сам Альфредо Стресснер на всякий случай начал консультации по вопросу возможного предоставления ему убежища в Германии (Бавария) или на Тайване. Однако режим выстоял и перешел в наступление. С 20 мая 1986 г. прекратила существование единственная оппозиционная радиостанция «Ньяндути». Оппозиция оказалась слишком слаба, чтобы возглавить сопротивление диктатуре. Среди оппозиционных лидеров отсутствовали четкие представления о путях и методах борьбы, о перспективах дальнейшего развития страны, много разногласий вызывал вопрос о власти.

Выручила Стресснера в трудный момент и поддерж-

ка силовых структур. Действующая армия Парагвая составляла 14 тысяч человек. Сын диктатора и его официальный преемник — Густаво — служил в военно-воздушных силах и имел чин полковника. В запасе находились до шестидесяти тысяч резервистов. В любой момент могли быть поставлены под ружье до 100 тысяч членов Национальной и территориальной гвардий. В постоянной готовности находился пятитысячный отряд полиции.

Опасность для режима представляла, таким образом, не столько оппозиция, сколько грызня в правящей партии Колорадо. К середине восьмидесятых партия раскололась на два лагеря. Первый — «активисты» — это наиболее фанатичные приверженцы диктатуры. Второй — «традиционалисты» — это сторонники режима, недовольные тем, что партия правит формально, а реальная власть сосредоточена в руках военной верхушки.

По всему было заметно, что Стресснеру осталось недолго править. Соединенные Штаты, не желая выпускать инициативу из своих рук, занялись поиском преемника постаревшему генералу. Американский посол в Парагвае Клайд Тэйлор стал активно встречаться с политическими деятелями и предпринимателями, вызвав тем самым сильное недовольство диктатора.

В 1988 г. партия «Колорадо» фактически распалась на две противоборствующие группировки из-за разногласий в том, кому быть председателем партии. Партию до съезда возглавлял Хуан Рамос Чавес — традиционалист. На его место претендовал министр внутренних дел Сабино Аугусто Монтатаро. Во время голосования полиция просто-напросто не пустила в зал значительную часть традиционалистов. Монтатаро одержал победу, но ценой этому оказался раскол многомиллионной партии.

После съезда недовольные депутаты собрались на загородной вилле генерала Родригеса, чтобы принять

план создания единой коалиции всех отколовшихся от «Колорадо» группировок и наметить черновой план переворота. В этом же 1988 г. у Парагвая стали портиться отношения с США. Конгресс отказал Парагваю в торговых льготах, наложил вето на выделение помощи со стороны таких международных финансовых институтов, как Международный валютный фонд, Международный банк реконструкции и развития. США стали сворачивать военные поставки Парагваю. Стресснер понял, что пора уходить.

В ночь на 3 февраля 1989 г. в Парагвае произошел дворцовый, в некотором роде «семейный» переворот. Генерал Андрес Родригес, дочь которого замужем за одним из сыновей Стресснера, отстранил последнего от власти. Стресснер остался в стране и по-прежнему оказывает значительное влияние на политическую жизнь Парагвая.

ТРУХИЛЬО МОЛИНА РАФАЭЛЬ ЛЕОНИДАС (1891–1961)

Трухильо — диктатор Доминиканской Республики, установивший в стране режим кровавого политического террора. Несчастливая страна, занимающая восточную часть острова Гаити, никогда не знала покоя.

До конца XV столетия территорию Доминиканской Республики занимали индейские племена, задержавшиеся еще на родовой стадии общественного развития. В 1492 г. остров открыл Христофор Колумб. Гаити захватили испанцы. До конца столетия остров Гаити существовал как единая территория. В конце XVI — начале XVII веков за обладание Гаити боролись Франция, Англия и Испания. В конце XVII в. западная часть острова отошла к Франции, а восточная осталась за Испанией. Город Санто-Доминго дал название всей территории. В период войны за независимость испанских колоний в Америке (1810–1826) Санто-Доминго объявило о независимости и присоединилось в 1821 г. к республике Великая Колумбия, но уже в следующем году была присоединена к государству Гаити. В 1844 г., в результате успешного антигаитянского восстания, территория стала свободной. Новое государство стало называться Доминиканской республикой. В 1861 г. Испания снова захватила эти земли. В результате упорной борьбы за независимость испанцы в 1865 г. покинули Доминиканскую Республику. С середины XIX в. в Доминиканскую Республику стал проникать иностранный капитал.

В 1905 г. США установили свой контроль над таможнями Доминиканской Республики, который продержался до 1940 г. Вслед за экономическим последовало политическое вмешательство во внутренние

дела государства. В 1916 г. в республике вспыхнуло восстание. Американские войска оккупировали страну. Военно-оккупационный режим просуществовал до 1924 г.

К этому времени Трухильо не представлял собой ничего выдающегося. Он родился 24 октября 1891 г. в семье, принадлежавшей к нижнему классу. Трухильо никакого образования не получил, зарабатывая на жизнь чем придется. Не брезговал и мелким воровством. Когда американцы распустили Национальную армию и создали под своим контролем Национальную гвардию, Трухильо поспешил записаться в ее ряды. Это случилось в 1918 г.

Место в национальной гвардии давало 27-летнему молодому человеку не только определенную социальную защищенность, но и шансы для дальнейшей карьеры к вершинам власти. По словам одного американского журналиста, который изучал жизнь Трухильо и написал о нем книгу, «в нормальные времена Трухильо, вероятно, окончил бы свое существование на виселице, или просто погиб бы как безвестный сельский бандит, но американская интервенция открыла широкие возможности именно для людей подобного рода».

Национальная гвардия под патронажем американцев занималась подавлением недовольств в стране, вспыхивавших то в одном, то в другом районе. Стремление выслужиться во время проведения этих карательных операций толкало Трухильо на жестокости, перед которыми содрогались даже сослуживцы-каратели. И он сумел привлечь к себе внимание американских офицеров. Вначале Трухильо повысили по службе, а затем его отправили на учебу в американскую военную школу.

После окончания учебы Трухильо был произведен в капитаны. Теперь он был офицером, командиром. В 1924 г. войска США покинули Доминиканскую Респуб-

лику, но на ключевых постах в государстве остались их ставленники. Американский сборщик податей превратился в экономического диктатора страны. К этому времени сам Трухильо дослужился до чина полковника. Он занимал должность начальника штаба вооруженных сил. Но вскоре национальная гвардия реорганизовалась в армию, а Трухильо стал ее командующим. Он же превратился и в опору американских экономических интересов в Доминиканской Республике.

В 1930 г. в стране состоялись выборы. В результате умелой фальсификации результатов голосования Трухильо был избран на пост президента. В стране сразу же установилась жесткая военная диктатура, вскоре превратившаяся в кровавую деспотию. Десятки тысяч недовольных его политикой были расстреляны или заключены в тюрьмы. «Эра Трухильо» продлилась до мая 1961 г. Полуграмотный полковник, а в прошлом контрабандист, стал полновластным хозяином страны, получил возможность устанавливать собственные порядки.

За 31 год своего господства он четырежды переизбирался на пост президента при 100%-ной поддержке избирателей. В 1930–1938 и 1942–1952 гг. он официально занимал этот пост, а в 1952 г. номинальным президентом стал родной брат Трухильо — Эктор, но фактическим хозяином страны всегда оставался Рафаэль Леонидас, занимавший предусмотрительно пост главы вооруженных сил.

Конгресс присвоил Трухильо звания генералиссимуса, адмирала флота, титулы «Благодетель отечества», «Восстановитель независимости», «Освободитель нации», «Покровитель изящных искусств и литературы», «Первый студент», «Первый врач», «Первый доктор наук».

За многие годы неограниченной власти Трухильо превратился в самого крупного и могущественного бизнесмена Доминиканской Республики. Сбыт соли,

мяса, табака, многие отрасли промышленности, значительная часть производства сахара были под его контролем. Он получал 30 миллионов долларов чистого годового дохода. Трухильо скупил все самые лучшие земли в собственной стране, имел недвижимость за границей. Если какой-нибудь доминиканский фермер протестовал и отказывался продавать генералиссимусу свой участок земли, то спустя несколько дней это делала его вдова.

Находясь у власти, Трухильо не забыл и о своих родственниках. Его братья, дети, дяди, племянники и т. д. занимали в стране посты министров, послов, депутатов, а также многие другие высокие государственные должности. Трухильо имел право отстранять от должности любое должностное лицо, распускать конгресс и увольнять его отдельных членов, избранных народом. В личном специальном сейфе у него хранились заранее подписанные и заверенные печатью распоряжения об отставке каждого из депутатов и сенаторов, а также высших должностных лиц, в которых следовало лишь проставить нужную дату.

Вся жизнь в стране контролировалась армией и полицией, почти половина бюджета страны расходовалась на содержание «сил порядка». «Доминиканцев сажают в тюрьмы даже за жалобы на плохую погоду», — писала в одном из своих номеров газета «Таймс». Все партии и движения были запрещены, кроме партии Трухильо «Партидо Доминикано». Человек, поступивший на государственную службу, автоматически становился членом этой партии и был обязан отчислять 10% своей зарплаты в качестве партвзносов.

С точки зрения Трухильо, политика имела три аспекта: 1) дипломатический, 2) экономический, 3) внутриполитический (охрана общественного порядка в стране). Диктатор-генералиссимус считал, что для достижения цели во всех этих аспектах годятся любые средства: убийства, провокации, похищения, заточения

в подземных казематах. «Тот, кто не мой друг, мой враг, и, следовательно, он за это поплатится», — любил повторять Трухильо.

Неразборчивость диктатора в средствах приводила порой к страшным результатам. В 1937 г. началась необъявленная по сути война с Гаити. Дело в том, что в течение многих лет тысячи гаитян ежегодно отправлялись в Доминиканскую Республику на сезонную работу — рубить сахарный тростник. Так было и в 1937 г. В конце сентября — начале октября (главные события разыгрались 2 октября) правительство Трухильо, не зная, как вывести страну из затяжного экономического кризиса, решило прибегнуть к испытанному способу — найти «козла отпущения», свалить вину на гаитян, якобы самовольно наводнивших Санто-Доминго.

Над гаитянами, прибывшими в поисках работы в Санто-Доминго, учинили кровавую расправу: было убито более 20 тыс. ни в чем не повинных людей. Буря возмущения вспыхнула в Гаити. Под нажимом общественного мнения правительство Доминиканской Республики согласилось расследовать причины кровавых события, однако независимую комиссию на место кровопролития не допустило. Трухильо ограничился выражением соболезнования и выплатой компенсации семьям погибших. Гаити потребовало 750 тыс. долларов — из расчета по 35 долларов за каждого убитого. Трухильо долго торговался и наконец дал согласие выплатить 500 тыс. долларов. Но и эти жалкие гроши пошли не на помощь семьям погибших, а попали в карманы чиновников.

В 1946 г. сельскохозяйственные рабочие плантации «Ла-Романья» осмелились объявить забастовку. Трухильо отдал приказ арестовать всех участников этого мероприятия. Спустя несколько дней было объявлено, что организаторы забастовки покончили с собой в тюрьме с целью избежать суда. Любой из неугодных генералис-

симусу погибал, неважно как. Один из министров Трухильо — Марреро Аристи — простился с жизнью в результате «несчастливого случая».

В 50-х годах много шума наделало таинственное исчезновение профессора Галиндеса, 12 марта 1956 г. профессор исчез среди бела дня в Нью-Йорке, по дороге из университета домой. Родные Галиндеса, а затем университетская администрация, забили тревогу. В результате расследования, проведенного ФБР, было установлено, что профессора похитили агенты спецслужбы Трухильо, которые либо сожгли его в топке парохода, направляющегося в Доминиканскую Республику, либо выбросили за борт на съедение акулам. Таким образом Трухильо посчитался с ним за изданную в США книгу, в которой профессор нелестно отзывался о генералиссимусе.

Не менее жестоко поступили и с лидером коммунистического движения Доминиканской Республики Фредди Вальдесом. Его затащили на горную вершину, обвязали вокруг шеи веревку и столкнули в пропасть. Доведя таким образом Вальдеса до умопомешательства, его вернули в тюрьму, где лишь спустя несколько лет 27 января 1950 г. повесили.

Антикоммунизм был официальной идеологией режима, правившего в Доминиканской Республике. В марте 1936 г., несмотря на трения между двумя марионеточными государствами, Трухильо посетил Гаити и подписал гаитяно-доминиканскую конвенцию о борьбе с коммунизмом.

Трухильо пробовал влиять на внутреннюю жизнь Гаитянского государства. В 1941 г. его поддержка и деньги помогли тогдашнему послу Гаити в Вашингтоне Эли Леско стать президентом. Два «деятели» сошлись еще в 1933 г., когда Леско был министром внутренних дел Гаити. Прибыв в Санто-Доминго в качестве посла в 1934 г., Леско фактически поступил на службу к Трухильо. Генералиссимус воспытал безграничной любовью к по-

сланнику соседней страны и даже подарил ему золотой револьвер и роскошный автомобиль. Особую щедрость по отношению к Леско Трухильо проявил в 1934 г., когда Леско прокутил 35 тыс. долларов, полученных от своего правительства на закупку партии оружия. Трухильо покрыл недостачу.

К концу второй мировой войны «друзья» смертельно рассорились по так и не выясненным причинам. В октябре 1944 г. Трухильо пытался организовать убийство Леско, а в 1945 г., когда Леско решил продлить пребывание у власти, в отместку опубликовал свою переписку с ним за 1937–1945 гг., из которой следовало, что гаитянский президент действительно долгие годы был у доминиканского диктатора на содержании.

Когда власть на Гаити захватила военная хунта во главе с полковником Маглуаром, Трухильо поддержал узурпаторов. В феврале 1951 г. Маглуар и Трухильо встретились и подписали совместное коммюнике о дружбе и борьбе против коммунизма.

Любопытная деталь: когда два президента по латиноамериканскому обычаю обнялись, чтобы похлопать друг друга по спине, Маглуар нащупал за поясом Трухильо пистолет 38-го калибра. Позднее Трухильо говорил, что трость, которую держал в руках Маглуар, была не чем иным, как замаскированным пистолетом.

Ничем не прикрытая жестокость Трухильо вызывала рост недовольства в стране. В 1954 г. забастовал 20-тысячный коллектив одного из сахарных предприятий. В 1956 г. вспыхнуло вооруженное восстание, которое было жестоко подавлено. В 1958 г. с участием военных был устроен правительственный заговор. В немалой степени активизации движения сопротивления диктатуре Трухильо способствовало то обстоятельство, что именно в то время, в конце 50-х, произошло падение диктатур в Перу, Колумбии, Венесуэле, на Кубе.

14 июня 1959 г. в г. Констансе высадилась вооруженная группа патриотов-эмигрантов. Завязался бой с вой-

сками Трухильо. Сам же диктатор обратился к народу и во всеуслышание заявил, что имеет место «кубинская агрессия». Была мобилизована 10-тысячная армия из резервистов. Одновременно Трухильо в срочном порядке стал закупать оружие, формировать «антикоммунистический иностранный легион».

Вскоре обстановка приняла такой оборот, что США были вынуждены оказать поддержку своему ставленнику. В августе 1960 г. в Санто-Доминго прибыли официальные советники. По их рекомендации брат Трухильо Эктор оставил пост президента «по состоянию здоровья» и его сменил вице-президент республики Балагер. Сам Трухильо был назначен представителем Доминиканской Республики в ООН (правда, туда он так ни разу и не выехал).

Однако политический кризис в стране не был решен. Конфликт лишь на время удалось притушить. После свержения диктатур в странах Латинской и Центральной Америки происходила смена политических элит. США это понимали и предложили Трухильо сменить правительство на новое, более респектабельное. Однако Трухильо не поддавался уговорам и вступил в интенсивные переговоры со своими людьми в Вашингтоне. Тем временем в условиях кризиса диктатур революции прокатились по Бразилии, Чили, Никарагуа. Властные круги в США поняли всю бессмысленность диктатуры Трухильо. В результате маневров госдепартамента с целью «оздоровления» обстановки в оппозиционных Трухильо кругах возник заговор. Операцию по устранению Трухильо взяло под контроль ЦРУ. Ее проведение было назначено на 30 мая 1961 г.

В этот день Трухильо ехал на автомобиле в одно из своих загородных имений. По пути следования кортежа была устроена вооруженная засада. Завязалась престрелка, в которой Трухильо был убит.

Как только весть об этом попала в мировые СМИ, спецсамолетом из Парижа в Санто-Доминго прибыл

сын диктатора — Рамфис Трухильо-младший. Осенью 1961 г. в стране началась настоящая гражданская война. Ситуация вышла из-под контроля клана Трухильо. Все родственники бывшего диктатора стремились в спешке покинуть страну.

В январе 1962 г. Балагера на посту премьер-министра сменил Рафаэль Бонельи. В сентябре 1963 г. в Доминиканской Республике произошел военный переворот, возглавленный генералом Антонио Имбертом Баррера. В 1965 г. США с целью наведения порядка вторглись в страну.

ТРОЦКИЙ (БРОНШТЕЙН) ЛЕВ (ЛЕЙБА) ДАВИДОВИЧ (1879–1940)

Лев Троцкий был вторым по значимости человеком в партии большевиков и советском правительстве во время гражданской войны. После установления советской власти он проиграл в закулисной борьбе за влияние Сталину и вынужден был в конце концов эмигрировать из СССР. До сих пор остается открытым вопрос: большее или меньшее зло получила страна в лице Сталина.

Бронштейн Лев (Лейба) Давидович (псевдоним Троцкий) родился 25 октября (7 ноября) — в день Октябрьской революции и в один год со своим будущим непримиримым соперником — И. В. Сталиным. Происходил он из типичной еврейской семьи. Бронштейны не были тесно связаны с синагогой. Дома у них разговаривали не на идише, а на смешанном русско-украинском языке. В 1888 г. любознательного и способного Льва забрали к себе одесские родственники, чтобы обеспечить ему возможность получить хорошее образование. Моисей Филиппович Шпенцер и его жена Фанни были образованными людьми, либералами по своим политическим взглядам. Они способствовали отрыву молодого Бронштейна от провинциальной среды евреев-колонистов, познакомили юношу не только с городским бытом и культурой, но и во многом определили его дальнейшую судьбу. М. Шпенцер приучил Льва к самодисциплине, строгому порядку, рациональному распределению времени.

В 1897 г. Лев поступил на математический факультет Одесского университета и втянулся в общественно-политическую деятельность — стал связным между революционными кружками Николаева и Одессы и од-

ним из основателей «Южнорусского рабочего союза». Его соратники по союзу впоследствии дали весьма неблагоприятную характеристику молодому революционеру, отметив его необыкновенное честолюбие, жестокость, беспринципность, карьеризм, холодное отношение к родителям. Не все в этом образе соответствует действительности, но то, что Троцкий осознавал свое явное превосходство над другими, был гордым и честолюбивым человеком, не оставляет сомнения.

В 1898 г. Бронштейна первый раз арестовали. Он провел два года в Одесской тюрьме, используя это время для активного изучения марксизма и иностранных языков. Именно в тюрьме Бронштейн окончательно перешел на позиции марксизма.

В конце 1899 г. Бронштейна приговорили к высылке в Сибирь сроком на 4 года. По пути в ссылку он сочетался браком с Александрой Соколовской.

В августе 1902 г., оставив с согласия жены семью (у него к тому времени было две дочери) Бронштейн бежал. Поначалу он обосновался в Самаре. Вскоре Ленин узнал о молодом талантливом публицисте и вызвал его к себе в Англию, чтобы подключить к работе в редакции «Искры».

В Лондоне Бронштейн подружился с семьей Ленина и с присущей ему энергией занялся делом, выполняя многочисленные ленинские поручения. Переехав в 1902 г. в Париж, он познакомился с привлекательной студенткой Сорбонны Натальей Седовой, которая стала его второй женой. Детей от первого брака помогали содержать его родители.

На II съезде РСДРП в Брюсселе, затем в Лондоне (июль-август 1903 г.) партия раскололась на меньшевиков и большевиков Бронштейн поссорился с Лениным и оказался в лагере меньшевиков. Во время первой русской революции 1905 г. Бронштейн (к этому моменту он уже широко пользовался псевдонимом и был известен в партийных кругах как Троцкий) одним из пер-

вых вернулся из эмиграции и окунулся в самую гущу событий. Он прибыл в Петербург раньше Ленина и Мартова и принял самое деятельное участие в формировании и работе Петербургского Совета рабочих депутатов. В начале декабря 1905 г. его арестовали, посадили в «Кресты», а затем перевели в Петропавловскую крепость. Находясь в тюрьме, Троцкий написал ряд теоретических трудов, в том числе статьи «Итоги и перспективы» и «Петр Струве в политике», в которых он впервые сформулировал тезис о невозможности построения социализма в одной стране и о необходимости мировой революции.

После суда в 1906 г. Троцкого приговорили к вечной ссылке в далекий Обдорск за Северным полярным кругом. Пройдя этапом до Березова, Троцкий бежал на запад, к Уралу. За 8 дней он вместе с проводником преодолел на оленях свыше 700 км, затем сел на поезд и вскоре оказался в Петербурге. Из Петербурга Троцкий перебрался в Финляндию, оттуда в Стокгольм, а затем в Лондон, где принял участие в работе V съезда РСДРП, выступив с резкими нападками на большевиков и обвинив и Ленина и Мартова в отсутствии стремления к компромиссу.

До 1917 г. Троцкий проживал за границей, выпускал в 1908–1913 гг. в Вене газету «Правда», сотрудничал со многими издательствами, специализировавшимися на публикациях марксистской литературы

После февральской буржуазно-демократической революции произошло заметное сближение Ленина и Троцкого. Их объединила общая установка на социалистическую революцию, которая должна «дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства». 27 марта Троцкий уехал из США на родину и 4 мая прибыл в Россию.

В Петрограде он быстро нашел общий язык с большевиками и включился в подготовку восстания. 9 сентября 1917 г., выйдя из тюрьмы (куда он попал 23 июля),

Троцкий появился на заседании Петроградского Совета и под бурные аплодисменты депутатов выступил против политики Временного правительства.

18 сентября Троцкий зачитал декларацию фракции большевиков в Демократическом совещании и недвусмысленно заявил о необходимости перехода власти к рабочему классу.

По рекомендации ЦК РСДРП(б) 25 сентября 1917 г. Троцкий был избран председателем Петроградского Совета. Большевизация столичного совета давала возможность РСДРП(б) эффективно воздействовать на Временное правительство и легально прикрывать процесс подготовки вооруженного восстания.

Главная заслуга Троцкого, как одного из организаторов восстания, заключалась в том, что он стал активным исполнителем решения военной организации партии о создании руководящего органа переворота в столице и по существу возглавил этот орган, названный по его предложению Военно-революционным комитетом. Первейшей задачей ВРК ставилось взятие управления петроградским гарнизоном в свои руки и вооружение рабочих.

На заседании ЦК РСДРП(б) 10 октября 1917 г. было принято решение о скорейшем проведении вооруженного восстания. Троцкий и Сталин предполагали приурочить начало восстания к открытию II съезда Советов, чтобы прикрыть им факт большевистского переворота. Эту позицию Ленин не одобрял, но ход событий сложился таким образом, что восстание произошло фактически по сценарию Троцкого и его сторонников. В эти дни Троцкий находился в своей стихии. Его речи подкупали массы яркостью, напористостью, конкретностью. Солдатам он, например, обещал раздел имущества богатых граждан, бесплатный проезд в трамвае и т.п. Его лично знал и слышал почти каждый петербургский рабочий и солдат. Его влияние — и в массах, и в штабе — было подавляющим.

С 22–23 октября Троцкий открыто говорил о скором приходе Советов к власти. В эти дни и ночи у Троцкого от усталости и перенапряжения случались обмороки. С 25 по 26 октября Ленин и Троцкий отдыхали прямо на полу в Смольном. Впрочем, отдыхом это можно было назвать лишь условно.

Переворот совершился. Выступая на II съезде Советов, Троцкий зачитал резолюцию большевистской фракции, которая была направлена против сотрудничества с ушедшими со съезда правыми эсерами и меньшевиками. Но и левые эсеры отказались войти в правительство. Сформировав однопартийное правительство, большевики практически перехватили бразды правления Россией и в дальнейшем неохотно шли даже на минимальные уступки другим партиям.

Троцкий активно участвовал в процессе образования первого советского правительства. Он предложил названия «Народный комиссар» и «Совет народных комиссаров». Ленин это одобрил, заметив, что от этих слов «пахнет революцией». Ленин предлагал Троцкому возглавить СНК. Однако тот, сославшись на свое еврейское происхождение, отказался стать главой правительства или наркомом внутренних дел. Тогда Свердлов и другие уговорили его занять пост наркома иностранных дел.

В конце 1917 г. Троцкий внес большой вклад в формирование однопартийной диктатуры в Советской России. Он входил в штаб по разгону Учредительного собрания, принял самое деятельное участие в подавлении мятежа Керенского — Краснова, одним из первых выступил против принятия предложения эсеров и меньшевиков о создании так называемого однородного социалистического правительства.

9 января — 10 февраля Троцкий возглавлял советскую делегацию на переговорах с немцами в Бресте, где придерживался не согласованной с Лениным тактики. После подписания Брестского мира ЦК принял его от-

ставку. В марте 1918 г. Троцкого назначили народным комиссаром по военным делам, в апреле — наркомом по морским делам, в сентябре — председателем Реввоенсовета Республики. Таким образом, Троцкий занял фактически важнейший в условиях гражданской войны после главы правительства пост.

18 марта Троцкий прибыл в Москву и сразу же представил проект реорганизации Красной Армии. Нарком предлагал создать регулярную армию со строгой дисциплиной и централизованным управлением, привлечь в ее ряды царских офицеров и генералов, использовать специалистов и так далее. Для контроля за командирами и поднятия морально-политического духа армии в ней вводился институт военных комиссаров. Троцкому пришлось преодолеть упорное сопротивление «военной оппозиции» (Ворошилов, Бубнов, Смирнов и др.), отстаивавшей принцип опоры на полупартизанские воинские формирования, массовую революционную армию, избегающую тесного сотрудничества с бывшими офицерами и специалистами. Ленин поддержал Троцкого, и на VIII съезде партии весной 1919 г. «военная оппозиция» потерпела поражение. В целом Троцкий сумел наладить дело строительства новой армии и использования офицеров. В Красную армию вступило 8 тыс. командиров дореволюционной армии, и 50 тыс. было мобилизовано. Под началом Троцкого работали такие видные организаторы и командиры, как Э.М. Склянский (26-летний заместитель наркомвоенмора), И.И. Вацетис, С.С. Каменев, М.Н. Тухачевский, А.И. Егоров, И.П. Уборевич и др.

Троцкий круто взялся за установление дисциплины в армии. Орудием ее наведения стали прежде всего ревтрибуналы и политотделы. Сам же нарком сразу же отличился жестокостью и беспощадностью. 27 мая 1918 г. по его приказу был арестован командующий Балтийским флотом А. Щастный. ВЦИК и Верховный Трибунал

одобрили действия Троцкого. Щастный был обвинен в невыполнении приказа о ведении переговоров с немцами относительно демаркационной линии и в стремлении к захвату власти. Нарком утверждал в ревтрибунале, что у Щастного были обнаружены документы о тайных связях Ленина с немецким генштабом (фальшивые, по заверению обвинителя). По настоянию Троцкого Щастный был расстрелян.

22 апреля 1918 г. ВЦИК утвердил клятву красноармейца, написанную Троцким. Она начиналась известными словами: «Я, как сын трудового народа и гражданин Советской республики, принимаю звание солдата армии рабочих и крестьян». В клятве указывалось, что в случае ее нарушения красноармейца ожидает презрение народа и суровая кара революционного закона.

Слава о Троцком как умелом организаторе побед Красной Армии начала свой путь под Казанью в августе-сентябре 1918 г. Белочехи летом 1918 г. прорвали фронт Свияжска и угрожали двинуться к центру России. Для ликвидации тяжелого положения 7 августа к Свияжску был срочно направлен бронепоезд Троцкого с группой военных руководителей (около 50 чел.), одновременно перебрасывались лучшие воинские части Москвы и Петрограда. Кстати, внезапный отъезд Троцкого сорвал план покушения на него, который готовили эсеры.

Бронепоезд наркома составил впоследствии сильную боевую единицу. Его команда формировалась из специально отобранных боевиков. В бронепоезде имелись типография, автомашина, аэроплан, вагоны отдыха, медчасть и даже кинозал и баня. Троцкий расположился в вагоне бывшего министра железных дорог России. Нарком имел штат талантливых секретарей и помощников. Он умел играть на публику, заражая людей революционным энтузиазмом. Духовой оркестр бронепоезда играл «Марсельезу» при его появлении

перед войсками. Сам он был мастером зажигательных речей и мог увлечь бойцов в бой. Команде бронепоезда приходилось вступать в бой в опасных ситуациях. За успешные боевые действия она была награждена орденом Красного Знамени.

Именно на Восточном фронте, под Казанью, Троцкий ввел систему жестоких мер, которая потом стала известна во всем мире и прочно связывалась с именем Троцкого. Приказ наркома 8 августа 1918 г. предупреждал о том, что изменникам и трусам пощады не будет. Для расправы над ними в бронепоезде Троцкого работал Военно-революционный трибунал в составе Смидовича, Гусева и Жимунда. Этим же приказом нарком подтверждал создание «в Муроме, Арзамасе и Свияжске концентрационных лагерей, куда будут заключаться темные агитаторы, контрреволюционные офицеры, саботажники, паразиты, спекулянты». Так в Советской России появились концентрационные лагеря, куда мог попасть в принципе любой гражданин, оказавшийся по воле властей «темным агитатором или паразитом». Следом за этим приказом 1 августа Троцкий распорядился расстреливать первым комиссара части, вторым командира, а потом и паникеров за самовольное оставление боевых позиций. Тогда же прозвучали известные слова наркома: «Трусы, шкурники и предатели не уйдут от пули. За это я ручаюсь перед лицом Красной Армии». 15 августа был издан приказ о расстреле лиц, которые действовали врагам на территории, временно занятой белочехами.

Приказы Троцкого не расходились с делом. Сам он под Свияжском задержал полк, снявшийся с фронта. Комиссар, командир и ряд солдат были расстреляны. 30 августа такая же участь постигла 20 дезертиров 5-й армии, которую возглавлял Славин, а потом И.Н. Смирнов. 4-й латышский полк фактически выполнял роль заградительного отряда. Троцкий ввел также боевые

единицы летучих контролеров и конных десятков, которые пресекали панику или отступление. Нарком приказал вылавливать дезертиров. В случае их укрытия председатели комбедов и советов подвергались аресту. 30 сентября 1918 г. была введена система заложников. Аресту подлежали отцы, матери, сестры, братья, жены и дети бежавших из армии лиц либо предателей.

Система мер Троцкого по укреплению дисциплины в армии нашла в приказе № 55 от 24 ноября 1918 г. концентрированное выражение. Семь его пунктов предусматривали немедленный расстрел за оставление боевой позиции, дезертирство, невыполнение приказа, агитацию к отступлению. «Всякий солдат, который бросит винтовку или часть обмундирования, будет расстрелян». В прифронтовой полосе вводились заградительные отряды. Тыловым частям и комбедам предписывалось дважды в сутки (в 8 часов утра и вечера) устраивать облавы с целью поимки дезертиров. За их укрывательство полагался расстрел. «Дома, в которых найдут укрытие дезертиры, будут подвергнуты сожжению», — говорилось в приказе. Нарком предлагал также ввести черные воротнички для дезертиров, возвращенных в свои части.

Троцкий лично мог отдать под суд Ревтрибунала красноармейца только за то, что тот пропустил в его кабинет председателя губисполкома. Явно любуясь собой, и, так сказать для истории, он издал в январе 1919 г. приказ об усмирении мятежа Николаевской дивизии в Саратовской губернии. Нарком гордо заявлял, что прибыл на фронт, чтобы положить конец постыдному мятежу. Он сказал, что двинул против дивизии несколько полков, чтобы раздавить ее. «Мною отдано распоряжение советским властям временно арестовать ваши семьи и наложить печать на все ваше имущество в деревнях и городах. Именем Совета Народных Комиссаров объявляю: все зачинщики, агенты Дутова, Краснова, предате-

ли, изменники, все шкурники будут раздавлены, расстреляны, стерты с лица земли. Никому не будет пощады. Когда взбунтовались полки Вольской дивизии, от них не осталось и следа. То же будет и с вами».

Впоследствии в своих мемуарах Троцкий писал, что без смертной казни и репрессий не могла быть создана боеспособная армия так же, как и без вдохновляющих солдат идей Октябрьской революции. Без дисциплины, подчеркивал нарком, красноармейцы превращались в «бесхвостых обезьян». С гордостью вспоминал он, что на фронте «политотделы рука об руку с заградительными отрядами и трибуналами вправляли костяк в рыхлое тело молодой армии».

Вместе с тем нельзя представлять себе Троцкого в годы войны только как беспощадного диктатора. Он уделял большое внимание моральному состоянию и политическому воспитанию войск. В 1918–1920 гг. он издавал газету «В пути. Известия поезда наркомвоенмора Троцкого». В газете часто печатались вдохновенные речи наркома. Нередко публиковались также приказы о поощрении солдат-героев. Троцкий постоянно заботился об улучшении армейского быта, запретил употреблять в солдатской среде ругательные слова, Правда сведений о том, как контролировалось выполнение последнего приказа, нет. Были на счету наркома и приказы о помиловании пленных, о недопустимости расстрела без суда и т. п. В апреле-июне 1919 г. Ленин особенно настойчиво добивался подавления восстания донских казаков. 2 мая 1919 г. Ленин просил Троцкого: «Я лично настаивал бы на том, чтобы вы еще раз заехали в Богучар и довели до конца подавление восстания, ибо иначе надежды на победу нет». 22 мая Троцкий отвечал, что доведет дело до конца. И он старался изо всех сил, проявив всю свою беспощадность к казакам. Политика рассказывания, проводимая советскими властями в ходе подавления восстания, разрушила многовековой уклад жизни казаков. Эта соци-

альная группа практически не развивала своих традиций после гражданской войны. Казаки стали отличаться от обыкновенных крестьян только исторической памятью.

Несмотря на то, что многие жаловались на жестокость Троцкого и критиковали его, Ленин постоянно защищал наркомвоенмора. Он посылал Троцкого на опасные участки фронта и писал, что его поездки абсолютно необходимы, что одно появление наркома производит действие на солдат и всю армию. Ленин готов был дать Троцкому столько полномочий, сколько он пожелает. В годы гражданской войны между Троцким и Сталиным происходили резкие стычки. Ленин старался их примирить, но его усилия были напрасными. Троцкий добился фактического отзыва Сталина из Царицына и удаления оттуда Ворошилова.

Летом 1919 г. интриги Сталина привели к изменению состава Реввоенсовета. Троцкий был против. Особенно остро переживал он отставку главкома Вацетиса. Как и Вацетис, нарком считал, что Красная Армия должна не преследовать Колчака в Сибири, а перезимовать на Урале и часть своих сил бросить против Деникина. С.С. Каменев и И.Т. Смилга выступили против плана Троцкого и Вацетиса. ЦК принял сторону Каменева, и он стал главкомом. Расстроенный Троцкий 5 июля 1919 г. подал в отставку. Оргбюро и Политбюро ЦК, считая, что эта отставка принесет «величайший вред республике», приняли решение предоставить Троцкому на Южном фронте «полную возможность всеми средствами добиваться того, что он считает исправлением линии в военном вопросе, и, если он пожелает, постараться ускорить съезд партии». Осенью 1919 г. именно в соответствии с планом Троцкого, а не Сталина состоялось наступление РККА против Деникина в направлении от Воронежа на Харьков и Донецк. Троцкий верно рассчитал, что население промышленных районов поддержит большевиков.

В октябре 1919 г. Троцкий мужественно и решительно действовал при обороне Петрограда. Он организовал контрнаступление, лично участвовал в боях, приучил солдат не бояться танков.

В 1920 г. Троцкий активно включился в военную кампанию против Польши. Он, как и Рыков, полагал, что надо было вовремя остановить армию и заключить мир на выгодных условиях. Но Ленин в августе 1920 г. требовал взять Варшаву и отмечал, что теперь «архиважно добить Польшу». В результате наступление Красной Армии захлебнулось и пришлось в соответствии с Рижским договором 1921 г. делить Белоруссию.

В годы гражданской войны Троцкий выступил одним из теоретиков так называемого «казарменного социализма». В начале 1920 г. вышла его работа «Терроризм и коммунизм», в которой он дал своеобразное философское обоснование необходимости террора в период диктатуры пролетариата, подвергнув критике учение о естественных правах человека, назвав их «пересказом христианского спиритуализма для утешения народа». Троцкий считал человека ленивым животным, боящимся инициативы и напора. Особенно это касалось, по Троцкому, русского крестьянина: «Чем болен наш русский мужик — это стадностью, отсутствием личности, то есть тем, что воспело наше реакционное народничество, крестьянин растворяется в своей общине, подчиняется земле».

Поэтому Троцкий придавал большое значение «переделке крестьянства», его воспитанию в рядах РККА, состав которой был на 77% крестьянским. В гражданскую войну нарком выступал за союз с середняком, однако на первое место он ставил интересы диктатуры пролетариата и партии.

В «Терроризме и коммунизме» Троцкий обосновал концепцию милитаризации труда, военизации общественной жизни. «Советская армия воспроизводит в

себе тенденции советского общественного строя», — считал он. Нарком предлагал военизировать профсоюзы, загнав туда всех рабочих и поставив во главе их полковых комиссаров. Он призывал учиться у прусских унтер-офицеров организации труда. Государство, партия и профсоюзы обязаны были применять репрессии к «недисциплинированным», разнузданным, паразитическим элементам народного класса». Крестьяне же составляли основу трудовых армий. В 1920 г. было 6 таких армий — Первая, Петроградская, Украинская, Кавказская, Южно-Заволжская, Запасная. Они обеспечивали работу железных дорог и важнейших предприятий. Управление хозяйством, по Троцкому, должно быть строго централизованным, принцип единоначалия должен выполняться неукоснительно.

Историки иногда спорят, кто был инициатором создания трудармий. Сам Троцкий писал, что идея трудовых армий родилась на Урале в 3-й армии, преобразованной в 1920 г. при личном участии Троцкого в трудармию. Вскоре он понял, что подневольный труд непроизводителен. В феврале 1920 г. Троцкий предложил в ЦК провести ряд мероприятий, которые осуществлялись в рамках нэпа, в том числе замену продрозверстки продналогом. Но тогда большинство ЦК не поддержало Троцкого, и он стал активно выступать за милитаризацию труда. Суть ее нарком четко выразил в докладе на IX съезде РКП (б): «Безусловно, если мы серьезно говорим о плановом хозяйстве, которое охватывается из центра единством замысла, когда рабочая сила распределяется в соответствии с хозяйственным планом, на данной стадии развития рабочая сила не может быть бродячей Русью. Она должна быть перебрасываема, назначаема, командидуема точно так же, как солдаты. Это есть основа милитаризации труда, и без этого ни о какой промышленности на новых основаниях не может быть и речи». Тезисы, утвержденные съездом, полностью отражали взгляды Троцкого на процесс

милитаризации труда. Так большевики оказались в плену еще одной иллюзии.

Следуя ей, Троцкий, ставший с 23 марта 1920 г. наркомом путей сообщения, ввел фактически военную диктатуру на железных дорогах. Он создал Главполитпуть и Цектран, которые подменили собой профсоюзы железнодорожников. Нарком сумел наладить работу транспорта, привлек к труду на железной дороге армию, пригласил из Швеции 4 тыс. квалифицированных железнодорожников. Однако Ленин был обеспокоен административным диктатом Троцкого. Он решительно воспротивился плану наркома по огосударствлению и «перетряхиванию» профсоюзов. В ходе состоявшейся дискуссии о роли профсоюзов Ленин дал отпор стремлению Троцкого ограничить права профсоюзов, полностью подчинить их партии и государству.

В годы гражданской войны Троцкий завоевал огромный авторитет внутри страны и среди трудящихся за рубежом. Зарубежные коммунисты связывали прежде всего с Троцким создание более чем пятимиллионной Красной Армии.

В целом Троцкий стал вторым человеком в партии и государстве после Ленина. Параграф 41 устава РККА 1922 г. официально закреплял положение Троцкого в качестве вождя и создателя армии. Но вместе с тем действия и политика Троцкого дорого стоили стране. Сам он говорил: «Мы ограбили всю Россию, чтобы победить белых».

Жестко оценивал первые результаты диктаторской политики партии Горький, называвший большевиков «слепыми фанатиками и авантюристами». Особенно возмущало Горького подавление коммунистами элементарных демократических свобод. «И Ленин, и Троцкий и все другие, кто сопровождает их к гибели в трясине действительности, очевидно, убеждены вместо с Нечаевым, что «правом на бесчестье всего легче рус-

ского человека за собой увлечь можно», и вот они хладнокровно бесчестят русскую революцию, бесчестят рабочий класс, понукая его устраивать кровавые боины. Заставив пролетариат согласиться на уничтожение свободы печати, Ленин и приспешники узаконили этим для врагов демократии право зажимать ей рот, грозя голодом и погромами всем, кто не согласен с деспотизмом Ленина—Троцкого... Ленин и Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия».

В рядах международной социал-демократии Троцкого считали диктатором. Лидер меньшевиков Ф. Дан назвал его красным Наполеоном. К. Каутский рассматривал большевистскую диктатуру как систему «государственного рабства» и полного подавления личности. «В троцкистской форме социализм стал бы казармой или тюрьмой», — писал Каутский.

Тяжелое положение в стране вынудило большевиков отступить от политики «военного коммунизма». Весной 1921 г. Троцкий, как и Ленин, выступил за необходимость новой экономической политики.

Болезнь Ленина в 1922 г. обострила внутрипартийную борьбу. Зиновьев, Каменев и Сталин умело воспользовались опасением части руководства партии относительно возможной диктатуры Троцкого, его ошибками и промахами. Но главное заключалось в том, что значительная часть партийной верхушки в 1922–1923 гг. представляла собой зависимую от Оргбюро и Секретариата и тесно связанную с ними группировку. В 1922 г. работало 15 тыс. освобожденных, «ответственных» партийных функционеров. Наверху этой партийно-бюрократической пирамиды стоял генсек Сталин и его сторонники. Троцкий видел эти негативные процессы и предупреждал об опасности «советско-бюрократического коммунизма». Он не выступал против

бюрократов вообще, отмечая, что без управленческих кадров не может существовать ни одна социальная система.

Больной Ленин в декабре 1922 г. предложил Троцкому объединиться в борьбе против бюрократизма вообще и против Оргбюро в частности. Ленин возлагал большие надежды на наркомвоенмора. Известно, что в 1922 г. он предлагал Троцкому стать его заместителем. Троцкий отказался, потому что считал себя как еврея неподходящей кандидатурой на эту должность и рассматривал ее излишним институтом в системе управления государством. Он сказал Ленину, что Секретариат и Оргбюро мешают руководству страной, подменяя собой государственные органы.

Отказ Троцкого стать заместителем Ленина был его крупной политической ошибкой. Известна блестящая характеристика Троцкого, данная Лениным в «Письме к съезду» в конце 1924 г. Ленин отмечал, что из старых кадров Троцкий наиболее способный в ЦК, но слишком увлекающийся административной стороной дела человек. Впоследствии Троцкий считал, что ленинское «Письмо к съезду» могло при стечении определенных обстоятельств помочь ему стать во главе государства. Интересно, что Троцкий был за публикацию завещания Ленина, а Сталин, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Куйбышев — против.

Накануне XII съезда партии Сталин пошел на открытый конфликт с Лениным, оскорбив Крупскую. У Троцкого на съезде были все шансы покончить со Сталиным, однако он недооценил важности момента и отказался от решительной борьбы. Теперь отстранение Троцкого от власти было только делом времени. Сталин сумел повести за собой большинство Политбюро и партии. Одна из причин этого в том, что жестокость и диктаторские замашки Троцкого были у всех на виду, а тиранию Сталина стране еще только предстояло испытать.

21 января 1924 г. скончался Ленин. Троцкий в это

время находился в Тифлисе, куда он уехал лечиться. Нарком направил телеграмму по поводу смерти вождя, но на его похороны не приехал, совершив тем самым крупную ошибку. Сталин укрепил свое положение как один из основных наследников Ленина и перешел в наступление на военное ведомство Троцкого, вытеснив оттуда Склянского, Антонова-Овсеенко и других сторонников наркома. Сталинисты провели Фрунзе на пост заместителя Троцкого.

На XIII съезде партии (май 1924 г.) стараниями Зиновьева, Каменева и Сталина было фактически проигнорировано «Письмо к съезду» Ленина, которое зачитали перед делегациями. Сталин остался на посту генсека. После этого он усилил гонения на Троцкого.

Осенью 1924 г. Троцкий опубликовал работу «Уроки Октября», в которой он подчеркивал свою роль в октябрьском перевороте 1917 г. Статья имела ощутимые отрицательные последствия для карьеры Троцкого. Она способствовала сплочению антитроцкистских сил в партии. В январе 1925 г. на пленуме ЦК Сталин при поддержке Политбюро добился ухода Троцкого с поста наркомвоена. Сам нарком подал заявление об отставке. В мае 1925 г. Троцкий стал председателем главного концессионного комитета, начальником электротехнического управления и председателем научно-технического отдела ВСНХ.

В 1925 г. Троцкий активно выступал против установки на полное построение социализма в одной стране. Он полагал, что социализм надо строить, причем быстрыми темпами, однако его полную победу ставил в зависимость от успеха международной революции, т. е. прихода к власти пролетариата в основных странах капитализма.

Сталин не прекращал борьбы с Троцким, и тот в 1926 г. пошел на блок с Зиновьевым и Каменевым. Окончательно этот блок сложился на июльском 1926 г. пленуме ЦК. Троцкистско-зиновьевская оппозиция потребовала ускорения индустриализации, ак-

тивизации борьбы с кулаком, роспуска англо-русского профсоюзного комитета, заострения борьбы против Чан Кайши в Китае и т. п. Однако, поскольку на пленуме ЦК, как и в Коминтерне, доминировали сторонники Сталина, «троцкизм» был осужден как антиленинская теория и мелкобуржуазный уклон. Осенью 1925 г. Сталин сумел добиться вывода Троцкого из состава Политбюро.

В 1927 г. троцкисты сделали последнюю попытку дать отпор Сталину. На августовском пленуме 1927 г. Троцкий дал развернутую критику политики Сталина. Он требовал смещения генсека и обновления партии, которая была «задушена сталинистами». Троцкий закончил выступление знаменитыми словами: «Подведем итог. За социалистическое отечество? Да! За сталинский курс? — Нет!».

Сталин и его приспешники обвинили троцкистов в стремлении к захвату власти. В том же духе были оценены и попытки оппозиции организовать 7 ноября 1927 г. демонстрации против сталинистов, которые были разогнаны силами НКВД. В Москве машина, в которой находился Троцкий, была обстреляна, при этом выкрикивались антисемитские лозунги. Ноябрьский пленум ЦК исключил Троцкого из партии, а в январе 1928 г. Троцкого выслали в Алмату. Но он не прекращал антисталинской деятельности. Тогда Сталин в январе-феврале 1928 г. выдворил Троцкого за пределы СССР. Он оказался на острове Принкипо в Турции.

До 1933 г. Троцкий жил на Принкипо, потом во Франции и в Норвегии. В Норвегии фашисты и сталинские агенты провели несколько провокаций против Троцкого, в том числе обыскали его дом.

Всемирно известный мексиканский художник Д. Ривера являлся поклонником Троцкого. Он уговорил президента страны Д. Карденаса дать Троцкому право поселиться в Мексике. 19 декабря 1936 г. тайно, на танкере

«Руфь» семья Троцкого отправилась за океан. В начале 1937 г. президент подал в порт Тампико специальный поезд для встречи Троцкого. Троцкий поселился в Голубом доме Д. Риверы.

Сталин не оставлял Троцкого в покое и за границей. Органы НКВД получили фактически приказ ликвидировать Троцкого. В ночь с 23 на 24 мая 1940 г. группа террористов во главе с художником Д. Сикейросом проникла на виллу Троцкого в Койоакане. Более 200 пуль попали в стены спальни Троцкого, но он и его жена чудом спаслись под кроватью. Внук Сева получил незначительное ранение в ногу. Сикейрос вспоминал, что ему не пришло в голову, что такой великий человек, как Троцкий, будет прятаться под кроватью, и он разрядил свой «томпсон» в стену. Сикейрос просидел год в тюрьме, а потом был выслан из страны.

Троцкий ненадолго избежал смерти. Приказ Сталина удалось выполнить группе под руководством полковника Л. Эйтингона, возглавлявшего особую часть НКВД в Испании. Его любовницей была красавица, испанская коммунистка Каридад Меркадер, сын которой майор республиканской армии Хайме Рамон Меркадер дель Рио, стал убийцей Троцкого.

Летом 1938 г. в Париже Меркадера под видом сына бельгийского дипломата Жака Морнара познакомили с троцкисткой Сильвией Агеловой-Масловой, сестра которой работала секретарем у Троцкого. Молодой и красивый Жак произвел впечатление на внешне непривлекательную Сильвию, они стали любовниками. Вскоре он переехал в Нью-Йорк под видом бизнесмена Фрэнка Джексона, а оттуда перебрался в Мехико. Сильвия познакомила его с семейством Росмеров, близких друзей Троцкого. 28 мая 1940 г. «Джексон» впервые посетил дом Троцкого. Троцкий не вполне доверял «Джексону», и лишь нерасторопность шефа охраны Д. Гансена спасла Рамона от разоблачения.

20 августа 1940 г., после обеденного отдыха, Троц-

кий принял «Джексона», чтобы прочитать написанную им статью, направленную против отколовшихся троцкистов. В то время, когда Троцкий читал статью, «Джек-сон» выхватил из-под плаща альпийский ледоруб и нанес ему сильный удар по голове.

Рана оказалась глубокой — около 7 сантиметров. Операция не помогла — Троцкий скончался. Труп после похорон был кремирован. Могила Троцкого находится в Койоакане, во дворе виллы, где он жил.

УБИКО ХОРХЕ (1878-1946)

Хорхе Убико — гватемальский военный диктатор в 1931–1944 гг. Дослужившись до звания генерала и став губернатором провинции Реталулеу, он снискал себе славу жестокого и беспощадного правителя. В 1930 г. Хорхе Убико занял пост военного министра. На этой должности он сумел обратить на себя внимание посла США в Гватемале Шелдона Уайтхауза. Когда в результате внутривластного кризиса, вызванного экономической катастрофой 1929 г., в Гватемале произошел очередной переворот и президентом стал малоизвестный в политических кругах генерал Мануэль Оррельяна, США решили использовать обстановку, чтобы заменить его более надежным и преданным кандидатом. В ход был пущен Вашингтонский договор 1923 г., по которому центральноамериканские государства и США обязывались не признавать правительства, которые пришли к власти неконституционным путем. В результате генерал Оррельяна не был признан департаментом США. Вашингтон «посоветовал» провести выборы и предложил свою кандидатуру на пост президента — генерала Хорхе Убико. Президентские выборы были подготовлены наскоро. Поскольку Убико был единственным кандидатом, его победа оказалась предопределенной. Выборы сопровождались назойливой пропагандой, финансируемой могущественной «Юнайтед фрут» и земельной олигархией.

Убико использовал террор как основное средство укрепления своей власти. В начале 1934 г. он получил сведения о том, что в стране создаются оппозиционные группы, намеревающиеся не допустить его переизбрания на пост президента. Провокаторам, подосланным к оппозиционерам, удалось выявить всех участников этих

групп. Началась серия арестов и политических убийств. В течение только двух дней было убито более 300 человек.

В столице день и ночь работал специальный военный суд, который выносил только смертные приговоры. Расстрелы, как правило, проводились публично, в присутствии армейских офицеров, государственных чиновников, а зачастую узников, содержащихся в городских тюрьмах. По замыслу Убико казни должны были внушить страх и парализовать волю присутствующих, чтобы навсегда отбить у них охоту посягать на абсолютную власть диктатора.

Репрессии надолго ослабили действенность оппозиционных сил. Лишь в 1940 г. появились симптомы нового заговора против Убико, но и эта попытка была задушена в самом зародыше.

Срок президентства Хорхе Убико должен был закончиться 15 марта 1937 г. Ст. 66 конституции Гватемалы гласила: «Президентский срок устанавливается на шесть лет без всякого продления. Лицо, занимавшее пост президента, в соответствии с результатами народного голосования не может быть вторично избрано прежде, чем истекнут 12 лет с момента ухода его с поста президента». Однако с помощью послушного ему конгресса Убико созвал в 1935 г. Учредительную ассамблею с единственной целью — изыскать пути, чтобы юридически оформить продление срока своего пребывания у власти. Депутаты на это «мероприятие» подбирались самым тщательным образом. Ассамблея постановила временно внести в текст конституции статью, разрешавшую продлить «на один только раз» президентский мандат. Таким образом была изменена конституция, а срок пребывания Убико у власти продлен до 1943 г. Когда приблизился конец и новому шестилетнему сроку, Убико опять созвал Учредительную ассамблею, внес изменение в конституцию, убрал слова о продлении мандата президента «толь-

ко на один раз» и обеспечил себе пребывание у власти до 1949 г.

При всех этих политических маневрах никто не вспомнил о ст. 99 конституции Гватемалы, предусматривавшей, что всякое изменение конституции требует одобрения двух третей голосов депутатов Законодательного собрания, причем такое решение должно быть принято дважды подряд — на двух очередных сессиях конгресса.

Опорой режима Убико являлась армия, разросшаяся до невероятных для Гватемалы размеров и пользовавшаяся большими привилегиями. Личный состав армии Убико насчитывал в 1938 г.: генералов — 84, старших офицеров — 277, младших офицеров — 691 и рядовых и сержантов — 6291.

Расходы на армию были самой крупной статьей в национальном бюджете. Так, в бюджете на 1935–1936 гг. на армию предусматривалось истратить 16% всего бюджета, на министерство внутренних дел и юстиции — 15% бюджета. В этом же году на нужды общественного развития предусматривалось истратить только 9% бюджета, а на сельское хозяйство и того меньше — 4,5%.

Огромное влияние на гватемальскую армию в период правления Убико оказывали США, поскольку советниками в ней служили американцы.

Убико сознательно ухудшал материальное положение рабочих. В 1934 г. он сократил заработную плату сельскохозяйственным рабочим с 50 центов до 30 центов, в чем его активно поддержала администрация «Юнайтед фрут компани». Для большой группы строительных рабочих, занятых на сооружении военно-воздушной базы, зарплата была снижена с 1 долл. в день до 50 центов. Рабочим-дорожникам зарплату урезали еще более резко — с 1 доллара в день до 25 центов. Правительство непрерывно уменьшало расходы на социальные нужды. В частности, оно сократило бюджеты

больниц на ту сумму, которая раньше шла на питание больных.

Не лучше обстояло дело и с образованием. За время правления Убико число начальных школ в стране сократилось с 2139 до 1563, а количество учителей уменьшилось с 3,5 тыс. до 3,3 тыс. Зарплата сельского учителя составляла в месяц всего 7 долларов, а в городе едва превышала 30 долларов.

Убико придерживался принципа, сформулированного им следующим образом: «Если у народа будет много денег в кармане, он может меня свергнуть. Надо держать ум народа занятым тем, где достать пропитание на завтра, тогда будет обеспечено политическое спокойствие».

Принудительный труд был оформлен законом. Все взрослые мужчины в сельских местностях были обязаны бесплатно отработать две недели в год на строительстве государственных шоссе и одну неделю — на строительстве муниципальных дорог. Поскольку оговаривалось, что неявка на работу могла быть компенсирована уплатой специального налога размером в 1 доллар за каждую неделю, то очевидно, что все мало-мальски состоятельные люди откупались без особого труда. Жертвой этого закона стало индейское население, у которого никогда не было денег.

В 1934 г. был принят закон о бродяжничестве. В соответствии с ним каждому индейцу выдавалась специальная рабочая книжка, в которой отмечались дни, проработанные им на плантациях землевладельца. Он был обязан отработать по крайней мере 150 дней в году, если не был занят на собственной земле круглый год. В случае уклонения от трудовой повинности крестьянин либо осуждался как бродяга, либо штрафовался на крупную сумму, выплатить которую он все равно не мог. Эта мера практически закрепляла рабочую силу на земле латифундистов.

Одновременно Убико предоставлял широкие льго-

ты иностранным компаниям. 3 марта 1936 г. правительство заключило с «Юнайтед фрут» соглашение, по которому последняя освобождалась от обязательства, взятого ею ранее, построить новый современный порт на Тихоокеанском побережье Гватемалы и разрешить правительству пользоваться этим портом в интересах развития экономики страны. Обязательство построить порт компания взяла на себя в качестве своего рода платы за получение в концессию богатейших земель для банановых плантаций. Теперь же, со ссылкой на то, что «мировые экономические условия не позволяют в настоящее время осуществить строительство порта», компания освобождалась от своих обязательств за полученную концессию.

Вместо этого компания брала на себя очень выгодное ей «обязательство» построить 25 миль железных дорог в районе новых банановых плантаций и присоединить их к национальной железнодорожной сети. В тот же день правительство подписало с «Юнайтед фрут» соглашение о продлении до 1981 г. контракта на концессию земель долины реки Мотагуа. Чтобы ослабить гнетущее впечатление, которое производило продление этой кабальной концессии, правительство увеличило арендную плату за все концессионные земли «Юнайтед фрут» с 14 тыс. долларов до 34 тыс. долларов в год. При этом было оговорено, что с 1949 г. вплоть до окончания срока действия контракта — 1981 г. — арендная плата вновь будет взиматься в размере 14 тыс. долларов. Компания также согласилась на увеличение экспортной пошлины на вывоз бананов в размере 0,5 цента за одну гроздь.

Внешняя политика диктатуры Хорхе Убико носила ярко выраженную профашистскую направленность. Гватемала стала первой центральноамериканской страной, которая в 1935 г. установила дипломатические отношения с милитаристской Японией. Убико признал режим Франко сразу же вслед за Сальвадором, филиал испанс-

кой фаланги действовал на положении полуофициальной организации в Гватемале. Всех испанцев, в той или иной форме выражавших симпатии к республиканской Испании, высылали из страны. Посол Гватемалы Хулио Урругутиа при вручении верительных грамот Франко заявил, что «Гватемала является антикоммунистическим бастионом в Южной Америке» и что «правительство Гватемалы с симпатией и восхищением следит за развитием националистического движения».

Когда США после начала второй мировой войны потребовали от своих латиноамериканских союзников конфисковать собственность немецких граждан, Убико поручил посланнику Германии консультировать разработку соответствующего декрета, дабы не слишком ущемить интересы его соотечественников. Министр иностранных дел в правительстве Убико был одновременно адвокатом немецкого банка «Ноттебом» — нонсенс, возможный только в Латинской Америке.

К 1944 г., по мере того, как вырисовывался характер исхода второй мировой войны, политическая обстановка в Гватемале становилась все более напряженной. Повсеместно активизировались левые силы. Начало выступлениям в Гватемале положили студенты, требовавшие восстановления автономии университета, ликвидированной за 13 лет до этого. Почти одновременно с выступлением студентов 200 школьных учителей объявили забастовку, требуя повышения заработной платы. Участились выступления против сторонников режима. Так, 45 видных адвокатов Гватемалы обратились к Убико с просьбой снять судью, известного своими неоправданно суровыми приговорами по политическим делам.

Петиции и декларации, направлявшиеся в президентский дворец, стали своеобразной формой политической борьбы. Пытаясь ослабить рост антиправительственных настроений, Убико отменил конституционные гарантии.

25 июня 1944 г. произошел инцидент, ускоривший

развязку. В этот день полиция открыла огонь по демонстрации женщин, которые принимали участие в панихиде в память жертв диктатуры. Против горожан, вставших на защиту женщин, выступила конная жандармерия. В ответ на это забастовки, митинги, и массовые выступления охватили всю страну. События нарастали с головокружительной быстротой. 29 июня Убико отрекся от власти, передав руководство страной военной хунте, в состав которой вошли три отставных генерала во главе с Федерико Понсе Вальдесом. 3 июля ворвавшиеся в здание конгресса солдаты с автоматами препроводили депутатов в президентский дворец, где они «проголосовали» за избрание генерала Понсе Вальдеса временным президентом страны. В результате этой смены власти никаких изменений не произошло, даже в правительстве продолжали оставаться многие из министров, сотрудничавших ранее с Убико.

Понсе Вальдес обещал провести в конце 1944 г. президентские выборы, не скрывая своих намерений баллотироваться. Его соперником в борьбе за президентское кресло выступил известный университетский профессор Хуан Хосе Аревало, почти 20 лет проживший в эмиграции. Но 20 октября 1944 г. капитан гватемальской армии Хакобо Арбенс, преподаватель военной академии, и Хорхе Торэльо, гражданское лицо, представлявшее студенчество и круги городской мелкой буржуазии, совершили государственный переворот. Арбенсу удалось привлечь на свою сторону группу офицеров во главе с майором Франсиско Арана. Победа досталась дорогой ценой, только в столице было убито более тысячи человек. Понсе Вальдес укрылся в иностранном посольстве.

Власть в стране перешла в руки военно-гражданской хунты.

Убико бежал за границу, где умер в 1946 г. Члены его правительства и правительства Понсе Вальдеса были высланы из страны.

ФРАНКО (БААМОНДЕ) ФРАНСИСКО ПАУЛИНО АРМЕНЕГИЛЬДО ТЕОДУЛО (1892–1975)

Испанский генералиссимус Франсиско Франко после гражданской войны 1936–1939 годов правил Испанией как диктатор вплоть до своей смерти в 1975 году.

Родился Франко в городе Эль-Ферроль 4 декабря 1892 года. Его деды и прадеды по отцовской линии были либо моряками, либо служащими портовой администрации. Отец Франко служил казначеем в порту.

По семейной традиции в морское училище должен был поступать старший брат — Николас. Франсиско пришлось довольствоваться учебой в Толедо. Успехи в учебе были никакими.

В 1908 г. Испания потерпела сокрушительное поражение в войне с США, потеряв все заокеанские владения — Кубу, Пуэрто-Рико, Филиппины. Все испанское общество впало в уныние и пессимизм. Не было исключением и Франсиско Франко. Однако он поступил в военную сухопутную академию, а после ее успешного окончания записался добровольцем в испанский экспедиционный корпус в Марокко.

Там Франко очень быстро обратил на себя внимание командования и уже в 1913 г. получил свою первую награду за храбрость. В 1915 г. он был назначен командиром бандеры (роты) марроканцев (регулярес). Это было специальное формирование, в состав которого входили туземцы, отчаянные смельчаки. Франко со своим подразделением участвовал в самых рискованных операциях.

В 1916 г. в одной из таких военных операций он получил тяжелое ранение в живот и вынужден был на некоторое время покинуть армию. Новое возвраще-

ние произошло благодаря покровительству хорошо знавшего Франко его бывшего командира генерала Н. Астрыя, известного испанского кондотьера. В то время он формировал испанский иностранный легион и предложил Франко стать его помощником. Спустя некоторое время Франко принял этот легион под свое начало.

Именно в этом качестве в 1922 г. Франко принял участие в битве при Мелильи, где ему противостояла марокканская армия под командованием Абдель-Керима. Сражение у Мелильи стало самым ярким событием в военной карьере Франко до 1936 года.

Франко был замечен королем Альфонсом XIII, который присвоил ему придворный титул постельничего. Титул дал Франко возможность жениться на Кармен Поло, принадлежавшей к одной из самых богатых и знатных семей Астурии.

Франко познакомился со своей будущей супругой еще в 1917 г. на народном празднике в Овьедо, когда той было всего 15 лет. Кармен не была красавицей, но отличалась изяществом манер, живостью характера, стройной фигурой, «аристократическим профилем». Отец противился ее браку с неизвестным молодым офицером с весьма скромными доходами, но Кармен, считая себя помолвленной, ждала Франсиско 6 лет. Теперь ее семья была удовлетворена: посаженным отцом Франко на свадьбе, которая состоялась в октябре 1923 г. был сам король. В эти дни Испания уже жила в условиях военно-монархической диктатуры.

13 сентября 1923 г. генерал Примо де Ривера с согласия короля совершил государственный переворот: кортесы (парламент), на выборах в которые весной этого же года одержали победу либерально-реформистские группировки, были распущены, было введено военное положение, деятельность политических партий подверглась запрету.

Диктатор неизменно покровительствовал Франко:

задолго до выслуги положенного срока Франко в возрасте 33 лет стал бригадным генералом. Однако среди офицеров Франко не пользовался авторитетом. Его не любили как выскочку.

В 1927 г. Примо де Ривера назначил Франко начальником только что созданной Высшей военной академии Генерального штаба в Сарагосе. На этом посту он и встретил падение диктатуры в 1933 г.

В 1931 году муниципальные выборы принесли победу республиканцам. Правительство возглавил Мануэль Асанья. Король Альфонс XIII бежал за границу. 9 декабря была принята конституция, провозглашавшая Испанию «демократической республикой трудящихся всех классов, подчиняющейся режиму свободы и справедливости».

Асанья, проводя военную реформу, резко сократил офицерский корпус. Высшая военная академия была закрыта. Франко получил новое назначение — принял командование 5-й дивизией в Сарагосе. Это стало первым понижением Франко во времена республики, но не последним. В 1932 г. он уже только командир 15-й пехотной бригады в Ла-Корунье.

Рост влияния левых сил в стране и отделение церкви от государства приводили к поляризации общества. Правые не собирались сдавать свои позиции. Президент республики Н. Алькала Самора задолго до трагической развязки предупреждал о возможности гражданской войны.

Франко не колебался в выборе. Осенью 1933 г. он сблизился с Хилем Роблесом, создателем и лидером Испанской конфедерации автономных правых (СЭДА), блока католических организаций, насчитывавшего несколько сотен тысяч членов. В этом ему помог Серрано Суньер, муж его сестры, руководитель организации «Молодежь народного действия», примыкавшей к СЭДА. С этого времени начался новый взлет карьеры Франко.

Франко удалось произвести хорошее впечатление на

военного министра радикала Д. Идальго. В марте 1934 г. Франко в 41 год стал самым молодым дивизионным генералом. Вскоре для него нашлось и дело.

В ночь на 5 октября 1934 г. в знак протеста против вхождения трех членов СЭДА — откровенных реакционеров в правительство, началась всеобщая политическая стачка в Астурии. — районе шахт и производства металла. Вскоре стачка переросла в вооруженное восстание.

Франко вместе со своим двоюродным братом Салгадо-Араухо возглавил центр по подавлению восстания.

Астурия была залита кровью. Несколько месяцев спустя Франко получил новое назначение — стал начальником Генерального штаба.

Оправившись от шока, вызванного подавлением восстания в Астурии, страна снова начала бурлить. Все громче звучали требования распустить кортесы и назначить новые выборы. Реакционное правительство, возглавлявшееся Хилем Роблесом, вынуждено было подать в отставку. В начале января 1936 г. президент распустил кортесы и назначил выборы на 16 февраля 1936 г.

В обстановке подъема народного движения левые партии подписали «Избирательный пакт». Это соглашение вошло в историю как «Пакт о народном фронте». На выборах 16 февраля Народный фронт одержал победу.

Вечером 16 февраля, еще до окончательного подсчета голосов, начальник генерального штаба Франко по телефону попытался убедить военного министра Молеро объявить военное положение. Министр колебался. Однако ключевую роль в подготовке мятежа правых сыграл не Франко.

В начале мая все нити будущего заговора взял в свои руки генерал Мола. Ему оказывали активную помощь генералы Санхурхо и Франко. Мола установил прочные связи с Испанским военным союзом, куда входили офицеры чином не ниже полковника и с карлистами — наиболее архаичным течением среди испанских правых,

которое ставило целью восстановление монархии во главе с представителями той ветви Бурбонов, которая безуспешно добивалась трона еще с конца 30-х годов XIX века. Не без колебаний заговорщики приняли услуги фаланги — испанской разновидности фашизма, предложенные ее «вождем», Хосе Антонио Примо де Ривера, сыном покойного диктатора. 14 июля Примо де Ривера предупредил генерала Мола: если военные не начнут действовать через 72 часа, фаланга сама поднимет мятеж. Заговор вступил в заключительную стадию.

Мятеж вспыхнул 17-го числа в Марокко, 18-го он охватил гарнизоны всей страны. Восстание не только переросло в гражданскую войну, но и втянуло в конфликт другие страны. Первый шаг к этому был сделан главой республиканского правительства, направившим телеграмму с призывом о помощи премьер-министру Франции Л. Блюму.

Франко добился большей помощи у своих союзников. Он прилетел в Марокко 19 июля. Но флот оставался верным республике, а значит восставшие части были лишены возможности переправиться в Испанию. Просьба о закупке 10 транспортных самолетов у частных фирм, переданная от имени Франко министерству иностранных дел Германии, успеха не имела.

Франко нашел другие пути. 25 июля его письмо получил Гитлер. Фюреру понадобилось не более двух часов, чтобы принять решение о помощи Франко. Немецкие фашисты предоставили в распоряжение мятежников 20 транспортных самолетов «Юнкерс-52» и транспортное судно «Усамо». Муссолини после непродолжительных колебаний выделил Франко 12 бомбардировщиков «Савойя-8». К началу августа африканская армия мятежников под прикрытием германских кораблей была перебросена на самолетах на Пиренеи. Юго-Западная группировка мятежников двинулась на Мадрид, а Северная под командованием Мола на Касерес, где планировалось соединение обеих армий.

Франко, ощущая себя хозяином положения, решил, что настал его час. 12 сентября на заседании «Хунты национальной обороны», сколоченной в конце июля группой генералов во главе с Молой, он добился поста главнокомандующего, а затем и звания генералиссимуса.

29 сентября, преодолев сопротивление Молы, Франко получил мандат не только на верховную военную власть, но и на гражданскую. Он заявлял в порыве честолюбия, что в военное время звание генералиссимуса влечет за собой и функции главы правительства. Но и этого Франко оказалось мало. 1 октября в своем первом декрете Франко назвал себя верховным главой государства.

На территории Испании шли кровопролитные бои. Необученные, необстрелянные, слабо экипированные отряды народной милиции не могли оказать достойного сопротивления франкистам, или «националистам», как они себя называли. 5 ноября Франко был уже у стен Мадрида. Республика, казалось, была обречена. Но Мадрид выстоял. Сражение под Гвадалахарой в марте 1937 г., в котором был практически разгромлен итальянский экспедиционный корпус, стало последней попыткой франкистов овладеть Мадридом с северо-востока. Огромную роль в победах республиканцев сыграла помощь интернациональных бригад. Активно поддерживал Республику Советский Союз, поставляя военную технику и присылая военных специалистов.

Франко сменил тактику и перешел к позиционной войне. В Каталонской битве 1938–1939 гг. франкисты одержали победу, имея огромное количество военной техники.

Победы на полях сражений укрепляли авторитет франкистов на дипломатической арене. В течение 1937–1938 гг., еще до окончания войны, правительство Франко было признано де-юре девятью странами (Германией, Италией, Ватиканом, Японией, Португалией,

Венгрией др.) и де-факто еще шестнадцатью (Югославией, Грецией, Швецией, Голландией, Норвегией, Данией, Финляндией, Польшей, Чехословакией, Эстонией и пр.).

В Германии считали, что Франко не хватает ярко выраженной политической ориентации. В ответ Франко слил фалангу с монархическими партиями и лично возглавил эту новую структуру. Новая фаланга так и не стала прочным блоком — слишком разные по политическим пристрастиям группы были в ней объединены. Франко при осуществлении своей власти предпочитал опираться на армию. Франко сумел не стать марионеткой Берлина и Рима. Это отчетливо проявилось в 1940 г., когда Берлин особенно рассчитывал на его содействие.

Преимущество английского военного флота над немецким было очевидным. Чтобы успешно вести боевые действия в Африке и в бассейне Средиземного моря, Германии требовалось запереть Гибралтар. План захвата Гибралтара, подготовленный к осени 1940 года, имел одно слабое место: Испания должна была дать согласие на проход германских войск через территорию страны. Эта проблема вызвала необходимость в личной встрече Франко и Гитлера, которая стала первой и единственной. Свидание назначили на 23 октября 1940 г. на станции Эндай на франко-испанской границе.

Всегда пунктуальный и точный, Франко намеренно опоздал на встречу. Не собираясь уступать требованиям Гитлера, он психологически готовил и себя и противника к сложному разговору.

Гитлер и Риббентроп, теряя терпение, ходили по платформе. Но когда Франко показался в двери вагона, первое, что он увидел, была улыбка на лице фюрера. Как хороший актер, Гитлер постоянно менял выражение лица. Перед салоном-вагоном в окружении военных, громко славивших его, он держался очень прямо, высоко подняв голову, с грозным видом. Когда же вош-

ли внутрь, лицо Гитлера стало спокойным, мирным и улыбающимся.

После взаимных объятий Франко произнес длинную речь, заверив своего собеседника, что «Испания ввиду ее тесной духовной связи с державами «оси» занимает ту же позицию, что и Италия прошлой осенью», т. е. невоюющей стороны. Гитлер ответил, что рад впервые видеть каудильо лично, хотя мысленно часто был с ним во время гражданской войны. Но теперь его заботит настоящее. Англия терпит поражение, но не хочет с этим смириться. Надо помешать Англии завладеть Северной Африкой и Средиземным морем, а для этого следует лишить ее Гибралтара. От Испании требовалось немедленно заключить соглашение об объявлении войны Англии и разрешить двадцати немецким дивизиям, включая танковые, пересечь полуостров.

Франко ответил, что этот план захвата Гибралтара задевает чувство испанского национального достоинства. Будет лучше, если крепость возьмут сами испанцы. Для этого Германия могла бы обеспечить испанскую армию современным транспортом, артиллерией и военной техникой. Кроме того, нужно время. Зимой покрытые снегом и льдом горы затруднят продвижение танков. Предвидя угрозу прямого немецкого вторжения в Испанию, Франко говорил, что не вся Испания находится на стороне «оси», да и не нужно забывать уроков истории — народного восстания против Наполеона.

В конце концов Франко сумел уклониться от настойчивых требований Гитлера. Испания не вступила в войну.

Эндайское свидание оставило у Гитлера самые неприятные воспоминания. Расставшись с Франко, он сказал, что предпочел бы, чтобы ему вырвали три или четыре зуба, чем снова пройти через все это. В Эндае Берлин практически впервые потерпел дипломатическое поражение после триумфального шествия, начиная с Мюнхена, от победы к победе.

Хотя на исходе войны Гитлер не раз поговаривал в кругу своих единомышленников, что каковы бы ни были качества испанского солдата, Испания, учитывая ее нищету и неподготовленность, оказалась бы скорее тяжким бременем, а не приобретением, документы свидетельствуют о том, что он неоднократно пытался в 1941–1942 гг. побудить Франко вступить в войну. Накануне встречи в Бордигере в феврале 1941 г., когда Франко единственный раз в жизни посетил Италию, Муссолини получил послание Гитлера, в котором тот просил наставить «испанского блудного сына» на путь истинный. Но Франко не поддался на уговоры.

Не оправдались надежды Берлина и после нападения на СССР. Франко, отделяясь от настойчивых требований Берлина, направил на советско-германский фронт лишь «Голубую дивизию» и эскадрилью «Сальвадор». Немецкое командование ставило испанские части на самые уязвимые участки фронта. К концу 1942 г. пришлось обновить до 80% первоначального их состава. 12 октября 1942 г. последовал приказ Франко о возвращении дивизии, вернее, того, что от нее осталось, в Испанию. Наступали новые времена, и каудильо, всегда старавшийся держать нос по ветру, стремился продемонстрировать Англии и США свое твердое намерение придерживаться политики нейтралитета.

Политика Франко на всем протяжении войны была исключительно своекорыстной и хладнокровной. Он думал только об Испании и испанских интересах. Он не испытывал никакого чувства благодарности Гитлеру и Муссолини за их помощь в гражданской войне и предпринимал все возможное, чтобы предотвратить участие своего народа, обескровленного событиями 1936–1939 гг, в новой войне.

В 1943 г., предчувствуя крах гитлеровской Германии. Франко заметался в поисках опоры в послевоенном мире. Для начала он сменил у себя в кабинете портреты

Гитлера и Муссолини на портреты папы Пия XII и бразильского президента Кубичека.

Принимая в апреле 1943 г. нового германского посла Г. Дикгофа, Франко не скрывал своего пессимизма. Он говорил, что «не видит, каким образом могут быть сокрушены Англия и Америка».

Испанские дипломаты прощупывали позиции США и Англии, заявляя, что Испания никогда не была и не будет марионеткой Германии, что нацистские доктрины чужды испанскому руководству.

Взоры Франко все больше притягивала Англия, вернее, глава ее кабинета У. Черчилль, которого каудильо в письме послу Испании в Лондоне герцогу Альбе 18 октября 1944 г. назвал «нашим добрым другом».

24 мая 1944 г. Черчилль произнес в палате общин речь, призывая отнестись с признательностью к Испании за то, что она не поддавалась угрозам и давлению Германии, в противном случае положение союзников серьезно бы осложнилось. По его словам, накануне высадки союзников в Северо-Западной Африке «испанцы оставались абсолютно спокойными, ничего не спрашивали. Следует делать различие между тем человеком, который сбил вас с ног, и тем, который вас не трогал».

Столкнувшись с волной негодующего протеста после своего выступления, Черчилль, тем не менее, не менял своей позиции, полагая, что Англии потребуется поддержка Испании на европейском континенте после войны.

Многие политические деятели считали Франко недалеким и ограниченным диктатором. Не исключено, что он сознательно поддерживал такую репутацию. На самом деле Франко всегда очень тонко чувствовал политическую ситуацию и умел предугадывать ход развития событий. Вот как он оценивал перспективы послевоенного устройства мира: «Если Германия будет уничтожена и Россия укрепит свое господство в Европе и Азии, а Соединенные Штаты будут подобным же об-

разом господствовать на Атлантическом и Тихом океанах как самая мощная держава мира, то европейские страны, которые уцелеют на опустевшем континенте, встретятся с самым серьезным и опасным кризисом в своей истории».

Несмотря на всю свою проницательность и изворотливость, Франко не сумел придать своему режиму респектабельности в глазах внешнего мира. В стране конечно же царил тоталитаризм. Испанские газеты не публиковали не только ни одной критической статьи о Франко, но даже ни единой строчки, которая могла показаться неприятной. О Франко можно было писать только в превосходной степени. Сам диктатор с удовольствием принимал неумеренные восхваления, и не известно ни одного случая, когда бы он хотя бы раз попытался утихомирить славящий его хор.

Газеты сравнивали Франко с Карлом V, Цезарем и Наполеоном, с Александром Македонским, писали, что он избран самим богом. Франко называли «моральным вождем антикоммунистической Европы», «поборником свободы», «защитником христианского Запада, гордостью расы, гением из гениев». Еженедельник «Мундо» был оштрафован на 5 тысяч песет за то, что не отметил день рождения Гитлера 20 апреля 1941 г.

Между тем война приближалась к уже предсказуемой развязке: победа союзников не вызывала сомнений. 24 марта 1945 г. Франко принимал верительные грамоты нового американского посла в Мадриде Н. Армюра. Диктатор заявил об угрозе новой гражданской войны в Испании. Армюр заверил, что никто в США не хотел бы видеть Испанию вновь ввергнутой в гражданскую войну, но его правительство надеется, что испанское правительство эволюционирует в соответствии с новым духом, господствующим в мире.

Франко посетовал на широко распространенные заблуждения в отношении современного испанского режима. «Фаланга, — утверждал он, — вовсе не полити-

ческая партия, а союз, объединенный общей целью лиц, заинтересованных в поддержании порядка, благоденствии страны, в развитии Испании в религиозном, культурном и экономическом аспектах. Американский посол заметил, что в испанских тюрьмах содержатся многие тысячи политзаключенных и все еще продолжают казни. На это Франко с большой горячностью возразил, что цифра в 225 тысяч политзаключенных, приводимая американской прессой, фантастична и ничего общего не имеет с действительностью: в тюрьмах Испании находятся не более 26 тысяч политзаключенных.

Франко отдал приказ разработать программу преобразования Испании. Предполагалось восстановить монархическую форму правления. Должен быть создан королевский совет, который назначит короля. Король, однако, не будет принимать на себя полномочия до тех пор, пока Франко не умрет или добровольно не оставит свой пост. Разрабатывался такой же «Билль о правах». Предполагалось отменить смертную казнь за преступления, совершенные во время гражданской войны, а также аннулировать приговоры за аналогичные преступления, предусматривающие 20-летний срок заключения, что позволит тем, кто захочет, вернуться в Испанию. Франко считал, что обещание восстановить монархию послужит одной из тех дверей, через которые ему удастся протиснуться в возрождавшийся после разгрома фашизма мир. Однако Испании пришлось пройти через многие испытания, прежде чем этот план претворился в действительность.

Чтобы добиться равноправного участия Испании в создававшемся мировом сообществе, Франко не скупился на обещания перемен ни своим соотечественникам, ни иностранным слушателям. 16 июля 1945 г., за день до открытия в Сан-Франциско учредительной конференции ООН, Франко заявил: «Испания находится на пути к политической свободе». Он выразил желание со-

трудничать с Англией и США, говорил, что никогда не был союзником Гитлера, никогда не хотел вступать в войну, и даже отговаривал Муссолини от нападения на Францию.

На другой день кортесы одобрили Хартию испанцев. Режим осчастливил страну неким подобием конституции, испанцам было обещано соблюдение основных гражданских прав, таких как неприкосновенность личности и жилища, тайна переписки. Отныне никто не мог быть арестован иначе, как в случаях, установленных законом, и вопрос о продлении ареста или освобождении должен был быть решен в течение 72 часов после задержания. Хартия декларировала свободу ассоциаций, «если они преследуют дозволенные цели», и свободу выражения идей, если они «не посягают на основные принципы государства». Механизма гарантии прав гражданина Хартия не предусматривала.

Выступая перед Национальным советом фаланги, Франко заявил, что у испанцев нет иной альтернативы, кроме выбора между режимом, который он назвал мирной революцией, и коммунизмом. Политическая система западных держав-победительниц, по мнению каудильо, также не подходила для испанцев, ибо испанская история свидетельствует, что всякая попытка импорта любой внешней доктрины обречена на провал в силу своего несоответствия национальному характеру и традициям

Еще через два дня был реорганизован правительственный кабинет. Впервые генеральный секретарь Национального движения (фаланги) не получил министерского портфеля. Но все было тщетно: международное сообщество отказалось принять в свои ряды Франко, а значит и Испанию.

20 июля на потсдамской конференции было заявлено: «Три правительства считают себя, однако, обязанными разъяснить, что они со своей стороны не будут поддерживать просьбу о принятии в члены (ООН), за-

явленную испанским правительством, которое, будучи создано при поддержке держав «оси», не обладает ввиду своего происхождения, своего характера, своей деятельности и своей тесной связи с государствами-агрессорами качествами, необходимыми для такого членства».

Когда 9 февраля 1946 г. Генеральная ассамблея ООН объявила «моральный бойкот» Испании, Франко с балкона муниципалитета в Сеговии бросил в толпу слова: «Если наша добрая воля не понята и мы не можем жить, глядя на внешний мир, мы будем жить, глядя внутрь». 1 марта 1946 г. правительство Франции закрыло границу с Испанией. Правительства Великобритании, Франции и США в совместной декларации заявили: «Уход Франко должен произойти мирным путем, фаланга должна быть распущена, должно быть учреждено переходное правительство, при котором испанский народ мог бы свободно решать, какой образ правления он желает, и выбрать своих лидеров».

9 декабря 1946 г. в ООН началось обсуждение резолюции, рекомендовавшей странам-членам ООН отозвать послов из Мадрида и впредь не принимать Испанию ни в ООН, ни в специализированные учреждения ООН, пока существует режим.

Однако Франко был полон решимости защищать до самой смерти позиции, им завоеванные. Он осудил сам факт обсуждения резолюции как вмешательство во внутренние дела Испании. Его слова находили своих слушателей. Люди, собиравшиеся на выступления каудильо, приносили с собой плакаты: «Богатый или бедный, не забудь, что ты испанец».

Франко удержался у власти, ловко используя два рычага: чувство горечи за унижение национального достоинства и страх перед возможностью возобновления гражданской войны.

Чтобы ликвидировать разрозненные очаги партизанского движения, существовавшие еще с 1939 г., было реорганизовано Главное управление безопасности. Оно

взялось за «дезактивацию» вооруженных подпольных групп, зачастую исповедовавших коммунистические идеи. В результате активных действий Главного управления безопасности в 1950 г. партизанского движения уже практически не существовало.

Франко закрыл границы не только для проникновения извне, причем лиц с сугубо мирными намерениями, но и для выезда. Разрешение на въезд и выезд из страны мог дать ни больше ни меньше как министр иностранных дел: об этом свидетельствуют многочисленные прошения на его имя, сохранившиеся в архивах министерства. Эти прошения были подписаны коммерсантами, служащими Института национальной индустрии, священниками, реже — родственниками проживавших за границей испанцев,

Экономическая блокада страны всей тяжестью легла на плечи простых испанцев. В Испании нарастала нищета и бедность, люди жили на грани голода. Рост социальной напряженности стал угрожать режиму.

Это побудило Франко к форсированным поискам выхода Испании из изоляции. Через Европу выход был закрыт. Оставались США.

В интервью американскому журналисту К. Сульцбергеру 11 ноября 1948 г. Франко заявил, что у Испании всегда были трезвые и сердечные отношения с США. Он выразил желание улучшить их. Он говорил, что «существует лишь одна альтернатива в мире социального кризиса — марксизм и путь решения проблем, на которых покоятся принципы западной цивилизации. И этому второму пути стремится следовать испанское правительство». Что касается «плана Маршалла», заявил каудильо, то Испания не намерена участвовать в нем, так как другие народы не хотят делиться с нею продовольствием. «Испания предпочитает прямые отношения с США, что даст ей возможность избежать политических затруднений».

26 сентября 1953 г. было подписано испано-амери-

канское соглашение об обороне, экономической помощи и об обеспечении взаимной безопасности. Но вершиной своей дипломатической карьеры Франко считал визит в Испанию Д. Эйзенхауэра 21 декабря 1959 г. Прием, который мадридцы оказали Эйзенхауэру, Франко назвал «настоящим национальным плебисцитом и референдумом по вопросу о моей внешней политике».

К этому времени режим приобрел почти респектабельный вид: 15 декабря 1955 г. Испания была принята в члены ООН. Это далось Франко нелегко: ООН трижды отказывалась признать Испанию своим полноправным членом.

В 1947 году после референдума Испания стала королевством, но своего будущего монарха страна получила лишь в 1961 г. Путь к этому был долгим и сложным.

Фалангисты всегда открыто выступали против монархии вообще и династии Бурбонов в особенности. Несмотря на их противодействие, 18 января 1955 г. принц Хуан Карлос, внук Альфонса XIII, умершего в 1941 г, прибыл в Мадрид. Принц был компромиссной фигурой. Франко не соглашался на кандидатуру сына Альфонса XIII — графа Барселонского. Диктатор не мог простить графу его нападок на франкистский режим.

Хуану Карлосу на момент прибытия в Испанию исполнилось 17 лет. Франко сам составил учебный план будущего монарха: военные училища, академия Генерального штаба. В 1959 г. Хуан Карлос получил звание лейтенанта пехоты и авиации и старшего лейтенанта флота. Но более всего Франко был озабочен воспитанием будущего короля.

Вскоре после прибытия принца в Испанию он прочел ему «настоящую лекцию по моральному воспитанию». Он внушал Хуану Карлосу, что «короли должны находиться в контакте с народом, контакте как можно более непосредственном, для того чтобы знать его нужды и попытаться разрешить их», что «принц должен осознать, что вся нация смотрит на него, и он должен пред-

ставлять доказательства своей абсолютной моральности».

В 1962 г. состоялась свадьба Хуана Карлоса и греческой принцессы Софии. Молодая чета навестила диктатора. После завтрака Франко с удовольствием отметил, что принцесса говорит достаточно хорошо по-испански, очень мила, кажется разумной и очень культурной. С одобрением он отнесся и к предстоящему визиту супругов к папе Иоанну XXIII.

Франко полагал, что Хуану Карлосу следует продолжить изучение различных предметов в сфере экономических и политических наук. «Это можно осуществить только в Испании, посещая различные университеты и школы, возможно чаще присутствуя в аудиториях. Для этого нужно жить в стране как можно больше».

23 июля 1969 г. Хуан Карлос был назначен Франко и утвержден кортесами будущим королем Испании в соответствии с Законом о престолонаследии.

Второй идеей того устройства, которое Франко желал оставить Испании, была модернизация экономики. Франко говорил в середине 50-х, что заводы устарели, отстали в своем развитии и военные инженеры-конструкторы. Каудильо ориентировал молодежь на изучение физических и химических наук, особенно на исследования в области ядерной физики. Последняя идея пришла Франко в голову под влиянием успехов Советского Союза по изучению и практическому применению ядерной энергии.

Если поначалу диктатор проявлял озабоченность преимущественно отсталостью военной промышленности, то затем он подверг критике саму экономическую концепцию, господствовавшую еще со времен гражданской, и, особенно, второй мировой войны, речь шла о «концепции экономического национализма», основе автаркии, обусловленной как внешними обстоятельствами, так и победой в вековом споре «испанистов» над «европеистами». Практическую реализацию этой кон-

цепции осуществлял орган государственного регулирования — Институт национальной индустрии (ИНИ), возглавлявшийся другом детства диктатора — Хуаном Санчесом. В 1956 г. Франко пришел к выводу, что экономические законы Испании устарели, так как многие из них были приняты в эпоху, когда еще живы были Гитлер и Муссолини. Он счел, что их надо модернизировать, сделав более гибкими.

Франко встретил яростное сопротивление со стороны ИНИ, но не посчитал его слишком серьезным. Он знал, что крупная испанская буржуазия, окрепшая в годы восстановительного периода, завершившегося к этому времени, была готова пойти на ограничение гарантированных инвестиций и иных форм поддержки со стороны государства, на более широкое присутствие иностранного капитала ради восстановления экономических и политических связей с Западом. Она осознавала, что период 1939–1953 гг. представлял собой долгий паралич испанского общества, в результате которого оно оказалось вне европейского пути развития.

В реорганизованном в феврале 1957 г. правительственном кабинете многие важнейшие посты заняли министры-технократы, как они сами себя называли, близкие к светской полусекретной организации «Опус деи». Рьяные адепты теории «развития», весьма популярной в период западноевропейского промышленного бума 50-х — начала 60-х гг., согласно которой взгляды правительств различных стран, независимо от политического режима и идеологической ориентации, совпадают в отношении программы экономического развития, технократы были вместе с тем сторонниками сильной политической власти, включая и ее авторитарные формы. Их выдвижение на авансцену политики усиливало вероятность того, что раздававшиеся в те годы призывы к либерализации общества и прежде всего к освобождению от политического наследия «го-

лубого периода», будут канализированы в русло экономики, обойдя демократизацию политической и социальной сфер.

Франко не испытывал больших колебаний, вручая технократам судьбу экономики страны, поскольку был осведомлен, что «Опус деи», будучи сугубо элитарным течением, никогда не был повернут к массам, а поэтому его программа не была «осквернена» социальными мотивами, а политика — популистскими тенденциями. Кроме всего прочего, у технократов был большой козырь в лице адмирала А. Каррера Бланко, который поддерживал «опусдеистов». Бланко, занимая с 1941 г. скромный пост заместителя секретаря президиума правительства, являлся, по существу, «серым кардиналом» режима. Но как всякий «серый кардинал», он скрывал до поры до времени свои деяния. До самой смерти Франко единственным человеком, который имел с ним ежедневные контакты, был Каррера Бланко.

Самым решительным шагом модернизации явилось подписание «Плана экономической стабилизации» в 1959 г. Путь к модернизации, по мнению авторов плана, лежал через приватизацию крупной собственности и ограничение всевластия Института национальной индустрии. Друга детства Санчеса — председателя ИНИ — пришлось отправить в отставку.

Не все, предусматривавшееся в планах развития, было выполнено. Но и то, что удалось осуществить, резко изменило облик страны: в начале 70-х гг. Испания заняла пятое место в Западной Европе по объему промышленного производства. Во многом эти планы финансировались за счет доходов от туризма, возросших с 385 млн. долларов в 1961 г. до 2,5 млрд. долларов в 1972 г.

К началу 70-х гг. все еще оставались огромные лакуны, не закрытые национальным капиталом. По мнению технократов в правительстве и вне его, они могли быть ликвидированы только иностранным капиталом. На

смену ультранациональным страстям, подогревавшимся в свое время Франко, пришли призывы шире открыть двери во внешний мир. Однако официальная просьба о принятии Испании в ЕЭС, направленная в феврале 1971 г., была отвергнута.

Оппозиция, неузаконенная, но практически существовавшая, называла модернизацию экономики консервативной. И не только потому, что все еще давали о себе знать и старые структуры управления экономикой, и технологический разрыв с передовыми странами мира. Бурный экономический рост не улучшил социальных позиций низших классов, что стало большим препятствием для создания третьего опорного камня будущего страны — национального консенсуса, который был задуман Франко как база реформированного, обновленного режима.

Со времени окончания гражданской войны Франко не уставал много лет повторять слова, сказанные им 17 сентября 1939 г.: «Победила Испания, поражение понесла анти-Испания». Победители не знали пощады. Не могли смягчить жестокие репрессии даже просьбы Ватикана и испанской церковной верхушки, поддержкой которых Франко так дорожил. Но со временем идея примирения стала все больше и больше пробивать себе дорогу к сердцам испанцев.

Во многом это произошло благодаря тому, что на авансцену общественной и политической жизни Испании вышли те, кто не участвовал в войне. Выросло новое поколение. Впервые бывшие победители и побежденные (эти слова можно было бы взять в кавычки) оказались вместе в феврале 1956 г. во время массовых студенческих волнений.

Франко со свойственной ему интуицией решил перехватить носившуюся с воздухе идею примирения «двух Испаний». «Материальным» воплощением того, как диктатор представлял себе преодоление пропасти между «двумя Испаниями», может служить мемориаль-

ный комплекс в «Долине павших», сооруженный в 1959 г. в горах в нескольких милях от Эскориала, где был перезахоронен прах «победителей» и «побежденных».

В течение 60-х гг. была снята уголовная и политическая ответственность с участников гражданской войны. Еще раньше в страну стали возвращаться политэмигранты. В 1966 г. была ослаблена цензура. Но все же оставалось то, через что Франко так и не смог переступить. Он был убежден, что целью испанских коммунистов было «провозглашение на пиренейском полуострове коммунистической республики под руководством Ларго Кабальеро или Прието».

20 ноября 1975 г. Франко умер. В завещании, оглашенном по радио на другой день после его смерти, было сказано: «Да простят меня все, как и я сам от всего сердца прощаю всех, называвших себя моими врагами, хотя я в них таковых не видел».

ХАЙЛЕ СЕЛАССИЕ I (1892–1975)

Хайле Селассие I — император Эфиопии, самодержавно властвовавший 30-миллионным населением империи, в которой проживало 70 народов. Хайле Селассие — тронное имя могущественного феодала Тэфэри Мэконнына. Он родился 23 июля 1892 г. Его отцом был рас (феодальный титул в Эфиопии) Мэконнын — влиятельный губернатор провинции Харэрге, крупный военачальник и дипломат конца XIX начала XX века, которому многие в Эфиопии прочили престол в случае ухода из жизни царствовавшего тогда Менелика II — (1889–1913). Рас Мэконнын и Менелик II двоюродные братья — являлись потомками негуса Сахле Селассие (1795–1847), могущественного правителя провинции Шоа, вокруг которой уже при Менелике II объединились все эфиопские земли. Происхождение и родственные связи с Менеликом II выделяли Тэфэри среди большинства сверстников. Тринадцати лет от роду он приобрел первые навыки управления, руководя небольшим районом Гара Мулата, в 30 километрах от города Харэр. Правда, рас Мэконнын приставил к сыну советника — преданного ему фитаурари Колача. Немного позднее отец даровал Тэфэри один из самых высоких военно-феодальных титулов — дэджаз мач. Менелик II без возражений утвердил пожалование.

Рас Мэконнын уделял большое внимание воспитанию и учебе сына. Он считал, что тому необходимо получить современное образование. Рас видел опасность закабаления страны развитыми странами и поэтому ратовал за ее модернизацию. Он целенаправленно растил из сына будущего руководителя страны.

От отца Тэфэри получил первые уроки закулисных

интриг, придворного соперничества, чиновничества, властолюбия и управления людьми. Отец же внушил ему идеи реформаторства. Юный Тэфэри обучался французскому языку, после чего рас Мэконнын определил сына в миссионерскую школу капуцинов. К тому времени Тэфэри получил традиционное церковное образование, умел читать и писать на языке амхара и на языке геэзе — языке Эфиопской церкви.

Около полутора лет он обучался и в специально созданной Менеликом II школе для детей аристократов. В последующие годы он пополнял свои знания, читая художественную и публицистическую литературу, общаясь с выдающимися учеными, художниками, писателями, политическими деятелями. Он хорошо говорил и писал на французском и английском языках, знал итальянский, разбирался в искусстве, литературе. Его взгляды сложились в результате соединения традиционного и светского образования (притом не систематического). Заметно расширили кругозор Тэфэри состоявшиеся в отрочестве и юности многочисленные беседы с иностранными дипломатами. Эти встречи познакомили его с иной цивилизацией, иными представлениями и мировоззрением. У иностранцев, побывавших в Эфиопии, складывалось противоречивое представление о молодом феодале. Одни говорили о любознательности молодого Тэфэри, присущей ему изворотливости, умении устраивать приемы высокопоставленным иностранцам, о его привлекательности, живости и наличии разнообразных знаний. Другие утверждали, что он мягок, нерешителен и непредприимчив, что у Тэфэри нет способностей и необходимой энергии, чтобы вывести страну из состояния анархии.

Разноречивость отзывов свидетельствовала об умении Тэфэри подать себя именно в том виде, какой был ему необходим в тот или иной момент, о наличии у него необходимых для политика лицемерия и изворотливости.

После смерти раса Мэконнына Тэфэри был призван к императорскому двору. Жизнь в Аддис-Абебе еще больше обогатила его опытом дворцовой, скрытой от глаз жизни, больших политических междуусобиц, тайных контактов с зарубежными дипломатами. Сам Тэфэри в Аддис-Абебе вел активную «работу» по овладению «отцовской» провинцией Харэрге. Стремление к приобретению Харэрге обуславливалось теми широкими возможностями, какие эта провинция открывала ее правителю для личного обогащения, получения из-за границы оружия, а также для внедрения фермерского и плантационного хозяйства.

В 1910 г. Тэфэри добился своего. До 1916 г. он продолжал участвовать в дворцовых интригах, неизменно одерживая в них верх. Постепенно Тэфэри Мэконнын выдвинулся в число ведущих лидеров страны. Авторитет будущего императора неизменно рос. Правда, амбиции молодого и волевого царедворца, неудержимо стремившегося к власти, встречали противодействие консервативно настроенных крупных феодалов. Как скрытые интриги, так и открытое выражения недовольства не смогли помешать Тэфэри в сентябре 1916 г., после свержения императора Лиджа Иясу, стать регентом Эфиопии. Императрицей была провозглашена Зоудиту.

Тэфэри принимал непосредственное участие в подготовке заговора против Лиджа Иясу. К этому моменту он уже проявил себя опытным царедворцем, умеющим выжидать, вовремя отступить, ориентироваться в обстановке и занимать выигрышные позиции. Тэфэри искал и находил поддержку английской, итальянской и французской миссий в Аддис-Абебе. Опыт, приобретенный в ходе контактов с западными дипломатами, убедил его в необходимости заручиться поддержкой извне для утверждения и сохранения своей власти.

Тэфэри Мэконнын целенаправленно оттеснял императрицу Зоудиту от руководства. В 1930 г. Зоудиту

умерла. Тэфэри стал эфиопским самодержцем, сосредоточив в своих руках всю полноту законодательной, судебной и исполнительной власти, олицетворяя собой государство, действуя от имени подвластного ему народа.

К середине 20-х годов Тэфэри занял позицию лидера так называемого младоэфиопского движения, в тех условиях объективно отвечавшего задаче упрочения суверенитета Эфиопии и ее общественного и экономического развития. Младоэфиопское движение отражало объективный процесс становления абсолютизма. Младоэфиопы (небольшая часть феодалов, нарождавшейся буржуазии и интеллигенции), объединившись вокруг раса Тэфэри, выступали за создание сильного централизованного государства с высокой степенью политико-территориальной консолидации, с широкими внешними связями и определенной технической и общественной модернизацией.

Младоэфиопы намеревались постепенно реорганизовать внутреннюю администрацию, ориентируясь на образцы западной цивилизации. В довоенные годы император также интересовался достижениями Японии и находил черты сходства между двумя странами, позволяя себе иногда мечтать об Эфиопии как «возможной Японии в Африке».

На формирование взглядов Хайле Селассие оказали влияние многочисленные иностранные советники, привлекавшиеся императором на службу. Но действовали они, разрабатывая те или иные программы, как правило, в соответствии с общими установками Хайле Селассие. Не раз случалось, что он отвергал полностью или частично рекомендации иностранных советников. Он решительно воспротивился проведению аграрной реформы, в результате которой предполагалось положить конец крупному феодальному землевладению. Подобные проекты предлагались императору на протяжении всего его правления

и неизменно не находили понимания у руководителя страны.

Реформы, одобренные Хайле Селассие, тоже не всегда удавались. Еще в апреле 1917 г. был подготовлен проект модернизации страны. Большая часть проекта начала претворяться в жизнь (совершенствование госбюджета, введение национальной денежной единицы, строительство внешних и внутренних коммуникаций и др.), но очень медленными темпами. Сдерживал проведение реформ сам Хайле Селассие. Он убеждал своих помощников в том, что такие радикальные нововведения необходимо проводить осторожно, чтобы природная медлительность эфиопов позволила должным образом народу страны воспринять то новое, которое вторгается в их жизнь.

Хайле Селассие сравнивал народ с несмышленным ребенком, которого надо последовательно приучать к разнообразной пище: вначале к молоку и протертой еде, а затем уже к хлебу и мясу. Он считал, что народ нужно через просвещение вынудить отказаться от обычаев, по которым он жил в течение столетий, заставить его принять новые обычаи путем терпения и ненасильственных методов. Любое изменение, как он часто повторял в течение долгих лет правления, должно укорениться в традиционных ценностях эфиопской культуры.

Подобные подходы к вопросам модернизации страны обусловлены тем, что Хайле Селассие был до мозга костей эфиопом в широком смысле этого слова и в узком — амхара, к которым он этнически принадлежал по рождению. Он был также ревностным христианином-монофизитом, верным и стойким адептом Эфиопской церкви, при нем подчинившейся государственной власти. Хайле Селассие в целом строго следовал духовным ценностям эфиопского традиционного общества, отвергнув лишь отжившие, на его взгляд, установки. Он не мог отказаться от этноконфессиональ-

ных, социально-политических и исторических принципов, когда император рассматривался как защитник независимости страны, олицетворение ее государственного достоинства. Понимание этих качеств он впитал в себя с детских лет: рас Мэконнын готовил своего сына к самым высоким постам в Эфиопской империи.

Хайле Селассие превратил Эфиопскую империю в абсолютную монархию. Все, что предполагалось сделать в Эфиопии, должно было, по мнению монарха, исходить из императорского дворца, осеняться августейшим именем. Администрация, сверху донизу назначаемая и контролируемая монархом, была обречена на пассивность, поскольку главным, что от нее требовалось, было беспрекословное подчинение приказам Хайле Селассие.

Хайле Селассие предпочитал подбирать себе в помощники людей посредственных, а зачастую просто бездарных. На фоне таких приближенных императору легче было выступать в качестве непогрешимого вершителя судеб страны. Используя мощный и разветвленный пропагандистский аппарат, монарх старался внушить массам, что лучше всего об их нуждах знают только во дворце. Он часто повторял в выступлениях: «Император знает, что нужно народу, народ не знает этого». Для поднятия своего авторитета Хайле Селассие активно эксплуатировал традиционно-психологические воззрения народных масс на императора как символ государственности и единства страны, а также укоренившуюся в сознании народа идеологию древней книги «Слава Царей» (цикла легенд о царице Савской и царе Соломоне, о величии и божественном предназначении Эфиопии), ставшей «национальной сагой» эфиопов.

Принадлежность Хайле Селассие к Соломоновой династии широко использовалось официальной пропагандой для создания его легендарного облика. В кон-

ституции 1955 г. специально указывалось, что императорское достоинство навсегда останется привилегией рода Хайле Селассие I, потомка негуса Сахле Селассие, происходившего по прямой линии от династии Менелика I, сына царицы Эфиопии, царицы Савской, и царя Соломона Иерусалимского. Он пользовался поддержкой Эфиопской церкви, канонизировавшей божественное происхождение монаршей власти. «Хайле селассие» в переводе с амхарского означает мощь, сила Троицы. Официальный титул императора звучал так: «Лев — победитель из колена Иудова, избранный Богом, царь царей Эфиопии».

В том же русле действовало народное мифотворчество, наделявшее монархов, и Хайле Селассие в том числе, сверхъестественной силой. В 60-е годы распространились слухи, что он, прежде чем принять какое-либо важное решение, советовался с духом «ганен», живущим в озере Звай и общающимся только с императором. В одной из листовок, выпущенных в декабре 1960 г, сообщалось, что монарх живет так долго потому, что пьет кровь 20-летних девушек. Не только в сельской местности считалось, что Хайле Селассие контролирует силы природы, управляет стихией, но и в городах образованные люди полагали, что удача или неудача в их жизни зависит от того, появится или нет солнце в тот момент, когда во время сезона больших дождей император возвращается из своих поездок по провинциям. Миф о якобы существовавшей связи Хайле Селассие с потусторонними силами официально поддерживался властями: ни разу они не выступили против доходивших до дворца подобных домыслов. Да и сам монарх не противился им, хотя это явно противоречило его имиджу просвещенного монарха. Склонность к традиционализму сказалась и здесь.

Хайле Селассие стремился возвысить трон над обществом, придав ему надклассовый, надрелигиозный и надэтнический характер, представление о том, что

он отец нации, ее высший арбитр, умудренный повелитель, долго и стойко держалось в общественном сознании. Он намеренно понуждал своих приближенных к постоянному соперничеству в погоне за его благосклонностью, насаждал противоборствующие группировки на всех уровнях государственной администрации. Хайле Селассие старался не позволять никому занимать высокий пост в течение длительного времени, чтобы чиновник не мог укрепить личные позиции и создать тем самым угрозу позициям самого монарха. Хайле Селассие держал армию вне общественных интересов, сведя ее деятельность исключительно в русло слепого подчинения императорской воле. Известна его реакция на просьбу одного из сопровождавших его генералов об улучшении положения крестьян: «Экономика — не ваша забота».

В армии, как и в государстве в целом, подавляющее большинство руководящих должностей, в соответствии с курсом Хайле Селассие, занимали амхары и христиане, прежде всего монофизиты. Он всемерно стремился укреплять доминирующее положение феодалов центральной провинции Шоа и юга, Эфиопской церкви и амхара. Амхары занимали чуть ли не все руководящие должности в стране сверху донизу. Правда, привлекались и отдельные представители оромо, тиграи и некоторых других народов. Такой дискриминационный курс, активно проводившийся монархом, не мог не вызвать недовольства в стране, хотя в своих речах он неоднократно говорил о равных правах и возможностях всех народов Эфиопии, независимо от этнической и конфессиональной принадлежности, а также о национальном единстве как инструменте прогресса страны. Декларативность подобных заявлений при столкновении с реальной жизнью становилась очевидной.

Почти две трети XX столетия в истории Эфиопии связаны с именем Хайле Селассие. Наибольшей попу-

лярностью он пользовался в начале своего правления, до того момента, когда в стране окончательно сложилась абсолютистская форма правления. В 20–30-е годы Хайле Селассие всячески способствовал развитию своей страны. В это время был предпринят ряд прогрессивных шагов, в частности, открыты два десятка школ, введена конституция, создана типография, появилось большое количество новых газет и журналов. В 1923 г. Эфиопия вступила в Лигу Наций.

Реформаторство Хайле Селассие и в 20–30-е годы и в период 40–60-х годов представляло собой несомненное движение вперед. На Западе в среде политологов высказывается мнение, что император достиг наивысшей популярности в Эфиопии в 1941–1957 гг., то есть практически в те годы, когда в стране утверждался абсолютизм, законодательно закрепленный в конституции 1955 г.

В глазах многих у себя в стране и за рубежом Хайле Селассие предстал то тщедушным человечком, то могущественным самодержцем, то ненавистным и беспощадным тираном, каравшим за любое проявление инакомыслия, то растерявшимся, безвольным царьком, покорно и молчаливо принимавшим удары судьбы, но всегда осторожным, хитрым, ловким и злопамятным умницей. Он отличался внешней мягкостью манер, набожностью. Тонкие черты лица, изящные манеры и личное обаяние помогли ему надежно скрывать хватку искуснейшего политика, умевшего быть беспощадным, двуличным, криводушным.

Внешне Хайле Селассие всегда был спокоен, сохранял величественность и августейшую строгость, никогда не раздражался, не гневался, владевшие им чувства никогда не проявлялись внешне. Этот вежливый, благородный, с чувством собственного достоинства и доступный человек небольшого роста умел в случае необходимости наводить ужас на своих министров. Притчей во языцех стала его старческая привязанность

к маленькой японской собачке Люлю, смерть которой вызвала неопишное горе монарха. И это при том, что он никогда не боялся быть суровым, не страдал, когда выносил приговор, потому что всегда был уверен в его справедливости.

Хайле Селассие был не лишен чувства юмора, нередко был язвителен и ироничен. Известно, что когда во время его последнего визита в США (май 1973 г.) ему показали в эфиопском посольстве в Вашингтоне составленное на него американскими спецслужбами досье, Хайле Селассие, ознакомившись с описанием его здоровья, по своему обыкновению еле слышно, с иронией, сказал: «Да, у меня здоровье неважное, причем настолько, что я пережил нескольких американских президентов». По поводу эфиопских студентов, нанесших серьезный материальный ущерб посольству своей страны во время демонстрации протеста в связи с визитом императора и направленных американским судом на дорожные работы, Хайле Селассие заметил: «Я учил их у себя в стране, платил им здесь, в США, за учебу, а дороги они могут строить и у меня». После этого он попросил отпустить их для продолжения учебы.

В жизни Хайле Селассие было немало ситуаций, требовавших от него, как от императора, напряжения всех сил, принятия тяжелых, непопулярных решений. Самым тяжелым испытанием для режима Хайле Селассие стала итальянская агрессия в Эфиопии 1935 г. Муссолини для укрепления авторитета внутри Италии требовалась большая победа, и он ее получил. В сражении при Май-Чоу 31 марта 1936 г. эфиопская армия была разбита наголову. Путь захватчикам на Аддис-Абебу был открыт. Хайле Селассие со смятением говорил своему военному советнику, бывшему российскому полковнику Коновалову: «Я не понимаю роль Лиги Наций. Она, по видимому, бессильна» Император впал в прострацию, не знал, что делать, жаловался на головные боли. Спра-

вившись со смятением, Хайле Селассие нашел выход. После длительных колебаний он решился покинуть столицу, отправившись в изгнание в Англию, чтобы потом лично принять участие в заседаниях Лиги Наций, повлиять на обсуждение вопросов, связанных с итало-фашистской агрессией.

Отъезд императора вызвал потрясение в стране. Хайле Селассие нарушил эфиопскую традицию: никогда еще ни один император Эфиопии, как бы трагически ни складывалась его личная судьба, не покидал страну в час испытаний, но внешние и внутренние условия в середине 30-х годов XX в. были далеко не те, что в прошлые столетия. Гибель или пленение итальянцами Хайле Селассие, оставшегося в массовом сознании символом государственности и независимости, еще более отрицательно воздействовали бы на эфиопское Сопротивление. Не случайно итальянцы неоднократно распространяли в Эфиопии ложные слухи о смерти Хайле Селассие.

Длительное отсутствие императора в Эфиопии, истекавшей кровью в партизанской войне с оккупантами, ослабило его позиции в стране, среди руководителей эфиопского Сопротивления даже обсуждался вопрос о ликвидации в послевоенное время монархии. Императору пришлось приложить немало усилий, чтобы предотвратить реализацию этого намерения. Впоследствии, уже возвратившись в страну, утвердив вновь свою власть, он жестоко расправился с теми, кто отстаивал в партизанские годы идею республиканского устройства. Во внешней политике Хайле Селассие всегда ориентировался на ту или иную развитую державу. До итало-фашистской агрессии 1935 г. это были Англия, Франция и Италия, на последнем этапе освободительной борьбы против оккупантов и в первые годы после их изгнания — Англия, а затем США. Это отнюдь не означает, что другие страны оставались вне его поля зрения.

Хайле Селассие непосредственно знакомился с жизнью разных стран во время своих зарубежных поездок, встречался с крупнейшими государственными, политическими и общественными деятелями. За свое длительное правление он посетил чуть ли не все страны Запада, Востока, афроазиатского и латиноамериканского мира, притом порой многократно. В Аддис-Абебе побывали официально и неофициально главы многих государств и правительств. В далеко не полный перечень тех видных руководителей, с которыми общался Хайле Селассие, входят Ф. Рузвельт, Д. Эйзенхауэр, У. Черчилль, Ш. де Голль, Ж. Помпиду, Дж. Кеннеди, Н.С. Хрущев, И.Б. Тито, Джавахарлал Неру, Индира Ганди, шах Мохаммед Реза Пехлеви, король Заир-шах, Гамаль Абдель Насер, Х. Бумедьен.

Начало многочисленным зарубежным поездкам Хайле Селассие было положено еще тогда, когда он, будучи регентом, в 1923 г. по приглашению английского генерал-губернатора посетил Аден и в 1924 г. совершил многомесячный (апрель-сентябрь) визит в западноевропейские страны: Францию, Бельгию, Швецию, Италию, Грецию и Швейцарию. Эту поездку иногда приравнивают по значению к пребыванию Петра I за границей. Во время этой поездки тогда еще Тэфэри Мэконнын, а не Хайле Селассие не мог не обратить внимания на значительный контраст между Эфиопией и Европой.

Он сознательно включил в состав своей делегации наряду со своими сторонниками представителей консервативных кругов, стараясь таким образом показать им существующий экономический разрыв между Эфиопией и развитыми странами и побудить их к отказу от сопротивления ее обновлению.

Многообразие внешнеполитических контактов Хайле Селассие практически вывело страну из изоляции, в какой она пребывала в течение столетий, а также воздействовало, часто в позитивном плане, на внутренние процессы.

Сконцентрировав свое внимание на международной деятельности, Хайле Селассие рассчитывал снискать признание как активный поборник мира, как миротворец в конфликтных ситуациях. Его посредническая деятельность повышала не только личный авторитет императора, но и престиж самой Эфиопии.

День 80-летия Хайле Селассие в 1972 г. ОАЕ объявила торжественным днем по всей Африке, а в сентябре 1973 г. в Алжире, на первом заседании IV Конференции неприсоединившихся стран, по предложению президента Замбии К. Каунды зал стоя приветствовал Хайле Селассие как виднейшего деятеля движения неприсоединения и борца за свободу Африки. Даже в июне 1974 г., когда его позиции в стране значительно ослабли, сомалийская делегация, добиваясь избрания тогдашнего государственного секретаря по иностранным делам Сомали Омара Артеха Галеба на пост Генерального секретаря ОАЕ, ссылаясь, в частности, на одобрение этой кандидатуры Хайле Селассие.

Авторитет монарха не ограждал его от критики со стороны государственных деятелей ряда стран. Шведское правительство грозило, что, если в Эфиопии не будут предприняты радикальные меры в области аграрных отношений, оно прекратит ей помощь в организации сельскохозяйственного производства. Резко отзывалась об Эфиопии и ее руководителе Ливия в начале 70-х гг., потребовав даже в мае 1973 г. на X сессии глав государств и правительств Африки перенести штаб-квартиру ОАЕ из Аддис-Абебы в Каир. Наибольшую критику вызывал политический и социальный анахронизм государственного строя в Эфиопии. Нобелевский комитет отказался присудить Хайле Селассие Премию мира за 1964г. Одной из причин этого стало упорное нежелание императора демократизировать управление обществом.

Став абсолютным монархом, он не переставал укреплять репрессивный аппарат, при помощи кото-

рого подавлял любое инакомыслие, любую критику в свой адрес, любой намек на посягательство на монаршую власть. В качестве уступки цивилизованному обществу в новой конституции Эфиопии, принятой в 1955 г. были провозглашены демократические свободы. Но ни один эфиоп, будучи в здравом уме, не отважился бы публично потребовать отставки какого-либо должностного лица. Ни один эфиоп, какое бы он не получил образование, не рискнул бы написать письмо в газету с критикой государственного чиновника или правительственной политики в целом, и ни одна эфиопская газета не напечатала бы такое письмо, даже если бы она получила его.

Император распоряжался судьбами людей по своей прихоти, но всегда исходя из интересов самодержавия. Хайле Селассие отличало властолюбие и коварство. По монаршему повелению низвергались или возносились царедворцы, фавориты, плелись многие интриги, расцветало доноительство, подбирались инертные, бесцветные администраторы, на всех ступенях государственной лестницы изгонялись и даже уничтожались толковые и активные чиновники. Вследствие такого подхода Хайле Селассие к концу своего правления погряз в дворцовых интригах.

В многочисленных научных и публицистических работах, издававшихся в Аддис-Абебе, отсутствовал критический подход в освещении деятельности Хайле Селассие. Его портрет рисовался в розовых тонах. Преобладали сообщения о зарубежных поездках, о растущем международном авторитете монарха. При Хайле Селассие пресса, политическая и историческая литература в стране имели, по существу, придворный характер, так как отражали официальную концепцию ее развития, состоявшую в том, что вся деятельность монарха направлена на благо народа, что все, связанное с его именем, свято и не подлежит критике. Хайле Селассие не раз шел на умышленное

сокрытие от мировой общественности фактов ужасающей нищеты в своей стране, голода, массовой смертности в годы засух.

В то время, когда люди умирали от голода, только в 1967-1973 гг. император потратил на зарубежные поездки и пышные приемы в честь приезда высокопоставленных иностранцев 13,2 млн. долларов.

Хайле Селассие не упускал возможности личного обогащения, не брезговал казнокрадством, снисходительно относился к коррупции чиновников. В 1941–1974 гг. он роздал знати 557 строений, сооруженных на государственные средства либо оставшихся в стране после изгнания итальянских оккупантов и построенные ими, он изымал из казны в свою пользу ежегодно по 500 тыс. долларов, его семья присвоила почти все земли в плодороднейшей долине реки Аваш. По разным источникам суммы личных вкладов императора в зарубежных банках составляли от 3 до 10 млрд. долларов, называлась даже цифра 50 млрд. долларов.

Государственный или смешанный статус ряда предприятий, компаний служил прикрытием для предпринимательской деятельности членов императорской фамилии, аристократии, высшей бюрократии и самого монарха. Император очень преуспел в предпринимательской деятельности. Хайле Селассие уже в 30-е годы владел частным банком в Аддис-Абебе, имел крупные капиталовложения в мусульманских магазинах, открывшихся в разных городах страны, а также ссужал правительственным учреждениям деньги под высокий процент. С начала 60-х годов правящий режим в Эфиопии оказался в полосе постоянного кризиса. Несмотря на все реформаторские усилия Хайле Селассие предыдущих годов, Эфиопия безнадежно отставала в экономическом развитии от ведущих стран Запада. Большие массы населения нищенствовали, умирали от голода и лишений. Даже многие развивав-

шиеся страны и те опережали Эфиопию по своим социально-экономическим показателям.

В стране ширилась оппозиция монархии. Новые социальные силы, отвергавшие феодально-монархическое устройство страны, все решительнее заявляли о себе.

В декабре 1960 г. состоялась попытка государственного переворота. Восстали части императорской гвардии. Мятеж возглавил командующий гвардией, бригадный генерал Мэнгысту Ньуай и его брат Гырраме. Мэнгысту, тяжело раненного в ходе подавления восстания, схватили, вылечили, предали суду, а потом повесили на рыночной площади в столице. Немало участников неудавшегося переворота было отправлено в тюрьмы, на каторжные работы; в армии, полиции, службе безопасности провели чистку. Всех подозревавшихся в соучастии мятежникам выслали в отдаленные районы.

Как бы жестоко ни подавлял Хайле Селассие все выступления (а они сопровождали всю его политическую жизнь), всегда находились силы, которые стремились его сместить. Прямой террор не всегда помогал. Императору приходилось использовать демократическую фразеологию и лицемерие.

Антиимператорское выступление Мэнгысту Ньуая и его сторонников Хайле Селассие пытался представить как дело рук «небольшой изолированной группы офицеров», объявившей о своем желании покончить с деспотизмом и нищетой, что перекликалось, по словам монарха, «с осуществлением программы прогресса в области просвещения, здравоохранения и общественного благополучия, которая давно уже выполняется», то есть цели заговорщиков якобы совпадали с уже реализуемыми императорским режимом задачами, а потому и оснований для их акции не было. Слова оставались только словами. Протест в стране нарастал. В этих условиях Хайле Селассие не

смог выдвинуть никаких общенациональных ориентиров, никакой сколько-нибудь существенной политической программы, учитывавшей реальности страны и мирового развития в 60–70-е годы. Он по-прежнему делал ставку на абсолютистско-монархические принципы, а также на христианские догмы. Неизменна была и его позиция в отношении Запада. Еще в 1954 г., выступая в конгрессе США, Хайле Селассие подчеркивал: «Мы имеем глубокую ориентацию на запад». Он неоднократно подчеркивал также, что его царствование следует рассматривать как «мост между первыми и последующими стадиями развития». При этом речь шла о постепенном, эволюционном перерастании феодализма в капитализм при сохранении политической власти за монархической верхушкой.

В 1962 г. Хайле Селассие попытался облечь принципы и цели своего правления в «доктрину демократического общества», согласно которой предусматривался «переход от феодализма к демократии» и ликвидация феодализма без кровопролития, при уважении принципов частного землевладения. Стали даже поговаривать о преобразовании страны по образцу Великобритании в парламентскую монархию. Впоследствии, однако, ни сам монарх, и никто другой из руководства страны ни разу не сослались на эту доктрину, не говоря уже о том, чтобы организовать на ее основе политическое движение. Императорский режим, запрещая всякую организованную политическую деятельность, не имел и собственной партии, что ослабляло политическую систему абсолютной монархии, ограничивало возможности ее идейно-политического воздействия на широкие массы.

3 ноября 1967 г. Хайле Селассие в ответ на вопрос корреспондента Франс Пресс о конечной цели его правления заявил: «Пробудить в нашем народе понимание современности, вызвать в нем стремление к

прогрессу, стимулировать желание улучшить условия своей жизни — такова задача, к выполнению которой мы стремились всю жизнь». На исходе 60-х годов он повторил взгляды сорокалетней давности. Время не коснулось их. Даже передав в 1966 г. некоторые прерогативы исполнительной власти премьер-министру, он продолжал внимательно следить за работой правительства и многократно вмешиваться в его деятельность, подтверждая тем самым, что является главой исполнительной власти в стране. Более того, Хайле Селассие специально реорганизовал личный кабинет, препоручив ему, несмотря на сопротивление министров, многие правительственные функции, в том числе контрольные. Мнение этого органа императорской власти после одобрения Хайле Селассие имело решающее значение. Фактически премьер-министром был сам император. Другим реальным премьер-министром была старшая дочь монарха Тэнанье Уорк, которая меняла решения Совета министров по своему усмотрению.

1974 год стал последним годом 44-летнего правления Хайле Селассие. Начиная с февраля 1974 г. император столкнулся с массовым народным протестом и переходом армии на революционные позиции. Хайле Селассие пришлось пойти на значительные уступки военным, соглашаясь с теми или иными их действиями: арестом видных сановников из его ближайшего окружения, крупных правительственных чиновников, включая министров и бывших премьеров, роспуском его личной канцелярии, охраны, военного штаба при нем и т. п. Специальная комиссия, созданная императором, представила в августе проект, содержавший положения о значительном ограничении монаршей власти. Но ничего уже не помогало.

11 сентября 1974 г., в канун Нового года по эфиопскому летоисчислению, Координационный комитет вооруженных сил, полиции и территориальной армии

(ККВС) заявил по радио, что «Хайле Селассие не заслуживает больше доверия эфиопского народа». Монарх тогда же был обвинен в коррупции и финансовой нечистоплотности, а также в том, что отказался сотрудничать с ККВС, отвергнув требования военных вернуть эфиопскому народу огромные средства, хранящиеся на его личных счетах в иностранных банках. 1 сентября в 8 часов утра военные объявили Хайле Селассие низложенным, сославшись на его неспособность вывести страну из тяжелого положения. Арестованного монарха отвезли в «специально подготовленное место», где он и скончался в августе 1975 г.

ХОДЖА ЭНВЕР (1908–1985)

Энвер Ходжа был коммунистическим диктатором Албании. Создал режим сталинского типа. Правил страной в условиях практически полной международной изоляции.

Энвер Ходжа родился в октябре 1908 г. в южной Албании (г. Гирокастра) в семье служащих. Отец был известным адвокатом, преподавал французский язык в корчинском лицее. Мать была учительницей музыки. В то время Албания являлась турецкой колонией, и семья Ходжа была в числе тех, кто составлял оппозицию турецкому господству.

В 1926 г. Ходжа окончил начальную школу в Гирокастре, а в 1930 г. лицей в г. Корче. Он увлекался музыкой, писал стихи, организовывал диспуты и литературные вечера. К 25 годам Энвер, успевший овладеть французским и турецким языками, публиковался в прессе и начал знакомиться с трудами Маркса, Энгельса и Ленина.

В 1930 г. он поступил на факультет естественных наук университета в Монпелье (Франция), который окончил с отличием в 1934 г. В этом же году Ходжа познакомился во Франции с деятелями албанской секции Французской компартии (А. Кельменди, О. Нишани, А. Рустеми и др.), а также с такими видными коммунистическими деятелями как М. Кашен, М. Торез, А. Барбюс, Л. Арагон. Ходжа сотрудничал в «Юманите», редактировал албанский коммунистический бюллетень. Он восхищался деятельностью Сталина и ВКП(б), считая, что Албании нужна именно такая партия. Он усердно переводил на албанский важнейшие речи Сталина, постановления большевистской партии, выступления лидеров Коминтерна.

Энвер Ходжа, будучи членом Французской компар-

тии, в 1935–1936 гг. побывал в Бельгии, где вступил в Бельгийскую компартию, публиковался в ее печатных органах. В своих статьях Ходжа обрушивался на троцкистов, бухаринцев, «албанских монархо-фашистов» (в 20-х гг. в Албании утвердился монархический режим А. Зогу). Греческая и итальянская секции Коминтерна помогли Ходже наладить связи с коммунистическим подпольем в Албании, которое стремилось сформировать свою коммунистическую партию.

Весной 1936 г. Энвер Ходжа возвратился в Албанию. До осени 1937 г. он преподавал французский язык в корчинском лицее. Ходжу избрали в руководящий состав коммунистических групп в Корче и Тиране, а в своем родном городе Гирокастре он возглавил такую группу.

В 1938 г. в парижской больнице умер от чахотки лидер корчинских коммунистов А. Кельменди. Ходжа, поддержанный греческой и французской секциями Коминтерна и лично Г. Димитровым, возглавил эту группу.

Снедаемый честолюбием и тщеславием, он упорно стремился занять лидирующие позиции в коммунистическом движении Албании и к концу 1938 г. фактически возглавил коммунистическое подполье в южной Албании.

Активность Ходжи привлекла внимание руководителей Коминтерна. С их помощью Ходжа в начале 1938 г. был переправлен во Францию, в Монпелье, где выступал с лекциями для албанских и греческих эмигрантов. Там же Ходжа познакомился со многими из своих будущих соратников — П. Пэристери, Г. Нуши, А. Баллуку, М. Пеза и др. По возвращению в Албанию он был арестован. Вскоре, однако, Энвер бежал из-под ареста. Ходжу, кстати, не раз арестовывали, и он неоднократно бежал из-под стражи. Жизнь революционера — нелегальное положение, запрет на работу в Албании — создавала вокруг Ходжи привлекательный образ «борца за народное дело» и приносила ему известность в среде албанской оппозиции.

По настоянию лидеров албанской секции Французской компартии и его собственной просьбе, содержащейся в письме на имя М. Кашена и Г. Димитрова, в марте 1938 г. Ходжа был направлен в СССР, где он находился до апреля 1939 г. В Москве Энвер учился в институте Маркса-Энгельса-Ленина и в Институте иностранных языков, продолжая заниматься переводами на албанский речей и книг Сталина, Молотова, Вышинского. В апреле 1938 г. он впервые встретился со Сталиным и Молотовым. Эта встреча явилась важнейшим событием в жизни, способствовала идейной убежденности Ходжи, пообещавшего своим собеседникам сплотить албанских коммунистов в единую большевистскую партию. Это обещание он впоследствии сдержал.

Для Сталина и его ближайшего окружения было приятной неожиданностью познакомиться с человеком из далекой, отсталой страны, который мыслил и действовал подобно «вождю всех времен и народов», который стремился к власти именно в сталинском ее понимании. Впоследствии Ходжа часто приезжал в гости к Сталину, он побывал на всех его дачах, присутствовал на заседаниях политбюро ЦК ВКП(б). У Ходжи сложились доверительные отношения с Молотовым и сыном Сталина — Василием.

В апреле 1939 г. Албанию оккупировали войска Муссолини. По решению Исполкома Коминтерна Ходжу переправили в Албанию вместе с двумя помощниками из ЦК ВКП(б), которые обеспечивали связь со Сталиным.

Присутствие на XVIII съезде ВКП(б), перевод на албанский «Краткого курса истории ВКП(б)», пребывание в СССР, знакомство и беседы со Сталиным и его ближайшим окружением сотворили из Ходжи убежденного сталиниста, личного союзника Сталина и врага всех его врагов. Ходжа не поменял своих убеждений вплоть до конца всей своей последующей жизни.

Итальянский оккупационный суд заочно пригово-

рил Ходжу к смерти. Но несмотря на это он активно занимался антифашистской деятельностью: писал прокламации и статьи, организовывал, работая на нефтепромыслах, лесоразработках, в морских портах, профсоюзы, участвовал в акциях протеста против итальянских оккупантов. Одновременно с этим он старался добиться руководящего положения в создававшейся тогда компартии Албании.

Грызня между различными марксистскими и социал-демократическими группировками привела к тому, что до второй мировой войны албанская коммунистическая партия так и не была сформирована.

В июне 1941 г. Германия и ее союзники напали на СССР. Ходжа призвал «соединить освободительную борьбу албанского народа с Отечественной войной народов СССР». В Албании участились диверсии и другие акты саботажа против итальянцев. Партизанские отряды все чаще вступали в бои с оккупантами и коллаборационистами. Наиболее активным партизанское движение было в южной Албании, его руководителями являлись Ходжа, Шеху, Баллуку, Леши, Пеза. В других районах страны влияние и активность партизан были менее значительными, что объяснялось особенностями географического положения и политическими причинами. Именно в этих районах лидеры коммунистического подполья были недовольны своеволием Ходжи. Оппоненты Э. Ходжи поддерживали тесные связи с И.Б. Тито и югославскими партизанами, что, в свою очередь, не нравилось Энверу Ходже, считавшему, что Тито видит в Албании лишь задворки Югославии.

Отряды, руководимые сторонниками Ходжи и оснащенные советским, английским и трофейным итальянским оружием, не спешили соединиться с партизанами центральной и северной Албании. Ходжа тянул время, всячески укрепляя свое влияние на юге страны. Тем не менее обстановка требовала создания единой компартии и объединенного антифа-

шистского фронта. Подпольная конференция коммунистов Албании, созванная в Тиране 7 ноября 1941 г., провозгласила создание Компартии Албании. Ее первым секретарем был избран соперник Ходжи К. Дзодзе. Заместителем Дзодзе стал Энвер. Он же был утвержден в качестве главнокомандующего партизанскими формированиями. Начальником штаба был назначен соратник Ходжи М. Шеху, воевавший ранее за республиканскую Испанию.

8 ноября 1941 г. Ходжа направил Сталину и Молотову телеграмму, в которой он в очередной раз подтвердил свою верность ВКП(б), подчеркнув, что отныне 7 ноября будет отмечаться как национальный праздник Албании.

Ходжа лично переводил на албанский все выступления Сталина, направлял ему переведенные на русский копии решений албанского ЦК. Просил советов, делился впечатлениями, давал характеристики и своим друзьям и оппонентам. Дата рождения Сталина впоследствии (в 1949 г.) была провозглашена общенациональным праздником Албании, а официальная дата его кончины (5 марта) стала днем всеалбанского траура.

В 1942 г. Ходжа женился на 20-летней Неджимие Руфи, дочери рабочего нефтепромысла из города Кучова. Она стала единомышленником мужа во всех его начинаниях. Была членом политбюро, секретарем ЦК, председателем Демократического фронта Албании (так с 1946 г. стал называться созданный в 1943 г. Национально-освободительный фронт).

Осенью 1942 г. Ходжа приехал в Москву, где встретился со Сталиным, Молотовым, Ждановым, Маленковым, Микояном и Димитровым. Он заверил своих старших товарищей в неотвратимости разгрома фашистов и их пособников, в намерении построить социализм в Албании на основе учения Ленина—Сталина. За верноподданническими заверениями стояло желание Ход-

жи получить «добро» московских руководителей на занятие им поста Первого секретаря Албанской компартии. Претензии Ходжи оказались не ко времени: в Москве не спешили делать ставку только на него. Однако Ходжа был введен в круг руководителей компартий, многие из которых впоследствии возглавили страны «народной демократии».

Энвер выступил по Московскому радио, побывал на одном из участков Степного фронта, беседовал с членами его военного совета. В этой поездке его сопровождали Хрущев и Маленков. В конце пребывания Ходжи в Москве СССР выступил с заявлением (декабрь 1942 г.), в котором подчеркивалась необходимость восстановления независимости Албании и отвергались территориальные претензии Италии и Греции к этой стране.

Данное заявление явилось ударом по планам Черчилля, который не исключал возможности раздела после войны Албании между Италией, Грецией и Югославией.

После разгрома нацистов под Сталинградом и Курском и успешных операций Албанской народно-освободительной армии (АНОА), стратегическая инициатива в Албании полностью перешла к коммунистам. Италия летом 1943 г. капитулировала, а осенью того же года объявила войну Германии. Итальянские войска в Албании сдавались АНОА, которая перешла в наступление. Однако итальянцев сменили немцы, которые умели воевать намного лучше своих недавних союзников. АНОА и ЦК компартии Албании пришлось трудно. Они сумели выстоять благодаря поставкам советского и английского оружия и помощи военных советников из СССР (во главе с генералом Соколовым) и Великобритании (полковники Маклин, Хьюз и др.). По инициативе Э. Ходжи в освобожденных районах Албании создавались первичные органы власти — советы партизан и трудящихся. Поскольку изгнание оккупантов происходило с юга на север (и далее — в Югославию), еди-

номышленники Ходжи, наравне с ним самим, фактически становились руководителями новой Албании, что увеличивало их влияние в ЦК партии и за рубежом.

Роспуск Коминтерна приветствовался К. Дзодзе, оппонентом Ходжи. Но Энвер в очередном письме Сталину, Молотову и Димитрову (июнь 1943 г.) выразил озабоченность ликвидацией Коминтерна и выступил за создание «под руководством ВКП(б) нового органа, координирующего мировое коммунистическое движение». Позднее, в 1946 г., такой орган Коминформбюро — был создан. Ходжу пригласили в руководство преемника Коминтерна.

В 1944 г. немецкие войска в Албании были разгромлены, их остатки ушли в Югославию. АНОА участвовала в освобождении северо-западной Греции, а также Черногории, Македонии и Косово. С октября 1944 г. Э. Ходжа стал премьер-министром и одновременно министром иностранных дел во вновь сформированном правительстве. Его коллега М. Шеху был назначен министром обороны и начальником Генштаба. Верховным главнокомандующим Энвер Ходжа оставался вплоть до своей кончины.

Албания была освобождена без участия как советских, так и англо-американских войск. Однако Ходжа всегда подчеркивал, что без поддержки Советского Союза Албания не смогла бы добиться освобождения. Он неистово критиковал тех зарубежных лидеров (Тито, Чаушеску, Ким Ир Сена, Мао Цзедуна), которые утверждали, что их страны избежали фашистского порабощения сами по себе.

На Потсдамской конференции (1945 г.) Сталин еще раз предостерег Черчилля от реализации планов раздела Албании. О своей поддержке новой Албании Сталин заявил Ходже также лично в период его визита в СССР в июне 1945 г. Ходжа присутствовал на Параде Победы, побывал в Сталинграде, получил заверения в советской технической и научной помощи. Уже в августе 1945 г. в

Албанию прибыли первые советские пароходы с продовольствием, оборудованием, машинами, медикаментами. В страну стали приезжать из СССР геологи, нефтяники, конструкторы, преподаватели, врачи. Сотни албанских студентов начали обучаться в советских вузах. В том же году Ходжа заявил, что Албания пойдет по пути СССР, ей предстоит индустриализация, коллективизация, «культурное перевоспитание народа».

С 1946 по 1958 годы СССР владел военно-морской базой в албанском порту Влора — это была единственная советская база в Средиземноморье. Именно через Влору и коммуникации южной Албании оказывалась советская поддержка коммунистическим повстанцам в Греции, где гражданская война продолжалась до 1950 года. Правительство Греции угрожало Албании войной, обращалось с жалобами на албанских лидеров в ООН. Но Москва твердо гарантировала поддержку Тиране. Молотов, Шепилов и Вышинский защищали Албанию в ООН, препятствовали антиалбанским резолюциям Совета Безопасности. И все же Албанию не принимали в ООН до 1950 г., она вступила в эту организацию лишь наряду с Венгрией, Финляндией, Румынией, Болгарией.

Сразу после войны возник конфликт между Ходжей и Тито. Тито, Джилас и Кардель уговаривали Энвера поддержать идею образования конфедерации и вхождения Албании в состав Югославии. Но Ходжа был непреклонен. Он убеждал Политбюро ЦК ВКП(б) в опасности политики Тито, предупреждал, что Белград обманывает сталинское руководство. В 1948 г. ВКП(б) и Коминформбюро после отказа титовцев приехать на совещание европейских компартий обвинили лидеров Компартии Югославии в ревизионизме и экспансионизме. А когда в 1949 г. Тито разрешил Вашингтону и Лондону использовать территорию Югославии для окружения коммунистических повстанцев в Греции, чаша терпения Москвы переполнилась. Тито был назван

американским шпионом и фашистом, а югославский ЦК — бандой убийц и наймитов империализма. В Москве создали Комитет освобождения Югославии от клики Тито. Его первое представительство открылось в Тиране. Хотя комитет был распущен в 1954 году, его тиранское отделение просуществовало до 1982 г.

Энвер Ходжа не только поддержал антиюгославскую кампанию, но и заявил о готовности Албании воевать с Грецией, Югославией и Италией, если США применят атомное оружие против КНДР или Китая. Свое мнение, высказанное в 1950 году, Ходжа не поменял даже после того, как Хрущев в 1956 году распустил Коминформбюро и публично извинился перед Тито и Югославией.

Ходжа и его сторонники, поддерживаемые Москвой, в 1947 г. совершили переворот в партии. Энвер стал первым секретарем ЦК, а М. Шеху — его первым заместителем. Позднее, в 1954 году, Шеху был назначен премьер-министром.

Летом 1947 года Ходжа вновь приехал в СССР. Сталин вручил ему орден Суворова, который Энвер всегда надевал, когда появлялся на официальных мероприятиях. Албании был предоставлен льготный кредит на закупку разнообразных советских товаров. Ходжа заявил на обеде в Кремле, что «Сталин и Советский Союз — наши спасители и товарищи. Мы, албанцы, клянемся вам в вечной дружбе и преданности».

В 1950 г. Албания вступила в СЭВ, а в 1955 г. в Варшавский Договор. А в конце сороковых годов для участия в восстановлении советских городов, носящих имя Сталина (Сталинград, Сталиногорск, Сталино), прибыли албанские «добровольцы».

Став лидером партии, Ходжа назвал своим именем первый в Албании автомеханический комбинат, построенный в Тиране в 1946 году с помощью СССР. Впоследствии имя Ходжи было присвоено несметному количеству заводов, колхозов, улиц, школ, горных вершин, а также столичному университету.

I съезд Албанской компартии (вскоре переименованной в партию труда), состоявшийся в 1948 году, декларировал приверженность опыту СССР и ВКП(б), солидаризировался с Коминформбюро и призвал албанцев выполнять «сталинские пятилетки». На этом съезде присутствовал и выступил Шепилов. В 1948–1951 годах в стране и партии бушевала кампания «борьбы с врагами народа и агентурой Тито». Все прежнее руководство ЦК во главе с К. Дзодзе было расстреляно. Родственники «изменников» также подлежали репрессиям. Согласно уголовному кодексу Албании (1948 г.) максимальный срок ссылки или тюремного заключения составлял 30 лет. А за анекдоты про Ходжу или Сталина грозила высшая мера.

С 1947 года встречи Сталина и Ходжи стали ежегодными. Он приезжал в гости к хозяину в марте или в октябре. Энвер Ходжа стал в буквальном смысле другом и единомышленником Сталина, приятелем его сына Василия. Подружился с Молотовым, Жуковым, Шепиловым, Лысенко. Весной 1949 года, во время официального визита Энвера Ходжи в СССР, Москва предоставила Албании новые льготные займы и кредиты.

II съезд Албанской партии труда (1952 г.) объявил о завершении восстановления страны и ее планомерном развитии. Первый пятилетний план Албании был разработан в советском Госплане под руководством его тогдашнего председателя М. Сабурова. Сталин и Ходжа внесли в этот план ряд корректив, после чего его направили в Албанию, где разворачивались коллективизация сельского хозяйства, строительство электростанций и предприятий, перерабатывавших разнообразное албанское сырье. Все это осуществлялось при непосредственном участии советских специалистов. Начали развиваться связи Албании с Китаем, Вьетнамом, ГДР и другими странами «народной демократии». В начале 50-х годов в Тиране и Дурресе были сооружены заводы-дубликаты ЗИС и ЗИМ — подарок Сталина Албании. С помощью

СССР строились железные дороги и школы, новые города и поселки, оснащалась албанская армия.

К XIX съезду КПСС (1952 г.) Ходжа стал уже авторитетным «сталинцем». В 1952 г. в Тиране учредили музей Ленина и Сталина. Последние работы Сталина («Марксизм и вопросы языкознания», «Экономические проблемы социализма в СССР») были опубликованы в Албании с пространными комментариями Энвера. Впоследствии эти работы вошли в 36-томное собрание сочинений и писем Сталина, вышедшее в Албании в 60–70-х годах на 10 языках, с предисловиями и комментариями Ходжи.

Речь Ходжи на XIX съезде КПСС изобиловала панегириками Сталину, СССР, проклятиями в адрес США, Запада и Тито. Ничего нового он не сказал. Еще будучи в Москве, Ходжа дал «добро» на очередную «чистку» в Албании, которая продолжалась до 1955 г. Вернувшись в Тирану в январе 1953 г., он чуть позже узнал о кончине Сталина.

Ходжа понял, что теперь остался один. Он стал более осторожным с новыми лидерами в Москве и более жестким в своей собственной стране. В течение двух недель траура Энвер Ходжа никого не принимал, нигде не появлялся, 5 марта 1953 года он под предлогом внезапной болезни не поехал на похороны Сталина. Не присутствовал в те дни в Москве и Мао Цзедун. И Ходжа и Мао подозревали окружение Сталина в заговоре против «хозяина». Они считали, что Сталину «помогли» умереть. Так это или не так, мы пока не знаем — историки не пришли к единому мнению по этому вопросу.

Внешне ничего не менялось: Ходжу, как и прежде, в советской прессе называли другом и союзником, а Албанию — братской страной. Но подспудно противоречия нарастали. Ходжа был не согласен с политикой либерализации жизни СССР, проводимой Хрущевым. На XX съезде КПСС, когда Хрущев выступил с закрытым докладом о «культе личности» Сталина, Ходжа и Чжоу Энь-

лай в знак протеста покинули съезд, не дождавшись его закрытия.

Вскоре состоялся III съезд АПТ (1956 г.), на котором многие делегаты, под влиянием хрущевского доклада в Москве, подвергли резкой критике Ходжу и Шеху. Предполагают, что эта акция была подготовлена с помощью хрущевского Политбюро. Ходже пришлось признать свои «ошибки», он пообещал их не повторять. Однако в том же году в Албании началась новая кампания борьбы с «реставраторами капитализма», в ходе которой были репрессированы сотни оппонентов Ходжи и члены их семей. Руководство Албании (вместе с лидерами КНР) отказалось от десталинизации географических названий и страны в целом. Более того, в канун 80-летия Сталина Э. Ходжа учредил орден Сталина. Советско-албанские отношения ухудшились и через несколько лет были прерваны на долгие годы. Одновременно с этим албанские лидеры сблизились с Китаем. Руководство КНР в 1957 г. заверило Ходжу в политической и экономической поддержке.

Энвер Ходжа просил Хрущева разрешить сыну Сталина Василию уехать в Албанию. В результате Василий был арестован. Когда группа Молотова была исключена из ЦК, Ходжа пригласил почти всех ее участников (кроме Кагановича) переехать в Албанию. Хрущев дал указание заявить албанцам, чтобы они «не совались туда, куда их не просят».

Летом 1959 г. Хрущев приехал в Албанию, надеясь заставить ее лидеров изменить политику, и пригрозил прекратить помощь Тиране. Разногласия урегулировать не удалось. Ходжа еще приехал на XXI съезд КПСС в 1959 г., но с 1960 г. на международных совещаниях компартий в Бухаресте и Москве Ходжа и Мао повели атаку на политику КПСС и СССР, на политику других компартий. В Албании развернулась массированная антисоветская кампания. В ответ в СССР вовсю стали критиковать албанских лидеров. Хрущев отозвал из Албании

всех советских специалистов, а в 1961 г. между СССР и Албанией были прерваны дипломатические отношения. Одновременно с этим Ходжа развернул массовую «чистку» в стране, выдвинув лозунг «Уничтожим врагов социализма, отстоим дело Ленина—Сталина». В 1961 г. в Албании был введен запрет на производство коротковолновых радиоприемников, а имеющиеся у населения аппараты конфисковывались.

IV съезд АПТ (1961 г.) призвал страну к «опоре на собственные силы». Ходжа отказался встретиться с главой советской делегации Ф. Козловым, который прибыл с письмом Хрущева. Когда Козлов уезжал из Тираны, никто из албанского руководства его не провожал.

В большинстве зарубежных компартий образовались проалбанские и прокитайские фракции, несогласные с развенчанием Сталина и с советско-американским диалогом. Впоследствии эти фракции выделились в «истинно марксистско-ленинские партии». Половина внешнеторговых доходов Албании в 60–80-х годах направлялось на поддержку этих партий. Когда в начале девяностых прекратились финансовые вливания, прекратили существование и большинство из этих партий.

В условиях конфронтации с другими соцстранами Восточной Европы Ходжа призывал «жить, работать и бороться как в окружении», исходя из тезиса «строительства коммунизма в окружении ревизионистов и империалистов». На вооружение были взяты советские лозунги и методы 30–40 годов.

Хрущев стал готовить вооруженное вторжение в Албанию. Советское руководство обратилось к Югославии с просьбой пропустить войска СССР и его союзников к границам Албании. В 1963 г. Тито из принципиальных соображений предупредил Ходжу о планах Хрущева. Мао Цзедун пообещал любую помощь Тиране в случае агрессии какой-либо страны. В Албанию начали прибывать вооружение, боеприпасы и военные советники

из Китая и КНДР. К счастью, до прямого столкновения дело не дошло.

В 1962 г. Албания вышла из СЭВ, а в 1963 г. заявила, что не намерена выплачивать долги СССР и его союзникам.

Ходжа переориентировался на Китай и буквально «закрыл» страну для всего остального мира. Это было вынужденным шагом. Энвер Ходжа никогда не доверял до конца Мао Цзедуну. Он считал, что Мао метит на место Сталина — место лидера мирового коммунистического движения и поэтому не искренен в своих высказываниях против проводимой Хрущевым политики.

В 60–70 годы Албания не могла не сотрудничать с Китаем, ибо его экономическая и техническая помощь была ей необходима. Располагая разнообразными природными ресурсами, страна остро нуждалась в перерабатывающих отраслях промышленности, коммуникациях, в инвестициях и квалифицированных кадрах. Оборонный потенциал Албании тоже поддерживался в те годы за счет импорта. Поэтому Ходжа, несмотря на идеологическую «несовместимость» с маоистами, всячески содействовал албано-китайскому сотрудничеству.

С 1962 по 1972 год Албания представляла интересы КНР в ООН, а с 1972 г. китайцы и албанцы в ООН совместно клеймили Москву и Вашингтон, призывали развивающиеся страны объединиться в борьбе со сверхдержавами. Для КНР Албания долгое время оставалась единственным политическим союзником в Европе и мире, «глашатаем» в ООН и важным пропагандистским партнером.

Энвер Ходжа не поддержал «культурную революцию» в Китае, хотя и одобрил публично (по просьбе Мао) ее начало (1966 г.). Он считал, что Мао избрал не лучший путь развития страны. Очень точно подметил сходство и различие албанского и китайского лидеров глава Югославии Тито. Он считал, что антисоветизм Мао — политический, а Ходжи — идеологический.

В Албании все было подчинено «блокадной» жизни. Проводились «антиревизионистские» кампании, «чистки» партгосаппарата. В стране ускоренно внедрялся продуктообмен, заменявший товарно-денежные отношения. Гражданам было запрещено иметь автомашину, дачу, слушать рок-музыку, джаз, носить джинсы, пользоваться «вражеской» косметикой и т. п. Был принят закон о запрете религий и «перепрофилировании» храмов и мечетей. Ходжа заявил: «У албанцев нет идолов и богов, но есть идеалы — это имя и дело Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина».

В конце 60-х годов КНР пошла на примирение с Западом. Албано-китайские отношения резко ухудшились. В 1968 г. Ходжа заявил о выходе из Варшавского Договора в связи с его агрессией в Чехословакии. Ходжа продолжал оказывать помощь Индокитаю, арабским странам, жертвам израильской агрессии (а также Западносахарской республике, провозглашенной в 1967 году и боровшейся с марроканской интервенцией), активизировал отношения с Кубой. В связи с сокращением экономических контактов с Китаем Албания возобновила торговлю со странами СЭВ, кроме СССР. Продолжая критиковать Тито, Ходжа санкционировал торговый обмен и с этой страной. Но от сотрудничества с Западом Албания по-прежнему решительно отказывалась.

Правда, Энвер Ходжа с уважением относился к де Голлю, который, в свою очередь, симпатизировал Ходже и Албании, не зависящей от США и СССР. Это способствовало развитию албано-французских связей, в том числе и в военной области. По многим проблемам (Палестина, Индокитай, Южная Африка, ядерные вооружения) де Голль и Ходжа имели сходные позиции.

После VII съезда АПТ (1976 г.) в Албании был принят закон, запрещающий иностранные кредиты и займы. К тому времени в стране действовал социально-экономический механизм, являвшийся точной копией

механизма, действовавшего в 1946–1953 годах в СССР. Албания перешла к полному самообеспечению продовольствием, медикаментами, промышленным и энергетическим оборудованием, стала экспортировать многие промышленные товары, сокращая вывоз сырья. Ходжа уже мог позволить себе рассориться с Китаем, еще более усилив централизацию всех ресурсов Албании и ее внешнеполитическую изоляцию. Однако некоторые коллеги Ходжи (Баллуку, Келлези, Лубоня) пытались убедить его активизировать связи со странами СЭВ и с Югославией, не идти на «масштабный» разрыв с КНР.

Ходжа, как и Сталин, не прощал даже малейшего непослушания. Он объявил колеблющихся врагами народа и партии. В стране вновь была развернута «чистка кадров всех уровней», продолжавшаяся вплоть до кончины Энвера.

В 1977 г. Китай прервал всякие отношения с Албанией. Бывшие «друзья» превратились в «банду оппортунистов и наймитов Запада». После ссоры с Китаем Албания стала еще более закрытой, чем после ее разрыва с СССР. Неосталинские кампании в стране стали ежегодными.

С середины 70-х годов начались кадровые перестановки на самом высоком уровне руководства Албании. Вторым человеком в стране стал Р. Алия, секретарь ЦК с 1960 г. Жена Ходжи, Алия, Х. Капо и А. Чарчани были ближайшими соратниками Энвера. В 1982 году премьер-министр М. Шеху покончил жизнь самоубийством (так сообщалось в официальной версии). Его место занял Чарчани. Алия в том же году возглавил Верховное Народное Собрание вместо Х. Леши, потерявшего «большевистскую бдительность», а заодно и жизнь.

Ходжа считал, что если политические деятели, а тем более коммунисты имеют привилегии, то партия не может считаться коммунистической, а страна — социа-

листической. По его указанию с середины 80-х годов снижалась зарплата работников партгосаппарата, сэкономленные деньги шли на увеличение окладов рабочих и служащих, оплаты труда в сельском хозяйстве, пенсий и пособий. В 1960 году был отменен подоходный налог, а в 1983 году упразднен налог на холостяков и малосемейных. С середины 70-х годов до 1990 года включительно в стране ежегодно снижались розничные цены на многие товары и услуги. Но жизненный уровень населения не увеличивался. Граждане были равны в своей нищете.

Ходжа неустанно предупреждал об опасности «бюрократизации коммунистов» и «деидеологизации общества», поэтому еще в 1958 г. распорядился, чтобы каждый руководящий работник отработал в течение двух месяцев в году бесплатно в сельском хозяйстве или на производстве. Сам Ходжа предпочитал трудиться на объектах, носящих имя Ленина, Сталина, Молотова и Ходжи. Добровольно-принудительной повинностью охватывались также и дипломаты, работники науки и культуры и их семьи.

VIII съезд АПТ (1981 г.) провозгласил победу социализма и начало строительства коммунизма в Албании. Одновременно Ходжа начал пробовать расширять внешнеэкономические связи.

В 1983 г. Тирана заявила о необходимости создания экономико-политического союза «подлинно социалистических стран» в составе Албании, КНДР, Вьетнама и Кубы. В 1984–1987 годах албанцы старались привлечь в этот союз также Ливию, Алжир, Ирак, Лаос, Кампучию, Румынию, Никарагуа. Но поскольку главным условием участия в данном альянсе Албания считала политическую конфронтацию стран-членов с Западом, СССР, Китаем и Югославией, «экономическое Коминформбюро» так и не было создано. Тем не менее отношения Тираны с предполагаемыми участниками проалбанского союза активизировались.

Экономические причины вынудили Албанию увеличить торговлю с Югославией, скандинавскими странами, со странами СЭВ (кроме СССР), Ираном и возобновить с 1984 года торговый обмен с Китаем.

Ходжа так и не помирился с СССР. Советское руководство не отвечало на критику Тираны с 1965 г. Албанию просто замалчивали в средствах массовой информации. Для тогдашних советских пропагандистов этой страны как бы не существовало. В 1978 и 1983 годах ЦК КПСС предлагал Тиране нормализовать отношения, но в ответ получал лишь ругань и невыполнимые ультиматумы.

В 1983–1985 годах здоровье Ходжи резко ухудшилось, он перенес инфаркты, инсульты, у него обострился диабет. В марте 1985 года врачи предписали Ходже длительный отдых ввиду нарастающей сердечной недостаточности. Ходжа не послушал совета врачей и продолжал работать.

Ночью 11 апреля 1985 года после кровоизлияния в мозг Энвер Ходжа скончался. Траур в Албании длился 9 дней. Из-за рубежа в Тирану допустили только лидеров «истинных марксистско-ленинских партий» и эмигрантов из КНДР, Вьетнама, Кубы, Румынии, Лаоса, Кампучии, Ливии, Никарагуа, Ирана и Ирака. Телеграммы соболезнования, присланные из зарубежных стран, в том числе из СССР, Китая и Югославии, албанцы отправили обратно. Кроме соболезнований от Ф. Кастро, Н. Чаушеску, Ким Ир Сена и вьетнамского руководства. Прощание с Ходжей происходило во дворце имени Сталина в Тиране.

Приемник Ходжи — Р. Алиа — клялся, что будет продолжать строить коммунизм. В 1991 г. он стал первым президентом Албании и провозгласил «окончание сталинского эксперимента в Албании». В Албании началась своя «перестройка».

ХОМЕЙНИ РУХОЛЛА (САИД РУХОЛЛА МУСАВИ) (1900–1989)

Рухолла Хомейни — аятолла, создатель теократического государства Исламская Республика Иран. Пришел к власти в преклонном возрасте (около 79 лет), после свержения с иранского престола шаха Мохаммеда Реза Пехлеви.

Жизнь Хомейни до 1979 г. не была насыщена яркими, динамичными, внешне эффектными событиями. Все свои душевные и физические силы он отдавал пропаганде ислама в том виде, в каком он его понимал, отстаиванию собственных взглядов на роль ислама в государственной и общественной жизни Ирана.

Рухолла Хомейни родился в начале века в небольшом городке к югу от Тегерана, в семье священнослужителя. В раннем детстве потерял отца, в 15 лет — мать. Смыслом его жизни стала религия. Учился он в религиозных школах Хомейна, затем города Кума — шиитского Ватикана. Там же он остался жить и преподавать в самом авторитетном религиозном учебном заведении Ирана, центре исламских исследований — Файзийе.

В конце 20-х годов Хомейни женился на дочери ученого-богослова. Имел восьмерых детей. Трое из них умерли в детстве.

В 30-х годах Хомейни пришлось столкнуться с репрессивными действиями шахского режима, пытавшегося подчинить духовенство своей секуляристской политике. Тогда были запрещены его лекции. Однако он подпольно продолжал преподавать, подготовил сотни последователей и приверженцев, которые, подобно своему учителю, стали связывать все беды и невзгоды страны с монархией. В конце 50-х годов он вошел в число религиозных деятелей высшего ранга — аятолл.

В 1963 г. Хомейни открыто выступил против провозглашенной шахом «белой революции», предусматривавшей проведение аграрной реформы, предоставление избирательных прав женщинам, другие, не менее кардинальные преобразования буржуазного типа. Его дважды арестовывали, чтобы заставить замолчать, но тщетно. Расправу предотвратило решение высшего духовенства возвести его в ранг «великого аятоллы», который имели менее десяти шиитских религиозных деятелей и который обеспечивал свободу от юрисдикции шахского режима. Новый духовный сан давал Хомейни возможность претендовать на роль руководителя шиитской общины Ирана. Выйдя на свободу, он после полугодового молчания публично осудил мошенничества на парламентских выборах, за что подвергся 8-месячному домашнему аресту.

В 1964 г. Хомейни выступил против предоставления американским военным советникам в Иране статуса дипломатической неприкосновенности и вскоре был выслан в Турцию. Спустя 11 месяцев он переехал в Ирак. Там, в священном для шиитов городе Неджефе, он стал читать лекции в религиозном учебном заведении и продолжил разработку своей концепции «подлинного толкования» ислама и роли исламского лидера. Он тайно переправлял в Иран свои послания, которые переписывались и распространялись в мечетях.

В 1977 г. он призвал иранскую армию избавить родину от «шахской чумы». Это послание было размножено в сотнях тысяч экземпляров.

Мохаммед Реза-шах продолжал тем временем развивать идеи «белой революции»: совершить при жизни одного поколения «прыжок через столетия», перевести Иран «из средневековья в ядерный век», превратить страну в «пятую индустриальную державу мира», «осуществить марш-бросок к великой цивилизации». Не учитывая вековую религиозную основу миропонима-

ния населения страны, монарх шаг за шагом подрывал основы своей власти.

Духовенство, позиции которого сильно ущемлялись светскими реформами, выдвинуло лозунг «исламской революции» для борьбы с шахом. Исламисты опирались на два социальных слоя. К первому относились представители мелкого торгово-промышленного капитала, традиционной торговой буржуазии, интересы которых были сильно задеты шахской политикой индустриализации. Эти слои населения, всегда имевшие тесную связь с духовенством, взяли на себя финансирование его антишахских выступлений. Второй слой — это огромная армия «люмпенов», возникшая на фоне быстрого процесса урбанизации и обезлюдения сельской местности. Из этого слоя набирались исполнители — непосредственные участники выступлений, терактов и пр.

Безуспешно испробовав самые разные средства борьбы с революцией, Мохаммед Реза разрешил Хомейни вернуться на родину, но тот отказался приехать до тех пор, пока шах остается у власти. В ответ шах попросил правительство Ирака выслать Хомейни. Аятолла переехал в пригород Парижа, в Нофльде-Шато.

С этого времени кассеты с посланиями Хомейни прокручивались в десятках тысяч мечетей и на бесчисленных городских базарах. Политический радикализм в сочетании с социальным консерватизмом позволил Хомейни добиться такого авторитета и влияния, каким до него никто и никогда не пользовался в Иране. Вокруг него на общей идейной платформе объединились десятки миллионов людей из самых различных слоев общества. Аятолла Хомейни стал центральной фигурой революции, ее символом, так как оказался приемлемой фигурой и для тех, кто желал глубоких социальных преобразований, и для тех, кто не думал идти дальше свержения шаха.

Свои идеи Хомейни старался выразить в доступной для понимания большинства верующих форме. Ислам, по мнению аятоллы, должен был возродиться в качестве инструмента протеста, доктрины борьбы, идеологии исламской революции. Главный смысл человеческой жизни — нести в себе веру, быть готовым защищать ее и даже умереть за нее, бесстрашно и бескомпромиссно сопротивляясь всякой «незаконной власти», противопоставляющей себя воле Аллаха. Ведущий представитель духовенства, считал аятолла, является выразителем воли небес, сила и авторитет ниспосланы ему свыше.

Много внимания Хомейни уделял разработке концепции нового «исламского правления». Он исходил из того, что абсолютная власть шахского режима — это порождение сатаны, способствующее только разложению, разврату и коррупции, это форма идолопоклонничества, греховное отрицание идеи божественного единства — единства мнения, единства слововыражения, единства действия. Никакие компромиссы с этим режимом невозможны, единственный выход — замена монархии «исламской республикой». Главное в такой республике — верховная власть священного Закона, предписанного Кораном, пророком Мохаммедом и имамом Али.

«Исламская республика» коренным образом отличается от монархии и светской республики, где законы устанавливаются либо монархом, либо представителями народа. При «исламском правлении» никакие другие законы, кроме божественного, не могут иметь силы. Верховным же толкователем священного Закона, высшим координатором деятельности всех органов управления, духовным вождем, осуществляющим практическую власть, является правитель из числа самых авторитетных религиозных деятелей — факих. Он и сам всецело подчиняется Закону, готов во имя его поступиться интересами и даже жизнью самых

близких ему людей. Его роль подобна роли пророка и имамов, его задача — подготовить страну к дню Страшного Суда. В ожидании же этого дня духовенство должно активно участвовать в политической жизни, быть стражами Закона, общественной морали и социальной справедливости.

В политико-идеологических воззрениях Хомейни доминировали мотивы шиитского ислама. Аятолле удавалось тонко улавливать настроения народа. Форсированное промышленное развитие, ускоренное городское строительство, вторжение иностранных товаров и нравов, взломав традиционные связи, вызвали острый кризис самосознания иранского населения. Разрушение в деревне в ходе аграрных преобразований старых форм взаимной помощи и поддержки лишило массы людей ощущения социальной защищенности, которое давало им традиционное построение общества. Вырванные из привычной деревенской среды и заброшенные в города, иранцы оказались в каком-то ином, чуждом им мире. Они, так же как и Хомейни, чувствовали, что поток западной технологии, товаров, нравов подменяет родные им ценности.

Как результат, политическое кредо Хомейни в упрощенном виде сводилось к двум главным целям: создание «исламского государства» и уничтожение влияния западной буржуазной культуры.

С осени 1978 г. резиденция Хомейни в Нофль-де-Шато стала местом паломничества самых различных течений антишахской оппозиции. Встречи с аятоллой обычно заканчивались официальным признанием его руководящей роли в борьбе против шахской тирании, согласием с принятой им стратегией. Превратившись к концу 1978 г. из бесплотного символа революции в ее реального вождя, Хомейни молчаливо согласился на то, чтобы его величали имамом — случай беспрецедентный в истории иранского шиизма.

Ближайшее окружение Хомейни в эмиграции со-

ставляли относительно молодые представители «исламской интеллигенции», получившие образование на Западе, готовившие себя там к участию в будущем «исламском государственном правлении». Эти так называемые «мирские муллы» (Ибрагим Язди, Садек Готзабе, Абольхасан Банисадр и др.) много сделали для придания аятолле вполне респектабельного облика в глазах мировой общественности.

В 1978–1979 гг. Хомейни пропагандировал программу будущего благоустройства страны, призванную обеспечить еще большее сплочение его сторонников и привлечение новых людей. Он говорил, что «исламское правительство» будет уделять первостепенное внимание сельскому хозяйству, чтобы превратить Иран в экспортера продовольственных товаров, новая программа индустриализации и модернизации нацелит страну на самостоятельное развитие. Важнейшая задача — покончить с зависимостью Ирана от продажи нефти и растратой полученных доходов на приобретение американского вооружения. В политическом плане были даны обещания, что никто из представителей духовенства не займет официальных постов, они будут только направлять правительство, а немусульманские национальные и религиозные меньшинства, женщины, левые организации, не занимающиеся подрывной антигосударственной деятельностью, и другие партии и группы получат свободу мысли и слова.

Движение протеста, охватившее все слои населения, заставило шаха 16 января 1979 г. покинуть пределы Ирана. Вернуться он уже не смог. 1 февраля 1979 г. Хомейни с триумфом вернулся в страну. Он поселился в просторном здании духовного училища на улице Иран, в юго-восточной части Тегерана.

Перед Хомейни встала задача добиться отстранения от власти правительства Шахпура Бахтияра, назначенного шахом. Главная трудность состояла в том, что перехода власти необходимо было добиться мир-

ными средствами. Пока Хомейни лавировал между различными политическими силами, в дело вмешался случай.

В ночь с 9 на 10 февраля в столице неожиданно для Хомейни и его штаба началось вооруженное восстание, вызванное нападением шахской гвардии «бессмертных» на учебную базу военно-воздушных сил, личный состав которой накануне принимал участие в народных демонстрациях. С утра 11 февраля восстание охватило все население города. Повстанцы захватили главные управления полиции и жандармерии, тюрьмы, здания медрес, радио и телевидения, шахские дворцы.

События 11 февраля Хомейни использовал с максимальной пользой для себя. Утром 12 февраля он и его сподвижники уже держали в своих руках все рычаги управления. Хомейни стал фактическим правителем Ирана с широчайшими полномочиями.

Струдом добившись некоторого успокоения Тегерана, имам 1 марта 1979 г. покинул проникнутую западным влиянием столицу и переехал в Кум — центр религии, ортодоксии, аскетизма и благочестия. Жизнь свою он устроил просто и скромно: первая молитва до рассвета, чтение Корана, скудный завтрак, работа, дневной сон. В комнате не было мебели — только постель на полу и книги.

В Кум каждый четверг приезжали премьер-министр с членами кабинета, а в остальные дни — другие официальные и неофициальные лица. При этом не велось никаких записей. Имам старался не вступать в пространные беседы — он только выносил решения, зачастую подменяя их притчей, давал указания общего характера, возлагая на исполнителей заботу трактовать их по своему разумению.

В стране появилось множество общественных и политических организаций, ассоциаций, групп, придерживавшихся самых различных взглядов. Хомейни не

поддерживал открыто ни одну из общественных или политических группировок, он предпочитал сталкивать их между собой, давал им возможность побороться за право интерпретации «курса имама». Такая политика позволяла ему неизменно фигурировать в роли «отца нации», незапятнанного и безупречного, уставшего от интриг, ведущихся вокруг него.

Авторитет и положение имама с самого начала почти никто не оспаривал. Исключением стали отдельные светские левые группировки, заявлявшие, что они не собираются менять «тиранию короны на тиранию тюрдана». К ним присоединились некоторые религиозные и политические организации национальных меньшинств, в особенности курдов-суннитов, выступавших за национальную автономию вопреки установке на единство всей мусульманской общины. Новый режим с оппозицией церемониться не стал.

Уже через несколько месяцев после февральской победы светская левая оппозиция была полностью репрессирована, а в Курдистане началась необъявленная война, ставшая постоянным фактором жизни страны.

30–31 марта 1979 г. в Иране прошел официальный референдум, на котором населению был предложен вопрос: «За монархию или за исламскую республику?». Народ почти единодушно проголосовал за второе. Хомейни на следующий день после референдума провозгласил начало «правления Аллаха» в Иране, а страна получила новое официальное название Исламская республика Иран.

Хомейни назначил первым своим премьер-министром Базаргана. Этот политик пользовался поддержкой большей части либеральной интеллигенции, как умеренной, так и близкой к левым кругам, а также массы мелких торговцев, средних и мелких предпринимателей, служащих государственных и частных предприятий, офицерского корпуса. Хомейни старал-

ся использовать эти социальные группы для сохранения общего контроля над положением в стране. С этой целью новый глава правительства сразу же начал пропагандировать тезис о том, что со свержением шахского режима революция должна закончиться.

Утвердившийся у верховной власти имам имел возможность использовать политику гражданского кабинета министров в собственных интересах, не теряя при этом престижа «отца нации». Используя попытки премьер-министра ликвидировать революционные комитеты и революционные трибуналы, возникшие в ходе антишахской борьбы, духовенство со временем полностью подчинило себе эти низовые органы народной власти, превратив их в оружие «исламской революции». То же самое произошло с самоуправленческими комиссиями рабочих и служащих на предприятиях, их заменили смешанными комиссиями в составе мулл, предпринимателей и рабочих. Оказывая Базаргану негласную поддержку в восстановлении шахской армии и органов безопасности как орудий стабилизации общего положения, духовенство одновременно сколотило из безработной молодежи собственную гвардию — Корпус стражей исламской революции. Его личный состав был до самопожертвования предан идеям ислама и лично Хомейни. Корпус использовался в качестве противовеса старым вооруженным силам и партизанским формированиям левых организаций. В то же время в мечетях создавались тщательно законспирированные штаб-квартиры огромной неформальной организации «партии Аллаха» (хезболла), объединявшей религиозных фанатиков.

Для духовенства на тот период было весьма важным обеспечить насущные нужды широких слоев населения, составлявших его главную политическую опору в процессе создания «исламской республики». Базарган под давлением «сверху» вынужден был про-

вести ряд мероприятий, способствовавших удовлетворению самых неотложных нужд трудящихся. Государство здесь выступило в качестве благотворителя. Увеличение зарплаты, введение пособий по безработице, предоставление бедноте дешевого и даже бесплатного жилья позволили сбить волну социального протеста и не допустить появления широкой оппозиции новому режиму.

В рамках антизападных, изоляционистских устремлений Хомейни в первое время после февральской революции был проведен ряд мероприятий, способствовавших расширению иранского суверенитета, в частности установлению полного контроля над нефтяными ресурсами страны. Однако вскоре под давлением экономической необходимости правительство с молчаливого согласия имама стало устанавливать более тесные экономические и политические связи с западными державами.

Одновременно с этим руководимые Хомейни религиозные круги, не считаясь с правительством, усиленно претворяли в жизнь программу исламизации общественных и семейных отношений, образования и управления. В государственных учреждениях проводились одна за другой чистки, с помощью которых избавлялись от лиц, скомпрометировавших себя сотрудничеством с шахским режимом. Со временем объектом чисток стали и члены левых, атеистических организаций. Суровым физическим наказаниям подвергались также нарушители исламского «морального кодекса».

Базарган, поначалу рассчитывавший добиться полновластия своего правительства, уже с марта 1979 г. неоднократно подавал прошения об отставке, протестуя против ограниченности предоставленных ему полномочий. И действительно, деятельность всех министерств не только контролировали, но подчас и дублировали многочисленные параллельные органы

власти, составленные из религиозных деятелей, предпочитавших, однако, действовать негласно. Хомейни всякий раз отклонял прошения премьера об отставке, чтобы не создавать благоприятных условий для деятельности оппозиционных сил, относительная лояльность которых к имаму обеспечивалась наличием между ними буфера в лице правительства Базаргана. В то же время он воздерживался от оказания премьеру полной поддержки, поскольку это могло дать повод для отождествления имама с правительством, которое общественность обвиняла в посягательстве на революционные завоевания, хотя на деле оно стало прикрытием для фактического правления духовенства.

Положение резко изменилось к осени 1979г., когда экономический кризис, продолжавшийся рост стоимости жизни и безработицы, коррупции и спекуляции поспособствовали углублению массового недовольства. Представители радикальных кругов исламского движения, поощрявшиеся Хомейни, подвергли резкой критике внутреннюю и особенно внешнюю политику кабинета Базаргана, которая якобы противоречила «курсу ислама».

Продолжавшиеся в первые дни ноября 1979г. студенческие демонстрации, еще недавно проходившие под ярко выраженными социальными лозунгами, в результате призывов религиозных лидеров усилить борьбу против США приобрели антиамериканскую направленность. 4 ноября наспех сколоченная Организация мусульманских студентов — последователей курса Хомейни — осуществила заранее запланированную акцию по захвату сотрудников американского посольства в Тегеране в качестве заложников впредь до выдачи Ирану бывшего шаха. Шах в это время находился на лечении в Нью-Йорке. 63 американца более года провели в заключении.

Хомейни почувствовал, что настало время добить-

ся безраздельной власти. 2–3 декабря 1979 г. новый референдум утвердил «исламскую конституцию». Этот акт заложил правовые основы создания новой структуры государственной власти в форме первой в современном мире шиитской теократии. Хомейни стал де-юре пожизненным всевластным правителем Ирана. Сразу после референдума имаму удалось довольно быстро решить задачу разгрома остатков либеральных сил, которые после ухода в отставку Базаргана сгруппировались вокруг популярного великого аятоллы Шариат-Мадари, выступавшего против активного участия духовенства в политике, против эксплуатации религии в политических целях. В декабре 1979 — январе 1980 гг. выступления его сторонников в Иранском Азербайджане были подавлены. Сам Шариат Мадари до своей смерти (1986 г.) практически находился под домашним арестом. Волна репрессий коснулась и других представителей духовенства, недовольных характером устанавливающегося в стране исламского режима.

В начале января 1980 г. в связи с болезнью сердца Хомейни переехал в Тегеран. После двухмесячного пребывания в кардиологической клинике он поселился в уединенно расположенном особняке пригорода Джамаран на северной окраине города. Теперь он реже стал появляться на людях, ограничиваясь в основном церемонным приветствием с балкона и речами по радио и телевидению.

Основной заботой имама стало создание новой, исламской, государственной структуры. В рамках исламского движения выделились две соперничавшие группы: клерикалы во главе с аятоллой Бехешти и оставшиеся на политической арене «мирские муллы»: Банисадр, Готзабе и другие.

Не желая ставить духовенство в положение, в котором еще недавно находился Базарган, имам решил передать руль государственного правления «мирским

муллам». В конце ноября 1979 г. Готзабе был назначен министром иностранных дел — должность, получившая важное значение в условиях ирано-американского конфликта из-за заложников. 25 января при протезировании Хомейни на пост президента страны был избран Банисадр.

Одновременно при содействии имама аятолла Бехешти и его сторонники получили важные посты в судебных и военных органах, а затем и большинство мест во вновь избранном в марте-мае 1980 г. парламенте, что позволило им полностью нейтрализовать президента.

Таким образом, Хомейни вновь подтвердил курс на установление политической власти духовенства не только путем выдвижения на первый план светских деятелей, которые использовались в качестве громоотвода для возможного народного недовольства, но и непосредственно на самых ключевых и в то же время теневых постах. С весны 1980 г. по всей стране началась санкционированная имамом «великая культурная революция». В числе прочих планировалось принять меры против левых сил. С августа клерикалы взяли в свои руки формирование кабинета министров, возглавленного преданным им светским деятелем Мохаммедом Али Раджаи. Под их контроль перешли и все звенья исполнительной власти. Президент, таким образом, оказался «третьим лишним».

Ожесточенная внутренняя борьба в руководстве страной протекала на фоне продолжающегося конфликта с США из-за заложников, затянувшегося до января 1981 г. Этот искусственно вызванный внешнеполитический кризис, однако, начал утрачивать свое значение. Необходимо было искать новые средства для достижения «исламского единства» страны. Удобный случай не замедлил представиться.

22 сентября 1981 г. — в ответ на массированные обстрелы иранской артиллерией пограничных населен-

ных пунктов Ирана — иракские войска вступили на территорию Ирана.

Конфликт возник на почве пограничных и территориальных столкновений. Он затянулся на восемь лет, став одним из самых кровопролитных со времен второй мировой войны. Ирак обвинял режим Хомейни в обскурантизме, мракобесии и следовании великодержавной, экспансионистской политике шаха, а Иран — режим иракского президента Саддама Хусейна в антиисламском характере.

Имам постоянно заявлял о необходимости вести войну до полной победы, сколько бы времени и сил она ни потребовала. Дух самопожертвования, культивировавшийся им в массах, побуждал не прошедшую серьезной военной подготовки иранскую молодежь добровольно принимать мученический венец, десятки, а то и сотни мальчишек 12–16 лет ценой своей жизни разминировали иракские минные поля, откликаясь на призыв Хомейни «пролить кровь для оплодотворения революции» и надеясь таким образом заработать путевку в рай. По различным подсчетам, Иран потерял в войне от 500 тыс. до миллиона человек убитыми и ранеными.

Разработанная Хомейни еще в эмиграции доктрина экспорта «исламской революции» стала составной частью внешнеполитической концепции Ирана. Именно она освящала применяемые «воинами ислама» средства борьбы. «Воинами ислама», готовыми решать проблемы Ирана и всего мира в духе мученичества, должно было, по мысли имама, стать все население страны. Смертников-добровольцев для действий вне Ирана готовили в специальных лагерях из людей «дна», которым зачастую уже ничего другого не оставалось делать. Для действий внутри Ирана в мечетях собирали членов «партии Аллаха», которые стали блюстителями «порядка и законности», поборниками «исламской нравственности и морали».

Обычно акции «воинов ислама» использовались в качестве средства давления на то или иное государство в целях получения определенных уступок. Если же террористы попадались с поличным, от них отрекивались, заявляя, что доктрина экспорта «исламской революции» носит идеологический характер.

Между тем борьба в высших звеньях Исламской Республики с начала 1981 г. приняла ожесточенный характер. Хомейни, выступая в своей обычной роли арбитра, внешне держался в стороне от нее. Отказываясь принять сторону какой-либо из фракций, он от случая к случаю критиковал и тех и других и постоянно призывал к единству.

Положение начало меняться, когда Банисадр попытался привлечь на свою сторону армию. 10 июня 1980 г. Хомейни, уступая требованиям аятоллы Бехешти, освободил президента от обязанностей верховного главнокомандующего. Спустя десять дней клерикалы поставили в меджлисе вопрос о «политической компетентности» Банисадра. Обвиненный в развале экономики, просчетах в ведении военных действий и вообще в отходе от «курса имама», президент был смещен со своего поста. Вскоре он тайно бежал из страны.

В сентябре 1981 г. президентом Исламской Республики стал представитель среднего звена духовных лидеров — ходжат-оль-ислам Али Хосени Хаменеи. Все другие руководящие посты также заняли либо религиозные, либо преданные им светские деятели. Впервые взяв на себя непосредственное руководство государственным управлением, духовенство вышло из тени и поставило себя в то самое неловкое положение, в котором раньше предпочитало видеть Базаргана и Банисадра.

В поисках новых приемов организации масс для борьбы с вооруженной оппозицией Хомейни поставил вопрос о превращении всего населения в добро-

вольных осведомителей органов безопасности. Из его тщательно охраняемой резиденции периодически раздавались призывы к созданию по всей стране сети взаимной слежки и всеобщей подозрительности. Доносы родителей на детей, детей — на родителей, братьев и сестер, а всех вместе на знакомых, соседей, друзей возводились в ранг национального и религиозного долга.

С течением времени имам смог решить главную свою задачу — вооруженной оппозиции не удалось перейти от политических убийств к уличным боям, и к концу 1982 г. размах и результативность ее деятельности значительно ослабли. Итогом были усталость, апатия, безразличие, растущее разочарование большинства населения, а вместе с тем стабилизация установившегося в стране режима шиитской теократии.

Несмотря на заверения коммунистов и близких к ним организаций о лояльности, с начала 1983 г. они подверглись массовым репрессиям. Вскоре в стране не осталось организованных политических сил, способных составить реальную альтернативу исламскому режиму. С политической сцены были устранены бывшие союзники по антишахской оппозиции и даже многие ближайшие сподвижники и доверенные лица Хомейни. В сентябре 1982 г. был казнен Готзабе, еще незадолго до этого являвшийся правой рукой Хомейни.

Репрессиям подверглось и большое число религиозных деятелей среднего звена, считавших установившиеся в стране формы тоталитарного режима противоречащими демократическим традициям шиизма. Имам постепенно престал апеллировать к народу. Место масс рабочих и крестьян, которых ранее периодически выводили на городские площади и улицы, чтобы продемонстрировать «единство народа и имама», заняли созданные духовенством военизированные организации и подкармливаемые в мечетях «профессионалы манифестаций» из «партии Аллаха».

В последующие годы Хомейни из-за состояния здоровья посвящал государственным делам не более одного-двух часов в день, а время от времени позволял себе «периоды затворничества», длившиеся от трех недель до месяца. Правитель отгородился от народа волной репрессий: подсчеты дают нами цифру в 50 тыс. казненных и 140 тыс. политзаключенных.

Постепенно корректировался экономический курс имама. Он предпринимал реальные меры по удовлетворению требований крупного капитала. С течением времени с согласия имама многие из национализированных ранее предприятий, а также земельных владений были возвращены их прежним собственникам. Но одновременно с этим Хомейни бдительно следил за осуществлением социально-благотворительных программ помощи в виде безвозмездных пособий и услуг низшим слоям населения. Массам внушалась убежденность в том, что только в условиях исламского режима они могут поддерживать свое существование.

Результатом такого маневрирования был практически полный отказ от провозглашенных ранее принципов социально-экономических преобразований и завуалированно проявлявшееся возрождение некоторых аспектов прежней экономической политики. Разница была в том, что к активной коммерческой деятельности приобщилось духовенство. Различные его группы сплотились ради достижения общих интересов в сфере предпринимательства. Эта новая супергруппа, правившая в основном из мечетей, опиралась на выросший почти вдвое по сравнению с шахским периодом штат государственных служащих.

Сложная и громоздкая структура исламской государственной власти была построена таким образом, что в ее контрольных и судебных звеньях преобладали традиционалисты-консерваторы, выступавшие за дальнейшее расширение свободы частного предпринимательства, а в исполнительных и отчасти законо-

дательных органах — сторонники «курса имама» (в основном из светских деятелей), использовавшие популистские лозунги для привлечения «низов». Над обеими соперничающими фракциями, как и прежде, стоял имам.

В ноябре 1985 г Хомейни назначил аятоллу Хусейна Монтазери своим преемником. Монтазери не был самостоятельной политической фигурой. Хомейни и председатель меджлиса ходжат-оль-ислам Али Акбар Хашеми-Рафсанджани крепко держали его в руках.

В области внешней политики уже с конца 1981 г. политика изоляции стала нарушаться систематически и целенаправленно. Иран вскоре приступил к планомерному установлению и расширению своих связей с внешним миром, используя тактику нажима и переговоров. Определяющую роль в развитии внешнеполитических связей играла усиливающаяся зависимость хозяйства страны от мирового рынка, ставшего в условиях ирано-иракской войны основным источником его снабжения боевой техникой и военным снаряжением. При этом тайный ввоз оружия из Израиля и США, с которыми Иран не имел дипломатических отношений, осуществлялся под прикрытием проклятий в адрес «империализма» и «сионизма», с которыми выступали деятели исламского режима.

Разгоревшийся на этой почве в 1986–1987 гг. шумный политический скандал, получивший в США название «ирангейта», в самом Иране был замят в самом зародыше. Восемью депутатам меджлиса, которые вознамерились выразить сомнение в достоверности официальной правительственной версии событий, оказалось достаточным задать короткий многозначительный вопрос: «Почему вы находитесь под влиянием иностранной пропаганды?»

Подчинив внутреннюю и внешнюю политику страны потребностям и нуждам войны с Ираком, Хомейни изо дня в день, вплоть до середины 1988 г., призывал

население быть готовым вести ее в течение десятилетий. Он отказывался от каких бы то ни было мирных переговоров и даже от временного прекращения огня.

В июле 1988 г. Хомейни удивил не только иранцев, но и весь мир, выступив с заявлением, в котором он без всяких предварительных условий высказался за прекращение военных действий и начало переговоров с Ираком. Хомейни почувствовал, что война, вызывая острые разногласия в правящих кругах и принося неисчислимыя бедствия населению, стала угрожать существованию режима.

В этом эпизоде имам впервые за девять с половиной лет пребывания у власти позволил себе публично признать, что действует по совету государственных деятелей, которые доказали ему необходимость принять решение о переговорах с Ираком. Главную роль здесь сыграл новый «сильный человек» Ирана ходжат-оль-ислам Хатеми-Рафсанджани. Назначенный за несколько месяцев до окончания военных действий верховным главнокомандующим, он в специальном коммюнике объяснил стране причины резкого поворота в отношении к войне. На опубликовании коммюнике в свою очередь настоял аятолла Монтазери. Хомейни, однако, не позволил себе долго проявлять слабость: в конце марта 1989 г. он вынудил уйти в отставку своего официального преемника, неоднократно призывавшего положить конец «тысячам казней» и изменить представление об Иране как о стране убийц. За несколько дней до этого Хомейни поставил в упрек Хашеми-Рафсанджани чрезмерное внимание к вопросам инфляции и безработицы. «Экономические вопросы не должны отвлекать государственных деятелей от их основной задачи — создания «всемирного исламского государства», а народ готов заплатить за это лишениями», — заявил имам.

Возрождение «идеалов революции» теперь виделось в продолжении спора с Ираком в ходе мирных перего-

воров, которые велись с августа 1988 г. под эгидой ООН, и в таких кампаниях, как дело английского писателя иранского происхождения Салмона Рушди. Писатель в феврале 1989 г. был осужден на смерть за «оскорбление» ислама в романе «Сатанинские стихи».

Одной из главных проблем политики Хомейни в течение послереволюционного десятилетия было сохранение единства и сплоченности идущего за ним большинства народа, мысливших исключительно на основе признания именно его интерпретации ислама как идеологически интегрирующего фактора. Неприятие этой интерпретации, любая критика, всякий отход от нее имам квалифицировал как отказ от самого ислама. Используя политику, основанную на принципе «разделяй и властвуй», сталкивая и противопоставляя друг другу различные социальные группы к фракции внутри господствующего слоя, имаму удавалось поддерживать в массах миф о своей «надклассовости».

Никто при созданной имамом структуре власти не мог претендовать на большее, чем косвенное политическое влияние. Возникший же вокруг имама ореол бескорыстия вознес его на недостижимые вершины всенародного почитания и поклонения. Всем слоям иранского общества, включая и интеллигенцию, не могло не импонировать бескомпромиссное отрицание имамом «общества потребления» и бездуховной «массовой культуры» Запада.

В условиях искусственно форсировавшейся шахом индустриализации страны по западным образцам ближайшая задача антишахской борьбы состояла в смягчении последствий несбалансированного буржуазного развития. Эту задачу политика Хомейни решила по-своему: разрушения, причиненные одной только войной с Ираком, достигли астрономической суммы — 700 млрд. долларов.

Иранское общество оказалось не готовым понять

«чистую» буржуазную государственность, навязывавшуюся шахом. Хомейни предложил взамен программу «исламского морального порядка», последовательно добиваясь создания «исламской республики».

В безграничной, доходящей до фанатизма преданности большей части народа Хомейни, очевидно, видел свидетельство правоты своей позиции. Эта преданность определялась не только его личным авторитетом, но и особенностями психологии иранцев как представителей традиционалистского исламского общества. Для них полуфеодальные, патриархальные условия существования были гораздо более приемлемы, чем шахская «белая революция». Это позволяло имаму проявлять решительность и завидную последовательность в выражении интересов служителей культа, стремившихся установить свое политическое руководство обществом.

Хомейни можно в известном смысле считать «зеркалом» иранской революции, весьма адекватно отразившим то, что исходило и из рассудка и из предрассудков широких кругов ее участников. Хомейни не был религиозным фанатиком в обыденном понимании этих слов. При бесстрастном рассмотрении он предстает личностью необычайно широкой, яркой и цельной, по-своему обаятельной, умевшей завораживать и гипнотизировать, внушать сверхчеловеческую любовь и животный страх, вызывать раболепное почитание и жгучую, испепеляющую ненависть.

Исключительная популярность Хомейни объясняется, скорее всего, общими законами развития общественного сознания и коллективных представлений в традиционных культурах, основанных на мифологическом мировосприятии. Мифологическое сознание строит законченную картину мира, изначально определенную и неизменяемую. В общественной жизни это выражается в подчинении индивидуума строго установленному порядку жизни. Коллектив доминирует над

человеческой индивидуальностью, но взамен предоставляет гарантии защиты и поддержки. Всякие внешние изменения, разрушающие традиционные системы, вызывают чувство внутреннего дискомфорта, бессмысленности и неопределенности существования. Человек стремится как можно быстрее вернуться в уютный кокон коллективизма и постоянства.

Хомейни тонко чувствовал эти глубинные мотивы человеческой природы и умело манипулировал общественным сознанием. Его смерть 3 июня 1989 г. вызвала новую волну религиозного фанатизма в стране. Иран остался и сейчас остается строго теократическим государством.

ХОРТИ МИКЛОШ (1868–1957)

Миклош Хорти — регент Венгрии в 1920–1944 годах. Для его правления были характерными черты авторитаризма. В силу сложившихся обстоятельств он втянул Венгрию во вторую мировую войну на стороне Германии.

Миклош Хорти родился 18 июня 1868 г. в отцовском имении в Кендереше Солнокского комитата. Венгрия в это время входила в состав двуединой Австро-Венгерской монархии Габсбургов.

Миклош стал пятым ребенком в семье, всего же его родители — Иштван Хорти и Паула Халашши — вырастили и воспитали девятерых детей. Все дети получили хорошее образование.

С восьми лет Миклош стал учиться в реформатском колледже города Дебрецена. В 10 лет, по настоянию родителей, пожелавших, чтобы их сын наряду с венгерским овладел немецким языком, его перевели в немецкую мужскую гимназию г. Шопрон. Немецкий язык в тех условиях был совершенно необходим для будущего продвижения по службе.

В 1882 г. Хорти был зачислен на учебу в военно-морское училище г. Фиуме (ныне Риека). В 1886 г. он получил звание морского кадета.

Во время учебы Хорти овладел сербским и итальянским языками. С 18 лет он начал службу на флоте. Хорти быстро продвигался по служебной лестнице: в январе 1900 г., в 32 года, ему было присвоено звание капитан-лейтенанта 1-го ранга и доверено командование кораблем.

Вскоре Хорти направили в Вену в военно-морское ведомство для перевода на венгерский язык документов и работы с делегатами венгерского парламента на

совместных австро-венгерских совещаниях. Контакты и знакомство с венгерскими политическими деятелями оказались полезными для его будущей карьеры.

В 1901 году Хорти женился на 19-летней Магде Пургли — дочери депутата венгерского парламента. Хорти после Вены продолжил службу в городе Поле (ныне Пула в Хорватии), где у молодой пары родились дети — две девочки — Манда и Паула, и два мальчика, Иштван и Миклош. В 1909 году после успешной сдачи экзаменов Хорти было присвоено звание капитана 3-го ранга.

В ноябре 1909 г. в жизни Хорти произошли большие перемены. От совместного австро-венгерского военного министерства ему пришло предложение занять должность высшего офицера — одного из четырех флигель-адъютантов Франца-Иосифа. Этот пост ранее традиционно занимали лишь австрийцы. Хорти, конечно же, согласился.

С 1909 г. по 1914 г. Хорти служил в венском Хофбурге непосредственно при императоре — венгерском короле. Служба требовала от него пунктуальности, дисциплинированности, хорошего знания немецкого языка, а также умения ездить верхом, сопровождать короля на охоте. Он усвоил придворный этикет, манеры поведения, а также консервативное мировоззрение.

Начало первой мировой застало Хорти в отпуске, но 27 июля 1914 г. он уже прибыл в порт Пола, где сначала командовал кораблем «Габсбург», а с декабря стал командиром нового быстроходного крейсера «Новара», считавшегося самым совершенным кораблем на флоте, способным выполнять особые задачи. Хорти участвовал в морских сражениях на Адриатике против итальянского и французского флота.

С февраля 1917 г. на Средиземном море развернулась ожесточенная торпедная баталия. Крейсер «Новара» в мае 1917 г. прорвал в районе Отранто блокаду и потопил немало кораблей противника. В этой битве Хорти был ранен, слегка оглох, но продолжал руково-

дить сражением, которое продолжалось три часа. Эта крупнейшая на Адриатике морская битва завершилась победой австро-венгерского флота и принесла Хорти широкую известность.

В феврале 1918 г., после выздоровления, Хорти был назначен командиром другого высококлассного военного корабля «Принц Эуген». Это было время, когда под влиянием событий в России началось революционное брожение и в австро-венгерской армии. Ослабла военная дисциплина, все труднее становилось управлять многонациональными силами на флоте. Хорти строгими и решительными мерами, хотя и без применения оружия, восстановил на своем корабле порядок и воинскую дисциплину.

Король-император Карл, недовольный состоянием находившегося в стадии разложения флота, решил снять командующего и 27 февраля 1918 г. на эту должность назначили Хорти, присвоив ему звание контр-адмирала. Миклош Хорти стал последним главнокомандующим Австро-венгерского флота. К концу октября 1918 г. флот перестал существовать. Хорти передал его представителям нового образовавшегося государства — Королевства сербов, хорватов и словенцев — и на время посвятил себя частной жизни.

Венгрия, провозглашенная 31 октября 1918 г. республикой, свергла династию Габсбургов. Страна разделилась. 21 марта 1919 г. часть Венгрии была провозглашена Советской Республикой. На территории, оккупированной войсками Антанты, начали собираться антикоммунистические силы. Контрреволюционное правительство возглавил граф Дюла Каройи. Он пригласил Хорти на пост военного министра в своем правительстве. Хорти переехал в г. Сегед (местопребывание правительства Каройи) и приступил к формированию «венгерской национальной армии», которая поначалу насчитывала всего тысячу человек. Несмотря на то, что Антанта не разрешала новой ар-

мии вмешиваться в политическую жизнь, отдельные ее части самовольно устраивали антикоммунистический террор.

Пребывание в Сегеде позволило Хорти установить контакты с представителями Антанты, что было весьма полезным для его будущей карьеры. Хорти все операции своей армии согласовывал с ними, что позволяло ему избегать столкновений с румынскими оккупационными частями, а также показать себя дисциплинированным и надежным партнером, готовым к решению любых проблем за столом переговоров.

После разгрома Венгерской Советской Республики и ухода румынских оккупационных войск было образовано новое венгерское правительство. 16 ноября «национальная армия» — единственная тогда реальная и властная общенациональная сила — торжественно вошла в Будапешт. Впереди на белом коне в парадной форме адмирала ехал Хорти.

Окончательно распрощавшись с военной службой, Хорти занялся большой политикой. Он не связал себя ни с одной политической партией, оставался нейтральным, делал упор только на необходимость соблюдения порядка и спокойствия, а своими патриотическими высказываниями старался завоевать расположение самых различных групп населения. Среди политических деятелей стали распространяться слухи, что Хорти стремится, как Пилсудский в Польше, к установлению личной военной диктатуры. Чтобы внести ясность в ситуацию, Хорти собрал представителей различных политических партий и, выступив перед ними, заявил, что не приемлет никакой диктатуры.

Как бы то ни было, в интересах стабилизации положения страна нуждалась в сильной личности. 16 февраля 1920 г. было созвано Национальное собрание. Оно констатировало прекращение действия австро-венгерского соглашения 1867 г., аннулировало акты двух республик 1918–1919 гг., провозгласило восстановление

королевской власти, которая не функционировала с ноября 1918 г.

Державы-победительницы в категорической форме возражали против присутствия кого-либо из династии Габсбургов на венгерском престоле. До определения кандидатуры на этот пост и до избрания короля было решено учредить пост регента или правителя страны. Такие прецеденты уже случались в венгерской истории.

1 марта 1920 г. Национальное Собрание избрало Хорти правителем Венгрии. За него проголосовал 131 из 141 депутата.

Весь межвоенный период Венгрия просуществовала как королевство без короля. Хорти оставался ее правителем на протяжении без малого 25 лет. Заняв этот пост в сложнейших международных условиях, когда предстояли мирные переговоры, подписание тяжелейших для страны условий мира, и в не менее трудной внутривнутриполитической ситуации, — политическая нестабильность, разруха, развал веками функционировавших экономических связей, — Хорти брал на себя весьма большую ответственность. Поэтому, прежде чем согласиться на эту должность, он выдвинул свои условия по расширению полномочий регента. Они были приняты. Хорти получил право отсрочить начало работы Национального собрания, а также в экстремальном случае распустить его.

Став главой государства, Хорти сохранил за собой пост главнокомандующего армией, но его основными функциями стали представительство страны во внешнем мире, назначение и прием послов.

От его согласия зависело утверждение законодательных решений по вопросам войны и мира. С 1937 года он, кроме того, приобрел право на объявление войны и заключение мира без согласия правительства и парламента. Хорти свои исполнительские функции реализовывал через назначавшиеся им правительства. Он пользовался законодательной инициативой, правом

созыва и роспуска парламента. Неприкосновенность личности регента, его достоинство гарантировались законом, однако в случае нарушения им этих законов он мог быть привлечен к ответственности. Правом утверждения законов он не обладал, но имел возможность два раза возвращать законы парламента на дополнительное рассмотрение.

Население страны ко времени прихода к власти Хорти находилось в тяжелейшем психологическом состоянии. Трианонский мирный договор больно ударил по национальному самолюбию венгров. Венгрия лишилась почти двух третей своей прежней территории и половины населения. Третья часть всего этнического состава венгров оказалась за пределами новых границ страны.

Хорти в начале своего правления пришлось бороться и с крайне правыми и с крайне левыми. Антикommунизм стал таким же важным столпом идеологии создававшейся системы как и христианско-национальные идеи, ориентированные на сознание среднего класса. В октябре 1921 года состоялось решающее столкновение с крайне правыми силами. Наследник престола король Карой, обосновавшийся в Швейцарии, не добившись воцарения политическими средствами, предпринял попытку силой овладеть венгерским престолом. В сопровождении армейского гарнизона Карой из Шопрона направился в Будапешт.

Хорти, желая избежать гражданской войны, сначала решил уйти в отставку, но затем отдал армии приказ о сопротивлении войскам Кароя. В результате все вопросы удалось решить с помощью переговоров. 2 ноября 1921 г. Национальное собрание постановило лишить Габсбургов престола, а Кароя выдворить из страны.

В формировании политической системы Венгрии в 20–30-е годы большую роль сыграл премьер-министр страны граф Иштван Бетлен. Под его непосредственным руководством создавалась политическая система,

получившая название «хортистской». Система эта включала следующие основные моменты: изоляция ультраправых группировок, возрождение венгерского среднего класса, восстановление христианских идеалов, создание двухпалатного парламента.

Хорти, на которого поначалу смотрели как на временно исполняющего обязанности, сумел продержаться у власти почти четверть века. В августе 1922 г. делегация венгерских политиков предложила ему корону, однако он отклонил их предложение. Надо заметить, что эти сведения сообщил сам Хорти и они нуждаются в проверке.

Хорти был старомоден до анахронизма. Его контрреволюционный вождизм имел очень мало общего с нацизмом или фашизмом. Хорти не разрабатывал и даже не воспринимал никакой новой идеологии. Он следовал тем позициям и взглядам, которые усвоил во времена монархии в родительском доме и в военном училище. К власти Хорти относился с уважением, но не был одержим властью. Политическое руководство в годы своего правления он почти исключительно уступал правительству, только в кризисные ситуации беря его в свои руки.

В 20–30-е годы Хорти и его политическое окружение стремились преодолеть внешнеполитическую изоляцию, в которой держали Венгрию страны Малой Антанты (Чехословакия, Румыния и Югославия). Хорти пытался мирными средствами достичь ревизии Трианонского мирного договора.

Как ни странно, но первой помогла Венгрии выйти из внешнеполитической изоляции Италия. 5 апреля 1927 г. соседствующие страны подписали договор «О вечном мире и дружбе». Венгерскому правительству импонировала склонность Муссолини поддерживать некоторые территориальные претензии Венгрии.

Мировой экономический кризис начала 30-х годов повлиял на политическую жизнь Венгрии. Бетлен по-

дал в отставку. Новый премьер Дюла Каройи продержался недолго. 1 октября 1932 г. правительство сформировал бывший министр обороны Дюла Гембеш. В руководстве Венгрии опять искали «сильного человека».

Гембеша вдохновлял пример Гитлера и Муссолини. От Гитлера он ожидал поддержки планам ревизии Версальской системы. Гембеш был первым государственным деятелем, встретившимся в июне 1933 г. с фюрером и сумевшим завоевать его расположение. Именно он первым употребил термин «державы оси» применительно к возникшему в 1936 г. союзу между Берлином и Римом.

Вслед за Италией именно Германия стала той страной, которая пошла на сближение с Венгрией. В объятия фашистских государств Венгрию толкала недалёковидная политика великих держав и стран Малой Антанты. Политика гитлеровской Германии, направленная на пересмотр условий Версальской системы мирных договоров, находила понимание и поддержку у Хорти и других венгерских политиков, считавших эти договора несправедливыми. Убедившись в том, что нет никакой надежды на поддержку со стороны Запада в деле решения проблем венгерских национальных меньшинств в соседних странах, венгерское правительство обратило взоры на гитлеровскую Германию.

После 1933 г. Хорти начал предпринимать активные шаги по сближению с Германией. Первая его встреча с Гитлером состоялась в Берхтесгадене под Зальцбургом, куда регент был приглашен поохотиться, и носила ознакомительный характер. Хорти и Гитлер нашли взаимопонимание в оценке германо-итальянского сближения, в вопросах необходимости сплочения сил под знаменем антикоммунизма. Визит Хорти к Гитлеру вызвал волну фантастических домыслов в соседних странах, и там сразу же заговорили о «распространении фашизма», опасаясь в связи с этим нарушения статус-кво в Европе.

В политическом окружении Хорти премьера Гембеша считали человеком, всячески стремившимся укреплять венгеро-германские отношения и подражать гитлеровским порядкам во внутренней политике. Премьер-министр вел переговоры об изменениях внутриполитического устройства Венгрии не только с Гитлером, но и с Герингом, имел с ним тайное соглашение о взаимной поддержке диктаторских режимов.

Гембеш, имея диктаторские наклонности, все решительнее выдвигал свою персону на передний план, вмешиваясь даже в те дела, которые находились в компетенции правителя. Эти черты премьера вызвали протесты со стороны как парламента, так и самого Хорти. Период 1932–1936 гг. характеризовался наиболее близкими к фашизму чертами, но фашистский режим в стране все же не был установлен. Хорти осенью 1926 г. уже готовился удалить Гембеша с поста премьер-министра, но тот тяжело заболел и в октябре скончался. В 30-е годы Хорти весьма успешно выполнял роль некоего регулятора политического равновесия и гаранта стабильности в стране, оказывая воздействие на развитие отношений между различными политическими силами, и прежде всего между гембешевской группой руководства с ее профашистскими устремлениями, с одной стороны, и консервативно настроенными классами крупной буржуазии и землевладельцев — с другой. Хорти не пошел на установление фашистской диктатуры, хотя его решительно подталкивали в этом направлении. Особенно усердствовала партия отставного майора генштаба армии Ференца Салаши — Партия национальной воли.

Новый премьер-министр Венгрии Калман Дарани с согласия регента предпринял ряд мер по сдерживанию активности крайних политических сил и движений, как левых — коммунистов, так и правых — фашистов. Салаши в январе 1937 г. был арестован, его партия распущена и запрещена. Одновременно проводились репрессии про-

тив коммунистов, действовавших в глубоком подполье. В конце 1937 г. Салашы вышел из заключения, фашистская партия возобновила деятельность под названием Венгерская национальная социалистическая партия, и впоследствии стала известна как нилашистская партия.

Правительство Дарани 5 марта 1938 г. провозгласило программу вооружения Венгрии, что означало отказ от соблюдения ограничений в вооружении, которые предписывались условиями Трианонского договора. В мае 1938 г. Дарани на посту премьер-министра сменил Бела Имреди.

Новая политическая реальность в Центральной Европе заставила Хорти пойти на дальнейшее сближение с гитлеровской Германией, в результате которого постепенно менялся характер венгеро-германских связей. Заключение 29 сентября 1938 г. в Мюнхене четырехстороннее соглашение Великобритании, Франции, Германии и Италии привело к тому, что Германия отторгла от Чехословакии 20% ее территории. В октябре Венгрия при поддержке Италии обратилась к Германии с просьбой поддержать и ее территориальные претензии. В итоге 2 ноября 1938 г. в соответствии с решением Первого венского международного арбитража Венгрии было возвращено 12 тыс. кв. км территории Южной Словакии и часть территории современного Закарпатья с населением около 1 млн. человек.

На волне успеха по «собираанию венгерских земель» правительство Имреди стало приспособливаться к потребностям гитлеровской политики, стремясь внедрить германские порядки в Венгрии. Была создана прогитлеровского толка организация венгерских немцев — фольксбунд, которая развернула свою деятельность с ноября 1938 г. Эти действия премьера не соответствовали представлениям Хорти, так как частично были направлены на ограничение его влияния на политику страны. В феврале 1939 г. Хорти сместил Имреди и назначил новым премьер-министром Пала Телеки.

В конце 30-х годов Хорти подвергся критике как слева так и справа в связи с принятием в 1938 и 1939 годах законов, ограничивавших права евреев. Хорти подвергся внутри страны нападкам за дискриминацию евреев, а со стороны гитлеровцев, под давлением которых и были приняты эти законы, упрекам в недостаточной жесткости в решении еврейского вопроса.

Хорти недолго сопротивлялся втягиванию своей страны в войну. Если он отказался пропустить войска вермахта через территорию Венгрии для нападения на Польшу в 1939 г., то уже в конце июня 1940 г. дал согласие на продвижение немецких танков к восточным границам Румынии через свою территорию.

Вскоре Хорти и правительство Венгрии заявили о своих территориальных претензиях к Румынии. Вторым венским арбитражем Венгрии была возвращена северная часть Трансильвании общей площадью 43,5 тыс. кв. км. с населением 2,5 млн. человек. Южная часть Трансильвании осталась в составе Румынии. Решение арбитража не удовлетворило ни одну из конфликтовавших сторон. Хорти также был недоволен этим решением, хотя официальная пропаганда возводила его в ранг «спасителя страны». Вскоре Гитлер стал требовать плату за свои услуги. Он настоял на том, чтобы фольксбунд стал единственным законным представителем интересов немецкого меньшинства в Венгрии и получил исключительные права. Летом 1940 г. Салаши попытался организовать профашистский государственный переворот. Уже в сентябре Гитлер добился его освобождения из тюрьмы.

В 1940 г. Венгрия присоединилась к Тройственному пакту Германии — Италии — Японии. За нею последовали Румыния и Словакия, а затем Болгария. Чтобы сохранить за собой дорогу в нефашистский мир, Хорти подписал 12 декабря 1940 г. договор о дружбе с Югославией.

В конце марта 1941 г. югославское правительство тоже подписало Тройственное соглашение, что вызва-

ло в стране целую волну антигерманских митингов. Гитлер принял решение ликвидировать Югославию. Вместе с гитлеровцами на территорию Югославии вступили и венгерские войска. Такое решение стоило жизни премьеру Телеки. В ночь со 2 на 3 апреля он застрелился, предпочтя смерть «выступлению на стороне негодяев». 4 апреля 1941 г. Хорти назначил премьером Ласло Бардоши.

22 июня 1941 г. Хорти получил от Гитлера письмо, в котором содержалось пожелание, чтобы Венгрия объявила войну СССР. Хорти попробовал отделаться только разрывом дипломатических отношений, но 26 июня 1941 г. Венгрию потрясла весть о том, что в районе городов Рахо и Мункач на железнодорожные линии были совершены с востока воздушные налеты, а на город Кашша (ныне Кошице) были сброшены бомбы. На осколках бомб нашли клеймо Путиловского завода. В Кашше погибли 30 человек, 285 получили ранения. До сих пор историки продолжают спорить, кто же на самом деле совершил этот налет. Не исключено, что инцидент представлял собой тщательно спланированную немецкую провокацию. Как бы то ни было, 27 июня Венгрия объявила войну Советскому Союзу.

Венгрия оказалась вовлеченной в войну по причине быстрого продвижения германских войск на восток, а также вследствие желания ее политического руководства сохранить за собой возвращенные Венгрии венскими арбитражами земли, которые в случае неподчинения Гитлеру могли быть повторно отторгнуты от нее в пользу соседних стран, выступивших на стороне Германии.

Численность первоначально введенных в бой венгерских частей составляла 30 тыс. человек. Они участвовали в боях за Галицию, а затем в середине июля были направлены на Украину и дошли до Донецка. 8 сентября 1941 г. Хорти специально посетил Гитлера в Виннице и, ссылаясь на плохую военно-техническую осна-

ценность этих частей, добился полного их снятия с линии фронта, частичного возвращения домой и перевода на службу «для поддержания порядка» на оккупированных территориях.

Хорти достаточно рано осознал, что война против СССР не может закончиться победой гитлеровцев. Он всячески препятствовал выполнению требований немецкого руководства о предоставлении в распоряжение вермахта всей венгерской армии. Летом 1942 г. численность венгерских войск на территории СССР достигла 160 тыс. человек. Германия получила в свое распоряжение экономический и военный потенциал страны.

Парадоксально, но внутренняя обстановка хортистской Венгрии казалась весьма благополучной. Военное производство способствовало экономической конъюнктуре, обеспечивались почти полная занятость и достаточно высокий уровень оплаты труда. Страну не беспокоили социальные конфликты, хотя имели место некоторые ограничения на продукты питания и отдельные промышленные товары. Линия фронта была пока далеко и советские бомбардировщики впервые долетели до Будапешта лишь в сентябре 1942 г.

Еще в 1937 г. Хорти стал поговаривать о преемнике. Он считал, что стабильность в стране мог обеспечить только тот преемник, кандидатуру которого он предложил бы сам. Кроме того, он добивался избрания себе заместителя на посту регента и свой выбор остановил на старшем сыне Иштване.

Осенью 1941 г. Хорти, ссылаясь на свой преклонный возраст, предложил парламенту решить вопрос о своем заместителе. Он хотел также, чтобы ему было дано приоритетное право рекомендовать в своем политическом завещании определенного кандидата в качестве своего преемника, так как самоуверенно полагал, что «лучше знает те качества, которыми в тяжелые и сложные времена должен обладать правитель страны». Хорти добился своего только частично. Права назначать преемника

он не получил, но в 1942 г. его сын Иштван был утвержден в должности заместителя регента.

Иштван Хорти был военным летчиком. 20 августа вблизи Дона его самолет потерпел аварию и взорвался. 1 сентября 1942 г. премьер-министр Каллаи в письме Хорти предложил, чтобы в случае недееспособности правителя его заменил сам премьер-министр, который реально мог взять в свои руки управление делами. Хорти согласился, окончательно таким образом решив вопрос о наследнике.

М. Каллаи, ставший премьер-министром в марте 1942 г., стал активно проводить курс на выход из войны, используя политику «осторожного лавирования». В битве под Курском потери венгерских войск составили от 100 до 140 тыс. человек. После этого венгерские власти стали тайно искать контакты с англичанами и американцами. Хорти даже решился на открытое неповиновение Гитлеру. Правительство официально отвергло германское предложение, адресованное венгерским органам внутренних дел, о необходимости депортации евреев в Германию, ограничило вербовку в СС в стране и отказалось от предложенного совместного вторжения в Сербию.

Гитлер пригласил Хорти в Зальцбург на 16 апреля 1943 г. Хорти сумел устоять под жестким давлением Гитлера. Переговоры ни к чему не привели. Стороны даже не смогли договориться о едином тексте коммюнике.

С осени 1942 г. Хорти стало ясно, что немцы войну проиграли. Он предпринял некоторые шаги по установлению контактов с правительствами Англии и США с целью заключения с ними сепаратного соглашения. Однако быстрое продвижение Советской Армии к границам Венгрии разрушило все его надежды на англо-американскую оккупацию страны.

Правительство Венгрии все больше уклонялось от выполнения требований фашистов. Гитлер в конце кон-

цов потерял терпение. 17 марта 1944 г. Хорти по вызову Гитлера отправился в его штаб-квартиру в Клесхейме. Регента сопровождали министры иностранных дел и обороны, а также начальник Генштаба. Фюрер довел до сведения Хорти свое распоряжение о военной оккупации Венгрии.

Хорти фактически оказался в плену, а тем временем силы вермахта одиннадцатью дивизиями оккупировали Венгрию. Хорти уступил Гитлеру и решил остаться на своем посту. Такое решение устраивало немцев, так как создавало видимость законности вторжения и сохранения союза двух государств. Хорти капитулировал и своим именем и авторитетом покрывал перед внешним миром германскую агрессию и насилие.

Коронный Совет поддержал Хорти в его решении не покидать пост главы государства. Это означало, что, несмотря на оккупацию, венгерская государственность де-юре была сохранена и Хорти по-прежнему оставался правителем. Фактически же власть и контроль за нею почти целиком перешли в руки германских оккупационных сил в лице наместника Гитлера Везенмайера, СС и полиции.

Хорти назначил нового премьера — отставного генерала, бывшего посла в Берлине Дему Стояна — и на некоторое время укрылся в замке, желая тем самым продемонстрировать, что не разделяет политику правительства. В апреле регент вынужден был появиться перед народом, чтобы опровергнуть слухи о том, что он находится под домашним арестом. СС и гестапо бесконтрольно хозяйничали в стране. Немцы провели тотальную мобилизацию в армию, отправили на фронт новые эшелоны с войсками, начали депортацию евреев. Хорти лично вмешался и сумел остановить депортацию. В целом же он не противился злу, оказавшись бессильным как правитель страны, и тем самым способствовал тому, что Венгрию называли «последним салтеллитом Германии». Отсюда вытекало и не лучшее отношение к ней держав-победительниц. Хорти не об-

ладал личными качествами, необходимыми для масштабного государственного деятеля — предусмотрительностью, дальновидностью, мудростью и находчивостью. К тому же он боялся надвигавшегося большевизма, к которому все же пришлось в конце концов обратиться за помощью.

В конце июля 1944 г. Хорти осмелился удалить Стояна с поста премьер-министра. Вместе с премьером полностью поменялся весь кабинет. Расправы Гитлера не последовало, так как у него в то время появились другие проблемы.

В августе 1944 г. Хорти образовал правительство во главе с бывшим командующим 1-й венгерской армии генералом Г. Лакатошем. Они совместно попытались найти пути выхода Венгрии из войны. Были возобновлены переговоры с англичанами и американцами. В новых условиях союзники посоветовали Венгрии вступить в непосредственный контакт с СССР.

На свой страх и риск Хорти послал четырех человек в Москву для ведения переговоров об условиях перемирия. В качестве предварительных условий перемирия Молотов потребовал от Венгерской стороны отвести свои войска с линии фронта, а после подписания соглашения о перемирии объявить войну Германии и выступить против нее вместе с Советской Армией. 11 октября соглашение было подписано. Москва требовала обнародования его и вступления в силу в десятидневный срок.

Еще 3 октября Везенмайер провел специальное совещание с генералами армии и СС. Выработанный при этом план предусматривал изоляцию Хорти и введение военного положения. Одновременно гитлеровцы приступили к организации нилашистского путча.

Ночью с 13 на 14 октября Хорти узнал о том, что Везенмайеру дано задание форсировать события. Он решил незамедлительно объявить о выходе Венгрии из войны.

Хортистская акция, однако, в военном и политическом отношении оказалась слабо подготовленной. Сто-

ронникам Хорти не удалось завершить переброску к столице верных им воинским подразделений. Не был продуман и план взаимодействия с частями Советской Армии. Кроме того, Хорти следовало перебазироваться в восточные регионы Венгрии, и там, а не в Будапеште, объявить о выходе страны из войны.

15 октября 1944 г. после длительного заседания Коронного Совета по радио передали текст обращения Хорти к народу. Объявление о перемирии явилось полной неожиданностью для гитлеровцев. Воззвание Хорти было встречено в народе с большим воодушевлением. Из тюрем срочно начали выпускать политзаключенных, арестованных гитлеровцами, активизировались подпольщики, готовые реализовать призыв правителя о спасении Венгрии.

Силы, однако, были неравными. Оккупанты быстро подавили сопротивление будапештцев. Венгерская столица оказалась в руках гитлеровцев, сосредоточивших там накануне крупные силы, включая более 600 танков. 15–16 октября возникли лишь местные и разрозненные очаги сопротивления. Действия отдельных армейских командиров также были нейтрализованы.

Резиденция Хорти превратилась в осажденную крепость. Регент, не желая жертвовать жизнями своих телохранителей, распорядился прекратить сопротивление. Утром 16 октября Хорти арестовали и отвезли в резиденцию СС.

Перед отправкой в Германию Хорти дали понять, что жизнь сына и других членов семьи будет зависеть от его готовности подписать «бумагу» об отказе от власти и ее передаче Салаши. Хорти подписал требуемый документ о назначении Салаши премьер-министром и сложении с себя обязанностей главы государства.

Вместе с семьей Хорти был размещен в охотничьем замке Хиршберг под Вайлхаймом, где содержался под охраной 12 эсэсовцев и 100 солдат с овчарками. Охранявший его отряд согласно приказу должен был унич-

тожить пленников. Однако руководитель группы, гестаповец Клейн, по настоянию швейцарского консула, пощадил жизнь бывшего главы венгерского государства. 1 мая 1945 г. Хорти и его семья были освобождены американцами.

Командование 7-й армии взяло его под стражу. Шесть месяцев Хорти провел в различных депортационных лагерях, а потом был переведен в нюрнбергскую тюрьму. Некоторое время Хорти ожидал решения своей судьбы. Американцы с самого начала не имели претензий к правителю Венгрии. СССР тоже не посчитал в конце концов его военным преступником.

18 декабря 1945 г. американские власти отпустили Хорти на свободу и доставили его на машине к семье в Валхайм. Четыре последующих года он прожил в Баварии. Находясь за границей, Хорти был предоставлен самому себе. С ним не искали связей ни послевоенная народно-демократическая Венгрия, ни разношерстная политическая эмиграция.

До конца 1948 г. Хорти и его семья не имели средств, чтобы уехать из Баварии, климат которой оказался неблагоприятным для пошатнувшегося здоровья 80-летнего старика.

В декабре 1948 г., получив разрешение от Салазара, Хорти переехал в Португалию и поселился в г. Эшториале, месте эмиграции ряда бывших государственных деятелей Европы.

В Эшториале Хорти доживал свой век в кругу семьи. Он умер 9 февраля 1957 г. Похоронен в Лиссабоне на английском военном кладбище.

4 сентября 1993 г. в Венгрии состоялась церемония перезахоронения останков Хорти в семейном склепе в Кендереше.

ЧАУШЕСКУ НИКОЛАЕ (1918–1989)

Николае Чаушеску — коммунистический диктатор Румынии. Его режим был наиболее репрессивным из всех европейских коммунистических режимов, установившихся после второй мировой войны.

Николае Чаушеску родился 26 января 1918 г. в Скорниешти, Румыния. Семья будущего правителя страны — крестьянская и многодетная — ничем не могла помочь Николае, когда он в поисках лучшей доли отправился искать работу в Бухарест. Там он устроился подмастерьем к сапожнику.

В 1933 г., в 15-летнем возрасте, Чаушеску вступил в Коммунистический союз молодежи (КСМ). В этом же году, несмотря на возраст, его приняли в члены коммунистической партии. Он не раз арестовывался, отбывал заключение в разных тюрьмах, в том числе в Дофтане, известной своими тяжелыми условиями.

Старшие товарищи по партии опекали молодого коллегу, заботились о формировании его мировоззрения, помогали осваивать марксистскую литературу. В Дофтане он познакомился с известными румынскими коммунистами, такими как Георгий Георгиу-Деж, Киву Стойка, Эмиль Боднэраш, Александру Могиорош и др. В 1939 г. Чаушеску женился на Елене Петреску, также коммунистке.

Многие румынские коммунисты в годы войны сидели в концлагерях. Не избежал общей участи и Чаушеску. Перед самым вступлением советских войск на территорию Румынии ему удалось бежать. В результате Яско-Кишиневской операции (август 1944 г.) советская армия освободила Румынию от фашистов.

Внутриполитическое развитие Румынии после второй мировой войны протекало в сложной обстановке,

в условиях острой борьбы между силами, объединявшимися вокруг монархии, «исторических партий», и Национальным демократическим фронтом (НФ), в котором руководящая роль принадлежала компартии. В 1945 г. было создано коалиционное правительство НДФ во главе с Петру Грозой, в 1947 г. низложена монархия, а в 1948 г. компартия сосредоточила власть в своих руках и объявила о строительстве социалистического общества.

Дела Чаушеску быстро шли в гору. С 1944 по 1945 гг. он работал секретарем Союза коммунистической молодежи, затем, в 1947 г., возглавил министерство сельского хозяйства и работал на этом посту до 1950 г. С 1950 по 1954 гг. он, в ранге генерал-майора, был заместителем министра обороны.

Карьера Чаушеску развивалась на фоне глубоких преобразований в обществе. В июне 1948 г. коммунисты национализировали основные средства производства, весной 1962 г. завершили кооперирование сельского хозяйства. В соответствии с конституцией, принятой в августе 1965 г., Румыния провозглашалась социалистической республикой, а в программе РКП (1974 г.) ставилась задача построения всесторонне развитого социалистического общества и продвижения страны к коммунизму.

Во внутривнутрипартийной жизни Румынии в первые годы после ее освобождения отсутствовало прочное руководящее ядро. Партия не имела общепризнанного лидера. Верхушка КИР состояла из двух групп. Одну из них представляли коммунисты, находившиеся во время войны в тюрьмах или в подполье (Г. Георгиу-Деж, Г. Апостол, К. Стойка, А. Могиорош, Н. Чаушеску и др.), а другую — лица, побывавшие в эмиграции в СССР (А. Паукер, В. Лука).

В 1951 г. между Г. Георгиу-Деж и А. Паукер возникли разногласия. В результате мир узнал о «разоблачении антиправительственной группы Паукер—Луки». Актив-

ное участие в этой акции принимал и Чаушеску. Вскоре он стал кандидатом в члены Политбюро и секретарем ЦК РКП. Чаушеску в то время старательно играл роль послушного исполнителя. Он постоянно старался держаться на виду Г. Георгиу-Дежа, стараясь завоевать его доверие.

Работая в армейских политорганах, а затем секретарем ЦК РКП, Чаушеску стал проявлять одну из своих самых отрицательных черт — жестокость, нетерпимость к инакомыслию, решимость любыми средствами добиваться повиновения и исполнения его приказов. Чаушеску было с кого брать пример. Жестокий и не терпевший возражений Г. Георгиу-Деж проводил в жизнь намеченную линию, расправляясь с неудобными ему работниками, с реальными и потенциальными врагами в рядах интеллигенции, армии, с деятелями бывших буржуазных партий. И Чаушеску не колебался, когда отдал приказ стрелять в крестьян села Дымбовица, выступивших против насильственной коллективизации.

Инициатива Хрущева по критике культа личности Сталина не нашла понимания у команды Г. Георгиу-Дежа. Бывшего члена Политбюро ЦК РКП Л. Патрашкану, обвиненного на пленуме ЦК РКП в декабре 1948 г. в «национализме и буржуазном шовинизме и разжигании вражды к нерумынским национальностям», расстреляли уже после смерти Сталина в 1954 г. Выступившие в 1957 г. с критикой конкретных проявлений культа личности в РКП члены Политбюро ЦК РКП М. Константинеску и И. Кишиневский были сняты с занимаемых постов.

Утверждение Георгиу-Дежа в качестве главного партийного руководителя в итоге привело к тому, что основным критерием кадровой политики стал принцип старой связи по подполью и личной преданности. На этой основе укрепились позиции Чаушеску, Маурера, Дрэгича. Они усилили свое влияние на Дежа, особенно

после венгерских событий 1956 г., его старались запугать мнимой угрозой со стороны СССР, спекулируя на отдельных тактических промахах Хрущева.

Процесс консолидации ядра националистически настроенных деятелей в румынском руководстве и формирование «особого» курса РКП относится к периоду 1958–1962 гг. Впервые этот курс получил отражение в решениях ноябрьского (1958 г.) пленума ЦК РКП, утвердившего политику форсированной индустриализации страны и резкого расширения ее экономических связей с ведущими капиталистическими странами мира. В этих решениях нашли свое воплощение соображения, высказанные Маурером еще в 1948 г. (он выступал за ослабление экономических связей с СССР, заявлял, что в будущем Румыния должна серьезно подумать об экономическом сближении с Америкой), которые тогда были отвергнуты, но к 1958 г. уже сложились в цельную концепцию.

Линия руководителей РКП на отход от Советского Союза, их особые взгляды на политические и экономические отношения в рамках СЭВ и Организации Варшавского Договора стали проявляться лишь после того, как в стране была создана прочная экономическая база, утвердилась руководящая роль компартии в обществе, а советские войска, своим присутствием оказывавшие сдерживавшее влияние на националистически настроенных деятелей, к осени 1958 г. были выведены с территории Румынии. Подчеркнутое стремление Румынии к «независимости» и «самостоятельности» проявилось на фоне успехов, достигнутых в экономическом развитии страны.

На фоне экономических достижений и повышения жизненного уровня населения происходило дальнейшее усиление националистических тенденций в идеологической работе РКП, в ее внутренней и внешней политике. В апреле 1964 г. руководство РКП открыто изложило свой «особый курс» в заявлении пленума ЦК

РКП «О позиции РКП по вопросам международного коммунистического движения». К этому времени в руководстве партией и страной при молчаливом согласии Георгиу-Дежа укрепилась группа националистически настроенных деятелей во главе с Чаушеску и Маурером. Особую роль в сплочении этой группы сыграл Чаушеску. Все его шаги к утверждению своей личности в качестве преемника Георгиу-Дежа (а Деж тяжело болел с 1961 г.) были этапами настойчивой борьбы за власть, которая выглядела как защита Дежа от нападков Хрущева или как действия волевого человека, отстаивавшего интересы страны в условиях усиливавшегося нажима на Румынию со стороны СССР и других социалистических стран, якобы пытавшихся удержать ее в качестве аграрно-сырьевого придатка в рамках СЭВ. В это поверили многие румыны, что вызывало у них негативную и болезненную реакцию.

Чаушеску, выступив организатором выполнения решений апрельского (1964 г.) пленума ЦК РКП, допускал грубые выпады против СССР, против руководителей Советского Союза на партийных активах в ходе развернувшейся антисоветской кампании. Она сопровождалась резким сокращением советско-румынских связей под тем предлогом, что в Румынии якобы длительное время «насаждалось преклонение перед СССР». Советский Союз обвинялся во вмешательстве во внутренние дела Румынии, в ее эксплуатации, посягательстве на территориальную целостность. Западная пропаганда одновременно подыгрывала румынским руководителям, восхваляя процессы так называемого «национального возрождения» и «дерусификации» в Румынии.

Чаушеску широко использовал свое положение секретаря ЦК по организационным вопросам для того, чтобы расставить своих сторонников в партийном и государственном аппарате. В их числе были представители молодого поколения, ставшие в 1965 г. секретарями

ЦК — Илие Вердец, Паул Никулеску-Мизил, Вирджил Трофин, Маня Мэнеску.

Таким образом, Чаушеску заблаговременно подготовил почву для своего избрания после смерти Георгиу-Дежа на пост Первого секретаря ЦК РКП. Перед мартовским (1965 г.) пленумом ЦК РКП и на самом пленуме, он, используя для закулисной обработки членов ЦК выдвинутых им на ответственную работу людей, сумел добиться своей цели. Чаушеску сумел также заручиться поддержкой части «старой гвардии» — И.Г. Маурера, К. Стойки и др.

Умиравший Георгиу-Деж называл своим самым желанным преемником лидера румынских профсоюзов Георге Апостола. Правда, поначалу Георгиу-Деж предлагал кандидатуру Маурера на пост Первого секретаря ЦК. Неизвестно, что произошло в действительности, но по официальной версии, Маурер отказался, объясняя это тем, что он по отцу немец, а по матери француз, и что поэтому его кандидатура может не найти решающей поддержки среди коммунистов и всей общественности Румынии.

Маурер предложил кандидатуру Чаушеску. Георгиу-Деж все же настаивал на кандидатуре Апостола. Когда об этом было объявлено всем членам Политбюро, против кандидатуры Апостола решительно выступил министр внутренних дел Дрэгич и, более осторожно, Чаушеску, сделав ловкий ход: он предложил отложить решение вопроса о лидере партии до более удобного случая, намекая на близившуюся кончину Дежа. Чаушеску выиграл время и хорошо подготовил сражение за кресло руководителя государства. 22 марта 1965 г. пленум ЦК РКП избрал Первым секретарем ЦК РКП Николае Чаушеску.

После IX съезда РКП (июль 1965 г.) стали усиливаться позиции руководящего ядра, группировавшегося вокруг Чаушеску. Люди, близкие к Чаушеску, были поставлены на ключевые посты в партийном и госу-

дарственном аппарате, введены в состав Исполкома и Постоянного президиума ЦК РКП.

Одновременно слабели позиции представителей старшего поколения, пользовавшихся большим авторитетом и влиянием при жизни Георгиу-Дежа. Уже на национальной конференции 1967 г. К. Стойка, Г. Апостол, А. Бырлэдяну были переведены на менее важные участки работы, а А. Дрэгич на апрельском пленуме 1968 г. был снят со всех постов по обвинению в нарушении законности.

В целях повышения популярности и авторитета Чаушеску стала проводиться частичная реабилитация пострадавших ранее от политического произвола людей. Новый генсек стремился нажить политический капитал, не брезгуя никакими средствами. Он критиковал сделанные в прошлом ошибки Дежа, проводил косметические меры по либерализации в области экономики, спекулировал на стремлении румынского народа к независимости и суверенитету.

Все четче проявлялась линия Чаушеску на дистанцирование от Советского Союза, демонстративно подчеркивалась особая позиция румын среди стран Варшавского Договора.

Уже через несколько лет многим стало ясно, что под крикливыми лозунгами защиты независимости Румынии велась борьба за утверждение диктатуры, что под предлогом борьбы с внешним врагом была ликвидирована всякая демократия, в стране воцарилась тоталитарная система.

Чаушеску стал в полной мере проявлять все свои истинные качества: беспощадность, коварство, некомпетентность в руководстве. В стране усиливалась напряженность, ущемлялись права граждан. По приказу Чаушеску спешно расстреливали высших офицеров румынской армии за якобы тайную связь с советским военным атташе. Каждый румын обязан был сообщать о мимолетном даже разговоре с советскими людьми, в

противном случае его ждала тюрьма на многие годы. Женатых на русских женщинах румын заставляли расторгнуть брак, бросать семьи и детей. Непокорных смещали с должностей, брали только на низкооплачиваемую работу.

Чаушеску устроил настоящий террор против всего русского. Его режим пытался умалить значение советской помощи Румынии в годы войны и послевоенного мирного строительства, вытравить из сознания молодого поколения все, что связано с Советским Союзом. К примеру, румыны перестали участвовать в традиционном международном фестивале солдатской песни в Москве.

На Западе Чаушеску снижал репутацию выдающегося политического деятеля. Ему устраивали пышные встречи. Румынии предоставляли кредиты, статус наибольшего благоприятствования. Румынского диктатора пытались использовать в качестве противовеса Москве, представить его политику как курс, отличный от курса других стран Варшавского Договора. Именно поэтому Чаушеску охотно принимали в Англии, Франции, США.

Внутри страны Чаушеску продолжал осуществлять кадровые перестановки. Старые члены руководства партии не поддерживали отдельные мероприятия ЦК РКП в области внутренней и внешней политики. Не все были согласны с его линией на конфронтацию с другими коммунистическими и рабочими партиями, не одобрили демонстративный уход делегации РКП с консультативной встречи в Будапеште в феврале 1968 г.

На национальной конференции РКП (декабрь 1967 г.) было признано целесообразным совмещение в одних руках партийных и государственных постов. Генеральный секретарь ЦК РКП Чаушеску был избран и Председателем Государственного совета республики. Одновременно устанавливался принцип двойного подчинения местных органов государственной админис-

трации: первые секретари уездных комитетов РКП становились одновременно и председателями исполкомов уездных народных советов. Все общественные организации трудящихся Румынии были объединены во Фронт социального единства (позже переименованный во Фронт демократии и социалистического единства). Возглавил единую организацию сам Чаушеску.

Стремление Чаушеску завоевать особое положение в партии и стране отчетливо проявилось на X съезде РКП (1969 г.). Именно с этой целью в устав было внесено изменение, в соответствии с которым Генеральный секретарь РКП избирался не пленумом ЦК, а непосредственно съездом партии. Тем самым подчеркивалась неподотчетность его не только постоянному президиуму и Исполкому, но, по сути дела, и Центральному Комитету партии.

Одновременно для предотвращения возможности оппозиции в составе Постоянного президиума и Исполкома, значение которых и без того было серьезно снижено, Чаушеску провел их чистку, в первую очередь среди «старой гвардии». В частности, Г. Апостола, обвиненного в моральном разложении, не избрали в ЦК, а потом отправили послом в Аргентину. К. Стойка, не вытерпев травли, покончил с собой.

Чтобы обеспечить лояльность членов руководства, диктатор хранил у себя досье с компроматом на каждого из них. Собранная информация использовалась для оказания давления на непокорных.

После X съезда РКП Чаушеску стал отодвигать на второй план и деятелей, при поддержке которых он в свое время возвысился. Стремясь преодолеть внутриполитические затруднения и создать условия для упрочения своих позиций, Чаушеску усилил начавшийся еще в 1967 г. процесс слияния партийного и государственного аппарата, проводил в строгой секретности непрерывные перестройки партийных и государственных органов, а также кадровые перестановки в высшем

и среднем руководящем звене. Этим он добился того, что руководящие работники находились в состоянии неуверенности в своем будущем, в постоянном напряжении. Это подавляло инициативу, порождало боязнь открыто высказывать свое мнение, способствовало распространению подхалимажа и угодничества.

Многие кадровые перемещения объяснялись не только наличием расхождений, касающихся политического курса, но и такими чертами диктатора, как крайнее властолюбие, нетерпимость к мнению других, болезненная подозрительность в отношении возможных соперников. Чаушеску стремился не допустить занятия кем бы то ни было слишком влиятельного положения, длительного пребывания во главе одного и того же руководящего органа.

Ликвидировав постоянный президиум ЦК, Чаушеску добился еще большего снижения роли и значения других руководящих деятелей РКП. Разрыв между ним и всеми остальными деятелями партии и государства все увеличивался. Коллективное обсуждение и решение важнейших проблем в жизни партии и страны ушло в прошлое. Роль Политисполкома ЦК РКП практически сводилась лишь к формальному одобрению предложений и указаний Чаушеску без действительно глубокого и делового их обсуждения. Все эти меры диктатор предпринимал с целью укрепления своего положения как «единственного вождя нации», официального оформления режима единоличной власти. Не в последнюю очередь, осуществляя крупные кадровые изменения, Чаушеску стремился подавить недовольство среди руководящего звена. С этой целью, особенно в последние годы, он участил и без того частые чистки, перестановки, структурные реорганизации в руководстве партии, направленные на усиление централизации власти и беспрекословной дисциплины. Были введены различного рода присяги на верность и преданность как по партийной, так и по государствен-

ной линиям, приняты многочисленные законы и административные меры по обеспечению государственной безопасности, секретности, ограничению контактов с иностранцами.

Для защиты своего режима Чаушеску создал мощный аппарат репрессий и всеобъемлющего контроля за мыслями и повседневными действиями румынских граждан. Всякие проявления оппозиционных настроений, нежелательного вольнодумства пресекались в самом зародыше. Аппарат госбезопасности с каждым годом увеличивался, росло количество тайных агентов, осведомителей в учреждениях, на предприятиях, были созданы центры по прослушиванию телефонных переговоров, перлюстрации почты. Работали стационарные и сотни мобильных единиц прослушивания. Они действовали даже в монастырях, куда заглядывали иностранцы. Велась слежка за всеми членами Политбюро ЦК РКП и их женами.

Особые меры безопасности принимались для охраны диктатора, его жены, других членов клана. Уже после революции выяснилось, что в учреждениях, гостиницах, жилых домах, расположенных вдоль трасс, по которым передвигался обычно кортеж машин диктатора, были оборудованы специальные помещения, в которых сидели в засаде вооруженные члены «секуриitate» — диктаторской охраны и тайной службы.

«Дворец весны» семьи Чаушеску был связан подземными тоннелями с другими зданиями и двумя тайными аэродромами в окрестностях Бухареста. В этот дворец на берегу озера Херэстрэу можно было попасть только по специальному приглашению, и обязательно имея медицинское свидетельство: супруги Чаушеску и их наследники страшно боялись любой инфекции. Диктаторская чета располагала 115 комнатами. По внутреннему убранству эти хоромы не уступали многим музеям: антикварная мебель, отборный паркет, мраморные камины, гобелены, картины. Множество хрусталя

и зеркал. Все эти богатства выглядели кощунственно на фоне голода и холода, в которых жил народ.

Двести отборных агентов «Секуритате» день и ночь охраняли двухэтажный дворец с противоатомным бункером в глубоком подземелье.

Уродливые формы приобрел культ личности Чаушеску, «самого любимого сына румынского народа». Любые мероприятия связывались угодливой пропагандой не с деятельностью народа, РКП, а с личностью диктатора. Ему приписывались все действительные и мнимые успехи в социалистическом строительстве, подчеркивались его «особые» заслуги в поднятии международного авторитета Румынии. Большая пропагандистская шумиха поднялась вокруг издания за рубежом биографий, сборников речей и выступлений Чаушеску. Интересно отметить, что сам диктатор воспринимал это как должное, более того, ему нравились назойливые проявления культа его персоны. Он любил, чтобы его встречали огромные толпы людей, радостно приветствующие своего правителя.

Правда, он не знал или делал вид, что не замечает, как часто «бурные приветствия» звучали из специально замаскированных динамиков, а люди стояли с закрытыми ртами. В последние годы стал процветать и культ личности Елены Чаушеску. Ее величали «выдающимся ученым с мировым именем», «видным деятелем коммунистического движения». На митингах и демонстрациях выставлялось примерно одинаковое количество портретов Николае и Елены Чаушеску, к ней с верноподданническими словами обращались все ораторы.

Начавшийся еще в 1965 г. процесс концентрации всей власти в руках диктатора нашел свое завершение и конституционное оформление в избрании в 1974 г. Чаушеску на пост президента республики.

Чаушеску подчинил себе полностью не только руководство, но и всю партию. РКП превратилась в послушное орудие в руках диктатора, стала инструментом по-

литической демагогии и лжи, использовавшихся в качестве метода управления народом. У румынского общественного мнения РКП прямо отождествлялась с диктаторским режимом Чаушеску.

Захватив в свои руки командные посты в партии и государстве, Чаушеску все больше опирался на своих близких и дальних родственников. Они заняли высокие посты в партии, армии, МВД, профсоюзах, молодежных организациях, Госплане, средствах информации. Можно сказать, что страной правил клан Чаушеску, состоявший из 40 человек.

Главным и единственным советником Чаушеску во всех государственных и партийных делах являлась его жена Елена Чаушеску. Черствая, малограмотная, но чрезмерно честолюбивая женщина, она возглавила центральный институт химических исследований, а затем была избрана академиком, для чего пришлось заменить тайное голосование открытым. Она являлась членом Политисполкома ЦК РКП, первым заместителем премьер-министра, председателем Национального совета по науке и образованию, была вторым по значению лицом в партии и государстве. Ее работы «ученого с мировым именем», написанные сотрудниками института, которым она руководила, издавались во многих странах. О безграмотности «академика» Елены Чаушеску в Румынии рассказывали много анекдотов. Она не могла прочитать простейшие химические формулы, писала со многими грамматическими ошибками. Когда Е. Чаушеску сдавала экстерном экзамены за курс учебы в политехническом институте (имея четырехклассное образование), то экзаменационная комиссия вынуждена была отказаться от вопросов не только по вузовской программе, но и по программе средней школы. Ее знания соответствовали уровню начальной школы, да и то на многие элементарные вопросы она не смогла ответить.

Елена Чаушеску заранее составила эпитафию для

своего надгробия. После перечисления всех ее многочисленных титулов следовали слова: «Самая почитаемая и любимая дочь румынского народа». Любимцем семьи был старший сын Нику. Обязанности кандидата в члены Политисполкома ЦК РКП, секретаря уездного комитета партии, не помешали ему широко прославиться как гуляке, игроку и отпетому пьянице. Его сожительница Полиана Кристеску много лет руководила воспитанием пионеров. Страсть Нику к любовным утехам и роскоши разделяла его сестра Зоя-Елена. А вот Валентин, старший сын четы Чаушеску, был значительно скромнее. Рассказывают, что отец одно время был страшно зол на него за то, что Валентин, учившийся в Оксфорде под чужой фамилией, завел роман с дочерью бывшего румынского монарха короля Михая. Недоучившись в Англии, он вернулся в Румынию, был назначен директором института ядерной физики и благодаря личным качествам сумел снискать искреннее уважение подчиненных.

Своему брату, генерал-лейтенанту Илие Чаушеску, диктатор доверил должность заместителя министра национальной обороны, начальника высшего политического совета армии. Другой брат Николае — Ион Чаушеску — госсекретарь Госплана в ранге министра. Барбу Петреску — родной брат Елены — был первым секретарем Бухарестского муниципального комитета партии. Этот список можно продолжать очень долго. Вся свора родственников диктатора бессовестно обворовывала страну.

Клан диктатора располагал 21 дворцом, 40 резиденциями в провинциях, 20 охотничьими домами. В личном распоряжении Чаушеску была специальная хозяйственная организация при ЦК РКП «Карпацы», в которой объединялись 60 предприятий с годовым оборотом в 16 миллиардов лей и прибылью в 2 миллиарда лей и 220 миллионов долларов. Эта организация имела в своем распоряжении 50 тысяч гектаров обрабатываемых

земель. Она ежегодно производила 40 тыс. тонн мяса, 20 тыс. тонн молока, 40 миллионов штук яиц.

Миллионы лей и долларов, заработанных трудом румынских рабочих и крестьян, шли на приобретение драгоценностей для диктаторского клана, текли на счета в западных банках.

Финансовые махинации Чаушеску, которые принесли ему баснословные богатства, иногда называют «ограблением века». Диктатор ограбил свой народ. Чаушеску до свержения успел вывезти из Румынии 8 миллиардов долларов. Известно, что в банках Швейцарии на счету Чаушеску находилось 427 миллионов долларов, однако более значительные суммы переводились на счета должностных лиц и коммерческих организаций. В валютных аферах Чаушеску было задействовано свыше полусотни румынских внешнеторговых организаций, имевших возможность манипулировать валютой под прикрытием и руководством «секуритате».

Таким образом, социализм в отдельно взятой стране в интерпретации Чаушеску превратился в коммунизм для одной отдельно взятой семьи.

Чаушеску не терпел никаких советов и пожеланий со стороны других деятелей РКП, обращался с ними высокомерно, пренебрежительно. Не удивительно, что в окружении Чаушеску оставались только работники, выполнявшие любые его указания, люди, обязанные своим выдвижением лично диктатору, заслужившие его благоволение своим усердием в отстаивании и пропаганде «особого» политического курса и в раздувании культа личности диктатора.

Несмотря на систему тоталитаризма, установившуюся в стране, находились люди, способные выступить против режима, и находились не только в руководстве. Программа форсированной индустриализации, проводившаяся в значительной мере за счет сдерживания роста жизненного уровня населения, вызывала растущее недовольство трудящихся, которое иногда пони-

мало и открытые формы. Были и забастовки на ряде предприятий, и беспорядки в шахтерских поселках. Но чаще недовольство носило пассивный и неорганизованный характер, проявлялось в отсутствии трудового энтузиазма, снижении производительности труда и трудовой дисциплины. Такие настроения были характерными для рабочих и служащих. Что касается крестьянства, то его в меньшей степени коснулись меры социально-экономического характера, вызывавшие недовольство в городе (жилищное законодательство, перебои в снабжении продовольствием, пенсионное обеспечение горняков и т. д.). В то же время из-за своего более низкого политического и культурного уровня оно было склонно винить в существующих трудностях не высшее, а местное руководство.

С 80-х годов возрастание концентрации власти в руках Чаушеску уже не приводит к упрочению стабильности режима. Недовольство существующими в стране порядками, плохим продовольственным снабжением росло с каждым днем. В городах начали появляться антиправительственные листовки с призывами свергнуть Чаушеску и его клан, а в ноябре 1987 г. вспыхнул известный «хлебный бунт» в Брашове, жестоко подавленный диктаторским режимом. Еще раньше недовольство стали проявлять военные. В 1984 г. генералы В. Милитару и И. Ионице предприняли попытку антиправительственного переворота. Эпицентром заговора должен был стать стадион — в день большого футбольного матча при огромном стечении жителей Бухареста.

В план заговорщиков входил захват радио и телевидения, с помощью которых восставшие генералы намеревались обратиться к народу с воззваниями поддержать армию. Вся подготовительная работа была проведена с соблюдением строгой секретности и конспиративности. Даже сверхбдительные агенты «секуритате» не заподозрили неладного. Заговорщики, гла-

вари которых находились в здании министерства, не обращались за иностранной помощью, надеясь справиться с задачей собственными силами. Однако произошла осечка. Механизированный полк, который по замыслу заговорщиков должен был нанести «таранный удар», за день до намеченного переворота был переброшен в провинцию — на срочные сельскохозяйственные работы.

С середины 80-х участились случаи отказа возвращаться на родину из зарубежных поездок ученых, писателей, спортсменов. Бежала на Запад знаменитая гимнастка Надя Комэнечи. Многие венгры, проживавшие в Трансильвании и недовольные своим положением, искали убежища в Венгрии.

В экономике при режиме Чаушеску доминировали консервативно-догматические подходы, все держалось на волевых, зачастую неграмотных решениях диктатора. Официальная статистика рисовала исключительно благополучную картину. По темпам роста промышленного производства Румыния опережала все страны мира. Однако реальность была другой — цифры подгонялись под желания, высказанные диктатором. За годы последней пятилетки индустрия работала с нулевым приростом.

Экономика страны на протяжении 80-х годов находилась в состоянии стагнации. Провалились амбициозные программы модернизации и интенсификации производства, повышения качества и конкурентоспособности продукции. Страдая гигантоманией, Чаушеску любыми средствами стремился вывести Румынию в число ведущих индустриальных держав. Это привело к созданию потенциала, который превышал реальные возможности страны. Были построены многие нерентабельные индустриальные гиганты, не обеспеченные энергией и сырьем.

Неэффективно велась инвестиционная политика, приводившая к неоправданной трате огромных средств.

Основные капиталовложения делались по указанию диктатора в металлургию и машиностроение, т. е. в отрасли, потребляющие много энергии и сырья, нуждающиеся во все возрастающем количестве рабочей силы. Благодаря большому импорту современной технологии в 70-х годах Румыния по перечню продукции машиностроения почти сравнялась с Францией. Это был результат безграмотного планирования Чаушеску, который вообразил, что бывшие крестьяне, став к станку, смогут выпускать продукцию на уровне мировых стандартов. А ведь основной задачей огромных заводов был выпуск продукции на экспорт. Для реализации своих несбыточных планов Румыния импортировала железную руду, кокс из Бразилии, Индии и даже Австралии. При этом стоимость перевозок настолько удорожала стоимость румынских станков, что страна несла убытки при их экспорте. Да и производимый металл был в основном низкого качества, и его продажа на внешнем рынке не покрывала всех затрат на производство. До такого же катастрофического состояния была доведена нефтеперерабатывающая и нефтехимическая промышленность. Ощутимая зависимость от капиталистического рынка привела к тому, что в начале 80-х годов внешняя задолженность Румынии Западу достигла 10,2 млрд. долларов. Полученные кредиты не были эффективно использованы для структурной перестройки и модернизации экономики, создания солидного экспортного потенциала. Выплата долгов осуществлялась путем сокращения импорта при параллельном увеличении экспорта, в том числе и товаров, остро необходимых для внутреннего употребления, таких как продовольствие, нефтепродукты и др. Продажа проводилась зачастую по демпинговым ценам.

В марте 1989 г. Чаушеску торжественно объявил, что внешняя задолженность погашена досрочно и Румыния, таким образом, «является единственной страной в мире, полностью выплатившей свой внешний долг». Всего

зарубежным кредиторам за период с 1975 по март 1989 гг. было выплачено 21 млрд. долларов.

Выплата долгов нужна была Чаушеску для поднятия авторитета и, кроме того, служила оправданием политики «затягивания поясов», введения жестких ограничений в снабжении населения газом, электроэнергией, отоплении жилых и служебных помещений. Все это, и особенно перебои в продовольственном снабжении, вызывало растущее недовольство населения.

Холодные квартиры, в которые лишь на несколько часов подавались газ и горячая вода, неосвещенные по ночам улицы городов, магазины, работавшие только при дневном свете, пустые мясные лавки, овощные базары, нескончаемые очереди автомашин у заправочных бензоколонок — такое наследство оставил стране режим Чаушеску. Диктатор под предлогом заботы о населении страны принял ряд непопулярных декретов. В соответствии с ними вводились нормы отпуска на основные продукты питания, ограничивались цены на крестьянском рынке, запрещались аборты. Специальный закон обязал всех партработников, управленческий аппарат, специалистов проживать на территории того района, где они работали. Негативную реакцию среди кадровых офицеров вызывало использование армии на стройках «эпохи Чаушеску». Вместо боевой подготовки армия строила каналы, ирригационные системы, железнодорожные и шоссейные магистрали, солдаты работали в шахтах. У крестьян-кооператоров отбиралась почти вся произведенная продукция, были урезаны приусадебные участки.

Особое недовольство населения и протесты в соседних странах вызвала программа систематизации территории городов и сел, официально предусматривавшая в кратчайшие сроки создать новый социалистический облик страны, обеспечить сближение условий жизни и труда людей в городе и деревне. На деле, однако, эта программа обернулась бы ликвидацией примерно полови-

ны из существующих в стране деревень, вместо которых должны были быть возведены агропромышленные комплексы — многоэтажные поселки с символическими огородами, с палисадниками перед окнами.

Несмотря на все усилия, румынская экономика в 80-е годы не могла адекватно реагировать на изменения внутренних и внешних условий.

Чаушеску мечтал о том, чтобы Румыния стала центром мировой политики. Лично себя он видел главной политической фигурой и лидером движения неприсоединения. Он пытался выступать посредником в конфликтах между различными странами, стремился лавировать между крупными державами, блоками. Почти за четверть века нахождения у власти диктатор совершил свыше двухсот пятидесяти официальных визитов в зарубежные страны и принял в Румынии более 300 руководителей иностранных государств.

Неизменным оставался антисоветизм Чаушеску, который он вынужден был маскировать, так как для устранения серьезных экономических трудностей нуждался в дальнейшем расширении сотрудничества со странами СЭВ, и не в последнюю очередь с Советским Союзом.

Его независимый от других стран Варшавского Договора внешнеполитический курс в последние годы не находил такого безоговорочного одобрения как раньше. Чаушеску стал объектом всеобщей острой критики, политического бойкота, так как его позиция сдерживала конструктивное развитие общеевропейского процесса, реализацию совместных акций в области разоружения. Он пытался солидаризоваться на антиперестроечной платформе с прежними руководителями ГДР и Чехословакии, однако одиозный характер режима Чаушеску вызвал только углубление его международной изоляции.

Румыния стала камнем преткновения на пути Хельсинкского процесса. Для режима личной власти Чау-

шеску оказались неприемлемыми многие предложения и инициативы, направленные на развитие свободных обменов, на демократизацию отношений между государствами. Жесткая, догматическая позиция по правам человека, гуманитарного сотрудничества, полное неприятие тезисов о деидеологизации межгосударственных отношений обернулись кризисом внешней политики.

Чаушеску подверг обструкции Венскую встречу, Парижскую конференцию по химическому оружию, 45 сессию ООН по правам человека, совещание в Софии по проблемам окружающей среды.

У него в последние годы сложились напряженные отношения как с некоторыми западными странами, так и с Венгрией, Болгарией, Югославией, Польшей и Советским Союзом. Противясь всему новому, он долгое время замалчивал перемены в Советском Союзе, других восточно-европейских странах, а затем откровенно выступил против «революций» в Восточной Европе. Даже во второй половине 1989 г. он еще пытался удержать страну, РКП в стороне от преобразований, происходивших в соседних странах. XIV съезд РКП, состоявшийся всего за месяц до восстания, был назван пропагандой «съездом великих побед, торжества социализма, полного проявления независимости и суверенитета Румынии» и прошел в атмосфере безудержного восхваления «героя из героев», «любимого сына нации», «титана мысли» Чаушеску.

Доклад Чаушеску на съезде продолжался 6 часов. И в течение этого времени, как подсчитали находившиеся в зале иностранные журналисты, президиум съезда и делегаты 60 раз вскакивали с места и рукоплескали оратору. К концу выступления, когда волна аплодисментов стала нарастать, главы некоторых иностранных делегаций, сидевших в президиуме, настолько выдохлись, что не могли подняться с мест. Кстати, чтобы не портить картину, Чаушеску не стал оглашать список при-

сутствующих гостей: представители Венгерской социалистической партии, Итальянской компартии, Компартии Австрии на съезд не приехали. От гостевых мест отказались послы государств НАТО. Чаушеску распорядился на всякий случай закрыть границы с Венгрией и Югославией, а некоторым недружественно настроенным журналистам запретил пересечение румынской границы.

Казалось, что правление диктатора будет еще долгим. Время как будто остановилось в Румынии. Но что-то надломилось в настроении народа, и в декабре 1989 г. совершенно неожиданное для наблюдателя со стороны восстание уничтожило режим Чаушеску.

В г. Тимишоаре широко развернулись студенческие демонстрации. Участники акций протеста врывались в книжные магазины и устраивали на улицах костры из портретов «вождя», многочисленных томов его сочинений, «научных трудов» Елены Чаушеску. 17 декабря на экстренном совещании в Бухаресте Чаушеску отдал приказ армии и внутренним войскам стрелять в восставших. На следующий день диктатор отправился с визитом в Иран, оставив во главе государства свою супругу, но через два дня ему пришлось досрочно вернуться.

20 декабря 1989 г. в 19.00 по местному времени Чаушеску выступил по телевидению. Около 20 минут он говорил о событиях в Тимишоаре. Из его речи вытекало, что «воинские части были вынуждены защищаться, когда на них напали хулиганствующие элементы». Затем следовала обычная в таких случаях ссылка на «империалистические, реакционные, шовинистические круги и шпионские службы». Во время выступления диктатора в Тимишоаре продолжалась расправа с демонстрантами. Достоверные, точные сведения о погибших назвать трудно. Одна из фигурировавших цифр — 5 тысяч человек, в том числе 800 детей.

После телевизионного выступления Чаушеску приказал организовать «патриотический митинг» на одном

из крупных столичных предприятий. На этом митинге, целью которого была «демонстрация поддержки режима рабочим классом», началась декабрьская революция в Румынии. Речь Чаушеску была прервана группой студентов, которые взорвали принесенные с собой петарды. Затем демонстранты порвали портреты супругов-диктаторов. События на заводском митинге стали сигналом восстания в Бухаресте.

В 8 утра 22 декабря вертолеты разбросали над Бухарестом листовки: «Румыны! Через три дня мы празднуем Рождество. Не лучше ли отпраздновать его дома, спокойно?» Власти, похоже, не теряли надежду, что все обойдется.

В 11 часов радио передало сообщение: «Министр национальной обороны Василе Миля действовал как предатель против суверенитета и независимости Румынии, и, поняв, что разоблачен, покончил жизнь самоубийством». Этому сообщению никто не поверил. В действительности В. Миля стал жертвой расправы. Его убили за отказ двинуть войска против народа. Известие о таинственной смерти министра обороны склонило армию на сторону народа. Многие военачальники поняли, что завтра их может постигнуть участь министра.

К полудню ситуация резко изменилась: повсюду началось братание демонстрантов и солдат. Выкрикивая лозунги «Армия с нами», «Мы народ!», люди залезали на танки и бронетранспортеры. Боевая техника развернулась в сторону Дворцовой площади.

Многотысячная толпа, сопровождаемая танками и бронетранспортерами, двинулась к зданию ЦК, к зданиям радио и телевидения. Восставшие ворвались в кабинет Чаушеску, но застали там лишь его двойника. Самому Чаушеску удалось скрыться. Он и Мадам Елена успели бежать на персональном вертолете, дежурившем на крыше президентского дворца.

В 15.00 телевидение сообщило: супруги Чаушеску обнаружены на военном аэродроме в городе Титу, близ

Бухареста. Здесь они пересели в автомашину марки «Дачия» и находятся рядом с автострадой №6. Армии отдан приказ о задержании. Примерно через полчаса новое сообщение: супруги Чаушеску задержаны в Тырговиште, в 70 километрах от столицы.

Верные диктаторам агенты «секуритате» попытались взять штурмом здание, где находились арестованные, Чаушеску пытался подкупить охрану, пообещав 5 миллионов долларов, затем увеличив наградную сумму. Чета Чаушеску больше всего боялась, что они могут стать жертвой толпы, собравшейся перед зданием милиции в городе Тырговиште, куда они были привезены после задержания повстанцами — думали, что их готовят линчевать.

На Рождество (25 декабря) они предстали перед поспешно созванным судом военного трибунала. Суд приговорил Николае и Елену Чаушеску к расстрелу за тяжкие преступления против румынского народа. Их обвинили в гибели 60 тысяч румын и присвоении более миллиарда долларов, переведенных в иностранные банки. Приговор был приведен в исполнение немедленно.

ЛИТЕРАТУРА

Исследовательская литература и справочники

Агаев С.Л. Иран: рождение республики. М., 1984.

Агаев С.Л. Рухолла Мусави Хомейни. // Вопросы истории. 1989. №6.

Аксельрод А., Филлипс Ч. Диктаторы и тираны: В 2 т. Смоленск, 1997.

Аудзио В. Именем итальянского народа. М., 1982.

Балезин А. С. У великих африканских озер. М., 1989.

Беладди Л., Краус Т. Сталин. М., 1990.

Белоусов Л. С. Бенито Муссолини: политический портрет // Новая и новейшая история. 1991. №5–6.

Белят М. Никарагуа: портрет в черно-красных тонах. М., 1987.

Бочаров В.В. Власть, традиции, управление (Тропическая Африка). М., 1992.

Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники. М., 1990.

Бурлацкий Ф.М. Мао Цзедун и его наследники. М., 1980.

Васильев А.М. Мост через Босфор: Изд. 2-е. М., 1989.

Васильев А.М. Трудный перевал: путешествия по странам Востока. М., 1977.

Вознесенский В.Д. Кобурги в Болгарии // Новая и новейшая история. 1992. №3.

Вознесенский В.Д. Кризис монархо-фашистской власти в Болгарии в 1943 г. // Новая и новейшая история. 1986. № 6.

Гавриков Ю.П. Куба: страницы истории. М., 1979.

Голубев В. Ни вправо, ни влево, а движение в собственном направлении // О них говорят. М., 1991.

Гонионский С.А. Гаитянская трагедия. М., 1974.

Гонионский С.А. Новейшая история стран Латинской Америки. М., 1964.

Дементьев Ю.П. Кампучия: крах маоистского эксперимента. М., 1979.

Жаров В.А. Официальные идеологические доктрины Индонезии, Малайзии и Филиппин. М., 1985.

Желицки Б.И. Регент Венгрии Миклош Хорти (1868–1957) // Новая и новейшая история. 1996. №2–3.

Зорбалас Ставрос. Неофашизм в Греции (1967–1974). М., 1981.

Имена в истории: краткий биографический справочник. Мн., 1993.

Исаев П.М. Индокитайская хроника: Вьетнам, Лаос, Кампучия: трудные дороги борьбы и созидания. М., 1987.

История Кореи. С древнейших времен до наших дней. Т. 2. М., 1974.

История Румынии. 1918–1970. М., 1971.

Кампучия: жизнь после смерти. М., 1985.

Кин Ц.И. Итальянский ребус. М., 1991.

Кин Ц.И. Начало итальянского фашизма: Бенито Муссолини, социально-психологический портрет // Вопросы философии. 1988. №11.

Китай: История в лицах и событиях. М., 1991.

Классы, партии и политика в развивающихся странах Востока. М., 1988.

Космач Г.А., Космач Е.Н. Трагедия кумиров революции. Мн., 1994.

Костин В.Г. Доминиканская республика. Справочник. М., 1985.

Корея: История и экономика (сб. статей). М., 1958.

Королев Ю.Н., Кудакчин М.Ф. Латинская Америка: революции 20 в. М., 1986.

Лебедев Н.М. Крах фашизма в Румынии. М., 1978.

Левтонова Ю.О. Эволюция политической системы современных Филиппин. М., 1985.

Леонов Н.С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975.

Лопухов Б.Р. История фашистского режима в Италии. М., 1977.

Мазуров В.М. Создание антинародного режима в Южной Корее (1945–1950). М., 1963.

Мазуров В. М. Южная Корея и США (1950-1970). М., 1971.

Мазуров В.М., Синицын Б.В. Южная Корея: драматическое перепутье. М., 1963.

Макаренко В. А. Фердинанд Маркос — политический портрет с дамой // Народы Азии и Африки. 1990. №5.

Машкин В.К. Разглашению подлежит! М., 1985.

Монархи Европы: судьбы династий. М., 1997.

Мосяков Д.В. Кампучия: особенности революционного процесса и полпотровский «эксперимент». М., 1986.

Наленч Д., Наленч Т. Юзеф Пилсудский: легенды и факты. М., 1990.

Нитобург Э.Л. Фульхенсио Батиста // Вопросы истории. 1993. №6.

Овсянин П. Конец режима Муссолини. М., 1965.

Пайцова А.В. Лев Давидович Троцкий // Вопросы истории. 1990. №5.

Парсаданова В. С. Пилсудский // Вопросы истории. 1996. №4.

Пожарская С.П. Генералиссимус Франко и его время // Новая и новейшая история. 1990. №5.

Пожарская С.П. От 18 июля 1936 г. — долгий путь. М., 1977.

Потапов В.И. Судьба диктатора Чаушеску // Новая и новейшая история. 1990. №4.

Пруссаков В. Окультизм и его рейх. М., 1992.

Пушкаш А.И. Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966.

Пушкаш А. И. Возникновение и крах фашизма в Венгрии // Новая и новейшая история. 1970. №№3,5.

Розалиев Ю.Н. Мустафа Кемаль Ататюрк // Вопросы истории. 1995. №8.

Сагоян Л.Ю. Центральнаяафриканская Республика. Справочник. М., 1989.

Скворцов В.Н. Кампучия: спасение свободы. М., 1980.

Современный Иран. Этапы и особенности революционного процесса. М., 1984.

Сория Ж. Война и революция в Испании: В 2т. М., 1987.

Социалистическая республика Румыния. Справочник. М., 1984.

Сталин. Рузвельт. Черчилль. Де Голль: политические портреты. Мн., 1991.

Такер Р. Сталин: путь к власти (1979–1929). М., 1991.

Ториэльо Г. Г. Гватемала: революция и контрреволюция. М., 1983.

Тропическая Африка: от авторитаризма к политическому плюрализму? М., 1996.

Филатов Г.С. Последние дни Муссолини // Новая и новейшая история. 1965. №2–3.

Хормач И.А. Итальянская агрессия в Эфиопии в 1935–1936 гг. и позиция СССР. // Россия, СССР и международные конфликты первой половины 20 века. М., 1989.

Черная Л. Коричневые диктаторы. М., 1992.

Чичкин А. Энвер Ходжа: эпоха и личность // Молодая гвардия. 1993. №3,7.

Шабшина Ф.И. Очерки новейшей истории Кореи (1945–1953). М., 1958.

Шемякин Я. Латинская Америка: традиции и современность. М., 1987.

Шульговский А.Ф. Армия и политика в Латинской Америке. М., 1979.

Ягья В. С. Хайле Селассие I // Вопросы истории. 1990. №10.

Периодические издания.

Агитатор. М.

Азия и Африка сегодня. М.

Аргументы и факты. М.

Бизнес. М.

Вокруг света. М.

Вопросы истории. М.

Вопросы истории КПСС. М.

Восток. Афро-азиатские общества. М.
Гудок. М.
Журналист. М.
За рубежом. М.
Иностранная литература. М.
Коммунист. М.
Комсомольская правда. М.
Латинская Америка. М.
Международная жизнь. М.
Международная экономика и международные отношения. М.
Молодой коммунист. М.
Народная Воля. Мн.
Народы Азии и Африки. М.
Наука и религия. М.
Независимая газета. М.
Новая и новейшая история. М.
Новое время. М.
Огонек. М.
Свобода. Мн.
Эхо планеты. М.

Научно-популярное издание

ВОЖДИ И ТИРАНЫ

Автор-составитель *Гришко Руслан Николаевич*

Ответственный за выпуск *Т. Г. Ничипорович*

OCR - Давид Титиевский, май 2017 г., Хайфа

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.11.98.

Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 31,92. Тираж 11 000 экз. Заказ 2531.

Фирма «Современный литератор». Лицензия ЛВ № 319

от 03.08.98. 220029, Минск, ул. Красная, 5—12.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.

220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».

220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

XX

ВЕК

16077

Вакци и тирфни 20-в век

20

17.01.99

5

>